А.И. Долгова

Преступность, ее организованность и криминальное общество

А.И. Долгова

Преступность, ее организованность и криминальное общество

Москва. 2003

Д-67.99(2)8

Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. М.: Российская криминологическая ассоциация. 2003.— 572 с.

В книге рассматриваются дискуссионные вопросы, касающиеся понимания преступности, ее взаимосвязи с другими социальными явлениями и процессами, развития в условиях глобализации. Приводятся результаты многолетних исследований изменений и региональных различий преступности. Значительное внимание уделяется организованной преступности, коррупции, терроризму. Исследуется и такой феномен, как криминальное общество. Приводятся результаты многолетних криминологических исследований автора и возглавлявшихся им коллективов криминологов.

В книге публикуются статистические данные о характеристиках преступности в России за длительный период: вторую половину XIX— начало XXI веков. Анализируется российское уголовное законодательство, его изменения, а также ряд международно-правовых документов, касающихся борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом.

Для юристов, философов, социологов, политологов и других читателей, интересующихся вопросами борьбы с преступностью..

Д — $\frac{1203021100}{030317 - 2003}$ без объявл. 67.99(2)8

ISBN 5-87817-036-1

© А.И. Долгова, 2003.
© Российская криминологическая ассоциация, 2003.

«Неуважение к социальному порядку всего резче выражается в своем крайнем проявлении — в преступлении...Каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, должен ли он причинять вред всем остальным, которые являются его заклятыми врагами, решается для него исключительно эгоистическим расчетом: что для него выгоднее.»

Ф. Энгельс

Предисловие

Последнее десятилетие XX века и начало XXI века стали не только в России, но и во всем мире временем триумфа преступной среды. Для исследователей-криминологов этот период оказался неоценимым с точки зрения уяснения того, что же такое преступность и каковы ее возможности не просто в противостоянии ориентированной на закон части общества, но и в наступлении на нее. Однако такое знание не может радовать, так как его цена — сотни тысяч жизней людей и их здоровья, искалеченные судьбы, унижение и попрание человеческого достоинства, разграбление национального богатства России, глумление над историей, ценностями, правом не только России, но и международного сообщества.

Можно ли было этого избежать? Думается, что можно и необходимо было это сделать. Криминология почти за полтора века своего относительно самостоятельного существования накопила немало данных о влиянии преступности на общественные отношения.

Если говорить о России, то специалистам в области экономики, социологии, криминологии и многим другим уже в конце восьмидесятых годов стало предельно ясно, что фактический характер преобразований стал таким, что речь шла не о реформах, а о глубокой трансформации российского общества[1] под влиянием, в том числе, и криминальных интересов, и криминологического негативизма, и криминологических иллюзий.

Декларировавшиеся цели и средства нередко подменяли истинные. Но, как это часто бывало в истории, громкие звуки призывных барабанов «реформаторов» заглушали голоса тех профессионалов,

---

[1] Показательно, что одна из книг Государственного университета - Высшей школы экономики, вышедших в 1999 г., называется « Проблемы социально-психологической адаптации населения в период трансформации общества». (М., 1999).

которые опирались в своих выводах и рекомендациях на познание закономерностей развития общества и различных социальных явлений, в том числе преступности. Рупор вкладывался в руки тех, кто, спекулируя своими учеными степенями и званиями, оправдывал проводившуюся политику. Это им предоставлялись эфирное время и полосы газет, журналов, это их заключения широко рекламировали и навязывали законодателям и общественному мнению, это, наконец, их протаскивали на государственные должности для непосредственнсй реализации проектов, принесших горе народам России, заставивших мир заговорить о всепроникающей «русской мафии» и назвать новый, «ельцинский», режим в России «криминально-синдикалистским».

Обоснованы ли такие оценки»? Что же произошло с преступностью и обществом в России? Что есть сама преступность как социальный феномен? Как она соотносится с обществом и как к ней должна относиться здоровая часть общества? Рассмотрению этих вопросов посвящена данная книга.

Автор осознает ограниченность знания о преступности и не претендует на бесспорность выводов и суждений. Проходит время, меняются общественные отношения, изменяется преступность и корректируются научные представления о них.

Книга отражает то представление о преступности в целом, организованной преступности, коррупции и терроризме, которое сложилось на основе материалов, полученных к началу XXI века[1].

Значительный вклад в исследования проблем преступности в России внесли: Аргунова Ю.Н., Астанин В.В., Ванюшкин С.В., Горбатовская Е.Г., Григорян В.А., Даниленко Н.Н., Дзюба Д.И., Евланова О.А., Емельянов А.С., Емельянова Л. В., Ильин О.С., Казаков Р.Ю., Королева М.В., Кривощекова Н.В., Кригер В.И., Козлов Ю.Г., Паненков А.А., Потапова О.Е., Растегаев А.А., Разинкин А.В., Серебрякова В.А., Хабалов В.И., Шумилкин В.А., Юцкова Е.М. Всем этим людям — особая благодарность.

---

[1] Большинство исследований, на которых базируются выводы, проведено под руководством автора сотрудниками отдела общих проблем криминологии и борьбы с преступностью, позднее – отдела проблем борьбы с организованной преступностью и терроризмом Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка, в том числе в сотрудничестве с членами Российской криминологической ассоциации из Архангельска, Владивостока, Воронежа, Владимира, Вологды, Волгограда, Красноярска, Иркутска, Хабаровска, Республики Дагестан, Чеченской Республики и других регионов России, а также в сотрудничестве с сотрудниками органов прокуратуры, внутренних дел, федеральной службы безопасности, федеральной службы налоговой полиции, таможенной службы при содействии судов, других государственных органов и ряда общественных организаций.

Исследователям и всем гражданам, связывающим будущее, свое и своих потомков, с Россией, можно пожелать не только быть всесторонне информированными о закономерностях преступности, но и активно предупреждать столь масштабные процессы криминализации общества, разных сфер его деятельности и различных социальных групп, которые отмечались в трагические для нее годы XX века.

В истории не было периодов наступления на организованную преступность без активной, инициативной позиции народа страны. Именно народ заставляет политиков принимать реальные и действенные меры по пресечению криминализации общественной жизни. К сожалению, до сих пор актуальны следующие слова Поля Лафарга: «Движение преступности интересует историков и философов,—я бы еще прибавил — политиков, но они слишком заняты своей карьерой и не интересуются научным исследованием движения и причин современной преступности». А без уяснения закономерностей преступности нельзя ждать точного и результативного реагирования на данное явление.

Главное в борьбе с преступностью – ее предупреждение на основе оздоровления трех составляющих: внешней для человека среды, характеристик самого человека, процессов взаимодействия среды и личности.

Глава 1. Преступность и ее проявления

§ 1. Преступность как криминологическая проблема

Прошло уже более века с тех пор, как криминология, изучающая закономерности преступности, выделилась в самостоятельную отрасль знания. Но до сих пор многие из ее положений несут на себе отпечаток подходов тех наук, знания которых были интегрированы криминологией. Это прежде всего касается понимания преступности.

Преступность — центральная проблема в криминологии. Криминология изучает закономерности *преступности*, в том числе ее характеристики, процессы ее детерминации, причинность, реакцию *преступности* на разного рода воздействия на нее, разрабатывает пути борьбы с *преступностью*.

Криминология стала самостоятельной наукой в то время, когда она, во-первых, занялась преступностью как массовым явлением[1], во-вторых, стала изучать самих преступников — лиц, совершающих преступления, в-третьих, начала рассматривать преступность в контексте общественных отношений, той среды, в которой рождаются, живут и действуют люди.

Для специалиста в области уголовного права центральным понятием, во всяком случае в России, остается преступление[2] и наказывается, по прямому смыслу закона, *преступление*. Так построена конструкция всех статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. Ст. 105 УК РФ гласит: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, — наказывается...», ст. 158 УК РФ — «Кража, то есть тайное хищение чужого имущества,— наказывается...». В то же время наказывается все-таки человек, преступивший уголовный запрет. Это он лишается свободы или освобождается от наказания, его обязывают загладить причиненный вред. При назначении наказания УК РФ обязывает учитывать данные не только о преступлении, но и о личности виновного. Справедливости ради можно отметить, что такова конструкция норм (наказывается деяние) в Уголовном кодексе Фран-

---

[1] Одно из значений слова «масса» — множество, большое число чего-либо. Как правило, о массе говорят, когда число каких-то явлений подлежит статистическому анализу, при котором выявляются определенные статистические закономерности.

[2] В соответствии со ст. 14 УК РФ «1. Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания. 2. Не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности.» (в ред. Федерального закона от 25.июня 1998 г. № 92-ФЗ).

ции[1] и ряда других государств. Но есть страны, уголовный закон которых более криминологичен и предусматривает, что наказывается все-таки не преступление, но лицо, его совершившее — преступник. Так, в § 211 Уголовного кодекса ФРГ говорится: «(1) Тот, кто совершает тяжкое убийство, наказывается пожизненным лишением свободы». И эта конструкция используется во всех других нормах Особенной части УК ФРГ.

Для криминолога *преступление* производно от характеристик и состояний: лица, которое его совершает, особенностей внешней для такого лица среды, а также от процессов взаимодействия характеристик такого лица и среды. Соответственно при совершении преступления устанавливается «вклад» в содеянное самого преступника и внешних для него обстоятельств. На этой основе должны решаться вопросы: о наказании преступника либо применении в отношении него других предусмотренных законом мер, включая освобождение от наказания, и одновременно — о коррекции среды, системы и состояния социального контроля.

Наблюдения за поведением преступников — лиц, совершающих и совершавших преступления, среды и процессов их взаимодействия позволяют видеть изменения форм общественно опасного поведения, характер взаимоотношений между такими субъектами, их реакцию на наказание, возможное или действительное, многое другое. Все это — серьезная основа для прогноза изменений преступности, выработке рекомендаций о криминализации новых форм общественно опасного поведения, совершенствовании системы борьбы с преступностью.

Многолетние исследования приводят к выводу, что наиболее кратким определением преступности может быть следующее: *преступность — это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета.* Речь идет о лицах, которые способны и объективно могут избирать иные, непреступные варианты поведения. В этом конкретно заключается суть именно преступности, а не просто общественно опасных социальных отклонений. Среди таких отклонений немалую долю занимают общественно опасные деяния психически больных лиц, субъектов, действующих в состоянии патологического опьянения, малолетних детей.

Когда речь идет о преступности как массовом явлении, это означает, что не отдельные лица, не кое-когда и не кое-где совершают

---

[1] Например, ст. 221-2 УК Франции предусматривает, что «умышленное убийство, которое предшествует другому преступлению, сопровождает его или следует за ним, наказывается пожизненным заточением».

уголовно-наказуемые деяния, тем более исключительно ситуативно или случайно. Наоборот, совершение таких деяний, во-первых, становится присущим именно части населения, определенной массе людей. Во-вторых, с помощью таких деяний люди решают многообразные проблемы, а не только удовлетворяют какие-то особые извращенные потребности и интересы. Даже среди наиболее опасных убийц так называемые маньяки, по разным оценкам, составляют примерно 1-1,5 %. В-третьих, субъекты преступлений вполне способны осознавать противоправный характер своих деяний, ибо это — лица, достигшие определенного возраста (за разные преступления уголовная ответственность наступает с 14, 16 или даже 18 лет) и вменяемые, т. е. есть могут осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими. Они в момент совершения преступления не находятся в состоянии хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики.

Если проанализировать криминологические работы, то можно отметить, что в большинстве случаев там находят отражение подходы иных наук и учений — «источников» криминологии, как самостоятельной науки. В первой половине XIX века, на ее становление наиболее отчетливо повлияли следующие четыре вида исследований: 1) антропологические; 2) статистические; 3) социально-экономические, социологические и др., в процессе которых анализировались факторы преступности и механизм их влияния; 4) социально-правовые[1].

Соответственно можно увидеть и «статистическое» понимание преступности, и широкое социологическое, и сугубо юридическое («уголовно-правовое явление») и даже клиническое. С.М. Иншаков рассматривает в своей работе следующие подходы к анализу преступности: правовой, социологический, антропологический, теологический[2]. Но могут быть и иные классификации, вытекающие не только из множества подходов, но и из сочетаний, порой весьма причудливых.

Преступность трактуется, изучается как: «статистическое» явление; вид «нравственного помешательства»; человеческой патологии или исключительно как «дыхание» дурного общества. В последнем случае имеется в виду, что без общества нет преступности и она не подлежит самостоятельному изучению; что преступность следует

---

[1] См. подробнее главу I учебника «Криминология» под ред. Долговой А.И. М., 2001.

[2] *Иншаков С.М.* Криминология. М., 2000. С. 15—34.

изучать как «одну из разновидностей явлений социальной дисфункции»[1], «один из параметров общества, характеризующих состояние социального организма, рассогласованность между его составными частями»[2].

Методологически изложенное означает, что за отправную точку берутся не преступление или преступность, а определенные социальные процессы, протекающие в обществе, определяются их характеристики «в норме» и на этой базе выявляются причины, условия, механизм возникновения отклонений от нормального течения социальных процессов, в том числе отклонений преступного и иного противоправного характера[3].

Другая же точка зрения сводится к тому, что преступность — относительно самостоятельное специфическое явление. Она имеет собственные характеристики и обладает способностью оказания широкого влияния на общество. Соответственно изучение надо начинать с преступности, ее качественных и количественных характеристик, с тем, чтобы выйти на закономерности ее порождения, развития, функционирования[4].

Для этих авторов бесспорно то, что преступность — начальный пункт криминологического исследования. Прежде чем выяснять причины и разрабатывать пути борьбы, надо уяснить, причины чего именно и борьбы с чем именно? А, может быть, и не борьбы, а «контроля», «воздействия» и даже «сосуществования», компромисса, консенсуса? Другие же полагают, что надо начинать с изучения общества и протекающих в нем социальных процессов.

Эти расхождения обусловлены разным пониманием того, что такое преступность.

С чем в этих рассуждениях можно согласиться? С тем, что применение к преступлению и преступности категорий «общее» и «единичное» действительно требует раскрытия того момента, «скачка», где количество (совокупность преступлений) переходит в новое качество — массовое социальное явление[5]. Верно и то, что

---

[1] *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* О перспективах научной разработки проблем борьбы с преступностью. \ Ученые записки высших учебных заведений Латвийской ССР. Право. Т. XYI., вып. 1. Рига, 1981, с. 9.

[2] *Спиридонов Л.И.* Социология преступления. М., 1978. С. 22-23. Позднее близкую позицию высказывал Гилинский Я.И.

[3] *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* Указ. Соч. С. 9; Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. С. 41.

[4] См., напр., *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М.,1969. Курс советской криминологии. Т. 1. М., 1985 и др.

[5] Одно из социологических определений преступности сводится к следующему: «массовое, статистически устойчивое явление или такая форма девиантного (делинквентного) поведения,

определение преступности как совокупности преступлений не отражает ее сущности. Но можно ли считать «познанной сущностью» преступности именно то, что она обусловлена социальными явлениями? Социально обусловлены пьянство, героизм, общественное сознание и многое другое, причем как со знаком «плюс», так и со знаком «минус».

Можно ли согласиться с тем, что практически отвергается путь познания от частного к общему? Изучение только тех широких социальных процессов и явлений, на фоне которых и в связи с которыми существует преступность, а тем более лишь установление определенных статистических зависимостей между данными о преступности и иных процессах, явлениях, не дает возможность видеть преступность во всем разнообразии ее качественных и количественных характеристик, своевременно выявлять в ней глубинные процессы, взаимосвязи разных ее элементов и тем самым проникать в глубокие механизмы ее детерминации.

Философской основой приведенных рассуждений о необязательности изучения преступлений и их видов при анализе преступности является так называемый «холистский подход». Такой подход наделяет целое как совокупность отдельных частей высшими, новыми свойствами. И с этим можно согласиться. Но при этом целое объясняется только как результат внешнего влияния[1] и совершенно игнорируется производность характеристик целого от взаимодействия элементов, его составляющих.

Рассматриваемый подход является другой крайностью так называемого «атомистического» подхода, абсолютизирующего разделение целого на части. При последнем познание свойств отдельных элементов и анализ их взаимодействия объявляются достаточными для объяснения целостных общественных явлений. Здесь не учитываются как раз момент качественного скачка и роль внешних влияний.

Оба подхода выглядят как односторонние, ибо важно рассмотрение целого, с одной стороны, в рамках более общей системы, с другой — в рамках взаимодействия его составных частей, выявление характера его элементов и взаимозависимостей между ними[2], в том числе определяющих целостность системного объекта.

которая достигла степени общественной опасности, определяемой уголовным законодательством» (Социология молодежи. Под ред. Лисовского В.Т. М., 1996. С. 309).

[1] *Рихтаржик К.* Социология на путях познания. М., 1981. С. 36.

[2] Подробнее об изложенном см.: *Долгова А.И.* Некоторые вопросы диалектики познания преступности и ее причин. // Методологические проблемы изучения преступности и ее причин. М., 1986. С. 5-24.

В то же время «холистский» подход в криминологии явился своеобразной реакцией на то, что ряд исследователей, изучавших конкретные преступления, по существу, останавливались на первых ступенях познания, и при этом осуществляли механический перенос данных об отдельных преступлениях и их причинах на преступность и ее причины.

Длительное время, до середины девяностых годов в учебниках по криминологии крайне мало места уделялось вопросу о том, что собой представляет преступность. В первом отечественном учебнике «Криминология», изданном в 1966 г. ей был посвящен только небольшой параграф с названием «Преступность и ее причины».[1] Многие зарубежные авторы в учебниках по криминологии вообще не останавливались на понятии преступности, а изложение начинают с вопросов ее измерения и оценки. Например, Г.А. Шнайдер пишет, что «измерение преступности сводится к тому, что все индивидуальные факты криминогенного поведения, совершающиеся в определенном географическом пространстве и в определенный промежуток времени, делят на отрезки (и участки), в рамках которых подсчитывают случаи преступлений или лиц, подозреваемых в преступлении (так осуществляется официальная уголовная статистика)»[2]. Одно время высказывалась точка зрения, что анализ преступности лежит за пределами криминологии. Имелся в виду именно статистический анализ[3].

Практически определения преступности служили отражением не только различных исходных подходов к криминологии, криминологическому исследованию, о которых говорилось ранее, но также порядков следования, стадий, ступеней ее познания.

Первая стадия включает следование от единичного к общему; от количества к качеству и, наоборот; переход к познанию причинности, необходимости, раскрытию содержания объекта.

---

[1] Однако и в одном из новейших учебников преступности вновь посвящен даже не параграф, а один из разделов §4 «Предмет криминологии». Автор к ней как будто бы снова возвращается в разделе «Частные криминологические теории», но фактически там рассматриваются отдельные виды преступлений и проблемы их взаимосвязи не анализируются. Правда, этот автор признает преступность явлением относительно самостоятельным, хотя и порожденным условиями общежития, способным к расширенному воспроизводству. (*Хохряков Г.Ф.* Криминология. М., 1999. С. 29).

[2] *Шнайдер Г. Й.* Криминология. М., 1994. С.102.

[3] «Феноменология не является элементом предмета криминологии, хотя последняя и должна заниматься феноменологией», – писали в начале 70-х годов немецкие ученые Э. Бухгольц, Дж. Лекшас и Р. Хартман в книге «Социалистическая криминология» (М., 1975. С.34), имея в виду под «феноменологией» структуру, динамику, а также формы проявления преступлений. Позднее авторы изменили эту точку зрения и в учебнике криминологии, изданном в 80-х годах, уже такого утверждения не содержится.

Вторая стадия означает переход к познанию сущности и включает переход от фиксации случайного к обнаружению необходимого, выявлению закономерностей, сущности[1].

Раскрытие сущности начинается с наблюдения и описания некоторой совокупности отдельных явлений, затем выделяется сходное, происходит «абстракция выделения». Следующий шаг — «абстракция отождествления», когда множество сходных сливается в одно общее сходное и формулируется эмпирическое понятие.

Преступность «является» исследователю прежде всего в виде отдельных преступлений, а также их множества. Наиболее развернутое определение преступности, дававшееся в шестидесятых годах — эпоху возрождения отечественной криминологии выглядело так: «Преступность — это относительно массовое, исторически изменчивое социальное, имеющее уголовно-правовой характер, явление классового общества, слагающееся из всей совокупности преступлений, совершаемых в соответствующем государстве в определенный период времени»[2]. Другие авторы добавляли, что это — отрицательное, наиболее общественно опасное явление[3] и далее по сути повторяли указанные в цитируемом определении признаки[4].

Преступления имеют свои отличительные черты, отграничивающие их от других явлений. Выделение сходного в этих преступлениях фактически происходило в рамках состава преступления. Поэтому и совокупность преступлений наделялась при формулировании понятия, носящего фактически эмпирический характер, теми же качествами, что и сходное, общее во всех преступлениях:

каждое преступление — общественно опасное деяние, преступность — общественно опасное явление;

преступление обладает признаком уголовной противоправности, преступность — уголовно-правовое явление;

---

[1] Категории диалектики как ступени познания. М., 1971.

[2] *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М., 1969. С. 173.

[3] Краткое определение преступности санкт-петербургских криминологов конца девяностых годов выглядит следующим образом: «Итак, преступность – это общественное явление, которое выражается во всем множестве совершенных и совершаемых преступлений».

[4] В «Курсе советской криминологии»(Т. 1., М., 1985. С. 139) давалось более развернутое определение, чем цитировавшиеся выше, но практически мало чем от них отличающееся в рассматриваемом аспекте. Оно заканчивалось словами: « социально-правовое явление, включающее в себя совокупность всех преступлений, совершаемых в данном обществе и в данный период, и характеризующееся количественными (динамика, состояние) и качественными (структура, характер) показателями». А далее шла речь о том, что «преступность включает в себя всю сумму преступлений».

состав преступления включает субъекта, объективную сторону и т.п., преступность — это, по высказывавшемуся позднее мнению, единство преступных деяний и лиц, их совершивших.

Элементы такого эмпирического понятия можно увидеть в разных сочетаниях в учебниках по криминологии и других работах криминологов.

Однако вслед за формулированием эмпирического понятия должно следовать создание теоретического понятия, являющегося результатом «абстракции замещения», которая предполагает творческую работу. В литературе отмечается, что теоретическое понятие «представляет собой умозрительный конструкт, лишенный какой бы то ни было наглядности»[1].

Фактически речь идет о качественном скачке в процессе познания, но этот скачок требует хорошей предварительной теоретической подготовки, а также солидной эмпирической базы. Формулирование теоретического понятия предполагает получение ответа на вопрос, что является объективным аналогом данного эмпирического явления; причем таким объективным аналогом не может служить множество отдельных объектов, обладающих сходными признаками. Другими словами, трактовка преступности как массы, множества, совокупности преступлений — это отнюдь не формулирование теоретического понятия преступности, не отражение ее содержания и сущности. Но обо все по порядку.

§ 2. Преступность — это множество, масса, совокупность преступлений?

Понимание преступности как массы, множества, совокупности преступлений является наиболее распространенным, но со временем все большее число авторов подчеркивало, что преступность — это не просто масса преступлений, не просто их множество, а «совокупность».

Но что же собой представляет такая совокупность? Это — просто преступления, собранные вместе? Подобно, например, груде деталей, отграниченной в пространстве в определенный период? Или это «автомашина», в которой соответствующие детали определенным образом собраны и стали частями единого целого — действующей системы? И только ли из преступлений складывается преступность?

---

[1] Материалистическая диалектика. Т. 1. М., 1982. С. 122-125.

Используем другую, далекую от преступности, но отчетливо высвечивающую проблему аналогию. Можно ли сказать, что океан — это множество капель воды, их совокупность? Ведь капли образуют лужицы, ручейки, сливаются в более мощных потоках, изливающихся в моря и океаны. Обычно на лекциях часть студентов отвечает, что да, можно сказать, что океан — совокупность капель воды, их большое множество, масса воды. А можно ли сказать, что дождь, ливень — это тоже большая совокупность капель воды, большая ее масса? Те же студенты соглашаются с тем, что и так можно сказать, но при этом начинают задумываться над тем, что океан и дождь — совсем разные явления.

Мало констатировать, что налицо совокупность многих капель воды, надо еще учитывать то состояние, в котором вода находится в своей массе, системно-структурные связи капель. Разный характер этих связей порождает совершенно различные новые целостные явления. Свойства таких явлений не повторяют свойства составляющих их элементов. В океане есть отливы и приливы, течения, бывают штормы. Все это не свойственно капле воды. Так же обстоит дело и с преступностью. Поэтому чем больше криминологи — специалисты, изучающие закономерности преступности, углубляются в исследования, тем отчетливее осознают сложность данного феномена, несводимость его свойств к свойствам отдельных преступлений. Ведь приходится решать вопрос, почему *многие* люди совершают преступления.

В более поздних определениях преступности криминологи, как правило, более осторожны, но все же у многих из них остается в определении тезис о преступности как массе преступлений[1]. Действительно, преступность наиболее очевидно проявляет себя через массу преступлений. Здесь налицо такой отличительный признак преступности по сравнению с отдельным преступлением, как массовость[2]. Трудно не согласиться с В.Н. Кудрявцевым, когда он пишет, что «преступность и преступление соотносятся между собой как общее и единичное; без отдельных преступлений не было бы преступности, а без массовости преступных проявлений об отдельном факте нарушения закона могли бы говорить лишь как о случайном эксцессе»[3].

---

[1] «Преступность — в самом общем представлении — это вид общественно опасного поведения, порицаемого с позиций уголовно-правового закона... «Выбираемые»... с помощью уголовного закона из массы порицаемых обществом человеческих поступков те из них, которые ... оценивались как преступления, и стали составлять в своей совокупности преступность» (*Горшенков Г.Н.* Криминологический словарь. Сыктывкар. 1995. С. 55).

[2] *Кудрявцев В.Н.* Популярная криминология. М., 1998. С. 91.

[3] Там же.

Изучение преступлений в массе показывало, что именно в массе они обнаруживают немало новых свойств. Выявлялись определенные строгие отношения между разными преступлениями. Например, при снижении числа выявляемых и регистрируемых фактов легких телесных повреждений, истязаний, побоев, преступлений, связанных с ношением оружия, увеличивалось число тяжких преступлений против жизни и здоровья. Разумеется, в условиях неизменной фактической криминальной обстановки.

При констатации новых свойств преступности, не встречающихся в отдельных преступлениях, отмечалось, что связь преступности и преступлений —это связь общего и отдельного. Общее, как известно, не повторяет характеристики отдельного. Хотя преступность в сравнении с отдельным преступлением и приобретает новое качество (характеризуется массовостью, структурностью и т.п.), но все-таки она проявляется не иначе как, в том числе, через определенную массу, совокупность, систему преступлений. Преступления эти находятся в сложных взаимозависимостях друг с другом. Вне этих взаимосвязей преступности не существует. Преступность, даже если ее рассматривать только как множество преступлений, характеризуется новыми качественными характеристиками.

За множеством преступлений просматриваются и устойчивость преступного поведения (рецидив), и организованность (продуманное совершение преступлений организованными формированиями), и общественная опасность уже массы преступлений, выражающаяся в том числе определенным соотношением преступлений разной тяжести.

Поэтому отрывать преступления от преступности некорректно. «Преступления, порождающие преступность», — так называется одна из опубликованных статей[1]. О чем же пишет ее автор? О таких акциях властных структур, которые ведут к росту преступности. То есть о преступлениях в данном случаях говорится, что называется, иносказательно. В строгом же смысле преступление — это виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания (ст. 14 УК РФ). Поэтому, если говорить о преступлении в юридическом и научном значении этого понятия, то специалист вряд ли решится вынести преступление за рамки преступности. Он будет вести речь о системном характере преступности и о детерминации, в частности, беловоротничковой, элитной преступностью части общеуголовной, либо наоборот.

---

[1] *Дрожжин В.А.* Преступления, порождающие преступность. \ Организованная преступность-угроза культуре и державности России. Спб, 1998. С. 127-131.

Преступность как общее не существует без преступления — единичного. Но и единичное немыслимо вне связи с общим. Пока существует преступность, будут совершаться преступления. Причем не только характеристики преступлений влияют на характеристики преступности, но и наоборот: характеристики последней могут определять совершаемые преступления. В конце концов преступления — это конкретизированные проявления преступности. На это обратил внимание В.В. Панкратов. Он отмечает, что «для криминологии преступление — это индивидуализированное (конкретизированное) проявление преступности, подчиняющееся диалектике единичного — особенного — общего. Преступление можно считать формой проявления преступности, но здесь форма весьма содержательна...»[1].

Можно ли себе представить в условиях низкой преступности и высокой эффективности реагирования на ее проявления, такие преступления, как похищение людей, захват заложников, торговля детьми? Низкая преступность характерна для такого состояния общественных отношений, когда отсутствуют острые конфликты, ее порождающие. Именно последние порождают преступления террористической направленности, связаны с активным функционированием организованной и профессиональной криминальной среды. Таких преступлений практически не было в шестидесятых-семидесятых годах в России. Не было даже соответствующих норм о них в УК РСФСР[2].

Важен и другой вопрос: только ли преступления служат проявлениями преступности? На него теперь уже криминологами уверенно дается отрицательный ответ, о чем подробнее говорится далее. А ведь когда-то преступность определялась исключительно через совокупность преступлений и практически отождествлялась с их статистической совокупностью. Впрочем, это в той или иной форме все еще продолжает иметь место в работах разных авторов.

Возрождение отечественной криминологии в начале шестидесятых годов XX века было связано с тем, что, во-первых, привлекались сведения о преступности, сохранявшиеся и развивавшиеся длительное время в рамках уголовного права (в СССР с рубежа двадцатых-тридцатых годов до шестидесятых), во-вторых, большинство специалистов пришло в криминологию из уголовного права. Отсюда понятны и возникновение распространенной у нас точки зрения, что

---

[1] *Долгова А.И., Коробейников Б.В., Кудрявцев В.Н., Панкратов В.В.* Понятия советской криминологии. М., 1985.С.25.

[2] Это не означает, что автор не учитывает латентность части преступности и, в частности, латентность ряда преступлений субъектов власти.

криминология вышла из уголовного права, и особый акцент на такое проявление преступности, как преступление — деяние, уже запрещенное уголовным законом под страхом наказания.

Однако криминологические исследования показывали, что задачи борьбы с преступностью не могут успешно изучаться только в тех узких рамках, которые очерчивает действующий уголовный закон. Наблюдая за поведением осужденных, лиц, отбывших наказание, специалисты нередко фиксировали не их отказ от общественно опасных способов решения своих проблем, а изменение форм поведения не только без снижения объективной общественной опасности последнего, но даже при усугублении такой опасности. Не исследовать такое явление, не замечать его — это значит обрекать на неудачу прогнозы развития преступности. А ведь на таких прогнозах базируются разработка стратегии борьбы и программы такой борьбы, основываются предложения о криминализации новых деяний.

Вернемся к вопросу о массе преступлений. Одно из значений слова «масса» — множество, большое число чего-либо. Как правило, о массе говорят, когда число каких-то явлений подлежит статистическому анализу, при котором выявляются определенные статистические закономерности. Планомерный и систематический учет массовых общественных явлений осуществляется на основе рекомендаций такой науки, как статистика. Вот почему, когда речь идет о преступности просто как о массе и даже совокупности преступлений, внимание преимущественно акцентируется именно на статистическом анализе данных о ней.

Нельзя считать идентичными понятия «совокупность», «масса», «множество». В восьмидесятых годах, чтобы подчеркнуть данный тезис, все чаще в определениях преступности отмечалось, что преступность — «сложная совокупность», «целостная совокупность» преступлений, а не простая их арифметическая сумма, что в этой совокупности преступления определенным образом взаимосвязаны. Позднее стало использоваться и другое, более точное понятие: «система преступлений»: «Преступность — это не механическое множество, а целостная совокупность, система преступлений. Она имеет определенные системные свойства, т.е. устойчивые взаимозависимости преступлений внутри целостности и между ней и другими социальными явлениями» [1]. Действительно, для утверждения системных зависимостей внутри преступности, преступности и об-

[1] Криминология. М., 1994. С. 63. Правда, встречается и другое утверждение, что преступность представляет собой «целостную совокупность множества преступлений». (*Четвериков В.В., Четвериков В.С.* Криминология. М., 1997. С.7).

2 Зак. 3144

щества, уже давали серьезные основания проводившиеся криминологические исследования. В этом смысле прогресс налицо. Но почему в определении вновь говорится о совокупности (а потом и о системе) именно и только *преступлений*.

Следует заметить и другое: со временем стали сглаживаться резкие различия в трактовке преступности как абстракции и как реального явления. Например, в учебнике «Криминология» 1999 г. В.Я. Рыбальская пишет: «Преступление, в принципе, можно наблюдать (свидетели, жертвы), преступность же — некая абстракция, модель которой функционирует в общественном сознании. Тем не менее преступность реально существует и действует в обществе именно как целостное, относительно самостоятельное явление»[1]. Так можно ли наблюдать преступность и ее характеристики? Каковы проявления преступности: только ли это преступления?

§ 3. Преступность, преступления, преступники

1. Хотя в определениях преступности и говорилось о преступлениях, мало кому удавалось при ее анализе обходиться без данных о преступниках. И это понятно, ибо не бывает преступления без его субъекта. Юристам хорошо известно, что субъект преступления — это всегда лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, вменяемое, а специальный субъект — лицо, которое соответствует признакам, дополнительно определяемым законом[2]. Без субъекта преступления нет состава преступления, нет преступления.

Как же соотносятся между собой преступления и преступники? Можно ли, например, при анализе преступности использовать данные лишь о преступлениях или только о преступниках?

Наиболее обширные сложные статистические исследования преступности в разных странах мира в девяностых годах XX века про-

---

[1] *Репецкая А.Л., Рыбальская В.Я.* Криминология. Иркутск, 1999. С. 42.

[2] В примечании к ст. 285 УК РФ говорится: «1. Должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации. 2. Под лицами, занимающими государственные должности Российской Федерации, в статьях настоящей главы и других статьях настоящего Кодекса понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов. 3. Под лицами, занимающими государственные должности субъектов Российской Федерации, в статьях настоящей главы и других статьях настоящего Кодекса понимаются лица, занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов.»

водит Д.А. Ли. Он пишет: «На наш взгляд, должно существовать определенное понимание того, что статистика представляет преступление лишь как частный факт нарушения каких-либо социальных (уголовно-правовых) норм. И совершенно не имеет значения в данном случае содержание этих норм — это предмет частной науки, в нашем случае — уголовного права»[1]. Здесь сосредоточивается внимание, казалось бы, именно на количестве фактов зарегистрированных преступлений. В то же время целью такого исследования провозглашено изучение *преступности*[2]. При ближайшем рассмотрении оказывается, что Д.А. Ли имеет в виду не только преступления, но и совершивших их лиц: «...если мы предполагаем, что количество лиц, нарушающих уголовные запреты, в большинстве случаев составляет определенный процент от всего населения (города, страны или всего мира, например), то, конечно, с позиции системного подхода к изучению явления, количество действий, признанных преступными, будет соответствовать числу преступников за определенный период»[3]. Это утверждение выглядит странным, ибо такого соответствия реально не бывает: регистрируются и групповые преступления, и преступления, совершаемые одним и тем же лицом повторно, неоднократно. Да и сам Д.А. Ли в другой своей работе, посвященной преступности, совершенно обоснованно призывает не смешивать разные основания для сравнения: преступления и преступников[4]. В то же время главу 1 «Подходы к изучению преступности» начинает с обоснования такой цели, как «функционирование социума преступников», под которым понимается «количество преступников, зарегистрированных той или иной правоохранительной системой на разных уровнях обобщения в соответствии с процедурой, предусмотренной законодательством конкретного государства»[5]

Итак, создается впечатление, что Д.А. Ли, во-первых, подвергает статистическому анализу то преступников, то преступления, во-вторых, пытается как бы отождествить количество преступлений и преступников, игнорируя сложные системно-структурные зависимости между числом тех и других, в-третьих, то ссылается на законодательство конкретного государства, то утверждает, что при ана-

---

[1] *Ли Д.А.* Уголовно-статистический учет. Структурно-функциональные закономерности. М., 1998. С. 19-20.

[2] Там же. С. 8.

[3] Там же. С. 19.

[4] *Ли Д. А.* Преступность как социальное явление. М.., 1997. С. 18..

[5] Там же. С. 9.

лизе преступности «не имеет значения в данном случае содержание» норм, в том числе уголовно-правовых[1].

Надо признать, что в таком подходе Д.А. Ли не одинок. В.В. Лунеев базирует свои выводы о мировых тенденциях и закономерностях преступности преимущественно на данных о преступлениях, причем о преступлениях зарегистрированных[2].

Такого рода позиция в какой-то мере определяется ранее сформулированным в литературе теоретическим постулатом о том, что есть преступность и личность преступника: если применительно к криминологии, ее предмету, и упоминается о личности, то таким образом, что преступники как бы выводятся за рамки понятия преступности. Криминология изучает «преступность, личность преступника, причины и условия преступности, пути и средства ее предупреждения и преодоления», — отмечалось в учебнике «Криминология» (М., 1988. С.3-4)[3].

Позднее предмет криминологии уточняется: «это — само явление (преступность) в единстве и многообразии его сущности и те факторы, которые *непосредственно* с ним связаны»[4]. Итак, речь идет о многообразии его сущности. Кстати, сущности или проявлений? Трудно сказать, ибо далее говорится, что «преступность — социально-правовое явление, ибо масса (цифра) преступности складывается из суммы совершенных в данном обществе и в данный период времени преступлений»[5]. Вновь говорится о массе и только о преступлениях.

При этом как бы игнорируется сложнейшая проблема, на которую криминологи обратили особое внимание в семидесятых-восьмидесятых годах XX века — *многозначность проявлений преступности.* Наиболее очевидными такими проявлениями являются преступления и преступники, «факты и лица», как говорят криминологи

---

[1] Выводы Д.А. Ли заставили Г.Н. Горшенкова сформулировать следующее резюме: «Разумеется, выводы ученого представляют определенный интерес в научном познании преступности и, в частности, ее самодетерминации. Однако мы полагаем, что эти выводы основаны на статистических (корреляционных) зависимостях. А эти зависимости отнюдь не всегда могут указывать на закономерности социальных процессов, рождающих криминальное следствие» (*Горшенков Г.Н.* Преступность как объект управленческого воздействия. Сыктывкар. 1999. С. 27).

[2] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М., 1997.

[3] «Предметом советской криминологии являются изучение преступности и ее причин и разработка мер предупреждения преступности, направленных на ее полную ликвидацию»- писал профессор А.А. Герцензон в книге «Введение в криминологию» (М., 1965. С.22), имея в виду прежде всего факты преступлений.

4 Криминология. Под ред. Кудрявцева В.Н., Эминова В.Е. М., 1997. С. 19.

5 Там же.

при формировании и анализе уголовной статистики, но не только они.

Между преступлениям и преступниками существуют сложные взаимосвязи. Еще в семидесятых-восьмидесятых годах немало авторов писали, что преступность — это сложная совокупность преступлений и лиц, их совершающих[1]. В «Кратком криминологическом словаре» 1995 г. дается такое определение: «Преступность: 1. Целостное социально-правовое массовидное явление, основу которого составляет совокупность деяний, содержащих признаки преступления, а также лиц, совершивших такие деяния, на определенной территории за определенный период (социально-правовое значение). 2. Совокупность совершенных на определенной территории за определенный период уголовно-наказуемых деяний и лиц, их совершивших, в отношении которых вступили в силу обвинительные приговоры суда (правовое значение)»[2].

Однако, *во-первых,* немалым числом авторов преступники продолжают выводиться за рамки понятий и «преступность», и «причины и условия преступности»: «Криминология — это социолого-правовая наука, которая изучает преступность, личность преступника, причины и условия преступности, пути и средства ее предупреждения»[3]. А преступность трактуется как «исторически изменчивое социальное и уголовно-правовое явление, представляющее собой систему преступлений, совершенных в соответствующем государстве (регионе) за тот или иной период времени»[4]. Авторы другого, по-своему новаторского учебника, поступают применительно к преступности фактически так же: «В Общей части криминологии рассматриваются преступность, причины массового преступного поведения и конкретных преступлений, личность преступника, предупреждение преступлений, а также изучается развитие самой криминологии»[5]. Правда, далее большее внимание, чем в других учебниках, уделяется виктимологии — учению о жертве. Надо признать, что преступность в обществе связана не только с фактами преступлений и лицами, их совершающими, она проявляет себя более многообразно, включая *жертв преступлений.*

Количество *жертв преступлений, потерпевших* далеко не идентично числу совершенных преступлений. В середине девяностых

---

1 *Стручков Н.А.* Преступность как социальное явление. Л., 1979. С.14.

2 *Максимов С.В.* Краткий криминологический словарь. М., 1995. С. 15.

3 Криминология. Под ред. Кузнецоаой Н.Ф., Миньковского Г.М. М., 1998. С. 1.

4 Там же. С. 87.

5 Криминология, Под ред. Бурлакова В.Н., Сальникова В.П., Степашина С.В. СПб, 1999. С.7.

годов в России только деятельность финансовых и трастовых компаний позволила преступникам присвоить более 20 трлн. рублей, обманув, по разным оценкам, от 3 до 10 миллионов граждан России. Очевидно также, что и при одном и том же числе преступлений фиксируются разные масштабы имущественного ущерба и другого вреда.

При этом вопрос о жертвах преступлений совсем нельзя считать простым. И не только потому, что одно преступление может влечь огромное число жертв, но еще и в силу того, что в реальной жизни преступник может впоследствии оказаться жертвой, а жертва — преступником.

Во-вторых, преступность как масса, совокупность, система преступлений продолжает отождествляться со статистическим числом последних. Но между преступлениями и преступниками наблюдаются сложные взаимосвязи. Они опосредуются в том числе включенностью последних в преступные формирования, наличием или отсутствием у них криминального профессионализма, другими обстоятельствами. Например, профессиональный вор до разоблачения успевает совершить несколько десятков, если не сотен, преступлений.

Шестидесятые годы характеризовались как сравнительно благополучный период с точки зрения таких характеристик преступности, как организованность, активность, связанная с криминальным профессионализмом. В учебниках «Криминология» шестидесятых годов отмечалось, что «достигнуты существенные успехи в борьбе с профессиональной преступностью»[1], «уменьшается число и степень общественной опасности преступлений, совершаемых организованными группами и рецидивистами»[2], «почти полностью отсутствуют наиболее опасные формы организованной преступности»[3]; в семидесятых годах — что «практически ликвидирована профессиональная преступность» и «отсутствует организованная преступность типа гангстеризма, столь распространенная в капиталистических странах»[4]. Эти выводы кажутся излишне оптимистическими, но в то же время масштабы организованности и криминального профессионализма не шли ни в какое сравнение с теми, которые отмечались в странах так называемой рыночной экономики и в конце XX века в России. Латентность преступности, судя по данным исследований,

---

[1] Криминология. М., 1966. С. 77. Криминология. М., 1968. С. 119.

[2] Криминология. М., 1968. С. 119.

[3] Криминология. М., 1966. С. 77.

[4] Криминология. М., 1976. С. 123.

была значительно ниже той, которая отмечена в девяностых годах. Соответственно в шестидесятых годах на одно зарегистрированное преступление приходилось одно и более выявленных лиц, совершивших преступления, а в период «обвального» перехода к рынку и «обвального» роста преступности, а также «обвала» в борьбе с ней (первой половине девяностых годов) на каждое зарегистрированное преступление стало приходиться вдвое меньше выявленных преступников (табл. 1).

Таблица 1

Динамика числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, совершивших преступления, в России в 1966 -2002 гг.

Годы	Число зарегистрированных преступлений (фактов)	Количество выявленных лиц, совершивших преступления	Отношение к числу фактов числа лиц
1966	582 965	596 764	1 : 1, 02
1967	572 884	628 463	1 : 1, 10
1968	618 014	626 129	1 : 1, 01
1969	641 385	659 607	1 : 1, 03
1970	693 552	700 685	1 : 1, 01
1971	702 358	652 763	1 : 0, 93
1972	706 294	698 964	1 : 0, 99
1973	695 647	682 399	1 : 0, 98
1974	760 943	718 161	1 : 0, 94
1975	809 819	753 005	1 : 0, 93
1976	834 998	770 473	1 : 0, 92
1977	824 243	746 354	1 : 0, 91
1978	889 599	782 099	1 : 0, 88
1979	970 514	818 746	1 : 0, 84
1980	1 028 284	880 908	1 : 0, 86
1981	1 087 908	919 001	1 : 0, 84
1982	1 128 558	988 946	1 : 0, 87
1983	1 398 239	1 077 802	1 : 0, 77
1984	1 402 694	1 123 351	1 : 0, 80
1985	1 416 935	1 154 496	1 : 0, 81
1986	1 338 424	1 128 439	1 : 0, 84
1987	1 185 914	969 388	1 : 0, 82
1988	1 220 861	834 673	1 : 0, 68
1989	1 619 181	847 577	1 : 0, 52
1990	1 839 451	897 299	1 : 0, 49
1991	2 173 074	956 258	1 : 0, 44
1992	2 760 652	1 148 962	1 : 0, 42
1993	2 799 614	1 262 556	1 : 0, 45
1994	2 632 708	1 441 568	1 : 0, 55
1995	2 755 669	1 595 501	1 : 0, 58
1996	2 625 081	1 618 394	1 : 0, 62
1997	2 397 311	1 372 161	1 : 0, 57
1998	2 581 940	1 481 503	1 : 0, 57
1999	3 001 748	1 716 679	1 : 0, 57
2000	2 952 367	1 741 439	1 : 0, 69
2001	2 968 255	1 644 242	1 : 0, 55
2002	2 526 305	1 257 700	1 : 0, 50

Позднее числа фактов и лиц сближались, но всегда за пределами уголовной статистики оставались многие участники организованной преступной деятельности и профессиональные преступники. На соотношении числа зарегистрированных фактов и выявленных лиц в 2002 году заметно сказалось принятие нового Уголовно-процессуального кодекса РФ, внесшего существенные коррективы в порядок возбуждения уголовного дела и другие уголовно-процессуальные процедуры.

С развитием организованности преступности наряду с физическими лицами появляются и так называемые коллективные субъекты преступной деятельности[1]— различные *преступные формирования*. В соответствии с уголовным законом России субъект преступления — это только физическое лицо, обладающее рядом признаков. Юридическое лицо по УК РФ не признается субъектом преступления. Но при этом уголовный закон признает соучастие в преступлении, совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией), бандой (ст. 35 УК РФ, ст. ст. 209, 210 УК РФ).

Статья 35 УК РФ называется: «Совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)». Заметим, что речь идет о совершении преступления не участниками этих формирований, а самими формированиями. Если некоторые из таких формирований имеют статус юридического лица, то логически встает вопрос о введении уголовной ответственности юридических лиц, что уже сделано в ряде государств мира[2]. Но это уже другой вопрос, а здесь пока отметим, что устойчивые преступные формирования — тоже одно из проявлений преступности. При наличии таких «коллективных субъектов» преступлений тем более не следует рассчитывать на тождество чисел преступлений и преступников. Наличие преступных формирований вносит очень суще-

---

[1] См. подробнее далее, а также в работах.: Организованная преступность. М.,1989. Организованная преступность - 2. М.,1993. «Организованная преступность-3». М., 1996. «Организованная преступность-4». М., 1998. Криминология. Под ред. Долговой А.И. М., 1999. С. 39-42.

[2] См.: *Волженкин Б.В.* Уголовная ответственность юридических лиц// Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе. СПб., 1998. *Никифоров А.С.* Юридическое лицо как субъект преступления // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. *Смольянинов Е. С.* Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями,совершаемыми с использованием организационно - правовых форм юридического лица. Дис. канд. юрид. наук. М., 2000.

ственные коррективы в масштабы различий чисел преступлений и преступников.

На такие различия влияют и другие факторы. Например, значим вклад в преступность лиц с высоким экономическим, социальным статусом, обладающих иммунитетами (депутаты, судьи и т.п.). Привлечение их к уголовной ответственности, доказывание факта совершения ими преступления связаны с гораздо большими сложностями, чем в случаях совершения преступлений несовершеннолетними из неблагополучных семей, взрослыми лицами из деморализованной среды или иными лицами, не имеющими возможность использовать свои связи, помощь «дорогих» адвокатов — все то, что помогает избегать ответственности. Иллюстрацией тезиса об иммунитетах может служить такой пример. Высшая квалификационная коллегия судей России в 1993-1996 гг. рассмотрела 11 обращений и представлений Генерального прокурора Российской Федерации о даче согласия на возбуждение в отношении судей уголовных дел либо на привлечение их к уголовной ответственности, по 3 обращениям получен отказ. В порядке пересмотра решений квалификационных коллегий судей, отказавших в прекращении полномочий судей за совершение поступков, позорящих честь и достоинство судьи или умаляющих авторитет судебной власти, а также прекративших полномочия судей, Высшей квалификационной коллегией судей России за тот же период рассмотрено 21 заявление. Прекращены полномочия 6 судей, 12 заявлений отклонены. Так, Высшая квалификационная коллегия судей России отменила решение квалификационной коллегии судей одной из республик в отношении судьи. Ранее эта коллегия признала, что в действиях судьи имели место факты фальсификации судебных документов и попытки необоснованного ареста, но отказала в прекращении полномочий судьи, сославшись на то, что «в результате ее действий не наступило вредных последствий»[1]. В публикациях приводятся многочисленные примеры избавления от уголовной ответственности судей, депутатов и других должностных лиц, преступающих уголовный запрет.

§ 5. Потерпевшие от преступлений: всегда ли только жертвы?

Жертва преступления – понятие, которое нередко отождествляется с понятием «потерпевший». В этом случае под жертвой преступления понимается только физическое лицо, которому преступлени-

[1] См.: Преступность, статистика, закон. М., 1997. С. 48-49.

ем причинен моральный, физический или имущественный вред, независимо от того, вынесено или нет постановление о признании такого лица потерпевшим. Поскольку по действующему в России УПК потерпевшим признается только физическое лицо, соответственно жертвой преступления в литературе объявлялось именно оно.

Продуктивнее не сужать данное понятие и исходить из того, что жертва преступления — это физическое или юридическое лицо, иные субъекты (организация, не являющаяся юридическим лицом, и т.п.), которым преступлением причинен *вред, ущерб*. Тогда будет сбалансированнее обеспечиваться защита прав и законных интересов различных жертв.

Криминологический анализ жертв преступлений позволяет полнее и точнее оценивать криминальную ситуацию в стране.

В России учитываются не только факты преступлений, выявленные лица, их совершившие, но и жертвы преступлений (юридические и физические лица), а также число преступлений, по которым имеются потерпевшие. В 1997 г. было зарегистрировано 1 452 748 преступлений, по которым установлены потерпевшие, 1 704 200 потерпевших лиц, 182 698 юридических лиц, которым причинен материальный ущерб; в 1998 г. эти данные соответственно составили 1 604 189; 1 852 645; 264 252. И это — важный показатель для оценки изменений преступности как неблагоприятных.

Статистические формы еще не вполне совершенны, они дорабатываются, но их анализ позволяет делать выводы, которые без таких форм были бы просто невозможны. В том числе рассеивать некоторые заблуждения. Например, распространено мнение, что в России иностранцам опасно заниматься предпринимательством, да и вообще им там опасно находиться. Однако криминологический анализ показывает, что в России участь иностранцев менее печальна, чем россиян.

Сравнительный анализ субъектов и жертв преступлений показывает, что в России иностранцами совершалось на рубеже веков в три-пять раз больше преступлений в отношении российской стороны, чем гражданами России в отношении иностранцев[1] (табл. 2).

Иностранцы все чаще подвергались посягательствам со стороны своих же сограждан. И здесь остро вставала проблема разграничения российской, международной преступности и преступности иностранцев.

---

[1] *Романова А.Г.* Иностранцы и преступность в России// Стратегия борьбы с преступностью. М., 1998.

Таблица 2

Динамика числа зарегистрированных преступлений иностранцев и в отношении них в России в 1998—2002 годах (в тыс.)

Показатели	Годы				
	1998	1999	2000	2001	2002
Число зарегистрированных преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства	31 000	32 286	35 120	37 166	35 712
Число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	9 071	8 047	7 233	8 292	9 475

В России в 1997 г. по всем выявленным преступлениям в отношении собственности удельный вес преступлений против российской или российских физических и юридических лиц составлял в 1997 г. 98,7 %, в 1999 г. -- 99 %, а против российской собственности с иностранным участием -- 1 % и 0, 7 %, иностранной 0,3 % и 0,3 %. Если говорить о преступлениях, совершенных в крупном и особо крупном размерах, причинивших крупный ущерб, то и здесь основными их жертвами становились именно российские субъекты. В отношении иностранной собственности в 1998 г. было совершено только 0,3 % от всех таких преступлений (1997 г. — 0,4 %), в отношении российской с иностранным участием в 1997 г. — 3,9 %, в 1998 г. — 2,7 %. Известно, каким значительным является ущерб от экономических преступлений.

Поэтому при криминологическом анализе важно шире использовать данные о жертвах преступлений, виктимности соответствующих субъектов и выделять при специальном предупреждении преступности объекты на основе такой их характеристики, как повышенная виктимность.

Анализ данных о жертвах преступлений помогает в оценке криминогенной ситуации — тех социальных процессов и явлений, которые, определяют преступность и ее изменения. Здесь мы встречаемся также с тем, что социальные последствия преступности, просчеты в борьбе с ней участвуют в детерминации последующих состояний криминальной и криминогенной ситуации в стране

Надо учитывать, что жертвы и преступники нередко оказываются одними и теми же лицами. Среди жертв нередко встречаются люди, которые характеризуются не просто криминогенной виктимностью, но и непосредственно криминальным поведением. Например, распространены случаи вымогательства (рэкета) и вымогательства взяток у экономических преступников. Часто преступления совершаются в условиях криминального конфликта одной стороной такого конфликта в отношении другой. Специалисты по уголовному

праву даже специально исследуют признаки потерпевшего при анализе состава преступления. Наиболее очевидные случаи — это превышение пределов необходимой обороны и убийство в состоянии аффекта, которые встречаются далеко не в единичных случаях. Т.В. Сысоева по результатам проведенного исследования сделала выводы, что возникновение физиологического аффекта и совершение на этой основе убийства, происходит даже спустя длительное время после виктимного поведения потерпевшего («отставленный» аффект); аффективное состояние у виновного может быть вызвано любым по своему виду и форме физическим воздействием или тяжким оскорблением[1].

Нередко преступник и «жертва» имеют сходные характеристики и в конфликте только случай или специфический «профессионализм» этих субъектов решает, кто окажется жертвой, а кто — в роли лица, обвиняемого в совершении преступления. Известен, например, случай убийства одного осужденного другим в процессе яростного спора о том, почему полонез Огинского так называется: по имени автора полонеза или по иной причине.

Вообще личностная виктимность в литературе трактуется как совокупность свойств человека, которые повышают вероятность того, что он может оказаться жертвой преступления[2]. Н.С. Черных выделяет виды личностной виктимности, которые: а) не позволили вообще избежать криминогенной ситуации; б) не позволили с использованием правомерных средств выйти из сложившейся криминогенной ситуации с минимальными потерями. В литературе также разграничиваются жертвы, ставшие таковыми в результате собственной неосмотрительности, повышенной виктимности, прямой криминогенности и криминальности поведения.

По данным разных авторов, более 60 % потерпевших от тяжких насильственных преступлений характеризовались сами негативно, вели себя аморально либо противоправно. В частности, Д.А. Шестаков в связи с преступлениями в сфере семьи пишет, что «62,2 % обследованных преступников, осужденных за тяжкие преступления против личности, полагали, что конфликты в быту влияли на их не-

---

[1] *Сысоева Т.В.* Убийство, совершенное в состоянии аффекта (уголовно-правовые и виктимологические аспекты)». Дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. М., 2000..

[2] *Черных Н.С.* Виктимологическая профилактика преступлений военнослужащих. \ Преступность и законодательство. М., 1997. С. 54-366. См. также: *Франк Л.В.* Виктимология и виктимность.(Об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью). Душанбе. 1972. *Франк Л.В.* Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе. 1977. *Ривман Д.В.* Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1875. *Коновалов В.П.* Изучение потерпевших от преступлений с целью профилактики правонарушений. М., 1982. *Рыбальская В.Я.* Виктимологические проблемы преступности несовершеннолетних. Иркутск. 1983 и др.

сдержанное поведение»[1], « по усредненным результатам наших исследований 66 % преступников и 59 % их жертв в момент преступления были нетрезвы»[2].

Специальное криминологическое исследование ситуации совершения умышленных убийств также показало, что «ситуационность, неподготовленность имели место при совершении 90,9 % всех «простых» убийств (ст. 103 УК РСФСР) и почти 60 % квалифицированных убийств (ст. 102 УК РСФСР»[3], «большая часть изученных умышленных убийств (80,2 %) совершена по мотивам личных отношений и в ситуативных ссорах, драках»[4], «среди всех пострадавших от умышленных убийств в нетрезвом состоянии в момент совершения преступления было почти 70 %, а среди потерпевших-женщин — около 62 %. При этом чаще всего (примерно 7 из 10 таких случаев) убийству предшествовало совместное распитие спиртных напитков будущими жертвой и преступником»[5].

Е. Г. Горбатовская отмечает, что 38 % потерпевших по делам о квалифицированных убийствах и 60 % — по делам о «простых» убийствах находились в ситуациях, непосредственно связанных с аморальным или противоправным поведением потерпевших в момент ее возникновения либо еще раньше[6]. В аспекте рассмотренного не очень убедительными выглядят, например, некоторые идеи «феминистской юриспруденции»[7]

Отрицательные характеристики конкретных жертв, являвшихся инициаторами конфликта, бывают не так уже редко хуже, чем характеристики обвиняемых. «Бизнесмен застрелил рэкетира под аплодисменты благодарных граждан», — писала «Комсомольская правда» 17 сентября 1998 г. и далее: «Если бы знал бандит Генка Турчин, что скоро на его могиле появится лента с надписью «От товарищей по работе», наверняка срочно поменял бы работу и товарищей».

---

[1] *Шестаков Д.А.* Семейная криминология. Спб. 1996. С. 131.

[2] Там же. С. 134.

[3] *Горбатовская Е.Г., Матвеева Н.С., Трайнина Г.Н.* Криминологическая характеристика ситуации совершения умышленных убийств. // Криминологическая характеристика убийств. М., 1997. С. 25.

[4] Там же. С. 26.

[5] *Горбатовская Е.Г* Характеристика потерпевших от убийств (опыт конкретного криминологического исследования. // Криминологическая характеристика убийств. М., 1997. С. 48.

[6] Там же. С. 48.

[7] См. *Турчинская Н.С., Нарутто С.В.* К вопросу о становлении феминистской юриспруденции в России // Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина: региональные проблемы. Хабаровск. 1998. С.78-90.

Проблема борьбы с преступностью, в том числе ее предупреждения, парадоксальным образом включает проблемы защиты: жертв криминальной провокации, иных форм криминальности поведения, прямой криминогенности, повышенной виктимности в результате собственной неосмотрительности и т.п.

§ 6. Многообразие проявлений преступности и их отражение в статистике

В восьмидесятых годах стало все более преобладать понимание преступности как сложного феномена, который является нам в виде: а) фактов преступлений, б) лиц, которые совершают преступления, в) преступных формирований, г) жертв преступлений, г) материального и иного вреда от преступлений; д) социальных в широком смысле слова последствий: экономических, экологических, влияющих на духовную жизнь социума и т.п. Например, распространение криминальной культуры, развитие и поддержание норм криминальной среды с их жестокими санкциями и т.д.

Соответственно при изучении преступности как массового явления статистические учеты в России все время корректировались в сторону максимально полного отражения различных проявлений преступности. Например, с 1961 г. был введен статистический учет фактов зарегистрированных преступлений, с 1966 г. — выявленных лиц, совершивших преступления, с 1986 г. — лиц, погибших в результате преступлений. С середины девяностых годов все полнее учитывались данные уже обо всех потерпевших от преступлений. Статистические отчеты содержали сведения и об имущественном ущербе. Позднее стали учитываться число преступлений, совершенных организованными группами, число лиц, совершивших преступления в составе таких групп..В девяностых годах развивалась статистика о выявленных организованных преступных формированиях.

Разумеется, не все поддается статистическому учету, не все пока учитывается в той мере, которая давала бы наиболее полное представление о преступности. Например, одним из последствий преступности являются расширение масштабов не просто теневого, но «черного» рынка товаров и услуг. Каковы эти масштабы? Или отмечается другое последствие — криминализация общественного сознания: либо нарастание примиренческого отношения к преступлениям, оценка их как «нормальной» формы поведения в предлагаемых «ненормальных» обстоятельствах; либо признание в качестве «нормальных» форм реагирования на преступления самосуда, при-

менения не основанного на законе насилия в отношении задержанных преступников, в том числе «выбивания показаний».

Указанные последствия хоть в какой-то мере, но можно установить по системе статистических показателей: росту числа преступлений, совершенных при превышении пределов необходимой обороны, числа фактов принуждения подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо эксперта к даче заключения путем применения угроз, шантажа или иных незаконных действий со стороны следователя или лица, производящего дознание и т.д. Но многое остается за рамками уголовной статистики. Она, например, не измеряет ту атмосферу страха среди населения, которая выливается в отказ от посещений театров и других культурных учреждений в вечернее время; тенденцию к стальным дверям и решеткам на окнах в квартирах; формирование у детей недоверия к незнакомым взрослым, которые входят с ними в подъезд и т.п. Хотя, конечно, можно посчитать, например, динамику числа квартир, в которых устанавливаются стальные двери, или которые ставятся под охрану.

При анализе преступности одновременно с ее последствиями принимаются во внимание следующие наиболее явные из них:

число жертв преступления;

размер материального ущерба, включая и упущенную выгоду; криминальная пораженность различных социальных групп (удельный вес среди них лиц, совершающих и совершавших преступления);

«социальная запущенность» определенной части населения (распространение наркотизма в разных его проявлениях; проституции; безнадзорности и беспризорности, в том числе детей из семей преступников, а также иных негативных социальных отклонений, с которыми взаимосвязана преступность);

криминальная пораженность разных сфер жизнедеятельности (например, отмечается, что в период реформ в России 55 % капитала в экономике и 80 % голосующих акций перешли в руки преступных кланов. По сведениям самих бизнесменов, 30 - 50 % предпринимателей в середине девяностых годов непосредственно работали на преступные формирования)[1];

степень криминального влияния на государственные структуры и институты гражданского общества, на право, использование последних в интересах преступной деятельности (например, многие

---

[1]*Разинкин В.С.* Организованная преступность в период реформ в России // В кн.: Организованная преступность-3. С.84.

преступные группировки в Ростовской области действовали под прикрытием работников правоохранительных органов различного ранга; не оказываются безуспешными усилия лидеров преступной среды по проникновению в высшие эшелоны власти)[1];

расшатывание цивилизованной, защищаемой правом, ценностно-нормативной системы общества, распространение преступной идеологии и психологии;

снижение активности населения в противостоянии преступности и «приспосабливание» к ней определенного числа физических и юридических лиц.

Последняя проблема отчасти связана с вопросом, которому до сих пор не уделялось того внимания, которое он заслуживает. Суть его сводится к следующему: какое количество лиц становится непосредственными свидетелями преступлений?

В немалом числе случаев преступления оказывают тяжелое психологическое влияние на их очевидцев. Те бывают потрясены, деморализованы жестокостью, цинизмом, размерами насилия не менее жертв. Это — так называемые *«косвенные жертвы»*. При опросе 600 москвичей оказалось, что в течение последнего перед опросом года многие были свидетелями преступлений и при этом значительная их часть либо рассказали о преступлении родным и знакомым, либо вообще ничего не предпринимали и никому ни о чем не рассказывали. Так, свидетелями хулиганства считали себя 30 % опрошенных, в том числе 5 % участвовали в пресечении преступления, 4 % сообщили о нем в правоохранительные органы, остальные либо рассказали только об этом родным и друзьям, либо ничего не делали. Свидетелями кражи имущества были 9 % опрошенных, причинения телесных повреждений — 11 %, вымогательства (рэкета) — 9 %, обмана потребителя — почти каждый третий.

Свидетелей — «косвенных жертв» преступлений особенно много бывает при совершении преступлений террористической направленности (статьи 205 — 208, 277 и 360 УК РФ). Имеются в виду терроризм, захват заложника, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, а также пиратство, угон воздушного судна и др.

---

[1] *Коннов А.И.* Некоторые тенденции развития организованной преступной деятельности в Российской Федерации // Организованная преступность-3. М., 1996. С.60-74.

Но можно выделить и *«опосредованных» жертв* — тех, которые являются результатом распространения, в том числе прямыми или косвенными жертвами преступлений, средствами массовой информации, сведений о росте преступности, нарастании их общественной опасности, жестокости, беспощадности, всесилии преступников. Все это способно создать обстановку страха, паники, вызвать у людей депрессию.

Основанием оценки положения дел с преступностью при сравнении разных регионов или преступности разных периодов служит *комплекс* количественных и качественных характеристик преступности в их системе, а не только данные об ее общей распространенности.

Нельзя ввести какой-то один общий количественный показатель как универсальный критерий оценки положения дел: преступность — сложное, многообразное явление и надо иметь в виду именно систему качественных и количественных характеристик преступности.

При исследованиях оказывалось, что за сравнительно благополучными общими показателями числа зарегистрированных преступлений в ряде регионов скрывалась очень высокая экономическая преступность, но была сравнительно низкой преступность, связанная с пьянством.

Статистические отчеты о преступности отражают преимущественно результаты регистрации следующих конкретных ее проявлений: фактов совершенных преступлений; лиц, совершивших эти преступления; жертв преступлений и сумм материального ущерба, причиненного преступлениями; организованных преступных формированиях и числе их участников. Однако и эти данные современная статистика отражает неполно. Одна из задач криминологов — дать рекомендации по совершенствованию учета многообразных проявлений преступности в их системе.

В течение ряда лет нами ставится вопрос о создании в России единого банка данных первичного учета о разных проявлениях преступности. Имеется в виду его формирование на базе первичных карточек учета не только в субъектах Федерации, но и в России в целом. Сейчас данные этих карточек обрабатываются только в регионах — их единого банка данных в Российской Федерации не существует. Субъекты Федерации направляют в федеральные органы уже заполненные ими статистические формы. На этапе состав-

3 Зак. 3144

ления таких форм нередко корректируются данные статистических отчетов в целях того, чтобы регион не выглядел «хуже других»[1].

Важно и другое — преодоление дискретности учета проявлений преступности. Сейчас отдельно учитываются: а) заявления, сообщения о преступлениях и результаты их рассмотрения, б) зарегистрированные факты преступлений и выявленные лица, их совершившие, в) осужденные. Между тем, остро необходимо введение единых карточек первичного учета, в которых бы последовательно отражались сведения о работе по соответствующему факту преступления — от поступления сообщения о нем до осуждения лица, исполнения наказания и погашения, снятия судимости.

Тогда можно было бы уже по учетным данным видеть нарушения процессуальных сроков, а также иные. К сожалению, они распространены. И суды тоже пока еще нельзя назвать «оазисами законности». Все больше расходятся числа лиц, дела о которых направлены в суд, и числа лиц, дела в отношении которых рассмотрены судами. А установить причины такого явления крайне сложно. Вскрываются факты длительного, годами, нерассмотрения в судах соответствующих дел. Так, у судьи Красногорского районного суда г. Каменск - Уральска Свердловской области по состоянию на март 1995 года в производстве находилось 93 уголовных дела, не рассмотренных в установленные законом сроки, по которым более 40 лиц содержались под стражей. Из них 21 дело поступило в суд еще в 1992-1993 гг., а одно об умышленном причинении тяжких телесных повреждений еще в 1991 году[2]. Во время исследований в некоторых регионах приходилось буквально «выуживать» заволокиченные уголовные дела и материалы о преступлениях из сейфов ряда должностных лиц.

Современная дискретность учета отрицательно влияет на оценку положения дел с преступностью и борьбы с ней. Например, на основе современных статистических учетов нельзя сопоставить хотя бы такие две цифры. как общее число выявленных преступников, привлеченных к уголовной ответственности, и общее число лиц, в отношении которых судами приняты решения (осужденные; оправданные; лица, уголовные дела в отношении которых прекращены судами, направлены на доследование и т.д.).

Все изложенное заставляет выделить для дальнейшего рассмотрения проблему разграничения фактического положения дел с преступностью и его отражения в статистике.

---

[1] См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 7.

[2] См.: Преступность, статистика, закон. М., 1997. С. 46-48.

Глава 2. Преступность статистическая и преступность фактическая

§ 1. Проблема латентности преступности

У криминологов есть выражение: «преступность статистическая» и «преступность фактическая»[1]. А еще они не устают повторять давно сказанные слова: «Есть ложь, есть наглая ложь и есть статистика». Для этого имеются веские основания.

Криминологическое изучение преступности начинается с анализа статистических данных о ее проявлениях за ряд лет. Если говорить о статистическом анализе преступности в России, то он обычно начинается с составления сводной таблицы, отражающей совокупность показателей проявлений преступности[2]. Одной из модификаций таких таблиц может служить табл. 3. В ней изложена совокупность статистических показателей, важных для оценки изменений преступности. В частности, из таблицы 3 видно, что в девяностых годах статистические изменения преступности носили в целом явно неблагоприятный характер.

Но все-таки совокупность приведенных в таблице данных — это еще далеко не та «фотография», которая дает адекватное представление о реальной преступности. Скорее, это можно уподобить продукту начального этапа использования «фоторобота». Причем анализ статистических данных рассматривается только как первый шаг в познании и оценке преступности. За пределами уголовной статистики находится весьма значительная часть преступности — так называемая латентная преступность. В ней выделяются две части: «скрытая» или не становящаяся известной правоохранительным органам, и «скрываемая»[3]— становящаяся известной, но по разным причинам не находящая отражения в статистических отчетах.

После составления таблицы 3 и ее изучения начинается поиск ответов на вопросы: как соотносятся статистические данные с фактическим положением дел; за счет чего изменяются цифры — в результате фактического изменения характеристик преступности либо снижения (увеличения) ее латентности, либо криминализации (декриминализации) ряда деяний, либо значительного прироста

---

[1] См.: *Карпец И.И.* Преступность: иллюзии и реальность. М., 1992.

[2] См.: Изменения преступности в России. М., 1993; *Долгова А.И.* Криминология. М., 1999.

[3] В литературе имеются и другие подходы к структуризации латентной преступности. См., например, *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М.,1998. С. 132-134.

(уменьшения) численности населения, либо изменения системы регистрации и учета проявлений преступности и т.п.

Таблица 3

Основные показатели преступности в России в 1991—2 000* гг. (по данным статистики)

Годы	Поступило жалоб, заявлений, сообщений о преступлениях	Число зарегистрированных преступлений	Число выявленных лиц, совершивших преступления	Число осужденных	Число погибших в результате преступлений	Общее число потерпевших	Сумма причиненного материальн. ущерба в млн. руб **
1991	2 977 701	2 173 074	956 258	593 823	44 365	нет данных	468, 4
1992	3 617 250	2 760 652	1 148 962	661 392	213 590		3 378, 6
1993	3 668 993	2 799 614	1 262 556	792 410	75 365		
1994	3 393 702	2 632 708	1 441 568	924 574	75 034		766, 4
1995	3 675 473	2 755 669	1 595 501	1 035 000	75 510		4 129, 9
1996	3 456 985	2 625 081	1 618 394	1 111 097	65 368		3 900, 0
1997	3 568 353	2 397 311	1 372 161	1 013 431	62 598	1 704 200	5 661, 9
1998	3 870 645	2 581 940	1 481 503	1 070 336	64 545	1 852 645	5 030, 2
1999	4 344 054	3 001 748	1 716 679	1 223 255	65 060	2 099 383	10 997, 6
2000	3 783 487***	2 952 367	1 741 439	1 183 631	76 651	2 095 504	46 040,2
2001	3 868 370	2 968 255	1 644 242	1 233 669	78 697	2 162 315	66 120, 5
2002	****	2 526 305	1 257 700	****	****	****	59 832,5

* Абсолютные данные о всей зарегистрированной преступности в 1997-1998 гг. прямо не сопоставимы с данными предыдущих лет в связи с введением нового Уголовного кодекса Российской Федерации и прямо противоположными процессами: криминализацией и декриминализацией немалого числа деяний.

** До 1999 г. — данные по всем расследованным уголовным делам, как направлявшимся в суд, так и прекращенным, либо материалам, по которым отказано в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, с 2000 г. — данные на момент возбуждения уголовного дела.

*** Только по органам прокуратуры, МВД, ФСНП.

**** К моменту передачи книги в печать обработанных данных не имелось.

Совершенно очевидно, что не все жертвы преступлений и свидетели сообщают об уголовно-наказуемых деяниях в правоохранительные органы, что оперативно-розыскная, разведывательная, контрразведывательная, контролирующая деятельность не бывают без недостатков. Следовательно, далеко не все становится известно правоохранительным органам.

Далее — правоохранительные органы, суды пока еще не работают безупречно. Процессы заполнения документов первичного учета, формирования баз данных, статистических отчетов тоже дают сбои.

Для того, чтобы понять, насколько сложен путь информации от этапа совершения преступления до отражения данной информации в статистических отчетах, достаточно ознакомиться хотя бы с самой общей, не детализированной, схемой движения такой информации (рис. 1).

Выводы о фактической преступности криминологами делаются на основе анализа системы данных, получаемых в результате ис-

пользования общенаучных и конкретно-социологических методов познания.

Рис. 1

Схема движения информации о преступлении от его совершения до отражения в федеральном статистическом отчете

Преступление ⇒⇒	Информация о преступлении ⇒⇒ Источники: 1. Жертва преступления. 2. Свидетели. 3. Контрразведывательная, разведывательная, оперативно-розыскная деятельность правоохранительных органов. 4. Контролирующие органы и др.	Прием заявлений и сообщений о преступлениях ⇒⇒ (органы суда, прокуратуры, МВД, ФСБ, налоговой полиции, таможенные органы и др.)	Рассмотрение заявлений и сообщений, принятие решений ⇒⇒ (органы суда, прокуратуры, МВД, ФСБ, налоговой полиции, таможенные органы и др.)	Расследование уголовного дела и принятие по нему решения ⇒⇒ (органы прокуратуры, МВД, ФСБ, налоговой полиции, таможенные органы и др.)	Рассмотрение уголовного дела судом и принятие решения

⇓ ⇓ ⇓ ⇓ ⇓

Отражение решений в карточках первичного учета

⇓

Формирование банка данных карточек первичного учета

⇓

Составление статистических отчетов в субъектах Федерации на основе данных первичного учета

⇓

Составление сводных статистических отчетов на федеральном уровне на основе не данных первичного учета, а отчетов субъектов Федерации

Криминологи используют в совокупности данные: статистического характера о состоянии общества и разных формах социальной патологии, в том числе о преступности; полученные в результате изучения уголовных дел и других документов; анализа материалов средств массовой информации; опросов разных социальных групп населения, осужденных, экспертов (сотрудников правоохранительных органов, судей, научных сотрудников и других лиц), наблюдений, результатов экспериментов, если они проводились, и др.

Исследования показывали, что в девяностых годах реагирование населения на преступления носило противоречивый характер[1]. С одной стороны, нарастала и получала широкое распространение пассивность граждан, преступления совершались нередко все более открыто, при свидетелях.

Все большее число граждан тем или иным образом контактировало с лицами, совершающими преступления, входящими в преступные группировки (члены семьи, соседи, знакомые, друзья по досугу и др.). Лица, совершавшие преступления, входили в конце девяностых годов в круг знакомых почти двух третей опрошенных в Москве предпринимателей и трети иных москвичей.

Преступная деятельность все чаще рассматривалась как «обычный» вид деятельности, приносящий доходы, удовлетворяющий определенные потребности, либо как неотъемлемый элемент «бизнеса», предпринимательства, сколачивания личного состояния.

С другой стороны, нарастало и открытое противостояние преступности, причем такие формы носили уголовно наказуемый характер. Значительная часть фактических потерпевших предпочитала защищать свои нарушенные интересы путем расправы с обидчиком помимо закона: либо лично, либо с привлечением третьих лиц, в том числе и на основе найма. Заявляли в конце девяностых годов, что лично допустили физическую расправу с преступником, от 9 до 34% опрошенных в четырех городах России, среди предпринимателей в Москве — каждый четвертый. Это частично подтверждается материалами уголовных дел и данными статистики: в 1997-1999 годах увеличивался годовой прирост количества убийств, совершенных при превышении пределов необходимой обороны. При этом количество выявленных лиц, совершивших убийства при превышении пределов необходимой обороны, росло опережающими темпами по сравнению с числом фактов таких убийств (табл. 4).

Таблица 4

Динамика числа преступлений в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны в России в 1997-2000 гг.

Виды убийств	Убийство в состоянии аффекта		Убийство при превышении пределов необходимой обороны	
Годы	Число зарегистрированных преступлений	Число выявленных лиц, совершивших преступления	Число зарегистрированных преступлений	Число выявленных лиц, совершивших преступления
1997	598	664	408	467
1998	541	675	442	544
1999	552	658	545	611
2000	546	682	630	763

[1] См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999.

Е.М. Юцкова обоснованно отмечала, что в таких случаях могла иметь место групповая оборона, в том числе как при возникновении конфликтов между преступниками и законопослушными гражданами, в первую очередь бизнесменами, предпринимателями и т.п., так и в процессе выяснения отношений в самой преступной среде. Все чаще фиксировалось стремление граждан лично расправиться не только с лицами, совершающими преступления, но и с теми, кто нарушает нормы поведения, принятые в предпринимательской деятельности, определенных социальных кругах[1].

Заказчиками убийств, по данным ВНИИ МВД РФ, как правило, являлись наряду с лидерами и авторитетами преступного мира «представители коммерческих структур, работники торговли и сферы обслуживания»[2]. При этом практиковалось обращение к третьим лицам в целях учинения расправы с преступником, в том числе к наемным исполнителям. В 1999 г. только 42 убийства по найму из 93 расследованных не были признаны совершенными по корыстным мотивам. Вообще же фактическое число заказных убийств было неизвестно.

Таблица 5

Динамика числа убийств по найму в 1995 —2000 г.

Показатели	1995 г.	1996 г.	1997г.*	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Зарегистрировано убийств по найму (по данным МВД)	114	94	132	152	155	146
Выявлено лиц, совершивших убийство по найму	нет данных				231	217

*До 1 января 1997 года, то есть до введения в действие УК РФ, в российском уголовном законодательстве не предусматривался специальный состав преступления – убийство по найму (заказу). В связи с этим в статистических формах не выделялся показатель, относящийся к этому преступлению. В УК РФ включена ст.105 ч.2 п. «з», предусматривающая уголовную ответственность за указанное преступление.

С.В. Ванюшкин приводил оценки экспертов относительно фактического числа убийств по найму[3]. В 1995 г. их, по оценке экспертов, было 560, в 1996 г. — 570, в 1997 г. — 600. Таким образом, экспертами назывались значительно большие цифры. Очевидно, не все такие убийства удавалось раскрыть и виновных изобличить. Но и, по оценкам экспертов, и по данным уголовной статистки, число данных убийств в России конца XX века нарастало.

---

[1] См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999.

[2] Криминогенная ситуация в России на рубеже XX1 века. М., 2000. С. 8.

[3] Организованная преступность-4. М., 1998. С. 259. Убийства по найму. М., 1997. С. 7. Заказные убийства в России. // Сост. А. Плахов. М., 1998.

Из более 200 опрошенных осужденных, отбывающих лишение свободы, 7 % сказали, что их преступление было вызвано неверием в возможность защитить свои интересы в законном порядке, с помощью государственных органов. С. Г. Войтенко в результате исследования сделал следующий вывод: «В последние годы наблюдается резкое увеличение случаев расправы над лицами, которых именуют «семейными дебоширами». Можно говорить о формировании ранее не наблюдавшегося социального явления — пресечения криминального поведения криминальными средствами в рамках малых социальных групп населения: это криминальная саморегуляция социального организма, попытка оздоровления внутренней жизни, межличностного общения с помощью криминального насилия. Причем расправляются с мужчинами-дебоширами в семье, алкоголизм которых не излечивается, в основном не жены и сожительницы, а мужчины-родственники последних: сыновья, братья, мужья сестер, племянниц и т.п.»[1].

Выделим здесь главную мысль: отмечается криминальная саморегуляция. Точнее было бы сказать: криминальная саморегуляция криминальной и деморализованной среды, а также использование криминальных средств решения конфликтов и в рамках более широких общественных отношений.

Заслуживает также внимания другой механизм обеспечения скрытого характера преступности — оставление «в тени» значительной части экономических и должностных преступлений в результате, во-первых, правового введения особого порядка рассмотрения данных о них, во-вторых, создания на законодательном уровне системы иммунитетов, в-третьих, введения широких амнистий.

Первый аспект данного механизма наиболее ярко себя проявил в создании и функционировании системы органов народного контроля бывшего СССР, полезность которой в целом здесь, однако, не подвергается сомнению.

В литературе высказывается мнение, что такая система обеспечивала неотвратимость ответственности должностных лиц, хозяйственных руководителей за малейшие нарушения. Но криминологические исследования свидетельствовали о другом: органы народного контроля выявляли многочисленные факты совершения экономических и должностных преступлений, в том числе причинявших крупный ущерб, но виновные лица отделывались выговорами или все лишь денежными начетами. Об этом можно в определенной мере

---

[1] *Войтенко С.Г.* Криминологическое исследование виктимности лиц с девиантным поведением. Дис. канд. юр. наук. М., 1997. С. 62.

судить по результатам анализа деятельности органов народного контроля в ряде регионов (табл. 6).

Таблица 6

Динамика некоторых показателей злоупотреблений в сфере экономики по материалам комитетов народного контроля в 1980—1984 годах[1]

Регионы	Суммы ущерба от недостач, хищений, бесхозяйственности (в млн. руб.)		Общее число должностных лиц, привлеченных к ответственности		Число должностных лиц, на которых произведен денежный начет		Число передававшихся в прокуратуру материалов	
	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.
Московская обл.	1, 7	4, 4	2 259	нет данных	358	нет данных	73	нет данных
Ленинградская обл.	0, 13	2, 9	1 193		242		17	
Свердловская обл.	5, 4	7, 4	1 198	1 952	215	-	54	94
Ростовская обл.	1, 6	9, 7	4 574	6 359	919	1 422	98	110
Башкирская АССР	0, 4	3, 2	4 692	6 122	878	970	106	184
Тувинская АССР	0, 7	1, 7	465	557	120	170	20	29
Курская обл.	0, 5	3, 1	1 291	1 912	272	442	48	68

Позднее разными государственными органами также выявлялись факты деяний с признаками экономических и должностных преступлений, но далеко не все они становились предметом уголовно-процессуального рассмотрения. Об этом косвенно можно судить по статистическим данным таблицы 7. В ней просматривается «особое», снисходительное отношение к там называемым «беловоротничковым», «респектабельным» преступникам.

Чем более очевидно порицаемо («уголовно») то или иное деяние и чем ниже образование, статус преступника, тем он оказывается менее «защищенным» от уголовной ответственности. И, наоборот, чем внешне сравнительно «пристойнее» выглядят способы отъема денег, чем выше социальный статус, тем чаще преступников освобождают от уголовной ответственности. Более чем в половине случаев такое освобождение имело место при совершении незаконного предпринимательства, лжепредпринимательства, злоупотребления должностными полномочиями; в каждом четвертом случае хищения чужого имущества путем присвоения или растраты. И только в 4-8% случаев — при совершении краж. А ведь среди выявляемых лиц, совершающих кражи, более 5 % составляют 14-15-летние, более 10 % — 16-17-летние, около 7 % официально зарегистрированных безработных. Казалось бы, тут есть «резерв» для более широкого освобождения виновных от уголовной ответственности. Но осуждаются к лишению свободы и отбывают это наказание нередко те, кто впер-

[1] По данным исследований причин территориальных различий преступности, проводившихся отделом общих проблем криминологии и борьбы с преступностью Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности совместно Прокуратурой РСФСР.

вые совершает кражи на небольшую сумму, ранее не судим, находится в стесненных обстоятельствах. Д. А. Жуков приводит следующие вопиющие факты: «Андрей Иванов, 17 лет, арестован за то, что пытался похитить с хлебозавода 23 буханки хлеба на сумму 34,5 рубля. Борис Братчиков, 16 лет, приговорен к 2 годам лишения свободы за кражу 3-х хомячков из зоомагазина»[1].

Таблица 7

Распределение лиц, привлеченных к уголовной ответственности и освобожденных от нее в России в 1999--2000 гг. по отдельным видам преступлений

Виды преступлений	Годы	Выявлено лиц, совершивших преступления	Из них:		Уд. вес освобожденных от уголовной ответствен. в общем числе выявленных, %
			привлечено к уголовной ответственности	освобождено от уголовн. ответств.	
Хищение чужого имущества путем кражи	1999 2000	690 187 654 342	661 712 602 244	28 475 52 098	4,1 8,0
Хищение чужого имущества путем присвоения или растраты	1999 2000	24 016 25 284	18 096 19 040	5 920 6 244	24,7 24,7
Хищение чужого имущества путем мошенничества	1999 2000	27 188 26 977	21 376 19 234	5 812 7 743	21,4 28,7
Незаконное предпринимательство	1999 2000	4 051 6 043	1 925 1 827	2 126 4 216	52,5 69,8
Лжепредпринимательство	1999 2000	26 35	12 11	14 24	53,8 68,6
Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем	1999 2000	105 146	66 92	39 54	37,1 37,0
Злоупотребление должностными полномочиями	1999 2000	1 187 1 366	543 554	644 812	54,3 59,4

Эдвин Х. Сатерленд еще в сороковых годах XX века опубликовал статью «Являются ли преступления людей в белых воротничках преступлениями?». По его мнению широко распространены преступления «бизнесменов и людей определенных профессий», совершаемых в процессе предпринимательской и профессиональной деятельности. В частности, распространенность этих преступлений в США Сатерленд доказывал путем анализа решений судов и комиссий, вынесенных против 70 крупнейших индустриальных и торговых корпораций США в связи с нарушениями законодательных актов четырех типов: антитрестовского законодательства, законов

[1] *Жуков Д.А.* Политика наказания несовершеннолетних// Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001. С. 181.

против ложных рекламных объявлений, национального закона о трудовых отношениях и законов о нарушении патентного права, авторского права и правил о товарных знаках.

В России термины «беловоротничковая преступность», реже — «респектабельная преступность», употребляются, когда речь идет об экономических преступлениях и преступлениях по службе. В частности, о злоупотреблениях служебным положением, взяточничестве, незаконной банковской деятельности, незаконном использовании товарного знака, заведомо ложной рекламе и т.п.

В последние десятилетия за рубежом возник термин «преступления перламутровых воротничков». В России он не нашел еще широкого применения, но все-таки употребляется, когда речь идет о должностных лицах высокого ранга, в частности, занимающих государственные должности категории «А». В Уголовном кодексе РФ речь идет о государственных должностях, устанавливаемых Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий государственных органов, а также должностях, устанавливаемых конституциями или уставами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов (примечания 2 и 3 к статье 285 УК РФ). Это — руководители исполнительной власти, представители законодательной, судебной власти, и т.п. К категории «перламутровых воротничков» также причисляют крупных предпринимателей, так называемых «олигархов».

Н.Ф. Кузнецова употребляет понятие «элитно-властная преступность»[1]. Она пишет: «Полагаю, что давно настало время дополнить анализ структуры преступности еще одним показателем «элитно-властная преступность»... В современной отечественной криминологии можно встретить выражение «элитная преступность». Термин подкупает своей краткостью и образностью. Однако страдает неточностью, ибо элита бывает не только властной, но и культурной, научной, творческой и прочей. Поэтому более точным представляется термин «элитно-властная» преступность. Критериев ее выделения в самостоятельный структурный показатель преступности два: особый субъект и характер совершаемых ими преступлений. Субъектами данной группы преступлений выступают представители высшей исполнительной, представительной, судебной властей Российской

---

[1] *Кузнецова Н.Ф.* Об элитно-властной преступности// Стратегия борьбы с преступностью. М., 1997.

Федерации и ее субъектов. Для государственных должностных лиц их круг обрисован в примечании к ст. 285 УК и в п. 1 ст. 1 Закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» (служащие категории «А»). Преступления, которые входят в группу элитно-властных: международные, против конституционного строя и безопасности государства, тяжкие должностные преступления, преступления против правосудия, экономические и экологические преступления высших должностных лиц. Срочно следует завести, пока на неофициальном, а в доктринальном исполнении, «Черную книгу» элитно-властной преступности».

Еще Сатерленд обращал внимание на высокую латентность преступлений людей в белых воротничках. Он писал, что только 9 % от всех решений были вынесены уголовными судами и действия были признаны преступными. В связи с этим Сатерленд поставил вопрос и о недостаточно полной криминализации фактически общественно вредных деяний, и о непоследовательности при исполнении законов. «Отношение к бизнесменам — возможным нарушителям четырех описанных выше типов законов — это смесь страха и восхищения. Те, кто несет ответственность за функционирование системы уголовного правосудия, опасаются вступить в антагонизм с бизнесменами; среди многих других последствий антагонизм такого рода может привести к уменьшению размеров взносов в фонд предвыборной кампании...Возможно, значительно более важным обстоятельством является культурная однородность законодателей, судей, а также лиц, исполняющих закон, с одной стороны, и бизнесменов — с другой... бизнесмены не соответствуют популярному стереотипу «преступника»[1].

Американский социолог Эдвин М. Шур выделяет «респектабельную преступность» в связи с выделением преступлений «респектабельных граждан» и показывает фактическое неравенство перед уголовным законом лиц, характеризующихся разным социальным положением. Подозреваемые или обвиняемые — представители среднего класса оказываются под защитой существующей системы по той причине, что они-де вовсе не являются «преступными элементами»[2]. Для такого рода «респектабельных преступников» характерны служебные и другие «беловоротничковые» преступления, а также так называемые «пограничные уголовные преступления», связанные с «легализацией порока»

---

[1] См.: Социология преступности. М., 1966. С. 55.

[2] *Шур Эдвин М.* Наше преступное общество. М., 1977.

(наркоманией и т.п.). Данная проблема актуальная и для других стран, включая Россию.

Проблема не так проста. Ее истоки коренятся не только в общественной психологии, социально-экономических реалиях, но даже и в высокой философии. Например, Гегель различал три вида неправа: непреднамеренное неправо (юридическое заблуждение), обман (обманутый ставится в такие условия, что он верит в то, что с ним поступают в соответствии с правом, хотя на самом деле это не так), преступление. Гегель писал о преступлении, что «оно есть неправо в себе и для меня: здесь я хочу неправа и не прибегаю даже к видимости права. Тот, по отношению к кому совершается преступление, и не должен рассматривать в себе и для себя неправо как право. Различие между преступлением и обманом состоит в том, что в обмене в форме его совершения еще заключено признание права, чего уже нет в преступлении»[1]. Беловоротничковые преступники нередко действуют с использованием обмана, в рамках так называемого псевдоправа[2], искусно маскирующегося под право, а общеуголовные не прибегают даже к видимости права. Отсюда очевидность антиправовых, преступных деяний последних[3]. К этому добавим, что беловоротничковые, респектабельные преступники искусно защищают себя, в том числе и с помощью высококвалифицированных и высокооплачиваемых юристов, и превентивного лоббирования своего криминального интереса в процессе правотворческой деятельности. Последнее помогает принятию неясных, противоречивых нормативных правовых актов, дающих «лазейки» для оправдания обманных, псведоправовых деяний.

И потому нередко, когда даже в высоких властных структурах говорят об усилении борьбы с преступностью, имеют в виду именно *преступность общеуголовную,* в том числе уличную, преступность так называемых «маньяков» — серийных убийц , продуцируемую в

---

[1] *Гегель Г.В.Ф.* Философия права//Немецкая классическая философия. Т. 1. М., 2000. С. 405.

[2] Ф.М. Саянов пишет, что «этим понятием принято обобщать правила, используемые в том или ином обществе для фактического регулирования общественных отношений вопреки установленным государством порядкам. Государство борется с теневым правом, но последнее находит в законодательстве массу пробелов и лазеек для выживания». (*Саянов Ф.М.* Введение в правовое государство. Уфа, 1994. Его же .Азбука государства и права. Уфа, 1997. С.22).

[3] «Антиправо – абсолютное неправо, т.е. то, что ни при каких обстоятельствах, никем не может оцениваться как право или нечто близкое к нему. Антиправо — область произвола, произвольных решений, действий, поступков. Крайними формами неправового произвола являются преступления». (*Самигуллин В.К.* Право и неправо. // Государство и право. Номер 3. Март 2002 г.).

основном выходцами из малообеспеченных, малообразованных и деморализованных семей. Между тем, «респектабельная преступность» по своей общественной опасности может конкурировать с преступностью общеуголовной. Даже наиболее тяжкие насильственные преступления нередко провоцируются или даже «заказываются» «респектабельными гражданами». Число заказных убийств в сфере экономических войн не идет ни в какое сравнение с числом серийных убийств «маньяков».

При проведении криминологической экспертизы проекта УК РФ в 1996 году мы отмечали следующее: «Фактически авторы проекта УК демонстрируют разное отношение к наказанию за общеуголовные деяния (здесь наказание строже) и за экономические (здесь оно значительно мягче).Такое «гуманное» отношение к беловоротничковым преступникам криминологически не оправдано, ибо именно среди них, как правило, встречаются субъекты, осуществляющие продуманную, организованную криминальную деятельность. Здесь нет лиц, которых к совершению преступлений приводит крайняя нужда, как, например, в случаях совершения обыкновенных краж. Сейчас нередко совершают кражи продуктов, одежды подростки и иные лица, семьи которых находятся в состоянии крайней, абсолютной нужды.

Иллюстрацией разного подхода к общеуголовным и «беловортничковым» преступникам может служить сравнительный анализ санкций двух следующих статей УК РФ:

Статья 158. Кража	Статья 160. Присвоение или растрата
1. Кража, то есть тайное хищение чужого имущества, - наказывается штрафом в размере от двухсот *до семисот* минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух *до семи месяцев*, либо обязательными работами на срок *от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов*, либо исправительными работами на срок *от одного года до двух лет*, либо *арестом на срок от четырех до шести месяцев*, либо лишением свободы на срок до трех лет.	1. Присвоение или растрата, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, - наказываются штрафом в размере от двухсот *до пятисот* минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух *до пяти* месяцев, либо обязательными работами на срок *от ста двадцати до ста восьмидесяти часов*, либо исправительными работами на *срок от шести месяцев до одного года*, либо лишением свободы на срок до трех лет.

Для «беловоротничковых» расхитителей установлен более низкий «потолок» штрафа, времени обязательных и исправительных работ, не предусмотрен арест. А ведь среди осуждаемых по части первой статьи 158 УК РФ много несовершеннолетних, лиц раннего молодого возраста, без постоянного источника дохода, в том числе официально зарегистрированных безработных. Что же касается тех, кто совершает присвоение или растрату, то эти деяния почти всегда

совершаются с заранее обдуманным умыслом лицами, возраст и социально-экономическое положение которых позволяют с «большим запасом прочности» избирать иные варианты решения своих проблем.

Вся Особенная часть УК РФ изобилует примерами данного подхода. А сам указанный подход — логическое продолжение линии на наложение моратория на борьбу с экономическими преступлениями до перехода к рынку, амнистии экономических преступников, препятствования борьбе с легализацией преступных доходов и коррупцией в интересах создания в короткий слой класса собственников любых ценой, в том числе за счет криминальной и иной деятельности в рамках теневой или «параллельной» экономики. Указанная линия уже привела к невиданным масштабам развития в стране организованной преступности, коррупции, терроризма, развитию криминализации общества, государственного аппарата, однако авторы проекта УК это игнорировали.

Перестройка началась с антиалкогольной кампании, а ее конец и период реформ были ознаменованы отходом от борьбы с экономической преступностью, все большей популярностью мнений о возможности использования теневых и криминальных капиталов «в интересах общества», как резерва перехода к рынку, даже о введении моратория на борьбу с экономической преступностью в период данного перехода.

Начался слом прежней системы социального и экономического контроля в обществе, который был продолжен в период реформ 1991-1995 гг. Одновременно снижалась активность правоохранительных органов в борьбе с экономической преступностью, взяточничеством при практически остававшемся до 1991 года прежнем законодательстве. Неясность уголовной политики, ослабление ревизионной, контрольной, экспертной базы уголовного преследования экономической преступности привели к росту ее латентности. Создавались только отдельные структуры новой системы контроля.

Не была ясной судебная перспектива уголовных дел об экономических преступлениях. По криминологическим данным, и ранее экономическая преступность, или, как ее еще называли, «хозяйственно-корыстная», вообще непредставительно отражалась в уголовной статистике; с конца 80-х годов она стала выявляться в еще меньших масштабах и реагирование на нее носило весьма нерешительный характер.

Госкомстат СССР в 1990 году фиксировал повсеместное увеличение по сравнению с 1989 годом: незаконных доходов работников сферы услуг (в связи с обманом покупателей, заказчиков, взяточни-

чеством, получением «чаевых») с 17 до 19 млрд. руб.; вдвое сумм взяток должностных лиц, полученных от кооперативов (с 1 до 2 млрд. руб.); доходов от спекулятивной продажи непродовольственных товаров (с 10,3 до 13,8 млрд. руб.). А, по данным уголовной статистики, в 1990 году по сравнению с 1989 годом в России число фактов обмана покупателей и заказчиков снизилось на 6 %, число случаев спекуляции возросло лишь на 13 %, взяточничества — на 23 %. При этом обращали на себя внимание крайне незначительные абсолютные цифры: в 1990 году во всей России зарегистрировано всего лишь 2 691 фактов взяточничества, 26 800 фактов спекуляции, 19 842 факта обмана покупателей и заказчиков. В 1991 году произошло снижение даже такого числа указанных преступлений. Во-первых, все меньше граждан обращалось в правоохранительные органы с заявлениями о ряде таких деяний. Во-вторых, в правоохранительные органы реже поступали сведения о совершенных преступлениях из медицинских, других учреждений.

На латентность преступности, ее неполное отражение в уголовной статистике, влияет и такое явление, как иммунитеты от привлечения к уголовной ответственности[1].

В новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации введена глава 52 «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц», завершившая создание надежной системы барьеров на пути привлечения высокопоставленных преступников к уголовной ответственности и их осуждения.

Часть первая ст. 447 УПК РФ устанавливает категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Это: 1) член Совета Федерации и депутат Государственной Думы, депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления; 2) судья Конституционного Суда Российской Федерации, судья федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, мировой судья и судья конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации; 3) Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудитор Счетной палаты Российской Федерации; 4) Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации; 5) Президент Российской Федерации, пре-

---

[1] *Васильченко А.А.* О механизме реализации уголовной ответственности лиц, наделенных уголовно-процессуальными иммунитетами / Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 169-170. *Денисова А.В.* Криминологическая защита судебной власти/ Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 259.

кративший исполнение своих полномочий, а также кандидат в Президенты Российской Федерации; 6) прокурор; 7) следователь; 8) адвокат.

Согласно части первой ст. 448 УПК РФ «решение о возбуждении уголовного дела в отношении лица, указанного в части первой статьи 447 настоящего Кодекса, либо о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления, принимается: 1) в отношении члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы — Генеральным прокурором Российской Федерации на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, о наличии в действиях члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы признаков преступления и с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы; 2) в отношении Генерального прокурора Российской Федерации — коллегией, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации; 3) в отношении судьи Конституционного Суда Российской Федерации — Генеральным прокурором Российской Федерации на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия Конституционного Суда Российской Федерации; 4) в отношении судьи Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, федерального арбитражного суда, окружного (флотского) военного суда — Генеральным прокурором Российской Федерации на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации, о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации; 5) в отношении иных судей — Генеральным прокурором Российской Федерации на основании заключения коллегии, состоящей из трех судей верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, о наличии в действиях судьи признаков преступления и с согласия соответствующей квалификационной коллегии судей; 6) в отношении Председателя Счетной палаты Российской Федерации, его заместителя и аудиторов Счетной палаты Российской Федерации — Генеральным прокурором Российской Федерации; 7) в отношении Уполномоченного по правам человека в Российской Феде-

4 Зак. 3144

рации — Генеральным прокурором Российской Федерации; 8) в отношении Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, а также кандидата в Президенты Российской Федерации — Генеральным прокурором Российской Федерации; 9) в отношении депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации — прокурором субъекта Российской Федерации с согласия коллегии, состоящей из трех судей верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа, за исключением случаев, предусмотренных частью четвертой настоящей статьи; 10) в отношении следователя, адвоката — прокурором, а в отношении прокурора — вышестоящим прокурором с согласия судьи районного суда по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления; 11) в отношении депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления — прокурором субъекта Российской Федерации». При этом часть пятая ст. 447 УПК РФ предусматривает, что «изменения в ходе расследования уголовного дела квалификации деяния, содержащейся в заключении судебной коллегии, которое может повлечь ухудшение положения лица, допускается только в порядке, установленном настоящей статьей для принятия решения о возбуждении в отношении члена Совета Федерации, депутата Государственной Думы либо судьи уголовного дела или привлечения его в качестве обвиняемого».

Предусмотрены также особенности задержания, избрания меры пресечения и производства отдельных следственных действий, направления дела в суд и рассмотрения его в суде. Так, ст. 451 УПК РФ предусматривает: «1. В случае, когда уголовное дело в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы было возбуждено либо привлечение его в качестве обвиняемого состоялось с согласия соответственно Совета Федерации или Государственной Думы, Генеральный прокурор Российской Федерации после окончания предварительного расследования представляет в соответствующую палату Федерального Собрания Российской Федерации ходатайство о даче согласия на направление уголовного дела в суд. 2. Отказ Совета Федерации или Государственной Думы в удовлетворении ходатайства Генерального прокурора Российской Федерации влечет за собой прекращение уголовного преследования в соответствии с пунктом 6 части первой статьи 27 настоящего Кодекса». В соответствии со ст. 452 УПК РФ «уголовное дело в отношении члена Совета Федерации, депутата

Государственной Думы, судьи федерального суда по их ходатайству, заявленному до начала судебного разбирательства, рассматривается Верховным Судом Российской Федерации».

Соответственно часть первая ст. 27 УПК РФ предусматривает среди оснований прекращения уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого следующие: «6) отказ Совета Федерации или Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в удовлетворении ходатайства Генерального прокурора Российской Федерации о направлении уголовного дела в отношении члена Совета Федерации или депутата Государственной Думы в суд в соответствии с частью второй статьи 451 настоящего Кодекса;
7) отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на привлечение к уголовной ответственности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; 8) отказ Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица». В соответствии с частью второй ст. 27 УПК РФ «прекращение уголовного преследования по основаниям, указанным в ... пунктах 3 и 6 — 8 части первой настоящей статьи, не допускается, если обвиняемый против этого возражает. В таком случае производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке».

Таким образом, многое в решении проблемы латентной части преступности зависит вовсе не от правоохранительных органов, а от законодательной, других ветвей власти и даже от самих «высокопоставленных» подозреваемых и обвиняемых. В общем, — от степени криминализации властных структур.

Еще в СССР представителями власти, юридически или фактически, создавалась для выходцев из их круга или близких кругов — экономических и должностных преступников особая «номенклатурная юстиция» (система вневедомственного и ведомственного внепроцессуального реагирования через Комитеты народного, партийного контроля и др. органы) и особая система выведения их из-под уголовной ответственности, наказания. Результаты работы такой «юстиции» не отражались в уголовной и судебной статистике. Предусмотренные законом уголовно-правовые меры при этом подменялись дисциплинарными или иными.

«Скрываемая часть преступности», как уже отмечалось, включает преступления и их совокупности, которые стали известны пра-

воохранительным органам, но которые по разным причинам не нашли отражения в статистике преступности. Здесь и отказ в принятии заявлений, сообщений о преступлении, и их рассмотрение с нарушением уголовно-процессуального закона (например, необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела), и неверная оценка деяний как непреступных, неправильное уголовно- процессуальное решение при расследовании уголовного дела о преступлении, при рассмотрении такого дела в суде, и несвоевременное, неправильное оформление карточки первичного учета преступления, и просчеты в формировании статистики на уровне субъекта Федерации, когда она базируется на карточках первичного учета, и соответствующие просчеты при формировании федеральной статистики, при суммировании данных отчетов субъектов Федерации.

Играют роль в искажении данных также сбои ЭВМ, не говоря уже о таком факторе, как предварительная оценка статистических отчетов в регионах и их корректировка в целях «недопущения роста преступности». Могут сказываться на статистических данных также трудности формулирования принципов учета преступлений во времени и пространстве, особенно при их множественности, а также длящихся, продолжаемых преступлений.

Многое зависит и от субъектов, окончательно «выдающих статистику» вышестоящим органам или в печать для публикации. Не так уж редко такие субъекты задавали цель оценки: показать снижение или рост преступности, рост ее раскрываемости и т.п. Причем это наблюдается в разных странах мира.

Если, например, полицию ругают за плохую работу и ей надо показать налогоплательщикам, что она «не зря ест хлеб», демонстрируется снижение преступности. Если задача заключается в том, чтобы было повышено содержание полицейских, расширена их численность, улучшено техническое оснащение — показывается рост преступности, то, что она выходит из-под контроля и противодействие ей требует от общества дополнительных усилий и затрат.

Директор ФБР Луис Фри, выступая в палате представителей конгресса США в 1999 г. сказал, что три миллиарда долларов потребуется ФБР в следующем году, чтобы эффективно выполнять свои обязанности. При этом он на первое место поставил борьбу с активизировавшимися в последнее время иностранными спецслужбами, на второе — борьбу с терроризмом, и указал на необходимость борьбы с организованной преступностью. По мнению начальника отделения ФБР в Нью-Йорке, наибольшую опасность представляют преступные группы, контролируемые выходцами из России. За по-

следнее время «русская мафия» проникла во все сферы экономики и наносит ежегодно многомиллионный ущерб государству[1].

Вообще же, как отмечается многими исследователями, чем ниже профессиональный уровень сотрудников правоохранительных органов, тем выше скрываемая часть преступности. Вуалируется, в частности, неумение выявлять и раскрывать преступления. Например, американский криминолог В. Фокс пишет: «Общеизвестно, что полицейские органы, имеющие относительно высокий профессиональный уровень, добросовестно сообщают в ФБР точные сведения о преступности, в то время как полицейские органы, имеющие относительно низкий профессиональный уровень, обычно существенно занижают данные или, быть может, «реже» обнаруживают преступления»[2].

Таким образом. с точным отражением статистикой реальной преступности везде существуют серьезные проблемы.

Большое значение имеет также сама система регистрации и учета преступлений. В условиях множественности правоохранительных органов (органы прокуратуры, милиции, налоговой полиции, федеральной службы безопасности, таможенные и др.) гражданин не всегда в состоянии точно определить, куда именно ему следует обращаться, не знает всех мест расположения этих органов, испытывает другие трудности. С этой точки зрения весьма важно, во-первых, приблизить к населению пункты приема заявлений и сообщений о преступлениях; во-вторых, организовать их на межведомственной основе с тем, чтобы принималось любое заявление, сообщение о преступлении, а затем направлялось по подведомственности, подследственности; в-третьих, обеспечить оперативность и эффективность реагирования на уровне лучших стандартов дежурной службы милиции «О2». В последнем случае решалась бы задача оперативного реагирования не только на убийства, разбои, кражи и другие общеуголовные, а также автотранспортные преступления, но на обман потребителя и т.п.

Важна и сама система учета преступлений, использование в ней наиболее совершенной электронной техники и ее программного обеспечения. Начинать, разумеется, в этом деле надо с разработки надежных первичных документов о различных проявлениях преступности; с обеспечения их качественного, квалифицированного

---

[1] *Морозов Павел.* «Русская мафия» угрожает американской экономике// «Сегодня» 1999 г. 25 мая

[2] *Фокс В.* Введение в криминологию. М., 1985. С. 298.

заполнения хорошо обученными сотрудниками правоохранительных органов; с формирования базы первичных данных.

К сожалению, в России конца девяностых годов не было, да и сейчас нет, единой базы первичных данных обо всех проявлениях преступности — в едином месте не концентрировались все данные карточек первичного учета сведений о преступлениях, преступниках, потерпевших и другие. Такого рода сведения имеются лишь в субъектах Федерации. Они обобщаются и анализируются на уровне субъекта Федерации, а затем в федеральные органы передаются отчеты о преступности и борьбе с ней по определенным формам. Такие статистические отчеты содержат, как правило, не более 30 % информации карточек первичного учета. При этом исключается возможность в масштабах всей России анализировать многие показатели карточек первичного учета в их системе, сопоставлении между собой.

Уровень латентности преступности резко повышается и в случаях коррумпированности сотрудников контролирующих, правоохранительных органов, судей, и в тех случаях, когда указанные лица осознают свою незащищенность перед угрозой расправы со стороны организованных или иных опасных преступников.

§ 2. Велики ли размеры латентности преступности?

Иллюстрацией того, насколько значительной может быть латентная часть преступности, служат данные исследований, проведенных в конце XX века. Общий вывод: распространенность различных видов преступности по данным статистики не отражает их фактическую распространенность (табл. 8).

Таблица 8

Соотношение распространенности преступлений по опросам и данным уголовной статистики в 1997-98 гг.* (1 место—наиболее распространенное деяние)

Место в массиве выделенных преступлений	По данным уголовной статистики в 1997 — 1998 гг.	По удельному весу опрошенных, считавших себя жертвами преступлений	По удельному весу опрошенных — жертв преступлений, обратившихся в правоохранительные органы
1	Кража	Обман потребителей — 31 %	Кража — 10 %
2	Причинение телесных повреждений	Кража — 24 %	Угон автомобиля —4, 5 %
3	Разбои и грабежи	Хулиганство — 23 %	Хулиганство — 4 %
4	Хулиганство	Причинение телесных повреждений — 12 %	Причинение телесных повреждений — 3, 1 %
5	Мошенничество	Вымогательство взятки — 10 %	Обман потребителей — 3 %
6	Угроза убийством, причинением тяжкого	Вымогательство (рэкет) — 10 %	Разбои и грабежи — 2, 3 %

	вреда здоровью		
7	Уничтожение имущества	Мошенничество — 8,5 %	Мошенничество — 2 ,2 %
8	Обман потребителей	Угон автомобиля — 7 %	Уничтожение имущества — 1, 52 %
9	Угон автомобиля**	Угроза убийством или иная опасная угроза — 6 %	Вымогательство взятки — 1, 51 %
10	Вымогательство	Разбои и грабежи —5 %	Вымогательство —1, 5 %
11	Получение взятки, в том числе связанное с вымогательством ***	Уничтожение имущества — 4, 5 %	Угроза убийством или иная опасная угроза — 1 %

* Определенные несоответствия в таблице второй и четвертой колонок могут объясняться практикой реагирования правоохранительных органов на заявления о преступлениях.

** Неправомерное завладение автомобилем, иным транспортным средством без цели хищения.

*** В уголовной статистике 1997 г. квалифицированные составы получения взятки не выделялись.

Опрошенные граждане, судя по их ответам, чаще всего становились жертвами обмана потребителей, но уголовная статистика фиксировала кражу как наиболее распространенное преступление.

Итак, анкетный опрос более тысячи граждан в Москве, Владивостоке, Волгограде, Воронеже показал, что считали себя потерпевшими в течение последнего года от одиннадцати выделенных распространенных преступлений от 31 % опрошенных (обман покупателей) до 4 % (уничтожение имущества). Обращались же в правоохранительные органы в пределах от 10 % всех опрошенных (кражи) до 1 % (угон автомобиля, вымогательство, угроза убийством или иная опасная угроза).

Даже если полагать, что часть опрошенных заблуждалась относительно точной юридической оценки содеянного в отношении них[1], все равно масштабы корыстных и насильственных деяний выглядят внушительно, а практика обращений в правоохранительные органы — как весьма ограниченная.

Судя по ответам граждан, только при совершении преступлений, требующих их раскрытия, поиска виновных и предполагающих получение страховых выплат, они чаще обращались в правоохранительные органы (кражи, угон автомобиля, разбой, грабеж), в других же случаях либо так же часто расправлялись с преступниками без помощи правоохранительных органов (угроза убийством или иная опасная угроза), либо даже преимущественно расправлялись сами (вымогательство, обман потребителя, хулиганство, причинение телесных повреждений).

[1] Дополнительные интервью показывали, что нередко граждане отождествляют уголовно-наказуемое и административно-наказуемое хулиганство, этим термином называют широкий спектр деяний. Говорят об уничтожении имущества, имея в виду и повреждение посуды, одежды в семейно-бытовых ссорах.

Обращались в правоохранительные органы из опрошенных лиц около 16 % жертв хулиганства, столько же — угроз убийством или иной опасной угрозы, 25 % получивших телесных повреждений; немногим более 10 % обманутых потребителей, столько же — жертв вымогательства (рэкете), немногим более 40 % жертв краж, грабежей, разбоев, 33 % — уничтожения имущества, 16 % — вымогательства взятки, около 25 % — мошенничества. И только при угоне автомобиля обращения встречаются более чем в 70 % случаев — табл. 9.

Таблица 9

Ответы на вопрос: « Если Вам в течение последнего года приходилось быть потерпевшими от преступлений, то укажите, каких именно и как Вы на это реагировали» (% от числа каждой категории опрошенных)

Преступления	Характер ответа	Взрослые	Несовершен. нолети.	Осужденные
Кража имущества	Сообщили в правоохранительные органы*	10	7	4
	Расправились лично или с помощью иных лиц**	4,5	4	2
	Активно не реагировали***	10	9	5,5
Мошенничество	Сообщили в правоохранительные органы	2	4	1
	Расправились лично или с помощью иных лиц	2	3	2
	Активно не реагировали	4	7	5
Разбой, грабеж	Сообщили в правоохранительные органы	2	8	2
	Расправились лично или с помощью иных лиц	1	3	2
	Активно не реагировали	1,5	2	3,5
Вымогательство (рэкет)	Сообщили в правоохранительные органы	1	5	2
	Расправились лично или с помощью иных лиц	5	6	3
	Активно не реагировали	4	5	3
Обман потребителя	Сообщили в правоохранительные органы	3	4	1
	Расправились лично или с помощью иных лиц	15	7	5
	Активно не реагировали	21	11	6
Угон автомобиля	Сообщили в правоохранительные органы	5	7	
	Расправились лично или с помощью иных лиц	1	1	—
	Активно не реагировали	1,5	5	
Хулиганство	Сообщили в правоохранительные органы	4	1	5
	Расправились лично или с помощью иных лиц	8	17	5
	Активно не реагировали	11	13	5
Причинение телесных повреждений	Сообщили в правоохранительные органы	3	4	2
	Расправились лично или с помощью иных лиц	4	9,5	3,5
	Активно не реагировали	5	7	7
Угроза убийством, иная опасная угроза	Сообщили в правоохранительные органы	1	6	2
	Расправились лично или с помощью иных лиц	2	3	5
	Активно не реагировали	3	4	6

* Сообщили в милицию, суд, прокуратуру, другие правоохранительные органы.

** Лично воздействовали на преступника, расправились с ним либо с помощью иных лиц защитил свои права.

*** Рассказали родным, знакомым или никому не рассказывали.

Только в 30 % случаев преступники, по мнению опрошенных граждан, были установлены и в отношении них принималось то или иное решение[1].

Немногим более 30 % заявителей ответили, что их сообщению либо не был дан ход, либо их не известили о результатах. Причем только примерно 15 % опрошенных, не удовлетворенных реагированием на их обращения, обжаловали это, а из числа обжаловавших только 20 % написали, что их жалоба была удовлетворена.

Другими словами, по самым оптимистическим оценкам лишь примерно в каждом третьем случае обращений жертв преступлений правоохранительные органы выходили на лиц, совершивших преступления.

В целом же видно, что значительная часть фактических потерпевших предпочитала защищать свои нарушенные интересы путем расправы с обидчиком помимо закона: либо лично, либо с привлечением третьих лиц, в том числе и на основе найма.

Существенно то, что ответы типа «расправился сам» опрашиваемые граждане начали давать только в девяностых годах. Ранее встречался другой ответ: «Обратились в товарищеский суд, добровольную народную дружину, пункт охраны правопорядка».

Опросы граждан в одних и тех же регионах в восьмидесятых — девяностых годах указывали на рост числа отдельных видов преступлений (табл. 10).

Таблица 10

Динамика численности лиц, считавших себя или членов своей семьи потерпевшими от общеуголовных преступлений в течение последнего года перед опросом (% пострадавших от общего числа опрошенных, в скобках — % обращавшихся в правоохранительные органы от того же числа)

Регионы	Годы	Кража имущества граждан	Причинение телесных повреждений	Хулиганство
Ростовская область	1985	12 (7)	7 (4)	14 (8)
	1990	22 (12)	7 (3)	12 (3)
Московская область	1985	13 (9)	6 (3)	14 (6)
	1991	30 (18)	13 (7)	23 (6)
Москва	1988	18 (9)	5 (1)	19 (7)
	1993	26 (16)	6 (4)	18 (4)
	1998	22,8 (8,6)	10,6 (2,7)	26,4 (3,8)

Латентность присуща самым разным преступлениям, включая умышленные убийства. При ее выявлении особую ценность могут

[1] 10 % опрошенных, обращавшихся в правоохранительные органы, ответили, что преступник был осужден и еще 20 % — что преступник был освобожден от уголовной ответственности. Из этих 20 % ответили, что преступника освободили от уголовной ответственности по их просьбе 12 % и 8 % — при отсутствии такой просьбы.

представлять не только данные опросов, но и иные сведения, в частности судебно-экспертного характера.

В 1994-1998 годах фиксировалось снижение числа зарегистрированных умышленных убийств с покушениями (табл. 11).

Таблица 11

Динамика числа зарегистрированных умышленных тяжких преступлений против жизни и здоровья человека в 1990 -1999 гг. в России

1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Убийства с покушениями (со снятыми с учета)									
15 566	16 235	23 006	29 213	32 286	31 703	29 406	31 801	32 061	33 681
Умышленные тяжкие телесные повреждения (тяжкий вред здоровью)									
40 962	41 312	53 873	66 902	67 706	61 734	53 417	46 131	45 170	47 669

При более глубоком анализе Ю.Н. Аргунова и О.А. Евланова обратили внимание на то, что в бюро судебно-медицинской экспертизы поступало хотя и снижающееся, но все же очень большое абсолютное число трупов с признаками насильственной смерти, трупов с огнестрельными ранениями и трупов с неустановленной причиной смерти в сравнении с числом фактов зарегистрированных умышленных убийств и тяжких телесных повреждений, повлекших смерть потерпевших (табл. 12). Как отмечает Ю.Н. Аргунова, «по мнению специалистов Республиканского центра, в среднем *каждый десятый случай не установления причины смерти мог иметь криминальное происхождение.*

Таблица 12

Динамика числа трупов по данным Республиканского центра судебно-медицинской экспертизы в 1994-1997 гг.

Показатели	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
Количество трупов с признаками насильственной смерти	349 540	330 246	248 363	данных нет
Количество трупов с огнестрельными ранениями	9 439	9 349	8 291	7 847
Количество трупов с не установленной причиной смерти	24 360	22 939	17 294	12 915

Опросы сотрудников правоохранительных органов показали, что после получения заключения экспертов о невозможности установить причину смерти должностные лица, рассматривающие материалы по факту обнаружения неопознанного трупа, как правило, сразу выносят постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, не проводя надлежащую проверку.[1]

Данные судебных медиков также бывают неполными — не по каждому случаю обнаружения неопознанного трупа проводится экспертиза или исследование. Так, на неопознанные трупы приходится около 70 % от общего количества трупов, по которым не уда-

[1] См.: Развитие криминальной ситуации в России // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999.

ется установить причину смерти[1]. В 1997-1999 годах наблюдался ежегодный существенный рост числа дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам (табл. 13).

Таблица 13

Динамика дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам в России в 1997-1999 гг.

Показатели		1997 г.	1998 г.	1999 г.
Находилось на учете на начало отчетного периода		32 940	34 103	33 922
Вновь заведено или прибыло из других органов		18 782	20 241	25 232
Прекращено в связи с установлением личности		16 282	18 355	22 052
в т.ч.	поставленных на учет в отчетном периоде	12726	15 260	18 989
прекращено за истечением срока давности		1 248	2 077	2 843
Возбуждено уголовных дел по факту установления насильственных действий, повлекших смерть потерпевшего		3 089	2 780	3 371

По данным статистики, в 1997 — 1999 гг. за истечением сроков давности было прекращено свыше 6 тыс. дел по установлению личности граждан по неопознанным трупам. В одном только 1999 году было прекращено 2, 8 тыс. таких дел. Как отмечает К.А. Толпекин, «нередко акты судебно-медицинского исследования трупов не истребуются и не приобщаются к проверочному материалу» [2].

Наряду с этим прокурорами выявлялись все более многочисленные факты сокрытия преступлений от учета, было отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по убийствам с их возбуждением в 1997 г. — 465, в 1999 г. — 500. В 1997 г., например, только в одном отделе внутренних дел Москвы по фактам смерти граждан (всего 77 случаев) выявлены незаконные решения, принимавшиеся без актов судебно-медицинского исследования трупов и вынесения процессуальных решений. В целом в 1998 г. было установлено больше, чем в 1997 г., фактов укрытия преступлений от учета на 35 % (1 678), необоснованного отказа в возбуждении уголовного дела — на 27 % (2 589), необоснованного прекращения уголовного дела — на 24 % (365)[3].

Все чаще фиксировались случаи организованных убийств, при которых трупы либо вообще уничтожаются, либо очень тщательно скрываются. В 1994 г. ранее неоднократно судимый З. в Москве организовал банду, которой в 1995-1996 гг. были совершены около двух десятков нападений, вымогательств и других тяжких преступлений. В компьютерах банды закладывались данные на предстоя-

---

[1] С начала 90-х годов резко возросло число *неопознанных трупов* (1990 г. — 2 837, 1995 г. – 18 381). С 1996 г., число судебно-медицинских экспертиз и исследований трупов значительно сокращается (1998 г. — 8 865).

[2] Проблемы прокурорского надзора за соблюдением законности при разрешении заявлений и сообщений об обнаружении неопознанного трупа. Информация в Генеральную прокуратуру РФ. 1998 г.

[3] Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 15.

щих жертв, имелись фотографии последних в специальных фотоальбомах. Члены банды, имитируя действия специальных подразделений милиции, являлись в коммерческие предприятия, бары, квартиры и др., захватывали и увозили с собой людей, пытали и истязали их, требуя отдать деньги, ценности , валюту и т.п. Либо таким же образом под видом действий милиции захватывали несговорчивых заявителей, отказывающихся забрать свои заявления из правоохранительных органов, увозили их с собой; многих убивали, а трупы уничтожали либо прятали.

Показательны также общие данные о числе неопознанных трупов (табл. 14) и числе лиц, пропавших без вести (табл. 15)[1].

Таблица 14

Динамика числа находившихся в производстве дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам в России в 1990-1995 гг.

1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
8 813	9 856	13 068	20 806	31 844	44 649
В том числе количество новых дел, заводившихся в соответствующем году					
2 837	3 229	5 261	10 718	17 742	21 885

Таблица 15

Динамика числа лиц, пропавших без вести, находившихся в розыске и не обнаруженных в России в 1990-1995 гг.

1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.
13 214	14 386	16 962	20 035	23 238	22 708

Активизация миграционных процессов, расширение группы лиц без определенного места жительства, рост числа организованных убийств с тщательным сокрытием следов преступлений и другие обстоятельства затрудняли выявление и трупов, и фактов исчезновения людей. Омский областной суд приговорил к трем с половиной годам лишения свободы предпринимателя М., убившего двух бандитов, вымогавших у него имущество, и зацементировавшего их трупы в железные бочки». Сферой бизнеса М. была торговля автомобилями и запчастями. Ему 40 лет, имеет высшее образование и один воспитывает двух дочерей. Рэкетиры потребовали отдать им некий долг — 300 тыс. рублей, переписать на них дом и квартиры, пригрозили, что изнасилуют дочерей, старшей из которых 17 лет[2].

---

[1] Позднее изменение форм соответствующих статистических отчетов не позволяло обеспечивать прежнюю сопоставимость указанных в таблицах данных. Но эти данные и по иным причинам утрачивали свое прежнее значение при анализе латентности преступности.

[2] Коммерсантъ 1999 г. 29 мая

В России на одно зарегистрированное умышленное убийство приходилось все меньше зарегистрированных умышленных тяжких телесных повреждений (тяжкого вреда здоровью): в 1990 г. - 1:2,7; в 1993 г. - 1:2,3; в 1997 г. - 1:1,6, в 1998—1999 годах - 1:1,5. На одного погибшего, по данным приходилось все меньше лиц, здоровью которых был причинен тяжкий вред (1997 г. — 1:6, 1998 г. —1:2, 1999 г. — 1:1)[1].

Между тем, судя по многолетним данным судебных медиков и другим сведениям, преступления против жизни и здоровья можно представить как некую пирамиду, в основании которой находятся случаи побоев, затем — факты причинения легкого вреда здоровью, далее — средней тяжести, тяжкого, а на вершине пирамиды — убийства.

Соотношение числа фактов легких телесных повреждений, менее тяжких и тяжких давало основание для вывода о том, в каких регионах срытая часть преступности выше, а в каких может быть ниже. В частности, из таблицы 16 видно, что наиболее парадоксально это соотношение выглядело в первой половине восьмидесятых годов в Туве. Именно там, как показало затем криминологическое исследование, была наиболее высока латентность преступности, и скрытая, и скрываемая ее части.

Таблица 16

Данные о числе лиц, получивших телесные повреждения и погибших насильственной смертью по данным бюро судебно–медицинской экспертизы

Регионы	Легкие телесные повреждения		Менее тяжкие телесные повреждения		Тяжкие телесные повреждения		Насильственная смерть (убийства, самоубийства, несчастные случаи и т.п.)	
	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.
Тувинская АССР	1 666	1 862	320	320	489	582	921	863
Ленинградская обл.	5 155	7199	895	1 157	595	748	2 984	3 082
Свердловская обл.	17 524	18 567	2 920	3 570	2 122	2 149	8 130	7 956
Башкирская АССР	12 881	15 467	1 989	2 739	1 202	1 374	4 472	5 528
Ростовская обл.	1 551	16 789	2 089	2 682	1 387	1 408	5 242	5 371
Московская обл.	11 504	15 515	2 152	2 405	1 400	1 663	8 746	8 510

Выводы судебных медиков могут по-разному «перерабатываться» правоохранительными органами и в уголовной статистике соотношение указанных видов причинения вреда здоровью может быть иным. Здесь исследователь встречается уже со скрываемой частью преступности. Правда, надо всегда помнить, что причинение определенного вида телесных повреждений может ква-

[1] Это — средние данные, такие соотношения резко различаются по регионам.

лифицироваться не только как таковое, но, если вред здоровью причинен в процессе совершения разбоя или грабежа, — как разбой или грабеж, либо иное преступное деяние.

Сопоставление результатов разрешения разных заявлений и сообщений по регионам дает представление об относительно устойчивой системе реагирования правоохранительных органов определенного региона на сообщения о преступлении (табл. 17).

Из таблицы 17 видно, что в первой половине восьмидесятых годов наиболее часто возбуждались уголовные дела по заявлениям о кражах в Тувинской АССР, меньше в Курской, Свердловской и других областях.

Следовательно, там может быть выше процент не скрытых, а скрываемых преступлений, то есть становящихся известными правоохранительными органами. Правда, на первых порах, при ознакомлении со статистическими сведениями, это — лишь предположение, которое следует всегда проверять.

В таблице приведены данные и о реагировании правоохранительных органов на материалы контролирующих органов. Оказалось, что такое реагирование резко различалось по регионам. Особого внимания в аспекте законности их разрешения требовали Московская, Ленинградская, Курская области.

Таблица 17

Разрешение заявлений и материалов о преступлениях (в процентах)

Регионы	Заявления граждан о кражах личного имущества (ст. 144 УК РСФСР)		Заявления о кражах социалистического имущества (ст. 89 УК РСФСР)		Материалы контролирующих органов о хищениях и других преступлениях (КНК, КРУ, Стройбанк, Госбанк, торгинспекция)	
	% возбужденных уг. дел	% отказа в возбуждении уг. дел по нереабилитирующим основаниям	% возбужденных уг. дел	% отказа в возбуждении уг. дел по нереабилитирующим основаниям	% возбужденных уг. дел	% отказа в возбуждении уг. дел по нереабилитирующим основаниям
Ленинградская обл.	46,8	40,2	63,9	39,8	12,0	24,1
Свердловская обл.	49,1	23.2	59,0	15,3	21,6	42,9
Московская обл.	57,1	8,7	59,9	7,1	2,0	19,0
Ростовская обл.	52,2	8,4	51,4	12,0	27,0	3,0
Курская обл.	62,5	9,4	67,3	7,5	13,8	65,4
Башкирская АССР	54,9	8,5	54,7	10,3	24,1	25,5
Тувинская АССР	76,4	7,3	76,4	8,9	24,0	11,0

В Курской области к тому же сумма выявлявшегося только органами народного контроля ущерба возросла в шесть раз, а размер ущерба по направленным в суд уголовным делам о хищениях в не

особо крупном размере снижался; правда стал фиксироваться ущерб по делам о хищениях в особо крупных размерах (табл. 18).

В Московской области привлекли внимание значительный материальный ущерб, выявлявшийся органами народного контроля (табл. 17) и разрыв между этой суммой ущерба и суммой ущерба по уголовным делам (табл. 18,19).

Последовательное сравнение системы данных позволяет более точно выявлять те регионы и те показатели преступности, которые заслуживают особого внимания с точки зрения изучения латентности преступности. Но сами по себе эти данные еще могут служить основанием для окончательных выводов.

Таблица 18

Динамика некоторых показателей злоупотреблений в сфере экономики по материалам комитетов народного контроля

Регионы	Суммы ущерба от недостач, хищений, бесхозяйственности (в тыс. руб.)		Общее число должностных лиц, привлеченных к ответственности		Число передававшихся в прокуратуру материалов	
	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.
Московская область	1 658	нет данных	2 259	Нет данных	73	Нет данных
Ленинградская область	132	2 952.9	1 193		17	
Свердловская область	537. 1	7 407. 7	1 198	1 952	54	94
Ростовская область	1 602,1	9 603.3	4 574	6 359	98	110
Башкирская АССР	421. 5	3 200	4 692	6 122	106	184
Тувинская АССР	662,8	17 090	465	557	20	29
Курская область	497	3 171	1 291	1 912	42	68

Таблица 19

Данные о размерах материального ущерба по уголовным делам о хищениях государственного и общественного имущества, направленным в суд

Регионы	Сумма ущерба по уголовным делам о хищениях, направленным в суд		Сумма ущерба по уголовным делам о хищениях в особо крупных размерах, направленных в суд	
	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.
Тувинская АССР	202 425	615 910	11 608	—
Ленинградская обл.	724 627	432 585	257 429	76 719
Свердловская обл.	1 626 059	1 092 965	496 819	390 504
Башкирская обл.	1 116 903	920 354	156 652	321 240
Ростовская обл.	1 891 382	3 185 364	665 256	1 453 166
Московская обл.	1 908 464	1 349 404	226 190	514 888
Курская обл.	651 807	597 096	нет данных	175 219

При изучении латентности выявляются обстоятельства, связанные не только с деятельностью правоохранительных органов, но и контролирующих, иных, а также с пассивностью граждан.

Например, в 1999 г. В.В. Астанин [1] обратил внимание на то, что в правоохранительные органы практически поступают только единичные материалы из Госторгинспекции, хотя факты обмана потребителя весьма распространены. Правоохранительными органами было зарегистрировано в несколько раз больше фактов обмана потребителя (табл. 20).

И уже в десятки раз различались факты выявления органами МВД и подразделениями Госторгинспекции административных правонарушений на потребительском рынке России (табл. 21).

Таблица 20

Динамика числа фактов обмана потребителя по данным Госторгинспекции РФ и правоохранительных органов в России в 1998-1999 гг.

Показатели	1998 г.	1999 г.	Прирост к 1998 г., %
Данные Госторгинспекции РФ			
Число зарегистрированные фактов обмана потребителя	26 145	27 728	+ 6,0
Общее количество передаваемых инспекцией материалов в следственные органы для возбуждения угол. дел по выявленным фактам нарушений в сфере потребительского рынка	1 038	1 276	+ 22,9
Данные статистики правоохранительных органов			
Число зарегистрированные фактов обмана потребителя	44 014	63 694	+ 44,7
Число выявленных преступников, обманувших потребителя	41 071	60 393	+ 47,0

Таблица 21

Данные о выявленных административных правонарушениях в сфере потребительского рынка России в 1998-99 гг.

Ведомства	Количество выявленных административных правонарушений							
	незаконная торговля товарами, свободная реализация которых запрещена		продажа товаров без документов		продажа подакцизных товаров без маркировки		нарушение правил торговли спиртными напитками	
	1998 г.	1999 г.	1998 г.	1999 г.	1998 г.	1999 г.	1998 г.	1999 г.
МВД	146 640	165 039	101 328	92 525	41 618	45 996	41 894	62 295
Госторгинспекция	10 425	7 964	21 373	17 490	10 051	1 754	544	801
Различия	в 14 раз	в 20,7 р.	в 4,7 р.	в 5,2 р.	в 4 р.	в 26,2 р.	в 77 р.	в 77,7 р.

Причины такой практики реагирования подлежат тщательному выявлению. Они могут корениться как в количестве контролеров, качестве их подготовке и необходимом техническом оснащении, так и в преступлениях (получение взятки и др.), а также в издержках борьбы с преступностью — страхом перед преступниками, нежела-

[1] См.: Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001. С. 3—23.

нием вступать с ними в конфликт, а также в других обстоятельствах.

Наиболее распространенные аргументы отказа граждан от обращений в правоохранительные органы: преступник все равно не будет найден; заявление не будет принято; если преступник и будет найден, то к уголовной ответственности его не привлекут. Люди говорили и о боязни мести со стороны преступника. Из числа обратившихся в правоохранительные органы в конце девяностых годов только 17 % указали, что преступник был осужден, еще 17 % — что был установлен, но освобожден от уголовной ответственности, 33 % — что преступник не был найден, остальные написали, что заявлению не был дан ход или заявителей не известили о принятых мерах.

Прокурорские проверки действительно обнаруживали, что если преступник не был установлен, часто выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Выявлялись также многочисленные факты искажения текстов телефонограмм, поступавших из различных городских больниц с информацией о пациентах с различными травматическими повреждениями.

В уголовной и судебной статистике представлены, строго говоря, результаты не только собственно преступного поведения, но также посткриминального поведения преступника, его жертв, свидетелей и т.п., а также функционирования системы государственного социального контроля в широком смысле этого слова.

Важен учет разных обстоятельств: а) того, как преступник скрывает следы, избегает ответственности в результате запугивания свидетелей, подкупа служителей Фемиды, использует иммунитет, вытекающий из его официального статуса,[1] и т.п.; б) поведения жертвы преступления, в) позиции сотрудников правоохранительных органов, судей, г) поведения свидетелей, экспертов, ревизоров, контролеров и других субъектов.

Уголовная и судебная статистика формируются правоохранительными органами, судами, органами юстиции. В ней отражаются только те данные о преступности, которые «переработаны» в предусмотренном законом порядке.

Это имеет место во всех государствах. К сожалению, данный момент не всегда учитывается и не всегда оговаривается даже специалистами-криминологами, не говоря уже об иных авторах. В 1836 г. вышло в свет сочинение бельгийского математика и статистика А.

---

[1] Например, прокуратуре дважды пришлось обращаться к квалификационной коллегии судей, чтобы привлечь к уголовной ответственности судью в Санкт-Петербурге за покушение на получение взятки в особо крупном размере от уже осужденного по другому уголовному делу и его адвоката (МК, 1997, 26 марта.).

5 Зак. 3144

Кетле «Человек и развитие его способностей или опыт общественной физики», в котором автор писал: «Во всем, что касается преступлений, числа повторяются с таким постоянством, что этого нельзя не заметить...Это постоянство, с которым ежегодно воспроизводятся одни и те же преступления и вызывают те же самые наказания в одних и тех же пропорциях, есть один из самых любопытных фактов, какие сообщают нам статистические данные уголовных судов; его я всегда особенно старался выставить на вид в разных своих сочинениях...»[1]. Но опыт криминологических исследований позволяет предположить, что указанное постоянство цифр может в очень сильной степени зависеть от постоянства количества судов и судей, ибо, с одной стороны, Кетле говорит о «преступлениях», с другой — называет в качестве источника сведений о них «статистические данные уголовных судов». В принципе верен тезис об относительном постоянстве преступности в определенных условиях, но на этом подробнее остановимся далее.

Латентная часть преступности — это такой «черный ящик», из которого может быть извлечено очень многое уже только при увеличении численности сотрудников правоохранительных органов и оптимизации деятельности правоохранительной системы. Соответственно цифры зарегистрированных проявлений преступлений могут увеличиться пропорционально повышению «пропускной способности» данной системы. Но повышение такой пропускной способности резко меняется крайне редко. И если, например, кривая преступности в каком-то году дает на графике пик, для криминолога это означает, что надо искать причины прежде всего в смене руководства органов внутренних дел, резкой смене политики регистрации преступлений, изменении уголовного закона и т.п. Так, резкое возрастание числа зарегистрированных преступлений в 1983 г. было связано с тем, что новый Министр МВД СССР стал принимать жесткие меры по пресечению фактов сокрытия преступлений от учета, а пик в 1989 году явился следствием более либерального подхода органов внутренних дел к оценке деятельности по проценту раскрываемости — стало больше регистрироваться нераскрытых деяний. Затем начался отход от этой линии. Некоторая активизация регистрации преступлений наметилась на рубеже веков с приходом очередного нового Министра МВД, но уже в начале века ее результаты были частично нейтрализованы ожиданием принятия и принятием нового УПК РФ. Принятие данного УПК РФ повлекло резкое сни-

---

[1] *Кетле А.* Человек и развитие его способностей или опыт общественной физики, СПб. 1865. С.5-7.

жение числа возбуждаемых уголовных дел в условиях нового процессуального порядка их возбуждения, расследования и судебного рассмотрения.

Размеры латентности зависят от качественных характеристик преступности, ее структуры. Чем выше удельный вес общеуголовных преступлений, преступлений несовершеннолетних, тем бывает ниже латентность всей преступности. Это понятно, так как на наиболее латентную часть преступности приходится меньшая доля. И наоборот: чем выше в преступности удельный вес экономических преступлений, «респектабельных», а также профессиональных и организованных преступлений, тем выше общая латентность преступности.

Криминологическими исследованиями было установлено, что общеуголовная преступность и преступность несовершеннолетних, как правило, отражаются в уголовной статистике представительно. По данным статистике можно было достаточно верно судить об их тенденциях. Другие указанные виды преступности отражались в уголовной статистике в таком незначительном проценте своих проявлений, что статистические данные вообще периодами показывали «обратную» картину истинной динамики и распространенности соответствующих преступлений.

Время развития организованности преступности несколько изменило положение дел с латентностью преступности несовершеннолетних и частью общеуголовной преступности. Многие несовершеннолетние включались в организованные формирования, незаконный оборот наркотиков и др. деяния. Это связано с трудностями раскрытия соответствующих преступлений

Основными аргументами тех, кто отрицал наличие и развитие в России организованной преступности были следующие: «Где статистические данные, подтверждающие это? Где уголовные дела, отражающие ту организованную деятельность, о которой идет речь?». Помнится высказывание в Верховном Суде РФ в начале девяностых годов: «Для нас проблемы организованной преступности в том виде, в каком ее описывают криминологи, не существует — она не просматривается в уголовных делах».

Важной предпосылкой того, чтобы криминальная реальность отражалась в уголовных делах и статистике, является такое состояние борьбы с преступностью, которое бывает адекватным изменяющимся характеристикам последней.

Итак, каков же ответ на вопрос, можно ли точно установить процент латентности преступности или отдельных видов преступлений? Многолетние криминологические исследования не позволяют

на него ответить категорическим «да». «Черный ящик» все-таки остается «черным». Можно сказать — и то приблизительно — следующее: представительно или нет отражаются разные виды преступлений в уголовной статистике; увеличивается или уменьшается латентность; в каком-то регионе она сравнительно с другими выше или ниже и т.п. Но трудно верить, например, таким категорическим утверждениям, что латентность преступлений в сфере экономической деятельности, составляет 98 % или 98,8 %. Да к тому же группа таких преступлений крайне разнообразна. Надо учитывать еще и то, что в некоторые периоды может усиливаться борьба с какими-то из них и тогда их латентность может понижаться.

Анализ латентности преступности — это всегда необходимый и важный этап в изучении преступности, ибо без него нельзя обоснованно судить о фактических тенденциях преступности, ее изменениях, региональных, социально-групповых и других различиях.

§ 3. Как относиться к сравнительным криминологическим исследованиям в разных государствах и регионах?

Обозначенный в названии параграфа вопрос возникает в связи с тем, что при сравнительном исследовании очень часто учитываются преимущественно или только статистические сведения. В самой общей форме можно сказать, что сравнительные исследования надо приветствовать. Проблема заключается прежде всего в их методической и организационной основах.

В последние десятилетия многие международные организации, и прежде всего Организация Объединенных Наций (ООН), немало делают в плане сбора информации о преступности в разных странах мира, причем не только статистической, но и иной аналитической, а также ее упорядочения. На основе такой информации создаются интересные работы, которые привлекают к себе внимание специалистов разных стран. В девяностых годах в России наиболее полные анализы мировых тенденций преступности осуществлены В.В. Лунеевым и Д.А. Ли. В этом направлении работает О.Н. Ведерникова[1]. Многое также было сделано В.М. Решетниковым, В.П. Шупиловым, Г.В. Дашковым и рядом других криминологов.

Сравнительный криминологический анализ преступности в мире вряд ли под-силу специалистам одной страны, даже очень квалифицированным и информированным. При его осуществлении требует-

[1] Ведерникова О.Б. Теория и практика борьбы с преступностью: Британская криминологическая модель. Диссертация докт. юрид. наук. М., 2001.

ся учет многих специфических для стран обстоятельств: понимания того, что является преступным; изменения уголовного законодательства и практики его применения; осведомленность об альтернативных мерах воздействия на криминальные явления; «пропускная способность» правоохранительной системы, особенности формирования уголовной статистики и т.д. Выводы, сделанные на основе ограниченного анализа, редко выглядят убедительными, скорее они могут рассматриваться как гипотезы, подлежащие очень глубокой проверке. Но при этом могут заслуживать внимания и такие вопросы, как обоснованность гипотезы — настолько ли она обоснована, что заслуживает такой глубокой проверки с расходованием значительных средств и сил. Правда, существует мнение, что не надо жалеть средств на научные исследования, но научный сотрудник понимает, что исследования — это не только вопрос средств. Поэтому всегда надо максимально внимательно относиться к тому, что он сделал, в то же время не стесняться ему оппонировать, разумеется в созидательных, а не разрушительных целях.

Российский криминолог Д.А. Ли проделал большую и полезную во многих отношениях работу по глобальному анализу статистических данных о преступности в разных странах мира. В частности, он привел обобщающие показатели преступности в трех группах стран: слаборазвитых, среднеразвитых, высокоразвитых.

Из анализа Д.А. Ли, как он считает, следует, что преступность тем выше, чем выше уровень развития страны. Преступность при этом измеряется числом зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. населения, а степень развитости — номинальным доходом на душу населения, рассчитанным из номинальной валовой величины национального дохода в долларах США[1]. Наиболее общие результаты Д.А. Ли отражены в табл. 22.

Один из выводов Д.А. Ли сводится к следующему: «Как правило, в странах с высоким уровнем дохода на душу населения регистрируется относительно высокий уровень преступности. Каким образом эти два показателя связаны между собой — мы пока не знаем, но можно предположить, что в странах с высоким уровнем дохода правоохранительные органы функционируют более оптимально по сравнению с другими»[2].

---

[1] *Ли Д.А.* Уголовно-статистический учет. Структурно-функциональные закономерности. М., 1998. С. 106 и др.

[2] Там же. С. 126.

Таблица 22

Коэффициенты преступности в разных группах стран на основе среднеарифметических данных за 1993-1996 гг. по расчетам Д.А. Ли[1]

Страны	Среднеарифметическое их число	Среднеарифметический доход на душу населения в долларах США	Коэффициент преступности (число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. нас.)
Слаборазвитые	108	707	921,7
Среднеразвитые со средне-низким доходом на душу населения	41	2 912. 25	2 844.1
Среднеразвитые со средневысоким доходом на душу населения	41	10 756.75	4 059.7
Высокоразвитые	25	24 582.75	6 210.0

Одним из оснований данного категоричного вывода служит посылка Д.А. Ли о существовании некоторых постоянных пропорций зарегистрированной и латентной преступности, а также о допустимости оперирования усредненными данными о латентности преступности: «... число зарегистрированных преступников составляет 24 % от общей численности предполагаемых преступников, а 76 % — удается избежать уголовной ответственности. Как уже было отмечено, именно это соотношение оптимально для сохранения и воспроизводства структуры преступного социума»[2].

Близка к изложенной и позиция другого исследователя мировых тенденций преступности, В.В. Лунеева: «Несмотря на меньшие экономические возможности, развивающиеся страны в расчете на 100 тыс. населения содержат большее число персонала системы уголовной юстиции. Точнее, они больше выделяют ресурсов для содержания полицейских сил, чем других учреждений уголовного правосудия...Таким образом, одним из объяснений относительно низкого уровня преступности в развивающихся странах может быть (предположительно!) наличие жесткого дискреционного полицейского контроля за поведением и деятельностью людей»[3]. В.В. Лунеев не склонен усреднять удельный вес латентной преступности в разных странах. Нельзя не согласиться и с тем, что требуются дополнительные исследования, в частности, не только статистических, но и динамических закономерностей преступности[4]. И, конечно же,

---

[1] Там же. С. 107-126.

[2] *Ли Д. А.* Преступность как социальное явление. М., 1997. С. 41.

[3] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1998. С. 35-36.

[4] Статистика, находя и измеряя общие свойства, устанавливает общие статистические закономерности, основанные на действии закона больших чисел. Она не объясняет внутренний механизм формирования закономерностей, не вычленяет причинные зависимости. Динамические закономерности - это закономерности развития. Их изучение непосредственно ведет к обна-

можно вполне предположить (а затем проверить данную гипотезу), что более богатые страны больше денег тратят на правоохранительную систему: имеют большую численность сотрудников, более квалифицированных и высокооплачиваемых, дорожащих своей работой, больше средств тратят на повышение квалификации данных сотрудников, обеспечение их безопасности, безопасности свидетелей и других участников уголовного процесса. Отсюда — б льшая эффективность деятельности *по выявлению преступлений.*

В то же время можно сказать и о другом: страны различаются не только по экономическим характеристикам, но также по социальным, политическим, включая государственно-правовые, культурным и иным. В одних странах граждане чаще прибегают к старым, традиционным способам решения конфликтов, без участия правоохранительных органов: с помощью старейшин, общины и т.п., в других — обращаются только или преимущественно в правоохранительные органы.

Это может влиять не только на размеры латентной преступности, но и на ее структуру, определять ее скрытую и скрываемую части.

В бывшем СССР преступность не была одинаковой в разных союзных республиках. При этом прямые данные уголовной статистики всегда опровергали бытовавшее у значительной части граждан мнение, что цифры зарегистрированной преступности были выше в Эстонии, Латвии, Литве и ниже в — республиках Закавказья и Средней Азии. «Как же так? Когда мы отдыхаем в Прибалтике, то можем гулять хоть всю ночь, никого не опасаясь, да и обманывают в системе торговли и общепита там гораздо реже?», — спрашивали часто на лекциях. В этом вопросе содержится указание и на так называемые общеуголовные преступления[1], и экономические, хозяйственно-корыстные[2].

Что касается общеуголовных преступлений, то, например, в республиках Закавказья по сравнению с республиками Прибалтики,

---

ружению причинных зависимостей, выявлению причин соответствующего состояния преступности.

[1] К общеуголовным корыстным преступлениям относят те деяния, которые заключаются в прямом незаконном завладении чужим имуществом, совершаются по корыстным мотивам, в целях неосновательного обогащения за счет этого имущества, причем без нарушения хозяйственных связей и экономических отношений, без использования служебного положения. (Методика анализа преступности. М., 1986. С.51, 59, 69).

[2] Экономические или хозяйственно-корыстные преступления совершаются с нарушением принципов управления, хозяйствования, производства и распределения материальных ресурсов, со злоупотреблением каким-то официальным положением. . (Методика анализа преступности. М., 1986).

было очень распространено «улаживание» преступниками и их родственниками уголовно-правовых конфликтов в ходе непосредственных контактов с жертвами преступлений, их родственниками и знакомыми, минуя правоохранительные органы. Нередко это происходило с помощью старейшин, авторитетных людей, особенно когда речь шла о конфликтах в среде постоянных жителей региона, родственников.

Соответственно обращались в правоохранительные органы в Армении, Азербайджане, Грузии, как правило, в случаях совершения наиболее тяжких преступлений или приезжие, ставшие потерпевшими, или иные лица, не включенные в систему местных обычаев и связей. Подобная практика носила очень ограниченный характер в Эстонии, Латвии, Литве.

Все это хорошо просматривалось в системе статистических показателей: при более низких общих коэффициентах преступности в Закавказье там были высоки коэффициенты умышленных убийств и ряда других тяжких преступлений. Если говорить об экономических преступлениях, то и по зарегистрированным данным их коэффициенты были выше в республиках Закавказья, но в общих статистических данных о преступности такое положение в значительной мере вуалировалось низкими цифрами зарегистрированных общеуголовных преступлений (табл. 23)[1].

Россия включала и включает регионы с самыми разными обычаями реагирования на преступления.

К бывшим союзным республикам Закавказья близки по ряду криминологически значимых обычаев республики Северного Кавказа. И при сравнении их зарегистрированной преступности с преступностью других регионов России, в том числе республик с распространением мусульманских обычаев, устанавливается практически та же закономерность: по общим коэффициентам зарегистрированных преступлений преступность в Северо-Кавказских республиках кажется относительно низкой, по коэффициентам умышленных убийств с покушениями, бандитизма и — особенно — похищений человека, наоборот, выглядит как весьма неблагополучная (табл. 24).

---

[1] Кроме того, важен и принцип расчета коэффициентов преступности— то, рассчитываются ли они на все население или на население с 14 лет. Уже сам по себе принцип расчета коэффициентов многое меняет в их величине и различиях, если речь идет о регионах с разной возрастной структурой населения: в расчете Кф (коэффициента по фактам зарегистрированных преступлений) на все население Кф в Эстонии и Азербайджана различия составляли в 1990 г. 7 раз (соответственно 1511 и 217), а при расчете на население в возрасте от 14 лет — 6,1 раза (1909 и 311).

Таблица 23

Динамика коэффициентов разных видов преступлений в союзных республиках СССР в 1980-1990 гг.

(число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. всего населения)*

Союзные республики:	1985 г.	1986 г.	1987г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.
Общие коэффициенты преступности						
Армянская	239	225	211	188	255	366
Азербайджанская	246	227	205	201	214	217
Грузинская	358	353	328	309	327	364
Латвийская	975	856	818	861	1 099	1 297
Литовская	597	573	551	580	844	999
Эстонская	966	811	737	774	1 196	1 511
РСФСР	988	930	817	831	1 090	1 243
Коэффициенты экономических преступлений						
Армянская	116	118	115	83	85	86
Азербайджанская	124	124	113	94	95	88
Грузинская	147	148	150	151	139	124
Латвийская	88	98	102	101	84	88
Литовская	114	107	108	106	93	73
Эстонская	104	103	84	55	58	56
РСФСР	135	142	140	131	127	130
Коэффициенты умышленных убийств с покушениями						
Армянская	2,0	1,8	1,7	2,6	3,4	6,1
Азербайджанская	4,1	4,4	3,7	3,7	4,8	6,8
Грузинская	5,2	4,9	4,4	4,3	5,7	7,3
Латвийская	5,8	4,0	4,1	4,2	6,6	6,2
Литовская	4,0	3,9	3,4	3,9	4,2	6,0
Эстонская	5,2	4,9	4,5	5,0	5,7	8,7
РСФСР	6,8	5,3	5,2	5,9	7,5	8,6

* В таблице нет данных об экономической преступности, так как после введения в 1997 г. в действие УК РФ круг экономических преступлений резко изменился по сравнению с тем периодом, который относится к временам СССР.

При анализе статистических различий преступности весьма значима оценка характеристик сотрудников правоохранительных органов в разных странах. Эти сотрудники реагируют на преступления не только в соответствии с законом, но и собственным правовым, нравственным, религиозными и иными формами сознания, своими представлениями о справедливости, ожиданиями окружающих и т.д.

Люди чаще стараются обходить стороной правоохранительные органы в условиях «дешевой юстиции», падкой на подкуп, с неквалифицированными кадрами, занимающими места преимущественно в соответствии со своими родственными, клановыми связями, а не степенью профессионализма, нравственными качествами.

Таблица 24

Места регионов по коэффициентам отдельных видов зарегистрированных преступлений на 100 тыс. лиц с 14 лет в 1997—1999 гг., начиная с самого высокого (в скобках—Кф в 1999 г.)

Субъекты федерации	Кф умышленных убийств с покушениями на убийство	Кф бандитизма*	Кф похищения человека**
Группа регионов с наиболее высокими общими коэффициентами			
Курганская обл.	15, 18, 14 (33,3)	14, 8, 15 (0,4)	22, 17, 26 (0,3)
Пермская обл.	11, 13, 10 (38,3)	8, 11, 10 (0,9)	12, 16, 20 (0,8)
Еврейская авт. обл.	13, 15, 43 (22,4)	0, 0, 13 (0,6)	12, 4, 23 (0,6)
Республика Бурятия	5, 4, 3 (44,3)	11, 3, 6 (1,5)	18, 10, 15 (1,4)
Хабаровский край	7, 6, 7 (41,2)	11, 9, 16 (0,3)	17, 7, 11 (1,8)
Сахалинская обл.	12, 17, 4 (42,2)	11, 7, 0 (0)	22, 13, 21 (0,8)
Магаданская обл.	9, 19, 33 (26,5)	15, 5, 9 (1,0)	10, 6, 24 (0,5)
Республика Тыва	1, 1, 1 (96)	0, 10, 0 (0)	10, 11, 8 (2,3)
Тюменская обл.	16, 20, 20 (30,1)	12,11,11 (0,8)	17, 16, 20 (0,8)
Новосибирская обл.	51, 57, 47 (21,0)	12, 4, 15 (0,4)	13,1 0, 11 (1,8)
Иркутская обл.	3, 2, 2 (50,6)	13, 11, 14 (0,5)	18, 16, 17 (1,2)
Группа регионов с наиболее низкими общими коэффициентами			
Белгородская обл.	70, 69, 65 (14,2)	13, 3, 18 (0,1)	22, 20, 22 (0,7)
Московская обл.	23, 33, 26 (28,5)	14, 12, 16 (0,3)	17, 11, 19 (1,0)
Респуб. Сев. Осетия Алания	19, 24, 27 (27,9)	1, 7, 10 (0,9)	2, 2, 3 (9,8)
Республика Башкортостан	65, 66, 57 (17,9)	13, 12, 15 (0,4)	20, 22, 22 (0,7)
Рязанская обл.	36, 58, 45 (21,8)	14, 0, 16 (0,1)	19, 8, 22 (0,7)
Пензенская обл.	66, 67, 57(17,9)	13, 13, 17 (0,2)	21, 23, 25 (0,4)
Кабардино-Балкарская Респ.	69, 65, 61 (16,9)	13, 12, 7 (1,3)	6, 5, 5 (4,0)
Москва	46, 66, 62 (16,5)	10, 10, 14 (0,5)	10, 9, 10 (1,9)
Республика Дагестан	55, 59, 61 (16,9)	9, 8, 13 (0,6)	3, 3, 4 (6,2)
Ингушская Республика	43, 37, 30 (26,8)	2, 16, 5 (1,7)	1, 1, 1 (18,2)

* Первые места в 1999 г. занимали Томская обл. (3,3, ранее 0,5 в1997 г. и 0,3 в 1998 г.), Приморский край (соответственно 2, 0,8 , 0,4), Республика Адыгея (1,9, 0, 0,8).

**2 и 3 места в 1999 г. занимали Республики Чеченская и Северная Осетия. См.: Региональные различия преступности и их причины// Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 226—248.

В.В. Лунеев пишет: «Можно предположить, что тотальный полицейский контроль за деятельностью и поведением людей при соответствующих исторических условиях коррелирует с относительно низкими показателями уголовной преступности. Однако мировое сообщество не считает такой социальный контроль над преступностью оптимальным. Ибо этот низкий уровень уголовной преступности обычно компенсируется злоупотреблениями властей против своего народа, квалифицируемыми чаще всего как нарушения прав человека. В итоге общий уровень общественно опасных деяний (преступления + некриминализированные злоупотребления властей), по нашему мнению, представляют собой для каждого исторического периода и государства некую величину, соотносимую с аналогичными данными других стран»[1].

[1] *Лунеев В.В.* Указ. соч. С. 36.

Однако, во-первых, опыт ряда стран дает убедительные доказательства того, что усиление полицейского контроля только на короткое время приводит к снижению преступности. Причем оно может сопровождаться в первое время увеличением числа выявленных и зарегистрированных преступлений. И то не всех, а тех, которые поддаются выявлению с помощью усиления полицейского контроля. К таким не относятся экономические, беловоротничковые, компьютерные и ряд иных преступлений. Известно, что Р. Рейган и М. Тэтчер основную ставку в борьбе с преступностью делали на наращивании полицейских сил. В США число зарегистрированных тяжких преступлений снизилось с 13 млн. в 1981 г. до 11,8 млн. в 1984 г., а потом вновь начался ее рост. В восьмидесятых годах в Великобритании расходы на полицию увеличились в три раза, количество зарегистрированных преступлений за то же время удвоилось[1].

В России в 1994-1997 гг. в полтора раза возрос удельный вес в структуре федерального бюджета расходов на правоохранительную деятельность (с 6,8 % до 9,9 %), а в целом на силовые структуры с 28,6 % до 32,8 % (табл. 25). За тот же период заметно снизился удельный вес расходов на науку, образование, промышленность.

Таблица 25

Структура расходов федерального бюджета в России в 1994-1997 г.г.[2]
(% в общей сумме расходов)

Расходы на:	План 1994 г.	План 1995 г.	План 1996 г.	Фактически 1 полугодие 1996 г.	Проект бюджета на 1997г.
Государственное управление	1,7	1,9	1,7	1,7	1,3
Национальная оборона	20,9	21,8	19,6	23,0	20,1
Правоохранительная деятельность	6,8	7,6	8,6	8,5	9,9
Предупреждение и ликвидация последствий	0,9	1,0	1,4	1,1	1,8
Итого: силовые структуры	28,6	30,4	29,6	32,6	32,8
Наука	2,6	2,7	2,8	2,0	3,4
Образование	3,8	4,0	3,7	3,7	3,6
Культура и искусство	0,5	0,6	0,7	0,2	1,7
Здравоохранение и физкультура	2,0	1,9	1,8	1,1	8,5
Итого: бюджетные отрасли	8,9	9,2	9,0	7,0	8,5
Промышленность, энергетика и строительство	15,8	11,9	12,1	6,0	2,1
Сельское хозяйство	6,4	3,8	3,5	3,9	10,6
Итого: поддержка производства и инвестиции	22,2	15,7	15,6	9,9	16,2

[1] *Иншаков С.М.* Зарубежная криминология. М.,1997. Глава 16 учебника «Криминология». Под ред. Долговой А.И. М., 1999. С. 426-427. Дискуссия по поводу двухуровневого построения системы охраны общественного порядка в Великобритании // Борьба с преступностью за рубежом. 1995. № 5. С. 16.

[2] Аргументы и факты. 1996. № 48.

Что же произошло с преступностью? Общие статистические данные о ней указывали как будто бы на ее снижение в 1995-1997 гг. Однако анализ показал, что снижение коснулось в основном ряда общеуголовных «традиционных» преступлений, практика реагирования на которые вырабатывалась десятилетиями, и соответственно увеличение расходов на правоохранительные органы не могло не сказаться положительно на более успешном противостоянии преступлениям с уже известными характеристиками (кражам, грабежам и т.п.). Но одновременно росло число хозяйственно-корыстных и ряда принципиально новых преступных деяний, которые ранее вообще не совершались на территории России.

Происходила структурная перестройка преступности, а увеличение финансирования правоохранительной системы в основном сопровождалось, по оценкам криминологов, наращиванием «мускул», но не интеллектуального потенциала, специфических возможностей выявления и реагирования на новые экономические, компьютерные и иные преступления, когда необходимы проведение сложнейших экспертиз, специальная подготовка кадров, новое их методическое обеспечение и т.п.

Разумеется, можно согласиться с В.В. Лунеевым, что криминализация, т.е. объявление в уголовном законе преступными, многих злоупотреблений властей, бывает затруднена позицией властей. И здесь многое зависит от масштабов криминализации последней.

Это еще раз доказывает, что выявление истинных различий преступности и ее тенденций в разных странах мира предполагает проведение сложнейших криминологических исследований с участием специалистов из этих стран.

Как уже отмечалось, требуется сравнительный анализ не только латентности преступности, но и уголовного закона, влияющего на круг и характеристику деяний, признаваемых преступными. Например, если даже по России приводятся данные о преступности за длительный период, то и здесь следует иметь в виду их несопоставимость до и после 1 января 1997 г., так как с 1 января 1997 г. стал действовать новый УК РФ. Но и ранее в УК РСФСР вносились очень серьезные изменения, особенно после 1991 г. Такие изменения весьма заметно отражались на цифрах зарегистрированной преступности. Общее годовое снижение в 1997 г. числа зарегистрированных преступлений составило 227 770. При этом только абсолютная декриминализация (исключение деяний из числа преступных) могла дать снижение более чем на 70 000 преступлений. К ней следует добавить частичную декриминализацию. Судя по статисти-

ческим данным, ранее, в 1994 г. отмечалось снижение зарегистрированной преступности на 6 % по сравнению с 1993 г. Оказалось, что в основном это имело место за счет уменьшения числа зарегистрированных деяний против собственности (главы 2 и 5 УК РСФСР) и против правосудия (глава 8 УК РСФСР). Причем в последнем случае это снижение произошло в основном за счет отмены ст. 186 УК РСФСР (побеги с мест ссылки или из лечебно-трудового либо воспитательного профилактория прекратились в связи с ликвидацией соответствующих мест) и сужения диспозиции ст. 188 УК РСФСР в феврале 1993 г. путем исключения побега из колоний-поселений. Общее число зарегистрированных преступлений, предусматривавшихся этими двумя статьями, соответственно в 1994 г. было меньше, чем в 1993 году на 2 251 преступлений, а суммарное число преступлений по главе 8 снизилось на 1851. Другими словами, без указанных изменений в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве снижение числа преступлений против правосудия было бы проблематичным.

Что касается преступлений против собственности (главы 2 и 5), то их сопоставление в 1994 году с данными 1993 года связано с практически непреодолимыми трудностями. Произошло не просто объединение соответствующих статей двух этих глав, но изменение концепции борьбы с преступностью против собственности.

Сами по себе изменения уголовного закона могли бы служить индикатором изменений преступности, появления новых крайне общественно опасных деяний и исчезновения прежних. Однако это было бы возможно в условиях научно обоснованного подхода, строго ориентированного на интересы борьбы с преступностью и оперативного совершенствования.

Реально же законодательство в 1991-1995 гг. корректировалось в условиях одновременно и консенсуса, и острого столкновения интересов разных социальных групп, политических движений и партий, неодинакового лоббирования различных позиций.

Не вполне и не своевременно учитывалась трансформация крайне общественно опасного поведения при смене общественно-экономической формации, существовала неясность уголовной политики, что крайне затрудняло или делало невозможным применение законов, принятых ранее. Так, менялись формы коррупции: немало должностных лиц и иных служащих получали регулярное содержание «впрок», в расчете на будущую должность; и такие действия не подпадали под признаки взяточничества, предусмотренного ст. 173 УК. Не была введена уголовная ответственность за организацию, руководство организованными преступными сообществами, не по-

лучила должной правовой оценки профессиональная криминальная деятельность, осуществляемая в виде промысла.

За рамками уголовного закона находились многие финансовые нарушения, лжепредпринимательство, ложное банкротство, обманное использование целевых кредитов и т.п. Не была создана надежная система уголовно-правовой защиты частной собственности.

На этом фоне возникает вопрос: а действительно ли преступность увеличивалась, или она снижалась? При ответе на него целесообразно выделять так называемый массив сопоставимых преступлений, или для краткости его называли «сопоставимый массив». Он включал преступления, нормы закона о которых не менялись. Это — деяния, предусмотренные всего 16 статьями УК РСФСР, но на них приходилось от 56 % всех зарегистрированных преступлений в 1980 г. до почти 70 % в 1990 г.[1] Уголовно-правовые нормы о таких деяниях длительное время не менялись во всяком случае в такой степени, чтобы могли повлиять на результаты регистрации таких деяний.

Таблица 26

Динамика числа зарегистрированных преступлений сопоставимого массива в России в 1980-1995 гг. *

Показатели	1980 г.	1985 г.	1990 г.	1995 г.
Общее число	576 288	794 374	1 286 376	1 879 641 (без хищений и спекуляции)
Прирост к 1980 г., %	-	+ 37,7	+ 123,0	Данные не сопоставимы
Уд. вес в общем числе зарегистрированных преступлений, %	56	56,1	69,9	68,2

* После 1996 г. данные не сопоставимы ввиду существенного изменения уголовного закона.

Выделение круга наиболее распространенных и «стабильных» с точки зрения их уголовно-правовой оценки деяний вообще характерно для аналитической деятельности. В США и ряде других стран, например, выделяется так называемая «индексная преступность».

При снятии такого фактора, как изменения уголовного закона, отмечен резкий прирост числа зарегистрированных преступлений сопоставимого массива до 1994-1995 гг., затем шло снижение их

[1] В данный сопоставимый массив входили умышленные убийства с покушениями, умышленные тяжкие телесные повреждения, изнасилования, злостное и особо злостное хулиганство, кражи, грабежи, разбои, мошенничество, взяточничество, хищения путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, спекуляция, обман покупателей и заказчиков. Начиная с 1991 года уголовно-правовые нормы, касающиеся этих деяний, стали резко меняться и прежний сопоставимый массив окончательно перестал быть таковым с принятием нового УК РФ.

числа и новый подъем зарегистрирован в 1998 г. Причем до 1996 г. выделенные преступления все в большей степени определяли тенденции всей зарегистрированной преступности.

Указанная динамика в основном имела место за счет так называемой «уличной преступности», общеуголовных деяний сопоставимого массива. Только в 1993 -- 1995 гг., по оценкам МВД РФ, уличная преступность снизилась на 19,2 %. Число других преступлений изменилось значительно меньше, а количество умышленных убийств выросло на 12,3 %. Среди таких убийств все чаще встречались «заказные», совершаемые продуманно, которые труднее других поддавались раскрытию. Последовательно росло число зарегистрированных фактов мошенничества, вымогательства, бандитизма и целого ряда иных тяжких деяний.

Таблица 27

Динамика зарегистрированного числа наиболее распространенных сопоставимых общеуголовных преступлений в России в 1980-1995 гг.

Годы	Умышленные убийства с покушениями	Умышленные тяжкие телесные повреждения (тяжкий вред здоро-	Изнасилования с покушениями	Злостное и особо злостное хулиганство	Кражи	Грабежи	Разбои	Мошенничество
1980	13 965	30 905	13 374	112 462	274 091	34 563	8 892	12 692
1986	9 437	21 185	12 165	93 962	380 582	31 441	6 018	19 343
1990	15 566	40 962	15 009	90 350	911 321	83 188	16 475	19 804
1991	16 235	41 312	14 073	59 650	1 235 414	101 900	18 253	19 925
1992	23 006	53 873	13 579	94133	1 637 940	164 800	30138	23 473
1993	29 213	66 902	14 427	113 195	1 561 843	184143	39 705	54 042
1994	32 286	67 706	13 956	125 149	1 314 788	148 546	37 904	66 687
1995	32 703	61 734	12 515	123 230	1 367 866	140 597	37 651	67 301
1996	29 406	53 417	10 888	114 529	1 207 478	121 351	34584	74 624
1997	31 801	46 131	Данные не сопоставимы		1 053 894	112 049	34 317	77 757
1998	32 061	45 170			1 143 311	122 361	38 509	76 695
1999	33 681	47 669			1 413 747	138 970	41 135	83 624
2000	31 829	49 784			1 310 009	132 383	39 473	81 456
2001	33 583	55 739			1 273 120	148 812	44 802	79 296

Что же касается так называемых «хозяйственно-корыстных преступлений», то общее их число снизилось, но за счет изменения уголовного закона и прекращения применения нормы об уголовной ответственности за спекуляцию. Число выявленных фактов взяточничества и обмана потребителя продолжало нарастать и в 1994 -- 1996 гг. (табл. 28).

Таблица 28

Динамика зарегистрированного числа наиболее распространенных сопоставимых хозяйственно-корыстных в России в 1980-1998 гг.

Годы	Хищения путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением	Взяточничество	Обман покупателей и заказчиков (потребителей)	Спекуляция
1980	39 394	3 268	16 072	14 569
1986	56 631	6 562	19 131	21 131
1990	43 368	2 691	19 842	26 800
1991	39 070	2 534	18 934	18 988
1992	36 867	3 337	23 131	3 959
1993	33 114	4 511	19 846	843
1994	норма изменена, данные не сопоставимы	4 921	24 012	Уголовная ответственность исключена
1995		4 889	31 155	
1996		5 453	29 108	
1997		5 608 *	26 747 **	
1998		5 804	44 014	
1999		6 823	63 694	
2000		7 047	84 971	
2001		7 909	92 169	

* Диспозиция норм изменена, данные не вполне сопоставимы.

**Сравнение носит относительный характер, ибо диспозиция нормы УК изменялась.

Оказались весьма высокими темпы прироста числа таких преступлений, которые ранее в России вообще не совершались (табл. 29).

Таблица 29

Динамика в 1994 —2001 годах числа новых преступлений, ранее не совершавшихся в России

1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г. г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Похищение человека (ст. 125[1] УК РСФСР введена в 1993 году) — ст. 126 РФ								
110	499	628	766	1 140	1 415	1554	1 291	1 417
Торговля несовершеннолетними (ст. 125[2] УК РСФСР введена в 1995 году) — ст. 152 РФ								
—	—	4	10	74	35	28	37	16
Захват заложников (ст. 126[1] УК РСФСР введена в 1987г., изменена в 1993 г.)- ст. 206 РФ								
51	118	113	99	114	69	64	49	32
Терроризм (ст. 213[3] УК РСФСР введена 1 июля 1994 г.) — ст. 205 РФ								
—	—	18	46	36	32	21	135	327
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 213[4] введена 1 июля 1994 г.) — ст. 207 РФ								
-	331	1 035	1 118	1 386	2 002	3 462	4 035	5 323

Данные приводимых далее таблиц следует оценивать с учетом выводов криминологов как о нараставшей латентности преступности и затора правоохранительной системы, снижения ее способности перерабатывать все сообщения о преступлениях[1], так и об изме-

[1] Преступность в России в девяностых годах и некоторые аспекты законности борьбы с ней. М., 1995. С. 18-23.

нении структуры преступности в экстремальных условиях. Так, на Северном Кавказе с началом активной контртеррористической операции в конце XX века резко снизилось число фактов захвата заложников и похищения людей. Одновременно активизировалось сопротивление органам государственной власти с использованием терроризма.

Исследователю мало знать уголовное и другое законодательство, регулирующее борьбу с преступностью, надо учитывать еще практику его применения, изменение такой практики, а также общую социальную ситуацию.

Все это показывает, насколько сложно такое явление, как преступность, и насколько трудно оно в анализе и оценке. Тем более при сравнительно-криминологическом исследовании, затрагивающим разные исторические периоды и разные страны.

Изложенное заставляет, по крайней мере, уверенно говорить о следующем:

- нельзя допускать отождествления числа зарегистрированных преступлений и самой преступности и не делать при этом необходимых оговорок;
- надо различать преступность в целом и отдельные ее виды, учитывать их соотношение в общей структуре преступности;
- нельзя смешивать преступность и иные общественно опасные деяния;
- выводы о латентности преступности нельзя не базировать на результатах ее конкретных криминологических исследований в разных странах с последующим обобщением полученных данных, установлением и эмпирического, и теоретического фактов.

Исследователь вправе выдвигать гипотезы, но он также обязан их проверять. Кроме того, гипотезы должны носить достаточно обоснованный характер, заслуживать того, чтобы затрачивались средства и время на их проверку.

Если же криминолог высказывает только на основе статистических данных суждение о преступности в целом, то при этом он обязан хотя бы проанализировать всю совокупность таких данных о различных проявлениях преступности, оценить разные показатели в сопоставлении друг с другом и с результатами, полученными при изучении многих документов, опросов, наблюдений.

В России даже в статистических формах о преступности факты преступлений и лиц, их совершивших, отражает не один показатель. О фактах можно судить — и то лишь в какой-то мере — по числу заявлений и сообщений о преступлениях, т.е. реакции физических и юридических лиц на совершаемых в отношении них деяния. Одно-

6 Зак. 3144

временно учитывается другой показатель: число зарегистрированных преступлений. Не по каждому заявлению, сообщению устанавливался факт совершения преступления. Бывают и отказы в возбуждении уголовных дел, и прекращения уголовных дел, и иные решения. Среди таких решений имеются и те, которые впоследствии отменяются как незаконные и необоснованные. Поэтому существен анализ сразу двух этих показателей: числа заявлений и сообщений о преступлениях и числа зарегистрированных преступлений.

Что касается лиц, совершающих преступления, то одновременно учитываются число выявленных таких лиц и число осужденных. Среди выявленных лиц бывают и те, кто освобожден от уголовной ответственности по так называемым не реабилитирующим основаниям: в связи с направлением материалов в комиссию по делам несовершеннолетних, в товарищеский суд и т.д.

При этом числа, отражающие факты, лиц, потерпевших, никогда не были — да и не могли быть — не только идентичными, но и взаимозаменяющими друг друга. Статистические данные о лицах и фактах бывают наиболее близки между собой в условиях сравнительно стабильного и «благополучного» в качественном отношении состояния преступности, когда в ней слабо выражены такие явления, как организованность, криминальный профессионализм, когда в нее слабо вовлечены «белые» и «перламутровые» воротнички, когда отмечаются бо̀льшие успехи в раскрываемости преступлений.

При росте преступности и изменении ее качественных характеристик правоохранительные органы с прежней своей численностью сотрудников, прежними стандартами работы начинают меньше раскрывать преступлений и меньше «перерабатывать» данных о преступности. Через некоторое время численность правоохранительных органов и интенсивность их деятельности могут корректироваться, но при серьезных изменениях качественных характеристик преступности этого всегда недостаточно. Требуется качественное изменение профессиональной подготовки и переподготовки сотрудников таких органов, ресурсного обеспечения правоохранительных органов в новых условиях (проведение новых экспертиз, нового технического оснащения, нового законодательства и методик работы и т.п.).

Не случайно при международных исследованиях преступности криминологи все чаще используют результаты опроса потенциальных потерпевших от преступлений, анализируют, казалось бы, виктимологические данные. По оценке О.Н. Ведерниковой, сравнительно-криминологические исследования осуществляются по следующим направлениям: «1) сравнительный анализ состояния,

структуры и динамики зарегистрированной преступности в различных странах мира на основе данных официальной уголовной статистики; 2) регулярный мониторинг показателей фактической преступности на основе результатов Международного исследования криминальной виктимизации, охватывающего ведущие страны мира; 3) сопоставительный анализ результатов национальных исследований личности преступника и криминогенных факторов, обусловливающих преступное поведение; 4) изучение и апробирование на национальном уровне зарубежных концепций причин преступного поведения; 5) оценка эффективности и внедрение наиболее перспективных методов профилактики преступного поведения и обращения с правонарушителями, разработанных в других странах»[1].

Только комплексный, всесторонний криминологический анализ дает знания, в достоверности которого можно быть уверенным. В других случаях, к сожалению, можно вести речь лишь о гипотезах, правда, нередко обоснованных настолько, что они заслуживают глубокой проверки. Дальнейшая проверка может осуществляться в рамках национального исследования.

Таким образом, сравнительно-криминологические исследования в государствах мира и регионах одного государства необходимы и полезны. Но следует всегда оценивать степень полноты и достоверности полученных данных. Во всех случаях результаты таких исследований надлежит соотносить с данными национальных или региональных исследований.

§ 4. Статистические истины или криминологические мифы?

В ряде работ отечественных криминологов конца XX века, где дается анализ статистических данных, характеризующих преступность, делаются новые, порой «ошеломляющие» выводы. Д.А. Ли предложил разделить всех людей в конкретном обществе на тех, кто совершает преступления, и тех, кто таковых не совершает. В принципе данный подход допустим, но с пониманием того, что такое разделение не бывает абсолютным и постоянным. В разные периоды контингенты преступников не остаются неизменными: одни лица случайно совершают единичные деяния и в изменившихся условиях их больше не воспроизводят, другие относятся к числу тех, кого криминологи называют рецидивистами, в том числе многократны-

[1] *Ведерникова О.Н.* Международный опыт сравнительно-криминологических исследований// Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 339.

ми, или к числу функционеров криминальной среды, о которой речь пойдет далее, избравшие преступную карьеру.

При оценке количественных параметров преступности Д.А. Ли ссылается на выводы А.А. Давыдова, по мнению которого «константа необходимой дисгармонии в природных системах составляет 6 %. Например, доля неправильных галактик составляет 4 %; доля неразличимых кровяных телец у человека — 5 %; генетическая изменчивость человеческой популяции — 6,7 %; максимумы солнечной активности в 11-летнем цикле повторяются с отклонением - 6,9 % и т.д.»[1]. Д.А. Ли предполагает, что «количество преступников в конкретном обществе должно составлять 5,6 % от общего числа населения, выполняя таким образом функцию его целостности как системы и поддержания необходимого разнообразия, что служит необходимым условием самоорганизации системы» и что «уровень официальной статистики, регистрирующей абсолютное число лиц, совершивших преступления, должен быть ниже абсолютного значения, составляющего 5,6 % от общего числа населения. Это будет означать, что латентная преступность существует, но не превышает принятой в мире нормы. Однако число лиц, признанных преступниками, не должно превышать абсолютного значения, то есть 5,6 % от общего числа населения, при нормальном функционировании системы в целом. Под нормальным функционированием системы здесь понимается развитие общества (не столь важно, в каком именно направлении) без каких-либо социальных катаклизмов, а именно революций, войне, экономических кризисов»[2].

То есть можно, что формулируются в качестве аксиом, по крайней мере, следующие положения: 1) преступность выполняет функцию обеспечения целостности системы и является условием ее самоорганизации, 2) преступность — нормальное явление, если не превышает определенного уровня, 3) в мире существует норма латентности преступности, 4) исследуемый автором период XX века (семидесятые — девяностые годы) — это период «нормального развития общества без каких-либо социальных катаклизмов, а именно революций, войн, экономических кризисов». Последнее просто неверно (только Россия пережила военные конфликты в Афганистане и Чечне, вторую буржуазную революцию в виде перестройки и реформ, тотальный кризис), а первые три положения при самом благожелательном отношении к ним можно назвать не более, чем «смелыми гипотезами». В частности, нельзя считать процент

---

[1] *Давыдов А.А.* Модульный анализ и конструирование социума. М., 1996. С. 126

[2] *Ли Д.А.* Преступность в России. Системный анализ. М., 1997. С. 38-39

«заданности» преступного поведения и процент «заданности» латентности преступности (т.е. поведения жертв, свидетелей, сотрудников контролирующих и правоохранительных органов) точно так же, как процент явлений в природных системах. Преступность — и на этом далее остановимся подробнее — явление совершенно другого порядка. Она — *социальный* феномен, продукт в том числе деятельности людей, наделенных сознанием и волей, способных к целенаправленной, осознанной деятельности с осмыслением разных возможных вариантов поведения. Нельзя забывать, что в качестве преступления оценивается только поведение вменяемого лица, достигшего определенного возраста, действующих в обстоятельствах, которые допускают иные варианты поведения.

Д.А. Ли на основе провозглашенных постулатов, использования общих статистических данных 27 государств и находящегося за пределами криминологической оценки «модульного анализа конструирования социума (МАКС)», делает вывод, что в «нормально функционирующем обществе как системе количество преступников не должно превышать 5,6 % от общей численности населения»[1]. Уязвимость исходных криминологических посылок уже отмечалась, а, что касается математического аппарата (модульные коэффициенты и т.п.), то он должен быть оценен уже не криминологами, а иными специалистами.

Другой криминолог, Е. Г. Сторубленкова, предлагает к использованию при оценке распространенности преступности в стране три новых показателя: а) коэффициент накопительной криминализации (криминальности) населения (КНКН); б) уровень накопительной криминализации населения (УНКН) или показатель численности криминализованного населения; в) коэффициент деградации общества – $К^{Д}$. В методике расчетов коэффициентов лучше разберутся математики. Для криминологов важно другое: Е.Г. Сторубленкова уверена, что «формулы указанных показателей позволяют использовать для их расчета данные официальной статистики»[2], «достоинством и удачей работы» является то, что «для вычисления указанных показателей использованы такие простые и ясные для всех показатели, как ежегодная численность преступников и новорожденных». Создается впечатление, что автор просто не представляет себе разницу между регистрацией преступлений и регистрацией новорожденных, не осведомлен и о том, с какими сложными

---

[1] *Д.А. Ли.* Указ. работа. С.103.

[2] *Сторубленкова Е. Г.* Изучение масштаба криминализации населения России// Криминальная ситуация на рубеже веков в России, М., 1999. С. 231-245.

проблемами связано формирование уголовной статистики и насколько она изменчива даже с точки зрения подходов к учету проявлений преступности, насколько подвижными являются размеры ее латентной и «видимой» частей. Одновременно Е.Г. Сторубленкова всерьез уверена в том, что можно некритически относиться к следующему воспроизводимому ею утверждению: «Различными зарубежными криминологами, проводившими исследования масштабов латентной преступности в капиталистических странах, установлен факт практически тотальной криминализации взрослого населения. В частности, результаты анкетирования показали, что более 90 % опрошенных признали, что им приходилось совершать те или иные преступления, за которые они не были привлечены ни к какой ответственности, поскольку о преступлении никто не узнал»[1]. Между тем опытному криминологу-исследователю известно, что люди при ответах на подобные вопросы исходят не из уголовно-правового представления о преступном, а своего собственного, из бытового понятия «преступление». Как показывали наши исследования, например, за уголовно-правовое хулиганство выдаются при опросах и факты мелкого хулиганства, и включение соседом на полную громкость магнитофона, и грубость в разговоре, и другие явления; под «кражами» понимаются в том числе факты проникновения в детском возрасте в чужие сады; под причинением телесных повреждений — синяки и шишки, наставленные в детских и юношеских взаимных драках.

Но при всем том Е.Г. Сторубленкова делает следующий вывод: «Ситуация же с преступностью в стране такова (см. расчеты), что каждый второй новорожденный мальчик рано или поздно в течение жизни будет выявлен за преступление и окажется в тюрьме! *А как на эту статистику, узнав ее, будут реагировать наши женщины? Захотят ли они после этого «рожать преступников»?* Результаты приведенных расчетов должны заставить задуматься о своей личной судьбе и вероятном криминальном ее повороте каждого жителя России»[2].

Разумеется, криминологически значимые характеристики населения определяют преступность, причем на длительное время. Это подтвердили исследования территориальных различий преступности и их причин. Среди прочих характеристик анализировались данные о так называемой «криминальной пораженности» и «социальной запущенности» населения регионов, в том числе

---

[1] *Иншаков С.М.* Зарубежная криминология. М., 1997. С. 128, 172-173.

[2] *Сторубленкова Е. Г.* Указ. соч.

удельном весе среди населения лиц с неснятой и непогашенной судимостью. Оказалось, что в Тувинской АССР —республике, резко отличавшейся от всех других регионов по очень высокому коэффициенту преступности, среди населения удельный вес лиц с неснятой и непогашенной судимостью составлял не более 1,3 %.

Во всех исследовавшихся регионах СССР и России удельный вес в населении лиц, характеризующихся «криминальной пораженностью» составлял немногим более 1,5 %, «социальной запущенностью» — до 6,5 %. Наряду с этим всегда были и есть латентные преступники, среди которых значительную долю составляют расхитители, взяточники, другие лица, совершающие преступления в сферах экономической, служебной, иной деятельности.

Таблица 30

Коэффициенты «криминальной пораженности» и «социальной запущенности» населения по данным криминологических исследований в 1980-1988 гг. в регионах РСФСР (на 100 тыс. населения)

Регионы	Коэф. лиц с неснятой и непогашенной судимостью		Коэф. лиц, освобожденных от уголовной отв. по нереабилитирующим основаниям		Коэф. лиц, официально предупрежденных о недопустимости паразитического существования		Коэф. алкоголиков, состоящих на учете в органах здравоохранения		Коэф. Наркоманов, состоящих на учете в органах внутренних дел		Коэф. лиц, состоящих на учете у наркологов наркоманов и токсикоманов	
Годы	1980	1984	1980	1984	1980	1984	1980	1984	1980	1984	1980	1984
Тувинская АССР	12,9	12,0	2,4	2,7	4,2	4,7	47,4	33,9	0,7	0,16	0,22	0,21
Ленинградская обл.	9,2	11,6	1,3	2,8	2,4	3,0	2,15	2,27	0,15	0,13	0,09	0,09
Свердловская обл.	10,3	11,1	2,0	2,3	2,0	3,2	20,1	24,7	0,08	0,06	0,05	0,03
Ростовская обл.	6,6	8,3	0,75	0,85	1,4	2,1	15,3	18,2	0,6	0,8	св. нет	0,46
Башкирская АССР	8,0	6,5	1,2	1,2	1,4	2,2	12,7	19,8	0,05	0,07	св. нет	0,05
Курская обл.	6,2	5,8	0,6	0,9	1,9	1,9	18,8	21,3	0,13	0,11	0,12	0,11
Московская обл.	4,8	5,6	0,6	0,1	1,3	2,35	16,8	21,4	0,08	0,4	0,05	0,04

Нельзя механически суммировать цифры выявленных преступников по годам. Среди выявляемых преступников всегда бывает значительным удельный вес рецидивистов в криминологическом значении этого понятия. По данным переписи заключенных в 1926 г. рецидив среди мужчин составлял 26 %, а среди женщин — 33 %,

доходя по отдельным группам преступлений до 40-45 %[1]. По данным М.В. Королевой, в восьмидесятых—девяностых годах XX века удельный вес среди выявленных преступников тех, которые повторно совершали преступления, в среднем по России колебался в пределах от 22 до 30 %, а в отдельных регионах доходил до 32 %.

Среди отдельных категорий общеуголовных корыстных преступников (совершавших разбои, грабежи) он составляет в отдельные годы до 40 —50 %.

Для Тувинской АССР в течение длительного периода была характерна преимущественно общеуголовная преступность, в том числе корыстная общеуголовная. Даже если учесть, что общеуголовные преступления которые отражались в статистике (а это были преимущественно сопоставимые преступления), составляли примерно 40 % от совершавшихся (на это указывало многое), то удельный вес лиц, которые в течение года совершают преступления мог возрасти при грубом подсчете только в 2,5 раза. Однако надо учитывать, что рост числа совершаемых общеуголовных преступлений не означает пропорционального нарастания числа новых лиц, втягиваемых в совершение таких преступлений. Прирост числа преступников и осужденных за счет новых лиц может быть при этом незначительным. И здесь важно то, что среди выявлявшихся рецидивистов лица, ранее привлекавшиеся к ответственности 3 и более раз, составляли в разные годы 17 — 21 %. К этому следует добавить тех, кто ранее привлекался один-два раза, совершавшие преступления в период отбывания за предыдущее преступление либо в период условного срока Окажется, что, как минимум, до трети преступников воспроизводит неоднократно преступное поведение.

Криминологические исследования показывают, что преступник очень редко совершает преступление как бы «внезапно». Большинство тех, кто умышленно нарушает уголовно-правовые запреты, характеризуются эскалацией негативного поведения от просто аморальных проступков до правонарушений непреступного характера и только затем - преступлений[2]. Во многом совпадали, например, в СССР круги: 1) выявленных преступников, 2) лиц, ранее неоднократно предостерегавшихся о недопустимости паразитического существования, 3) состоящих на учете алкоголиков (именно состоя-

---

[1] *Герцензон А.А.* Основные черты современной преступности в РСФСР. \ Революция права. 1929, № 4. С. 67-69.

[2] См.: Курс советской криминологии. Т.1. М., 1985. Методика криминологического изучения личности несовершеннолетнего преступника. М., 1977. Опыт криминологического изучения личности преступника. М., 1981. Опыт длящегося криминологического изучения личности во взаимодействии с социальной средой. М., 1992. *Долгова А.И.* Криминология. М., 1999.

щих на учете, а не «тихих», 4) состоящих на учетах наркоманов и токсикоманов. Н.Г. Угрехелидзе установила, что примерно четверть лиц, привлекавшихся к административной ответственности, совершает затем преступления (как правило, насильственные и корыстные)[1]. И, следовательно, многое зависит от предупредительной деятельности, качество которой трудно оценивать, а тем более прогнозировать математически.

Многочисленные формулы, расчеты, схемы и сделанные на их основе категорические выводы поначалу настолько гипнотизируют не сведущего в математике криминолога, что впору сказать: «А нам, темным, и невдомек было». Даже при больших сомнениях возникает робость при их обнаружении: «А может быть, исследователи далеко ушли вперед и ты будешь смешон?». Однако, если все-таки вспомнить известное о преступности и сопоставить с ним исходные позиции авторов, приходится еще раз удивляться небрежному (а, может быть, и пренебрежительному) отношению к собственно криминологической материи — пониманию преступности, особенностей ее отражения в статистике, ее изменчивости в пространстве и во времени, многообразии разных ее форм, криминологической характеристике преступника.

Известные математики, которых приходилось приглашать для участия в криминологических исследованиях и для моделирования процессов, происходящих в преступности, а также в преступности и обществе, когда узнавали, как формируется уголовная статистика и что она собой представляет, отказывались от приглашения со ссылкой, прежде всего, на крайне неопределенную базу данных, а затем — на необходимость разработки специальных подходов к изучению сложных социальных систем, в качестве каковой рассматривается общество и может рассматриваться преступность. Вот уж действительно: кто мало осведомлен о преступности; тот смело пишет о ней, кто больше — тот задумывается и не спешит с категорическими выводами; кто глубоко вник в ее проблемы — тот часто не знает, стоит ли писать или продолжать углублять исследования.

Для того, чтобы проиллюстрировать тезис о крайней сложности восстановления картины преступности по статистическим данным о ней, практической недостижимости математически точных суждений о ней, воспользуемся сведениями об отечественной преступности: в Российской Империи, РСФСР, СССР, и Российской Федерации.

---

[1] *Угрехелидзе Н.Г.* Соотношение административных правонарушений с преступностью \ Советское государство и право, 1990, № 6. С. 99. См. также: Лозбяков В.П. Криминология и административная юрисдикция милиции. М, 1996.

Глава 3. Статистические данные о преступности в России XIX — XX веков и проблемы их оценки

§ 1. Проблема ретроспективной оценки преступности

Сложность ретроспективной оценки преступности в принципе можно было бы уподобить сложности другой задачи — восстановления лица по черепу. Но затем оказывается, что первая задача сложнее на несколько порядков. Начнем с того, что криминолог часто имеет дело даже не с «черепом», а со снимками, причем даже не целого черепа, а отдельных его фрагментов, и даже не самих по себе фрагментов, а целенаправленно обработанных. Эта не вполне удачная аналогия, может быть, обратит внимание читателя на такие «скучные материи», как формирование уголовной статистики и уголовная политика.

Специалисту трудно ответить на вопрос, что больше отражает статистическая картина преступности — фактическую картину этого явления или уголовную политику, выраженную в законах и подзаконных актах о борьбе с ней, а также в практике их применения. В разные периоды и в разных обстоятельствах это бывает по-разному. Опытные криминологи при выездах в регионы всегда начинали с изучения статистической кривой преступности, определяли года пиков взлета и почти никогда не ошибались в том, что это были годы прихода нового руководителя УВД или министра внутренних дел, реже -- прокурора. Новое лицо начинало с того, что требовало регистрировать «все». Тогда статистика начинала точнее отражать фактическую картину преступности. Со временем надо было отчитываться и объяснять, почему «допущен рост преступности» и статистическая кривая шла вниз, насколько это было возможно, все больше отражая реальную политику, по крайней мере, регистрации и учета преступлений.

Очень хотелось бы выстроить таблицу с последовательными рядами преступности в России XIX и XX веков, а далее, используя ее, как «наглядное пособие», дать определенную оценку масштабов криминализации населения и общества в различные исторические эпохи. Попытки создания таких таблиц предпринимались, о чем будет сказано далее, но чем опытнее и профессиональнее были авторы, тем они делали больше оговорок, высказывали больше сомнений, и были менее категоричными в своих выводах.

Сами по себе статистические ряды представляют ценность только как исходный путь для статистического и более глубокого кри-

минологического анализа. При совокупном анализе даже только статистических данных, их критическом и взаимопроверяемом сопоставлении, а также учете при этом факта наличия разных судебных установлений и соответственно разной подсудности уголовных дел о преступлениях, уже может выявиться иная, чем исходная картина.

Последняя покажется еще более туманной, если будут приняты во внимание:

• изменения уголовного и иного законодательства о борьбе с преступностью (разная оценка обществом того, что является преступным, и разные процедуры борьбы с различными преступлениями). Меры и процедуры борьбы не всегда вытекали только из уголовных и уголовно-процессуальных кодексов, принимались также иные законы, подзаконные акты, вводилась практика внесудебного реагирования (административная ссылка в дореволюционной России, расправа ЧК «на месте», Особые совещания, «тройки» в тридцатых годах применительно к контрреволюционным преступлениям; комиссии по делам несовершеннолетних в шестидесятых - девяностых годах применительно ко многим несовершеннолетним преступникам, товарищеские суды и т.п.; уничтожение во время подавления вооруженного сопротивления;

• факт разной латентности различных проявлений преступности с учетом конкретной уголовной политики (ориентация на усиление борьбы с контрреволюционными преступлениями в тридцатых-пятидесятых годах, хулиганством в 1966 г., хищениями и должностными преступлениями на рубеже восьмидесятых годов или, наоборот, отход от борьбы с экономическими преступлениями и фактическая их легализация в конце восьмидесятых-девяностых годов;

• особенности учета в разные исторические периоды различных проявлений преступности: а) производств, уголовных дел о преступлениях; б) осужденных, в) всех выявляемых лиц, совершающих преступления; г) факты установленных преступлений и т.п.;

• специфика формирования статистических данных, включая их режим, охват ими всех преступлений или за исключением воинских и т.п. До сих пор статистические данные в Российской Федерации не включают сведения о преступлениях, дела о которых расследует военная прокуратура, а рассматривают военные суды (трибуналы), а также засекреченные данные о так называемых «государственных преступлениях». Но эти данные, как будет показано далее, существенно изменяют представление о масштабах преступности и характере борьбы с ней;

• полнота сбора статистических данных, их первичная основа (статистические карточки, опросные листы и т.п.). Так, статистика осужденных в РСФСР за 1928-1934 гг. не включает преступность в автономных республиках, где проживало 18 % населения РСФСР;

• ориентация судов и других правоохранительных органов на усиление борьбы с ней или либерализацию подхода к тем, кто нарушает уголовно-правовой запрет, в рамках действия одного и того же уголовного законодательства.

Данный перечень влияющих на статистические данные о преступности обстоятельств не является исчерпывающим.

Итак, попытаемся понять, какой была преступность в Российской империи. На рубеже веков были развиты криминологические исследования, которые дополняли статистическую картину преступности, но одновременно и вскрывали ее уязвимость.

§ 2. Преступность в Российской империи по данным статистики

В Российской империи уже в первой половине X1X века учитывались различные показатели преступности (А. Хвостов, Неклюдов, Е. Анучин[1] и др.), но более упорядоченное и общее представление о ней можно было получить только во второй половине XIX века.

Таблица 31

Движение числа подсудимых и осужденных (в тыс. человек) в России с 1857 по 1865 г.[2]

Категории лиц	Годы								
	1857	1858	1859	1860	1861	1862	1863	1864	1865
Подсудимые	383,2	404,1	422,6	393,0	433,5	456,3	458,4	458,1	510,5
Осужденные	60,4	70,7	74,2	72,5	79,7	83,5	88,7	94,4	94,0

С.С. Остроумов, комментируя эти данные, пишет: «...с 1857 по 1865 г. число подсудимых увеличилось на 1/3, а число осужденных более чем в 1,5 раза. Конечно, в определенной степени на это увеличение оказало влияние введение в 1860 г. в судах судебных следователей, что привело к более тщательному расследованию, а отсюда к росту числа возбужденных уголовных дел. Но несомненно, основной причиной роста преступности явилось не процессуальное нововведение, а резкое изменение всей экономической обстановки в ре-

[1] Публиковались «Материалы для уголовной статистики России» (изд. 2-е М., 1873), где содержались отдельные данные за период 1827-1846 гг. См. также: *Анучин.*, Материалы уголовной статистики России. Тобольск, 1866.

[2] Военно-статистический сборник, вып. IY. СП.б. 1871. С. 898. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 15.

зультате свершившегося в стране экономического переворота»[1]. Автор отмечает, что возросло и число привлеченных к уголовной ответственности за участие в польском восстании 1863-1864 гг.

Далее имеются упорядоченные данные за 1874-1894 гг. о числе уголовных дел в общих и мировых судах, а также за 1874-1890 гг. — об осужденных. Е. Н. Тарновский отмечает, что численность дел в общих судах не могла служить характеристикой преступности всей страны, ибо охватывала лишь ее часть, притом весьма незначительную, изменялась подсудность краж. Соответственно этот ученый полагал, что статистические данные не дают основания для каких-либо заключений о фактическом движении преступности[2].

С. С. Остроумов приводит характеризующие динамику осужденных данные (табл. 31), а следующие упорядоченные данные о преступности касаются осужденных за все уголовные преступления и проступки в 1899-1908 гг. (табл. 32). При сравнении данных табл. 31 и 32 ясно видно, насколько неполно выглядели статистические данные об осужденных ранее, о чем совершенно справедливо писал Е.Н. Тарновский. Создается новая таблица, а не продолжается прежний статистический ряд именно потому, что данные не сопоставимы.

Таблица 32

Движение числа осужденных в России в общих и мировых судах[3] в 1984-1990 гг.

Годы	Число осужденных в общих и мировых судах	Прирост к 1874 г., %	Годы	Число осужденных в общих и мировых судах	Прирост к 1874 г., %
1874	49 367	100	1883	58 007	117
1875	47 751	97	1884	61 253	124
1876	50 287	102	1885	62 233	126
1877	50 377	102	1886	68 866	140
1878	51 748	105	1887	72 461	147
1879	56 401	114	1888	68 114	138
1880	59 431	120	1889	70 392	143
1881	61 720	125	1890	78 748	160
1882	60 428	122			

Следующая таблица приводится в полном виде для того, чтобы показать, насколько сложно понимать и комментировать то, что зависит от многих когда-то существовавших факторов, не известных

[1] *Остроумов С.С.* Указ. соч. С. 15.

[2] *Тарновский Е.Н.* Движение преступности в Европейской России за 1874-1894 гг. - «Журнал Министерства юстиции», 1899, № 3. С. 123-124.

[3] Энциклопедический словарь «Гранат». Т.36. Ч. Y. М., 1922. С. 631-632; *Остроумов С.С.*, указ. Работа. С. 32.

исследователям более позднего времени. Назрела необходимость в выделении историко-криминологических исследований, как отдельного направления, для того, в частности, чтобы можно было хорошо разобраться в понимания преступления, проступков, и в разнообразии, различии гминных (волостных), других судов. Без этого современный криминолог сосредоточится только на знакомой информации: год и «итого», может быть, утешит себя тем, что в ст. 1 Уложения о наказаниях 1845 г. говорится следующее: «Преступлением или проступком признается, как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано», т. е. «преступление», «проступок» были категориями уголовного закона Российской империи.

Таблица 33

Число осужденных за все уголовные преступления и проступки[1] в России в 1899-1908 гг.

Год	Общие судебные установления (окружные суды)	Мировые суды	Уездные члены окружных судов	Городские суды	Гминные суды	Итого
1899	55 840	624 294	38 241	123 632	122 739	964 746
1900	59 195	654 487	35 705	122 274	134 940	1 006 601
1901	59 686	688 121	39 400	139 922	141 285	1 068 414
1902	61 736	668 202	49 819	150 995	139 642	1 070 394
1903	63 084	648 462	53 478	148 172	134 338	1 047 534
1904	58 931	541 209	47 261	141 961	127 813	917 175
1905	53 218	500 714	44 276	130 058	111 602	839 868
1906	59 429	495 969	53 949	113 339	95 588	818 254
1907	74 879	556 193	74 876	125 980	104 647	936 575
1908	92 683	664 405	92 407	142 340	117 421	1 109 256

Выделение осужденных за преступления общими и мировыми судами осуществляется в таблице 34.

Таблица 34

Число осужденных общими и мировыми судами в России в 1901-1910 гг.

Год	Общее число осужденных	Прирост к 1901 г., %	Число осужденных в возрасте 10-17 лет	Прирост к 1901 г., %	Уд. вес несовершеннолетних в общем числе осужденных, %
1901	119 764	100	3 543	100	3,0
1902	119 902	100	3 173	- 10	2,6
1903	120 195	100	3 135	- 11	2,6
1904	110 828	- 7	3 640	+3	3,3
1905	100 215	- 14	3 318	-9	3,2
1906	112 497	- 6	3 221	-9	2,8
1907	137 963	+15	3 899	+10	2,8
1908	154 175	+29	4 628	+31	3,0
1909	164 718	+38	6 137	+73	3,7
1910	161 904	+35	7 483[1]	+111	4,6

[1] *Тарновский Е.Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899-1908 гг. // «Журнал министерства юстиции», 1909, № 9. С.57. *Остроумов С.С* Указ. соч. С. 60.

Можно было бы сказать, что в целом динамика числа осужденных на рубеже XIX и XX веков в России носила сложный и неоднозначный характер с общей тенденцией к росту. Но в литературе того времени делался довольно определенный вывод о росте преступности ввиду того, что последовательно нарастало число осужденных общими судебными установлениями (на две трети) и уездными членами городских судов (почти в 2,5 раза), а они рассматривали дела о наиболее серьезных преступлениях. Е.Н. Тарновский отмечал влияние в 1905-1906 годах и факта введения во многих губерниях страны военного положения и положения усиленной и чрезвычайной охраны, и того обстоятельства, что в тот период многие уголовные преступления наиболее тяжкого характера (убийство, грабежи и т.п.) были изъяты из общей судебной системы и переданы военно-полевым судам. Кроме того, на менее тяжкие преступления и их субъектов вообще в этот период перестали обращать внимание, ибо «внимание полиции ввиду общеопасного политического брожения в стране было занято преимущественно борьбой с этими ненормальными явлениями взбудораженной общественной жизни»[2]. Определенные параллели можно провести с рубежом XX—XXI веков, когда вся правоохранительная система России оказалась задействованной на предупреждении и пресечении терроризма

С.С. Остроумов позднее писал, что «в 43 губерниях вместо «либеральных» мировых судей была введена «крепкая власть» земских начальников, число осужденных последними так же, как и волостными судами, вообще не указывалось в статистических отчетах»[3]. Если судить по динамике осужденных несовершеннолетних, то криминальная ситуация в России начала XX века усугублялась (табл. 34).

Таблица 34 представляет несомненный интерес, но ее данные не сопоставимы со статистическими данными более поздних периодов, когда изменялся нижний порог возраста уголовной ответственности, или вводились детские воспитательные учреждения для несовершеннолетних преступников и иных правонарушителей, направлявшихся туда во внесудебном порядке, или значительная часть уго-

---

[1] Тарновский Е.Н. оговаривает, что не упоминаются малолетние, осужденные по приговорам волостных судов, хотя их число значительно и «вероятно, не менее числа осужденных мировыми и городскими судьями» (*Тарновский Е.Н.* Движение числа несовершеннолетних осужденных в связи с общим ростом преступности в России за 1901-1910 гг.// Журнал министерства юстиции. 1913, № 10).

[2] *Тарновский Е.Н.* Движение преступности в Российской империи за 1899-1908 гг. // Журнал министерства юстиции. 1909, № 9. С.58-59.

[3] *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 61.

ловных дел направлялась для рассмотрения не в суды, а в комиссии по делам несовершеннолетних, либо применялась внесудебная репрессия.

Статистические данные о преступности за 1911-1917 г. преимущественно отражают, во-первых, не число осужденных, а движение уголовных дел, сначала в судебных установлениях, а затем в период следствия, во-вторых, число наиболее опасных уголовных преступлений по окружным судам (табл. 35), в-третьих, как правило, представляют выборочную картину движения уголовных дел, особенно после 1913 г.

Таблица 35

Динамика наиболее опасных уголовных преступлений по окружным судам[1] в России в 1909-1913 гг.

Виды преступлений	1909 г.	1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.
Кражи	125 201	154 819	152 209	156 015	167 755
Насильственное похищение имущества*	41 895	40 618	40 536	41 721	43 323
Убийства	30 942	31 113	32 500	33 879	34 438
Служебные преступления	13 461	14 033	13 703	14 911	14 501
Преступления против порядка управления **	8 291	8 515	8 803	9 000	9 541
Религиозные преступления	2 283	2 732	3 039	3 415	3 461
Лжеприсяга, лжесвидетельство, ложный донос	10 642	13 195	14 089	15 471	14 291
Против женской чести	12 622	13 631	14 510	15 100	16 195
Против нравственности	1 107	1 336	1 321	1 477	1 279
Против союза родственного и брачного	3 477	3 870	4 542	5 036	5 365
Нарушение правил благоустройства	4 498	4 608	5 092	5 677	6 088
Нарушение уставов торговых и кредитных	2 814	2 913	3 082	4 109	4 661
Присвоения, растраты	4 769	4 809	4 714	6 615	5 917
Подлоги в актах, обязательствах	6 633	7 017	7 210	7 916	8 158

* Грабеж и разбой. Что касается вымогательства, то считалось, что оно «примыкает» к насильственному похищению, но таковым не является.

** В книгах и учебных программах по уголовному праву «преступления против порядка управления» включали неисполнение требований власти, насильственное вторжение в служебные действия, противодействие правосудию, укрывательство, освобождение заключенных, лжесвидетельство и ложный донос, присвоение власти и неуважение к ней. В данной таблице лжеприсяга, лжесвидетельство и ложный донос выделены.

Изменялись и полнота статистики, и показатели, которыми пользовались при составлении отчетов о преступности. Заслуживают внимания также характеристики выделявшихся при этом преступлений, которые, очевидно, были распространены более других или по иным причинам более других волновали власть, общественность.

Таблицы отчетливо высвечивают ряд проблем, важных для криминологического анализа статистики. Во-первых, трудности расшифровки ряда укрупненных позиций — выделяемых видов пре-

[1] Свод статистических сведений по делам уголовным за 1913 г. СПб., 1916. С. 12. *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 69.

ступлений указывают на необходимость учета не только уголовного закона соответствующего времени, но и тех классификаций, которые применялись при составлении статистических отчетов. Во-вторых, ясно видно, насколько существенно менялось законодательство даже в одной стране.

А как же обстоит дело с законодательством и статистикой в разных странах, да еще в разные периоды?! Пренебрегать этими факторами, конечно же, не следует, если не относиться пренебрежительно к задаче выяснения истинной картины и закономерностей преступности. При этом надо еще выяснять, что считалось преступным в разных государствах и при различных режимах, условиях. И не только в законе, но и в практике его применения, как преследовались разные преступления[1].

Анализ данных таблиц показывает, что из выделенных преступлений наиболее быстрыми темпами нарастало число имущественных или корыстных, как позднее бы говорили, преступлений. Особенно быстрыми темпами росло число экономических преступлений — нарушение уставов торговых и кредитных, подлоги в актах, обязательствах и т.д. Эти показатели в дальнейшем еще будут комментироваться, а пока заметим, что две российских революции 1917 г. внесли кардинальные социальные коррективы, в том числе и в представления о преступном, и в саму преступность, и в систему учета данных о ней.

§ 3. Отражение в статистике преступности в России двадцатых — пятидесятых годов XX века

Трудности «сквозного» анализа преступности советского периода связаны с рядом обстоятельств.

Во-первых, были периоды существования России и как самостоятельного государства, и в качестве союзной республики СССР. Соответственно нельзя автоматически сравнивать данные этих двух периодов. В самостоятельном государстве ведется централизованный учет всех преступлений, в бывших союзных республиках (в том числе РСФСР) не велся учет воинских преступлений, особо опасных государственных, преследовавшихся по союзным законам.

Во-вторых, в России после 1917 г. было четыре разных уголовных кодексов (1922 г., 1926 г., 1960 г. и 1996 г.), в которые систематически вносились очень существенные коррективы, влиявшие на учет преступлений и преступников.

---

[1] Это обстоятельство подчеркивали в своих работах М.Н. Гернет, А.А. Герцензон, А.С. Шляпочников и другие криминологи. (*Гернет М.Н.* Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества// Избранные произведения. М., 1974).

7 Зак. 3144

В-третьих, в СССР наряду с уголовными кодексами действовали общесоюзные законы[1].

В-четвертых, очень большое влияние оказывала та практика применения норм закона, на которую ориентировались правоохранительные органы партией и правительством, политика внесудебного реагирования на преступления (как в ее радикально-антиправовом варианте — «тройки», «особые совещания»[2], так и в либеральном — передача материалов «общественности».

В-пятых, значительный период советского времени — это период формирования и использования статистики о преступности в режиме «секретно» и «сов. секретно». Отсюда выборочное подключение к ней специалистов, отсутствие полных, систематизированных опубликованных данных, исключение возможности для многих профессиональных криминологов критически ее осмыслить. Соответственно мы не найдем в литературе тех лет подробных комментариев статистических данных, которые имелись в Российской империи. Кроме того, периоды виртуозного вуалирования истинного положения дел с преступностью сменялись кампаниями борьбы с сокрытием преступлений от учета и преувеличения процентов их раскрываемости. Причем в целях вуалирования неблагоприятных изменений преступности, а также по иным причинам изменялись статистические формы и тем самым нельзя было обеспечить сопоставимость данных.

Система учета преступлений воссоздавалась после революции и гражданской войны, начиная с 1922 г. — года принятия УК РСФСР, хотя отдельные данные о зарегистрированных преступлениях имелись и за более раннее время[3].

Наиболее подробные статистические сведения содержатся в статистических обзорах данных о работе судебных органов[4], иных

---

[1] В 1958 г. Верховным Советом СССР наряду с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, но до принятия нового УК РСФСР, были приняты Закон об уголовной ответственности за государственные преступления и Закон об уголовной ответственности за воинские преступления.

[2] См.: *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 279 — 286.

[3] Гернет М.Н. писал: « Уголовная статистика вводится в СССР лишь с 1922 г.... Мы располагаем крайне скудными сведениями за годы, предшествовавшие введению статистики осужденных. Первые, собранные на более обширной территории сведения, относятся к 1919 году. Значение их...условно». (*Гернет М.Н.* Преступность за границей и в СССР., М., 1931. С. 74.

[4] См.: Статистика осужденных в СССР в 1923-1924 гг., ЦСУ СССР. М.,1927: Статистика осужденных в РСФСР за 1926 г. ЦСУ РСФСР. М.,1928; Статистика осужденных в СССР в 1925, 1926 и 1927 гг. ЦСУ СССР. М., 1930; Преступность и репрессии в РСФСР. ЦСУ РСФСР. М.,1930.

трудах ЦСУ[1], сборниках Министерствах юстиции СССР и РСФСР, многие из которых носили и носят закрытый характер, других изданиях, работах Е.Н. Тарновского, М.Н. Гернета, А.А. Герцензона и ряда иных авторов. Гигантская работа по анализу преступности в СССР и РСФСР в 1917 - 1970 гг. была проделана в первой половине семидесятых годов сотрудниками отдела № 1 Всесоюзного изучения причин и разработке мер предупреждения преступности при Генеральной прокуратуре Союза ССР под руководством докторов юридических наук, профессоров Сахарова А.Б. и Шляпочникова А.С. В исследовании участвовали: В.М. Коган, Л.А. Волошина, С. А Серебрякова, С.Б., Алимов, А.И. Рахманов и ряд других сотрудников. К сожалению, когда-то работа имела гриф. «сов. секретно», хранится только в рукописном виде[2]. Лунеев В.В. в книге «Преступность XX века» приводит следующую обобщенную таблицу, составленную на основании анализа статистических данных (табл. 36):

Таблица 36 [3]

Динамика населения и судимости в СССР (РСФСР) (1922 -1960 гг.)

Годы	Численность населения	Общее число осужденных		Коэффициент судимости на 100 тыс. населения	
	СССР	СССР	РСФСР	СССР	РСФСР
1922	136 100 000	1 089 503	1 185 102	800,5	2 508,2
1923	138 700 000	1 193 135	1 121 264	860,2	2 442,0
1924	141 500 000	1 905 900	1 690 309	1 353,9	2 910,0
1925	144 200 000	1 153 600	724 205	800,0	1 725,0
1926	147 028 000	1 293 000	975 105	879,4	1 480,0
1927	149 100 000	1 507 360	1 026 084	1 011,0	1 080,0
1928	151 200 000	1 387 568	1 046 352	917,7	1 060,0
1929	153 400 000	1 705 746	1 310 965	1 111,9	1 379,8
1930	157 000 000	-	1 208 309	-	1 307,1
1931	158 500 000		1 357 206	-	1 445,5
1932	159 997 000		1 133 511	-	1195,7
1933	161 500 000		1 430 560	-	1 502,6
1934	163 000 000		1 108 485	-	1 168,9
1935	164 600 000	1 151 416	871 929	-	909,0
1936	166 160 000	915 553	-	-	-
1937	167 700 000	887 133	-	-	-
1938	169 300 000	919 299	-	-	-
1939	170 557 000	957 066	-	-	-
1940	194 077 000	1 191 084	-	-	-
1941	160 000 000	862 970	-	-	-
1942	160 000 000	837 141	-	-	-
1943	160 000 000	771 615	-	-	-

[1] Например, отдел 4 сборника «Итоги десятилетия Советской власти в цифрах, 1917-1927 гг. ЦСУ. М., 1928. Т. XYШ «Сборника статистических сведений по Союзу ССР, 1918-1923 гг., за пять лет работы ЦСУ» и др.

[2] Архив НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры РФ.

[3] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М., 1997. С. 56-57.

1944	160 000 000	867 465	-	-	-
1945	160 000 000	823 347	-	-	-
1946	170 400 000	1 090 627	-	-	-
1947	171 200 000	1 391 786	-	-	-
1948	172 989 000	1 059 240	-		-
1949	175 261 000	995 846	-	-	-
1950	178 547 000	902 256	-	-	-
1951	181 603 000	879 445	-	-	-
1952	184 778 000	969 334	-	-	-
1953	187 997 000	818 708	-	-	-
1954	191 004 000	769 679	-	-	-
1955	194 415 000	818 882	-	-	-
1956	197 902 000	938 950	-	-	-
1957	201 414 000	943 957	-	-	-
1958	204 900 000	1 078 882	-	-	-
1959	208 800 000	869 177	-	-	-
1960	212 300 000	516 091	-	-	-

Данную такую таблицу можно дополнить и несколько скорректировать с учетом публиковавших ЦСУ СССР данных (табл. 37).

Таблица 37

Динамика преступности по данным ЦСУ СССР, ЦСУ РСФСР и Минюста СССР по СССР и РСФСР за 1920-1940 г.г.

Годы	Общее число осужденных		Коэффициент судимости на 100 тыс. населения	
	СССР	РСФСР	СССР	РСФСР
1920 (46 губерний)	СССР	614 548 *	СССР	2 003,0
1921	не было	874 829	не	2 610,0
1922	СССР создан 30.12. 1922 г.	1 185 102	было	2 508,2
1923	Неполные данные	1 121 264	860,2	2 442,0
1924	1 905 900	1 690 309	1 353,9	2 910,0
1925	1 153 600	754 205	800,0	1 725,0
1926	1 048 130	975 105	1 390,0	1 480,0
1927	1 507 360	1 026 084	1 011,0	1 080,0
1928	1 387 568	1 046 352	980,0	1 059,8
1929	1 705 746**	1 310 965	1 111,9	1 379,8
1930	Сведений нет.	1 208 309	Сведений нет.	1 307,1
1931		1 357 206		1 445,5
1932		1 133 511		1 195,7
1933		1 430 560		1 502,6
1934		1 108 485		1 168,9
1935	1 278 824***	871 929		Сведений нет.
1936	1 023 852	Сведений нет.		
1937	927 979			
1938	915 553			
1939	957 066			
1940	1 191 084			

* Данные по народным судам 46 губерний (582571 чел.), революционным трибуналам 45 губерний (22 778 чел.), военно-революционным трибуналам (9 199 чел.).

** Данные без Азербайджанской ССР и Армянской ССР.

*** В 1935-1940 гг. всего осуждено общими судами по делам с предварительным расследованием и делам частного обвинения (без специальных судов).

Обобщенный криминологический анализ статистических и иных данных обусловил следующие выводы:

Первый этап — этап восстановления народного хозяйства и НЭПа (новой экономической политики) характеризовался, по данным о числе осужденных, противоречивыми тенденциями, по данным о числе зарегистрированных преступлений — ростом преступности в 1924-1925 гг. после некоторого ее снижения в 1922 г. В целом, по оценке криминологов, «происходило перемещение высокого уровня преступности в губернские и уездные города». Ясно видно, что в преступности происходила определенная структурная перестройка (табл. 38).

Таблица 38

Число зарегистрированных преступлений, по данным НКВД РСФСР, в 1922-1925 г.(без дальневосточного края и автономных республик)[1]

Годы		1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Абс. число		1 398 950	864 512	1 244 807	1 487 601
Кф на 100 тыс. населения		1 027	623,3	879,7	1 003,2
Против личности	Абс. число	247 221	132 783	195 067	125 837
	Уд вес, %	17,6 %	15,4	15,8	17,3
Имущественные	Абс. число	408 141	259 055	318 960	211 108
	Уд вес, %	29,2	28,4	25,6	29,0
Должностные	Абс. число	21 834	19 276	47 609	40 061
	Уд вес, %	1,6	2,3	3,8	5,5
Против порядка управления, в т.ч. хулиганство	Абс. число	160 455	97 301	133 268	72 890
	Уд вес, %	10,4	10,2	10,8	5.0
Хозяйственные	Абс. число	46 165	28 659	25 041	11 896
	Уд вес, %	2,6	3,7	2, 2	1,6
Тайное винокурение	Абс. число	409 886	325 836	526 403	259 732
	Уд вес, %	36,5	33,2	45,2	35,7

Обращает на себя внимание интенсивный рост числа зарегистрированных должностных преступлений, растрат и резкое снижение числа хозяйственных, часть из которых фактически была легализована. Это напоминает картину начала реформ в России на рубеже восьмидесятых—девяностых годов (второй «новой экономической политики») с той лишь разницей, что разоблачение должностных преступников осуществлялись позднее весьма вяло.

Е.Н. Тарновский и А.А. Герцензон объясняли изменения преступности в указанные годы изменением уголовного законодательства и интенсификацией борьбы с различными правонарушениями[2]:

---

[1] Статистический обзор деятельности местных административных органов НКВД РСФСР, вып. 4-5. М., 1925; вып. 10. М., 1928.

[2] *Тарновский Е.* Статистика преступности в 1924-1925 гг., Еженедельник советской юстиции, №№ 21-22, 1925; *Герцензон А.А.* Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928, С. 26-31.

среди всех осужденных в 1924 г. 75-80 % составляли осужденные за «мелкие преступления», а среди осужденных за преступления против порядка управления таких было 90-93 %. Структура контингента осужденных отличалась от структуры зарегистрированных преступлений. И это понятно. Как уже отмечалось, что числа преступлений и преступников не совпадают: разные преступления совершаются по-разному: в соучастии или в одиночку, неоднократно или один раз. Судя по контингенту осужденных интенсивно возрастало число растратчиков, лиц, совершавших серьезные преступления против личности.

Таблица 39

Структура контингента осужденных в РСФСР в 1922-1925 гг. (уд. вес от общего числа осужденных, %)[1]

Виды преступлений	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Контрреволюционные	0,8	0,5	0,4	0,3
Взяточничество	1,6	3,0	2,3	1,4
Растраты	1,3	1,1	1,5	3,6
Прочие должностные	5,3	4,9	2,9	2,7
Серьезные преступления против личности	1,8	4,1	4,9	5,8
Более мелкие преступления против личности	8,0	11,0	13,2	20,7
Хулиганство	4,7	6,2	7,9	2,1
Имущественные	35,6	32,2	30,4	31,5
Остальные (главным образом, мелкие преступления против порядка управления)				
Итого	100	100	100	100

В целом криминологи характеризовали 1922-1925 годы как благополучные: преступность снижалась. Правда, при этом в ней возрастал удельный вес «серьезных преступлений против личности», растрат, других имущественных преступлений после некоторого их снижения. И это всегда — неблагоприятные симптомы на будущее.

Следующий исторический этап — «борьба за социалистическую индустриализацию страны»— 1926—1939 годы. Абсолютное число зарегистрированных преступлений нарастало, хотя коэффициенты даже несколько снизились. Последнее было связано с заметным приростом численности населения.

Среди осужденных резко возрос удельный вес должностных преступников с 5,4 до 11,7 %, совершавших имущественные преступления (20,2 % и 23,4 %) , а также контрреволюционные (с 0,1 до 0,4). Осужденные за преступления против личности составляли чуть более 21 %. Таким образом, среди осужденных все чаще встречались

[1] Таблица А.Я. Эстрина (Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. М., 1933. С. 227.

корыстные преступники, в том числе использовавшие свое должностное положение.

В статистических отчетах 1926-1929 гг. преобладают преступления против порядка управления, но большинство из них составляет хулиганство.

В.В. Лунеев, как опытный, квалифицированный криминолог, относительно данного этапа делает много очень важных комментариев, заслуживающих учета. В частности, значимо то, что при формировании статистических отчетов в РСФСР за 1928—34 гг. туда не включались сводные данные о преступности в автономных республиках, где проживало примерно 18 % населения России и где, по оценочным данным, осужденные составляли также примерно 18 % от общего числа осужденных в РСФСР[1]. Это отражалось и на общем статистическом отчете об осужденных в СССР. Показательно, что культура составления статистических отчетов тогда была довольно высокой. Например, даже одно время указывалось, какой процент судов представлял данные об осужденных и уголовных делах. Позднее стали полнее учитываться все данные о преступлениях и соответственно это влияло на динамику их статистического числа. Но сведения до 1934 и начиная с 1935 г. сопоставимы очень условно.

В.В. Лунеев, при всех оговорках, все-таки считает «сокращение судимости по уголовным делам объективным статистическим фактом»[2]. Правда, объясняет его тем, что «советский народ, жестко схваченный в «ежовые» рукавицы, посаженный в лагеря и беспощадно уничтожаемый, действительно все меньше и меньше совершал уголовных преступлений».[3] Здесь есть два «но». Первое «но» состоит в том, что приводимые данные относятся только к осужденным судами общей подсудности. Фактическое число осужденных гораздо более значительно по сравнению даже с теми, которые приведены В.В. Лунеевым в уточненной таблице, касающейся военного времени (табл. 39). Второе «но» связано с крайне спорностью тезиса о том, что в лагеря был посажен и уничтожаем «советский народ». Осужденные составляли всегда составляли примерно 1 % населения (менее или чуть более его). Все-таки, тридцатые годы отмечены наращиванием объемов производства, повышением уровня жизни большинства населения.

---

[1] Статистика осужденных в РСФСР в 1928-34 гг. М., 1935. С. 147.

[2] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. М.,1997. С. 58.

[3] Там же.

Для того, чтобы точнее себе представить масштабы репрессий, целесообразно проанализировать данные о числе лиц, находившихся в местах лишения свободы, в том числе в статусе следственных. Такие данные систематизированы М.Г. Детковым и представлены в таблице 39 о числе заключенных в исправительных лагерях и колониях, а также в таблице 40 о заключенных, содержавшихся в тюрьмах, в том числе подследственных.

Таблица 40

Численность заключенных в исправительно-трудовых лагерях, колониях НКВД—МВД СССР в 1930—1940 гг.[1]

Годы	Абс. число заключенных	Годы	Абс. число заключенных	Годы	Абс. число заключенных
1930	179 000	1938	996 367	1946	1 486 595
1931	2 122 000	1939	1 317 195	1947	1 741 876
1932	268 700	1940	1 996 317	1948	2 199 411
1933	334 800	1941	2 034 400	1949	2 224 933
1934	510 307	1942	1 618 300	1950	2 406 667
1935	725 483	1943	1 393 312	1951	2 311 898
1936	839 406	1944	1 329 778	1952	2 271 688
1937	820 881	1945	1 516 254	1953	2 401 266

С учетом заключенных в тюрьмах, судя по ряду данных, к концу 1938 г. общее число лишенных свободы превысило 1 300 тыс. человек. Среди всех заключенных, содержавшихся в тюрьмах, на 1 января 1939 г. (352 508) преобладали следственные (239 257 или 68 %), а в общем числе следственных — числящиеся за органами ГУГБ (139 091 или 58 %) —табл. 12. С образованием самостоятельного тюремного ведомства последнее имело к началу 1939 года 622 тюрьмы, из них 392 общих, 47 тюрем ГУГБ и 192 внутренних тюрем НКВД-УНКВД[2].

Таблица 41

Численность и состав заключенных в тюрьмах СССР в 1939—1947 гг.[3]

	1.01.1939 г.	1.01.1942 г.	1.01.1945 г.	1 01. 1947 г.
Все заключенные, из них:	352 508	268 532	275 510	294 135
а) следственные	239 257	90 270	79 675	62 003
б) кассационные	31 530	35 042		
в) транзитно-пересыльные	8 527	4 193	4 336	
г) осужденные к ИТЛ и др.	64 052	109 401	106 088	
Из общего числа следственных за:				
а) органами ГУГБ	139 091	42 538	19 676	3 348
б) органами РКМ	25 835	47 732	56 922	58 655
в) органами прокуратуры	36 304	36 291	48 445	54 106
г) судебными органами	37 967	28 377	26 277	39 927
д) Особые Совещания		10 134	6 296	2 106

[1] *Детков М.Г.* Тюрьмы, лагеря и колонии в России. М., 1999. С. 229.

[2] Там же. С. 225.

[3] Там же. С. 230.

По другим данным[1] всего было заключено в лагерях ГУЛАГ НКВД за контрреволюционные преступления: в 1934 г. — 135 190 лиц (26,5 % от общего числа содержавшихся в лагерях), в 1935 г. — 118 256 16,3 %), 1936 г. — 108 849 (12,6 %), 1937 г. — 104 826 (12,8 %), 1938 г. — 185 324 (18,6 %), 1939 г. — 454 432 (34,5 %), 1940 г. — 444 999 (33,1 %), 1941 г. — 420 293 (28,7 %), 1942 г. — 407 988 (29,6 %) , 1943 г. — 345 397 (35,6 %), 1944 г. — 268 861 (40,7 %), 1945 г. — 289 351 (41,2 %), 1946 г. — 333 883 (59,2 %), 1947 г. — 427 653 (54,3 %), 1948 г. — 416 156 (38,0 %), 1949 г. — 420 696 (34,2 %), 1950 г. — 578 912[2] (22,7 %), 1951 г. — 475 976 (31,0 %), 1952 г. — 480 766 (29,1 %), 1953 г. — 465 256 (26,9 %). Причем такие сведения не вполне совпадают с теми, которые в том числе отражают приведенные таблицы.

Но все-таки имеющиеся данные свидетельствует об огромных масштабах репрессии, причем преимущественно — в отношении политических противников или политически подозрительных для власти лиц. Для сравнения — численность заключенных в тюрьмах России в 1982 г. составляла 91 272, в 1913 г. —194 418, в 1916 г.— 142 430, в 1917 г.—152 052[3]. При этом есть основания полагать, что значительная часть репрессий осуществлялась помимо органов суда и прокуратуры. Численность таких органов даже особенно не наращивалась, судя по их пропускной способности, отраженной в данных таблицах.

Уже сами по себе приведенные сведения выглядят как весьма зловещие и ошеломляющие. Но если к этому прибавить последствия незаконных репрессий, не только гибель многих репрессированных лиц, но также страдания их семей и т.п., то становится ясно, почему нарушения законности в тридцатых—пятидесятых годах оцениваются как национальная трагедия, которая не должна повториться.

Таким образом, в статистике указанного периода искажена истинная картина преступности. Данная статистика в большей мере отразила проводившуюся уголовную, точнее даже только карательную политику власти.

В годы Великой Отечественной войны, судя по данным статистики, общая преступность не росла: в отдельные годы снижалась, в другие вновь увеличивалась примерно до исходного уровня. В

---

[1] См.: *Смыкалин А.С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург. 1997.С.132. *Кудрявцев В., Трусов А.* Политическая юстиция в СССР. М., 2000. С. 305.

[2] В лагерях и колониях.

[3] *Детков М.Г.* Тюрьмы, лагеря и колони России. М., 1999. С. 33.

первые два года войны возрастало число *осужденных по указам военного времени*, затем оно снизилось, а также число *осужденных военными трибуналами*, которое стало снижаться после 1943 г., когда армия стала наступающей —табл. 42.

Таблица 42[1]

Судимость в СССР во время Великой Отечественной войны

Годы	1941	1942	1943	1944	1945
Осужденные общими судами	862 970	837 141	771 675	867 465	823 347
Осужденные военными трибуналами	272 070	763 125	816 987	639 865	444 658
Осужденные по указам военного времени	1 153 323	1 501 052	943 140	1.095 130	1 073 758
Абс. показатель	2 288 363	3 101 318	2 531 802	2 602 460	2 341 763
Всего на 100 тыс.	1 210	1 683	1 414	1 487	1 373

Данная таблица приводится в работе В.В. Лунеева и показывает более близкую к фактическому положению дел картину преступности. Если шла война и подавляющая часть мужского населения была призвана в армию, то соответственно возрастало значение статистики именно военных трибуналов и статистики осужденных по указам военного времени. Но ведь и показатели этой таблицы не являются полными: часть осужденных по указам военного времени учитывалась как осужденные судами общей юрисдикции, а, помимо военных трибуналов, люди осуждались лагерными судами, военной коллегией Верховного суда СССР за «контрреволюционные» преступления[2].

Судя по статистическим данным, число осужденных специальными судами в 1937-1940 гг. в СССР составило 3 113 318 (7 105 000 минус 3 991 682), т. е. специальными судами осуждалось лишь немногим меньше лиц, чем судами общей подсудности. Далее больше никогда не было такого соотношения числа осужденных общими и специальными судами

Очень важно для понимания статистики и то, какова история лагерных, других судов, и что это были за осужденные — за какие именно преступления, и какова общая социальная канва эпохи того времени. Только тогда можно приблизиться к фактической картине преступности. Например, оказывается, что из более чем 3 млн. осу-

[1] Лунеев В.В. Указ. соч. С. 60.

[2] Приводится одна из аналитических таблиц Прокуратуры СССР с точным обозначением ее строк и граф. Автор выражает признательность бывшему отделу статистики, позднее — информационно-аналитическому отделу Прокуратуры Союза ССР и его начальнику Тюрину Сергею Васильевичу за бережное сохранение архивов бывшего Министерства юстиции СССР (одно время было упразднено и не существовало), их анализ и предоставление возможности ознакомления с ними.

жденных в сороковых годах более или около 2 млн. были осуждены по делам о нарушении трудовой дисциплины на предприятиях, в учреждениях и колхозах и об уклонении от трудовых мобилизаций: соответственно до 1940 г. и после середины пятидесятых таких не было.

Таблица 43

Общее число осужденных по видам судов в 1937—1956 гг. по СССР, (данные Минюста СССР)

Годы	Осуждено судами общей подсудности (с поправкой на неполноту учета)	Осуждено линейными, окр. судами, военными трибуналами ж.д. и водного транспорта	Осуждено лагерными судами	Осуждено военными трибуналами Сов. Армии, ВМФ и войск МВД	Осуждено Военной коллегией Верхсуда СССР (за к.-р. преступл.)	Итого
1937-1940	Нет данных					7 105 000
1941	3 108 259	55 928	-	216 142	1 426	3 381 755
1942	2 818 826	76 563	-	686 562	72	3 582 023
1943	2 405 509	89 780	-	727 207	60	3 222 556
1944	2 449 386	96 120	-	543 745	123	3 089 374
1945	2 297 215	87 651	-	357 007	273	2 742 146
1946	2 508 935	83 014	22 725	307 717	93	2 922 484
1947	2 601 688	93 474	29 756	209 816	76	2 934 810
1948	2 136 495	80 746	29 475	137 335	47	2 384 098
1949	2 022 613	70 187	26 312	105 534	15	2 224 661
1950	1 813 925	58 046	26 767	75 250	245	1 974 233
1951	1 450 872	38 489	19 778	57 722	102	1 566 963
1952	1 496 340	29 380	16 993	47 469	147	1 590 329
1953	1 161 357	28 898	9 144	30 940	51	1 230 390
1954	1 054 084	26 715	5 433	21 920	27	1 108 179
1955	1 126 741	26 437	7 250	26 263	25	1 186 716
1956	1 044 022	30 075	7 400	40 357	13	1 121 867

Данные таблицы должны служить поводом к проведению очень тщательного исследования для адекватной оценки содержащейся в ней информации. Пока же заметим, что приведенные в таблице сведения указывают на значительно более высокие цифры осужденных, чем те, которые приводятся в литературе, и, судя по всему, именно они ближе к истине. Но, разумеется, это — «не вся истина», поскольку была еще внесудебная расправа. Да и суды тоже были разными. В статистических отчетах разграничивались осужденные судами общей подсудности на осужденных: а) общими судами, б) специальными судами. И, строго говоря, *общие статистические данные, относящиеся к эпохе существования специальных судов, не сопоставимы с периодами, когда их не было.*

Сотрудники информационно-аналитического отдела Прокуратуры Союза ССР под руководством С.В. Тюрина в 1989 г. разработали другую аналитическую таблицу, руководствуясь стремлением обес-

печить максимально возможную сопоставимость данных. Сведения такой таблицы включены в таблицу 44, которая дополнена некоторыми другими данными, показывающими, что после 1958 г. на статистике осужденных отразился факт введения уголовно-процессуальных норм о прекращении уголовного дела в связи с передачей лица, совершившего преступление, на поруки, материалов о нем в товарищеский суд, комиссию по делам о несовершеннолетних.

Таблица 44

Сведения о числе и коэффициентах осужденных по СССР с 1938 по 1958 гг. общими судами - без специальных судов (ф. 10 МЮ СССР)

Годы	Всего, всеми судами, общими и специальными, включая трибуналы	Осуждены по делам о нарушении трудовой дисциплины на предприятиях, в учреждениях и колхозах и об уклонении от трудовых мобилизаций	Всего осуждено общими судами* по делам с предварительным расследованием и делам частного обвинения		Оправданы общими судами по делам с предварительным расследованием и делам частного обвинения	
	Абс. число	Абс. число	Абс. число	Ко на 100 тыс. насел.	Абс. число	% к числу осужденных
1935	св. нет	-	1 278 824	св. нет	св. нет	
1936	св. нет	-	1 023 852	св. нет	св. нет	
1937	(1937-1940	-	927 979	529	св. нет	
1938	гг.	-	915 553	543	св. нет	
1939	суммарно)	-	957 066	561	77 088	8,1
1940	7 105 000	2 091 438	1 191 084	610	175 543	14,7
1941	3 381 755	1 777 890	1 104 206	539	св. нет	св. нет
1942	3 582 023	1 811 117	828 337	523	св. нет	св. нет
1943	3 222 556	1 323 519	771 675	482	72 232	9,4
1944	3 089 374	1 368 490	868 465	542	71 766	8,3
1945	2 742 146	1 277 634	827 832	515	70 499	8,5
1946	2 922 484	1 222 443	1 090 627	640	90 874	8,3
1947	2 934 810	1 066 675	1 391 786	809	107 995	7,8
1948	2 384 098	958 939	1 059 240	608	106 672	10,1
1949	2 224 661	943 883	995 846	563	84 295	8,5
1950	1 974 233	850 127	902 256	501	65 753	7,3
1951	1 566 963	539 655	879 445	480	60 558	6,9
1952	1 590 329	477 492	969 344	520	56 501	5,8
1953	1 230 390	308 536	818 708	432	44 920	5,5
1954	1 108 179	258 961	769 679	399	49 389	6,4
1955	1 186 716	281 661	818 882	417	53 984	6,6
1956	1 121 867	84 614	938 950	470	51 111	5,4
1957	св. нет	св. нет	943 957	464	48 048	5,1
1958	св. нет	св. нет	1 078 882	522	52 024	4,8
1959	св. нет	св. нет	869 177	413	45 097	5,2

* Цифры данной колонки в отдельные годы разнятся в различных отчетах и аналитических документах, но не более чем на несколько десятков осужденных.

В случаях шаткой доказательственной базы следователи и прокуроры старались дела в суд не направлять, а использовать указанные институты освобождения от уголовной ответственности. Этим объясняется резкое снижение числа осужденных в СССР и соответственно— в РСФСР, а также числа оправданных на рубеже пятидесятых-шестидесятых годов.

Всего было осуждено общими судами по делам с предварительным следствием и делам частного обвинения в 1956 г. —938 950 чел., в 1957 г. —943 957, в 1958 г. —1 078 882, в 1959 г. —869 177, в 1960 г. —516 091.

§ 4. Общая характеристика динамики преступности в 1961—2000 годах по данным статистики

С 1961 г. стали учитываться наряду с осужденными все зарегистрированные преступления, с 1996 г. — все выявленные лица, совершившие преступления.

Таблица 45

Динамика числа осужденных в СССР и РСФСР в 1960-1991* гг.

Годы	Всего осуждено общими судами по делам с предварительным расследованием и делам частного обвинения		Годы	Всего осуждено общими судами по делам с предварительным расследованием и делам частного обвинения	
	СССР	РСФСР		СССР	РСФСР
1960	516 091	Точных данных нет*	1976	914 942	599 652
1961	799 816		1977	816 467	525 984
1962	819 731	489 647	1978	861 422	557 564
1963	685 686	413 811	1979	915 934	590 538
1964	618 567	381 772	1980	998 294	645 544
1965	571 542	360 034	1981	1 061 768	682 381
1966	756 948	491 298	1982	1 148 591	747 865
1967	730 990	477 525	1983	1 223 562	809 147
1968	719 726	468 303	1984	1 288 462	863 194
1969	798 936	522 971	1985	1 269 508	837 310
1970	853 616	554 589	1986	1 217 552	797 286
1971	873 764	574 350	1987	907 049	580 074
1972	876 443	575 056	1988	679 193	427 039
1973	829 047	538 156	1989	684 070	436 988
1974	886 858	579 642	1990	809 120	537 643
1975	884 984	581 035	1991	920 000	593 823

* Цифры в отдельные годы разнятся в различных отчетах и аналитических документах, но не более чем на несколько десятков осужденных.

** Криминологами данные об осужденных по союзным республикам за 1960-1961 годы не анализировались, так как в них новые уголовные кодексы принимались и вводились в действие а разное время — от 1960 до 1962 года.

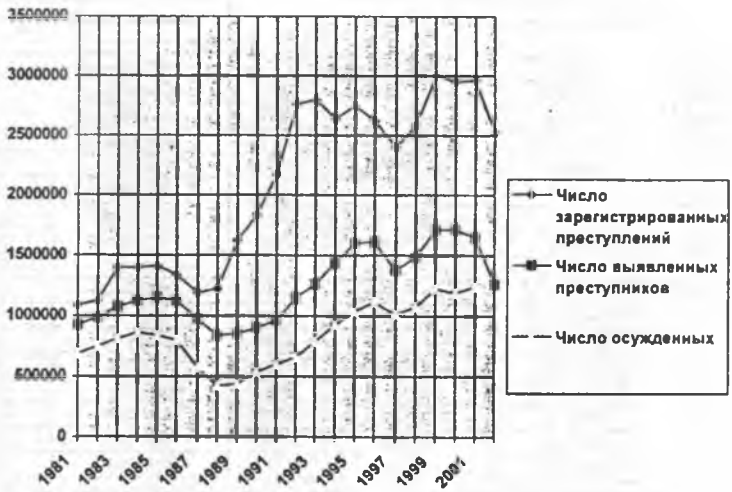
Таблица 45, отражающая динамику числа осужденных за длительный период, крайне важна для специалиста с точки зрения отправной точки для анализа преступности, с одной стороны, и анализа уголовной политики — с другой.

За пределами данных судебной статистики оставалось немало выявленных преступников, освобождавшихся от уголовной ответственности по не реабилитирующим их основаниям (передача на поруки, направление материалов в товарищеский суд, в комиссию по делам несовершеннолетних и т.д.). Поэтому важны также показатели таблицы 1, приведенной в главе 1.

На протяжении последних четырех десятилетий XX века в России определяющей тенденцией был рост статистического числа фактов и лиц Динамику числа зарегистрированных преступлений в восьмидесятых—девяностых годах отражает рис. 2. На графике видно, что годы реформ в России (последнее десятилетие XX века) отмечены колебаниями числа зарегистрированных преступлений. Причем такие колебания в девяностых годах происходили в пределах уровня, вдвое более высокого, чем в начале восьмидесятых годов.

Рис. 2

Динамика числа зарегистрированных преступлений, выявленных лиц, их совершивших, и осужденных в России в 1981-2002 годах



Необходимо учитывать следующий вывод, который был сделан в результате многолетних криминологических исследований: годовые пики резкого подъема и спада числа зарегистрированных преступлений никогда адекватно не отражают фактическую динамику преступности.

Преступность не сразу остро реагирует даже на экстремальные ситуации, ее фактическое движение носит более «плавный» характер. И это понятно: надо, чтобы соответствующие социальные изменения были определенным образом «переработаны» людьми и те только через какое-то время реагируют на новую ситуацию усилением или снижением криминальной активности.

Человек, личность — это довольно стабильный феномен. Взгляды, установки, стереотипы поведения людей не меняются так мгновенно, как порой это бывает с социальной ситуацией. Если бы значительную часть преступлений составляли деяния, совершенные в состоянии аффекта, крайней необходимости, необходимой обороны и другие, характеризующиеся сильным провоцирующим влиянием именно внешней для человека ситуации, тогда, возможно, кривая числа зарегистрированных преступлений быстрее и отчетливее бы отражала изменения преступности. Но четыре пятых и более всех зарегистрированных преступлений, по нашим данным, характеризуются более сильным влиянием личностного фактора во взаимодействии личность — среда, порождающим преступное поведение. В таком взаимодействии мы, как правило, находили не столько непосредственное влияние среды, сколько опосредованное, влияющее через определенным образом сформированные личностные характеристики. При этом в большинстве случаев личность характеризовалась автономным криминальным поведением, а часто — не просто использованием или подысканием «удобной» для совершения преступлений ситуацией, но целенаправленным ее созданием, изменением, «приспособлением» для совершения преступлений (расшатывание системы учета и контроля на предприятии расхитителями, подбор угодливых кадров должностными преступниками и т.п.).

Соответственно, когда перед нами стояла задача в короткий срок провести исследование и объяснить, почему, например, более интенсивно, чем в других союзных республиках, возрастала преступность на рубеже восьмидесятых—девяностых годов в Молдавской и Киргизской ССР, первое, что мы делали, устанавливали внешние для преступности факторы, связанные с организацией борьбы с преступность., реагирования на преступления. Первые вопросы заключались в следующем: « Не было ли смены министра внутренних дел, прокурора?» Именно прибытие нового руководителя органов МВД, реже — прокуратуры бывает часто ознаменовано призывом навести порядок и регистрировать все преступления. Подъем преступности в первый год работы нового такого руководителя объясняется

«наведением порядка». Затем сравнение происходит с данными этого года.

Влияют и другие управленческие решения, в том числе «укреплять законность», что отмечалось в 1983 году, не гнаться за высоким процентом раскрываемости преступлений, как это было в 1988—1989 годах.

«Провал» кривой в 1996—1997 годах был связан с переходом на новый Уголовный кодекс Российской Федерации. Прежний УК РСФСР переставал действовать, а правоприменение в соответствии с новым еще только набирало силу.

Сотрудники отдела общих проблем криминологии и борьбы с преступностью Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка писали в официальных документах и публикациях следующее: «В 1997 году стало особенно очевидным, что уголовные дела и официальная статистика перестали содержать не только полные, но и представительные сведения о криминальной ситуации в России: а) нарастала латентность преступности; б) необоснованно декриминализировалось все большее число фактически общественно опасных и характерных для криминальной среды деяний[1]; в) сдерживалось создание надлежащей правовой базы противодействия новым крайне общественно опасным деяниям организованных, профессиональных, экономических и должностных преступников либо новые правовые нормы неточно отражали эти деяния. На фоне снижения эффективности официальной правоохранительной деятельности формировалась практика внеправового реагирования физических и юридических лиц на преступность»[2].

Результаты исследований указывали на существенные изменения структуры преступности — переход представителей преступного мира от одних форм криминальной деятельности к другим, не менее опасным. Например, снижение числа телесных повреждений отмечалось на фоне роста количества похищений человека (с 628 в 1995 г. до 766 в 1996 г.; в 1993 г. их было 110); незаконного лишения свободы (с 734 до 786); торговли несовершеннолетними (с 4 до 10). Некоторое снижение числа зарегистрированных краж, грабежей и разбоев, вымогательств — на фоне подъема числа зарегистрированных фактов бандитизма, мошенничества, причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (почти

---

[1] См. : Преступность в России в 90 -х годах и некоторые аспекты законности борьбы с ней. М., 1995.

[2] Преступность и культура. М., 1998. С. 134.

вдвое за год). В 1996 году снижение числа зарегистрированных преступлений на 4,7 % в основном произошло за счет традиционной общеуголовной преступности. В то же время увеличилось число зарегистрированных преступлений против порядка управления (+15,4 %), общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения (+3,5 %), хозяйственных (+18 %). Более чем на 20 % возросло число зарегистрированных преступлений, связанных с наркотиками. Эти данные свидетельствуют, что преступность становилась более организованной и профессиональной. В 1996 году правоохранительные органы продолжали наращивать усилия по борьбе с уличной преступностью, насильственными деяниями, не являющимися тяжкими, угрозами убийством. И это несомненно не могло не повлиять положительно на предупреждение тяжких насильственных преступлений. Но их латентность оставалась весьма значительной. Число сотрудников органов внутренних дел, привлеченных к ответственности за укрывательство преступлений увеличивалось: 1994 г. — 742 человека; 1995 г. — 778 человек; 1996 г. — 823 человека. Реагирование на укрывательство преступлений оценивалось все-таки как нерешительное[1].

В дальнейшем прокурорами и ведомственными проверками вскрывались все более многочисленные факты сокрытия преступлений от учета и нереагирования на сообщения о преступлениях сотрудниками правоохранительных органов. Только прокурорами в 1997 г. было отменено 40 407 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с одновременным возбуждением уголовного дела, в 1998 г. — 58 168, в 1999 г. — 60 810, в 2000 г. — 79 834[2]. При этом среди выявлявшихся нарушений законности при производстве предварительного расследования доминировали те, которые увеличивали латентную часть преступности. В 2000 году было отменено прокурорами 71 448 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с одновременным возбуждением, 79 834 постановления о прекращении уголовного дела. В то же время незаконных постановлений о возбуждении уголовного дела было отменено только 6654; прекращено дел, возбужденных без законных поводов и оснований, — 2309.

Нарастающими темпами в девяностых годах XX века увеличивалось общее число выявленных нарушений законности в органах

---

[1] См.: *Долгова А.И., Ванюшкин С.В., Еланова О.А., Ильин О.С., Королева М.В., Серебрякова В.А., Юцкова Е.М.* Преступность в России: статистика и реалии// Преступность, статистика, закон. М., 1997. С. 3—35.

[2] См.: Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001.

8 Зак. 3144

внутренних дел, включая факты укрытия преступлений от учета (табл. 46).

Если вернуться к вопросу о резком снижении преступности в 1997 г., то надо отметить, что тогда было зарегистрировано на 8,7 % меньше преступлений и выявлено на 15,3 % меньше преступников, чем в 1996 г. Общее годовое снижение в 1997 г. числа зарегистрированных преступлений составило 227 770. Однако снижение на более чем 70 000 преступлений могла дать только сама по себе полная декриминализация деяний при принятии нового УК РФ, в том числе тех, о которых говорится далее[1].

Наряду с полной декриминализацией следовало учитывать и частичную. МВД РФ фиксировало снижение на 28,4 % угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью[2]. Вместе с тем диспозиция статьи изменилась и была декриминализирована угроза уничтожением имущества путем поджога[3].

Таблица 46

Динамика количества сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, совершивших нарушения законности, в 1993-1999 г.г.

Показатели	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Привлечено к ответственности за нарушения законности и преступления	6 303	9 305	9 887	10 530	11 219	13 771	13 833
В т.ч. за укрытие преступлений от учета, из них:	470	739	788	823	1180	1489	1850
фальсификация материалов предварительной проверки, дознания, следствия или доказательств	236	368	356	403	527	545	486
искажение статистической отчетности о результатах борьбы с преступностью	26	96	92	177	159	157	142

Однако по 16 новым статьям главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» УК РФ суммарно было зарегистрировано в 1997 году всего 922 преступления[4].

---

[1] В 1996 г. было зарегистрировано нарушений правил торговли — более чем 27 000; фактов изготовления сбыта, хранения крепких спиртных напитков домашней выработки — почти 17 000; уклонения от лечения венерической болезни — более чем 7 000, самовольного захвата земли — около 1 000. Но этим кругом деяний декриминализация не ограничилась.

[2] См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 1997 года. МВД РФ. Главный информационный центр. М., 1998. С. 5.

[3] В статье 191 УК РФ не стало незаконных сделок с валютными ценностями, предусматривавшиеся ст. 162^7 УК РСФСР. В 1997 г. по ст. 191 УК РФ было зарегистрировано почти на 1 000 преступлений меньше, чем по ст. 162^7 УК РСФСР в 1996 г.

[4] См. : *Аргунова Ю.Н., Ванюшкин С.В., Даниленко Н.Н., Долгова А.И., Евланова О.А., Ильин О.С., Королева М.В., Кривощекова Н.В., Романова А.Г., Хабалов В.И.* Статистические данные о преступности в России и их оценка// Преступность и культура. М., 1998. С. 134-140.

Введение в действие в 2002 г. нового УПК РФ повлекло, как это видно из диаграммы, резкое снижение числа зарегистрированных преступлений и количества выявленных преступников.

В целом же, если судить по данным статистики и криминологических исследований, *в динамике преступности шестидесятых—девяностых годов XX века отмечались четыре тенденции, соответствовавшие четырем теперь уже разным историческим периодам:*

1. *В советский период, с середины шестидесятых и до первой половины восьмидесятых годов* (1966—1985 гг.), шло нарастание преступности, причем каждые пять лет размер прироста средних коэффициентов преступности почти удваивался.

На резкий взлет числа зарегистрированных преступлений в 1983 г. оказало влияние повышение требовательности к регистрационной дисциплине. В целом же данные преступности свидетельствовали о том, что кризис общества нарастал, преступность увеличивалась и становилась все более общественно опасной, в ней усиливалась организованность.

2. *Период перестройки* характеризовался противоречивыми процессами: 1986—1987 гг. отмечены снижением ситуативной, зависимой от пьянства части преступности и одновременным ростом предумышленной, корыстной ее части, дальнейшим усугублением организованности преступности. С 1988 г. зарегистрированная и фактическая преступность стали интенсивно нарастать[1].

Процессы криминализации общества стали выходить из-под контроля государства. Криминологические исследования приводили к выводу, что уголовная статистика на рубеже восьмидесятых—девяностых годов XX века все менее точно отражала реальное положение дел с преступностью, а круг деяний, признаваемых преступными, все в меньшей мере совпадал с теми фактическими совершавшимися, которые по своей общественной опасности не уступали запрещенным уголовным законом.

3. *Период реформ* начался с резкого нарастания зарегистрированной преступности (1991—1993 гг.) и все более активного вовле-

---

[1] Значительный годовой прирост преступности в 1989 г. отчасти объяснялся более полной, чем ранее, регистрацией нераскрытых преступлений. Однако и в 1990 г. при прежней регистрационной политике годовой темп прироста числа зарегистрированных преступлений был очень высоким. Сотрудникам правоохранительных органам и спецслужб в начале девяностых годов задавался вопрос: «Как Вы лично считаете: неблагоприятные изменения показателей уголовной статистики отражают реальный рост преступности или только повышение активности в ее выявлении и регистрации?» 56 % опрошенных ответили, что отражают реальный рост, 20 % — отражают то и другое.

чения населения в преступную деятельность. Одновременно все отчетливее проявляла себя структурная перестройка преступности, нарастала ее организованность, продолжали изменяться формы крайне общественно опасного поведения. Продолжалась декриминализация (юридическая или фактическая) ряда общественно опасных деяний.

Эти обстоятельства отразились на противоречивой статистической картине преступности, в частности, снижении числа зарегистрированных преступлений в середине девяностых годов.

4. *Середина девяностых годов* (1994—1997 гг.) отмечена некоторой стабилизацией *зарегистрированной* преступности. Это отчасти стало следствием изменения уголовного законодательства и принятия нового Уголовного кодекса РФ[1]. При этом, однако, общие статистические данные, зафиксировали некоторое снижение уличной, бытовой преступности. Это указывало на то, что правоохранительные органы в новой ситуации стали более успешно реагировать на «традиционные» общеуголовные деяния. В то же время ослаблялся процесс социального контроля за многими тяжкими преступлениями, включая заказные убийства, экономические, должностные и иные.

Уголовная статистика адекватно не отражала фактические процессы структурной перестройки преступности. Увеличивалась ее латентность в целом.

Криминальная активность населения за пять лет реформ возросла вдвое. Усугублялись организованная преступность, коррупция, терроризм, которые отражались в уголовной статистике, как правило, в незначительных своих проявлениях.

5. *Конец девяностых годов — это усугубление криминальной ситуации в России на базе увеличения числа ранее не совершавшихся или редко совершавшихся в России преступлений.*

В целом фиксировались: рост числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших, а также числа осужденных и потерпевших; возросла общественная опасность зарегистрированной преступности; отмечались отрицательные структурные изменения преступности; наблюдалась все более интенсивная криминализация разных сфер жизни общества, в том числе политиче-

---

[1] Со второй половины 1991 г. и до 1996 г. в Уголовный кодекс РСФСР вносились гораздо более существенные изменения, чем ранее, и они отражались на статистической картине зарегистрированной преступности. После введения в действие нового УК РФ в 1997 г. число зарегистрированных преступлений несколько сократилось. Это было отчасти связано с более сильным влиянием на практику борьбы с преступлениями и ее регистрацию процессов декриминализации ряда деяний, чем криминализации, а также с необходимостью «наработки» практики применения новых статей УК РФ 1996 г. Впоследствии такие нормы УК РФ стали применяться более уверенно и активно — пошла вверх кривая зарегистрированных преступлений.

ской; в преступность все активнее втягивались те, кто ранее не совершал преступлений, особенно молодежь в возрасте 18-29 лет; статистическая картина преступности все менее точно отражала криминальные реалии[1].

* * *

Ретроспективный анализ дает основание, по крайней мере, для следующих общих выводов:

Во-первых, уголовная и судебная статистики отражают реальные изменения преступности только через несколько лет, уже после того, как правоохранительные органы начинают эффективно реагировать на новую криминальную ситуацию. Но даже при этом системы регистрации и учета проявлений преступности еще длительное время не отвечают ее новым характеристикам.

Во-вторых, оценить криминальную ситуацию в стране той или иной эпохи на основе использования только статистических данных практически невозможно — необходимо принимать во внимание и выводы криминологов, участников борьбы с преступностью, анализировавших ее в современные им исторические периоды.

В-третьих, многое в общей статистической картине преступности и степени ее приближения к фактическому положению дел зависит от количественных и качественных характеристик данного крайне общественно опасного явления.

---

[1] См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999; Преступность и культура. М., 1998.

Глава 4. Характеристики преступности

§ 1. Качественные и количественные характеристики преступности как специфического социального явления

При анализе различных проявлений преступности решается задача установления ее качественных и количественных характеристик. Гумбольд писал: «Две формы абстракции обнимают собой всю массу познания: *количественная*, определяющая отношения сообразно числу и величине, и *качественная*,[определяющая отношения] сообразно свойствам материи»[1].

С количественной стороны преступность, как и вообще материальный объект, характеризуется числом элементов, свойств и т.п., а также величиной. При анализе *количественных параметров* преступности используются, как правило, следующие показатели: 1) абсолютное число преступлений, преступников и других проявлений преступности, 2) коэффициенты, т. е. соответствующее число, рассчитанное на определенную численность населения (100 тыс., 10 тыс. или тысячу и т.п.), 3) темп прироста (со знаками «+» или «-») числа проявлений преступности или коэффициентов за определенный период, исчисляемый в процентах к предыдущему или базовому для анализа периоду, 4) удельный вес абсолютного числа или коэффициентов проявлений отдельных элементов преступности в их общем числе.

Подробно об исчислении количественных параметров преступности говорится в учебниках по криминологии и поэтому данный вопрос нет необходимости обсуждать здесь более подробно. Изучение количественных параметров преимущественно осуществляется при статистическом анализе данных о преступности. Но говорят ли такие параметры о качестве последней? Даже если оставить в стороне проблему точности отражения в статистике соответствующих проявлений преступности, на этот вопрос можно ответить положительно только в том случае, когда количественные параметры не отрываются от свойств преступности, измеряют именно их, привязаны к качественным характеристикам.

В материалистической диалектике содержание *качества* понимается широко. Выделяется «внешняя» сторона качества — определенность, характеризующаяся границей, конечностью, свойствами,

---

[1] Антология мировой философии. Т. 3. М., 1971. С. 493.

и «внутренняя» — системность как единство элементов и структуры, непрерывности и дискретности, устойчивости и изменчивости[1].

В литературе отмечается, что именно при поверхностном подходе качество объекта выглядит как совокупность его свойств. Более глубокий подход обнаруживает, что объект является системой — состоит из некоторой совокупности элементов и имеет структуру, которую образуют эти элементы.

Итак, качество объекта не существует вне его самого, а моментами качества являются свойства, конечность и граница.

Имеет ли преступность свою конечность и границы? На этот вопрос, с одной стороны, можно дать вполне определенный положительный ответ, так как границы преступного устанавливаются законами государств. «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания», — говорится в ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации. С другой стороны, истории человечества присущи периоды правового и криминологического безвременья, о которых пойдет речь далее.

Наиболее общим критерием качества для всех преступных проявлений может служить следующее: социально обусловленное, но в то же время виновное нарушение уголовно-правового запрета, представляющее собой наивысшую степень общественной опасности по сравнению с иными негативными социальными отклонениями.

Схематично место преступности в ряду социальных отклонений можно отразить следующим образом:

Преступность или проявление крайнего эгоизма	⇐	Аморальное, противоправное, но непреступное поведение, иные отрицательные социальные отклонения	⇐	**НОРМА** (отраженная в праве, морали общества, религиозных нормах и т.д.) как оцененный в качестве оптимального баланс эгоизма и альтруизма	⇒	Особо положительное, примерное поведение	⇒	**Добродетельный героизм** как высшее проявление альтруизма

Итак, *преступность находится на пике отрицательных социальных отклонений.* Криминологические исследования показывают, что более чем в девяноста процентов случаев совершения умышленных тяжких преступлений виновный ранее характеризовался иными отрицательными отклонениями в поведении. Бывают сразу скачки от

[1] Материалистическая диалектика. Т. 1. М., 1985. С. 144-161.

нормы или положительных отклонений к преступлению, но в исключительных ситуациях либо при особых состояниях виновного лица (аффект и тому подобное).

Объективный аналог каждого преступления — борьба за себя против всех остальных на основе эгоистического расчета: что выгоднее[1]. Преступность же — это проявление социальной войны по Ф. Энгельсу, когда «каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, должен ли он причинять вред всем остальным, которые являются его заклятыми врагами, решается для него исключительно эгоистическим расчетом: что для него выгоднее... Одним словом, каждый видит в другом врага, которого он должен удалить со своего пути, или в лучшем случае средство, которое он может использовать для своих целей»[2].

Антипод преступности — общепризнанный и остающийся в памяти человечества добродетельный героизм, т. е. не всякое проявление храбрости, отваги[3] и т.п., но с нравственным знаком «+». В его основе, как показывает история, лежит идея самопожертвования во имя долга, высшего, общего блага. Это — Иисус Христос, Джордано Бруно, генерал Карбышев, Зоя Космодемьянская и много других известных лиц. Дж. Ст. Милль, говоря о «золотом правиле Иисуса Христа», пишет, что стремление к столь высокому идеалу порождают «чувство долга, душевная боль, более или менее сильная, сопровождающая всякое нарушение долга»[4]. Аристотель отмечал: «...считается, что дурной человек все делает ради себя самого, причем тем больше, чем он хуже..., добрый же [совершает поступки] во имя прекрасного и тем больше, чем он лучше, причем ради друга, а своим пренебрегает»[5]. По Платону Сократ перед смертью просил в том числе о следующем: «..если, о мужи, вам будет казаться, что мои сыновья, сделавшись взрослыми, больше заботятся о деньгах или еще о чем-нибудь, чем о добродетели, отомстите им за это, преследуя их тем же самым, чем и я вас преследовал...»[6]. Здесь добродетель противопоставляется заботе о деньгах. Известно, что именно последняя лежит в основе большинства преступлений, сочетаясь с рядом иных характерных для преступников характеристик.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С.361.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 364.
[3] «Герой — выдающийся своей храбростью, доблестью человек, совершающий подвиги». (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1953. С. 109).
[4] Цит. по книге: *Владимиров Л.Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа. М., 1903. С. 161.
[5] *Аристотель.* Соч. Т. 4. С. 256.
[6] *Платон.* Диалоги. Ростов-на-Дону. 1998. С. 350.

Первый признак (*крайнее* проявление неуважения к порядку) отделяет преступления от иных форм отклоняющегося поведения, второй (чисто эгоистический расчет) — от политической борьбы. Сочетание крайнего проявления неуважения к порядку с альтруизмом дает политических или иных борцов, нарушающих законы или иные социальные нормы во имя понимаемой ими справедливости, «для всех», «для других», а не только для себя. Ореол героизма имеет такой персонаж, как Деточкин в известном фильме «Берегись автомобиля», сотрудник милиции, применяющий при задержании вымогателя насилие, не обоснованное с точки зрения закона, но оправдываемое окружающими. Последние, как и сам сотрудник милиции, в этом случае бывают уверены, что бандита отпустят, хотя на его совести немало тяжких преступлений (не удастся доказать, запугает свидетелей, откупится и т.п.), так пусть хоть сейчас «получит». Но ни Деточкина, ни такого сотрудника милиции никто бы не спешил отнести к типу истинно «добродетельного героя».

Речь идет о случаях, когда явление приобретает черты двух крайних и прямо противоположных вариантов отклонений от социальной нормы: преступного и героического. Встречаются факты преступного поведения — проявления крайнего неуважения к правопорядку с альтруистических позиций и наоборот: сугубо эгоистическое (из страха потерять место, не понравиться руководителю и т.п.) либо догматическое, формальное следование букве закона без продумывания возможности его разумного применения, в частности, с использованием ряда норм Общей части УК РФ (крайней необходимости, необходимой обороны, институтов смягчения ответственности либо освобождения от уголовной ответственности и наказания, исключительно вынужденного причинения вреда при задержании и т.п.), без попытки поставить вопрос об изменении закона.

Соответственно проблемы политической преступности либо преступного реагирования на преступления и иные «язвы общества» не так просты. В них есть аспекты, предполагающие вдумчивый, непредвзятый криминологический анализ без громкой политической риторики и поспешного наклеивания ярлыков.

Явления типа «преступность – героизм» или «героизм — преступность» встречаются в случаях конфликта закона и иных норм поведения (в том числе шариатских), закона и общественного мнения, закона и традиций, обычаев. А, между тем, следует согласиться с мнением К. Маркса, что «закон не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»

и «юридически признанная свобода существует в государстве в форме закона...Свод законов есть библия свободы народов»[1].

Лозунг цивилизованного общества — это вовсе не свобода от законов, но и законы должны быть социально обусловленными, отражать нравственные воззрения и традиции народа. Профессор Л.И. Петражицкий писал: «Общая, основная тенденция исторического процесса образования и изменения права заключается в таком приспособлении правовой мотивации и педагогики к данному состоянию народной психики, что путем психического воздействия соответственной правовой системы индивидуальное и массовое поведение и развитие народной психики направляется в сторону общего блага»[2].

Правда, существует точка зрения, что границы преступного устанавливаются законодателем чуть ли ни произвольно и исследователь при изучении преступности имеет дело с неким фантомом — исключительно продуктом сознания самих законодателей. Одно из последних высказываний такого рода сводится к следующему: «Продолжая по инерции именоваться наукой, уголовное право последних десятилетий...мало чем обогатило наши представления о человеке и способах отражения характеристик его личности и поступков в правовой реальности»[3] и далее: «Преступность — это характеристика деяния с определенной точки зрения, *не присущая* деянию, а *приписываемая* ему (выделено нами А.Д.)...Преступление имеет, таким образом, как и всякая характеристика (диагноз, квалификационная оценка, присвоение почетного звания) «рукотворное» происхождение»[4].

А между тем не все так просто: и диагноз, и присвоение, например, звания «Героя России» базируются на реальных фактах. Другое дело, что факты должны оцениваться (в том числе и при криминализации деяний) как с точки зрения общечеловеческих, почти вечных ценностей, отраженных в Конституции, священных писаниях, литературе, произведениях искусства, памятниках права, традициях, обычаях, так и с позиции их возможного влияния на существующие общественные отношения, на законные интересы человека и общества. Именно такого рода оценка лежит в основе признания деяний общественно опасными. Н.С. Таганцев отмечал, что уголовно наказуемым признается «деяние, посягающее на такой охраненной нор-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1. С. 62 — 63.
[2] *Петражицкий Л И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Том II. СПб, 1910. С. 754.
[3] *Пашин С.* Понимание преступления // Уголовное право. 2000. № 3. С.81.
[4] Там же. С. 83.

мой интерес жизни, который в данной стране, в данное время признается столь существенным, что государство, ввиду недостаточности других мер охраны, угрожает посягающему на него наказанием»[1]. Деяние не должно считаться преступным, по мнению другого видного русского профессора уголовного права С.В. Познышева, «если деяние таково, что беспрепятственное совершение его в государстве не повлекло бы за собою общественного регресса или не послужило бы препятствием дальнейшему прогрессу общества[2]». Далее С.В. Познышев писал: «Преступлением должно считаться такое деяние, которое выходит за пределы свободы личности, совместимой с общим прогрессом, посягает на какое-либо благо других людей и не может быть в достаточной мере предупреждаемо, если его не будет сопровождать, в качестве последствия, уголовное наказание[3]». При этом автор подчеркивал, что в различные исторические эпохи и у разных народов понятие преступления наполняется различным конкретным содержанием[4].

Если обратиться к уголовным кодексам разных стран и эпох, то можно увидеть, что перечень преступлений не так уж и разнообразен в разных государствах и в разные исторические периоды. Посягательства на жизнь и здоровье, честь и достоинство людей, собственность, установленный государственный (конституционный) строй, общественный порядок, порядок осуществления служебных обязанностей, экономической деятельности — эти деяния во многом исчерпывают содержание уголовных законов. Другое дело, что каждый из видов этих посягательств конкретизируется в ряде статей УК. Как уже отмечалось, на преступления, предусмотренные 16 статьями УК РСФСР, приходилось от 56 % всех зарегистрированных преступлений в 1980 г. до почти 70 % в 1990 г.[5] В 1999 г. в России четыре пятых (78,4 %) всех зарегистрированных преступлений приходилось на те, которые были предусмотрены только тремя из 19 глав Особенной части УК РФ. Это такие главы, как «Преступления против жизни и здоровья», «Преступления против

---

[1] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Часть Общая. Лекции. Т.1. М., 1921. С. 18.
[2] *Познышев С.В.* Основные научала науки уголовного права. М., 1912. С. 125.
[3] Там же. С. 127.
[4] Там же. С. 125-127.
[5] В данный сопоставимый массив входили умышленные убийства с покушениями, умышленные тяжкие телесные повреждения, изнасилования, злостное и особо злостное хулиганство, кражи, грабежи, разбои, мошенничество, взяточничество, хищения путем присвоения, растраты или злоупотребления служебным положением, спекуляция, обман покупателей и заказчиков. Начиная с 1991 года уголовно-правовые нормы, касающиеся этих деяний, стали резко меняться и прежний сопоставимый массив окончательно перестал быть таковым с принятием нового УК РФ.

собственности», «Преступления против общественной безопасности».

Оценка деяния в качестве наиболее общественно опасного вовсе не произвольна, она всегда бывает социально обусловлена, «привязана» к определенным условиям места и времени. К числу преступлений законодателем всегда относились деяния, которые представляли для общества наибольшую опасность. Именно за них устанавливалась наиболее суровая ответственность.

С изменением ситуации, в новых условиях какое-то деяние может перестать оцениваться в качестве крайне общественно опасного. Так в России произошло с абортами в послевоенное время, второй половине XX века, или спекуляцией во время «рыночных реформ». Либо, наоборот, деяние приобретает наивысшую общественную опасность: воспрепятствование осуществлению права участвовать в референдуме в условиях, когда Конституция РФ придает результатам референдума высшую юридическую силу. «Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы», — говорится в ст. 3 Конституции РФ. Спекуляция отличалась крайней опасностью в условиях господства государственной собственности, фиксированных цен и дефицита высококачественных товаров. Скупая эти товары по низким ценам в государственной торговле, спекулянты (по образному выражению «мародеры торговли») заставляли людей платить за них многократно дороже и ограничивали доступ определенных групп граждан к приобретению таких товаров. В условиях рынка спекуляция не имеет столь пагубных последствий, хотя в Италии и ряде других государств с рыночной или, точнее, смешанной экономикой установлена уголовная ответственность за подобные действия.

Практически, а для криминолога особенно, общественная опасность преступления носит двойной характер: во-первых, общественно опасно само запрещаемое уголовным кодексом деяние, во-вторых, крайне общественно опасен сам факт совершения такого деяния, ибо в этом случае субъектом сознательно нарушается наиболее строгий запрет, исходящий от государства и влекущий уголовное наказание. Охрана нормы уголовным законом придает ей новое качество. Соответственно новое качество приобретает нарушение этой нормы. Сама уголовная наказуемость означает, что речь идет только о виновном нарушении уголовного запрета в условиях, которые допускали иные варианты поведения. В соответствии со статьями 37-42 УК РФ исключают преступность деяния: необходимая оборона, крайняя необходимость, физическое или психическое

принуждение, обоснованный риск, исполнение обязательного для субъекта приказа или распоряжения.

Другой крайностью в оценке качества преступления является признание «преступного» чуть ли ни вечной категорией, во всяком случае, не зависимой от конкретных исторических условий. Обосновываются, например, некое универсальное понимание «политической преступности» и предлагается судить лиц, действовавших в одних социальных условиях и при одном государственно-правовом режиме, по законам, принятым в других условиях. Это, например, просматривается в работах П.А. Кабанова, да и ряда других авторов. Не случайно П.А. Кабанов в книге «Политическая преступность» отмечает: «В настоящей работе мы будем рассматривать политическую преступность с политико-криминологических позиций[1]». Хотя он далее и упоминает о порицаемости соответствующего общественно опасного поведения с позиции уголовного права, но затем этот признак игнорируется и автор выходит на внеправовую трактовку политической, в частности, «тоталитарной» преступности. П.А. Кабанов солидаризируется с В.В. Лунеевым в той части, в которой последний характеризует «политическую преступность» в Советской России как некриминализированную преступность властей против своего народа[2]. Другими словами, речь идет о «преступности», не признанной преступной?!. Это — не правовой, не криминологический, а идеолого-политический подход. Криминолог же при анализе выделяет только те явления, которые получили в предусмотренном законом правовую оценку в качестве преступных и которые связаны с виновным нарушением уголовно-правового запрета. И если он выходит на новые формы крайне общественно опасного поведения, то, во-первых, говорит о новых высоко общественно опасных явлениях, подлежащих криминализации; во-вторых, как правило, получает представления о такого рода явления через изучение поведения лиц, уже совершавших преступления и прикосновенных к таким явлениям; в-третьих, ставит вопрос о криминализации конкретных форм их проявления. И только после такой криминализации использует их оценку как преступных.

---

[1] *Кабанов П.А.* Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. С. 15. В словаре «Политическая криминология» (Нижнекамск, 2001. С, 46) этот автор трактует политическую преступность как «вид общественно опасного поведения, запрещенного международным и (или) национальным уголовным законодательством...»).

[2] *Кабанов П.А.* Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. С. 52. *Лунеев В.В.* Политическая преступность// Государство и право, № 4, 1994. С. 108. Его же. Преступность XX века. М., 1997. С. 168. См. также *Гилинский Я.* Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы// Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб, 1998.

Вряд ли так бесспорно осуждение граждан, действовавших в рамках одной государственно-правовой системы, по законам другого государства[1]. Или с позиции новой общественно-экономической и правовой системы абсолютное признание невиновности тех, кто в стране совершал тяжкие преступления по ранее существовавшим законам, причинял тяжкий вред прежним общественно-экономическим отношениям. Например, в СССР на рубеже восьмидесятых-девяностых годов, когда Уголовный кодекс РСФСР действовал в полном объеме, в средствах массовой информации была поднята шумная кампания вокруг привлечения к уголовной ответственности ряда экономических преступников, крупных спекулянтов. Они, наивно или лукаво, оценивались рядом журналистов, публицистов, политиков как такие предприимчивые и инициативные люди, которые «спасут» Россию. Практически уголовные дела о преступлениях таких лиц не имели судебной перспективы задолго до Постановления Государственной думы Федерального Собрания РФ «Об объявлении политической и экономической амнистии» 23 февраля 1994 года, о котором говорится в главе 3. Но поскольку указанным преступникам, по данным исследований, в полной мере присущ крайний эгоизм, такие утверждения криминологами оценивались либо как чрезмерно наивные, либо как лоббировавшие интерес экономических и должностных преступников. Практика показала, что «спасителей отечества» из указанных лиц действительно не получилось: опираясь на свои криминальные капиталы, они занялись тотальным разграблением национальных богатств России и капитализацией власти с последующей ее приватизацией.

Разумеется, в криминологических и социально-правовых исследованиях важно учитывать особенности периодов смены общественно-экономической формации, когда одни законы уже фактически не действуют, а других еще нет. В эти периоды и сама смена власти часто носит противоправный с точки зрения не отмененных законов характер. При исследовании политической преступности такие периоды подлежат особенно глубокому, диалектическому анализу. Это как раз то правовое и соответственно во многом криминологическое безвременье, о котором ранее шла речь.

---

[1] Кабанов П. А. в качестве одного из положительных примеров приводит следующий: «...после объединения Германии по обвинению в стрельбе на поражение или об отдаче приказов на такую стрельбу в отношении нарушителей государственной границы между ГДР и ФРГ к суду привлечено более 240 бывших гэдэровских политиков, офицеров и рядовых пограничников. Из 165 вынесенных приговоров – 51 оправдательный и 82 условных. 17 уголовных дел прекращено. Осуждено виновных в этих преступлениях к наказанию в виде лишения свободы, и помещено в места лишения свободы 18 человек». Кабанов П.А. Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000. С. 56.

Если говорить о так называемой «тоталитарной» преступности, то обращает на себя внимание ее определение в качестве преступной деятельности государства по отношению к населению, признаваемой таковой в соответствии с нормами международного права[1]. Очевидно все-таки здесь есть проблема. Во-первых, в соответствии со ст. 15 Конституции Российской Федерации 1993 г. «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы», во-вторых, в Конституции СССР и ряде конституций других государств такого правила не было и нет, в-третьих, все равно, даже при таком подходе конкретизируются те преступные деяния, совокупность которых признается «тоталитарной» преступностью.

Иной подход является разновидностью рассмотрения преступности не в качестве относительно самостоятельного, специфического социально-правового явления со своими характеристиками, а как одной «из разновидностей явлений социальной дисфункции»[2], «одного из параметров общества, характеризующих состояние социального организма, рассогласованность между его составными частями»[3]. Преступление и преступность, по мнению ряда авторов, нельзя рассматривать в рамках соотношения общего и отдельного, ибо они соотносятся между собой через общество[4]. Логика рассуждений здесь такова: понятие преступности означает совершаемость преступлений, а что именно в результате «совершаемости» возникает, зависит от многих обстоятельств, в том числе от психологических, биологических и иных свойств субъектов. Это могут быть и преступления, и самоубийства, и психические заболевания. С этим связано и другое утверждение: надо вообще изучать отклоняющееся поведение и преступность — исключительно в рамках такого отклоняющегося поведения или девиантности в обществе. При этом порой даже не говорится, какой именно девиантности, каких отклонений, со знаком «+» или со знаком «–»: «кто может верно судить, какая конкретная социальная норма данного общества в определенное время объективно «полезна», адаптационна, а какая — нет»[5].

---

[1] *Устинов В.С.* Понятие и криминологическая характеристика организованной преступности. Лекция. Нижний Новгород, 1993. С. 14.

[2] *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* О перспективах научной разработки проблем борьбы с преступностью// Ученые записки высших учебных заведений Литовской ССР. Право, т. XVI, вып. 1. Рига, 1981. С. 9.

[3] *Спиридонов Л.И.* Социология преступления. М., 1978. С. 22-23.

[4] Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. М., 1981. С. 8-37.

[5] *Гилинский Я.* Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы// Социальный контроль над девиантностью в современной России. Санкт-Петербург, 1998. С. 8.

Соответственно, отрицательные отклонения рассматриваются в одном ряду с нормой, законы — с общественным мнением: « ...не существует «преступных» или непреступных, «девиантных» или «нормальных» действий человека per se. Есть единый, длящийся всю жизнь процесс человеческой деятельности по удовлетворению потребностей. Неудовлетворенная потребность, нужда — вот та гегелевская «хитрость мирового разума», которая служит источником, «причиной» человеческих действий, поступков, активности. А если какие-то формы этой активности кто-то (законодатель, общественное мнение) называет «преступными», «девиантными», то это не может служить безусловным препятствием, исключающим саму возможность таких форм удовлетворения существующих потребностей»[1]

Итак, о каких преступлениях может идти речь, если удовлетворяется ее величество «Нужда»? Именно так... Получается, что «Нужда» с большой буквы. Неважно, какая (в том числе у педофилов), неважно, каким образом (за счет жизни, здоровья, собственности другого человека или иных субъектов), неважно, что в условиях, допускавших иные варианты поведения. Важно, что была «Нужда» и она удовлетворялась. Какая трогательная забота о человеке, испытывающим нужду!

И на это нехитрой схеме построена вся теория прав человека в ее крайнем варианте: человек — центр всего. С этим можно было бы и согласиться, если бы не следующее «но»: права человека, гражданина отделяются от его обязанностей и изолируются. А ведь человек живет не в изоляции, не в волчьей стае — его жизнедеятельность протекает в обществе, именно в обществе он становится личностью, социализируется. И что же получается: человек-центр вселенной не должен считаться с другими такими же «центрами»? Если страдают от этого «человека», другие, то тогда что же делать? Не получается ли так, что когда другие люди пострадают, тогда дойдет очередь и до них — правозащитники начнут защищать и их права?

Между тем, любой юрист знает, что права всегда должны корреспондироваться с обязанностями. Иначе те или другие «повисают в воздухе», оказываются нереальными, не действующими. В обществе реализация прав одного субъекта — это исполнение обязанностей другими, а должное исполнение обязанностей одними — это обеспечение соблюдения прав других. Граница прав человека тоже в цивилизованном обществе корреспондируются с исполнением этим человеком своих обязанностей. Неисполнение обязанностей

---

[1] Там же. С. 9.

лежит в основе ограничения прав, а ограничение человеком прав других субъектов — в основе наложения на него новых обязанностей.

На изложенных теоретических построениях, может быть, и не стоило бы останавливаться при рассмотрении проблемы преступности, если бы они явным образом не отражались на исследованиях данного явления и практической постановке дела по борьбе с преступностью.

Сторонники рассмотрения преступности как социальной дисфункции общества никогда сами не проводили глубоких исследований реальной преступности, в крайнем случае оперировали статистическими данными о ней либо ссылками на иных авторов. Что же касается «борьбы с преступностью», то пропагандируется (и практически в девяностых годах в России буквально навязывается) так называемый «аболиционистский» подход, согласно которому надо абсолютно отказаться не только от смертной казни, как меры уголовного наказания, но и тюремного заключения, перейти от юстиции «возмездной» к юстиции «восстанавливающей»[1]. Другими словами, если в правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью выделяются карающая и правовосстановительная стороны, то от первой надо отказаться полностью или почти полностью.

Просчитаны ли последствия такого решения, изучена ли его эффективность? Но ведь исследованиям собственно преступности и ее изменений под влиянием в том числе уголовно-правовой политики должного внимания этими авторами не уделяется. Следуя изложенной авторами логике, для выявления закономерностей преступности и ее социальной обусловленности нет необходимости изучать конкретные преступления даже с последующим теоретическим обобщением полученных данных, ибо «на теоретическом уровне познания определение преступности как совокупности преступлений уже не дает какого-либо нового знания о ней, не отражает сущности данного явления»[2], а такой признак, как обусловленность преступности социальными явлениями, «отражает уже познанную сущность и недоступен непосредственному наблюдению»[3].

Да и вообще «преступность» сторонниками рассматриваемого подхода трактовалась как абстракция, подобно общему понятию

---

[1] *Гилинский Я.* Социальный контроль над девиантностью в современной России: теория, история, перспективы// Социальный контроль над девиантностью в современной России. СПб, 1998. С. 7-10.

[2] Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности. С.12.

[3] Там же. С. 18.

9 Зак. 3144

«стол». Вообще «стола» не бывает: есть столы конкретные (обеденные, письменные, журнальные и т.п.)

При подходе к преступности как к абстракции, одной из «дисфункций» общества, *во-первых*, отрицается качественная определенность и специфика как преступления, так и преступности: преступность — это как бы изображение на белом экране, отбрасываемое обществом, его автоматически не будет, как только изменится состояние общества. Это — не устойчивый отпечаток, подобный отпечатку древнего папоротника на камне, имеющий свою историю, характеристики даже после гибели папоротника. *Во-вторых*, фактически происходит отрицание и качественной специфики причин преступности. *В-третьих*, отмечается отрыв отдельных преступлений от преступности, недиалектическое рассмотрение их взаимосвязи. *В-четвертых*, сама преступность отождествляется с ее детерминацией, процессом порождения (преступность — «порождаемость»). *В-пятых,* криминологическое исследование как таковое отрицается и подменяется неким универсальным исследованием социальных явлений и процессов в «норме» и различных девиаций. Некоторые авторы, разделяющие рассматриваемую позицию, позднее и преступность стали объявлять «нормальным» явлением. *В-шестых,* отмечается эклектическое смешение факторов разного порядка: социальных и психофизиологических, биологических[1], а также механистическое объяснение преступности влиянием каких-то отдельных факторов (немеханизированного труда и т.п.).

Преступность при определении ее качественных характеристик ни в какой мере нельзя отрывать от преступлений. Другое дело — то сложное диалектическое соотношение категорий «преступление» и «преступность», о чем уже говорилось в первых главах.

§ 2. Внешние и внутренние характеристики преступности

При анализе внешних и внутренних характеристик преступности возникает вопрос о свойствах последней. Свойство явления характеризует способность порождать в других объектах изменения или изменяться под воздействием других объектов.

Если говорить о *«внешней» стороне качества*, то ее изучение — это исследование не столько свойств самой преступности, сколько — через преступность — свойств общества.

---

[1] Представители данного направления, отстаивающие взгляд на криминологию как социологию преступности, например, никогда не вступали в дискуссию с представителями взгляда на решающую роль биологического фактора в порождении преступности, в том числе при социализме (И.С. Ной и др.).

В процессе исследований внешних характеристик преступности была выделена группа свойств, указывающих на границы преступности и на то, как именно преступность соотносится с социальной средой, обществом, проявляется и изменяется под их воздействием.

К числу ***«внешних характеристик преступности»*** могут быть отнесены следующие: ее *общая распространенность*, *общественная опасность* с учетом последствий преступности[1], *мотивационная характеристика*, *социальная направленность*, *социально-территориальная распространенность* (в городской и сельской местности, в разных субъектах федерации и т.п.), *социально-групповая распространенность* (среди мужчин, женщин, несовершеннолетних и т.п.), *социально-отраслевая распространенность* (в золотодобывающей, легкой промышленности и т.п.). Можно еще говорить о *распространенности преступности по сферам жизнедеятельности общества*: политической, экономической, социальной, духовной и другим, более конкретизированным.

Группы преступлений криминологами в процессе исследований выделяются и по иным, более детализированным критериям, отражающим те или иные социальные явления (преступность сотрудников правоохранительных органов в сфере исполнения профессиональных обязанностей, преступность, свидетельствующая об уважении или неуважении к государству, его атрибутике, должностным лицам, т.п.).

Почему речь идет о «внешних» характеристиках или свойствах преступности? Да потому, что, изучая их, мы фактически выходим на характеристики общества.

«Внутренние характеристики преступности» отражают другую группу свойств. Это — свойства именно преступности, причем такие, которые определяют ее способность сохраняться в условиях борьбы с ней и даже развиваться при определенных обстоятельствах, а также порождать изменения в других объектах.

Преступность в силу ее способности к саморазвитию, самодетерминации способна наступать на здоровую часть общества и криминализировать ее, создавать благоприятствующие преступлениям и преступникам обстоятельства. При этом ее предшествующие состояния участвуют в процессе детерминации последующих. Это видно на следующей схеме:

В конце восьмидесятых годов выделялись три основные внутренние характеристики преступности — устойчивость, активность, организованность.

---

[1] См.: *Бабаев М.М.* Социальные последствия преступности. М., 1982.

К ним, однако, есть все основания добавить еще, по меньшей мере, две: *мимикрию* — способность создавать видимость сходства с правомерными, полезными проявлениями, а также *научно-техническую вооруженность*.

В частности, одни из проявлений криминальной мимикрии — это «легализация» преступных доходов и даже легализация в целом преступной деятельности. *Легализация преступной деятельности* означает придание правомерного вида как самим преступным деяниям, преступной деятельности, так и доходам, полученным в результате совершения преступления, в том числе с использованием государственных институтов или институтов гражданского общества.

Криминальная мимикрия, несомненно, взаимосвязана с организованностью и активностью преступности. Однако ее выделение и специальное изучение позволяют выявлять те криминальные явления, которые в результате прямого лоббирования, продвижения криминального интереса, остаются в тени. Это может происходить из-за декриминализации преступных деяний или отсутствия криминализации крайне общественно опасных новых деяний, в результате правового оформления криминальных операций, легальной регистрации фактически преступных организаций или организаций, преследующих цели содействия преступной среде и т.п.

Многое зависит и от того, как далеко криминальный мир продвигает свои позиции в легалистскую часть общества, как он использует закон и государственно-правовые институты общества, как деформирует институты гражданского общества и т.п.

Научно-техническая вооруженность преступности — использование в процессе планирования и совершения преступлений новейшего оружия, боеприпасов, подслушивающих и других электронных устройств, компьютеров и т.п., оснащенность ими. Данная характеристика может рассматриваться как один из аспектов устойчивости, активности и организованности преступности, но она способна отражать и проявления первичной, неорганизованной преступности. Выделение этой характеристики значимо в том отношении, что криминальное использование научно-технической вооруженности требует соответствующего научно-технического оснащения организации борьбы с преступностью, предупредительной и правоохранительной деятельности, а также специальной подготовки субъектов такой борьбы.

Внешние и внутренние характеристики и их распространенность в России широко описаны в литературе[1]. Что же касается понимания качественных и количественных характеристик преступности как ее уровня, динамики и структуры[2] (или состояния, динамики и структуры), то такой подход с изложенной точки зрения выглядит весьма ограниченным и неточным. Хотя бы уже потому, что каждая из внешних и внутренних характеристик имеет как свою определенность в конкретной точке времени и пространства (состояние), так и динамику в определенные периоды.

Состояние преступности — понятие, которое употребляется в узком и широком значениях: 1) в узком — как общая распространенность преступности. Причем одни авторы имеют в виду одновременно и уровень преступности (абсолютное число), и интенсивность преступности (коэффициенты, рассчитанные на определенную численность населения), другие - только абсолютное число зарегистрированных преступлений; 2) в широком значении — это вся совокупность характеристик преступности в статике, а не в динамике.

Динамика преступности, таким образом, — изменение преступности во времени с учетом совокупности ее качественных и количественных характеристик, свойств.

На общем фоне изменений всей зарегистрированной преступности могут снижаться те или иные виды преступности, выделенные при анализе ее общественной опасности, социальной направленности, организованности и т.д. Важно и то, что показателями, на основе которых делаются выводы об изменениях свойств преступности, ее качественных и количественных характеристик, служат данные не только о преступлениях, но и о преступниках, жертвах, иных проявлениях и последствиях преступности, о которых говорилось ранее. Это можно проиллюстрировать на примере анализа преступности конца XX века.

---

[1] Методика анализа преступности. М., 1986; Изменения преступности в России. М.,1994; Криминология. 2-е изд. Под ред. Долговой А.И. М., 2001; Криминальная ситуация в России и ее изменения. М., 1997; Преступность и реформы в России. М., 1998; Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. *Долгова А.И.* Криминология. М., 1999.

[2] Данный подход отражен в большинстве учебников по криминологии.

Глава 5. Общая распространенность и общественная опасность преступности, их характеристики в России

§ 1. Изучение общей распространенности преступности и ее общая оценка в России

Если говорить об общей распространенности преступности, то она, как уже отмечалось, пожалуй, в большей мере характеризует общество, чем саму преступность.

Общая распространенность преступности измеряется уровнем — абсолютными величинами проявлений преступности (числом преступлений, количеством преступников, потерпевших, суммами материального ущерба и т.п.) и интенсивностью — коэффициентами, получаемыми в расчете указанных абсолютных данных на 100 тыс. населения или другую его численность[1]. При этом расчет ведется на все население или население определенного возраста. Если, например, оказывается, что при расчете числа преступников на население в возрасте уголовной ответственности (в России от 14 лет и старше), коэффициент преступности (Кл) увеличивается, это означает, что все большая часть данного населения решает свои проблемы с нарушением уголовного запрета.

В.В. Лунеев, анализируя статистические данные и отмечая рост преступности в подавляющем большинстве стран мира, полагает, что такова тенденция преступности[2]. Но точнее было бы сказать иначе: такова закономерность современного общества. В.В. Лунеев прав, когда цитирует слова К. Маркса о том, что есть что-то гнилое в сердцевине социальной системы, увеличивающей богатство и не уменьшающего нищету.

В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец вместе с Н.П. Дубининым в книге «Генетика, поведение, ответственность» доказывали, говоря о социальной обусловленности преступности, что в период кризисных состояний общества преступность резко растет (в России в 1876-1890 гг. число уголовных дел росло на 4 % ежегодно в среднем (+57 %), а ранее — на 1 % в год в среднем. С укреплением капиталистического способа производства везде росла преступность: в Германии в 1882-1898 гг. преступность росла вдвое быстрее населения, во Франции в 1831-80 гг. в семь раз быстрее населения росло число обвиняемых[3].

---

[1] Этот вопрос подробно излагается в учебниках по криминологии.

[2] *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 14.

[3] *Дубинин В.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность. М., 1982.

Однако действительно ли статистические данные свидетельствуют о росте преступности в странах мира в конце XX века? Если опираться, например, на данные Д.А. Ли и ряда других авторов, можно отметить, что динамика преступности в разных странах мира в 1993—1996 годах как раз не была одинаковой (табл. 47).

Таблица 47

Динамика интенсивности преступности в четырех группах стран мира в 1993—1996 годах по данным Д.А. Ли[1]

Годы	Число стран	Доход на душу населения, долл. США	Выборка, %	Уровень преступности на 100 тыс. населения
Высокоразвитые страны				
1993	20	24 568.00	99,97	5 945.8
1994	21	25 031.00	99,97	6 399.5
1995	30	23 790.00	99,98	6 284.7
1996	28	24 942.00	99,98	6 209.7
Среднеразвитые страны				
1993	83	7 169	96,91	3 723.9
1994	87	6 776	97,44	3 634.8
1995	76	6 517	97,45	3 110.8
1996	82	6 877	97,35	3 338.1
Слаборазвитые страны				
1993	108	744	91,4	913.5
1994	107	703	91,84	794.9
1995	110	694	93,66	1 011.9
1996	106	687	92,63	966.6

Здесь за основу взят уровень дохода и с ним действительно связаны многие характеристики общества: экономический, производственный потенциал, производственные отношения и производительные силы, но все-таки данный показатель не является универсальным, тем более, что речь идет об усредненном доходе. За средними цифрами скрываются разное распределение богатства в обществе, разный правовой режим, стиль социального управления, социальная характеристика общества, политическая характеристика. По среднему доходу нельзя судить о наличии кризиса в обществе или, наоборот, энергичного развития и т.п.

Из таблицы видно, что коэффициенты преступности наиболее очевидно возросли в слаборазвитых странах. Там же отмечалось последовательное снижение среднедушевых доходов. Но к этой группе отнесены очень разные страны: и те, очень низкий жизненный уровень населения которых существует очень давно; и те, в которых он ранее был выше; и те, в которых он растет. К группе слаборазвитых стран отнесены, в частности, Афганистан и Вьетнам, Китай и Украина, Гондурас и Грузия.

---

[1] *Ли Д.А.* Уголовно-статистический учет. Структурно-функциональные закономерности. М., 1998.

В среднеразвитых странах, наоборот, отмечено снижение преступности. Но и доходы населения там снижались. Здесь присутствуют также полярные по многим социальным параметрам страны: Латвия и Иран, Чили и Россия, Беларусь и Бразилия. Кстати, в России, Бразилии и других странах данной группы преступность росла.

В высокоразвитых странах статистика фиксировала некоторые рост и стагнацию преступности на фоне роста и стагнации среднедушевого дохода. Во всех случаях речь идет только о зарегистрированной преступности.

При иных группировках стран тенденции общей распространенности преступности выглядят как более определенные. В частности, как и в XIX веке, во всех странах СНГ, переходивших к «рынку» и характеризовавшихся в 1986 —1993 гг. особенно высокой интенсивной капитализацией общественных отношений, увеличивалось число зарегистрированных преступлений (табл. 48).

Таблица 48

Динамика числа зарегистрированных преступлений в бывших союзных республиках СССР — странах СНГ в 1980—1999 годах

Государства	Годы								
	1980	1986	1990	1992	1995	1996	1997	1998	1999
Азербайджан	15264	15267	15411	22450	19958	17528	16402	14937	14400
Армения	7641	7569	12110	16250	10140	12479	12355	10761	10056
Беларусь	45404	54326	75699	96637	131761	127232	128420	122858	130537
Грузия	16930	18395	19711	...	15735	14483	13876	14874	14148
Казахстан	76517	99416	148053	200873	183913	183977	165401	142100	139431
Кыргызстан	11690	13811	29654	43944	41008	39623	37262	34287	39951
Молдова	15468	20856	43017	48448	48257	44485	48915	45640	39346[1]
Таджикистан	10487	13880	16887	25296	14530	13338	13201	13161	14413
Туркменистан	8073	12432	18618	17911	14818	14784	14529	14230	...
Узбекистан	38732	72713	88155	93626	67026	65980	66982	68953	...
Украина	196902	248663	369809	480478	641860	617262	589208	575982	558716

За период с 1991 по 1995 годы по СНГ общее число зарегистрированных преступлений возросло на 29 % , а коэффициент преступности (в расчете на 100 тыс. жителей) в среднем по Содружеству возрос в 1,5 раза с 951 до 1383.

Таблица 49

Динамика общего числа зарегистрированных преступлений в СНГ в 1991—1997 гг.

Показатель	Годы					
	1991	1993	1994	1995	1996	1997
Число зарегистрированных преступлений	3 051 184	3 291 948	3 764 360	3 944 675	3 776 302	4 100 852

[1] Без данных по территории, прилегающей к р. Днестр и г. Бендеры (Преступность и правонарушения. 1999. Статистический сборник. М., 2000. С.17).

Затем статистические данные разных государств становятся менее сопоставимыми в связи с существенными изменениями УК и принятием новых уголовных кодексов. Кроме того, развивалась и укреплялась новая система социально-правового реагирования на криминальную ситуацию, причем такая система все более существенно различалась в государствах СНГ.

Происходил не только сдвиг преступности в направлении тех ее характеристик, которые присущи странам рыночной экономики (более высокая криминализация населения, более отчетливо выраженные корыстные мотивы и т.п.), но отмечалась «избыточность» соответствующих отрицательных изменений. Последние фиксировались на фоне системного кризиса в обществе, имевшего место в результате пороков реальной модели перехода к рынку, разъединения усилий правоохранительных и других государственных органов в условиях сохранения единого криминального пространства.

В независимых государствах Содружества становление новых общественных отношений происходило на фоне использования разнообразных противоправных средств для создания и перераспределения крупных состояний вплоть до коррупции и терроризма; а также в обстановке возрастания общеуголовной преступности, связанной с алкоголизмом, люмпенизацией населения, бедностью, безработицей и бездомностью. Резко усилились миграционные потоки, обострились связанные с ними криминогенные проблемы. Число раскрытых преступлений, совершенных на территории России иностранцами и лицами без гражданства, только в 1993—1996 гг. увеличилось более чем вдвое: с 17 302 в 1993 году до 37 065 в 1996 году. В России 86 % убийств, 83 % разбоев, 74 % грабежей, 71 % краж и 60 % хулиганств, совершенных иностранцами и лицами без гражданства, приходились на граждан стран СНГ.

Возникли во многом новые для этих стран проблемы: бездомность, беженцы, вынужденные переселенцы, резкое распространение наркомании и СПИДа, торговля оружием, терроризм, захват заложников, похищение людей, отмывание крупных преступных доходов, лжепредпринимательство, уклонения от уплаты налогов и иные новые экономические преступления. Через территорию стран Содружества и других бывших союзных республик СССР с использованием упрощенного порядка въезда-выезда совершали преступления поистине преступники международного масштаба: наркопорно-дельцы, торговцы оружием и другие.

Преступность в годы перестройки и реформ не только получала все большее распространение, но изменялись также ее качественные характеристики: она становится все более общественно опас-

ной, преимущественно корыстной, использующей значительно чаще инструментальное насилие; демонстрирующей крайнее неуважение к правопорядку, прямо игнорирующей интересы общественной и государственной безопасности, внедрявшейся в легальные структуры общества и государства[1].

В конце девяностых годов качественные и количественные изменения преступности в целом шли в направлении той характеристики криминальной ситуации, которая присуща обществу рыночных отношений: высокий удельный вес имущественной преступности, наличие организованной преступной деятельности во имя извлечения сверхдоходов, установление криминального контроля за определенными видами деятельности и т.п. Но отрицательные тенденции преступности в России оказались все-таки избыточно выраженными в результате «дикого» перехода к рынку, отказа от накопленного отечественного положительного опыта предупреждения преступности, непринятия лучшего зарубежного опыта по борьбе с экономическими преступлениями, коррупцией, организованной преступностью, другими ее видами.

Выводы середины девяностых годов: Перестройка началась с антиалкогольной кампании, а ее конец был ознаменован отходом от борьбы с экономической преступностью, все большей популярностью мнений о возможности использования теневых и криминальных капиталов «в интересах общества», как резерва перехода к рынку, даже о введении моратория на борьбу с экономической преступностью в период перехода к рынку. Начался слом прежней системы социального и экономического контроля в обществе, который был продолжен в период реформ.

В России периода реформ коэффициенты преступности почти вдвое превысили коэффициенты предыдущего периода, абсолютное число преступлений также выросло вдвое. Темпы роста преступности опережали темпы роста населения.

Таблица 50

Динамика коэффициентов преступности по пятилетиям в 1961-2000 годах в России (Кф — число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел.)

Показатель	Годы							
	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985	1986-1990	1991-1995	1996-2000
Кф (средний)[2]	407	480	554	664	901	983	1770	1854

[1] См.: Криминальная ситуация и ее изменение в России. М., 1996. Криминология. Под ред. Долговой А.И. М., 1997.

[2] При исчислении коэффициентов принималась во внимание среднегодовая численность населения по расчетным данным. За основу взяты пятилетние периоды, соответствовавшие до середины 80-х годов пятилетним планам экономического и социального развития, корректировавшим

При этом, во-первых, снижалась активность правоохранительных органов в борьбе с экономической преступностью, взяточничеством при практически остававшемся до 1991 года прежнем законодательстве. Неясность уголовной политики, ослабление ревизионной, контрольной, экспертной базы уголовного преследования экономической преступности привели к росту ее латентности. Создавались только отдельные структуры новой системы контроля. Снизилась активность сотрудников правоохранительных органов, ибо была не ясной судебная перспектива уголовных дел об экономических преступлениях. По криминологическим данным, и ранее экономическая преступность, или, как ее еще называли, «хозяйственно-корыстная», вообще непредставительно отражалась в уголовной статистике; с конца 80-х годов она стала выявляться в еще меньших масштабах и реагирование на нее носило весьма нерешительный характер[1].

Во-вторых, судя по опросам, все меньше граждан обращалось в правоохранительные органы с заявлениями о ряде таких деяний. В 1996 г. впервые при опросах граждане прямо стали заявлять, что сами расправляются с преступниками: лично или прибегая к помощи посторонних лиц, выполняющих услуги на родственной, товарищеской либо платной основе.

В-третьих, в правоохранительные органы реже поступали сведения о совершенных преступлениях из медицинских, других учреждений.

Высоко латентными преступлениями стали даже убийства. В регионах резко возрастало число трупов с неустановленной (по данным бюро судебно-медицинской экспертизы) причиной смерти. Например, в Москве в 1990-1994 гг. оно возросло с 776 до 2966 и превысило в 1994 году число трупов с признаками убийства (таких было 2863). Одновременно в России в 1990-1995 гг. увеличивалось число дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам и возрастало число лиц, пропавших без вести,

---

общую ситуацию в России, а также пятилетиям (1985-1990 гг.) перестройки, и «обвально- го» перехода к рынку (1991-1995 гг.).

[1]Госкомстат СССР в 1990 году фиксировал повсеместное увеличение по сравнению с 1989 годом: незаконных доходов работников сферы услуг (в связи с обманом покупателей, заказчиков, взяточничеством, получением чаевых) с 17,1 до 19 млрд. руб.; вдвое сумм взяток должностных лиц, полученных от кооперативов (с 1 до 2 млрд. руб.); доходов от спекулятивной продажи непродовольственных товаров (с 10,3 до 13,8 млрд. руб.). А, по данным уголовной статистики, в 1990 году по сравнению с 1989 годом в России число фактов обмана покупателей и заказчиков снизилось на 6%, число случаев спекуляции возросло лишь на 13%, взяточничества - на 23%. В 1991 году про изошло снижение числа указанных зарегистрированных преступлений.

находившихся в розыске и не обнаруженных: в 1990 г. их было 813, в 1995 г. стало 44 649. Количество новых дел, заводившихся в соответствующем году увеличилось с 2 837 до 21 885. Эти данные приводятся в статистических отчетах без учета жертв военного конфликта в Чечне. По данным бывшего Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации в этом конфликте число погибших превысило 80 тысяч человек (сентябрь 1996 г.). Общее число лиц, пропавших без вести и не обнаруженных в 1990-1995 гг., увеличилось с 13 214 до 22 708.

Заметное влияние на статистические данные о преступности оказывало снижение результативности реагирования на нее. «Обвальный» рост преступности снижает возможности правоохранительных органов перерабатывать в установленном законом порядке всю информацию о преступлениях. Предпочтение отдается материалам о наиболее тяжких деяниях или очевидных либо получивших широкую общественную огласку. Нарастает число нераскрытых преступлений и тех, расследование которых затягивается. Со временем сотрудники привыкают работать именно в таком режиме, и удельный вес заявлений, не получающих должного разрешения, увеличивается.

Граждане в этих условиях все больше теряли доверие к государственным правоохранительным органам. Увеличивалась популярность ведомственных служб безопасности, частных охранных и детективных служб, своеобразных «третейских судов», в том числе организуемым преступными лидерами. Расширялась сфера «теневой юстиции». Однако далеко не все юридические и физические лица могут себе позволить прибегать к этим услугам. Все больше преступников оставались вообще безнаказанными. Они усиливали свою криминальную активность.

Выводы конца девяностых годов. Продолжалось усугубление криминальной ситуации в России: фиксировался рост числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших, а также числа осужденных и потерпевших; возросла общественная опасность зарегистрированной преступности; отмечались отрицательные структурные изменения преступности; наблюдалась все более интенсивная криминализация разных сфер жизни общества, в том числе политической; в преступность все активнее втягивались те, кто ранее не совершал преступлений, особенно молодежь в возрасте 18-29 лет; статистическая картина преступности все менее точно отражала криминальные реалии[1].

---

[1] См.: Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999; Преступность и культура. М., 1997.

В то же время рост числа зарегистрированных преступлений был отчасти следствием активизации борьбы с некоторыми из них, все более успешной практики применения новых норм УК РФ, многие из которых касаются преступлений в сфере экономической деятельности. Эти деяния носят распространенный характер (табл. 51).

Таблица 51

Прирост числа зарегистрированных преступлений в России в 1997-2000 гг. по ряду новых статей УК РФ (вновь криминализированных деяний)

Статьи УК РФ	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего - ст. 156	1 313	1 969	2 116	2 557
Незаконное предпринимательство - ст. 171	3 882	5 306	6 415	8 538
Лжепредпринимательство - ст. 173	60	86	117	174
Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем - ст. 174	241	1 003	965	1784
Незаконная порубка деревьев и кустарников - ст. 260	2 609	2 955	5 672	7 514
Оставление места дорожно-транспортного происшествия - ст. 265	2 430	3 518	4 008	4 215

Об активизации правоохранительной деятельности также можно судить по все более полной регистрации фактов побоев, оскорблений, обмана потребителя и ряда иных преступлений[1].

Более активно выявлялись и регистрировались некоторые высоко латентные деяния, совершавшиеся в сфере экономической деятельности и ряд иных. Данный факт может быть оценен положительно. При этом, однако, просматривается связь активизации регистрации части преступлений небольшой и средней тяжести с некоторой оптимизацией общих показателей деятельности по раскрытию и расследованию преступлений.

В преступную деятельность продолжало вовлекаться все большее число граждан. Если в конце восьмидесятых годов коэффициент зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения в России дошел до 1 000, в конце девяностых годов он превысил 2 000 преступлений. На фактический рост преступности и втягивание в нее все большей части населения в конце девяностых годов XX века указывали 85 % опрошенных в разных регионах экспертов— сотрудников правоохранительных органов и судей и 77 % граждан. Считали, что преступность стабильна,— соответственно 9 % и 12 %, снижается — 3 % и 0 %, что в преступности происходят только структурные изменения — 5 % и 2,5 %.

[1] Прирост зарегистрированного числа преступлений небольшой тяжести по сравнению с 1997 г. в 1999 г. составил 23,2 % (1999 г. — 58736), в 1998 г. — 10,3 %. В 2000 г. по сравнению с 1999 г. их зарегистрированное число увеличилось на 3,2 % и составило 55479.

§ 2. Общественная опасность преступности

Общественная опасность преступности оценивается по комплексу показателей. При этом важно учитывать ряд факторов, в том числе изменения уголовного законодательства. Так, если судить по статистическим данным, число тяжких преступлений за год, в 1994 году по сравнению с 1993 годом, почти удвоилось (соответственно 513 910 и 984 078. Однако надо иметь в виду изменение ст. 7[1] УК РСФСР, в соответствии с которым в число тяжких преступлений с 1 июня 1994 года стали входить впервые все кражи, совершенные при отягчающих обстоятельствах, а также терроризм, ряд иных деяний, несколько изменилась характеристика отягчающих обстоятельств, а также диспозиции ряда тяжких преступлений. С принятием нового УК Российской Федерации с 1997 г. стали выделяться особо тяжкие преступления и изменился круг тяжких преступлений.

На рубеже веков был сделан вывод о нарастании общественной опасности преступности в России и приводилась система следующих данных:

1. Высокими темпами увеличивалось число зарегистрированных особо тяжких и тяжких преступлений[1].

Таблица 52

Динамика зарегистрированных преступлений разной степени тяжести в России в 1997-2000 гг.

Виды преступлений	Число зарегистрированных преступлений				Уд. вес в общем числе всех зарегистрированных, %			
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Особо тяжкие	96 596	113 010	136 343	152 484	4,0	4,4	4,5	5,2
Тяжкие	1 326 335	1 447 754	1 711 492	1 582 714	55,3	56,1	57,0	53,6
Средней тяжести	497 423	443 748	511 840	554 821	20,7	17,1	17,1	18,8
Небольшой тяжести	521 044	574 459	641 805	662 126	21,7	22,4	21,4	22,4

Несмотря на то, что на особо тяжкие и тяжкие преступления приходится менее 1/6 всех статей Особенной части, на их долю приходилось около 2/3 всех зарегистрированных в 1997-2000 годах преступлений.

2. Нарастало количество потерпевших от преступных посягательств[2]. При исполнении служебных обязанностей в 1997 г. погиб-

---

[1] Среди выявленных преступников в 1999 г. более половины (52 % — 894551) составляли те, кто совершил особо тяжкое или тяжкое преступление, в 2000 г. — 48,7 % или 847 528). В 1997 г. таких было 48,4 %.

[2] По сравнению с 1997 г. их число увеличилось в 1998 г. на 8,7 %, в 1999 г. —на 23,2 %, в 2000 г. — на 23 %; число погибших — соответственно на 3 %, 4 % и 22, 4 % .

ло 256 сотрудников органов внутренних дел, ранено 515, в 1998 г. — 255 и 474, в 1999 г. — 327 и 707, в 2000 г. — 456 и 1125.

3. Увеличивалось число юридических лиц, которым в результате преступления причинен материальный ущерб[1].

4. Росли масштабы выявлявшегося материального ущерба[2]. При этом в 1999 — 2000 годах: а) почти удвоилась сумма материального ущерба по преступлениям экономической направленности (соответственно 5, 5 млрд. руб. и 10, 8 млрд.. руб.); б) более чем утроилась сумма выявленного неуплаченного налога (1,8 млрд. руб. и 6, 1 млрд. руб.); в) почти в 6 раз оказалась выше сумма неуплаченных таможенных платежей (152,9 млн. руб. и 1 млрд. руб.), хотя число фактов уклонения от уплаты таможенных платежей возросло всего на 56 % — с 293 до 458; г) почти в 4 раза возросла установленная стоимость фальсифицированных и недоброкачественных товаров (3,75 млн. руб. и 13,55 млн. руб.), д) более чем в 6 раз увеличилась стоимость контрабандных товаров (0,38 млрд. руб. и 2,36 млрд. руб.), хотя число зарегистрированных фактов контрабанды увеличилось на 38 % — с 999 до 1383.

Фантастически подскочила в 1999-2000 годах общая сумма подкупа, взятки (8,7 млн. руб. и 316,3 млн. руб). Ее увеличение в 35 раз за год (1999—2000 гг.) имело место на фоне гораздо более скромного прироста числа выявленных фактов подкупа, взятки (коммерческого подкупа на 73,6 %, получения взятки — на 0,4 %, дачи взятки — на 6,2 %).

Изложенное в значительной мере было следствием активизации борьбы с экономической и должностной преступностью, но она показала, что стоит только копнуть глубже, как суммы преступно нажитого буквально взлетают вверх.

На этом фоне, во-первых, не кажется внушительным снижение в 1999—2000 годах на 21 % суммы сокрытого дохода и на 45 % суммы сокрытых средств в иностранной валюте, а также на 93 % — стоимости товаров, незаконно перемещаемых через таможенную границу. Во-вторых, такое снижение, не выглядит и убедительным: возникает вопрос, а дошли ли «руки» до этих преступных деяний?

5. Высокими темпами росло число зарегистрированных преступлений, причинивших крупный ущерб или совершенных в крупном размере *(1997 г.—207 534, 1998 г. — 221 364, 1999 г. — 282 771,*

---

[1] По сравнению с 1997 г. в 1998 г. на 45 % а в 1999 г.— на 83 %, в 2000 г. — на 91 % (1997 г. — 182 698, 1998 г. —264 252, 1999 г. —334 962, 2000 г. — 348 690).

[2] Только за год установленная сумма материального ущерба от всех преступлений в 1999 г. почти удвоилась, в 2000 г. возросла на 31 % (1998 г. — 18, 9 млрд. руб., 1999 г. —35 млрд. руб., 2000 г. —46 млрд. руб.).

2000 г. — 328 346). По сравнению с 1997 г. в 1999 г. таких преступлений стало больше на 36,3 %, а их удельный вес составил 9,4 %, а в 2000 г. — больше на 58,2 %, удельный вес — 11,1 %.

6. Отмечался наиболее высокий прирост. числа преступлений, для которых характерен заранее обдуманный умысел: в 1997-1999 годах в сфере компьютерной информации — в 8,6 раза, против основ конституционного строя и безопасности государства —в 2,2 раза, в сфере экономической деятельности — на 91 %. Если в 1997 г. в состоянии опьянения находился каждый восьмой из числа бандитов, то в 1999 г. – уже лишь только каждый двадцать пятый, действия других носили «трезвый», продуманный характер.

7. Повышалась общественная опасность многих особо тяжких преступлений: в 1998-1999 гг. на 27 % возросло число убийств двух и более лиц, на 31 % — убийств, сопряженных с похищением человека и захватом заложников, на 31 %—убийств, совершенных по предварительному сговору группой лиц. Количество убийств на бытовой почве практически не изменилось[1].

8. Происходила криминализация правоохранительной и иной государственной деятельности, в результате чего коррумпированные служащие переключались с борьбы на участие в преступной деятельности[2].

9. Анкетирование различных социальных групп в конце девяностых годов. выявляло высокий уровень криминологически значимой «тревожности» населения: только 12 % опрошенных не боялись стать жертвой преступления. Максимальную озабоченность среди граждан, не являвшихся предпринимателями, вызывала вероятность стать жертвой кражи — 59 % опрошенных, хулиганства — 47 % и мошенничества — 38 %, террористического акта — 13 % и других. Предприниматели боялись стать, прежде всего, жертвами убийств, похищения людей, уничтожения имущества, вымогательства.

При анализе статистических данных важно иметь в виду два обстоятельства. *Первое:* отчасти статистическая картина зависела от переработки, в первую очередь, сведений о тяжких преступлениях, получивших широкую огласку. *Второе:* происходило изменение качественных характеристик преступности. Все чаще совершались такие особо тяжкие и тяжкие преступления, которых ранее вообще не было. Соответственно, не было и статей о них в УК России. Это —

---

[1] Криминогенная ситуация в России на рубеже XX1 века. М., 2000. С. 7.

[2] Из числа более двух тысяч опрошенных сотрудников правоохранительных органов 24 % полагали, что преступность в сфере правоохранительной деятельности растет высокими темпами; 31 %— что растет, но не так заметно, 20 % — что она стала более открытой, общественно опасной. И только 27 % считали, что уровень этой преступности стабилен.

похищение людей, захват заложников, преступления террористической направленности и ряд иных[1].

Определенное представление о динамике преступных доходов дают сведения об изъятом у преступников имуществе. Еще в конце восьмидесятых—девяностых годов лица, совершавшие корыстные преступления, все больше вкладывали средства в валюту, золото, драгоценные камни, недвижимость. Это помогало их дальнейшему обогащению в процессе инфляции, а также отмыванию денег, завладению все большей части национального достояния в условиях разгосударствления и приватизации, последующего передела собственности[2]. Позднее уменьшилось количество изымавших валюты, золота —сказывались более широкое использование пластиковых карточек и вывоз валюты за рубеж.

Усиливалась вооруженность преступного мира[3]. На вооружении у преступников все чаще оказывалось суперсовременное оружие, в том числе находившееся на вооружении только специальных подразделений, в том числе за рубежом.

В 1989 — 2000 гг. резко возросло число преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег или ценных бумаг, повреждением путей сообщения и транспортных средств, иных преступлений, представляющих повышенную опасность[4].

В 1986—1992 гг. снизилось почти в пять раз число зарегистрированных фактов содержания притонов и сводничества, в семь раз— изготовление или сбыт порнографических предметов, перестали регистрироваться факты изготовления или распространения произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости. Фактически все это было распространено весьма широко, и тревожные тенденции данных деяний обнаружили себя в статистике позднее.

---

[1] В 1993 г. было зарегистрировано общее число преступлений террористической направленности 51, в 1996 г. - 1 253. В конце девяностых годов число соответствующих преступлений продолжало нарастать и в 2000 г. было зарегистрировано 4563 преступлений террористической направленности. В 1999 — 2000 годах были совершены такие дерзкие террористические акты, которых ранее не отмечалось на территории России (взрывы больших жилых домов, газопровода и др.) .

[2] В 1993 г. было изъято у преступников 1 196 тыс. долларов США, в 1995 г.— 4 443 тыс., в 1997 г. —4 210 тыс., в 1998 г.—2 726 тыс. золота в килограммах соответственно —37, 106, 293, 224.

[3] В 1989 — 1993 гг. в 6,2 раза возросло число преступлений с применением огнестрельного оружия (с 3 550 до 22 116), в 2,5 раза больше зарегистрировано фактов хищений огнестрельного оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ (соответственно 594 и 1 496); в 2,8 раза больше стало выявленных фактов хранения, приобретения, изготовления, сбыта всего этого, а также иного оружия, не являющегося огнестрельным (20 477 и 58 318).

[4] Только за год, в 2000 г., в полтора раза возросло число зарегистрированных фактов изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг (1999 г. — 9311, 2000 г. — 14289). Было изъято фальшивых долларов США в 1995 г. на сумму 707 919 $, в 1998 г.—на сумму 5 616 134 $.

10 Зак. 3144

Глава 6. Мотивационная характеристика, социальная направленность и социально-групповая распространенность преступности в России

§ 1. Мотивационная характеристика преступности

Анализ мотивационной характеристики преступности — это изучение мотивов и целей преступного поведения. Другими словами, поиск ответов на вопросы: 1) во имя удовлетворения каких потребностей, ради каких интересов принимались решения о преступном поведении? 2) чего при этом добивались преступники, на какие результаты своих деяний они рассчитывали?

Известно, что мотивы и цели не совпадают. Цель лишения жизни конкретного человека может сочетаться с разными мотивами: у одного — с желанием устранить конкурента, у другого — со стремлением на этом заработать (наемное убийство).

Один мотив может сочетаться с разными целями. Например, мотивы самоутверждения человека при сравнении им своего положения с положением владельцев особо крупных состояний способны сочетаться и с целями обогащения за счет таких владельцев, перераспределения их собственности (при вымогательстве, например), с целями унижения владельцев таких состояний (избиение их или их детей), с целями их разорения, лишения их собственности путем поджога или иного уничтожения имущества.

Глубокое исследование мотивационной характеристики преступности позволяет, с одной стороны, получить представление о тех потребностях и интересах, которые лежат в основе преступного поведения, с другой, — выявить круг актуализирующихся в определенный период потребностей и интересов. За такой актуализацией просматривается немало важных социальных обстоятельств: и то, какие потребности и интересы становятся особенно значимыми, и то, что они удовлетворяются именно криминальным путем. Следовательно, в последнем случае подлежит изучению вопрос о том, могли ли они удовлетворяться легально или легко ли было это сделать в рамках закона.

Только в очень общем виде можно судить о мотивации по статистическим данным. При этом важно учитывать именно систему показателей. Значимы данные не только о квалификации деяний, их учитываемых статистикой мотивах, но и о размерах ущерба, вреда, и, например, о характере изымаемого у преступников имущества, его структуре. На рубеже восьмидесятых-девяностых годов в Рос-

сии резко нарастал объем изымавшихся в погашение ущерба ценностей и это давало представление о потребностях, экономической ориентации соответствующих преступников (табл. 53).

Таблица 53

Характеристика изъятого у преступников в возмещение ущерба в 1989—1992 годах в России

Изъятое у преступников	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.
Деньги, ценности, млн. руб.	16,6	35,9	19,1	90,6
Инвалюта, тыс. руб.	58,3	1 549,6	1 199,6	11 853
Золото, платина, кг	41,2	213,9	20,6	381,4
Серебро, кг	24,9	50,9	36,5	225,7
Драгоценные камни, карат	4630,2	...	...	1 411

В девяностых годах мотивационная характеристика преступности в России изменялась под влиянием, прежде всего, высоких темпов роста числа корыстных преступлений. Их удельный вес увеличился с половины всех зарегистрированных в 1986 г. до более двух третей в последнем десятилетии XX века.

В общем числе зарегистрированных преступлений интенсивно увеличивался удельный вес корыстных и при этом возрастало число преступлений, связанных с завладением собственностью, при совершении которых использовались физическое и психическое насилие[1]. Причем речь шла преимущественно о проявлениях инструментального насилия: оно все чаще использовалось при наличии и корыстной мотивации, и политической, и социальной, иной — как средство решения межличностных, групповых, межнациональных, корпоративных конфликтов.

Всего число зарегистрированных корыстных преступлений в 1986—1993 годах увеличилось в три раза, а их удельный вес в общей зарегистрированной преступности — с 51 до 76 % (Табл. 54)[2].

При анализе структуры сопоставимого массива из 20 преступлений отчетливо виден рост корыстной преступности (табл. 55), хотя 1993 год был отмечен опережающим ростом насильственных преступлений, особенно с использованием оружия. Таким образом, корыстная преступность до 1992 г. включительно в рамках сопоставимого массива преступлений, судя по данным статистики,

---

[1] Резкое изменение мотивационной характеристики преступности в происходило во второй половине периода перестройки и в начале реформ (1989—1993 годах). В 1993 году несколько снизился удельный вес корыстных преступлений, но среди них увеличился удельный вес преступлений, совершенных с применением насилия или его угрозы.

[2] При надо учитывать ряд обстоятельств: 1) антиалкогольная кампания сопровождалась снижением в 1986—1987 гг. числа имущественных преступлений, совершаемых в нетрезвом виде, но с 1988 г. она стала очевидно сходить на-нет; 2) указанная кампания сопровождалась ростом тех корыстных преступлений, которые были связаны с незаконным производством и торговлей спиртными напитками; 2) имела место криминализация новых корыстных деяний в 1990 — 1992 гг., в частности, связанных с уклонением от уплаты налогов.

увеличивалась темпами, примерно в 2—2,5 раз превышавшими прирост иных деяний.

Таблица 54

Динамика зарегистрированной корыстной преступности* в России в 1986—1993 годах

Годы	Общее число зарегистрированных корыстных преступлений	Прирост в % к 1986 г.	Прирост в % к 1989 г.	Уд. вес в общем числе зарегистрированных преступлений, %	Число корыстных преступлений с физическим, психическим насилием	Уд вес в общем числе за- регистрирован- ных корыстных преступлений, %
1986	688 113	-	-	51	30 299	4,4
1987	630 903	—8,4	-	53	29 677	4,7
1988	723 436	+ 5,1	-	59	42 352	5,9
1989	1 045 312	+ 51,9	-	65	77 956	7,5
1990	1 164 015	+ 69,2	+ 11,4	63	89 109	7,6
1991	1 574 072	в 2,3 р.	+ 50,6	73	107 521	6,8
1992	2 086 158	в 3 р.	+ 92,6	76	173 163	8,3
1993	2 121 483	в 3,1 р.	в 2 р.	71	248 544**	11,7

* Выделение корыстных преступлений на основе статистических данных всегда носит условный характер, так как статистика не выделяет деяния на основе такого критерия, как мотив. С учетом данных изучения уголовных дел и опросов осужденных к числу корыстных в данном случае отнесены преступления, предусмотренные ст.ст. 77, 78, 87, 88, 89-97, 101, 102 (при разбойных нападениях), 122-124, 144-148, 151-154, 156-157, чч. 3, 4 ст.158, 159, 162-167, 169-170, 173-174(1), 185, 196, 199, 208-208(1), 218(1), 223(3), чч. 1, 2 -224, чч. 2, 3 - 224(1), 226-226(1), 228, 228(1), УК РСФСР.

** В 1993 г. в статистике не выделялись умышленные убийства при разбойных нападениях.

Е.М. Юцкова писала, что «прослеживается и ситуация личной зависимости работника от работодателя, «хозяина», втягивающая в совершение тяжкого преступления; работодатель практически распоряжается своими наемными рабочими как хочет, они вынужденно подчиняются, опасаясь потери работы, даже, если работодатель требует совершения тяжкого преступления. При этом возникает мотив: «если откажемся, нас уволят». Имело место убийство наемными работниками по приказу работодателя — хозяина коммерческого ларька — сотрудника милиции (у хозяина ларька возник конфликт с работником милиции на бытовой основе); убийство охранником, бывшим спортсменом, положительно характеризующимся, ранее несудимым работника милиции при задержании «хозяина», одного из лидеров преступной группировки»[1]. Е.М. Юцкова также обратила внимание на новые, ранее не встречавшиеся мотивы и цели: умышленное убийство директора одного из московских заводов М. в целях прекращения активного внедрения М. на заводе учения Хаббарда. Привлеченный в качестве обвиняемого заместитель директора

[1] См.: Криминальная ситуация в России. М., 1999. С. 22. Юцкова Е.М. Общественная писхология и изменения преступности в России// Преступность и культура. М., 1999. С. 36-38.

по кадрам П. пояснил, что действуя подобным образом, он хотел защитить работников завода от сектантов, М. был уже практически под властью представителей «академии Хаббарда» и т.п. Показания П. подтверждены многочисленными показаниями работников завода[1].

Отсутствие точной оценки мотивации преступлений препятствует выявлению их причин, в том числе вытекающих из новых социальных реалий.

В 1997-2000 гг. отмечалась стабилизация удельного веса общеуголовных корыстных преступлений в общем числе всех зарегистрированных на уровне 56-57 %. Но при этом наблюдался рост корыстных преступлений с применением физического или психического насилия[2].

В силу латентности преступности и ее разных размеров применительно к разным преступлениям реальная структура преступности, видимо, отличалась от статистической.

Мотивация — это своеобразное окно, через которое можно заглянуть в обстоятельства, определившие преступное поведение. Изучение уголовных дел, опросы экспертов, осужденных приводили к выводу, что за преимущественным ростом корыстной преступности стояли:

а) абсолютное обнищание части населения и стремление удовлетворить самые неотложные потребности (по выборочным данным, удельный вес таких имущественных преступлений увеличился с 3 до 8 % в 1990 — 1992 гг. и особенно часто это было характерно для деяний несовершеннолетних);

б) усиление социально-экономической дифференциации населения, в том числе за счет криминального обогащения одних лиц и связанное с этим стремление других лиц любым путем уравнять свое положение с наиболее обеспеченными группами, особенно в условиях широкой и назойливой рекламы дорогостоящего образа жизни. Если в 1986 г. коэффициент дифференциации материального уровня населения не превышал 3,5, то в 1991 г. он был равен 5,4, а в 1992 году - 8,7. К концу 1992 г. 20 % высокообеспеченного населения располагали 41 % всех текущих доходов населения страны, а 20 % малообеспеченного — 7 % доходов. В 1993 г. у 10 % наиболее обеспеченных лиц доходы в 11 раз превышали доходы наименее обеспеченных. Население не было к этому подготовлено и определенная его часть, особенно молодежь, избирала криминальные

---

[1] Там же.

[2] В 1997 г. по сравнению с 1997 г. было зарегистрировано больше фактов: грабежей — на 9,2 %, разбоев — на 12,2 %, вымогательства — на 10,2 %

варианты поведения. Они выражались не только в кражах, разбоях, вымогательстве, но и, например, в получивших распространение наемных убийствах, фактах насильственного «выколачивания долгов» и т.п.;

в) полный отказ государства от антиалкогольной политики и даже монополии на производство и торговлю спиртными напитками. В результате росла преступность ради завладения спиртными напитками либо средствами для их приобретения[1]. Одновременно на корыстной преступности все отчетливее сказывается развитие наркомании в России;

г) отсутствие системы действенной поддержки добросовестного

предпринимательства в условиях стремительного рывка к рыночным отношениям и обнищания большинства населения. В результате обострилось стремление к накоплению первичного капитала любым путем (вымогательства, коррупции, хищений и т.д.).

Указанные обстоятельства влияли на другие виды преступности. Их последствия были связаны с ожесточением части населения, утратой в его глазах авторитета государства, охраняемых законом ценностей, переходом немалого числа молодых людей фактически на службу к криминальным деятелям.

К 1995 г. по сравнению с 1986 г. в общем числе корыстных преступлений почти удвоился удельный вес тех, которые совершаются с применением физического или психического насилия (разбои, грабежи, вымогательство)—табл. 55. Вымогательство все больше становилось средством перераспределения собственности: жертвами общеуголовных преступников становились экономические и должностные, подрастающих и молодых правонарушителей — все преступники, уже сколотившие криминальные состояния и даже успевшие легализовать свои преступные доходы. Жертвами этого криминального перераспределения собственности нередко становились и лица, стремившиеся осуществлять свою деятельность в рамках закона. Однако вести предпринимательство в то время в рамках закона было практически невозможно: поборы съедали значительную часть доходов и уклонение от уплаты налогов, обязательных платежей становилось необходимым условием экономического выживания.

В 1997—2000 годах удельный вес корыстных преступлений в общем числе зарегистрированных стал несколько снижаться, но среди них увеличивался удельный вес совершаемых с применением

---

[1] Увеличивался удельный вес выявленных лиц, совершавших преступления в нетрезвом состоянии (1986 г. — 27 %; 1989 — 37 %; 1992 — 39 %; 1993 — 41 %).

физического или психического насилия. Только преступность в сфере экономики составляла в 1998 г. 62,9 % всех зарегистрированных преступлений, в 1999 г. — 65,5 %, в 2000 г. — 64,1 %.

Таблица 55

Изменения корыстной преступности в России в 1986—1999 гг.

Годы	Общее число зарегистрированных корыстных преступлений	Прирост, %		Уд. вес в общем числе преступлений, %	Число корыстных преступлений с использованием физического, психического насилия	Уд. вес в общем числе корыстных преступлений, %
Действие УК РСФСР						
		к 1986 г.	к 1990 г.			
1986	688 113	—	—	51	30 299	4,4
1991	1 574 072	в 2,3 р.	+35,2	73	107 521	6,8
1995	2 088 487	в 3 раза	+79,4	75,8	161 425	7,7
Действие УК РФ * (по оценкам Е.М. Юцковой)[1]						
		Прирост к 1997 г., %				
1997	1 793 239	—		74,8	160 869	9,0
1998	1 834 440	+2,3		71,0	176 861	9,6
1999	2 112 720	+17,8		70,3	194 718	9,2

* К корыстным преступлениям при статистическом анализе относят те, которые совершаются или только, или преимущественно по корыстным мотивам: ст. ст. 126, 146, 147, 152, 157, 158—171[1], 201, 202, 204, 221, 222, 226, 229—234, 240, 242, 256, 258, 260, 261, 285, 289, 290, 324—327.

В общем числе зарегистрированных преступлений возрастало число преступлений против собственности, увеличивался и их удельный вес[2]. На 90,8 % увеличилось число зарегистрированных преступлений в сфере экономической деятельности[3].

До 1992 г. включительно в рамках сопоставимого массива преступлений корыстная преступность, судя по данным статистики, увеличивалась темпами, примерно в 2-2,5 раз превышавшими темп прироста иных деяний. В 1997—1999 гг. именно темпы прироста числа корыстных преступлений определяли прирост сопоставимого массива преступлений.

Данный анализ можно считать в известной мере «грубым», поскольку он основывается только на данных статистики и на оценке традиционной для соответствующих преступлений мотивации. Однако статистические данные о мотивах *расследованных* преступлений свидетельствуют, что *немало других преступлений совершалось*

---

[1] См.: Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001. С. 16—20.

[2] 1997 г. — 59,4 % (1 424 149), 1998 г. — 59,6 % (1 539 357), 1999 г. — 61,6 % (1 848 393), 2000 г. - 58,7 % (1 733 302).

[3] Удельный вес преступлений в сфере экономической деятельности в общем числе зарегистрированных составлял в 1997 г. — 2,6 %, 1998 г.— 3,3 %, 1999 г. — 3,9 %, 2000 г. — 5,4 % (соответственно 61 689, 85 571, 117 721 и 160 419).

по корыстным мотивам: похищения человека (в 1999 г. 388 из 774 расследованных преступлений), связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ (479 из 3 438), убийств и покушений на убийство (1 874 из 19 195) и других.

Таблица 56

Динамика числа корыстных и иных сопоставимых преступлений в России в 1997—1999 гг.

	Сопоставимые корыстные преступления		Иные корыстные преступления	
Действие УК РСФСР				
Годы	Абс. число	Уд. вес в общем числе сопоставимых преступлений	Абс. число	Уд. вес в общем числе сопоставимых преступлений
1986	520 547	79,2	136 749	20,8
1987	498 232	82,0	109 443	18,0
1988	618 500	84,9	110 134	15,1
1989	930 700	86,2	148 388	13,8
1990	1 124 489	87,4	161 887	12,6
1991	1 442 752	90,1	158 517	9,9
1992	1 935 965	91,4	182 772	8,6
1993	2 013 418	88,9	251 956	11,1
Данные за 1994-1996 гг. не сопоставимы с 1986—1993 гг. в связи с существенными изменениями уголовного законодательства.				
Действие УК РФ - данные не вполне сопоставимы с предыдущим периодом				
1997	1 401 968	86,5	218 706	13,5
1998	1 501 276	87,1	221 477	12,9
1999	1 797 378	89	221 375	11

По материалам расследованных дел, второе место, если судить по данным уголовной статистики, занимают такие мотивы преступлений, как ревность, ссора, решение бытовых конфликтов; третье — так называемые хулиганские, часто связанные со своеобразным способом самоутверждения, решения возникающих конфликтов. Сексуальные мотивы встречались редко и реже, но зато в 1998—1999 г. фиксировались такие, как ненависть, вражда, месть на национальной почве, а также из-за раздела сфер влияния (табл. 57).

Таблица 57

Мотивы расследованных преступлений в России в 1998—2000 гг. по данным уголовной статистики

Мотивы	1998 г.		1999 г.		2000 г.	
	Абс. число	Уд. вес, %	Абс. число	Уд. вес, %	Абс. число	Уд. вес, %
Корыстные	430 534	44,5	557 734	48,9	547 661	48,6
Ревности, ссоры, других бытовых причин	153 919	15,9	170 835	14,9	169 246	15,0
Хулиганские	91 027	9,4	93 647	8,2	91 553	8,1
Сексуальные	11 666	1,2	10 459	0,9	9 586	0,85
Ненависти, вражды, мести на почве национальной и расовой	159	0,16	123	0,01	117	0,01
Из-за раздела сфер влияния	46	0,05	35	0,003	27	0,002
Ненависти, вражды , мести на религиозной почве	22	0,02	22	0,002	28	0,002
Всего	967 108	100	1 140 874	100	1 125 848	100

Опрошенные в 1999 г. эксперты — сотрудники правоохранительных органов из разных регионов России отвечали, что чаще всего встречались именно с корыстными преступлениями, в том числе *часто*: 41 % опрошенных — с этими преступлениями, совершавшимися на почве пьянства, алкоголизации и деморализации личности; 35 % — с теми, которые совершались на почве нежелания искать законные источники доходов, трудиться.

35 % опрошенных указали на преступления, совершавшиеся на почве абсолютной нужды в условиях невозможности обеспечить приемлемый уровень жизни. Изучение материалов уголовных дел также показывало, что в 18 % объектами преступных посягательств корыстного характера были продукты питания и сумма похищенного нередко не превышала 300-600 рублей, в 15 % – носильные вещи).

Почти каждый четвертый опрошенный (23 %) чаще всего встречался с преступлениями на почве отношений в теневой экономической деятельности, 22 % — с корыстными преступлениями, совершаемыми в погоне за сверхдоходами, 21 % —корыстными преступлениями в результате наркомании, токсикомании, 17 % — с корыстным использованием государственной службы в личных либо клановых интересах, 13 % — коррупционными преступлениями служащих (подкупом-продажностью), 8 % — с корыстными преступлениями сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих профессиональных обязанностей.

Что касается насильственных преступлений, то часто опрошенным сотрудникам правоохранительных органов приходилось иметь дело со следующими: 32 % опрошенным — с насильственными преступлениями как следствием алкоголизации, 19 % — на почве наркотизации, 17 % — как следствия деятельности организованных преступных формирований (разрешения конфликтов, расправы и т.п.); 15 % — как следствием деятельности уличных молодежных группировок, 12 % —как способам обеспечения корыстных интересов (убийства по найму и т.п.), 6 % — как следствием неуважения государственных служащих к правам и свободам человека, 3 % — как выражением протеста, неуважения к органам государственной власти.

Это — усредненные данные опросов. Они заметно различались по регионам. Данные таблицы 57 позволяют в известной мере судить о распространенности в регионах разных мотивов, обстоятельств совершения преступлений, а также о том, что структура мотивации во многом является сходной в разных регионах.

Таблица 58

Наиболее частые обстоятельства , с которыми связаны преступления, встречавшиеся в личной практике опрошенных сотрудников правоохранительных органов и судей в 1998—1999 гг.[1]

Иркутская обл.	Хабаровский край	Архангельская обл.	Ивановская обл.	Тульская обл.	Московская обл.	Красноярский край	Смоленская обл.
Корыстные преступления связаны с со следующими обстоятельствами:							
Пьянство, алкоголизм и связанная с ними деморализации личности							
26	*24*	*11*	*37*	*33*	24	20	27
Наркомания, токсикомания и деморализация личности							
23	24	76	43	34	36	16	36
Паразитическое существование людей, нежелание трудиться, искать законные источники доходов							
31	24	16	35	34	34	24	37
Погоня за сверхдоходами							
30	21	70	37	32	31	20	27
Абсолютная нужда в условиях невозможности обеспечить приемлемый уровень жизни							
26	18	14	32	40	30	28	36
Следствие «теневой» экономической деятельности и складывающихся в ней отношений							
18	29	62	36	30	34	19	34
Насильственные преступления связаны со следующими обстоятельствами:							
Пьянство, алкоголизм и связанная с ними деморализации личности							
24	24	46	28	30	35	23	30
Наркомания, токсикомания и деморализация личности							
30	24	62	51	32	33	21	34
Просмотр боевиков, фильмов со сценами жестокости и т.п.							
24	8	19	27	15	24	18	23
Признание допустимости избиения жен и т.д.							
59	13	74	76	54	50	39	33
Вредные взгляды, привычка разрешать конфликты с применением насилия							
25	18	60	41	23	33	31	34
Деятельность уличных группировок несовершеннолетних и молодых людей							
41	26	46	41	46	42	30	33
Деятельность организованных преступных формирований (разрешение конфликтов, расправа с неугодными лицами и т.п.)							
38	29	43	51	21	46	20	30
Расправа с обидчиками, другими правонарушителями в условиях непринятия к ним законных мер государственными органами							
35	40	68	47	18	42	23	33
Стремление субъектов к самоутверждению и оценка насилия как наиболее эффективного средства в конкретных условиях (имеются в виду и отдельные лица, и различные группы, включая этнические)							
29	32	70	36	19	32	21	36
Обеспечение личных корыстных интересов (убийства по найму, похищения людей и т.п.)							
37	32	32	45	15	49	21	36

[1] Опросы в регионах осуществлялись под руководством: в Москве – В.И. Хабалова, в Архангельской области – Б.А. Молчанова, в Вологодской области – Т. Г. Бобылевой, в Воронежской области – А.В. Покаместова, в Смоленской области— В.Е. Королькова, в Хабаровском крае -- Г. Ф. Маслова, в Ивановской области – Т.М. Явчуновской , в Иркутской области – И.Э. Звечаровского, И.М. Тамбовцевой; в Красноярском крае – В.С. Ткаченко., в Тульской области – С.В. Ванюшкина.

Абсолютная нужда очевидно чаще просматривалась в условиях невозможности обеспечить приемлемый уровень жизни в центральных регионах с высоким удельным весом женского, пожилого населения. Получали все большее распространение имущественные преступления по мотивам абсолютной нужды, ради приобретения жизненно необходимых продуктов и предметов одежды, а также по мотивам относительной нужды в целях обеспечения того уровня жизни, который становился характерным для ряда окружающих лиц.

Появилась и новая мотивация: приобретение стартового капитала любым путем ради обеспечения достойного существования в будущем царстве рыночных отношений и денег.

В ряде регионов более половины опрошенных встречались с корыстными преступлениями, совершаемыми ради получения наркотиков. В целом по России из общего числа расследованных в 2000 г. преступлений 0,5 % были совершены ради приобретения (получения) наркотических средств, сильнодействующих и психотропных веществ, прекурсоров (5384). Это — почти на треть больше, чем ради спиртных напитков (3961) и почти столько же, сколько с целью завладения транспортными средствами (5795).

Такие мотивы, как раздел сфер влияния, национальная и расовая, а также религиозная вражда, фиксируются статистикой только в десятках случаев. Однако они порождают самые тяжкие преступления. Например, в 2000 г. 27 случаев совершения преступлений по мотивам раздела сфер влияния — это 5 умышленных убийств и покушений на убийство, 3 преступления террористической направленности, 2 умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 1 случай похищения человека, 2 вымогательства. Из 117 случаев совершения преступления по мотивам национальной и расовой вражды, ненависти, мести в 2000 г. 68 приходилось на преступления террористической направленности, 15 — на умышленное убийство и покушение на убийство.

Возрастало число корыстных преступлений, совершавшихся в сфере экономической деятельности, использования компьютерной информации, нарушения авторских прав — *происходила интеллектуализация преступной деятельности* (табл. 59).

Рост преступности преимущественно за счет корыстной ее части (в основном —имущественной) можно рассматривать как закономерное явление при смене общественного строя и развитии рыночных отношений. Ранее уже отмечалось, что именно корыстная преступность нарастала в начале века в России, в период НЭПа.

Таблица 59

Динамика числа отдельных преступлений, характеризующихся интеллектуальным фактором, в России в 1997-2000 гг.

Преступления	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Нарушение авторских и смежных прав — ст. 146	302	607	836	1 117
Мошенничество — ст. 159	77 757	76 695	83 624	81 456
Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием — ст. 165	16 811	25 226	29 702	33 076
Все преступления в сфере экономической деятельности	61 689	85 571	117 721	160 419
Все преступления в сфере компьютерной информации	33	67	285	800

Преступность бывших социалистических стран отличалась более низкой интенсивностью по сравнению со странами капиталистическими именно за счет имущественной преступности. Например, коэффициенты имущественной преступности в 1985 г. были: в СССР— 414, Англии и Уэльсе— 6 916, Франции— 3 816, США—5 065, ФРГ—4 967. Коэффициенты убийств различались несущественно[1].

Как будет показано далее, организованная преступная деятельность ради получения сверхдоходов со временем начинает характеризоваться двойной мотивацией— корыстной и связанной с обеспечением власти, в том числе политической.

Выявление политической мотивации, как и другой, предполагает тщательное расследование преступлений. По данным статистики о ней можно судить также весьма относительно. Но показательно то, что в последние годы росло число зарегистрированных преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 278—280, 282—283 УК РФ). Общее число таких зарегистрированных преступлений по разделу 14 УК РФ составляло: 1997 г.—22, 1998 г.—25, 1999 г.—49, 2000 г. — 39 без учета данных органов ФСБ РФ.

§ 2. Социальная направленность преступности

Социальная направленность преступности характеризует те социальные объекты, защищаемые законом интересы, ценности, которые страдают от преступности, против которых она «действует».

Родовые и видовые объекты преступлений, выделяемые специалистами по уголовному праву и законодателем в Уголовном кодексе не выглядели достаточными и бесспорными при криминологическом подходе. Такой подход требовал, во-первых, укрупнения объ-

[1] Научная информация по вопросам борьбы с преступностью, № 126. М., 1990.

ектов, во-вторых, учета новых, нетрадиционных критериев классификации: ведь преступность изменяется; в-третьих, практического решения проблем классификации в условиях посягательства сразу на несколько объектов.

Нельзя сказать, что криминологи в процессе группировок преступлений находили нередко иные решения, чем специалисты в области уголовного права. Они вынуждены были искать такие подходы, которые работали бы при проведении конкретных криминологических исследований, помогали в оценке изменений преступности и определении ее дальнейших тенденций.

При этом всегда при криминологическом анализе преступности приводилась система статистических показателей зарегистрированных преступлений и выявленных лиц в разрезе всех глав УК РФ (табл. 60).

При анализе социальной направленности преступности особенно остро возникает необходимость учета изменений законодательства, практики применения различных статей уголовного закона, степени латентности разных преступлений, в том числе зависимой от степени защищенности различных объектов. Например, можно было предположить, что граждане лучше защищают свою собственность, чем это делали государственные и общественные организации, а государство в отдельные периоды не одинаково относилось к защите различных своих интересов.

Например, в начале девяностых годов при оценке изменений социальной направленности преступности обращалось внимание на то, что не соответствовали действительности статистические данные о снижении числа преступлений против политических и трудовых прав граждан (в 1986—1993 гг., по статистике, в 2,7 раза), должностных (почти наполовину) и ряда других.

Преимущественно увеличивалось число зарегистрированных преступлений против человека, его жизни, здоровья, чести, достоинства, прав и законных интересов. Судя по ряду данных, защищенность личности от уголовно наказуемых деяний действительно значительно ухудшилась.

Статистическое изменение структуры преступности не вполне отражает реальные процессы: защита государственных, общественных интересов пострадала не в меньшей, а может быть, и в большей степени. Почти все дела о преступлениях против государственной собственности, хозяйственные, должностные базировались на материалах контрольных органов, а система государственного и общественного контроля, существовавшая ранее, была реформирована,

на ее базе долго не создавалось новой, хотя бы прежней степени эффективности.

Сводилась на-нет сначала на практике, а потом и законодателем, борьба со многими хозяйственными преступлениями — спекуляцией, частнопредпринимательской деятельностью и коммерческим посредничеством с использованием государственных, кооперативных и иных общественных форм.

Таблица 60

Динамика числа зарегистрированных преступлений по главам УК РСФСР и выявленных лиц, их совершивших, в России в 1985—1996 годах

Годы	1986	1991	1992	1996
Глава 1. Государственные преступления (по данным «открытой» статистики)				
Число преступлений	2 779	2 939	4 418	12 893
Число лиц	2 740	2 527	3 152	4 482
Глава 2. Преступления против социалистической собственности (с 1 июля 1994 г. глава объединена с главой 5).				
Число преступлений	222 945	497 157	686 542	-
Число лиц	184 296	211 176	298 745	-
Глава 3. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности				
Число преступлений	111 194	134 750	156 495	257 701
Число лиц	104 001	101 332	105 501	214 807
Глава 4 . Преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан				
Число преступлений	3 404	932	995	3 477
Число лиц	3 573	856	780	1 799
Глава 5. Преступления против собственности, предусмотренные главами 2 и 5, имели иные нормы, до 1 июля 1994 года — только преступления против личной собственности				
Число преступлений	330 027	992 116	1 330 681	1 595 373
Число лиц	186 174	242 588	330 843	828 559
Раздел 6. Хозяйственные преступления (глава существенно изменялась)				
Число преступлений	183 476	59 742	41 421	11 497
Число лиц	178 042	60 074	42 229	10 235
Глава 7. Должностные преступления				
Число преступлений	27 790	15 448	15 707	17 393
Число лиц	29 325	10 050	9 825	7 881
Глава 8. Преступления против правосудия				
Число преступлений	13 873	17 122	19 817	18 467
Число лиц	12 574	14 394	14 878	13 342
Глава 9. Преступления против порядка управления				
Число преступлений	70 316	48 298	54 640	90 108
Число лиц	56 607	27 863	29 782	61 398
Глава 10. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения				
Число преступлений	365 633	399 831	446 669	512 109
Число лиц	322 780	285 513	307 786	383 139
Глава 11. Преступления, составляющие пережитки местных обычаев				
Число преступлений	74	42	31	33
Число лиц	109	36	37	52

Изменение практики регистрации преступлений также не одинаково повлияло на динамику зарегистрированных преступлений разной социальной направленности.

На фоне всех указанных процессов уголовная статистика зафиксировала разные тенденции в 1986—1993 годах (перестройки и начала реформ) 1994—1998 годах («победы реформаторов»).

В 1986—1993 годах по данным уголовной статистики интенсивно возрастало число преступлений против государственных и общественных интересов, в том числе тех, которые свидетельствовали о все большем завладении государственным и общественным имуществом, а также более активном противостоянии криминальной среды правосудию:

- в 5,6 раз возросло число государственных преступлений (по данным «открытой» статистики), преимущественно за счет контрабанды, фальшивомонетничества, нарушения правил о валютных операциях, уклонения от очередного призыва на военную службу);
- почти в 3 раза увеличилось число преступлений против государственного и общественного имущества, в том числе почти в 25 раз — число хищений указанного имущества в особо крупном размере (с 1 098 до 25 797), в 32 раза — число фактов вымогательства (с 18 до 588);
- почти в 2 раза стало больше регистрироваться преступлений против правосудия (преимущественно за счет побега заключения или из-под стражи — с 1 111 до 3 092, уклонения от отбывания наказания в виде лишения свободы — с 18 до 1 450, укрывательства преступлений с 3 517 до 8 607, недонесения о преступлениях с 2 393 до 6 102);
- возрастало число преступлений против порядка управления (преимущественно за счет похищения или повреждения документов, штампов, печатей, бланков — с 4 385 до 16 028, подделки, изготовления или сбыта поддельных документов, штампов, печатей, бланков— с 16 193 до 29 176, самоуправства — с 1 280 до 2 860).

При всем этом, однако, снижалось число регистрировавшихся преступлений должностных лиц[1], преступлений против порядка управления[2].

Новый общественный уклад создавался за счет легализации (правовой или фактической декриминализации) многих деяний, признававшихся ранее высоко общественно опасными.

---

[1] Преимущественно за счет злоупотребления властью или служебным положением — с 4830 до 2794, взяточничества — с 6562 до 4511, халатности — с 10930 до 3549 и др.

[2] В основном за счет самогоноварения — с 122172 до 2297, нарушений правил торговли спиртными напитками — с 511 до 19, поборов населения — с 1275 до 445, нарушений правил торговли — с 10351 до 2796 , спекуляции — с 21131 до 843), выпуска недоброкачественной, нестандартной или некомплектной продукции — с 147 до 5.

Возникает вопрос, как в этих условиях был защищен отдельный человек, его жизнь, здоровье, свободы, права, честь и достоинство?

Почти все преступления так или иначе затрагивают конкретного человека. Одни посягают именно на него, его права, свободы, законные интересы (убийство, кража его имущества, клевета), другие тоже причиняют ему непосредственный вред, хотя посягают на объекты более общего характера (взяточничество, спекуляция, нарушение национального и расового равноправия и др.), третьи отражаются на интересах человека через определенные последствия, посягая, казалось бы, на некоторые общие правила (нарушение правил пожарной безопасности, техники безопасности и т.п.), четвертые затрагивают отдельного человека более опосредованно (хищения государственной собственности и др.).

Точное и определенное выделение преступлений против человека, его прав, свобод, законных интересов, если иметь в виду последствия уголовно наказуемых деяний (причиняемый ими вред) представляется практически невозможным. Человек — член общества, и его интересы — это также интересы общества и государства. Поэтому законодатель выделяет класс преступлений против человека, гражданина, личности на основе такого критерия, как объект преступных посягательства, их мотивация. Здесь важно, является ли таким объектом именно и только человек.

В Уголовном кодексе РСФСР были выделены три главы, содержащие перечень преступлений именно против человека, гражданина, личности, а именно: глава третья - преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности[1]; глава четвертая — преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан[2]; глава пятая — преступления против личной собственности граждан, а точнее после введения частной собственности речь шла о преступлениях против собственности граждан.

Всего в этих трех главах содержалось указание на 49 преступлений или примерно третью часть от всех преступлений, отражаемых в открытой статистике органов внутренних дел и прокуратуры. Из общего же числа фиксируемых этой статистикой преступлений на рассматриваемый класс деяний приходилось: в 1986 г. — 33

---

[1] Точнее было бы назвать главу «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека», ибо убивают именно человека, когда речь идет о биологической смерти - лишении жизни. Убить личность, строго говоря, можно лишив человека возможности руководить своими действиями, отдавать себе в них отчет, ибо личность — это социальное лицо человека, то, чем он стал в процессе социализации.

[2] В названии главы подчеркивается, что речь идет не о человеке и личности вообще, но только о гражданах Российской Федерации, обладающих определенными правами. Правда, некоторые статьи главы могут касаться и лиц без гражданства, и иностранцев.

%, в 1989 г. — 49 %, в 1992 г. — 54 %, в 1993 г. — 56 %. Другими словами, по данным уголовной статистики можно было бы сделать вывод, что именно конкретный человек все чаще становился жертвой преступлений, но, как уже отмечалось выше, высокой являлась латентность иных преступных посягательств. Другое дело, что статистика фиксировала реальный факт увеличения числа преступлений против человека, его прав, свобод, законных интересов (табл. 60).

Данные таблицы подтвердили тезис о значительном приросте числа зарегистрированных преступлений в 1989 г. и частично в 1988 г. за счет более смелой регистрации нераскрытых[1].

Таблица 61

Динамика зарегистрированной преступности против человека, его прав, свобод, законных интересов (ст. ст. 102—151 УК РСФСР) в России в 1986—1993 годах

Годы	Число зарегистрированных преступлений против человека				Число выявленных лиц, совершивших преступления			
	Все преступления		Без преступлений против собственности		Все преступления		Без преступлений против собственности	
	Абс. число	Прирост к 1986 г., %	Абс. число	Прирост к 1986 г., %	Абс. число	Прирост к 1986 г., %	Абс. число	Прирост к 1986 г., %
1986	444 625		111 194	-	293 748	-	104 001	-
1987	424 038	- 5	99 173	- 11	250 557	- 15	84 873	- 18
1988	531 891	+ 20	101 383	- 9	257 985	- 12	83 672	- 20
1989	799 266	+ 79	124 835	+ 12	291 218	- 1	92 119	- 11,5
1990	915 888	+ 80	135 403	+ 15	315 501	+ 7	102 291	+ 8
1991	913 938	в 2 р.	134 750	+ 14	344 776	+ 17	101 332	+ 18
1992	1 488 171	в 3,3 р.	156 495	+ 86	437 124	+ 49	105 501	+ 50
1993	1 565 807	в 3,5 р.	197 146	+ 96	545 470	+ 85,6	142 752	+ 87

Рост в 1986 — 1993 годах числа выделенных зарегистрированных преступлений в 3,5 раза, а числа выявленных преступников соответствующей категории только на 86 % означал, что все большее число преступлений против человека, о которых становилось известно правоохранительным органам и которые информацию о

[1] Число выявленных лиц, совершивших преступления, увеличилось в 1988 г. по сравнению с 1987 г. всего на 3 %, а число зарегистрированных преступлений — на 25 %. В 1989 г. по сравнению с 1988 г. эти данные составили соответственно: +13 % и +50 %. После 1989 г. таких заметных «ножниц» в темпах прироста числа преступлений и выявленных лиц, их совершивших, уже не отмечалось.

11 Зак. 3122

них перерабатывали в установленном законом порядке, оставалось нераскрытым, преступники не изобличенными и не наказанными.

Рост преступности против человека имел место с семидесятых годов, в начале семидесятых был весьма интенсивным; и в 1986 году был отмечен сравнительно с 1983—1985 годами более низкими показателями многих тяжких преступлений против личности: умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, разбоев, грабежей и других. Рост числа этих преступлений вновь начался в 1988 году после завершения антиалкогольной кампании. Это свидетельствует о тесной взаимосвязи проблемы защиты человека и пьянства в России.

В структуре зарегистрированной преступности против человека, его прав, свобод и законных интересов преобладающий удельный вес занимали преступления против собственности, причем их доля интенсивно нарастала: 1986 г. - 74 %, 1989 г. — 84 %, 1992 г. — 89 %, 1993 г. — 87 %.

Изменение структуры зарегистрированной преступности против человека и нарастание в ней удельного веса преступности против собственности происходило на фоне:

• резкого роста числа регистрируемых преступлений против личной собственности: удвоения в 1989 году по сравнению с 1986 годом и нового их удвоения в 1993 году по сравнению с 1989 годом;

• более умеренного, но все более интенсивного нарастания числа регистрируемых преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, человека: в 1986—1989 годах +12 %, в 1989 г. — 1992 гг. +58 %;

• снижения числа зарегистрированных преступлений против политических и трудовых прав граждан: в 1986—1989 годах на 46 %, в 1989 - 1993 годах— еще на 32 %.

Такая статистическая картина отражала: во-первых, фактические тенденции преступности против собственности, жизни, здоровья, свободы и достоинства человека; во-вторых, изменения уголовной политики в контексте общих социальных изменений, особенно в отношении преступлений против политических и трудовых прав граждан; в-третьих, сдвиги в поведении самих жертв преступлений, других граждан, представителей медицинских учреждений, органов опеки и попечительства, охраны труда и т.п. в отношении уголовного преследования виновных лиц, сообщений об известных преступлениях, даче показаний и т.п.

При анализе статистических данных целесообразно учитывать следующее: поскольку речь идет о преступлениях, которые каса-

ются именно конкретного человека, законодатель разделяет эти преступления на три категории:

1. Преступления, дела о которых носят частный характер, возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего, подлежат прекращению в случае примирения потерпевшего с обвиняемым до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора. По этим делам нет дознания и предварительного следствия и в уголовной статистике они в принципе не фигурировали. Исключением являлись случаи, когда прокурор возбуждал дела о таких преступлениях и направляет их для производства дознания и предварительного следствия. Закон (ст. 27 УПК РСФСР) разрешал ему так поступать только в двух случаях: а) если дело имеет особое значение; б) если потерпевший по этому делу в силу беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по иным причинам не в состоянии защитить свои права и законные интересы[1]. К такой категории преступлений законодатель относил: легкие телесные повреждения, побои (ст. 112 УК РСФСР), клевету без квалифицирующих обстоятельств ч.1 ст. 130 УК РФ, оскорбление (ст. 131 УК РСФСР). Судя по данным уголовной статистики, прокуроры в 1986 — 1993 гг. этим правом практически не пользовались.

В новом УПК РФ часть вторая ст. 20 предусматривает: «2. Уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115, 116, 129 частью первой и 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, считаются уголовными делами частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя и представителя и подлежат прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым. Примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора». Часть четвертая ст. 20 УПК РФ несколько иначе, чем УПК РСФСР, формулирует основания вмешательства прокурора, в дела частного обвинения: «4. Прокурор, а также следователь или дознаватель с согласия прокурора вправе возбудить уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей настоящей статьи, и при отсутствии заявления потерпевшего, если данное преступление совершено в отношении лица, находящегося в зависимом состоянии или по иным причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами». Здесь нет упоминания об особом характере дела. Между тем встречаются такие, казалось бы, малозначительные преступления, которые непосредст-

---

[1] Например, когда речь идет об избиении родителями ребенка, причинении ему легких телесных повреждений с расстройством здоровья или избиении попечителем инвалида и т.п.

венно затрагивают частный интерес, но приобретают одновременно и большое общественное значение (оскорбление по расовым, национальным мотивам, да еще и с использованием средств массовой информации и т.п.).

2. Преступления, дела о которых носят частно-публичный характер, возбуждаются не иначе как по жалобе потерпевшего, но прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежат, это были: дела об изнасиловании без квалифицирующих обстоятельств (ч.1 ст. 117 УК РСФСР), а также о нарушении авторских и изобретательских прав (ст. 140 УК РСФСР). По этим делам производство велось в общем порядке, и если потерпевшие обращались с заявлениями, то такие дела, точнее преступления, отражаются в уголовной статистике. Прокурор был вправе сам возбудить уголовное дело об изнасиловании по ч.1 ст. 117 УК РСФСР только в одном случае: если потерпевшая не в состоянии защитить свои права и законные интересы в силу беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по иным причинам. Общее число изнасилований, по данным уголовной статистики, снизилось, а число особо опасных изнасилований (ч.4 ст. 117 УК РСФСР), дела о которых возбуждаются независимо от жалобы потерпевшей, возросло. В настоящее время часть третья ст. 20 УПК РФ предусматривает, что считаются делами частно-публичного обвинения уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 131 частью первой (изнасилование без квалифицирующих обстоятельств), 136 частью первой (нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина без квалифицирующих обстоятельств), 137 частью первой (нарушение неприкосновенности частной жизни без квалифицирующих обстоятельств), 138 частью первой (нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений без квалифицирующих обстоятельств), 139 частью первой (нарушение неприкосновенности жилища без квалифицирующих обстоятельств), 145 (необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет), 146 частью первой (нарушение авторских и смежных прав без квалифицирующих обстоятельств), 147 частью первой (нарушение изобретательских и патентных прав без квалифицирующих обстоятельств) Уголовного кодекса Российской Федерации. То есть круг дел частно-публичного обвинения был расширен.

3. Преступления, дела о которых носят публичный характер, возбуждаются независимо от жалобы жертвы преступления и пре-

кращению в случае примирения обвиняемого и потерпевшего не подлежат.

В годы перестройки и реформ получала все большее распространение не основанная на законе практика, когда жертва преступления «забирает» свое заявление, а точнее, просит не возбуждать дело или прекратить его. Это происходит в результате не только обещаний возместить причиненный ущерб, уговоров потерпевшего, но и его запугивания, угрозы быть многократно вызванным на допросы. Следователи нередко удовлетворяют просьбы жертв преступления, ибо за ними следуют изменения показаний. Весьма реально вынесение при таких обстоятельствах оправдательного приговора. Мнение о допустимости прекращения дела за примирением виновного с жертвой преступления распространено и, видимо, его следует в большей мере учитывать законодателю. Эта позиция несомненно влияла на полноту отражения в уголовной статистике реально совершаемых преступлений против человека. В новом УПК РФ предусмотрено прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон не только по делам частного или частно-публичного обвинения. Статья 25 УПК РФ предусматривает, что «суд, прокурор, а также следователь и дознаватель с согласия прокурора вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, против которого впервые осуществляется уголовное преследование по подозрению или обвинению в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред».

Все эти изменения закона несомненно влияют на отражение в уголовной и судебной статистиках реальной криминальной ситуации.

Латентность преступности, как уже отмечалось, зависит от многих переменных. Применительно к преступлениям против человека большое значение имеет факт раскрытия преступления. От этого зависит точная юридическая квалификация деяния: будет ли оно зарегистрировано как умышленное или неосторожное убийство, как умышленное при отягчающих обстоятельствах либо совершенное при превышении пределов необходимой обороны и т.п.

Криминологические исследования показывали, что разные факторы латентности действовали применительно к преступности против человека, его прав, законных интересов, свобод, в конце восьмидесятых—начале девяностых годов все более интенсивно и концентрированно. В результате статистические данные все более расходились с реальной картиной этой преступности.

Если выделить *преступность против жизни, здоровья, свободы и достоинства* человека, то при анализе изменений ее уровня более чем в других случаях обращает на себя внимание следующая парадоксальная картина: при увеличении на 77 % числа зарегистрированных преступлений в 1986 - 1993 гг. прирост числа выявленных преступников составил всего 37 %. При этом оказалось, что на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше приходилось все больше убийств, изнасилований и других преступлений рассматриваемой категории и все меньше выявленных лиц, совершавших такого рода деяния (табл. 61). Данная картина указывает на то, что среди населения увеличивалось число убийц, других опасных преступников, остававшихся не выявленными и не наказанными[1].

Таблица 62

Динамика зарегистрированной преступности против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (ст.ст. 102-131 УК РСФСР) в России в 1986—1996 годах

Годы	Зарегистрированные преступления			Выявленные лица, совершившие преступления		
	Абс. число	Прирост к 1986 г., %	Кф на 100 тыс. всего населения	Абс. число	Прирост к 1986 г., %	Кл на 100 тыс. населения с 14 лет
1986	111 194	—	77	104 001	—	91
1987	99 173	— 11	68	84 873	— 18	74
1988	101 383	— 8,9	69	83 672	—19,5	73
1989	124 835	+12,3	85	92 119	—4,7	80
1990	135 403	+21,8	91	102 291	—1,6	88
1991	134 750	+21,2	91	101 332	—2,6	87
1992	156 495	+40,7	105	105 501	+1,4	85
1993	197 146	+77,3	133	142 752	+37,3	119
1994	220 885	+98,6	149	171 617	+65,0	146
1995	260 094	+133,9	175	206 925	+99,0	176
1996	257 701	+131,8	174	214 807	+106,5	178

В 1993 году оказался самым высоким за весь анализируемый период прирост числа выявленных лиц, совершивших преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека. По сравнению с 1992 годом он опередил темп прироста числа указанных зарегистрированных преступлений.

Убийства, тяжкие телесные повреждения также имеют немалую скрытую, латентную часть. Не случайно, в 1989 году при более

[1] В 1991 г. процент раскрываемости умышленных убийств составил 86 %, в 1992 году он снизился до 81 %. По тяжким телесным повреждениям эти данные составили, соответственно, 70,5 % и 67 %, изнасилованиям с покушениями - 85 и 82 %. В 1992 г. были впервые приостановлены дела о нераскрытых умышленных убийствах и умышленных тяжких телесных повреждениях, повлекших смерть независимо от времени их совершения и регистрации (в отношении 6 711 таких деяний, а в 1993 году уже в отношении 13 291).

полной регистрации нераскрытых преступлений рассматриваемые тяжкие тоже, по данным статистики, резко возросли.

Высоко латентными стали даже убийства. В регионах возрастало число трупов с неустановленной (по данным бюро судебно-медицинской экспертизы) причиной смерти. Например, в Москве в 1990—1994 году оно возросло с 776 до 2 966 и превысило в 1994 году число трупов с признаками убийства (последних было 2 863).

Снижение преступности против личности в 1986—1987 гг. в значительной мере происходило за счет ситуативной, «пьяной» ее части, когда преступления совершались в нетрезвом состоянии или ради получения спиртных напитков, средств на их приобретение. Затем рост числа преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека продолжался и за счет ситуативной, «пьяной» преступности, и за счет продуманной корыстной, и в результате преступного реагирования на иные противоправные деяния.

Преступность против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности неоднородна. Уголовный закон в число соответствующих преступлений включал разные виды деяний: против жизни человека, против свободы личности, иные. Более дифференцированный анализ показал, что в 1986—1993 годах динамика числа разных видов деяний этого класса различалась существенно и применительно к некоторым носила прямо противоположный характер. В 1993 году по сравнению с 1989 годом, если судить по статистическим данным, число преступлений против жизни возросло в 2,5 раза, против здоровья — на 29 %, число половых преступлений даже снизилось на 7 %. В 9 раз возросло число зарегистрированных фактов преступлений против свободы личности; на 20 % снизилось число фактов клеветы - части 2, 3 ст. 130 УК РСФСР.

Таким образом, в структуре преступности против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека все больший удельный вес в 1986 -1993 гг. занимали наиболее тяжкие деяния, в том числе против жизни. Удельный вес последних в 1989 г. составлял 16 %, а в 1993 году уже 26 %[1].

Возникают вопросы, действительно ли на фоне снижения числа менее опасных посягательств на жизнь и здоровье человека все интенсивнее росли наиболее тяжкие и действительно ли происходило снижение половой преступности, а также против чести, достоинства личности? Получение ответов на них предполагает более

---

[1] Наиболее резко возросло число преступлений против свободы личности, даже если не учитывать 110 фактов похищения людей, поскольку это — новое явление, ранее не отражавшееся и в УК РСФСР.

тщательный анализ уровня и динамики конкретных преступлений, а также сопоставление статистических данных с рядом других (табл. 63).

В целом можно сказать, что в 1986—1993 годах отмечались тотальные неблагоприятные изменения социальной направленности преступности. В 1993—1995 годах вносились существенные изменения в уголовное законодательство, отмечался поворот практики в направлении реализации новой уголовной политики, в том числе допускавшей послабления в отношении преступлений функционеров криминальной среды.

Таблица 63

Динамика числа разных видов зарегистрированных преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека в 1986—1993 годах в России

Число зарегистрированных преступлений				Прирост в % к:		Уд. вес от общего числа преступлений главы 3 УК РСФСР, %	
1986 г.	1989 г.	1992 г.	1993 г.	1986 г.	1989 г.	1989 г.	1993 г.
Против жизни (ст. 102-107[1], ч.2 108 УК)							
14 062	20 581	36 198	50 968	в 3,6 р.	В 2,5 р.	16	26
Против здоровья (ч.1 ст. 108 , 109-114 УК)							
49 706	65 681	75 922	84 840	+ 71	+ 29	53	43
Против жизни и здоровья в связи с ненадлежащим реагированием на болезни, беременность (ст.ст. 115, 116 УК)							
5 824	2 372	1 468	2 137	- 63	- 10	2	1
Половые (ст.ст. 117-120 УК)							
18 093	19 574	17 122	18 295	+ 1	- 7	16	9,3
Против содержания, опеки, помощи нуждающихся в них лиц (ст.ст. 122-125, 127-129)							
23 153	16 578	25 543	40 318	+ 74	в 2,4 р.	12,8	20,5
Против свободы личности (ст.ст. 125, 126, 126(1), 126(2) УК[2])							
27	54	136	489	в 18 р.	в 9 р.	0,04	0,2
Против чести и достоинства (чч.2, 3 ст.130 УК)							
273	123	126	99	- 74	- 20	0,1	0,05

На статистическую картину преступности в 1994 году оказали наиболее значительное влияние следующие обстоятельства: 1) изменения уголовного законодательства и практики его применения, прежде всего с точки зрения изменения объектов уголовно-правовой охраны, 2) возможности правоохранительных органов в «переработке» всей информации о преступности и первоочередное реагиро-

[1] Если строго руководствоваться уголовно-правовыми критериями, то тяжкие телесные повреждения, повлекшие смерть потерпевшего, должны были бы быть по объекту посягательств отнесены к преступления против здоровья, но как уже отмечалось, среди зарегистрированных тяжких телесных повреждений со смертельным исходом примерно третью часть составляют нераскрытые, в том числе возможные убийства.

[2] В 1993 году учтены 110 таких преступлений, как похищение человека, предусмотренных ст.125(1) УК, введенной в действие в 1993 году.

вание на наиболее защищаемые объекты, в том числе «самозащищаемые», 3) фактические изменения самой преступности, связанные с новыми формами криминальных посягательств на традиционно защищаемые объекты; 4) все более успешное лоббирование криминального интереса.

Заслуживают особого внимания изменения уголовного законодательства и их влияние на преступность. Переоценка приоритетов защиты разных социальных объектов наиболее значительно отразилось на изменениях уголовного законодательства в 1993—1994 годах и одновременно тогда же сказалась на практике применения прежних уголовно-правовых норм. Уголовная статистика фиксировала наибольшие изменения числа зарегистрированных преступлений по тем главам Особенной части УК, статьи которых подвергались более существенным изменениям (табл. 64).

Судя по статистическим данным в разрезе глав УК, в 1994 году по сравнению с 1993 годом произошло снижение преступности против собственности (главы 2 и 5) и против правосудия (глава 8). Причем в последнем случае оно произошло в основном за счет отмены ст. 186 (побеги с мест ссылки или лечебно-трудового либо воспитательного профилактория) в связи с ликвидацией соответствующих мест и отменой ст. 186), а также сужения диспозиции ст. 188 в феврале 1993 года путем исключения побега из колоний-поселений. Общее число зарегистрированных преступлений, предусматривавшимися этими двумя статьями, соответственно в 1994 году было меньше чем в 1993 году на 2 251 преступлений, а суммарное число преступлений по главе 8 снизилось на 1 851. Другими словами, без указанных изменений в уголовно-исполнительном и уголовном законодательстве снижение числа преступлений против правосудия было бы проблематичным.

Что касается преступлений против собственности (главы 2 и 5), то их сопоставление в 1994 году с данными 1993 года было связано с практическими непреодолимыми трудностями. Произошло не просто объединение соответствующих статей двух этих глав, но изменение концепции борьбы с преступностью против собственности, диспозиций многих статей.

Диспозиции ряда статей претерпели серьезные изменения. Например, была сужена диспозиция вымогательства за счет ограничения круга близких только теми, в собственном ведении или под охраной которых находились вымогаемое имущество или права на имущество. Ст. 147' «Присвоение вверенного имущества», существенно отличалась от прежней статьи 92 УК, так как с одной стороны, в первой ее части расширена диспозиция в части наступления

ответственности за присвоение или растрату любого чужого имущества, вверенного виновному, а не только государственного или общественного, с другой — во второй части диспозиция сужена: общественное и другое имущество исключено из перечня, причем совершенно не защищенным в этом случае оказалось муниципальное имущество.

Таблица 64

Динамика числа зарегистрированных преступлений в 1993 - 1994 годах в разрезе глав Особенной части УК РСФСР

Главы УК РСФСР	1993 г.	1994 г.	1995 г.
Глава 1. Иные государственные преступления (ст.ст. 74 - 88[1]) . В 1992 - 1993 гг. введено 5 статей, в 1994 году изменена диспозиция двух статей.	15 713	25 346	14 610
Глава 2. Преступления против социалистической собственности (в1994 г. исключена из УК, на базе этой и 5 главы создана новая редакция главы о преступлениях против собственности без статей о хищении в особо крупном размере — ст. 93[1] (предусмотрено хищение предметов, имеющих особую ценность— ст. 147[2]), мелкого хищения (ст. 96), преступлений против государственной или общественной собственности других социалистических государств (ст. 101) , завладения с корыстной целью государственным или общественным имуществом путем злоупотребления служебным положением и ряда других норм.	642 595	24 088 только по ст. ст. 93[1], 96, 101 за 1 полугодие	—
Глава 3. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (в 1994 г. введены статьи 125[1]»Похищение человека», 128[1] «Разглашение данных, составляющих врачебную тайну», в 1995 г. — статья 125[2] «Торговля несовершеннолетними»	197 146, в т. ч. по ст. 125[1]-110.	220 885, в т. ч. по ст. 125[1]— 499.	260 094
Глава 4. Преступление против политических, трудовых и иных прав и свобод граждан (введена в 1993 г. статья 143[1] « Организация объединений, посягающих на личность и права граждан», введена уголовная ответственность за оскорбление чувств и убеждений граждан в связи с их отношением к религии и т.д., в 1995 г. — ст. 133[2] «Нарушение законодательства Российской Федерации о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании», изменены в 1995 г. ст. 132 «Воспрепятствование осуществлению гражданином Российской Федерации своих избирательных прав либо работе избирательных комиссий», ст..138 «Нарушение законодательства о труде»).	1 244	1 577 *	2 058
Глава 5. Преступления против личной собственности граждан, с 1.07.94. - против собственности (новая редакция главы на базе многих статей главы 2, а также главы 5, в 1994 г. введена статья 148[2] «Неправомерное завладение чужим недвижимым имуществом», ст. 148[3] «Причинение имущественного ущерба собственнику путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения» и др.).	1 367 417	1 696 163**	1 767 627
Глава 6. Хозяйственные преступления (Только в 1993 году исключены 4 статьи, введены 5 новых статей, в 1994 г. менялись диспозиции ряда статей).	37 065	57 987	97 442
Глава 7. Должностные преступления (в 1992 г. введена статья 175[1]»Нарушение антимонопольного законодательства», в 1993 г. менялись диспозиции ряда статей)	16 677	19 021	16 733

Глава 8. Преступления против правосудия (в 1993 г. и в 1994 г. исключено по одной статье, изменялись диспозиции ряда норм, в 1995 г. введена ст. 184^1 «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи, должностного лица правоохранительного или контролирующего органа и их близких родственников»).	23 514	21 663	19 141
Глава 9. Преступления против порядка управления (Исключены три статьи в 1993 г., в том числе ст. 198^2 «Злостное нарушение правил административного надзора», ст. 201 «Нарушение законов о записи актов гражданского состояния», введена одна статья в 1994 г., в 1995 г. — 4 статьи: 191^3—191^5, 192^2, связанных с посягательствами на лиц при исполнении обязанностей по охране Государственной границы РФ).	60914	79636	78084
Глава 10. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения (в 1993 г. введена ст. 222^1» Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими или другими биологическими агентами и токсинами», в 1994 г. введена ст. 213^3 «Терроризм», ст. 213^4»Заведомо ложное сообщение об акте терроризма», вносились иные изменения).	436 174	492 211, в том числе по ст. 213^3 — 18, 213^4- 331.	494 890
Глава 11. Преступления, составляющие пережитки местных обычаев (изменений не было).	24	33	32

* В том числе по новой ст. 162^7 «Незаконные сделки с валютными ценностями" — 3846.
** В т. ч. по ст. 148^3— 3171.

Формулировки ряда составов настолько уязвимы и при их сопоставлении были трудно разграничиваемы, что на практике возникло немало трудностей при применении статей главы 5 в новой редакции. В Верховный суд России и другие органы поступили запросы о толковании новых норм[1].

Существенные трудности возникали и с применением ст. 27 УПК РСФСР в новых условиях: на практике встречались указания регистрировать и давать движение материалам и делам о кражах негосударственного имущества только при наличии заявления его собственника. Поскольку объем негосударственного имущества все время сокращался, соответственно статистика преступлений против собственности все в большей мере определялась введением указанного порядка охраны негосударственного имущества.

К этому следует добавить трудности применения новых правовых норм, отсутствие компетентного комментария и руководящих указаний, хотя их роль была весьма существенна. Именно после декабрьского (1993 год) Постановления Пленума Верховного Суда

[1] Так, было не вполне ясно, подпадает ли прежнее мелкое хищение государственного и общественного имущества под признаки деяний, предусмотренных статьями главы первой в новой редакции и т.п. В 1993 году регистрировались 42 492 мелких хищений, в 1994 году их значилось 14 132. Очевидно это были данные только первого полугодия, причем скорректированные по незаконным материалам и делам во втором полугодии.

РФ по делам о бандитизме началась более смелая и адекватная квалификация соответствующих деяний по статье 77 УК РСФСР и если в 1990 году было зарегистрировано 14 фактов бандитизма, в 1991 г. — 18, в 1992 г. — 9, в 1993 г. — 44, то уже в 1994 г. — 249.

С изменением законодательства был связан и наиболее значительный прирост числа зарегистрированных преступлений. Это ясно видно при анализе динамики иных государственных преступлений. Почти в тридцать раз в 1994 году по сравнению с 1993 годом увеличилось число зарегистрированных фактов контрабанды (соответственно 1780 и 121). Это произошло в связи с заменой в диспозиции статьи 78 понятия «государственная граница» на «таможенную границу». Но одновременно в новой редакции статьи 78 УК РСФСР был сужен предмет контрабанды. Соответственно при сопоставлении регистрировавшихся до 1993 года числа фактов контрабанды с данными 1994 года
должны учитываться и показатели по новой статье 169' «Нарушение таможенного законодательства Российской Федерации» (1994 г. — 577 фактов). Но в целом прямое суммирование фактов и их сопоставление с данными прежних лет все-таки во многих отношениях некорректно.

Практика показывает, что в полной мере изменение уголовного закона проявляет себя в уголовной статистике, как минимум, через год[1].

Изменения уголовного законодательства влияет не только на рост или снижение числа зарегистрированных преступлений по главам или в целом, но и на изменение отраженной в статистике структуры преступности, ее качественных характеристик[2].

Сами по себе изменения уголовного закона могли бы служить индикатором изменений преступности, появления новых крайне общественно опасных деяний и исчезновения прежних. Однако это было бы возможно в условиях его научно-обоснованного, строго ориентированного на интересы борьбы с преступностью и опе-

---

[1] Но, например, введенная в 1987 г. статья 126[1] «Захват заложников» стала отражаться в уголовной статистике только с 1990 г. (1990 г. —1; 1991 г. — 0; 1992 г. — 3; 1993 г. — 51; 1994 г.— 118).

[2] Так значительные изменения в период реформ приобрела глава о
хозяйственных преступлениях. В 1990 - 1994 гг. были исключены 6 статей (152-154), изменены диспозиции ряда норм, одновременно
введены статьи (преимущественно в 1993—1994 гг.), касающиеся но
вых общественно опасных деяний, связанных с незаконным предпринимательством, уклонением от уплаты налогов, таможенных платежей, некоторых незаконных сделок с валютой, которые не оценивались как государственные преступления. А в целом статистика фиксировала в 1991—1993 гг. снижение числа хозяйственных преступлений, в 1993 году уменьшение его масштабов, а в 1994 году их прирост в полтора раза.

ративного совершенствования. Реально же законодательство в 1991—1995 гг. происходило в условиях острого столкновения интересов разных социальных групп, политических движений и партий, неодинакового лоббирования различных позиций.

В уголовно-правовом законотворчестве и правоприменении находили отражение в 1990-1994 гг. следующие явления:

1. Консенсус политических и экономических интересов, но затем он практически не защищался. В октябре 1992 году введена статья 79[1] «Воспрепятствование деятельности конституционных органов власти», но в 1992—1994 годах не было зарегистрировано ни одного такого преступления. В апреле 1993 г. введена ст. 78' «Незаконный экспорт товаров научно-технической информации и услуг, используемых при создании вооружения и военной техники, оружия массового уничтожения», по ней в 1993 г. не зарегистрировано ни одного преступления, в 1994 г. — 4. В июле 1993 г. вводились: статья «Незаконное повышение или поддержание цен», в 1993 г. по ней зарегистрировано 74 преступления, в 1994 г. — 68; статья «Нарушение государственной дисциплины цен», по ней зарегистрировано в 1994 г. только 67 преступлений. Статья 175[1] «Нарушение антимонопольного законодательства», принятая в октябре 1992 г., практически не действовала (1992 г. — 0, 1993 г.— 4, 1994 г. — 7).

2. Все большее распространение очевидно и крайне общественно опасных деяний, которые раньше не совершались в России и которые являлись результатом развития криминального рынка. В апреле 1993 г. была введена статья «Похищение человека» (ранее упоминалось в УК только о похищении ребенка), в 1993 г. по ней было зарегистрировано 110 фактов, в 1994 г. — 499, а в 2000 г. — 1291. В марте 1995 года законодатель ввел две взаимосвязанные статьи: 125[1] «Торговля несовершеннолетними» и статья 162[1] «Незаконное усыновление».

3. Новые деяния, на криминализации которых настаивали государственные структуры либо сильные и влиятельные общественные объединения. При этом действовали в основном те нормы, которые применялись инициировавшими и поддержавшими их государственными структурами. Так, особенно активно и во все возрастающем масштабе принимались нормы о налоговых преступлениях и злоупотреблениях с иностранной валютой[1].

---

[1] Была принята статья 140[1] «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов», но в 1992 г. по ней было зарегистрировано 2 преступления, в 1993 г. — 5, в 1994 г. — 1, в 1995 г. — 4.

4. Скрытое лоббирование противоправных экономических и прямо криминальных интересов[1].

5. В то же время нарастали негативные процессы и находили все более частое применение нормы, касающиеся экономических преступлений либо преследующие явное неуважение к государству, его институтам, должностным лицам, являющиеся эпизодами организованной и профессиональной преступной деятельности.

С учетом криминализации ряда деяний и изменения формулировок некоторых статей общее число зарегистрированных иных государственных преступлений увеличилось в 1990—1994 годах почти в десять раз[2].

6. Практика применения ряда других норм свидетельствовала не только об уходе от защиты интересов СССР, процессах его распада, но также, если не о распаде, то значительном ослаблении кри-

---

[1] Практически все реже применялись статья 140 «Нарушение правил охраны труда» (1986 г. —3 260; 1990 г.— 1 026; 1993 г.— 694; 1993 г.— 646); статья 152 «Выпуск недоброкачественной, нестандартной и некомплектной продукции» (1986 г.—147; 1990 г.—28; 1993 г.— 5 и в апреле 1993 года она была исключена вообще); статья 156[1] «Нарушение правил торговли спиртными напитками» (1986 г.— 511; 1990 г.—79; 1992 г.— 140; 1993 г.—19 и в апреле 1993 года она была исключена); статья 188[3]«Злостное неповиновение администрации исправительно-трудового учреждения» (1986 г.—628; 1990 г.— 119; 1993 г.— 45; 1994 г.— 54); статья 198[1] "Уклонение военнообязанного от учетных или проверочных сборов и воинского учета" (1986 г.—552; 1990 г.—410; 1993 г.— 65; 1994 г.—75); статья 198[2] «Злостное нарушение правил административного надзора» (1986 г.—18 177, 1990 г. —10 145; 1993 г.— 2 299, в апреле 1993 года исключена); статья 211[1] «Управление транспортными средствами в состоянии опьянения» (1986 г.—35 555; 1990 г.— 60 435; 1992 г. — 62 468, в декабре 1992 года исключена); статья 221 «Незаконное врачевание» (1986 г.— 59; 1990 г. — 9; 1993 г.— 6; 1994 г.—14); статья 228 [1] «Изготовление или распространение произведений, пропагандирующих культ насилия и жестокости» (1986 г.—26; 1990 г.— 0; 1993 г.—2; 1994 г.—1). Фактическая распространенность таких деяний была широко известна, очевидна. Заслуживает внимания и то, что судя по примечанию к статье 144, совершение столь опасного преступления против собственности, как было предусмотренного статьей 147[2] УК РФ не учитывалось при определении повторности хищений, что могло рассматриваться как бесценный подарок профессиональным и организованным преступникам. Не принимались — и до сих пор не приняты — эффективные комплексные законы о борьбе с организованной преступностью, с коррупцией, с легализацией преступных доходов.

[2] Резко возрастало число зарегистрированных фактов хищения государственного и общественного имущества в особо крупных размерах (ст. 93[1]): 1986 г.—1 098; 1990 г.—2 624; 1993 г.— 25 797, в 1994 г. успели зарегистрировать 9 671 таких фактов, с 1 июля 1994 г. данная статья перестала действовать, а новая статья 147[2] устанавливала повышенную ответственность не за все хищения в особо крупных размерах (этот термин был исключен), а только за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую. научную или культурную ценность. Из общего числа норм об уголовной ответственности против человека, его прав и законных интересов в 1990 - 1994 гг. все чаще применялись те, в результате которых наступала смерть. Особо резко выросло число фактов применения норм о преступлениях против собственности, статья 171 "Превышение власти или служебных полномочий" (1986 г.— 897; 1993 г.—1 675; 1994 г.— 2 182); статья 182 «Принуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения» (1986 г.— 114; 1993 г.— 237; 1994 г. —288); статья 189 «Укрывательство преступлений» (1986 г.— 3 517; 1990 г.— 4 240; 1993 г.— 8 607; 1994 г. — 8 864) и др.

минологической защищенности интересов Российской государственности[1].

Приведенные данные хотя и не полно, но все-таки отражали фактически происходившие в обществе процессы.

Нарастание числа фактов применения тех или иных норм происходило в условиях предельных перегрузок правоохранительной системы и не было связано с расширением ее возможностей, штатов или более высокой квалификацией их сотрудников, чем ранее.

1996 год был переходным: прежний УК РСФСР переставал действовать и оценивалось как неперспективное уголовное преследование ряда деяний, которые иначе оценивались в новом УК РФ.

Изменение социальной направленности преступности после вступления в действие с 1 января 1997 г. нового УК РФ характеризовалось двумя наиболее отчетливо проявляемыми тенденциями:

1. Объектами преступных посягательств в 1997-1999 гг. все больше становились экономические интересы. Удельный вес преступлений в сфере экономики возрос с 62 % в 1997 г. до 65,5 % в 1999 г. Но, кроме того, экономический интерес, как частный, так и публичный, затрагивало немало преступлений, посягающих на жизнь, здоровье, в сфере управления, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, т.п.[2]

2. Объектами преступных посягательств в 1997—1999 гг. все больше становились не интересы личности и ее локальные интересы, а широкий публичный интерес[3].

На основе характера динамики в 1997—2000 годах зарегистрированных преступлений можно выделить три их группы, характеризующиеся: 1 — снижением абсолютного числа и удельного веса в общем числе зарегистрированных. Это — против половой непри-

---

[1] По статье 197 «Нарушение правил въезда и проживания в пограничной зоне или полосе» было зарегистрировано в 1986 г. 1 497 преступлений, в 1990 г.— 95, в 1993 г.— 1; в 1994 г.— 64. Зато статья 197[1] УК РСФСР «Нарушение иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в СССР и транзитного проезда через территорию СССР» применялась все чаще: 1986 г.— 25; 1990 г.— 4; 1993 г.—17; 1994 г.—816. В 1994 г. впервые были зарегистрированы 2 факта пропаганды войны (ст. 71 УК РСФСР). По ст. 87 УК РСФСР «Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг» регистрировалось все больше преступлений: 1986 г.—81; 1990 г.—93; 1993 г.—7 075; 1994 г.—14 890.

[2] Сумма изъятого имущества и материальных ценностей возмещала лишь пятую часть нанесенного гражданам и государству ущерба. Все чаще встречались преднамеренные банкротства. Продолжался незаконный вывоз капиталов за границу. Только в г. Москве в 1999 г. выявлено более 70 лжефирм, которые перевели в течение 1999 г. за рубеж более 1 млрд. долларов США (См.: Криминальная ситуация в России. М., 1999. Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001. С. 15—20).

[3] Удельный вес преступлений против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, против половой неприкосновенности и половой свободы личности, конституционных прав и свобод человека и гражданина,.преступления против семьи и несовершеннолетних снизился в 1997 —1999 гг. с 15,2 % до 13,4 % (табл. 64).

косновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, против правосудия;

2— умеренным ростом, но снижением их удельного веса в общем числе зарегистрированных преступлений. Это — преступления против жизни и здоровья; против собственности, против общественной безопасности, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, против порядка управления;

3 — интенсивным ростом и увеличением удельного веса в общем числе зарегистрированных преступлений. Это — преступления против свободы, чести и достоинства личности; против конституционных прав и свобод человека и гражданина; в сфере экономической деятельности; против интересов службы в коммерческих и иных организациях; против здоровья населения и общественной нравственности; экологические; в сфере компьютерной информации; против основ конституционного строя и безопасности государства; против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Таблица 65

Динамика зарегистрированных преступлений в России в 1997-2001 гг. по главам УК РФ

Показатели	Зарегистрировано преступлений в течение года				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Раздел 1. Против жизни и здоровья					
Всего	268 780	274 594	298 418	296 072	300 479
Прирост к 1997 г., %	-	+2,2	+11	+10,2	+ 11,8
Уд. вес в общем числе зарегистр., %	11,3	10,6	9,9	10,0	10,1
Раздел 2. Против свободы, чести и достоинства личности					
Всего	8 258	12 030	18 472	18 578	15 023
Прирост к 1997 г., %		+45,7	+123,7	+ 125	+81, 9
Уд. вес в общем числе зарегистр. %	0,3	0,5	0,6	0,6	0,5
Раздел 3. Против половой неприкосновенности и половой свободы личности					
Всего	15 620	17 809	16 230	15 196	15 641
Прирост к 1997 г., %		+14,0	+3,9	— 2,7	+ 0,1
Уд. Вес в общем числе зарегистрир., %	0,65	0,69	0,5	0,5	0,5
Раздел 4. Против конституционных прав и свобод человека и гражданина					
Всего	3 471	4 760	5 307	6 105	6 354
Прирост к 1997 г., %		+37,1	+52,9	+75,9	+ 83,1
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	0,14	0,18	0,18	0,2	0,2
Раздел 5. Против семьи и несовершеннолетних					
Всего	66 501	67 074	67 314	65 150	64 118
Прирост к 1997 г., %		+0,9	+1,2	— 2,0	— 3,4
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	2,8	2,6	2,2	2,2	2,2
Раздел 6. Преступления против собственности					
Всего	1 424 149	1 539 357	1 848 393	1 733 302	1 724 147
Прирост к 1997 г., %		+10,8	+29,8	+ 21,7	+ 58,1

Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	59,4	59,6	61,6	58,7	58,6

Раздел 7. В сфере экономической деятельности

Всего	61 689	85 571	117 721	150 419	165 909
Прирост к 1997 г., %		+38,7	+90,8	+160	+161
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	2,6	3,3	3,9	5,4	5,6

Раздел 8. Против интересов службы в коммерческих и иных организациях

Всего	1 336	2 826	3 761	6 122	6 766
Прирост к 1997 г., %		+111,5	+181,5	+358	в 5 раз
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	0,06	0,1	0,13	0,20	0,22

Раздел 9. Против общественной безопасности

Всего	190 690	200 840	206 994	202 822	217 371
Прирост к 1997 г., %		+5,3	+8,6	+6,4	+14
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	7,95	7,8	6,9	6,9	7,3

Раздел 10. Против здоровья населения и общественной нравственности

Всего	186 882	192 288	219 152	247 810	246 122
Прирост к 1997 г., %		+2,9	+17,3	+32,6	+31,7
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	7,8	7,5	7,3	8,4	8,3

Раздел 11. Экологические

Всего	6 971	8 628	12 413	14 818	17 128
Прирост к 1997 г., %		+23,8	+78,1	+112,6	+145,7
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	0,29	0,33	0,41	0,5	0,6

Раздел 12. Против безопасности движения и эксплуатации транспорта

Всего	50 845	56 266	58 120	57 253	59 162
Прирост к 1997 г., %		+10,7	+14,3	+12,6	+16,4
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	2,12	2,18	1,94	1,94	0,2

Раздел 13. В сфере компьютерной информации

Всего	33	67	285	800	2 072
Прирост к 1997 г., %		в 2 р.	в 8,6 р.	в 24,2 р.	в 62,4 р.
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	0,0013	0,003	0,01	0,03	0,06

Раздел 14. Против основ конституционного строя и безопасности государства

Всего	22	25	49	39	53
Прирост к 1997 г., %		+13,6	+122,7	+77,3	в 2,4 р.
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	0,0009	0,001	0,002	0,001	0,002

Раздел 15. Против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

Всего	18 068	20 057	22 908	25 272	26 463
Прирост к 1997 г., %		+ 11	+ 26,8	+39,9	+46,5
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	0,75	0,78	0,76	0,86	0,9

Раздел 16. Против правосудия

Всего	6 566	6 579	6 654	5 794	5 801
Прирост к 1997 г., %		+0,2	+1,3	—11,8	— 11,7
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	0,27	0,25	0,22	0,20	0,21

Раздел 17. Против порядка управления

Всего	85 706	92 974	99 468	96 664	95 310
Прирост к 1997 г., %		+8,5	+16,1	+12,8	+ 11,2
Уд. вес в общем числе зарегистрир., %	3,6	3,6	3,3	2,4	2,3

Раздел 18. Против мира и безопасности человечества

Всего	0	0	0	0	1

12 Зак. 3144

Можно сказать, что изменялись скорее формы преступных посягательств и конкретизированные объекты, чем в целом такие укрупненные объекты, как: а) человек, его жизнь, здоровье, права, свободы, законные интересы; б) государственные и общественные интересы; в) интересы коммерческих и других негосударственных организаций.

Снижались число или удельный вес зарегистрированных традиционных общеуголовных преступлений, но возрастало число преступлений против конституционных прав и свобод гражданина. Что касается государственных и общественных интересов, то снижение также коснулось в прошлом традиционно распространенных деяний (против общественной безопасности, против безопасности движения и эксплуатации транспорта, против порядка управления и др.), но возрастало число преступлений в сфере компьютерной информации, в сфере экономической деятельности, экологических, против основ конституционного строя и безопасности государства; против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Возникает вопрос: кто же все-таки больше страдает от преступлений: человек или общественные, государственные интересы, интересы коммерческих или иных негосударственных организаций, частный или публичный интерес?

Надо признать, что действующая система уголовной статистики на него не позволяет дать исчерпывающий ответ. Хотя бы уже потому, что она не разграничивает кражи имущества граждан и имущества государственных или иных организаций. На данный вопрос легче было давать ответ до 1994 г., когда разграничивались разные хищения, но и тогда выделение, например, группы преступлений против человека, как уже отмечалось, было связано с очень большими трудностями. Ясно одно: в условиях роста преступности все менее защищенными оказывались и интересы личности, и государственные, общественные, муниципальные интересы.

При этом преступники шли «в ногу с прогрессом» и опережали создание криминологической защиты новых социальных объектов. Удвоился в 1997-2000 гг. суммарный удельный вес преступлений экологических, в сфере компьютерной информации, а также против основ конституционного строя и безопасности государства (с 0,211 % до 0,422 %). И хотя удельный вес данных преступлений составляет всего доли процента, во-первых, речь идет об устойчивой в 1997-1999 гг. тенденции, быстром нарастании темпов прироста; во-вторых, многие преступления других глав УК РФ затрагивают широкий публичный интерес. Был выделен массив преступлений, свя-

занных с государством, формированием и деятельностью его органов, его атрибутикой[1]. Прирост числа зарегистрированных преступлений данного массива составил в 1997-1999 гг. + 59,5 % (14 395; 18 614; 22 962) , а выявленных лиц, совершивших эти преступления + 63,5 % (12 601; 16 782; 20 600)[2]. В-третьих, высока латентность таких преступлений. Например, удельный вес преступлений в сфере компьютерной информации составлял всего 0,001-0,003 % в общем числе зарегистрированных, но из опрошенных сотрудников правоохранительных органов часто встречались с такими преступлениями 0,5 %, время от времени – 9, 5 %. В-четвертых, многие преступления из данного массива характеризовались высокой общественной опасностью и трудно предсказуемыми последствиями[3].

История показывает, что периоды, в которые объектами посягательств все больше становятся конституционный строй, установленный правопорядок, способны сменяться периодами социальных катаклизмов. Если, разумеется, своевременно не выявлять изменения социальной направленности преступности, изучать процессы их причинности, детерминации и эффективно не реагировать на все это.

---

[1] Данный массив включает следующие преступления: воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий – ст. 141, фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов – ст. 142, регистрация незаконных сделок с землей – ст. 170, злоупотребление должностными полномочиями - ст. 285, превышение должностных полномочий – ст. 286, государственная измена – ст. 275, шпионаж – ст. 276, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля - ст. 277, насильственный захват власти или насильственное удержание власти – ст. 278, вооруженный мятеж – ст. 279, публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя России – ст. 280, разглашение государственной тайны – ст. 283, отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию РФ или Счетной палате РФ – ст. 287, воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования – ст. 294, посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование – ст. 295, угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования – ст. 296, неуважение к суду – ст. 297, служебный подлог – ст. 292, незаконное освобождение от уголовной ответственности – ст. 300, неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта – ст. 315, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа – ст. 317, применение насилия в отношении представителя власти – ст. 318, оскорбление представителя власти – ст. 319, незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации – ст. 322, рротивоправное изменение Государственной границы Российской Федерации – ст. 323, кклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы – ст. 328, надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации – ст. 329, самоуправство – ст. 330.

[2] Удельный вес преступлений такого массива в общем числе зарегистрированных возрос с 0,6 % до 0,8 % по фактам преступлений и с 0,8 % до 1,2 % – по лицам.

[3] За два последних года XX века увеличилось с 13 до 47 число фактов воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий, с 2 до 11 – публичных призывов к изменению конституционного строя России, с 33 до 47 —воспрепятствования осуществлению правосудия или производству предварительного расследования, с 4 796 до 7 910— фактов самоуправства.

§ 3. Социально-групповая распространенность преступности

Изучение социально-групповой распространенности преступности позволяет ответить на ряд вопросов, в том числе: 1) какие социальные группы вносят «вклад» в преступность? 2) в чем заключается этот «вклад», какие преступления совершаются представителями разных социальных групп, какие социальные проблемы решаются путем совершения ими преступлений? 3) насколько криминализированы разные социальные группы населения, какая часть представителей таких групп совершает преступления?

Как отмечается в литературе, социальная группа — связующий элемент в системе «общество—группа—личность», через нее индивид включается в общество. Социальная группа определяется в литературе и как «объединение людей, основанное на общем участии их в определенной деятельности, на общности их целей, занятий и т.п.»[1], и как относительно автономная совокупность людей, «имеющих общие интересы, ценности, нормы поведения, складывающиеся в рамках исторически определенного общества»[2].

Выделяются так называемые: 1) статистические или «условные» — группы (рабочие, служащие и т.п.), где связи членов таких групп опосредованы общим характером их деятельности, норм поведения и т.п., 2) реальные, то есть группы лиц, непосредственно взаимосвязанных друг с другом.

При этом криминолог обязан учитывать в соответствии с решаемыми им задачами принадлежность человека к разным социальным группам: социально-демографическим, социально-экономическим, социально-культурным, социально-политическим, религиозным и т.п., а также его включенность в реальные социальные группы (семья, досуговая группировка, коллектив по месту работы и т.п.)

Принадлежность к социальной группе — это определенные социальные позиции лица, соответствующей им набор социальных ролей, ожиданий, социально-ролевое поведение, стандарты деятельности в ситуациях, характерных для данных групп и многое другое. Как отмечает Геран Терборн, «предпочтения людей различаются постольку, поскольку они принадлежат к разным культурам, из которых они усвоили различные жизненные *цели* и желания, конкретные *нормы* правильного поведения, особые способы выражения *эмоций* и владения ими; каждая из этих переменных по-своему важна... культуры всегда погружены одна в другую (иногда в очень

---

[1] Краткий словарь по философии. М.,1966. С. 53. См. также: Социальные группы и их деятельность. Уфа, 1980. Социология перестройки. М., 1990.
[2] *Лапин Н.Н.* БСЭ. Т. 7. М., 1972. С. 411.

сложных конфигурациях), в роли, ролевые комплексы, ролевые структуры, в подгруппы, этносы или «общества», «цивилизации» и/или во что-то иное»[1].

В.П. Мурашов, наряду с распространенными социально-демографическими и социально-экономическими классификациями социальных групп, использовал специфически криминологическую. Были выделены: а) группа лиц, традиционно относимых к деклассированным элементам; б) группа лиц, нелегально обладающих частной собственностью. «Первая группа объединяет лиц, не занятых систематически никакой целенаправленной экономической деятельностью: лица, постоянно ведущие паразитический образ жизни; бродяги, не имеющие определенного места жительства (категория лиц БОМЖ) и прочие лица, промышляющие эпизодическими мелкими заработками или корыстными правонарушениями (в том числе и преступными). Вторая группа объединяет лиц систематически, профессионально занятых криминальной экономической деятельностью»[2].

К группе лиц, «нелегально обладающих частной собственностью», можно относить и экономических и общеуголовных (нередко профессиональных) преступников, и тех, кто совершает коррупционные преступления.

Итак, криминологи учитывают разграничение социальных групп на формальные и неформальные. Можно сказать иначе: официальные и неофициальные. Первые выделяются на основании официально признаваемых обществом критериев, не носящих противоправного характера. Вторые — на основе неофициальных критериев, в том числе связанных с преступной или иной противоправной деятельностью.

В дискуссиях возникал вопрос, не слишком ли мало таких людей и не слишком ли они разрознены, чтобы говорить о социальных группах? Но, во-первых, их не так уж и мало. Например, в 2000 году было выявлено около 1 млн. лиц, совершивших преступления и не имевших постоянного легального источника дохода (954 182 чел.). Во-вторых, можно говорить об «условной» группе, подобно группе рабочих или служащих, которые реально не находятся в контакте друг с другом.

Преступная и иная антиобщественная деятельность — это весьма специфические разновидности социальной деятельности людей.

---

[1] *Терборн Геран.* Принадлежность к культуре,местоположение в структуре и человеческое действие: объяснение в социологии и социальной науке// Теория общества. М., 1999. С. 83-86.

[2] *Мурашов В.П.* Криминологическая характеристика отдельных социальных групп. Дис. канд. юр. наук. М., 1990. С. 10.

Они способны объединять их субъектов точно так же, как объединяет людей научная деятельность, творческая, производственная и иная. Возникает общность интересов, схожесть образа жизни и многое другое общее. Поэтому криминологи, наряду с общими социальными критериями, использовали специфические, вычленяя группы лиц, живущих на криминальные или иные теневые доходы, проституцией, за счет попрошайничества, отбывающих наказание[1], без определенного источника дохода. Выделяется также слой деморализованных лиц, среди которых — злоупотребляющие алкоголем, наркотиками и не пренебрегающие никакими «доходами» (собирание пустых бутылок, металлолома, азартные игры, мелкие кражи и т.п.).

Выделение таких групп в конце девяностых годов в России приобретало особую актуальность, так как среди выявлявшихся преступников нарастал удельный вес лиц без постоянного источника дохода, совершавших преступления в состоянии наркотического, токсического опьянения (табл. 66).

Таблица 66

Динамика числа и удельного веса отдельных категорий выявленных преступников в их общем числе в России в 1995- 2001 гг.

Категории выявленных преступников:	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Без постоянного источника дохода	720 889 *45,2 %*	777 883 48,1 %	719 005 *52,4 %*	797 869 *53,9 %*	954 015 *55,6 %*	954 182 *54,8 %*	905 889 *55,1 %*
в том числе безработные	73 165 *4,6 %*	76 278 4,7 %	78 047 *5,7 %*	81 424 *5,5 %*	93 724 *5,5 %*	91 442 *5,3 %*	85 828 *5,2 %*
Без определенного места жительства	34 357. *2,2 %*	33 044 *2, 0 %*	29 763 *2,2 %*	29 631 *2,1 %*	31 434 *1,8 %*	28 314 *1,6 %*	26 420 *1,6 %*
Ранее совершали преступления	351 661 *22, 0 %*	367 780 *22,7 %*	397 026 *28,9 %*	413 319 *27,9 %*	464 301 *27,0 %*	441 772 *25,4 %*	429 421 *26,1 %*
Соверш. преступление в сост. алкогольн. опьянения	622 632 *39,0 %*	588 342 *36,4 %*	463 502 *33,8 %*	437 881 *29,6 %*	442 107 *25,8 %*	402 666 *23,1 %*	372 199 22,6 %
Соверш. преступл. в сост. наркотич. и токсич. Опьянения	6 314 *0,4 %*	7 260 *0,4 %*	10 791 *0,8 %*	12 487 *0,8 %*	14 928 *0,9 %*	15 509 *0,9 %*	12 670 *0,8 %*

В 1997—2001 годах более половины выявлявшихся преступников не имели легального постоянного источника дохода, но надо учитывать, что речь идет только о *выявленных*, а не обо всех преступниках.

Среди выявлявшихся преступников без определенного источника дохода обнаруживались не только деморализованные лица, совершавшие общеуголовные преступления. Гораздо больше было тех, кто имел значительные и постоянные доходы от организованной

[1] О.В. Старков выделяет «пенитенциарную криминологию».

криминальной деятельности: незаконного оборота оружия, наркотиков, совершения иных преступлений в сфере криминального рынка, экономической преступности, браконьерства и т.п. Опросы осужденных также показывали, что многие из них имели постоянный источник дохода в «сером» секторе теневой экономики.

Ранее уже отмечалось, что чаще всего от уголовной ответственности уходят «беловоротничковые», «респектабельные» преступники. Уголовная статистика в качестве лиц без постоянного источника дохода учитывала и лиц, не имеющих юридически, легально постоянного источника дохода. Опрос осужденных, отбывающих лишение свободы, показал, что из них примерно каждый шестой работал без юридического оформления в негосударственных структурах, часть занималась предпринимательством без юридического оформления.

Специфические криминологические характеристики социально-групповой принадлежности преступников не только не исключают, но предполагают изучение того, представителями каких социальных групп, выделяемых по общим социальным критериям, они являются.

Исследованиями установлено, что структура мужской преступности отличается от структуры преступности женщин, для несовершеннолетних и молодых людей в возрасте до 24 лет характерно преобладающее совершение общеуголовных преступлений, а среди преступников 30 лет и старше возрастает удельный вес фактических субъектов экономических, должностных и иных «беловоротничковых» преступлений (табл. 67).

Для выходцев из разных социальных групп характерна разная структура преступного поведения. Почти 60 % выявленных преступников из числа рабочих и 80 % из числа крестьян совершали общеуголовные преступления против жизни, здоровья и собственности.

В то же время более половины выявленных предпринимателей-преступников нарушали уголовно-правовой запрет в сфере экономической деятельности и против порядка управления, а указанные выше общеуголовные деяния встречались лишь у 25 % таких предпринимателей.

У студентов по сравнению с другими учащимися значительно ниже удельный вес преступлений против собственности, но выше — против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, порядка управления (табл. 68).

Таблица 67

Социальная структура контингента выявленных лиц, совершивших преступления в 2000 году в России (абсолютное число и удельный вес в общем числе выявленных преступников по данным уголовной статистики)

Пол	Мужчины		Женщины	
	1 457 371 (83,7 %)		284 068 (16,3 %)	
Возраст	*14-17 лет*	*18-29 лет*	*30-49 лет*	*50 лет и старше*
	177 851 (10,2 %)	754 682 (43,4 %)	675 979 (38,8 %)	132 927 (7,6 %)
Миграция	Местные жители		Приезжие (все)	
	1 601 103 (91,95 %)		140 336 (8,05 %)	
Гражданство	Граждане Российской Федерации		Граждане стран-участниц СНГ	Иные иностранные граждане и лица без гражданства
	1 681 353 (98,4 %)		31 674 (1,4 %)	3 446 (0,2 %)

Образование			
Среднее общее и среднее основное	Среднее профессиональное	Высшее профессиональное	Иное
1 182 093 (67,9 %)	310 547 (17,8 %)	85 332 (4,9 %)	163 467 (9,4 %)

Род занятий, источник постоянного дохода								
Без постоянного источника дохода, (в. ч. Официально зарегистрированные безработные)	Рабочие	Служащие	Работник исельского хозяйства	Работники органов государств. управления	Работники кредитно-фин. и банковск. систем	Предпринимателт без образования юридич. лица	Учащиеся	Студенты
954 182 (85 828) *54,8 %*	450 923 *25,9 %*	64 763 *3,7 %*	30 430 *1,7 %*	1 001 *0,06 %*	3 516 *0,2 %*	31 796 *1,8 %*	100 597 *5,8 %*	19 900 *1,14 %*

Таблица 68

Структура преступлений, совершенных выявленными лицами в России в 2000 году

Виды преступлений:	Против жизни и здоровья	Против собственности	В сфере экономической деятельности	Против обществен-ной безопасности	Против здоровья населения и обществ. нравствен.	Против порядка управления
Рабочие	65 694 (14,6 %)	189 497 (42,0 %)	71 596 (15,9 %)	45 681 (10,1 %)	27 951 (6,2 %)	15 717 (3,5 %)
Служащие	6 324 (9,8 %)	16 862 (26,0 %)	15 424 (23,8 %)	4 683 (7,2 %)	2 928 (4,5 %)	4 152 (6,4 %)
Работники сельского хозяйства	3 699 (12,1 %)	20 877 (68,6 %)	492 (1,6 %)	2 878 (9,5 %)	521 (1,7 %)	333 (1,1 %)
Работники органов государственного управления	65 (6,5 %)	206 (20,6 %)	389 (38,9 %)	48 (4,8 %)	24 (2,4 %)	33 (3,3 %)
Предприниматели без образования юридич. лица	2 887 (9,1 %)	5 255 (16,5 %)	14 765 (46,4 %)	2 288 (7,2 %)	1 367 (4,3 %)	1 986 (6,2 %)
Учащиеся	6 075 (6,0 %)	73 088 (72,7 %)	683 (0,7 %)	11 841 (11,8 %)	5 697 (5,7 %)	786 (0,8 %)
Студенты	1 663 (8,4 %)	8 912 (44,8 %)	248 (1,2 %)	3 053 (15,3 %)	3 870 (19,4 %)	811 (4,1 %)
Без постоянного источника дохода	120 042 (12,5 %)	528 613 (55,4 %)	14 063 (1,5 %)	77 175 (8,1 %)	117 653 (12,3 %)	23 330 (2,4 %)

По данным исследований В.П. Мурашова, удельный вес корыстных преступлений в 1971-1989 годах в СССР колебался в пределах 28—12 % преступлений рабочих и колхозников; 2—7,6 % — служащим, интеллигенции; удельный вес корыстных преступлений у выходцев из этих социальных групп соответственно составлял 36-45 % и 44—55 %, неосторожных — 8-13 % и 4-9 %[1].

Криминологические исследования указывали на устойчивое соотношение коэффициентов преступности рабочих и колхозников, служащих и интеллигенции в 1975—1985 годах в союзных республиках СССР[2].

Устойчивый характер носит также структура преступности лиц разного возраста. С увеличением возраста последовательно снижается удельный вес преступлений против собственности (преимущественно общеуголовного характера) и нарастают доли веса преступлений в сфере экономической деятельности и против порядка управления.

Таблица 69

Соотношение разных видов преступлений выявленных преступников разного возраста в России в 2000 году

Виды преступлений:	Против жизни и здоровья	Против собственности	В сфере экономической деятельности	Против общественной безопасности	Против здоровья населения и общественной нравствен.	Против порядка управления
14-17 лет	10 284 (5,8 %)	135 678 (76,5 %)	1 199 (0,7 %)	16 869 (9,5 %)	9 109 (5,1 %)	973 (0,5 %)
18-24 года	38 514 (8,3 %)	261 772 (56,3 %)	21 267 (4,6 %)	44 890 (9,6 %)	68 377 (14,7 %)	9 641 (2,1 %)
25-29 лет	32 781 (11,3 %)	142 146 (49,1 %)	20 113 (7,0 %)	25 318 (8,8 %)	39 392 (13,6 %)	7 541 (2,6 %)
30-49 лет	112 474 (16,5 %)	289 106 (42,3 %)	67 693 (9,9 %)	57 786 (8,5 %)	44 078 (6,5 %)	25 266 (3,7 %)
50 лет и старше	31 117 (23,4 %)	50 615 (38,1 %)	14 819 (11,1 %)	13 441 (10,1 %)	5 330 (4,0 %)	7 107 (5,3 %)

В девяностых годах в преступную деятельность наиболее интенсивно втягивались женщины и молодые люди в возрасте 18—29 лет (их удельный вес в общем числе выявленных преступников возрос (табл. 80). В то же время самую большую долю выявленных преступников продолжали составлять мужчины и лица старше 30 лет.

На преступность оказывали влияние миграционные процессы[3]. В частности во второй половине девяностых годов в России был от-

---

[1] *Мурашов В.П.* Криминологическая характеристика отдельных социальных групп. Дис. канд. юр. наук. М., 1990. С. 322.

[2] Там же. С. 321.

[3] Так, число выявленных преступников, не являвшихся местными жителями, в 1993-1995 гг. увеличилось в 1,4 раза, а их удельный вес в общем числе выявленных преступников за этот пе-

мечен рост числа преступников – мигрантов из числа иностранцев и лиц без гражданства.

Таблица 70

Динамика преступности лиц разного пола и возраста в России в 1995—2000 годах (абсолютное число выявленных преступников и их удельный вес в общем числе всех выявленных лиц, совершивших преступления, %)

Категории выявленных преступников	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Лица, совершившие преступления, разного пола						
Мужчины	1 357 662 (85,1 %)	1 361 117 (84,1 %)	1 186 061 (86,4 %)	1 263 279 (85,3 %)	1 456 005 (84,8 %)	1 457 371 (83,7 %)
Женщины	237 839 (14,9 %)	257 277 (15,9 %)	186 100 (13,6 %)	218 224 (14,7 %)	260 674 (15,2 %)	284 068 (16,3 %)
Лица, совершившие преступления, разного возраста						
14-17 лет	208 096 (13,0 %)	192 199 (11,9 %)	161 978 (11,8 %)	164 787 (11,1 %)	183 447 (10,7 %)	177 851 (10,2 %)
18-29 лет	595 760 (37,3 %)	611 756 (37,8 %)	564 308 (41,1 %)	623 568 (42,1 %)	742 646 (43,3 %)	754 682 (43,4 %)
30 лет и старше	791 645 (49,7 %)	813 858 (50,3 %)	645 875 (47,1 %)	693 148 (46,8 %)	790 586 (46,0 %)	808 906 (46,4 %)

Общий удельный вес иностранцев (иностранных граждан, подданных и лиц без гражданства) возрос с 1,9 % в 1997 г. до 2,1 % в 1999 г., но затем несколько снизился. В то же время в течение длительного времени стабильно абсолютное число зарегистрированных преступлений иностранцев в отношении граждан России в несколько раз превышало число зарегистрированных преступлений граждан России против иностранцев[1]. В 2000 году иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 35 120 преступлений, а в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства — 7 233, в 2002 г. эти данные составили соответственно 35 712 и 9 475 преступлений.

По данным И.В. Щеблыкиной, количество граждан, въехавших в Россию, значительно превышало число выехавших. С 1991 по 2000 год количество задержанных на границе незаконных мигрантов возросло почти в 30 раз. В 42 из 89 субъектах Российской Федерации было отмечено появление иммигрантов из дальнего зарубежья. В их число, помимо граждан приграничных государств, входили представители 33 стран, с которыми Россия не имеет общей грани-

---

риод возрос с 7,4 % до 8,1 %. Затем, особенно в 1999 году, темпы роста числа преступников местных жителей являлись опережающими. В результате этого удельный вес мигрантов в общем числе преступников снизился к 1999 году до 6,7 %. Снизился и удельный вес лиц без определенного места жительства (с 2,2 % в 1997 г. до 1,8 % в 1999 г.).

[1] См. : Состояние законности в Российской Федерации (1998-1999 годы). М., 2000; Состояние законности в Российской Федерации (2000-2001 годы). М., 2002.

цы. По различным оценкам, на территории РФ незаконно находились на рубеже веков от 1,5 до 3 млн. человек[1].

Исследователи прямо связывали незаконную миграцию с деятельностью организованной преступности и отмечали, что незаконная миграция иностранных граждан приобрела угрожающий национальной безопасности характер. На ее основе выстроили свой бизнес организованные преступные структуры. Многие мигранты вынуждены были платить таким структурам до 5 000 долларов США с человека. Для накопления необходимой суммы, большинство беженцев занимаются преступной и иной противоправной деятельностью.

Из общего числа зарегистрированных преступлений граждан России в 2000 годах 0,07 % (2128) были совершены на территории стран СНГ и Прибалтики. В то же время гражданами стран СНГ и Прибалтики на территории России в 2000 году было совершено примерно в полтора раза больше преступлений (табл. 71).

Таблица 71

Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства и в отношении них, а также граждан России в странах СНГ и Прибалтики в 1999—2000 годах

Преступления, по которым материалы, протоколы и уголовные дела направлены в суд либо разрешены в отчетном периоде, совершены:	1999 год		2000 год		
	Абс. число	Уд. вес в общем числе соответствующих преступлений, %	Абс. число	Уд. вес в общем числе соответствующих преступлений, %	Прирост к 1999 г., %
иностранными гражданами и лицами без гражданства	32 286	1,5	35 120	1,6	+8,8
в т. ч.: гражданами стран СНГ	28 698	1,3	31 674	1,4	+10,4
гражданами стран Прибалтики	307	0,2	349	0,2	+13,6
гражданами России, проживающими на территории стран СНГ и Прибалтики	1582	-	2 128	-	+34,5
Зарегистрировано преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства	8 047	0,3	7 233	0,2	—10,2

В 2000-2001 гг. удельный вес приезжих преступников, совершивших особо тяжкие и тяжкие преступления, превысил 50 %.

При анализе приведенных данных о социально-групповой характеристике преступности важно учитывать многие обстоятельства. В

[1]См.: *Щеблыкина И.В.* Проявления организованной преступности на Государственной границе Российской Федерации// Преступность в России. М., 2000. *Евланова О.А.* Взаимосвязь миграционных процессов и организованной преступности в России// Организованная преступность, миграция, политика. М., 2002.

частности, касающиеся изменения форм криминального поведения и связанные с этим изменения степени латентности преступности. Например, М.В. Королева отмечала в 1999 году следующее: «*Изменялись формы преступной деятельности лиц разного возраста.* Наблюдалось снижение удельного веса *несовершеннолетних* практически во всех категориях преступников, совершающих преступления, которые были для них характерны: удельный вес несовершеннолетних среди грабителей сократился с 24,4 % до 21,9 %, а среди лиц, совершающих разбойные нападения с 16,6 % до 14,7 %. Но заметно возрос удельный вес несовершеннолетних в числе выявленных мошенников (с 1,9 % до 3 %), вымогателей (с 21,8 % до 24,3 %), участников банд (с 1,7 % до 2,4 %) и т.д. *Лица в возрасте 18-29 лет* не только стали чаще совершать традиционные общеуголовные преступления (удельный вес таких лиц в числе убийц вырос с 35,3 % до 38,3 %, в числе лиц, умышленно причинивших тяжкий вред здоровью, – с 33,5 % до 35,7 %, совершивших разбои – с 61,1 % до 63,8 %), но их удельный вес также вырос с 49,2 % до 51,5 % в числе изготовителей поддельных денег и ценных бумаг, с 37,8 % до 39,1 % – среди лиц, занимающихся обманом потребителей. В 1999 г. две трети участников банд, субъектов преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков – это лица молодого возраста, они же составляли более половины тех, кто похищал людей (57,3 %).»[1].

Изменение форм преступного поведения несовершеннолетних и молодых людей происходило в сторону более латентных, труднее поддающихся раскрытию преступлений, чем традиционные общеуголовные. Соответственно можно предположить, что некоторое снижение удельного веса несовершеннолетних среди всех выявленных преступников могло означать не снижение их криминальной активности, а рост латентности совершаемых ими преступлений в связи с появлением не традиционных для них.

В.А. Серебрякова пишет о следующих изменениях преступности женщин в девяностых годах XX века: «*1) Повышение уровня их криминальной активности в сфере экономики.* Рост в 1997—1999 гг. в 2,5 раза числа женщин, совершивших такие преступления привел к увеличению их удельного веса в общем числе таких преступников с 59,5 % в 1997 г. до 68,2 % в 1999 г. Особенно заметным был рост числа женщин, совершавших преступления, связанные с незаконным предпринимательством (с 342 до 766 т.е. в 2,3 раза); изготовлением и сбытом поддельных денег и ценных бумаг (с 187 до 348, т.е. на 86,1 %), обманом потребителей (в 2,6 раза)...2) *Активное вовле-*

---

[1] См.: Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001. С. 29.

чение женщин в тяжкую и особо тяжкую, наиболее общественно опасную преступность с высоким уровнем организованности и профессионализма в 1997-1999 гг.: а) общее число преступниц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, выросло на 32,3 %, в том числе, например, в числе убийц с 2 968 до 3 267 (на 10 %); б) корыстная направленность женской преступности все чаще приобретала насильственные формы... с 30 до 57 выросло число женщин, участвовавших в похищении людей; на 71,5 % выросло их количество среди тех, чей криминальный бизнес связан с распространением оружия, а в распространение наркотиков они вовлекаются даже активнее мужчин, о чем свидетельствует и прирост числа таких преступниц (с 1997 по 1999 года) на 74,6 % и увеличение их удельного веса в общем числе преступников с 11,1 % до 14,5 %... произошел заметный рост числа лиц женского пола, совершивших преступления в группе (с 46 200 в 1997 г. до 54 145 в 1999 г. – 17,2 %), в том числе в организованной группе (с 1420 до 1656 – на 16,6 %)»[1].

Давно, уже с XIX века, криминологи фиксировали разную прикосновенность лиц к преступности[2]. Удельный вес женщин среди выявленных преступников в среднем составляет 15 %, но это отражает непосредственное совершение ими преступлений (в соучастии или без). Однако криминологически важно иметь в виду и опосредованную, с точки зрения уголовного законе не наказуемую, прикосновенность. На стадии формирования мотивации роль женщины бывает весьма значительной, как и на стадиях принятия решения, его планирования, а затем — посткриминального поведения. В том числе следует учитывать, что результатами преступной деятельности мужчин в определенной части пользуются близкие им женщины (приобретение и ношение драгоценностей, дорогих мехов, приобретение недвижимости, автомашин и пр.). Еще Поль Лафарг писал, что если «женщина совершает меньше преступлений и проступков, то это следует приписать не ее более высокому нравственному уровню, но ее положению: ее силы слабее и сфера ее действия уже».[3] В тех регионах, где традиционно большинство женщин занято только ведением домашнего хозяйства, уровень и интенсивность преступности женщин бывают более низкими.

---

[1] Криминология. 2-изд. М., 2001. С. 775.

[2] См.: *Ферреро Г.* Женщина-преступница и проститутка, Киев, 1902; *Зеланд Н.* Женская преступность. СПБ, 1899; *Серебрякова В.А., Антонян Ю.М.* Преступность среди женщин. М.,1992..

[3] *Лафарг Поль.* Преступность по Франции с 1840 по 1886 г.г.: исследование ее причин и развития// Проблемы преступности. Киев, 1924. С. 156.

Закономерности социально-группового распределения преступности и разных их видов подлежат учету при оценке и прогнозе развития криминальной ситуации. Если оказывается, в частности, что в преступность все более активно втягиваются несовершеннолетние и молодежь, то это несомненно, прежде всего, скажется на общеуголовной преступности, если лица более старшего возраста — на преступности в сфере экономической деятельности, коррупционной, против порядка управления и т.п.

Что касается *этнической характеристики* лиц, совершающих преступления, то она нуждается в более тщательном изучении, чем это было до сих пор. Расхожая громкая фраза «преступник не имеет национальности» имеет не больше смысла чем выражения «преступник не имеет пола» или «преступник не имеет возраста, социального положения». Русский писатель Тендряков образно сказал, что «национальность — это стереотип поведения» и действительно в каждой нации и народности живут свои обычаи, традиции. При совершении преступлений люди соответствующей национальности, если они сформировались в рамках этих обычаев и традиций, демонстрируют такие варианты криминального поведения, которые им диктует контактная среда и которые особенно строго не осуждались бы близкими им лицами и не были бы чреваты изгнанием из соответствующей среды. Здесь многое зависит от того, где сформировался и живет человек: в своей этнической среде либо вне ее? В последнем случае существенно то, является ли среда его жизнедеятельности этнически однородной (хотя бы она и состоит из лиц иной национальности) либо нет.

Этнический момент опосредуется всегда характером социальной среды, реальной либо референтной, характером деятельности человека, социальными позициями и ролями, многими другими обстоятельствами.

Например, в Тувинской автономной республике нами был сделан следующий вывод: что касается национального состава выявленных лиц, совершивших преступление, то его структура близка структуре населения по национальному составу. По данным переписи 1979 г. тувинцы составляли 60 % населения, русские — 36 %, лица других национальностей — 4 %. Анализ карточек первичного учета на лиц, совершивших преступления в 1984 г., показал, что что среди выявленных преступников тувинцев — 66 %, русских — 30 %, лиц иной национальности — 4 %. Правда, это соотношение меняется в разрезе категорий лиц, совершавших разные преступления. Среди совершавших умышленные убийства с покушениями и изнасилования, доля тувинцев составляла 82 %, русских — 16 %; среди совершав-

ших кражи тувинцев в разные годы было 62-72 %, русских — 36-33 %; среди расхитителей тувинцев — 43 %, русских — 51 %. Последнее соотношение отражало в известной степени структуру лиц, которым было вверено государственное и общественное имущество, ибо речь шла о хищениях, совершенных путем присвоения, растраты, злоупотребления служебным положением.

А.М. Зюков на основе анализа криминологической характеристики преступной деятельности этнических групп во Владимирской области сделал вывод, что «этническая преступность понимается как преступность относительно устойчивых групп, преимущественно состоящих из представителей одного этноса и действующих на территории проживания другого этноса.... представителями этнических групп совершается весь спектр преступлений, предусмотренных уголовным законодательством. Однако особенно выделяются организованные преступные группы, объединенные по этническому признаку, в среде которых наблюдается четкая специализация совершаемых преступлений. Чаще всего организованными преступными группами, сформированными по этническому признаку, совершаются преступления направленные на получение большей выгоды в следующих сферах: незаконного оборота наркотических средств (цыганскими и таджикскими преступными группами), хищения крупного рогатого скота (цыганскими группами), незаконного оборота оружия, вымогательства, незаконного изготовления и сбыта поддельных денег и ценных бумаг (чеченскими группами), незаконного предпринимательства (азербайджанские группы), совершения преступлений против собственности (грузинские группы)[1]».

На преступном поведении сказываются и сформированные с детства привычки, установки, обычаи и традиции той или иной национальной среды. В частности, обычай кровной мести распространен далеко не везде. В то же время, там, где распространено пьянство, чаще совершаются насильственные преступления, ситуативные корыстные ради немедленного получения средств для приобретения спиртных напитков либо их самих.

Что касается *вероисповедания,* это — тоже криминологически значимый фактор. Хотя и он сказывается на преступном поведении во взаимодействии со многими обстоятельствами. Важно, во что верит человек и чего, по его мнению, от него требует или ожидает его «бог». Существенны не только конкретные требования, но и общие,

---

[1] Зюков А.М. Криминологическая характеристика преступной деятельности этнических групп во Владимирской области// Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002. С. 31-34.

касающиеся образа жизни, взаимоотношений с окружающими и т.п.. Криминологически значимо, например, то, что мусульмане не употребляют спиртных напитков. Следовательно, преступность на почве пьянства в регионе компактного проживания преимущественно мусульманского населения будет менее выражена. Но зато там могут быть распространены и употребление, и производство, оборот наркотиков со всеми вытекающими отсюда криминальными и криминогенными последствиями.

В последнее время все большее внимание правоохранительных органов привлекает к себе деятельность некоторых тоталитарных сект, в которых совершаются уголовно-наказуемые нарушения прав и свобод граждан[1]. В последние годы в России тоталитарные секты проникают в разные социальные группы, в том числе, и в высшие учебные заведения, ночные элитные рестораны, клубы (в первую очередь секс-клубы) и кафе, их деятельность освещается в средствах массовой информации[2].

В литературе отмечается, что сатанизм традиционно рассматривается как поклонение злу, как религия, основанная на принципах, противоположных христианству. Сатанистами совершаются: осквернение храмов и других культовых сооружений традиционных религий и конфессий; издевательства над животными, например, сдирание кожи с животного заживо и ритуальные убийства животных; растление малолетних; ритуальные убийства людей, похищения людей, в том числе и детей; изнасилования; употребление и распространение наркотиков; сексуальные оргии и принуждение к гомосексуализму; совершение террористических актов. Данный перечень не является исчерпывающим. Существуют и другие крайне агрессивные, криминальные секты[3].

Криминологически значимо также *семейное положение* (число лиц, состоящих в браке, число семей, разводов и т.п.). Для преимущественно «молодежных» поселений (новых городов в Сибири), была характерна преступность, свойственная несовершеннолетним

---

[1] См.: Безопасность и здоровье нации. М., 1996.

[2] См.: *Хвыля-Олинтер А.И.* «Южный крест» завис над Арбатом. // Рабочая трибуна, 1996. 20 августа.

[3] *Бурмистров И.А.* Криминологические аспекты деятельности религиозных сект в России // Организованная преступность, миграция политика. М., 2002. С. 105-108. Данный автор пишет, что существует жесткая иерархическая структура, строгая дисциплина и беспрекословное повиновение своему «учителю», специальная подготовка (методы шпионажа, конспирации, слежки, поведение при аресте и т.д.), высокая мобильность, крайне затрудняющая в критической ситуации задержание лиц, подозреваемых в преступной деятельности , наличие собственной службы безопасности (охрана, одновременно существование разведки и контрразведки). При этом отмечается наличие значительных финансовых средств, что дает возможность проводить любые акции и совершать преступления (Указ. соч.).

и лицам молодого возраста. В этом аспекте значима численность несовершеннолетних, в том числе проживающих в неполных семьях, только родительских семьях или в тех, которые объединяют три поколения: бабушек, дедушек, родителей и детей. В последних лучше организован контроль за поведением детей. Криминологами выделяются преступления в сфере семейно-бытовых отношений, очень сильно детерминируемыми в том криминогенными и криминальными характеристиками таких отношений.

Отсюда вывод: учетные и статистические документы о преступности должны содержать максимально полные сведения обо всех характеристиках человека, его социальных позициях, ролях, деятельности, контактной среде.

13 Зак. 3144

Глава 7. Социально-территориальная распространенность преступности в России и проблемы ее изучения

§ 1. Изучение социально-территориальной распространенности преступности

Региональные (территориальные или географические) различия преступности — факт, который постоянно привлекает внимание криминологов, являются предметом изучения многих авторов[1].

При изучении социально-территориальных различий преступности выясняется:

- какие именно регионы (в современной России — субъекты федерации) вносят наибольший и наименьший вклад в преступность,
- каковы характеристики преступности в городах, сельской местности;
- каковы характеристики преступности в городах разного типа: столичных, центрах субъектов федерации, особо крупных, крупных и т.п., курортных, портовых и т.д.

Выясняется, кроме того, одинаковы или различны там изменения характеристик преступности. Соответственно это помогает ответить на ряд криминологически значимых вопросов. В частности, если динамика преступности неблагоприятна, то везде или в отдельных регионах? Если везде, то криминолог ищет обстоятельства, действующие в стране, разных ее регионах. Если положение неблагоприятно в отдельных регионах, то исследуются общие для них и особенные обстоятельства.

Выявление и изучение закономерностей территориальных различий преступности позволяет осуществлять криминологическую классификацию регионов; на этой основе давать рекомендации по организации дифференцированной борьбы с преступностью, с учетом ее региональных особенностей, их причин и условий. Расширяются возможности глубокого проникновения в механизм детерми-

---

[1] См.: Территориальные различия преступности и их причины. М.,1988. С,11 и др.; Изменения преступности в России. М., 1994; Преступность в России в девяностых годах и некоторые аспекты законности борьбы с ней. М., 1995. С.79-90; Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности: Вып. 725. Тарту, 1985; Вып. 817. Тарту, 1988; Вып. 859. Тарту, 1989; *Габиани А.А., Гачечиладзе Р.Г.* Некоторые вопросы географии преступности. Тбилиси, 1982. Криминология. Под ред. Долговой А.И. М., 1997. Преступность и культура. М., 1999. Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000; Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью. М., 2001. *Пинкевич Т.В.* Некоторые особенности причинного комплекса преступности на Ставрополье и миграция// Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002. С.19-24 и др.

нации преступности и ее изменений, установления закономерностей порождения и функционирования преступности в разных по своим социально-экономическим, социально-культурным и иным характеристикам регионах, выделять в этих закономерностях общее и специфическое. Все это служит необходимой предпосылкой выработки стратегических мер борьбы с преступностью.

Интересы регионов, отношения между регионами подлежат такому же учету, как интересы людей, групп, коллективов, отраслей и отношения между ними. Без анализа таких особенностей нельзя объяснить многие криминальные проявления и эффективно воздействовать на преступность с ее детерминационным комплексом.

Содержание регионального фактора далеко не исчерпывается географическими особенностями того или иного региона, даже в единстве с социальными последствиями данных особенностей. Здесь криминолог встречается с одним из основных уровней совместной деятельности людей, который характеризуется общностью территории, экономической жизни, языка, социальных условий, ряда черт культуры, социальной психологии, социального контроля и т.п. Общность территории диалектически взаимосвязана со многими аспектами совместной деятельности граждан.

При изучении региональных особенностей преступности и их причин не снимается необходимость учета специфики преступности на общесоциальном и социально-групповом уровнях, а также в разрезе основных сфер общественной жизни.

Региональные различия преступности не являются стабильным фактором. Они меняются и количественно и качественно. Интенсивность (коэффициенты) преступности в России к 1985 г., т. е. к моменту перестройки различалась в регионах России в 4,5 раза, через пять лет перестройки, в 1990 г. — почти в 6 раз, через пять лет реформ, в 1995 г., — более чем в 8 раз. К концу XX века — более чем в 7 раз.

Однако различия статистических данных о преступности не отражают полно фактические региональные различия рассматриваемого явления.

§ 2. Социально-территориальные различия преступности в России в восьмидесятых годах XX века

В 1984-85 гг. Всесоюзным институтом по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности совместно с Прокуратурой РСФСР было проведено исследование причин территориальных различий преступности с выездом в семь регионов: Башкирскую АССР, Тувинскую АССР, Московскую, Ленинградскую,

Свердловскую, Курскую, Ростовскую области[1]. На первом этапе анализировались сами территориальные различия с тем, чтобы, в частности, ответить на вопрос: различия преступности — статистический либо реальный факт? Подходы и результаты данного исследования могут представить определенный интерес.

С целью выявления устойчивых различий преступности и обусловливающих их обстоятельств анализировалась преступность за 1971-84 г. в совокупности с данными об экономическом и социальном развитии регионов за три пятилетки.

Поскольку в указанном периоде неоднократно изменялось уголовное законодательство и это могло сказаться на уголовной статистике, а также учитывая, что степень вероятности совершения разных преступлений в регионах различна (связанных с использованием автомототранспорта и др.), был выделен массив сопоставимых преступлений. В этот массив вошли: а) насильственные преступления: умышленные убийства с покушениями, изнасилования с покушениями, умышленные тяжкие телесные повреждения, злостное и особо злостное хулиганство; б) общеуголовные корыстные преступления: кражи, разбои, грабежи, мошенничество; в) хозяйственно-корыстные преступления: хищения путем присвоения растраты, злоупотребления служебным положением, взяточничество, обман покупателей, спекуляция.

В процессе изучения использовались в совокупности следующие методы: 1 – статистический анализ данных о преступности, иных правонарушениях, алкоголизме, наркомании, социально-экономиких, социально-культурных, социально-демографических, иных характеристиках регионов, о деятельности правоохранительных, контролирующих и других органов; 2 – изучение документов: более 800 уголовных дел, более 5.000 наблюдательных производств; более 200 материалов о нарушениях законов, поступавших из контролирующих органов (КНК, КРУ, Стройбанка, Госбанка, торгинспекции), материалы об экономических, социальных, культурны социально-психологических характеристиках регионов, имевшиеся в партийных, советских, профсоюзных органах, отдельных ведомствах; материалы областных бюро судебно-медицинской экспертизы; 3 – анкетирование более 2.500 человек в шести регионах (кроме Ленинградской области): в каждом регионе опрашивалось по 100 и более представителей каждой из следующих социальных групп: работников промышленных предприятий; рабочих совхозов и колхозников;

---

[1] См.: Территориальные различия преступности и их причины. М.,1988. С.11 и др.; Изменения преступности в России. М., 1994; Преступность в России в девяностых годах и некоторые аспекты законности борьбы с ней. М., 1995.

работников торговли, общественного питания; 4 – интервьюирование сотрудников правоохранительных и иных государственных органов, профсоюзных работников, руководителей предприятий, представителей общественности; 5 – встречи с представителями 33 крупных трудовых коллективов промышленных предприятий, совхозов, колхозов («Уралмаша», объединения «Фосфорит», Невьянского механического завода, завода «Рубин» и других) что фактически представляло собой «коллективное интервьюирование»; 6 – наблюдение в семи регионах за практикой работы государственных органов, некоторых общественных организаций по охране правопорядка.

Изучение показало следующее:

1. Территориальные различия преступности являются реальностью и носят в основном стабильный характер. Они – закономерное следствие различий комплекса экономических, социальных, социально-психологических характеристик регионов во взаимосвязи с особенностями просчетов в организованно-управленческой деятельности, включая практику борьбы с преступности.

2. Общие зарегистрированные данные о преступности отражают преимущественно распространенность общеуголовной преступности. За низкими общими коэффициентами преступности в ряде регионов скрывается высокая латентность экономической преступности, в последние годы — экологической, государственной..

3. Территориальные различия существовали в рамках ряда общих характеристик и тенденций преступности в стране (в частности, ее увеличения, преобладания корыстной преступности и т.п.), что указывает на существенную зависимость ряда неблагоприятных показателей преступности и их изменений не столько от региональных особенностей, сколько от общих для страны явлений и процессов;

4. Статистические различия преступности в изученных регионах отличались от фактических в силу неодинаковой латентности преступности в разных регионах: более высокой ее латентности в Тувинской АССР, Ростовской области, Башкирской АССР и — по ряду показателей в Курской области, а также, судя по имевшимся данным, наиболее низкой латентности общеуголовной корыстной преступности в Ленинградской области в 1983-1984 годах;

5. Территориальные различия отчасти обуславливаются различиями в структуре преступности, а поэтому, в частности, необходимо разграничение общеуголовной и хозяйственно-корыстной преступности: высокая интенсивность преступности в Свердловской и Ленинградской областях определяется высокой интенсивностью общеуголовной преступности, в то же время высокая интенсивность

хозяйственно-корыстной преступности в Ростовской области и ряде других регионах нивелировалась более низкими показателями общеуголовной преступности.

Общее в преступности изученных регионов

1. В 1971-84 гг. везде возрастал уровень преступности: увеличивалось число зарегистрированных преступлений и количество выявленных преступников.

2. Происходило увеличение интенсивности преступности; темпы ее роста опережали темпы роста населения в возрасте уголовной ответственности, в результате чего повышались коэффициенты преступности как по фактам (Кф), так и по лицам (Кл), рассчитанные на 10 тыс. населения в возрасте 14 лет.

3. В то же время *во всех изученных регионах установлена значительная латентность преступности,* особенно преступлений, не являющихся тяжкими, а также против экономических интересов государства и общества[1]. Именно с высокой латентностью указанных преступлений связано во всех регионах изменение структуры преступности, когда, во-первых, в 1983-84 г.г. по сравнению с 1971-82 г.г. уменьшился удельный вес преступлений против общественных и государственных интересов, в том числе экономических, и возрос удельный вес преступлений против личности и ее интересов; во-вторых, в шести изученных регионах (кроме Тувинской АССР) снизился удельный вес преступлений, являющихся тяжкими при увеличении коэффициентов тяжкой преступности.

4. Улучшение регистрации преступности в 1983-84 г.г. коснулось прежде всего преступлений, не являющихся тяжкими, и в значительной мере преступлений против личности и ее интересов, особенно корыстных. В общем приросте числа преступлений в 1983 г. по сравнению с 1980 г. удельный вес преступлений против экономических интересов личности составил 41-49 %, а против экономических интересов государства и общества – 16-25 %, в то же время в семидесятых годах в структуре преступности наоборот в 1,5-2 раза преобладала доля последних преступлений над долей преступлений против экономических интересов личности. Суммарный процент возбуждения уголовных дел и отказов в возбуждении по не реабилитирующим основаниям во всех регионах, кроме Курской области, по заявлениям граждан о кражах личного имущества был выше, чем по материалам контролирующих органов о преступлениях против

---

[1] К числу преступлений против интересов государства и общества включались те, выделенные в уголовной статистики, которые предусматривались главами 2, 6, 7, 8, 9, 10 УК РСФСР, а среди них выделялись те, которые причиняли вред экономическим интересам государства и общества.

государственных и общественных экономических интересов. Например, в Ростовской области такие решения по заявлениям граждан о кражах их имущества составляли 61 %, а по материалам контролирующих органов – 30 %, в Московской области соответственно 66 % и 21 %, в Тувинской АССР – 84 % и 35 %[1].

5. Везде отмечалось значительное преобладание (в 1,5-2 раза) удельного веса корыстной преступности над насильственной.

6. Везде определяющей общие характеристики преступности была общеуголовная преступность: удельный вес преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска, в 3,5-10 раз превышал удельный вес преступлений, регистрируемый по линии БХСС. Везде коэффициенты общеуголовной корыстной преступности значительно превышали коэффициенты хозяйственно-корыстной (в 4-11 раз).

7. Везде коэффициенты преступности мужчин были выше, чем у женщин в 5-11 раз.

8. Во всех регионах увеличивалась интенсивность преступности среди тех контингентов населения, которые ранее выглядели благоприятно в криминологическом отношении: женщин, лиц с высшим и средним специальным образованием, учащихся, членов ВЛКСМ.

9. Наиболее высокий прирост зарегистрированной преступности имел место в 1983 г.[2], однако статистика зафиксировала не реальный скачек преступности, а существенное улучшение в 1983 г. практики ее выявления и регистрации. Прирост произошел в основном за счет преступлений, характеризовавшихся высокой латентностью (краж, грабежей, угонов автотранспорта и т.п.). В уголовной статистике не наблюдалось скачка тяжкой, (менее латентной), преступности. Одновременно улучшилась регистрация нераскрытых преступлений, что повлекло, во-первых, увеличение по сравнению с предыдущим периодом удельного веса преступлений, дела о которых были приостановлены в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых; во-вторых, особенно резкое рассогласование темпов роста числа фактов преступлений и количества выявленных преступников.

10. Уголовная статистика отражала везде фактическое увеличение преступности, однако реально увеличение носило более плавный характер, чем это усматривается из анализа статистики. Об изложенном свидетельствовали особенности нарастания: уровня и интенсивности массива сопоставимых преступлений, на динамику которых не влияли изменения законодательства: криминализация од-

---

[1] Это подтверждал и анализ практики назначения наказаний.

[2] В конце 1983 г. резко активизировалось деятельность МВД СССР по выявлению, учету и регистрации преступлений.

них деяний и декриминализация других; уровня и интенсивности тяжкой преступности, характеризовавшейся повсеместным и постепенным увеличением; сумм недостач, хищений, убытков от бесхозяйственности, выявлявшихся органами народного контроля, количества должностных лиц, привлекавшихся к разным видам ответственности, числа материалов, направлявшихся в органы прокуратуры; сумм ущерба по уголовным делам; числа лиц, получивших телесные повреждения разной степени тяжести и освидетельствованных судебно-медицинскими экспертами.

Территориальные различия преступности по данным уголовной статистики

1. Значительно и устойчиво различалась интенсивность преступности: коэффициенты по лицам и фактам, рассчитанные на 10 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше.

В 1971-84 гг. сохранялась в основном одна и та же иерархия регионов по коэффициентам: самое высокое место занимала Тувинская АССР, самое низкое – Курская область. Резко изменялись места в этой иерархии только у Башкирской АССР, как в отношении коэффициентов по фактам, так и по лицам (табл. 72).

Таблица 72

Динамика коэффициентов преступности в обследованных регионах

Регионы	Кф (число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. лиц с 14 лет)		Кл (число выявленных лиц, совершивших преступления на 100 тыс. лиц с 14 лет)	
	1971 г. (место)	1984 г. (место)	1971 г. (место)	1984 г. (место)
Тувинская АССР	109 (1)	283 (1)	163 (1)	249 (1)
Башкирская АССР	6 (2)	96 (5)	64 (2-3)	83 (4)
Ленинградская область	61 (3)	184 (2)	64 (2-3)	128 (2)
Свердловская область	55 (4)	154 (3)	52 (4)	114 (3)
Ростовская область	50 (5)	99 (4)	45 (5)	79 (5-6)
Московская область	45 (6)	95 (6)	44 (6)	79 (5-6)
Курская область	39 (7)	62 (7)	40 (7)	60 (7)

Башкирская АССР из региона с высокой преступностью в 1971 году превратилась в регион со сравнительно низкой преступностью.

2. Заметно различалась динамика коэффициентов преступности. Наиболее быстрыми темпами они нарастали в регионах с особо высокой и высокой преступностью. В 1971-64 г. произошло увеличение коэффициентов в Тувинской АССР в 2,6 раза по фактам и в 1,5 раза по лицам; в Ленинградской области – соответственно, в 2,8 и 2,1 раза; в Свердловской – в 2,8 и 1,9 раза; в Ростовской и Московской областях – в 2 раза и 1,8 раза; в Курской – в 1,6 раза и 1,5 раза; в Башкирской АССР – в 1,5 и 1,3 раза.

Обращает на себя внимание преимущественное увеличение фактов преступлений, а не лиц. Это связано с различием в практике ре-

гистрации преступлений и степенью латентности преступности в разных регионах. В Башкирской АССР по данным статистики в 1971-84 гг. интенсивность преступности практически не менялась: в 1971 г. Кф – 64; 1975 г. – 64,5; 1980 – 68; Кл – соответственно 64, 64, 65. Сходное положение было в Курской и Московской областях.

В Курской области вплоть до 1979 г. отмечалось снижение уровня преступности по сравнению с 1971 г., правда, оно проходило на фоне некоторого: уменьшения численности населения и поэтому коэффициенты не имели той степени положительной динамики, что абсолютные цифры.

3. Различие темпов изменений преступности усиливало различия в ее интенсивности. В результате в 1983-84 гг. более четко, чем в 1971 г., стали разграничиваться по данным уголовной статистики четыре группы регионов:

I – с особо высокой преступностью – Тувинская АССР;

II – с высокой преступностью – Ленинградская и Свердловская области;

III – со средней интенсивностью преступности – Московская, Ростовская области, Башкирская АССР;

IV – с низкой преступностью – Курская область.

Между полярными регионами – Тувинской АССР и Курской областью коэффициенты по фактам различались в 1984 г. в 4,6 раза, а в 1971 г. – 2,8; между Московской, Ростовской областями, с одной стороны, и Ленинградской, Свердловской, с другой, в 1971 г. – в 1,2 раза; в 1984 г. – 1,6-1,9 раза.

4. Аналогичные различия в интенсивности и темпах роста преступности отмечались применительно к зарегистрированному массиву сопоставимых преступлений. Очевидно, на эти различия, фиксируемые статистикой, существенного влияния не оказывали особенности структуры преступности, вытекающие из специфики социально-экономических, социально-психологических и других условий регионов. Анализ динамики иной (за вычетом сопоставимой) преступности показал, что ее тенденции и интенсивность, наоборот, были более сходны в разных регионах, чем у сопоставимого массива. Такое положение обусловливалось отчасти тем, что в «иную преступность» входили более латентные преступления, которые везде регистрировались в их небольшой части.

5. Значительно различались в 1971-84 гг. темпы роста тяжкой преступности (в 8 раз по абсолютным данным и в 10 по коэффициентам). Самыми высокими темпы прироста были в Тувинской АССР, Ростовской, и Ленинградской областях, самыми низкими — в Курской области и Башкирской АССР. Но еще большие различия

были установлены в динамике малозначительной преступности (с максимальным наказанием до 1 года лишения свободы); в двух регионах с наиболее высокими темпами роста тяжкой преступности (Тувинской АССР и Ростовской обл.) малозначительная преступность по коэффициентам снизилась, а в Ленинградской области и Свердловской области увеличилась в 1,5 – 1,9 раза. Прирост преступности средней тяжести различался максимально в 3 раза

Таблица 73

Динамика зарегистрированного числа преступлений разной тяжести в 1971-1984 годах (% данных 1984 г. к 1971 г.)

Регионы	Прирост зарегистрированного числа преступлений:.					
	тяжких		средней тяжести		малозначительных (максимальный . срок наказания до 1 года лиш. свободы.)	
	абс. числа, %	Кф, %	абс. числа, %	Кф, %	абс. числа, %	Кф, %
Тувинская АССР	+123	+93	+143	+110	-3	-18
Ленинградская обл	+108	+108	+202	+302	+191	+191
Свердловская обл.	+50*	+79	+187	+243	+110	+157
Ростовская область	+110	+173	+233	+175	+1,7	-17
Башкирская АССР	+22,4	+11	+115	+95	+11,7	+1,3
Московская обл.	+82	+75	+160	+150	+65	+59
Курская обл.	+15,3	+23,5	+93,5	+106	+7	+15

* В Свердловской области в 1975 г. в связи с глубокой проверкой состояния регистрации преступности (в ЦК КПСС поступили письма рабочих) увеличение числа зарегистрированных тяжких преступлений в 1975 г. по сравнению с 1971 составило 51,3 % в 1982 этот показатель увеличился до 54,1 %, а в 1984 г. – снизился.

Данные, зафиксированные уголовной статистикой, не вполне точно отражали фактическое положение дел.

6. Различия в общих коэффициентах преступности регионов в целом отражали, как правило, такой же характер различия в коэффициентах различных видах преступности, преступности представителей различных социальных групп, преступности в городах и сельской местности. Другими словами, там, где были выше общие коэффициенты преступности по фактам и лицам, там оказывались выше и коэффициенты преступности несовершеннолетних, молодежи, общеуголовной корыстной преступности, насильственной и т.д.

7. Минимальные и максимальные коэффициенты преступности несовершеннолетних в регионах устойчиво различались почти в 5 раз, стабильно низкими эти коэффициенты были в Башкирской АССР и Курской области, самыми высокими — в Тувинской АССР.

Темпы прироста коэффициентов преступности несовершеннолетних были наиболее высокими в Свердловской, Ростовской, Ленинградской областях.

8. Различия в коэффициентах рецидивной преступности, рассчитанных на все население от 14 лет и старше, достигали в 1980 г. 4,5 – кратного размера, в 1984 г. – почти шестикратного. Различия в специальных коэффициентах: числе лиц, совершивших преступления повторно на 10 тыс. лиц суммарно: с неснятой и непогашенной судимостью, и освобождаемых от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (по ст.ст. 7-10 УПК РСФСР) – были в 1980 г. более, чем в 1,5 раза, в 1984 г. – более, чем 2,5 раза. Самыми высокими те и другие коэффициенты были в Тувинской АССР, самыми низкими в Курской области (табл. 74).

Таблица 74

Динамика коэффициентов рецидивной преступности в регионах

Регионы	Кл рецидивной преступности:			
	число лиц, повторно совершивших преступления на 10 тыс. лиц от 14 лет и старше		число лиц, повторно совершивших преступления, на 10 тыс. лиц с неснятой, непогашенной судимостью, и освобождаемых от уголовной ответственности по ст.ст. 7-10 УПК РСФСР[1]	
	1980 г.	1984 г.	1980 г.	1984 г.
Тувинская АССР	36	52	2 370,3	3 532,3
Ленинградская обл.	26	39	2 441,4	2 724,0
Свердловская обл.	30	37	2 483,9	2 748,2
Башкирская АССР	16	19	1 758,2	2 528,0
Московская обл.	13	20	2 490,7	2 728,5
Ростовская область	11	15	1 511,7	1 671,2
Курская обл.	8	9	1 464,6	1 380,9

Наиболее высокими темпами коэффициенты рецидивной преступности нарастали в Тувинской АССР и Ленинградской области; почти стабильными были в Курской области.

9. По интенсивности первичной преступности регионы различались меньше, чем по интенсивности рецидивной. По коэффициентам «первичной» преступности шесть регионов (кроме Тувинской АССР) в 1971 г. были более близки между собой, чем в 1984 г., когда различия стали достигать более, чем 1,5 размера.

Интенсивность «первичной» преступности увеличивалась более быстрыми темпами, чем рецидивной – в Тувинской АССР, Свердловской области, Башкирской АССР, Ростовской области и Курской области, при этом наименее выраженный характер преобладания темпов роста рецидивной преступности над «первичной» носило в Свердловской области.

[1] Число лиц, освобождавшихся от уголовной ответственности по ст.ст. 7-10 УПК РСФСР берется из расчета за один год.

10. Существенно различалась интенсивность преступности лиц, не работавших и не учившихся. В частности, Кл этой преступности в Тувинской АССР и Курской области в 1984 г. различались в 8 раз (49 и 6). В Ленинградской области Кл этой преступности составлял 33, в Свердловской области – 26, в Московской – 20, Ростовской – 18, Башкирской – 17.

11. Коэффициенты лиц, совершивших преступления в состоянии опьянения, в 1984 г. различались более, чем в 6 раз: Тувинская АССР – 122, Свердловская – 66, Ленинградская – 56, Башкирская – 33, Московская – 25, Ростовская – 20,2; Курская – 19,9.

12. Существенно различалось соотношение удельного веса различных видов преступности:

- в регионах с особо высокой и высокой преступностью (Тувинская АССР, Свердловская и Ленинградская области) и в 1971 г. и в 1984 г. выше была доля преступлений, регистрируемых по линии уголовного розыска;
- удельный вес насильственных преступлений различался более, чем в 2,5 раза; наиболее высоким он был в Тувинской АССР (1971 г. – 28 %, в 1984 г. – 30 %), наиболее низким в Ростовской области (17 %, 13 %);
- удельный вес преступлений против личности и ее интересов различался более чем в 1,5 раза: самым высоким он был в Свердловской области (1971 г. – 34 %, 1984 – 45 %), самым низким в Курской области (24 % и 28 %);
- удельный вес тяжких преступлений различался более, чем в 1,5 раза: самым высоким был в Тувинской АССР (1974 г. – 29 %, 1984 – 31 %), самым низким – в Ростовской области (20 % и 18 %) и в Московской области (21 % и 17 %).

Оценка статистических данных о различиях преступности с учетом ее латентности

Статистические данные неполно отражали фактическое положение дел с преступностью: во-первых, латентность преступности была везде значительной; во-вторых, судя по ряду данных, размеры латентности в регионах заметно различались, что приводило к несоответствию статистических и фактических различий; в-третьих, эти различия были неодинаковыми применительно к различным видам преступности, что влияло на точность отражения статистикой данных о действительной структуре преступности.

1. При анализе данных о тяжкой и малозначительной преступности были сделаны выводы, что очевидно в Тувинской АССР, Башкирской АССР, Ростовской и Курской областях выше, чем в других

латентность малозначительных преступлений (за которые предусмотрено наказание до 1 года лишения свободы):

• там регистрировались даже в абсолютных цифрах большее число тяжких преступлений, чем малозначительных, что противоречит закономерностям, фиксируемым криминологическими исследованиями в стране (табл. 75).

Таблица 75

Данные о соотношений преступлений разной степени тяжести

Регионы	Соотношение числа преступлений в 1984 г.		
	тяжких	малозначительных	иных
Тувинская АССР	1	0,4	2,2
Ленинградская обл.	1	1,4	2,8
Свердловская обл.	1	1,0	3,3
Ростовская область	1	0,7	3,9
Башкирская АССР	1	0,7	2,8
Московская обл.	1	1,3	3,1
Курская обл.	1	1,0	2,9

• в Башкирской и Курской областях темпы прироста числа тяжких преступлений в 1971-84 гг. в два раза превысили темпы прироста малозначительных, в Ростовской – в 60 раз (+100 % и 1,7 %), а в Тувинской АССР на фоне увеличения числа тяжких преступлений на 123 %, отмечалось снижение на 3 % числа малозначительных. В Свердловской и Ленинградской областях наоборот, прирост малозначительной преступности был в 1,5-2 раза выше прироста тяжкой.

2. Улучшение регистрации преступлений происходило в разных регионах не одинаково. Судя по данным анализа, в 1984 г. в Ростовской, Ленинградской и Московской областях значительно улучшилась регистрация преступлений, включая и те, где не были установлены лица, совершившие преступления, что, с одной стороны, привело к снижению по сравнению с 1980 г. удельного веса преступлений, дела о которых приостанавливались в связи с не установлением виновных (в Ленинградской области в 1984 г. на 11,6 %, в Ростовской – на 10,4 %, в Московской – на 5 %).

В Свердловской области и Тувинской АССР заметно снизился удельный вес преступлений, дела о которых приостанавливались в связи с не установлением виновных (на 6—7,6 %), хотя прирост числа всех зарегистрированных преступлений был наибольший — 28,7 % и 33,5 %. Видимо, значительной оставалась латентность указанных выше преступлений в Курской области и Башкирской АССР —там соответствующий удельный вес снизился всего на 1,4-2 %. (табл. 76).

3. При анализе латентной насильственной преступности сопоставлялись данные уголовной статистики, статистики мелкого хули-

ганства, сведения бюро судебно-медицинской экспертизы, результаты опроса граждан. Совокупность всех данных привела к выводу, что, во-первых, фактические различия регионов менее значительны, чем статистические, во-вторых, уголовная статистика в целом правильно отражает иерархию регионов по интенсивности насильственной преступности.

Таблица 76

Динамика числа всех зарегистрированных преступлений и удельного веса в их числе тех преступлений, виновные в совершении которых были установлены

Регионы	Прирост числа всех зарегистрированных преступлений к 1980 г., %	Удельный вес преступлений, по которым были установлены виновные, в общем числе всех зарегистрированных, %	
	1984 г.	1980 г.	1984 г.
Тувинская АССР	+33,5	92,9	85,3
Ленинградская обл.	+78,9	98,6	87,0
Свердловская обл.	+28,7	93,7	87,8
Ростовская область	+66,5	96,0	85,6
Башкирская АССР	+33,5	98,2	96,1
Московская обл.	+61,7	96,9	91,9
Курская обл.	+43,4	97,6	96,2

Наиболее высокая насильственная преступность реально существовала в Тувинской АССР. Следующее место занимала Свердловская область, затем Ленинградская. Фактически Башкирская АССР и Ростовская область более близки к показателям Ленинградской области, чем это было видно из данных статистики: везде одинаков коэффициент виктимности по данным бюро судебно-медицинской экспертизы – 0,51; Кв (коэффициент виктимности) по зарегистрированным умышленным убийствам в Башкирской АССР и Ростовской области – 0,8, в Ленинградской – 0,9; Кл мелкого хулиганства соответственно 179, 183, 191.

Из числа опрошенных граждан считали себя потерпевшими от хулиганства в Башкирии и Свердловской области по 16 % опрошенных, в Ростовской области – 15 % получали телесные повреждения в Свердловской области 8 %, в Ростовской – 7 %, а в Башкирской даже 10 %.

В Московской и Курской областях действительно ниже, чем в других, интенсивность насильственной преступности, однако не настолько, как это видно из уголовной статистики.

По сравнению с Ленинградской и Свердловской областями Кв насильственной преступности в Московской и Курской областях ниже более, чем в два раза, а по данным бюро судебно-медицинских экспертиз, Кв по умышленным убийствам, данным опросов граждан, не более чем в 1,5 раза (табл. 77).

Курская область – единственный регион, в котором улучшение регистрации преступлений в 1983 г. не повлияло на данные о хулиганстве: число зарегистрированных фактов продолжало уменьшаться. Это отражало не фактическое снижение хулиганства, а ослабление борьбы с ним[1].

Таблица 77

Динамика показателей, характеризующих насильственную преступность в регионах

Регионы	Кв по всей насильственной преступности	Кв по умышленным убийствам с покушениями	Кв по лицам, получившим телесные повреждения	% опрошенных, получивших телесные повреждения в течение года	Уд. вес потерпевших от хулиганства (по данным опроса, %)	Кл мелкого хулиганства (на 10 тыс. лиц от 14 лет и старше)
Тувинская АССР	55	4	101	12	25	248
Ленинградская обл.	23	1,2	51	–	–	191
Свердловская обл.	24	0,9	53	8	16	181
Башкирская АССР	15	0,8	48	10	16	179
Ростовская область	11	0,8	51	7	15	183
Московская обл.	10	0,6	31	6	15	93
Курская обл.	9	0,7	36	5	11	214

Более значительная латентность насильственной преступности среди изученных регионов зафиксирована в Тувинской АССР, Башкирской АССР, Ростовской и Курской областях (табл. 78).

Таблица 78

Данные опросов и статистики о распространенности преступлений

Регионы	Данные опроса		Данные статистики	
	Доля тех, кто обращается в правоохранительные органы от числа граждан считавших себя потерпевшими от следующих преступлений, %		Доля заявлений, по которым возбуждены уголовные дела или отказано в возбуждении уголовного дела по не реабилитирующим основаниям от общего числа поступивших заявлений о соответствующих преступлениях, %	
	хулиганство	причинение телесных повреждений	хулиганство - ст. 206	побои, истязания телесные повреждения
Тувинская АССР	46	53	88	77,9
Ленинградская обл.	нет данных		46,8	50,1
Свердловская обл.	27	55	66,1	53,5
Ростовская область	52	57	44,3	36,3
Башкирская АССР	50	57	60,3	35,7
Московская обл.	37	54	66,5	23,0
Курская обл.	33	40	59,5	37,0

[1] 26,4 % осужденных за умышленные убийства при отягчающих обстоятельствах по изученным делам ранее неоднократно допускали хулиганские действия, содержащие признаки уголовно-наказуемого деяния.

4. Латентность общеуголовной корыстной преступности также была наиболее высока в Тувинской АССР, Башкирской АССР, Ростовской и Курской областях. Этот вывод основан на анализе совокупности данных об общеуголовной корыстной преступности в целом, разбоях, кражах и на результатах опроса населения.

Фактические различия общеуголовной корыстной преступности в регионах меньше, чем статистические: по данным статистики Кф (кроме Тувы) различаются почти в 3 раза, по данным опроса менее, чем в 1,5 раза. В то же время уголовная статистика правильно отражает иерархию регионов по интенсивности общеуголовной корыстной преступности. Эта интенсивность наиболее высока в Тувинской АССР и Ленинградской, Свердловской областях (табл. 79)

Таблица 79

Данные 1984 года об интенсивности общеуголовной корыстной преступности (число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. лиц с 14 лет и старше)

Регионы	Кф всей общеуголовной преступности	Кф краж личного имущества	Кф разбоев	% опрошенных, считавших себя потерпевшими от краж	% лиц, получивших страховое возмещение в результате краж от числа лиц, застраховавших домашнее имущество
Тувинская АССР	112	61	2	20	24 %
Ленинградская обл.	65	35	1,1	—	—
Свердловская обл.	70	39	1,1	15	28 %
Ростовская обл.	50	23	0,7	12	17 %
Башкирская обл.	37	17	0,4	16	—
Московская обл.	42	20	0,7	14	—
Курская область	26	8	0,3	16	5 %

По данным опроса граждан, процент считавших себя потерпевшими от краж личного имущества в Курской области и Башкирской АССР оказался практически таким же как в Свердловской, Московской областях. Предлагалось дополнительно исследовать на местах вопрос о том, действительно ли существенно различается в регионах интенсивность краж.

В целом же, как показали исследования, уголовная статистика фиксировала менее половины совершавшихся общеуголовных преступлений (табл. 80).

5. Анализ латентности хозяйственно-корыстной преступности проводился путем сопоставления данных уголовной статистики, материалов контролирующих органов, результатов опросов граждан. Он давал основания для вывода, что, во-первых, уголовная статистика регистрировала только незначительную часть обманов поку-

пателей, спекуляции, взяточничества, поборов и других преступлений должностных лиц; во-вторых, с учетом совокупности данных о хозяйственно-корыстной преступности регионы в отличие от их иерархии по данным уголовной статистики, менялись местами по фактической интенсивности этой преступности.

Таблица 80

Данные опроса населения и результатов разрешения жалоб, заявлений граждан

Регионы	% тех, кто обращался в правоохранительные органы, от числа граждан считавших себя потерпевшими от краж личного имущества	% заявлений, по которым возбуждены уголовные дела или отказано в возбуждении уголовных дел по не реабилитирующим основаниям от числа заявлений о следующих преступлениях.		
		ст. 144	ст. 89	ст. 145
Тувинская АССР	61	83,7	84,3	92,7
Ленинградская обл.	Нет данных*	57,0	77,7	93,8
Свердловская обл.	54	72,3	74,3	79,5
Ростовская обл.	59	60,6	63,4	86,2
Башкирская обл.	44	63,4	65	85,6
Московская обл.	63	65,8	67	86,5
Курская область	60	71,9	74,8	88,3

*Ленинградский обком КПСС не разрешил проводить анкетный опрос населения. В других регионах не было запрета на данный опрос.

В число регионов, где интенсивность такой преступности была реально выше, кроме Тувинской АССР, входили, очевидно, Ростовская область, Башкирская АССР, Курская и Московская области. По комплексу показателей эти регионы выглядели хуже, чем Ленинградская и Свердловская области. Учитывалось всего 18 показателей: 10 отраженных в уголовной статистике и статистике контролирующих органов, 8 касались результатов опроса граждан. Наихудшие показатели, свидетельствовавшие о высокой распространенности хозяйственно-корыстных преступлений и иных правонарушений, чаще всего встречались в Ростовской области (11 из 18, лучшие – 1 из 18); в Башкирской АССР (соответственно 7 и 6); Курской области (6 и 7), Московской области (5 и 7). В Тувинской АССР соответственно 4 и 10. Реже всего в Свердловской области (2 и 13), а в Ленинградской области из из 9 показателей (опросов не проводилось) соответственно 1 наихудший и 5 сравнительно хороших.

Свердловская и Ленинградская области устойчиво занимали самые низкие места по величине Кл должностных лиц, совершавших различные злоупотребления по данным Комитета народного контроля (КНК), по Кл взяточничества, по среднему размеру ущерба на одного обвиняемого, по уголовным делам и на 1 проверку КНК.

По данным опросов в Тувинской АССР и Свердловской области меньше, чем в других регионах, оказалось граждан, считавших себя

14 Зак. 3144

в течение последнего года потерпевшими от обмана покупателей, вымогательства, взяток, вступавших в сделки со спекулянтами.

В целом был сделан вывод, что уголовная статистика отражала только небольшую часть всех фактически совершавшихся хозяйственно-корыстных преступлений.

Общие выводы по результатам анализа латентности преступности:

1. При значительных масштабах латентности преступности во всех регионах выделяются те из них, где латентная преступность наиболее значительна: Тувинская АССР, Башкирская АССР, Ростовская и Курская области.

В Тувинской АССР, очевидно, преступность еще выше, чем это видно из статистики, и ее показатели еще более отличаются в худшую сторону от показателей преступности других изученных регионов. В Ленинградской и Свердловской областях фактически коэффициенты общеуголовной преступности (корыстной и насильственной) были заметно выше, чем в других изученных регионах,

Интенсивность всей преступности в Башкирской АССР и Ростовской области, видимо, фактически менее заметно отличалась от интенсивности всей преступности в Свердловской и Ленинградской областях, чем это фиксировала уголовная статистика.

По коэффициентам всей преступности, рассчитанным по данным уголовной статистики, в более благоприятном положении оказывались регионы с более низкой интенсивностью общеуголовной преступности, ибо в уголовной статистике отражается большинство общеуголовных преступлений, чего нельзя сказать о хозяйственно-корыстных преступлениях — статистика отражает лишь небольшую их часть. Поэтому при равном числе фактически совершенных общеуголовных и хозяйственно-корыстных преступлений в статистике, как правило, показывается значительно большее число первых.

Судя по данным, в структуре преступности Курской, Московской, Ростовской областях, Башкирской АССР больший удельный вес, чем в Ленинградской и Свердловской областях, занимала хозяйственно-корыстная преступность. Неблагополучие с ней затушевывалось оценкой преступности по общему коэффициенту.

2. В этих же регионах одновременно различались причины фактических различий преступности[1] и в результате был сделан вывод, что территориальные различия преступности являются реальностью. Они – закономерное следствие различий комплекса экономических, социальных, социально-психологических характеристик регионов

[1] См.: Причины территориальных различий преступности. М., 1987; Методика изучения территориальных различий преступности и их причин. М., 1989.

во взаимосвязи с особенностями просчетов в организованно-управленческой деятельности, включая практику борьбы с преступности.

§ 3. Криминологическая типология регионов

По результатам исследований восьмидесятых годов были выделены два основных криминологических типа регионов.

Первый тип характеризовался тем, что в нем высока интенсивность общеуголовной преступности. Это имело место на фоне особенно явного рассогласования экономического и социального развития, трудонедостаточности, высокой криминогенной зараженности населения, значительной доли в нем деморализованного контингента.

Второй тип регионов отличался высокой интенсивностью хозяйственно-корыстной преступности, существовавшей на фоне решения проблем сбалансированного экономического и социального развития, обеспечения граждан услугами и товарами в значительной части путем: превращения части личных подсобных хозяйств в товарные, не просто широкого развития рыночных отношений, но развития и криминального, «черного рынка», теневой экономики, подкупа части ответственных должностных лиц.

Среди изученных семи регионов к первому типу наиболее отчетливо относились Свердловская и Ленинградская области, ко второму – Ростовская область.

Разумеется, данная типология, как и любая, условна: во-первых, имеются переходные типы (например, среди изученных регионов ко второму типу тяготеет Башкирская АССР); во-вторых, регионы, которые по преобладанию тех или иных признаков можно отнести к первому или второму типу, имеют в том числе черты и иного типа, но эти черты бывают меньше выражены, не являются определяющими.

Исследования показывали, что первый тип регионов в наиболее «чистом» виде и чаще встречался в северных и северо-восточных районах страны (РСФСР, ЭССР). Второй тип регионов, наоборот, был характерен для южных районов: при изучении преступности в РСФСР, его черты отчетливее обнаруживались в Ростовской, Воронежской, Курской областях, при исследованиях общесоюзного характера — в Среднеазиатских и Закавказских республиках. Условно можно было бы назвать первый криминологический тип регионов «северным», а второй – «южным».

Это отражало бы и другую закономерность: распространение интенсивности общеуголовной преступности с севера, северо-

востока на юг, хозяйственно-корыстной преступности – с юга на север. Такое взаимопроникновение явно проявлялось в семидесятых-восьмидесятых годах на фоне недостатков социально-экономической политики и борьбы с нарушениями законности.

Различие регионов «северного» и «южного» типа в определенной мере отражает социально-экономические различия северных и южных районов страны. В последних благоприятные природные условия позволяют получать более высокие доходы не только в колхозах и совхозах, но также от личного подсобного хозяйства, сдачи гражданами внаем помещений лицам, приезжающим на отдых и т.п.; выезжать для продажи товаров на рынки в северные регионы страны; колхозы юга посылают на север заготовителей с большими суммами денег, имеют возможность и готовы платить значительные деньги за необходимые им лес, пиломатериалы и другие материалы. Часть «северных» денег оседала в «южных» регионах и там возникала возможность использования их отчасти для «выбивания» фондируемых материалов, достижения сбалансированного экономического и социального развития; гражданами для строительства особняков, приобретения машин, расширения личных подсобных хозяйств на товарной основе. Последнее, с одной стороны, порождало новые, повышенные потребности в запчастях, стройматериалах и т.п., удовлетворяемые и преступным путем, а, с другой, — способствовало увеличению прибылей от личных подсобных хозяйств, сдачи внаем помещений и т.п., усилению различий в материальной обеспеченности разных социальных групп.

Судя по предварительным данным, в регионах «южного» типа более очевидно возникала напряженность во взаимоотношениях различных социальных групп населения: там кадровые рабочие крупных промышленных предприятий проявляли особенно нетерпимое отношение к хищениям, взяточничеству, поборам, вообще частнособственническим тенденциям, ибо оказывались в худших условиях по сравнению с кадровыми рабочими промышленности «северных» регионов; в «южных» регионах зарплата рабочих конкурировала с высокими доходами ряда владельцев частных хозяйств, лиц, сдающих внаем помещения и т.п., эта зарплата обесценивалась в условиях более развитой системы рынков и «свободных» цен, распространенности поборов и спекуляций.

С учетом изложенного было бы неверно говорить о противоречиях в целом между регионами «северного» и «южного» типов; это были в значительной мере противоречия между социальными группами, живущими на трудовые доходы, полученные в соответствии и общественной оценкой их труда, и группами лиц, получавшими вы-

сокие доходы на не предусмотренной законом основе и не в результате именно общественной оценки труда. Последняя категория граждан и порождала специфику взаимоотношений между «северными» и «южными» регионами, о которых говорилось выше. Интересы кадровых рабочих промышленности в этих регионах, судя по данным исследований, явно не различались.

Практическое значение указанной выше криминологической типологии заключается прежде всего в том, что не усредняются данные об общеуголовной и хозяйственно-корыстной преступности и выявляются разные варианты криминологического неблагополучия в регионах.

Так, РСФСР наряду с Казахской ССР, ЭССР отличались самыми высокими общими коэффициентами преступности. Однако, например, коэффициенты хищений в крупных и особо крупных размерах самыми высокими оказывались в ряде Среднеазиатских и Закавказских республик.

Усреднение данных о преступности затушевывает различия в интенсивности разных видов преступности и не позволяет дифференцированно и целенаправленно организовывать борьбу с этим антиобщественным явлением.

В 1999—2001 годах были проанализированы различия преступности в субъектах Российской Федерации, но преимущественно на базе статистических данных и — в ряде регионов — результатах анкетного опроса населения, а также экспертов — сотрудников правоохранительных органов. Глубокое исследование в регионах было невозможно в связи с отсутствием необходимого финансирования. Данное исследование во многом подтвердило закономерности, установленные в процессе предшествующих исследований.

§ 4. Общая характеристика различий преступности и их динамики в субъектах Российской Федерации и федеральных округах в 1997— 2000 годах[1]

1. Группы регионов, входящие в федеральные округа, в 1997—2000 гг. на основе Кф— числа зарегистрированных преступлений в расчете на 100 тыс. лиц в возрасте 14 лет и старше — максимально различались в 1,8 раза, но различия носили относительно устойчивый характер. Самые высокие значения Кф отмечались в Дальнево-

[1] См.: *Долгова А.И., Астанин В.В., Евланова О.А., Ильин О.С., Юцкова Е.М., Емельянова Л.В.,* Региональные различия преступности и их причины// Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 226—247.

сточном и Уральском федеральных округах, самые низкие — в Центральном округе (табл. 81).

В то же время внутри федеральных округов существовали заметные различия коэффициентов зарегистрированной преступности, особенно в Северо-Кавказском[1].

Таблица 81

Интенсивность преступности в федеральных округах России в 1997—2001 годах

Федеральные округа	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Кф — число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше					
Центральный	1 507	1 608	1 823	1 890	1 904
Северо-Западный	2 230	2 433	2 795	2 635	2 583
Северо-Кавказский	1 652	1 783	1 974	1 964	1 918
Приволжский	1 740	1 870	2 275	2 201	2 263
Уральский	2 393	2 640	3 204	3 076	3 064
Сибирский	2 558	2 676	3 026	2 890	2 907
Дальневосточный	2 704	2 767	3 126	2 999	2 992
Кл – число выявленных преступников на 100 тыс. населения в возрасте 14 лет и старше					
Центральный	888	978	1 100	1 114	1 008
Северо-Западный	1 067	1 186	1 414	1 439	1 349
Северо-Кавказский	939	1 037	1 142	1 174	1 139
Приволжский	1 065	1 101	1 336	1 327	1 258
Уральский	1 292	1 360	1 578	1 573	1 465
Сибирский	1 494	1 552	1 775	1 813	1 716
Дальневосточный	1 536	1 669	1 869	1 859	1 793

2. В субъектах федерации в годы перестройки и реформ преступность стала различаться более существенно, чем ранее.[2] В 1999 г. самый высокий Кф был отмечен в Курганской и Пермской областях. Группа регионов с наиболее низкими Кф длительное время включала Москву, республики Дагестан и Ингушетия, но в 1999 г. Москва перешла в группу менее благополучных регионов—табл. 82.

3. Иерархия субъектов федерации по коэффициенту преступности (Кф) носила довольно стабильный характер: на протяжении 14 лет по величине Кф регионы располагались примерно одинаково относительно друг друга.

4. Повлиявшие на резкий рост преступности в 1992 —1994 гг. обстоятельства носили, преимущественно, общефедеральный характер: произошел резкий подъем коэффициентов преступности во всех

---

[1] См.: Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью. М., 2001. С. 127.

[2] Везде Кф означает коэффициент по фактам зарегистрированных преступлений, рассчитанных на 100 тыс. лиц в возрасте 14 лет и старше. При таком расчете коэффициента снимается часть различий в возрастной структуре населения: доля в населении лиц в возрасте до 14 лет различается в регионах с высокими и низкими показателями рождаемости детей. Данный коэффициент поэтому можно трактовать как показатель криминальной активности населения в возрасте уголовной ответственности. Разумеется, речь идет только о зарегистрированной преступности.

регионах и все они, кроме города Москва, перешли в группы с более высокими порогами таких коэффициентов (табл. 82).

Таблица 82

Изменения интенсивности преступности в субъектах Федерации в 1986-1999 годах (Кф на 100 тыс. населения 14 лет и старше)

1986 г.	1992 г.	1994 г.	1996 г.	2000 г.
Сверхвысокая интенсивность —от 4001				
нет		Республика Тува Приморский край Сахалинская обл.	Сахалинская обл. — 4478	Курганская обл.— 4 674
Высокая интенсивность — 3001—4000				
нет	**Республики:** Тува Бурятия **Края:** Хабаровский Приморский **Области:** Ленинградская Калининградска я Курганская Псковская Новосибирская Сахалинская Томская	**Края:** Хабаровский **Области:** Ленинградская Еврейская авт.о. Калининградская Курганская Магаданская Новосибирская Томская Тюменская (с А.о.) Читинская обл.(с А.о.) Калиниградская Курганская Ленинградская Новосибирская Томская Тюменская Читинская (с А.о.)	**Республики:** Тува Бурятия **Края:** Хабаровский Приморский **Области:** Арханг. (с А.о.) Еврейская авт. обл. Курганская Магаданская Новосибирская Пермская (сА.о.) Томская Читинская (с А.о.) Курганская Новосибирская Пермская Томская Читинская (с А.о.)	**Республики:** Бурятия Тува Алтай **Края:** Приморский Хабаровский **Области:** Вологодская Еврейская авт. обл. Иркутская Ленинградская Магаданская Пермская Псковская Свердловская Тюменская Читинская **Автономные округа:** Коми-Пермяцкий Эвенкийский
Средняя интенсивность — 2001—3000				
Республика Тува	**Республики:** Калмыкия Коми Марий-Эл Мордовская Татарстан Удмуртская Саха(Якутия) **Края:** Алтайский Красноярский **Области:** Амурская Архангельская Астраханская Вологодская Иркутская Камчатская Омская	**Республики:** Алтай Бурятия Карелия Коми Марий-Эл Мордовия Саха (Якутия) Татарстан Удмуртия Хакасия **Края:** Алтайский Красноярский Приморский **Области:** Амурская Архангельская Астраханская	**Республики:** Алтай Калмыкия Карелия Коми Марий-Эл Мордовия Удмуртия Хакасия **Края:** Алтайский Красноярский **Области:** Амурская Архангельская Астраханская Брянская Владимирская Волгоградская Вологодская Ивановская	**Республики:** Адыгея Калмыкия Карелия Коми Марий-Эл Татарстан Удмуртская Чувашская Хакасия **Края:** Алтайский Красноярский Ставропольский **Области:** Амурская Архангельская Астраханская Брянская Владимирская Волгоградская Ивановская

	Нижегородская Новгородская. Магаданская Тверская Кемеровская. Пермская Саратовская Свердловская Смоленская Тюменская Челябинская Читинская Ярославская **Город Санкт-Петербург**	Брянская Владимирская Вологодская Иркутская Камчатская (с А.о.) Кировская Курская Нижегородская Новгородская Омская Пермская *Псковская* Свердловская Смоленская Тверская Челябинская Ярославская **Город Санкт-Петербург**	Иркутская Калининградск. Камчатская (с А.о.) Кировская Курская Ленинградская Нижегородская Новгородская Омская Псковская Свердловская Смоленская Тверская Тюменская Челябинская Ярославская **Город Санкт-Петербург**	Калининградская Калужская Камчатская Кемеровская Кировская Костромская Курская Нижегородская Новгородская Новосибирская Омская Орловская Оренбургская Ростовская Самарская Саратовская Сахалинская Свердловская Смоленская Тверская Томская Челябинская Ярославская **Авт. округа** Агинский Бурят. Ненецкий Ханты-Мансийский. Ямало-Ненецкий Усть-Ордынский Чукотский **Город Санкт-Петербург**
Низкая интенсивность — 1001—2000				
Республики: Карелия Марий-Эл Удмуртская Сев.-Осетинск. Мордовская Адыгея Кабард.-Балк. Саха(Якутия) Коми Бурятская Калмыкия **Края:** Краснодарский Ставропольск. Хабаровский Красноярский Приморский **Области:** Амурская, Астраханская Архангельская Брянская Иркутская Калининградск Калужская	**Республики:** Башкортостан Кабард.-Балкар. Дагестан Северо-Осетинская Бурятская Калмыкия Чувашская **Края:** Красноярский Приморский Краснодарский Ставропольск. **Области:** Белгородская Брянская Владимирская Волгоградская Ивановская Кировская Костромская Самарская Мурманская Ростовская Тульская	**Республики:** Адыгея Башкортостан Дагестан Кабард.-Балкар. Калмыкия Карач.-Черкес. Сев. Осетия (Алания) Чувашия **Края:** Краснодарский Ставропольский **Области:** Белгородская Волгоградская Воронежская Ивановская Калужская Кемеровская Костромская Липецкая Московская Мурманская Оренбургская Орловская	**Республики:** Адыгея Башкортостан Кабардино-Балкар. Карач.-Черкес. Саха (Якутия) Сев. Осет. (Алания) Татарстан Чувашия **Края:** Краснодарский Ставропольск. **Области:** Белгородская Воронежская Калужская Кемеровская Костромская Липецкая Московская Мурманская Оренбургская Орловская Пензенская	**Республики:** Башкортостан Дагестан Кабардино-Балкар. Карачаево-Черкес. Мордовская Саха (Якутия) Сев. Осет. (Алания) **Края:** Краснодарский **Области:** Белгородская Воронежская Кировская Липецкая Московская Мурманская Пензенская Рязанская Тамбовская Тульская Ульяновская **Авт. округа** Таймырский Чукотский

Самарская Липецкая Омская Оренбургская Орловская Тамбовская Тульская Волгоградская Мурманская Псковская Челябинская Читинская Кемеровская Кировская Новосибирск. Курганская Новгородская Сахалинская Свердловская Пермская Камчатская Томская Тюменская Ленинградская Город Санкт-Петербург	Воронежская Московская Пензенская Оренбургская Орловская Рязанская Ульяновская Тамбовская Курская Липецкая Калужская Камчатская Пермская Томская Тюменская Город Москва	Пензенская Ростовская Рязанская Самарская Саратовская Тамбовская Тульская Ульяновская Чукотский авт. округ Город Москва	Ростовская Рязанская Самарская Саратовская Тамбовская Тульская Ульяновская Чукотск. Авт округ Город Москва	Город Москва
Особо низкая интенсивность — до 1000				
Республики: Татарстан Башкортостан Дагестан **Области:** Белгородская Воронежская Курская Нижегородск. Московская Пензенская Саратовская Рязанская Смоленская Ивановская Тверская Костромская Ростовская Ульяновская Город Москва	Город Москва		**Республики:** Дагестан Ингушская	**Республики:** Ингушская Чеченская*

*Чеченская Республика в 2000 году была полем активной террористической деятельности и внимание правоохранительных органов было сосредоточено на борьбе именно с ней.

Во второй половине девяностых годов динамика преступности в субъектах Федерации становилась более разнообразной. Это могло быть связано с усиливавшимся влиянием региональных особенно-

стей[1]. Однако, судя по тому, что в 1997—1999 гг. прирост преступности был, как и ранее, повсеместным, за исключением Сахалинской области, воздействие общефедеральной ситуации оставалось значимым, хотя оно все-таки существенно дополнялось региональным влиянием.

5. Приведенные коэффициенты отражали только *зарегистрированную* преступность и не учитывали степень ее латентности в разных регионах. Однако региональные различия латентности преступности, как вытекает из криминологических исследований, носят относительно стабильный характер и бывают связаны со многими различиями, включая следующие:

а) устойчивая реакция населения на преступность (решение многих межличностных и групповых конфликтов на Северном Кавказе с помощью старейшин; в небольших поселениях других регионов России —преимущественно помимо правоохранительных органов; конфликтов в криминальной среде —с помощью собственных «третейских судей» и криминальных средств, что значимо для регионов с высокой криминальной пораженностью населения и т.п.);

б) степень организованности преступников, которые специально разрабатывают системы обеспечения конфиденциальности криминальной деятельности и защиту от разоблачения и привлечения к ответственности;

в) иные качественные характеристики преступности, ее структура, определяющие в том числе возможности контролирующих и правоохранительных органов быстро и эффективно перерабатывать в установленном законом порядке информацию о преступлениях;

г) установившаяся в регионах практика реагирования государственных органов на разные виды преступности.

О врздействии организованной преступности на складывающуюся в регионах ситуацию, можно судить по результатам опроса, проведенного среди сотрудников правоохранительных органов в различных регионах России. Эксперты отмечали наиболее сильное влияние такой преступности в Архангельской области и Хабаровском крае (табл. 83). .

---

[1] В 1998—1999 гг. республика Дагестан вновь оказалась в группе с особо низкой преступностью, туда же входила Республика Ингушетия. В особо неблагополучную группу впервые вошли в эти годы Курганская и Пермская области. Более чем в полтора раза в 1997-1999 гг. возросли абсолютные цифры зарегистрированных преступлений в Республике Адыгея, областях Костромской, Курганской, Мурманской, Оренбургской. В то же время наиболее низкий прирост числа зарегистрированных преступлений (менее чем на 10 %) отмечался в регионах с традиционно высокими коэффициентами преступности: в республиках Бурятия (+6,9 %) и Тыва (+7,6 %), а также в Архангельской области (+ 7,7 %), Томской области (+3,5 %). В Сахалинской области снижение составило -9,8 %.

Таблица 83

Оценка влияния организованной преступности на криминологическую обстановку в регионах (% от числа опрошенных)

Организованная преступность в регионах:	Иркутская обл.	Хабаровский край	Архангельская обл.	Ивановская обл.	Тульская обл.	Московская обл.
Не оказывает значимого влияния	2	3	0	3	4	5
Не полностью, но контролирует государственные и общественные институты	26	61	16	40	24	42
Не полностью, но контролирует экономику	31	58	22	36	21	38
Полностью контролирует государственные и общественные институты	9	26	38	8	20	16
Полностью контролирует экономику	17	26	30	11	21	22
Оказывает большое влияние на молодежь	34	68	41	52	18	43
Дает возможность получать доходы в условиях безработицы	17	37	30	20	10	21

Исследования конца XX века подтвердили зависимость различий в регионах общих коэффициентов зарегистрированной преступности от ее структуры и интенсивности отдельных ее видов

Различия общих коэффициентов зарегистрированной преступности отражали преимущественно различия интенсивности (Кф):

- повторной преступности, преступности деморализованных лиц без постоянного источника дохода, что определяет преимущественно низкие коэффициенты общей преступности в регионах;
- преступлений разной степени очевидности и по-разному поддающихся раскрытию (в регионах с высокими общими показателями преступности выше коэффициенты преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, семейно-бытового характера) — табл. 84;
- преступлений, характерных для организованной криминальной деятельности, в том числе террористической направленности;
- преступлений несовершеннолетних и лиц раннего молодого возраста (18-24 года).

Латентность криминологического неблагополучия регионов с высокой экономической, организованной преступностью при анализе общих коэффициентов преступности создавалась вследствие следующих основных обстоятельств:

1. Более высокая латентность большинства организованных преступлений и в целом экономических по сравнению с общеуголовными, совершаемыми на неорганизованной основе, особенно несовершеннолетними.

Это может создавать общую «благополучную» картину зарегистрированной преступности в регионе, где распространены органи-

зованные преступления, особенно в сфере экономики. Но в таком регионе указанная криминальная ситуация может все-таки проявляться в высоких коэффициентах отдельных особо тяжких и тяжких преступлений. Кф преступлений террористической направленности выше 5,0 чаще встречается в группе наиболее благополучных по общим показателям регионов. Там же чаще имеют место и высокие Кф по группе преступлений, совершаемых в сфере формирования и деятельности структур государства, против его должностных лиц и атрибутики (Республика Дагестан, Белгородская обл.).

Таблица 84

Места регионов в их иерархии по общим показателям Кф, Кф отдельных видов преступности и коэффициенту криминальной пораженности населения в 1997—1999 годах (1 место —наивысший Кф)

Место по общему Кф в 1997, 1998, 1999 гг.	Субъекты Федерации	Место региона и Кф преступлений лиц, ранее совершивших преступления, в 1999 г.	Место региона и Кк состоящих на учете судимых лиц в 1998 г.[1]	Место региона и Кл совершивших преступления состоянии алкогольного опьянения, в 1999 г.	Место региона и Кл лиц без постоянного источника дохода в 1999 г.	Место региона и Кф преступлений, совершенных из-за: ссоры, ревности др. бытовых обстоят.	Хулиганских побуждений
Регионы с наиболее высокими общими коэффициентами							
8, 1, 1	Курганская обл.	6 (605)	9 (815)	10, 4, 7 (750)	10, 7, 6 (1220)	674	128
7, 7, 2	Пермская обл.	1 (916)	13 (751)	3, 7, 6 (642)	15, 20, 9(960)	480	232
3, 2, 3	Еврейск. Ав. Обл.	4 (646)	2 (1211)	11, 5, 9(602)	1—1 (1520)	201	47
1, 3, 4	Респуб. Бурятия	17 (512)	25 (620)	2, 2, 3(732)	3, 4, 3 (1363)	284	167
5, 6, 5	Хабаровский край.	26 (468)	68 (418)	20,18,15 (560)	5, 3, 2 (1443)	306	103
2, 4, 15	Сахалинская об.	5 (621)	54 (484)	13,16,22 (514)	4, 5, 10(1071)	230	40
6, 5, 7	Магаданская об.	8 (578)	59 (461)	9, 9, 10 (596)	18, 18, 24 (19)	151	112
4, 8, 8	Республика Тыва	3 (766)	11 (762)	1—1 (871)	2, 2, 4 (1309)	274	156
22, 11, 9	Тюменская обл.	15 (515)	48 (515)	31,29,31 (463)	39, 37, 37 (802)	235	65
15, 17, 10	Новосибирская о.	7 (596)	24 (621)	33,33,32 (458)	33, 30, 37(906)	129	72
11, 9, 6	Иркутская обл.	11(498)	3 (1 079)	17—17 (554)	13,14,11 (1046)	229	40
Регионы с наиболее низкими общими коэффициентами							
71, 71, 71	Белгородская обл.	62 (249)	75 (302)	59, 70, 67 (226)	72,76,76 (492)	69	19
70, 72, 72	Московская обл.	73 (159)	72 (363)	67, 67, 65 (240)	73,77,78 (453)	97	67
74, 73, 75	Респ. Сев. Осетия	72 (166)	76 (300)	76, 77, 74 (96)	63,65,74 (522)	42	46
75, 74, 73	Рес. Башкортостан	65 (233)	56 (374)	56, 53, 51 (324)	75,75,70 (545)	62	5
72, 75, 74	Рязанская обл.	68 (216)	69 (417)	54, 58, 55 (285)	66,72,73 (524)	40	33
77, 76, 77	Пензенская обл.	67 (219)	41 (540)	60, 55, 54 (288)	77,78,79 (443)	72	46
76, 77, 76	Кабар.-Балк. Респ.	79 (236)	77 (236)	77, 78, 78 (32)	59,60,69(565)	5	23
78, 78, 78	Москва	78 (112)	72 (363)	74, 72, 70(170)	74,70,75(513)	42	73
79, 79, 79	Республ. Дагестан	76 (133)	73 (324)	78, 79, 75 (83)	69,69,71(540)	35	63
80, 80, 80	Ингушская Респ.	80 (27)	79 (178)	80 , 80, 77(35)	79,80,80(318)	1,3	9

[1] Кк—коэффициент криминальной пораженности населения. Он рассчитан на 100 тыс. жителей региона в возрасте 14 лет и старше. Первое место по данному показателю в 1998 г. занимала Ленинградская область (Кк—1 241). По общему Кф она занимала в 1997 г.—19 место, в 1998 г.—21, в 1999 г.—11.

Наиболее «благополучная» по общим показателям Республика Ингушетия занимала в 1997—1999 г. самые высокие (2, 2, 1) места по Кф преступлений с использованием огнестрельного, газового оружия и взрывчатых веществ и устройств (Кф в 1999 г. —97), Республика Дагестан —5, 4, 8 места (Кф—25), Республика Северная Осетия - Алания — 1, 1, 2 места (Кф—70), а наиболее неблагополучная Курганская область —26, 22,20 места (Кф—17) —табл. 84.

2. Особенности регистрации фактов общеуголовных и экономических, ряда иных преступлений.

Множественность фактов совершения лицом краж, грабежей и т.п. отражается в статистике иначе, полнее, чем множественность фактов взяток, продолжаемых и длящихся преступлений, в том числе носящих экономический характер.

Таблица 85

Иерархия регионов по коэффициентам отдельных видов преступности на 100 тыс. лиц с 14 лет в 1997—1999 гг. в группах регионов с разным уровнем общих коэффициентов преступности (в скобках—коэф. в 1999 г.)

Субъекты федерации	Кф бандитизма[1]	Кф похищения человека[2]	Кф преступлений террористической направленности[3]	Кф преступлений в сфере деятельности государства, его должностных лиц и атрибутики
Регионы с наиболее высокими общими коэффициентами				
Курганская обл.	14,8,15 (0,4)	22,17,26 (0,3)	21,25,19 (3,0)	25, 17, 33 (7,1)
Пермская обл.	8,11,10 (0,9)	12,16,20 (0,8)	15,20,25 (2,8)	20, 19, 32 (7,9)
Еврейская авт. обл.	0,0, 13 (0,6)	12,4,23 (0,6)	17,22, 0 (0)	29, 5, 11 (24,2)
Республика Бурятия	11,3,6 (1,5)	18,10,15 (1,4)	15, 3, 29 (2,1)	6, 13, 18 (17,4)
Хабаровский край	11,9,16 (0,3)	17,7,11 (1,8)	21,31,22 (3,3)	13, 6, 1 (74,7)
Сахалинская обл.	11, 7, 0 (0)	22,13,21 (0,8)	23,32,45 (0,4)	10,9,31 (8,4)
Магаданская обл.	15, 5, 9 (1,0)	10,6,24 (0,5)	1, 1, 7 (5,9)	64, 58, 54 (2,8)
Республика Тыва	0, 10, 0 (0)	10,11,8 (2,3)	0, 25, 0 (0)	8, 10, 27 (10,0)
Тюменская обл.	12,11,11 (0,8)	17,16,20 (0,8)	13, 21, 2 (9,0)	17,2, 26 (10,4)
Новосибирская обл.	12,4,15 (0,4)	13,10,11 (1,8)	24, 7, 15 (4,4)	23,28,38 (6,4)
Иркутская обл.	13,11,14 (0,5)	18,16,17 (1,2)	10, 27, 31 (1,9)	29,23,19 (15,3)
Регионы с наиболее низкими общими коэффициентами				
Белгородская обл.	13, 3, 18 (0,1)	22,20,22 (0,7)	25,28, 38 (1,1)	33, 55, 15 (19,7)
Московская обл.	14, 12, 16 (0,3)	17,11,19 (1,0)	25, 24, 34 (1,5)	53, 40, 52 (3,1)
Респ. Сев. Осетия	1, 7, 10 (0,9)	2, 2, 3 (9,8)	6, 20, 6 (6,4)	44, 70, 49 (3,8)
Респ. Башкортостан	13,12,15 (0,4)	20,22,22 (0,7)	26, 30, 43 (0,6)	66, 71, 51 (3,2)
Рязанская обл.	14,0,16 (0,1)	19, 8, 22 (0,7)	27, 33, 40 (0,9)	63,72,55 (2,7)
Пензенская обл.	13,13,17 (0,2)	21,23,25 (0,4)	28, 32, 0 (0)	70,67,57 (2,5)
Кабард.-Балк. Респ.	13,12,7 (1,3)	6, 5, 5 (4,0)	26, 29, 13 (5,1)	43, 54, 47 (4,1)
Москва	10,10,14(0,5)	10, 9, 10 (1,9)	9, 9, 4 (7,3)	60, 60, 58 (2,4)
Республ. Дагестан	9,8,13 (0,6)	3, 3, 4 (6,2)	16, 13, 31 (1,9)	9, 1, 7 (34,4)
Ингушская Респ.	2,16,5 (1,7)	1, 1, 1 (18,2)	5, 11, 40 (0,9)	46,65, 0 (0)

[1] Первые места в 1999 г. занимали Томская обл. (3,3, ранее 0,5 в1997 г. и 0,3 в 1998 г.), Приморский край (соответственно 2, 0,8 , 0,4), Республика Адыгея (1,9, 0, 0,8).

[2] 2 и 3 места в 1999 г. занимали Республики Чеченская и Северная Осетия.

[3] В 1999 г. 1-место занимала Карачаево-Черкессия (Кф -9,4).

3. Разная «пропускная способность» правоохранительной и судебной системы применительно к общеуголовным и экономическим преступлениям. Последние гораздо чаще связаны с длительным и объемным расследованием, занятостью большого числа следователей и оперативных сотрудников, которые в это время практически не работают по материалам о других преступлениях.

4. Различия в соотношении интенсивности преступности против физических и юридических лиц. Преступления против государственных, общественных интересов, интересов юридических лиц более латентны: реагирование на них не происходит либо происходит помимо правоохранительных органов: коэффициенты потерпевших по расследованным делам различаются в контрастных по общим показателям регионах (Курганской обл. и Ингушской республики — почти в десять раз.

При этом в регионах с наиболее низкими общими коэффициентами преступности отмечаются низкие коэффициенты по потерпевшим (табл. 86).

Таблица 86

Регионы с наиболее высокими и низким коэффициентами потерпевших от преступлений (на 100 тыс. лиц 14 лет и старше)

Наиболее высокие коэффициенты				Наиболее низкие коэффициенты			
Регионы	Годы			Регионы	Годы		
	1997	1998	1999		1997	1998	1999
Курганская область	2184	2734	3461	Московская обл.	836	906	961
Пермская область	2542	2806	3418	Краснодарский край	960	981	961
Республика Бурятия	2789	2949	3193	Рязанская область	867	837	950
Республика Тува	2966	2926	3051	Пензенская область	756	817	905
Еврейская АО	2345	2444	2695	Респ. Башкортостан	626	718	814
Вологодская обл.	1920	2344	2671	г. Москва	725	619	673
Ивановская область	1708	2129	2614	Респ. Дагестан	527	538	646
Иркутская область	2407	2616	2605	Респ. Кабард.–Балкар.	265	407	446
Тюменская область	2160	2298	2569	Читинская обл.	302	182	405
Ленинградская обл.	1833.	2217	2442	Ингушская Респ.	272	245	364

Сотрудники правоохранительных органов из регионов, входящих в разные группы по значению Кф, отвечали примерно одинаково на вопрос «Может ли предприниматель не давать взяток за получение лицензии?». В Москве (регионе с низкой преступностью) не платящих нет; в Иркутске не платят 2 %; в Хабаровске — 3 %; платят регулярно в Красноярске — 38 %; в Хабаровске — 34 %; за безопасность представителям преступных формирований в Хабаровске, Москве и Иркутске платят практически все предприниматели; платят регулярно в Хабаровске — 66 %; в Иваново — 59 %; в Туле — 55 %.

5 Состояние внешнего социального контроля в регионах. При опросах более трети экспертов из числа сотрудников правоохранительных органов, судей отмечали частую распространенность насильственных преступлений как следствия недостатков социального контроля, а в Архангельской и Ивановской областях—каждый второй (табл. 87).

Таблица 87

Процент опрошенных сотрудников правоохранительных органов, судей, связывавших распространенность насильственных преступлений с недостатками социального контроля в регионе (% от числа опрошенных)

Иркутская обл.	Хабаровский край	Архангельская обл.	Ивановская обл.	Тульская обл.	Московская обл.	Красноярский край	Смоленская обл.
48	37	49	51	39	44	25	30

В Москве отмечался самый высокий коэффициент зарегистрированных преступлений в общественных местах (Кф в 1999 г.—336, что выше, чем в Республике Тыва (Кф-293) и Курганской области (Кф—137). Это могло быть связано со значительным числом сотрудников органов внутренних дел.

В результате проведенных исследований можно уверенно делать вывод о зависимости различий общих коэффициентов зарегистрированной преступности от структуры контингента лиц, совершающих преступления, преступной активности отдельных категорий таких лиц

1. В целом по России коэффициент корреляции общего числа зарегистрированных преступлений и преступлений лиц, повторно совершивших преступления, равен или близок к 1 (0,995).

Различия в интенсивности повторной и значительной части иной общеуголовной преступности в значительной мере связаны с различиями в *криминальной пораженности населения регионов* — коэффициентами проживающих там и состоящих на учете лиц с неснятой и непогашенной судимостью (Кк) —табл. 87. Со значительной криминальной пораженностью населения взаимосвязана и высокая преступность несовершеннолетних. Изменение места регионов в их иерархии по общим коэффициентам преступности сопровождалось их перемещением в иерархии регионов по коэффициентам алкогольной преступности и преступности лиц без определенного источника дохода[1].

---

[1] Высокие коэффициенты по *лицам, совершавшим преступления в состоянии наркотического или токсического опьянения*, также встречались в обоих полярных группах регионов. Самый высокий коэффициент отмечен в Москве (в 1997—1999 г. она занимала соответственно 2, 1, 1 место по величине данного коэффициента, в 1999 г. данный Кл—94 или 2,5 раза больше, чем в 1997 г.). Курганская область занимала в 1999 г. 2 место, Республика Дагестан —56, а Ингушская—38.

В течение ряда лет *прослеживается устойчивая связь общих высоких коэффициентов зарегистрированной преступности с Кф преступности лиц, ранее совершавших преступления* (табл. 88).

Таблица 88

Динамика Кф повторной преступности в 1994—1998 гг. (преступлений лиц, ранее совершавших преступления)

1994 год		1998 год		
Общий Кф (выше 3000)	Кф повторной преступн. (выше 500)	Общий Кф (выше 3000)	Кф преступности лиц, ранее соверш. преступления (выше 500)	
Наивысшая интенсивность				
Республики: Тыва-3990 Бурятия-3645 **Края:** Приморск.-4083 Хабаров.-3564 **Области:** Сахалинск.-4226 Евр.а.о.-3569 Томская-3490 Новосиб.-3259 Магад.-3149 Тюменская-3134 Читинская-3086 Ленингр.-3050 Калинингр.-3016 Курганская-3003	**Республики:** Тыва —827 Бурятия—599 Алтай-503 **Края:** нет **Области:** Брянская-671 Евр. А.о.—651 Омская-608 Кировск.-583 Томская-578 Тамбовск.-565 Владимир.-529 Новгород.-505 Арханг.-500	**Республики:** Бурятия 3646 Тыва-3100 **Края:** Хабаров.-3356 **Области:** Курганская 3659 Еврейская Авт. о. 3652 Сахалинская 3442 Магаданская 3410 Пермская 3230 Иркутская 3096	**Республики:** Бурятия – 863 Алтай – 808 Тыва– 739 Хакасия– 691 Коми– 688 Карелия –661 Марий–Эл –595 Удмуртская – 580 **Края:** Хабаровский – 766 Алтайский– 735 Приморский– 720 Красноярский– 644 Ставропольский –641 **Области:** Вологодская– 834 Иркутская–752 Брянская– 696 Архангельская– 684 Амурская–626 Ивановская–613 Владимир.–557 Астрахан.–524	Томская 1192 Еврейская Авт. 1017 Пермская 916 Курганская 859 Вологодская 834 Магаданская 803 Новосибирская 791 Калининградск. 779 Читинская 740 Псковская 706 Ленинградская 686 Тамбовская 671 Свердловская 634 Ярославская 629 Тюменская 627 Калужская 572 Костромская 525 Тверская 520 Челябинская 519 Тульская 508 Камчатская 508 Смоленская 503
Ниже 1500	**Самая низкая интенсивность — ниже 150**			
Республики: Башкортост. 1378 Карач.-Чер.1218 Каб.-Балк.1217 Сав.Осет-Алания-1314 Дагестан-1056 **Области:** Белгород.-1339 Воронеж.-1453 Г. Москва 1199 Чукот. А..о.1464 Ульян.-1452 Пензенская-1355	**Республики:** Карач.-Чер.68 Дагестан-105 Каб.-Балк.113 **Края:** Краснодар.142 **Области:** Москва-88 Ульяновск.-80 Моск.обл.128	**Республики:** Северная Осетия– Алания – 1269 Башкортостан– 1212 Каб.– Балк. – 1126 Дагестан– 944 Ингушетия– 465 **Области:** Рязанская– 1192 Пензенская– 1143 **Город Москва–** 958	**Республики:** Карач.-Чер-112 Ингуш.-25 **Город Москва-116**	

Обращает на себя внимание то, что в ряде регионов или плохо выявляются и ставятся на учет ранее судимые лица, или их криминальная активность чрезвычайно высока.

Из таблицы видно, что в республиках Тыва и Кабардино-Балкария равны показатели Кф и Кк. Это значит, что одно зарегистрированное преступление, совершенное лицом, ранее совершавшим преступление, практически приходится на каждого состоящего на учете ранее судимого лица. В то же время в других регионах число состоящих на учете значительно превышает число указанных преступлений: в Ингушской Республике — в 6 раз, в Москве — в три раза.

Высокие коэффициенты повторной преступности в значительной мере определяют высокую интенсивность многих других преступлений: против человека[1], хищений[2]; преступлений в сфере криминального рынка[3], а также (в меньшей степени) — преступлений в сфере функционирования криминальной среды[1].

---

[1] При криминологической классификации данная группа преступлений включает все преступления, от которых страдает человек: против жизни и здоровья - ст.ст. 105-125, против свободы, чести и достоинства личности - ст. ст. 126- 130 , против половой неприкосновенности и половой свободы личности - ст.ст. 131- 135, нарушение равноправия граждан - ст. 136, нарушение неприкосновенности частной жизни - ст. 137, нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений - ст. 138, нарушение неприкосновенности жилища - ст. 139, отказ в предоставлении гражданину информации - ст. 140, нарушение правил охраны труда - ст. 143, необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет - ст. 145, нарушение авторских и смежных прав - ст. 146, нарушение изобретательских и патентных прав - ст. 147, воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий - ст. 148, воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них - ст. 149, подмена ребенка - ст. 153, незаконное усыновление (удочерение) - ст. 154, разглашение тайны усыновления - ст. 155, вовлечение в занятие проституцией - ст. 240, надругательство над телами умерших и местами их захоронения - ст. 244, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности - ст. 299, незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей - ст. 301, принуждение к даче показаний - ст. 302.

[2] При криминологической классификации это: кража - ст. 158, мошенничество - ст. 159, присвоение или растрата - ст. 160, грабеж - ст. 161, разбой - ст. 162, вымогательство - ст. 163, хищение предметов, имеющих особую ценность - ст. 164, хищение либо вымогательство радиоактивных материалов - ст. 221, хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств - ст. 226, хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ - ст. 229, похищение или повреждение документов, штампов, печатей - ст. 325.

[3] Оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации - ч.3 ст. 138[3], торговля несовершеннолетними - ст. 152, оборот добытого преступным путем - ст. 175, незаконный оборот драгметаллов и камней - ст. 191, фальшивомонетничество - ст. 186, оборот поддельных пробирных клейм - ст. 181, оборот поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов - ст. 187, незаконный экспорт технологий, научно-технической информации и услуг, сырья, материалов и оборудования, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники - ст. 189, незаконный оборот оружия - ст. 222, Незаконный оборот наркотиков - ст. 228, организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ - ст. 232, незаконный оборот документов на наркотические средства или психотропные вещества - ст. 233, незаконный оборот сильнодействующих веществ и ядов - ст. 234, оборот вредоносных программ для

15 Зак. 3144

2. В преступную деятельность втягивалось все больше лиц, ранее не совершавших преступлений. Многие из них определяли тенденции коррупционной, экономической и иной преступности. Регионы с наиболее высокими Кф преступности лиц, ранее совершавших преступления, как правило, отличались и более высокими значениями Кф первичных преступников.

В то же время в ряде регионов со сравнительно низким Кф повторной преступности фиксировались высокие показатели Кф похищений человека (Ингушская республика, Дагестан и др.), преступлений террористической направленности и ряда других, совершавшихся ранее не судимыми лицами.

Не были выявлены различия наиболее благополучных (по общим показателям) и неблагополучных регионов по коррупционной преступности[2] и преступности, связанной с лишением государства и общества доходов субъектами экономической деятельности[3]. Отмечается увеличение числа указанных зарегистрированных фактов в большинстве регионов. Особенно выделялись следующие: Читинская обл., Тува, Сахалинская и Архангельская области. Стабильное снижение фиксировалось только в трех регионах: Хакасия (-45,9); Амурская обл. (-8,2) и Калининградская обл. (-27,0).

ЭВМ - ст. 273, организация или содержание притонов для занятия проституцией - ст. 241, незаконный оборот порнопродукции -ст. 242, незаконный оборот официальных документов и государственных наград - ст. 324, оборот поддельных идентификационных номеров транспортного средства и транспортных средств с такими номерами - ст. 326, изготовление и оборот поддельных документов, наград, печатей и т.п. - ст. 327, оборот оружия массового поражения - ст. 355.

[1] Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления - ст. 150, вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий - ст. 151, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем - ст. 174, Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем - ст. 175, организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем - ст. 208, бандитизм - ст. 209, Организация преступного сообщества (преступной организации) - ст. 210, склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ - ст. 230, организация объединения, посягающего на личность и права граждан - ст. 239, вовлечение в занятие проституцией - ст. 240, укрывательство преступлений - ст. 316, - ст. 241, дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества - ст. 321.

[2] Криминологически значимы: Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов - ст. 184, коммерческий подкуп - ст. 204, незаконное участие в предпринимательской деятельности - ст. 289, получение взятки - ст. 290, дача взятки - ст. 291.

[3] Незаконное предпринимательство - ст. 171, незаконная банковская деятельность - ст. 172, лжепредпринимательство - ст. 173, незаконное получение кредита - ст. 176, злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности - ст. 177, злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии) - ст. 185, контрабанда - ст. 188, невозвращение на территорию РФ предметов художественного, исторического и археологического достояния - ст. 190, нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней - ст. 192, невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте - ст. 193, уклонение от уплаты таможенных платежей - ст. 194, неправомерные действия при банкротстве - ст. 195, преднамеренное банкротство - ст. 196, Фиктивное банкротство - ст. 197, уклонение гражданина от уплаты налога - ст. 198, уклонение от уплаты налогов с организаций - ст. 199, обман потребителей - ст. 200.

Высокие коэффициенты выявленных преступников из числа официально зарегистрированных безработных отмечались в регионах и с высокой, и с низкой общей преступностью.

В подавляющем большинстве регионов в конце девяностых годов увеличивалась интенсивность экономической преступности, расширялся криминальный рынок (табл. 89).

Таблица 89

Интенсивность преступлений против человека, хищений, в сфере криминального рынка и функционирования криминальной среды в 1999 г.

Субъекты федерации	Кф преступлений против человека	Кф хищений	Кф преступлений в сфере криминального рынка	Кф преступлений в сфере функционирования криминальной среды	Преступное лишение госуд. и общества доходов субъектами экономич. деятельности	Коррупционная преступность	Экологическая: ст.ст. 246-62 УК РФ
Регионы с наиболее высокими общими коэффициентами преступности							
Курганская обл.	925	2 862	316	99	33	14,9	7,4
Пермская обл.	619	2 559	289	65	49	4,3	10,9
Еврейск. авт. обл.	479	2 224	666	86	75	4,4	6,2
Респ. Бурятия	474	2184	509	76	36	2,5	82,1
Хабаровский край	406	2 081	553	53	239	7,5	14,3
Сахалинская обл.	338	1 730	336	70	137	5,4	30,1
Магаданская обл.	316	1 796	507	55	193	8,8	16,2
Республика Тыва	607	1 787	464	35	64	1,4	1,8
Тюменская обл.	380	1 914	483	60	108	4,2	4,5
Новосибирск. обл.	254	2 060	458	53	56	8,9	9,2
Иркутская обл.	529	2180	374	50	103	2,3	10,2
Регионы с наиболее низкими общими коэффициентами преступности							
Белгородская обл.	160	988	167	21	102	8,1	2,3
Московская обл.	184	788	158	17	91	4,6	1,1
Респ. Сев. Осетия	99	656	251	12	183	4,0	1,1
Рес. Башкортост.	163	821	135	16	44	7,8	1,9
Рязанская обл.	135	829	140	18	70	3,3	4,8
Пензенская обл.	149	813	101	17	29	2,5	5,4
Кабард.-Балк. Рес.	142	695	212	12	61	2,7	0,7
Москва	91	446	268	8	74	7,4	1,9
Республ. Дагестан	84	358	227	46	52	2,7	27,8
Ингушская респ.	99	198	203	5	39	0,9	0

Коррупционная преступность, преступность в сфере экономической деятельности, а также экологическая преступность в значительной мере зависят от деятельности правоохранительных и контролирующих органов. Их различия могут быть связаны с разной степенью эффективности деятельности в регионах данных органов.

Криминологические типы регионов по статистическим данным

На основе анализа системы статистических данных были выделены три основных криминологических типа регионов.

В регионах первого типа криминальную ситуацию существенно определяет организованная преступность преимущественно в сферах экономической деятельности и криминального рынка.

К данному типу, судя по имевшимся данным, относится Дагестан. На фоне относительного благополучия с коэффициентами повторной и всей преступности, а также общеуголовной, там высок (для благополучной группы регионов) коэффициент преступлений в сфере функционирования криминальной среды. Это позволяет предполагать, что такая среда может заметно определять криминологическую обстановку (криминальную и криминогенную). Деятельность организованной преступности в Дагестане носит и традиционный общеуголовный характер, и связана с преступным оборотом наркотиков и оружия (Кф криминального рынка высок), похищениями человека (3-4 место среди регионов по Кф таких похищений), а также организованным браконьерством, осуществляемым в виде промысла: высок Кф экологических преступлений. В зарегистрированной экологической преступности в России 98,5 % составляют три состава преступления: незаконная порубка деревьев и кустарников (около 46 %), незаконная добыча водных животных и растений (около 45 %), незаконная охота (около 8 %). Дагестан входит в первую десятку регионов с высоким Кф преступности в сфере деятельности органов государства, его должностных лиц и атрибутики.

Похожая структура зарегистрированной преступности отмечается в Москве, а также ряде иных регионов.

В регионах второго типа преобладает общеуголовная преступность, преимущественно спонтанная, зависимая от пьянства и деморализации немалой части населения[1]. Такова, например, Курганская область.

Курганская область характеризовалась самыми высокими показателями интенсивности преступности (Кф). В 1997– 1999 гг. в области отмечается резкий рост Кф хищений (соответственно с 1740,6 до 2861, 8) , в 1999 г. Курганская область по Кф хищений и преступлений против человека вышла на первое место. Но в структуре преступлений против человека Курганская область характеризуется низким Кф похищений человека, средним по сравнению с другими регионами Кф умышленных убийств и причинения тяжкого вреда здоровью, несмотря на высокие темпы прироста данного вида преступлений; основной вклад в Кф преступности против человека в Курганской области вносят «иные» преступления. Криминологи предположили, что, по–видимому, в Курганской области в течение ряда лет сложилась и сохраняется ситуация, ориентирующая на совершение определенного вида преступлений и борьбу с ними, спо-

---

[1] См. о пьянстве, алкоголизме их связи с преступностью подробнее: Региональные рсрбеннсти тяжких насильственных преступлений, М., 2000.

собствующая выявлению и регистрации в первую очередь общеуголовных корыстных и насильственных преступлений. Опрос экспертов-сотрудников правоохранительных органов показал, что они это связывают с крайне низким уровнем жизни подавляющего большинства населения области. Крайняя нужда многих оборачивается значительным числом краж, совершаемых несовершеннолетними, молодыми людьми, общей деморализацией населения. На этом уровне оцениваются как достаточно серьезные и регистрируются кражи на такие суммы, которые в других регионах признаются «малозначительными». В Курганской области также отмечался один из самых высоких показателей Кф преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения (Кф 750 , более высокий только в Туве – 872) .

Регионы третьего криминологического типа отличается организованностью[1] и экономической, и значительной части общеуголовной преступности. Наиболее ярко это прослеживалось в Хабаровском крае. Там были высоки коэффициенты разных корыстных преступлений: и общеуголовных, и в сфере криминального рынка, и связанных с лишением государства и общества доходов в сфере экономической деятельности. По мнению 76 % опрошенных в этом регионе сотрудников правоохранительных органов, организованные преступники проникают в органы законодательной власти; по мнению же 53 % — и в правоохранительные органы.

Анализ опроса сотрудников правоохранительных органов Хабаровского края, где по данным статистики высоки показатели преступности в сфере криминального рынка, показал, что 90 % из них считает, что преступность в регионе растет, в преступную деятельность втягивается все большая часть населения. Наиболее часто, по мнению экспертов, в своей профессиональной деятельности, им приходится встречаться с корыстными преступлениями, как следствием «теневой» экономической деятельности и складывающихся в теневой экономике отношений (45 %), а также с корыстными преступлениями как следствием погони за сверхдоходами (42 %).

В Хабаровском крае значительное число опрошенных сотрудников правоохранительных органов указали на преступления, связанные с незаконным оборотом оружия (40 %), меньший процент экспертов указал на негативные тенденции преступлений в сфере незаконного оборона наркотиков (29 %), хотя в 1997- 1999 годах

---

[1] Такие показатели, как совершение преступлений группами и организованными группами, не использовались при анализе организованности преступности, так как они были оценены как отражавшие —и выборочно — в основном общеуголовную преступность несовершеннолетних и молодежи.

фиксировалась высокая интенсивность зарегистрированной преступности данного вида. По Кф преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков Хабаровский край занимал в 1999 г. пятое место среди всех регионов РФ.

Количественное соотношение удельного веса отдельных видов преступности в указанных регионах представлено в таблице 90.

Таблица 90

Соотношение удельного веса разных видов преступлений в зарегистрированной преступности отдельных регионов разного типа в 1999 г. (в %)

	Хищения	Против человека	Криминальный рынок	Преступления субъектов экономич. деятельности	Против государственности	В сфере функционирования криминальной среды	Иные
Регионы первого криминологического типа							
Республика Дагестан	37	8,7	23,5	5,4	3,6	4,8	16,8
Город Москва	41,9	8,6	25,2	6,9	0,2	0,7	16,5
Регион второго криминологического типа							
Курганская область	60,2	17,8	6,4	0,2	0,7	1,4	5,3
Регион третьего криминологического типа							
Хабаровский край	54,7	10,7	14,6	6,3	2,0	1,4	9,5

Хабаровский край отражал как особенности других приграничных регионов России, так и краев России, имеющих в своем составе национальные образования, а также республик и автономных округов, а также областей.

При сравнении криминальной ситуации в двух регионах с высокими коэффициентами преступности – Иркутской области и Хабаровском крае — обнаруживались существенные различия структуры преступности, ее качественных характеристик.

Судя по данным опроса, в Иркутской области прослеживалась большая роль именно общеуголовной преступности, в значительной степени связанной с алкоголизацией части населения. Имела место меньшая распространенность, по сравнению с Хабаровским краем, организованной преступности (или большая ее законспирированность и менее интенсивная деятельность правоохранительных органов по ее выявлению). Среди факторов, чаще всего лежащих в основе совершаемых в регионе корыстных преступлений, эксперты в Иркутской области отметили: 45 % – алкоголизацию населения (Хабаровский край – 8 %), 22 % – абсолютную нужду (16 % — Хабаровский край), 44 % – нежелание активно искать легальные источники дохода (29 % – Хабаровск), 18 % — влияние «теневой» экономики (45 % — Хабаровск). Среди наиболее часто встречающихся обстоятельств совершения в регионе насильственных преступлений, эксперты Иркутской обл. отметили: 52 % —- алкоголизацию населе-

ния (10 % – Хабаровск); 13 % — насилие в семье в отношении супругов, детей, других членов семьи (10 % — Хабаровск); 8 % — обеспечение корыстных интересов (40 % — Хабаровск); 8 % — недостатки социального контроля (5 % — Хабаровск).

В Хабаровском крае, судя по данным опросов, отмечалось очень существенное влияние на жизнь региона организованной преступности, о чем подробнее говорится в главе об организованной преступности.

§ 5. Особенности преступности в регионах, выделяемых по общим социальным характеристикам

Особенности преступности в приграничных регионах

Анализ системы показателей о зарегистрированной преступности показывал, что в приграничных регионах активно функционирует криминальная среда, которая в основном извлекает доходы в сферах криминального рынка и преступной экономической деятельности. Там же были высоки коэффициенты преступлений в сфере и против государственности (табл. 90).

Особенно неблагоприятное положение по совокупности статистических показателей было в конце девяностых годов в следующих регионах: Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Тыва, Приморский край, Хабаровский край, Еврейская авт. обл., Курганская обл., Ленинградская обл., Магаданская обл., Сахалинская обл[1].

Приграничные регионы входили в группу тех, для которых характерны высокие коэффициенты преступности иностранцев[2].

Особенности преступности в республиках, автономных областях и округах

Большинство национальных образований, как и немало краев, входят в группы регионов со средними или невысокими коэффициентами преступности. Однако обращают на себя внимание некоторые структурные особенности зарегистрированной там преступности (табл. 91).

---

[1] Именно там отмечались наиболее высокие коэффициенты повторной преступности и криминальной пораженности населения регионов. Коэффициент состоящих на учете лиц с неснятой и непогашенной судимостью, проживающих в Еврейской автономной области, на 100 тыс. лиц 14 лет и старше, — 1211. Он оказался наивысшим в России (средний —523). Там же был самый высокий коэффициент лиц, повторно совершивших преступления. В 1998 г. он составлял 916, а в среднем по России—344.

[2] 3 место по Кф преступности иностранцев в 1999 г. занимали Сахалинская область (48), 4—г. Санкт-Петербург (43), 6— Хабаровский край, 7 —Смоленская область, 8—Белгородская область. По выявленным лицам (Кл преступности иностранцев) Хабаровский край выходил на 3 место.

Таблица 91

Самые высокие показатели Кф отдельных видов преступности в регионах в 1999 — 2000 годах

Регионы	Криминальный рынок (Кф от 500)		Преступность в криминаль-ной среде (Кф от 70)		Террористической направленности (Кф от 10)		В сфере формирования и деят. госуд. структур (Кф от 50)		Похищения человека (Кф от 5)	
	Годы		Годы		Годы		Годы		Годы	
	1999	2000	1999	2000	1999	2000	1999	2000	1999	2000
1. Республика Адыгея	509	497					36	95		
2. Республика Алтай			86	96			49	60		
3. Республика Бурятия	509	476	79	70	2,1	14,4	47	60		
4. Республика Дагестан			47	74			61	50	6,2	3,5
5. Республ. Ингушетия									18,2	6,1
6. Кабард.-Балкарская Республика					5,1	0,8				
7. Респ. Калмыкия			124	79			54	67		
8. Карачаево-Черкесская Республика							59	25		
9. Респ. Сев. Осетия - Алания									9,8	5,4
10. Республика Тыва	464	526					50	41		
11. Чеченская Республ.			-	69	-	80,8			12,4	22,9
12. Приморский край	480	505					56	56		
13. Хабаровский край	553	562					75	94		
14. Брянская обл.										
15. Еврейская авт. обл.	666	626	86	93			61	53		
16. Камчатская обл.	455	546								
17. Курганская обл.			100	92						
18. Ленинградская обл.			77	74						
19. Санкт-Петербург										
20. Магаданская обл.	507	527					51	49		
21. Москва					7,4	11,5				
22. Омская обл.							33	55		
23. Орловская обл.					11,7	12,5				
24. Сахалинская обл.			86	81			53	43		
25. Тульская обл.										
26. Тюменская обл.			79	50	17,0	7,7	102	107		
27. Читинская обл.			94	80						
28. Агинский Бурятский авт. округ			86	81			35	45		
29. Чукотск. авт. округ										
30. Ханты-Мансийский а.о.	586	507					86	56		
31. Ямало-Ненецкий а.о.							40	55		
32. Коми-Пермяцкий а.о.			82	66						
33. Усть-Ордынский а.о.			78	72						
34. Эвенкийск. авт. округ							115	90		

Удельный вес национальных образований (республик, автономных областей, округов) в общем числе субъектов федерации составляет 36 %, но на них приходилось в 1999-2000 половина и более

самых неблагополучных регионов по Кф криминального рынка, преступлений в сфере функционирования криминальной среды, преступлений против государственности. Наивысшие коэффициенты похищения человека только в четырех Северо-Кавказских республиках. Так, из 13 регионов с наиболее высокими Кф преступности в сфере функционирования криминальной среды 8 —это указанные национальные образования; из 9 с самыми высокими коэффициентами криминального рынка — таких регионов 5, из 17 регионов с высокими коэффициентами преступности в сфере формирования и деятельности структур государства, его должностных лиц и атрибутики —11, из 6 регионов с высокими Кф преступлений террористической направленности их 3. На надо иметь в виду то, что преступления террористической направленности в областях совершались нередко выходцами из Северо-Кавказского региона.

Некоторые особенности преступности в российских областях

Именно в областях в конце девяностых годов отмечались наиболее высокие темпы прироста зарегистрированной преступности (в Курганской, Костромской, Мурманской, Оренбургской, Тюменской, Ульяновской и других областях).

В условиях снижения численности населения в Центральной России особенно резко в 1997—1999 годах возросли значения Кф в Вологодской области (2372 до 3219), Ивановской области (с 2032 до 2838), Кировской области (с 1797 до 2820), Орловской (1456 до 1980) и др. Преимущественно там росло число зарегистрированных хищений. Их удельный вес доходил до 60 % и более в общем числе зарегистрированных преступлений. При этом происходило снижение числа зарегистрированных преступлений против жизни, здоровья, прав и свобод человека. Но надо учитывать, что многие «новые» преступления могли оставаться латентными.

Опрос экспертов в Ивановской области показал, что они сравнительно часто встречались с новыми обстоятельствами совершения преступлений. Видимо, там существенно менялись качественные характеристики преступности, а в уголовной статистике такие изменения не отражались адекватно.

Преступность в городах и сельской местности

В 1986 - 1989 годах преступность преимущественно росла в городах и поселках городского типа. При этом удельный вес городской преступности в общей был ниже, чем удельный вес городского населения в населении России. В 1986 году удельный вес городской преступности составлял 68 %, а городского населения - 73 %. Соответственно коэффициент городской преступности (858 на 100

тыс. сельского населения) был ниже, чем сельской (1 120 на 100 тыс. сельского населения).

В последнем десятилетии XX века темпы роста городской преступности значительно превышали темпы роста сельской, в результате чего к концу девяностых годов удельный вес преступлений в городах и поселках городского типа стал составлять более 70 % с общем числе зарегистрированных (до 1987 г. был менее 70 %), а удельный вес сельской преступности стал ниже 30 % (табл. 92).

Городская преступность все больше становилась проблемой республиканских, краевых, областных центров. В 1991—1992 гг. там стало совершаться более половины всех городских преступлений. Таким образом, в годы перестройки и начала реформ преступность, с одной стороны, все больше перемещалась в республиканские, областные, краевые центры, с другой — в сельскую местность.

Таблица 92

Изменения городской и сельской преступности в России в 1986—1999 гг.

Годы	Преступления в городах и поселках городского типа			Преступления в сельской местности		
	Абс. данные	Темпы прироста к 1986г., %	Уд. вес в общем числе преступлений, %	Абс. данные	Темпы прироста к 1986г., %	Уд. вес в общем числе преступлений %
1986	903 669	-	68	434 755	-	32
1987	813 064	- 10	69	372 850	- 14	31
1988	878 103	- 3	72	342 258	- 21	28
1989	1 204 024	+ 33	74,4	415 157	- 5	25,6
1990	1 366 084	+ 51	74,3	473 367	+ 9	25,7
1991	1 605 459	+ 78	74,1	562 505	+ 29	25,9
1992	2 039 791	+126	73,9	720 861	+ 66	26,1
1993	2 167 574	+140	72,6	819 197	+ 88	27,4
1994	1 945 851	+115	73,9	686 857	+58	26,1
1995	1 978 218	+119	71,8	777 451	+79	28,2
1996	1 885 164	+108	71,8	739 917	+70	28,2
1997	1 699 055	+88	70,9	698 256	+61	29,1
1998	1 829 921	+102	70,9	752 019	+73	29,1
1999	2 125 453	+ 135	70,8	876 295	+ 101	29,2

В какой мере все это отражало миграционные процессы, могут показать данные о передвижениях населения, в том числе беженцев. Наиболее надежным источником таких данных может быть только корректно проводимая перепись населения России[1].

Итак, изучение «географии» преступности — это многоаспектный анализ, предполагающий учет многих обстоятельств.

---

[1] Что касается переписи 2002 года, то в печати появилась информация о том, что первоначально составленный и утвержденный перечень вопросов затем был произвольно сужен.(Перепись признана фальшивой// МК. 2003. 23 янв.

Глава 8. Преступность на разных объектах и в различных сферах деятельности

§ 1. Социально- объектная характеристика преступности

Название данной характеристики носит, пожалуй, наиболее общий характер, так как криминологами используется очень широкий спектр специальных критериев выделения объектов, на которых изучается криминальная и криминогенная ситуации.

Учитывают виды поселений; разные сферы жизнедеятельности (экономическую, политическую, социальную, духовную), а в них выделяют более конкретизированные сферы: преступность в сфере правоохранительной деятельности, кредитно-финансовых отношений[1], спорта, культуры, золотодобывающей промышленности и т.п. Учитываются также разные функциональные характеристики пространства (общественные места, квартиры, учреждения), различная степень охраняемости помещений и т.п.

Избрание критериев выделения специализированных объектов определяется характером исследования, его задачами, сутью решаемых проблем. При этом допустимо пользоваться несколькими критериями. Это позволяет делать, в частности, анализ данных карточек первичного учета. При изучении причин роста преступности в одном из регионов России выяснялось, за счет чего происходил рост краж. В аналитических документах региона отмечалось, что это имело место за счет увеличения краж из садовых домиков и было связано с интенсивным увеличением числа садоводческих товариществ и количества садоводов. Анализ карточек первичного учета показал, что рост краж происходил отнюдь не за счет данного фактора: увеличивалось число краж из квартир, магазинов, складов и т.п., в том числе из таких объектов, которые были оборудованы охранной сигнализацией. Данный вывод давал основание для предположения, что, во-первых, за ростом краж стояла активизация деятельности профессиональных воров, во-вторых, могло быть неудовлетворительным состояние охранной сигнализации. Последнее при проверке подтвердилось: объекты, значившиеся как оборудованные такой сигнализацией, фактически ее не имели в результате неисправности, отключения из-за частых поломок и ложных сигналов тревоги. Указанные результаты анализа важны для понимания причин происходящего и совершенствования борьбы с преступностью.

---

[1] См.: *Сатуев Р.С., Шраер Д.А., Яськова Н. Ю.* Экономическая преступность в финансово-кредитной сфере. М., 2000. *Егоршин В.М., Колесников В.В.* Преступность в сфере экономической деятельности. СПб, 2000 и др.

В уголовной статистике традиционно выделяются преступления, совершаемые на улицах, площадях, в парках, скверах населенных пунктов. Позднее стали выделяться преступления, совершаемые на дорогах, трассах вне населенных пунктов. Динамика таких деяний при их анализе увязывается с состоянием охраны общественного порядка, деятельностью патрульно-постовой и иных служб, в также иными аспектами социального контроля.

В России росло зарегистрированное число преступлений, совершавшихся на улицах с 1987 г. до 1991-1992 годов, затем абсолютное число преступлений и удельный вес уличной преступности в структуре всей зарегистрированной преступности устойчиво сокращался. Особенно резко возросло число зарегистрированных «уличных преступлений» в 1989—1990 годах. Это было тогда связано не только с очевидно осложнившейся криминальной ситуацией, но и с более полной регистрацией нераскрытых преступлений. Преобразование милиции в 1991 г., оказало определенное воздействие на сокращение уличной преступности, так как деятельность милиции общественной безопасности оказалась более приближенной к месту совершения преступления. В начале XXI века вновь обозначилась тенденция роста (табл. 93).

Таблица 93

Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных в общественных местах, в том числе в населенных пунктах, а также вне их, в России в 1994—2002 годах (число зарегистрированных преступлений указанного вида и их удельный вес в общем числе зарегистрированных, %)

Преступления, совершенные :	в общественных местах				на дорогах, трассах вне населенных пунктов	
	Всего		в т. ч. на улицах, площадях, в парках и скверах населенных пунктов			
	Абс. число	Уд. вес, %	Абс. число	Уд. вес, %	Абс. число	Уд. вес, %
1994 г.	Показатель не выделялся		283 139	10,8	Показатель не выделялся	
1995 г.			269 510	9,8		
1996 г.			219 211	8,3		
1997 г.			191443	8,0		
1998 г.			186 895	7,2		
1999 г.	269 350	9, 0	175 427	5,8	17 302	0,6
2000 г.	258 434	8,8	163 948	5,6	16 974	0,6
2001 г.	271 424	9,1	174 759	5,9	16 186	0,5
2002 г.	279 751	11,1	189 451	7,5	15 562	0,6

В 1991—1995 году наибольшее сокращение коснулось совершавшихся на улицах счет краж (— 18 %), грабежей (— 14 %), изнасилований (— 13 %). Но в этот же период возросло число фактов хулиганства (+ 18 %), умышленных тяжких телесных поврежде-

ний (+ 20), разбоев (+56). Более, чем в 2 раза выросло число совершавшихся на улицах умышленных убийств (+109 %).

В 1995—2000 годах почти вдвое снизилось зарегистрированное число совершавшихся на улицах убийств с покушениями (с 3963 до 2060), умышленного тяжкого причинения вреда здоровью (умышленных тяжких телесных повреждений) — с 11 899 до 6231, хулиганства (с 47 594 до 23 877), в два с половиной раза — число изнасилований с покушениями (с 1480 до 559), почти в полтора раза число фактов разбоев (с 9024 до 6650), грабежей (с 63 690 до 42 389), краж (с 76 251 до 44 278).

Итак, казалось бы, уголовная статистика фиксировала позитивный перелом на определенном участке борьбы с преступностью — с «уличной» преступностью. Но в 2002 году на фоне общего снижения числа зарегистрированных преступлений отмечен рост последней. Конечно, изменения законодательства о порядке возбуждения уголовных дел (УПК РФ) не могло так сильно повлиять на статистику преступлений, совершаемых в общественных местах, как на экономические и иные. Прежде всего — в силу очевидного и общеуголовного характера значительного числа «уличных» преступлений. В основной своей массе — это не беловоротничковая преступность субъектов, защищенных уголовно-процессуальными иммунитетами.

Однако при анализе «уличной преступности» нельзя забывать о системно-структурном характере преступности в целом как социального явления.

Во-первых, при использовании такого сугубо внешнего признака, как место совершения преступления — улица, нивелируются содержательные признаки совершаемые на улице деяний. На одном из «высоких» совещаний представитель Министерства обороны РФ призывал представителей правоохранительных органов, спецслужб не преувеличивать опасность организованной преступности и предстоящий форум посвятить исключительно проблемам борьбы с «уличной» преступностью. Но он не нашелся, что ответить, на вопрос: «Относите ли Вы к «уличной преступности» заказные убийства, исполняемые там, криминальные разборки с взрывами и т.п.?». Совершенно понятно, что нельзя было противопоставлять организованную и уличную преступность хотя бы уже потому, что наиболее опасные проявления уличной преступности — это итог организованной преступной деятельности. На улицах выявляются различные проявления организованной преступной деятельности (оборот наркотиков и т.п.). Вот, например, как выглядела структура уличной преступности в январе-марте 2000 года: кражи — 25,7 %, грабежи, разбои — 32,2 %, хулиганство — 14,5 %, связанные с незаконным

оборотом наркотиков — 4,8 %, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 3,2 %, убийства — 1,1 %, прочие — 18, 5 %[1].

Во-вторых, сосредоточение усилий только на борьбе с «уличной» преступностью нередко сводится к вытеснению преступников с улиц, иных общественных мест, но это еще не означает реального успеха в деле противостояния преступности вообще. В таких случаях часто меняются только формы и место криминального поведения. Усиление борьбы с хулиганством в общественных местах в середине семидесятых годов привело к перемещению хулиганский деяний в общежития, коммунальные квартиры и другие места.

Признавая структурный характер преступности, практически все криминологи выделяют отдельные ее составляющие[2]. Уже сама по себе структура преступности — соотношение разных ее видов — позволяет судить о качественной характеристике преступности в определенных пространственно-временных границах: или в ней преобладает особо тяжкая и тяжкая преступность, или — преступления, не являющиеся таковыми; или преступность носит преимущественно умышленный корыстный характер, или в ней значителен удельный вес неосторожных преступлений, преступлений, совершенных по иным мотивам и т.п. Кроме того, выделение видов преступлений и преступности позволяет более глубоко изучать их особенности, специфику детерминации, причинности, а также разрабатывать дифференцированные меры борьбы. Не учитывать криминологически значимых особенностей отдельных видов преступности — это значит не обеспечивать целенаправленно дифференцированный подход к разным криминальным проявлениям[3].

Однако только на базе усвоения общих закономерностей преступности, понимания сложного, системного ее характера могут успешно развиваться исследования особенностей отдельных ее видов, вычленяемых на основе различных критериев.

---

[1] Состояние преступности в России за январь-март 2000 года. М., 2000. С. 36.

[2] Структура преступности определяется в литературе как «удельный вес и соотношение различных видов преступлений в общем их числе за определенный период времени на определенной территории». (Курс советской криминологии. Т. 1. М., 1985. С. 156).

[3] Н.Ф. Кузнецова применительно к видам преступлений писала, что они классифицируются по уголовно-правовым либо криминологическим основаниям[3]. При этом значимо соотношение: 1) особо тяжких, менее тяжких и преступлений небольшой тяжести, 2) видов преступлений по классификации, данной в Особенной части УК; 3) видов преступлений по доминирующей мотивационной направленности. Данное предложение вполне вписывается в выявление таких характеристик преступности, как общественная опасность, социальная и мотивационная направленности. Кроме того, Н.Ф. Кузнецова отмечает важность выявления долей: групповой преступности, преступности несовершеннолетних, рецидива и т.д. Рекомендуемый к выделению перечень видов преступлений у других авторов имеет свои модификации. При этом используются самые разные подходы и критерии. (Криминология. Под ред. Кузнецовой Н.Ф., Миньковского Г.М. М., 1998. С. 93).

Усложнение самой преступности, представлений о ней породило мнение о необходимости дробления криминологии путем выделения криминологии семейной, военной, экономической, политической и т.п.[1]. Совершенно понятно, что криминологическое изучение преступности в сфере семейных отношений предполагает и анализ самой этой преступности, и ее детерминации с вычленением причинности, и особенностей борьбы с ней, методик ее изучения. Но можно ли в этом случае говорить о новой науке — семейной криминологии? Думается, что нет, так как закономерности преступности в сфере семейных отношений нельзя изучать без знания закономерностей преступности вообще, следует учитывать закономерную взаимосвязь преступности в семье и так называемой «алкогольной преступности», «рецидивной преступности», других ее видов. Методология и методика криминологии весьма значимы и для изучения отдельных видов преступности. Сохраняют для них свое значение и общая теория преступности, ее детерминации, причинности, и теоретические учения о преступнике, борьбе с преступностью.

§ 2. Проблема выделения преступности в разных сферах деятельности

Со временем наряду с понятием «виды преступлений» стало употребляться иное — «виды преступности», которое фактически, часто без пояснений, отражает два явления:

1 — совокупность преступлений, выделяемых на основе одного или нескольких критериев: «преступность несовершеннолетних», «корыстная преступность», «насильственная преступность», и т.п.,

2 — проявление преступности, как сложного социального явления, в разных сферах жизнедеятельности.

Например, при выделении «преступности в сфере экономики» анализируются не только преступления в сфере экономической деятельности, предусмотренные главой 22 УК РФ, но вся совокупность проявлений преступности в сфере экономики, включая также насильственные (например, заказные убийства на почве обеспечения экономического монополизма, иные общеуголовные деяния, экологические, компьютерные, коррупционные и т.п.). По данным уголовной статистики, в 1999 —2000 годах из числа экономических преступлений (303 822 и 376 367) было совершено в сфере экономической деятельности соответственно только 10 % и 14 % (30 808

---

[1] Д.А. Шестаков пишет: «Сегодня семейная криминология представляет собой сформировавшуюся научную дисциплину, входящую, как часть в целое, в общую криминологию». Новой учебной дисциплиной называет «Политическую криминологию» П.А. Кабанов (*Кабанов П.А.* Политическая криминология. Программа курса. Нижнекамск, 1998).

и 51 585). С другой стороны, в сфере экономической деятельности совершаются не только экономические преступления, но и умышленные убийства, вымогательства, должностные преступления, коммерческий подкуп и т.д.

Понятие «экономическая преступность» в литературе связывается с понятием «экономика» и ее рассматривают как часть не только преступности, но и теневой экономики[1]. Экономической преступностью разные авторы считают: 1) преступность в сфере экономической жизни общества, 2) преступность только субъектов экономической деятельности в сфере экономики, 3) преступность по экономическим мотивам, 4) преступность, выделяемую на основе сразу двух или даже трех этих признаков[2]. Во всех этих случаях не совпадают друг с другом круги соответствующих преступлений, совокупность которых будет считаться «экономической преступностью». Есть и такие работы, в которых употребляется понятие «экономические преступления» в понимании раздела VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики»[3].

Как уже отмечалось, в сфере экономики[4] совершаются не только деяния, предусмотренные разделом VIII УК РФ (лжепредпринимательство, лжебанкротство, хищения), но и служебный подлог, и коммерческий подкуп, и заказные убийства, другие деяния. В то же время, например, некоторые из преступлений, отнесенных УК РФ к сфере экономики, могут иметь не только экономическую, корыстную, но и иную мотивацию (политическую, социальную и т.д.). Среди ведущих мотивов преступлений экономического характера встречаются и такие, как стремление к самоутверждению — субъект доказывает окружающим, что способен на многое, хотя лично сам не считает материальные блага высшей ценностью. Встречаются и

---

[1] *Колесников В.В.* О феномене криминализации в экономической жизни общества и его осмыслении в теории// Экономическая теория на пороге XX1 века—2. М., 1998. С. 750-759. *Есипов В.М.* Теневая экономика. М., 1998; Теневая экономика и организованная преступность. М., 1998.

[2] *Яковлев А.М.* Социология экономической преступности. М., 1988; *Свенссон Б.* Экономическая преступность. М., *1986; Колесников* В.В. Экономическая преступность и рыночные реформы. СПб, 1994; *Корчагин А.Г., Иванов А.М., Щербаков А.В.* Экономические преступления. Политико-правовые аспекты. Владивосток, 1999. *Волженкин Б. В.* Экономические преступления. Спб, 1999.

[3] *Горшенков Г.Н.* Криминология. Введение в учебный курс. Сыктывкар, 1995.

[4] Понятие «преступность в сфере экономической деятельности» употребляется в учебнике «Криминология» под ред. Бурлакова В.Н., Сальникова В.П., Степашина С.В. Спб. 1999, с. 334, книге «Преступность и реформы в России».М., 1998. Волженкин Б.В. в книге «Экономические преступления» (Спб, 1999) фактически пишет о преступлениях в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 УК РФ. Понятия «экономическая преступность», «преступления в сфере экономики», «корыстная преступность» используются Яковлевым А.М. без должного их разграничения и пояснения в работе «Социология экономической преступности». М., 1988.

общественно-политические мотивы — получить средства для достижения своих общественно-политических интересов[1]. Тогда возникает вопрос о том, имеем ли мы дело с политическими или экономическими преступниками.

Ввиду многозначности понятия «экономическая преступность» важно в каждом случае четко определять, что же является критерием выделение вида[2]. От этого зависит круг преступных деяний, границы и характеристики явления.

Отечественное законодательство дает основание для разной трактовки экономической преступности, понимания ее как: 1) совокупности преступлений в сфере экономической деятельности, предусмотренных главой 22 УК РФ; 2) для обозначения всех преступлений в сфере экономики. Раздел YIII УК РФ «Преступления в сфере экономики» с криминологической точки зрения содержит и общеуголовные деяния (кражи, разбои, вымогательство и т.п.) и типично «экономические» (незаконное предпринимательство, лжепредпринимательство, незаконное использование товарного знака, присвоение или растрата с использованием виновным лицом своего служебного положения), и даже коррупционные (подкуп участников и организаторов профессиональных и спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов).

Специфическими видами экономической преступности являются *преступность налоговая* и *преступность таможенная*, борьбу с которыми ведут соответственно органы налоговой полиции и таможенные. Эти виды нередко выделяются для более детального их исследования. Но всегда следует четко определять, что конкретно имеется в виду. Ведь и таможенным, и налоговым органам приходится, как правило, встречаться со сложной преступной деятельность в сферах налогообложения и таможенной деятельности.

Показательно, что и при употреблении понятия «политическая преступность» существует три основных подхода:

1) речь идет о преступлениях в политической сфере, связанной прежде всего с вопросами о власти в государстве, государственном строе, политическом режиме;

---

[1] Из истории известны факты получения средств для революционной деятельности путем совершения общеуголовных корыстных и экономических преступлений.

[2] В Германии в директивах полиции об обмене информацией в качестве экономических преступлений рассматриваются и регистрируются как таковые все преступления, перечисленные в §71 Закона о судоустройстве: экономические преступления, а также те, которые совершаются при осуществлении действительной или мнимой экономической деятельности и способны причинить ущерб экономике или иной ущерб обществу, и (или) раскрытие которых требует особых, специальных познаний в сфере экономики. *H.-J. Kerner* (Hrsg.) Krimilogie Lexikon. Heidelberg. 1991.

16 Зак. 3144

2) имеются в виду одновременно два критерия: совершение преступлений в политической сфере и по политической мотивации;

3) принимается во внимание только указанная мотивация и предполагается, что она может влечь совершение разных по юридической квалификации деяний.

Вопрос о том, что такое «политическое преступление» не решен в российском законодательстве. И это было отмечено в Федеральном законе «О ратификации Европейской Конвенции о выдаче, дополнительного протокола и второго дополнительного протокола к ней», принятого в 1999 г. В подпункте 2 пункта 5 статьи 1 данного Федерального закона записано: «2) "Российская Федерация исходит из того понимания, что законодательство Российской Федерации не содержит понятия «политические преступления». Во всех случаях при решении вопроса о выдаче Российская Федерация не будет рассматривать в качестве «политических преступлений» или «преступлений, связанных с политическими преступлениями» наряду с преступлениями, указанными в статье 1 Дополнительного протокола 1975 года к Европейской конвенции о выдаче 1957 года, в частности, следующие деяния: а) преступления против человечества, предусмотренные в статьях II и III Конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него (1973 года) и в статьях 1 и 4 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 года); б) преступления, предусмотренные в статье 85 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв международных вооруженных конфликтов (1977 года), и в статьях 1 и 4 Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающегося защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера (1977 года); в) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 года), Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации (1971 года), и Протоколе о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию (1988 года), дополняющем вышеупомянутую Конвенцию 1971 года; г) преступления, предусмотренные в Конвенции о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов (1973 года); д) преступления, предусмотренные в Международной конвенции о борьбе с захватом заложников (1979 года); е) правонарушения, предусмотренные в Конвенции о физической защите ядерного материала (1980 года); ж)

правонарушения, предусмотренные в Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 года); з) иные сравнимые преступления, предусмотренные в многосторонних международных договорах, участником которых является Российская Федерация".

В международно-правовых документов используются также нечеткие термины. Так, в статье 13 Европейской Конвенции о пресечении терроризма (ETS N 90. Страсбург, 27 января 1977 года) говорится: «1. Любое государство может при подписании или сдаче на хранение своей ратификационной грамоты или документа о принятии или одобрении заявить о том, что оно оставляет за собой право отказать в просьбе о выдаче в отношении любого преступления, указанного в статье 1, которое оно квалифицирует *в качестве политического преступления, или преступления, связанного с политическим преступлением, или преступления, вызванного политическими мотивами, (*выделено автором - *А.Д.)* при условии, что оно надлежащим образом будет учитывать при оценке характера преступления любые особо серьезные аспекты этого преступления, включая случаи, когда: а) оно создало коллективную опасность для жизни, физической неприкосновенности или свободы людей; или b) оно затронуло лиц, не имеющих отношения к мотивам его совершения; или с) при его совершении были использованы жестокие или циничные методы.».

Другими словами, здесь, во-первых, различаются понятия «политическое преступление» и «преступление, вызванное политическими мотивами», во-вторых, здесь и в других международно-правовых документах не разъясняется, что же имеется в виду под «политическим преступлением», если это не преступление, совершенное по политическим мотивам. Остается, очевидно, только одно: преступление, совершенное в политической сфере. Например, практика Германии идет по линии признания политическими преступлениями тех, которые непосредственно направлены на подрыв основ государственного устройства или конституционных органов, добрых отношений с иностранными государствами или связаны с воспрепятствованием осуществлению избирательного права граждан, выборами в органы государственной власти.

Все это заставляло криминологов, законодателя и практикующих юристов отходить от использования только уголовно-правовых признаков и формулировать в работах и документах признаки содержательные, криминологические.

В 2001 году при криминологическом изучении деятельности организованной преступности в политической сфере жизни общества мы руководствовались следующими теоретическими и операциональными соображениями[1]:

Термин «политика» произошел от греческого politikė, что означает «искусство управления государством». Государство — главное политическое учреждение. Субъект, определяющий деятельность государства, имеет политическую власть в стране.

Центральный политический вопрос — это вопрос о государственной власти, отношении к ней, ее институтам, характере использования государственно-властных полномочий, а также о взаимодействии государства с другими составляющими политической системы общества, деятельности политических партий и движений, осуществлении оппозиционной политической деятельности в рамках уголовного закона и др.

§ 3. Преступность в политической сфере жизнедеятельности общества

Итак, политическая сфера жизнедеятельности общества в нашем исследовании понималась как сфера:

1 — деятельности государства, его институтов, органов местного самоуправления, партий, политических движений, политически ориентированных средств массовой информации по поводу управления делами государства и общества;

2 — отношений разных субъектов по поводу государственной власти, ее формирования, использования, передела, переориентации и т.п.;

3 — реализации и формирования политических интересов, ценностей, установок, взглядов и убеждений.

Криминологически существенно то, что политическая сфера жизни общества — это поле разнообразной преступной деятельности различных субъектов: должностных лиц и не имеющих никакого официального статуса в государственных или политических структурах; руководствующихся не только общественно-политической мотивацией (устройство, управление государством и обществом, участие в этом управлении, оказание определенного влияния на реальные общественные отношения через оппозиционную политическую деятельность и т.п.), но также и социально-

---

[1] См.: Долгова А.И., Астанин В.В., Дзюба Д.И., Ильин О.С., Казаков Р.Ю. Деятельность организованной преступности в политической сфере жизни общества // Организованная преступность, миграция, политики. М., 2002. С. 62—91/

экономической; карьерно-эгоистической (любовь к «пурпуру», своеобразное самоутверждение), клановыми и другими интересами.

Совершаемые в политической сфере жизни преступления и связанные с ними обстоятельства весьма разнообразны. Криминологические исследования фиксировали факты:

- как прямого захвата власти, так и косвенного — путем фальсификации результатов выборов, подкупа избирателей; использования вооруженных группировок и конфликтов, с их помощью преступного решения своих проблем;
- как очевидно насильственного удержания власти, так и преступных манипуляций с продлением сроков государственных полномочий, запрета на отзыв выборных должностных лиц и т.п.;
- ослабления государства как путем государственной измены, выдачи государственных секретов и т.п.; ослабления границы, нарушения пограничного режима, так и проведения на государственном уровне политики «ограбления» — преступного завладения отдельными лицами и кланами богатств России, злоупотреблений с распродажей ее материальных, культурных ценностей за ничтожные суммы, прямого их криминального присвоения, амнистии экономических преступников и оставлении в их руках национального достояния; дискредитации государственной власти путем вытеснения высококвалифицированных, честных кадров, ничтожной оплаты их труда, приема на соответствующие должности тех, кто ориентирован на «кормление» за счет «клиентов» и именно так способен сносно существовать[1];
- как прямого проникновения во власть представителей организованных преступных формирований, так и продвижение криминального интереса иным путем: с одной стороны, посредством дискредитации, шантажа, запугивания, физического устранения неугодных должностных лиц, политических деятелей, в том числе с использованием методов террора, с другой — посредством коррупции, «выкупа власти». С этим бывает связана часть должностной преступности, ряда государственных преступлений;
- как очевидного выражения частью населения своего недовольства властью, так и его «ухода из правового поля» — переход жиз-

---

[1] «Заглянул на днях к ребятам. У них стол огромный накрыт, просто ломится от закусок. Объясняют: «Братана недавно замочили, а мы за два дня раскрыли. Благодарные товарищи накрыли «поляну».Ведь я же отлично знаю, что мужики и на обед не всегда ходят —вроде бы стоит десятку, а все равно дорого. В этом году опера на рынке картошку сторожили – халтурили. -Вот так потом и становятся «крышами»... Но только «крыши» тянут со своих клиентов на дачи. А мы, когда насильников ловили, рассылали по предприятиям жалостливые письма: оплатите дорогостоящую экспертизу, у самих денег нет...Хотя, конечно, проще взять в руки дубину...». (МК. 1999. 13. ноябр.)

недеятельности в режим теневой экономики, теневой политики, теневой юстиции, теневой культуры с их «черными», криминальными секторами; переориентации на криминальных лидеров;

- криминальной деятельности, ослабляющей российское государство и его политическую систему, как граждан России, так и иностранных граждан, лиц с двойным гражданством,[1] без гражданства, а также иностранных государств, их спецслужб[2], зарубежных организаций, их лидеров и формируемых ими подразделений, в том числе на основе наемничества[3].

Действующий в России уголовный закон неполно и нечетко отражает все криминальные деяния в политической сфере жизни современного российского общества. Поэтому не представлялось возможным дать всеобъемлющую статистическую картину преступности в политической сфере. Был выделен круг деяний, предусмотренных разными статьями УК РФ, совершаемых только или часто в политической сфере жизни общества.

Выделенная на основе криминологических исследований группа преступлений, которые совершаются или только, или часто в политической сфере[4], предусмотрена почти 60 статьями или частями ста-

---

[1] «...в Израиле нет мафии! Нет «русской мафии». Есть некоторые люди, выходцы из России, которые делают «манки бизнес» в России. Но кто сказал, что это должно нас волновать, до тех пор, пока они не преступают закон здесь, в Израиле... Я хочу , чтобы в Израиль приезжали новые эмигранты, а что они делали до этого у себя на родине, меня не волнует. Конечно, если это не убийство и насилие... (Шмуэль Флатто-Шарон: «Мафия? Это люди, которые имеют силу из-за того, что они вместе» МК. 1998. 18 мая).

[2] «На различных участках Государственной границы войска и органы ПС пресекают деятельность агентов зарубежных спецслужб, перекрывают пути отхода чеченским боевикам на 80 км участке бывшей административной, а ныне Государственной границы РФ и Грузии.... Итоги служебно-боевой деятельности ПС России дают основание полагать, что Государственная граница, как и вся сфера пограничной безопасности государства, в последнее десятилетие стали постоянным объектом устремлений иностранных разведок и многочисленных преступных группировок, занятых в самых различных сферах незаконной деятельности. Граница вновь стала передним краем, на котором четко проявились угрозы национальной безопасности России...Арктическое региональное управление. По итогам 1999 года на отдельных его участках были пресечены контрабандный ввоз в Россию оборудования для системы спутниковой связи. Северо-Западное региональное управление. Контрабандная деятельность отмечается во всех пунктах пропуска, но наиболее активно используются автодорожное, морское, и железнодорожное направление.» (*Щеблыкина И.* Проявления организованной преступности на Государственной границе Российской Федерации. Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001).

[3] «В самих незаконных вооруженных формированиях на территории Чечни идет процесс качественного изменения личного состава, обусловленный ростом численности иностранных наемников и одновременным, в силу различных причин, оттоком местных боевиков.» (*Фридинский С.Н.* О ситуации в Северо-Кавказском регионе.// Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 129). «Как сообщили компетентные источники, «добро» на оккупацию Дагестана чеченские боевики получили от ярых ваххабитов «со стороны» — от амина Абудь Омара из Саудовской Аравии и амина шейха Абдуллы из Пакистана».(*Трошев Геннадий*. Моя война. М., 2001. С. 85).

[4] В статистических отчетах выделяется преступность в сфере экономики, но не выделяется преступность в политической сфере.

тей УК РФ. Они составляют примерно 22 % от всех статей Особенной части УК РФ. Среди всех зарегистрированных преступлений на их долю приходилось в 1997 —2000 годах 3,6-3,9 % (табл. 94), в том числе на преступления против основ конституционного строя и безопасности государства —в 1997 г. —0,0009 %, в 2000 г. — 0,001 %. Однако такая общая довольно благоприятная статистическая картина не должна вызывать оптимизма — она далека от реальной.

Таблица 94

Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершаемых в политической сфере жизни общества, и выявленных лиц, их совершавших, в России в 1997—2000 годах[1]

Показатели	1997 год	1998 год	1999 год	2000 год
Зарегистрированные преступления				
Абсолютное число	93 556	100 159	108 686	108 907
Кф на 100 тыс. с 14 лет	78	83	89	90
Прирост к 1997 г., %	100	+7,1	+16,2	+16,4
Уд вес в общем числе зарегистрированных преступлений, %	3,9	3,88	3,6	3,7
Выявленные лица, совершившие преступления				
Абсолютное число	50 772	58 556	59 237	59 356
Кл на 100 тыс. с 14 лет	44	56	58	59
Прирост к 1997 г., %	100	+15,3	+16,7 %	+16,9
Уд вес в общем числе зарегистрированных преступлений, %	3,7	3,95	3,5	3,4
Осужденные				
Абсолютное число	27 999	24 464	25 049	19 530
Прирост к 1997 г., %	100	-12,6	-10,5	-30,2
Ко на 100 тыс. с 14 лет	24	23	25	19
Уд вес в общем числе осужденных, %	3,2	2,3	2,0	1,65

Во-первых, общие числа выделенных регистрировавшихся преступлений и выявлявшихся преступников последовательно и значительно возрастали. В то же время на этом фоне в 1997-2000 годах заметно снизилось число осужденных за такие преступления (рис. 2, табл. 1), хотя ранее, в 1990—1997 годах число осужденных возрастало.

Во-вторых, уголовная статистика в отношении выделенных преступлений носит весьма неполный характер: она не охватывает деяния и лиц, выявляемых органами ФСБ.

В-третьих, стали совершаться новые тяжкие и особо тяжкие преступления. Например, такие деяния, как вооруженный мятеж, насильственное удержание власти, были криминализированы лишь в новом УК РФ 1996 года — ранее они не совершались.

---

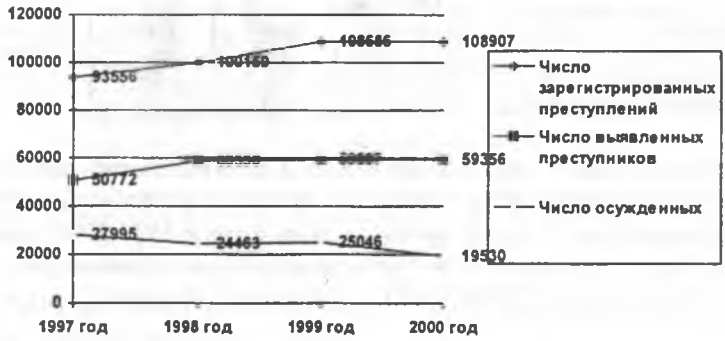
[1] В таблице не отражены статистические данные по ряду деяний, предусмотренных отдельными частями и пунктами статьей УК РФ, ввиду отсутствия статистических данных по этим статьям и пунктам.

В-четвертых, в политической сфере жизни общества совершается значительная часть преступлений террористической направленности, заказных убийств. Так, «в результате 132 совершенных террористических актов на территории Чеченской Республики в 2000 году убиты и ранены 35 руководителей и сотрудников республиканской и районных администраций и членов их семей, погибло 12 сотрудников Управления ФСБ Российской Федерации по Чеченской Республике, убиты 4 и ранены 5 работников прокуратуры, погибли 22 и ранены 23 чеченских милиционера – сотрудники постоянных отделов внутренних дел Чеченской Республики», — отмечает заместитель Генерального прокурора Российской Федерации С.Н. Фридинский[1].

В то же время было бы неверно относить к преступлениям в политической сфере все заказные убийства и преступления террористической направленности, без учета характера и мотивации содеянного. Это можно делать только по результатам изучения расследованных и рассмотренных в суде уголовных дел[2].

Рис. 3

Динамика проявлений преступности в политической сфере жизни общества в России в 1997—2000 годах.



---

[1] *Фридинский С.Н.* О ситуации в Северокавказском регионе// Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 129.

[2] Например, в декабре 1998 года было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205 УК РФ. Был взорван автомобиль марки «Тойота- Кроун», в результате погибли проходившие мимо супруги, еще несколько человек получили ранение. Выяснилось, что речь шла о покушении на жизнь «вора в законе» Бойцова С. А. («Бойца»). Он и люди из его окружения отказывались давать какую-либо значимую информацию. В феврале Бойцов и его ближайший соучастник Верещагин были расстреляны из автоматов неизвестными лицами на улице в Москве. Установлены предположительно виновные – это «криминальные авторитеты», лидеры преступных группировок, контролирующих Восточно-Сибирский регион. Совершенно понятно, что здесь, во-первых, и юридическая оценка деяния как «терроризма» не корректна, и к политической сфере жизни общества это не имеет отношение. Разве только к «теневой», точнее

Жертвами заказных убийств и покушений становились известные политические и государственные деятели, лидеры преступного мира в результате борьбы за сферы влияния или внутренних конфликтов в бандах и преступных организациях.

Особенно это характерно для крупных экономических центров: Москвы (за последние шесть лет здесь совершено 13 покушений только на чиновников города, 5 из них повлекли смертельный исход[1]), Санкт-Петербурга, Самары, Красноярска и других. Раскрываемость этих преступлений низка – 20-25 %, опасность же чрезвычайно высока как самих преступлений, так и резонанса.

В-пятых, политическая сфера является полем такой сравнительно новой для России высоко общественно опасной организованной деятельности преступных организаций, сообществ и их лидеров, которая в значительной ее части или вообще не криминализирована, или полно не охватывается диспозициями норм действующего УК РФ. Не случайно задерживаемых во время проведения «сходок» «воров в законе», или отпускают или привлекают к уголовной ответственности только в случае изъятия у них незначительных доз наркотических веществ. И это при том, что фиксируется обсуждение ими общих вопросов развития криминального взаимодействия, лоббирования того или иного государственного решения, назначения на значимые для них государственные должности «своих» людей.

Латентность организованной преступности в политической сфере жизни общества весьма значительна и обусловлена целым рядом обстоятельств, кроме таких традиционных, как сокрытие преступлений от учета.

Одна из проблем — состояние обеспечения безопасности государства и, в частности, Государственной и таможенной границ.

Другая важная проблема — обеспечение доказывания, в том числе обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей, экспертов, участников уголовного судопроизводства. Особое значение приобретает эффективное введение в уголовный процесс данных, полученных в предусмотренном Федеральным законом порядке, не только при проведении оперативно-розыскной деятельности, но также разведывательной и контрразведывательной.

криминальной политике по разделу фактически контролируемых сфер власти. Такие уголовные дела не носят единичного характера.

[1] 24 января 1997 г. мэр Лужков «назвал позором, что из 74 заказных убийств, совершенных в Москве в прошлом году (1996) , раскрыто только 4... «. (МК 1997 г. 25 янв.).

Третья проблема — адекватная правовая оценка фактически совершаемых деяний, новых для России конца XX века[1].

Четвертая, связанная с латентностью проблема — привлечение к уголовной ответственности должностных лиц в условиях многочисленных иммунитетов[2].

Условно все выделенные преступления в политической сфере жизни общества можно разделить на две группы: 1— совершенные должностными лицами с использованием служебного положения; 2— совершенные иными субъектами.

Судя по статистическим данным, увеличивалось число тех и других преступлений, однако существовал большой разрыв между числом выявленных преступников, с одной стороны, и осужденных — с другой, особенно применительно к группе преступлений должностных лиц.

Преступления, совершаемые в политической сфере, нередко бывают органически взаимосвязаны с преступлениями в экономической и других сферах жизни[3]. Основой такой взаимосвязи часто служит полимотивация криминальной деятельности: обеспечение сверхдоходов и политической власти ради их сохранения и приумножения, сохранение преступно нажитого и использование конфиденциальной информации для влияния на политиков и их решения[4].

---

[1] Исследователями отмечалось, что преступления, которые совершаются в рамках систематического, организованного нападения на гражданское население, государственные институты власти в Республике Дагестан и Чеченской Республике (организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, вооруженный мятеж, насильственный захват власти или насильственное удержание власти) чаще всего имеют своей целью свержение существующей законной власти, предполагают непосредственное вооруженное сопротивление представителям власти, выполнение боевых заданий командования незаконного вооруженного формирования по разведке, диверсиям, террористическим актам. Однако квалификация таких преступлений в судах бывает неоднозначной. Доказанными остаются преимущественно преступления против общественной безопасности и общественного порядка.

[2] См.: *Васильченко А.А.* О механизме реализации уголовной ответственности лиц, наделенных уголовно-процессуальными иммунитетами // Преступность и власть. М., 2000.

[3]. «Многочисленные громкие скандалы в связи с коррупцией выявили политиков, злоупотребляющих властью ради перетягивания государственных ресурсов к себе и своим союзникам через хорошо замаскированные доли в сложной цепочке частных и государственных компаний. Во многих странах общественность считает, что коррупция вплетается в систему базовых институтов, подрывая эффективность управления и авторитет государства". (Борьба с коррупцией в переходный период: вклад в политические дебаты. Распространено Офисом международных информационных программ Государственного департамента США. http://usinfo.state.gov)

[4] «Когда Замоскворецкая межрайонная прокуратура города Москвы возбуждала уголовное дело против бизнесмена Евгения Янковского, мало кто предполагал, что тривиальная на первый взгляд история перерастет в громкий скандал. Янковского подозревают в хищении бюджетных средств при строительстве делового центра «Москва-Сити», развлекательного комплекса «Аквадром» и дворца спорта «Крылья Советов». ...Следственная группа решила провести обыск в коттедже, который Янковский снимал в поселке Горки-2. ...В коттедже был обнаружен целый арсенал: карабин...В кипе уцелевших бумаг они обнаружили...служебный список, составленный Федеральной службой охраны. А в том списке—двенадцать фамилий крупнейших российских бизнесменов, марки и номера их машин. Список составлялся в рамках подготовки встречи Вла-

Как отмечается в докладе США «Российская организованная преступность и коррупция дилемма для Путина», «теневая экономика или так называемый «черный рынок» во все времена требует подкупа чиновников таможни, полиции, государства. Криминальные группировки действуют либо с молчаливого согласия властей или совместно с ними»[1].

При более детализированном выделении сфер деятельности во второй половине девяностых годов внимание криминологов все больше обращалось на правоохранительную деятельность в ее широком понимании, включающую деятельность правоохранительных органов и судов[2].

§ 4. Преступность в сфере борьбы с преступностью

В Уголовном кодексе совершенно обоснованно не выделяется преступность в сфере борьбы с преступностью, в частности, в правоохранительной деятельности, так как это понятие включает самый широкий спектр деяний. Но отдельная глава касается преступлений против правосудия следующих разных субъектов:

1 — специальных субъектов - соответствующих сотрудников правоохранительных органов;

2 — иных лиц, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов, но появляющихся в результате их специального подбора указанными сотрудниками;

3 — участников уголовного процесса, появляющиеся в качестве таковых независимо от специальных субъектов, в результате факта преступления и безусловно связанных с ним юридических последствий (обвиняемый и его защитник, законный представитель, потерпевшие и их представители, свидетели, гражданские истец и ответчик;

4 — осужденных в период исполнения наказания;

димира Путина с представителями российской бизнес-элиты....есть информация, что в ФСО служит брат Евгения Янковского. Причастен ли он к списку — неизвестно...Сегодня сливают списки олигархов и номера их автомобилей, завтра, глядишь, —маршрут движения президентского кортежа. Вопрос цены?» (Тайный список олигархов. РГ. 2001. 22 сент.).

[1] Russian organized crime and corruption putin's challenge. Washington. 2000. Перевод Е. В. Кравченко.

[2] Далее приводятся данные исследования, проведенные в 1998 г. в отделе общих проблем криминологии и борьбы с преступностью Научно-исследовательского института проблем укрепления законности и правопорядка коллективом авторов: Долгова А.И., доктор юридических наук, профессор (руководитель авторского коллектива), Ванюшкин С.В., Евланова О.А., Ильин О.С., Романова А.Г. при участии кандидата юридических наук Королевой М.В., Даниленко Н.Н., кандидата юридических наук Хабалова В.И. (опросы).

5 — общих субъектов, которыми могут быть любые физические лица, совершающие преступления против правосудия и указанных выше специальных субъектов.

Преступность сотрудников правоохранительных органов по данным статистики и другим источникам выглядела следующим образом:

1. В 1986-1996 г.г., во-первых, увеличивалось суммарное число зарегистрированных преступлений против правосудия специальных субъектов, особенно с 1994 г.; во-вторых, увеличивались «ножницы» между числом зарегистрированных преступлений и количеством выявленных преступников (табл. 95). В наибольшей степени это касалось преступлений, связанных с заключением или содержанием под стражей, принуждения к даче показаний. (табл. 96).

Интенсивно нарастало также число должностных преступлений сотрудников правоохранительных органов. В 1992-1996 гг. общее число возбужденных уголовных дел на коррумпированных лиц в правоохранительных органах увеличилось в 2,2 раза (с 375 до 835)[1]. При этом увеличивался удельный вес возбужденных уголовных дел в отношении сотрудников правоохранительных органов в общем числе возбужденных уголовных дел в отношении коррумпированных лиц: в 1992 г. - 20 %, в 1996 г. - 23 %.

Число уголовных дел о коррупции сотрудников правоохранительных органов, направленных в суды, в 1992-1996 гг. возросло с 133 до 770, а число соответствующих сотрудников, в отношении которых направлялись в суд дела - с 283 до 798, то есть более чем в три раза. До 98 % всех этих лиц составляли сотрудники органов внутренних дел.

По статистическим данным МВД, число сотрудников МВД, привлеченных к ответственности за совершение должностных преступлений и преступлений против правосудия, увеличилось в 1992-1996 гг. более чем в два раза, с 745 до 1619. В 1997 г. число этих преступлений как будто уменьшилось до 1 482. Среди этих преступлений увеличивался удельный вес превышения власти или служебных полномочий (соответственно 50,3 % и 55, 8 %, в 1997 г. - 42, %), В то же время нарастало число фактов злоупотребления служебным положением (1992 г. - 137, 1996 г. - 219, 1997 г. - 231), взяточничества (218, 442, 450), принуждения к даче показаний (3, 11, 17).

По материалам уголовных дел было видно, что сотрудники правоохранительных органов совершали самые разнообразные престу-

---

[1] Приводятся данные статистической формы «Кор.», отражающей данные о получении взяток, а также ряде иных, связанных с ними преступлений. С 1997 г. данная форма в прежнем виде не существует.

пления. Это — взяточничество, мошенничество в совокупности со злоупотреблением служебным положением (передачи взятки якобы другому лицу), превышение власти, неосторожное причинение из табельного пистолета тяжкого телесного повреждения (12 человек), хулиганство, дорожно-транспортное преступление.

Общеуголовные преступления (убийства, бандитизм, похищение людей, разбой, вымогательство и т.д.) чаще всего совершались сплоченными, высокоорганизованными преступными формированиями. Их действия, дискредитирующие правоохранительные органы, как правило, отличаются большой опасностью, тяжестью и жестокостью содеянного. Немалая часть таких преступлений совершались с демонстрацией должностного положения либо использованием связей, информации, служебного оружия.

Таблица 95

Изменения преступности против правосудия в России в 1986-1996 гг.

Показатели	1986-1990 гг.	1991-1995 гг.	Прирост к 1986-1990 гг., %	1996 г.	Прирост к 1995 г., %
Общее число зарегистрированных преступлений	73 581	101 257	+37,6	18 467	- 4,5
Число выявленных лиц, совершивших преступления	62 844	75 168	+19,6	13 342	-7,5
Число преступлений против правосудия специальных субъектов[1]	147	353	+ 140	108	+ 33,3
в т. ч. при отягчающих обстоятельствах	88	197	+ 124	59	+ 34
Число выявленных спец. субъектов	83	245	+ 195	46	0
в т.ч. совершивших преступления при отягчающих обстоятельствах	25	106	в 4,2 раза	34	+ 28, 6

1 января 1997 г. вступил в действие новый УК РФ. После принятия нового Уголовного кодекса Российской Федерации статистические данные о преступлениях против правосудия за 1997 и последующие годы стали не сопоставимыми с данными предыдущих лет. Только декриминализация недонесения о преступлениях могла дать снижение более чем на 2 тысячи фактов преступлений и более чем на полторы тысячи лиц.

Статистические отчеты не вычленяют преступления против правосудия специальных субъектов, указывая только общее число заре-

[1] Судей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, совершивших какие-либо из следующих преступлений: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 176 УК РСФСР), вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, определения или постановления (ст. 177 УК РСФСР), заведомо незаконный арест или задержание (ст. 178 УК РСФСР), принуждение к даче показаний (ст. 179 УК РСФСР).

гистрированных преступлений или выявленных лиц по соответствующей статье, даже если там наряду с сотрудниками правоохранительных органов субъектом преступления может быть защитник либо иное лицо. В силу изложенных причин таблица 95 содержит не столь точные данные, как таблица 94, но все равно она позволяет судить о динамике явления.

Отчетливо прослеживается преобладание незаконного освобождения от уголовной ответственности (в 1997—2001 г. зарегистрировано всего 60 таких фактов и выявлено 33 виновных) по сравнению с привлечением заведомо невиновного к уголовной ответственности (соответственно 30 и 16).

Таблица 95

Изменения преступности против правосудия в России в 1997-2001 гг.

Показатели:	Годы					
	1997	1998	1999	2000	2001	Суммарно за 1997-2001 гг.
Число зарегистрированных преступлений						
Общее число зарегистрированных преступлений	6 566	6 579	6 654	5 794	5 801	31 394
Число выявленных лиц, совершивших преступления	5 314	5 217	5 234	4 721	4 375	24 861
Число преступлений против правосудия специальных субъектов[1]	143	236	351	341	404	1475
в т. ч. при отягчающих обстоятельствах	Показатель не выделен					
Число выявленных «специальных» субъектов	46	80	125	149	151	551

Организованные формирования бывали вооружены новейшим боевым огнестрельным и холодным оружием. В их распоряжении находились высококлассные технические средства (автомобили, радио и видео техника, средства связи, компьютеры и т.п.). Преступники (как состоящие на службе в правоохранительных органах, так и ранее уволенные) использовали всю находящуюся в распоряжении милиции атрибутику (спецсигналы, различные знаки, наручники, форменную одежду и т.д.).

---

[1] Судей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, совершивших какие-либо из следующих преступлений: привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ), незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ), незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301 УК РФ), принуждение к даче показаний (ст. 302 УК РФ), фальсификация доказательств (часть вторая ст. 303 УК РФ предусматривает в качестве субъекта преступления также защитника), вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта (ст. 305 УК РФ), разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса (ст. 311 УК РФ), хотя данной статьей предусматривается в качестве субъекта не только сотрудник правоохранительного органа либо другой судья.

Изучение уголовных дел, проводившееся А.Г. Романовой, показало, что участники организованных формирований, владея методами и приемами спецподразделений (ОМОНа, СОБРа), а иногда располагая сведениями в отношении жертв нападения из близких им служебных источников, они от имени и под видом этих подразделений, захватывали (на глазах у людей), надевали наручники, сажали в машину и увозили жертв в нужном им направлении; далее с целью вымогательства денег и ценностей подвергали своих жертв пыткам вплоть до убийств. У некоторых преступных объединений были специально приспособленные (как правило арендуемые частные квартиры) помещения; «несговорчивых» — убивали. Особой жестокостью отличались в отношении потерпевших-заявителей. Одного из них живым закопали в специально вырытую могилу на кладбище.

Преступления, совершавшиеся непосредственно в процессе осуществления правоохранительной деятельности, в середине девяностых годов приобретали все более дерзкий характер, некоторые из них совершались неоднократно.

Исследование подтвердило факт высокой латентности преступности сотрудников правоохранительных органов, а также выявило специфику такой латентности. Указанная латентность была связана со многими обстоятельствами. В частности, преступность сотрудников правоохранительных органов, с одной стороны, способна быть более скрываемой, чем некоторые другие виды преступности, ибо, во-первых, криминальное поведение профессионалов, способных продумывать способы маскировки и ухода от ответственности, затрудняет выявление, раскрытие преступлений и изобличение виновных; во-вторых, существуют определенные иммунитеты для судей и прокуроров. С другой стороны, латентность такой преступности весьма относительна, ибо в ней крайне мала скрытая часть. Факты криминального поведения сотрудников правоохранительных органов в большинстве случаев бывают известны немалому числу лиц: взяткодателям, посредникам во взяточничестве; гражданам, в отношении которых допущены факты превышения власти, вынесения незаконного решения по делу и т.п.

С этой точки зрения особое криминологическое значение приобретают выяснение общественного мнения о работе правоохранительных органов и состоянии преступности в них, опросы «экспертов», к числу которых можно отнести сотрудников самих правоохранительных органов и осужденных. Опросы исследователями проводились путем анкетирования и интервьюирования.

Общее мнение около 800 *опрошенных в Москве, Волгограде, Владивостоке и Воронеже граждан:* преступность среди сотрудников

правоохранительных органов носит распространенный и усугубляющийся характер. Отметили существование коррупции: в милиции 17 %; в органах прокуратуры 10 %; в судебных органах 9 % опрошенных; в ФСБ 0,4 % опрошенных. При этом 3 % написали, что ФСБ в настоящее время — единственная служба, способная бороться с преступностью, но ей не дают работать. Кроме того, 8 % опрошенных отметили применительно к органам внутренних дел вымогательство, хамство и насилие, отношение к любому гражданину как к преступнику.

Написали, что сами давали взятки в правоохранительной сфере: при непринятии мер по факту преступления, смягчения наказания и т.п. — 6,5 % всех опрошенных, а среди предпринимателей — 16 %. По частоте дачи взяток опрошенными первые места занимают ГАИ, медицина, затем педагогическая сфера, сфера лицензирования, регистрации предприятий, налоговая инспекция и далее идут правоохранительная сфера в указанном выше контексте, таможенные органы.

Из числа опрошенных осужденных каждый четвертый-пятый (22 %) указал на физическую расправу, насилие, незаконное применение специальных средств, избиения, пытки и жестокость со стороны сотрудников милиции; 11 % , т. е. каждый девятый отметил взяточничество, коррумпированность правоохранительных органов; 8 % констатировали игнорирование презумпции невиновности, фальсификацию документов, подтасовку фактов и «фабрикацию» уголовных дел; 2 % — некомпетентность и недостаточную профессиональную подготовку сотрудников правоохранительных органов и суда.

Из числа отбывающих наказание осужденных ответили, что по их уголовному делу: выполняли свой долг профессионально: следователи — 18 %, прокуроры — 15 %, суды — 16 % и защитники — 17, 5 %; действовали непрофессионально, неумело, хотя особых нарушений не допускали — соответственно 16 %; 12,5 %; 17 %; 24,5 %; допускали различные нарушения закона —28 % ; 17,5 % ; 23 %; 6 %; действовали преступно - 16 %, 9 %, 8 %, 2 %.

Посчитали, что борьба с преступностью сотрудников правоохранительных органов, судей стала вестись более активно только 3 %, отмечали ослабление этой борьбы — 10 %.

Из опрошенных сотрудников правоохранительных органов, отвечавших на вопросы исходя из той информации, которой они располагали по работе, 51 % ответили, что поражены почти полностью или значительно коррупцией органы государственной таможенной службы и органы внутренних дел, налоговой полиции, 33 % — что в

то же мере поражены органы прокуратуры, 33 % — соответственно судебная власть и 17 % — органы ФСБ.

По данным исследования Петелиной Л.В., население при опросах в Омской области следующим образом ранжировало правоохранительные органы по степени их коррумпированности, начиная с самого коррумпированного: органы налоговой полиции, таможенные органы, ГАИ (ГИБДД), милиция, следственные органы, уголовно-исполнительная система, органы прокуратуры, ФСБ, вневедомственная охрана[1]. Это — те органы, относительно которых задавались вопросы. При всей субъективности ответов здесь прослеживается та же общая оценка наиболее и наименее коррумпированных органов.

Немало опрошенных сотрудников правоохранительных органов указали даже фиксированные размеры взяток. Суммы определялись, как правило, в долларах США Например, за недопущение возбуждения уголовного дела. В каждом конкретном случае она может быть разная, при этом достигает 500 тыс. долларов, либо выплачивается определенный процент от суммы причиненного ущерба. За изменение меры пресечения на не связанную с лишением свободы ставка колеблется от 1 тыс. до 50 тыс. долларов США; прекращение уголовного дела «стоит» 10-150 тыс. долларов, смягчение наказания — от 2 до 15 тыс. долларов.

Ставки взяток по расследованным уголовным делам различались в регионах, но в основном были в пределах, указывавшихся при опросах[2].Соответственно результаты опросов населения могут рассматриваться как значимый источник сведений, хотя и подлежащий проверке.

«Оплачивались», судя по ответам опрошенных, и нужные публикации в газете — до 10 тыс. долларов, нужная информация на телевидении — от 5 до 20 тыс. долларов США. Назывались также другие ставки. Фиксировалась распространенность взяточничества за выдачу разрешения на оружие, лицензию, исключение имущества из описи.

На латентность преступности судей и работников прокуратуры могут оказывать влияние существующие особенности привлечения

---

[1] *Петелина Л.В.* Изучение и предупреждение коррупции в правоохранительных органах. Дис. канд. юрид. наук. М.,1998. С. 68 и др.

[2] Речь шла о 6, 10, 15, 30 тыс. долларов за прекращение уголовного дела (Москва), 10 тыс. долларов за освобождение от угол. ответственности (Курган), 20 млн. руб. (Томская область.), 2 млн. руб. за освобождение. от уголовной ответственности за изнасилование (Уфа), 4,5 тыс. долларов за прекращение уголовного дела (Туапсе), 15, 18 тыс. дол. за освобождение из-под стражи (Москва) и т.п. Судя по опросам, нереагирование на таможенные нарушения стоило от 1 тыс. до 20 тыс. долларов США, или 20 % от таможенного сбора, а нереагирование на налоговые правонарушения сотрудниками налоговых инспекций от 1 тыс. до 15 тыс. долларов США, либо 25-50 % от предполагаемой суммы налогов.

17 Зак. 3144

их к уголовной ответственности и процедуры реализации таких особенностей. По данным Высшей квалификационной коллегии судей России, в 1993-1996 гг. ею рассмотрено 11 обращений и представлений Генерального прокурора Российской Федерации о даче согласия на возбуждение в отношении судей уголовных дел либо на привлечение их к уголовной ответственности, по 3 обращениям получен отказ. В порядке пересмотра решений квалификационных коллегий судей, отказавших в прекращении полномочий судей за совершение поступков, позорящих честь и достоинство судьи или умаляющих авторитет судебной власти, а также прекративших полномочия судей, Высшей квалификационной коллегией судей России за тот же период рассмотрено 21 заявление. Были прекращены полномочия 6 судей, 12 заявлений отклонены. Проведенный анализ показывает, что пункты 3, 4 ст. 16 Закона «О статусе судей в РФ» практически препятствуют последовательному исполнению правовых предписаний об ответственности судей перед законом. В большинстве случаев квалификационные коллегии, *избираемые самими судьями*, не давали согласия на наказание своих коллег. В то же время за совершение поступков, позорящих честь и достоинство судьи и умаляющих авторитет судебной власти, в том числе и за допущенные преднамеренные грубые или систематические нарушения процессуального закона, повлекшие неоправданную волокиту при рассмотрении уголовных или гражданских дел, квалификационными коллегиями судей регионов России в 1995 году были прекращены полномочия в отношении 57 судей, в 1996 году — уже более 60.

Проблема выглядит еще сложнее, если иметь в виду, что материалы о преступной деятельности указанных лиц могут быть получены в процессе проведения контрразведывательных и разведывательных мероприятий органами ФСБ или внешней разведки на основе соответственно Федерального закона «Об органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации» и Федерального закона «О внешней разведке». Если они убедительны и серьезны, то надо установить четкий процессуальный порядок введения этих данных в уголовный процесс. Однако этого при принятии нового УПК РФ сделано не было.

Вопрос надлежит решать на законодательном уровне, иначе существующая неопределенность будет пагубно отражаться на выявлении и пресечении преступлений сотрудников прокуратуры.

Преступность сотрудников правоохранительных органов существенно ослабляет и даже подрывает борьбу с преступностью. Преобладающей является корыстная мотивация соответствующих преступлений. На основе ряда статистических данных можно было бы сде-

лать вывод, что основной характер преступлений против правосудия связан с чрезмерным усердствованием части сотрудников правоохранительных органов в привлечении виновных к ответственности, их задержании и т.п. Однако, во-первых, такое впечатление отчасти создается за счет того, что до 1997 г. не было специальной нормы о незаконном освобождении от уголовной ответственности. Ранее такое деяния квалифицировалось как должностное преступление. Во-вторых, крайне малое число зарегистрированных преступлений по ней (7 фактов и 2 выявленных лица) может свидетельствовать только о высокой латентности данного вида криминального поведения.

Если обратиться к статистическим данным МВД РФ, то можно было видеть, что наибольшее число выявленных преступлений — это взяточничество; среди иных нарушений законности преобладало вовсе не незаконное освобождение от уголовной ответственности, а непринятие должных мер по факту преступления (табл. 96).

По данным опросов, почти все взятки давались за непринятие мер по привлечению виновных к уголовной ответственности. Среди опрошенных предпринимателей взятки в правоохранительных органах давал каждый шестой; среди всех категорий опрошенных в Москве, Воронеже, Владивостоке, Волгограде — от 4 до 9 %.

Таблица 97

Динамика числа разных видов нарушений законности и преступлений сотрудников органов МВД РФ в России в 1993—1997 годах

Виды нарушений закона	Годы				
	1993	1994	1995	1996	1997
Преступления					
Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, заведомо незаконный арест, принуждение к даче показаний , заведомо незаконный арест, принуждение к даче показаний	6	11	12	14	21
Взяточничество	251	390	488	439	450
Иные нарушения законности					
Задержание по подозрению в совершении преступления; производство обыска, выемки; незаконные методы ведения следствия, дознания	163	287	330	301	310
Необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела; прекращение уголовного дела	1 078	1 504	1 632	2 001	2 338

В связи с изложенным обратили на себя внимание данные[1] о все большем несоответствии уголовной политики характеру криминальной ситуации в стране и ее динамике.

«Либерализация» уголовной политики — это не столько результат нарастания среди выявленных преступников доли тех, кто ситуативно или случайно нарушил уголовный закон, сколько фактически

[1] Подробнее см.: Преступность и реформы в России. М., 1998.: *Королева М.В.* Современная уголовная политика и преступность// «Преступность и культура».М.,1999.

покровительственное отношение ко многим «беловоротничковым», «респектабельным» и организованным преступникам, защищающим себя деньгами, связями, формированием тенденциозного общественного мнения, в том числе через СМИ. Изложенное касается и лиц, предумышленно совершавших особо тяжкие и тяжкие преступления. Возрастал процент убийц, приговоры которых предусматривают лишение свободы ниже низшего предела (в 1995 г. доля таких лиц составляла 1,7 % , а в 1997 г. достигла 13,6 %). В общем числе лиц, осужденных за совершение тяжких преступлений, удельный вес приговоренных к лишению свободы в 1993 г. составлял 58,5 %; в 1996 г. – 46,3 %, а в 1997 г. в общем числе лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления удельный вес лишения свободы оказался еще ниже — 44,3 %.

Очень резко сократилось и число лиц, приговоренных к тюремному заключению: так, если в 1993 г. их было 1 111, в 1995 г. – 1 328, то в 1997 г. – только 635 человек. Изложенное наблюдалось на фоне резкого подъема удельного веса среди выявленных преступников тех, кто совершил преступление повторно.

Конечно, нельзя на основе статистических данных давать рекомендации о реагировании на каждое преступление и решении судьбы каждого лица, его совершившего. Индивидуализация ответственности и наказания — важный принцип уголовной политики. Поэтому всегда подлежат углубленному криминологическому изучению вопросы, связанные с латентностью и правоприменительной практикой, а также касающиеся возможной связи такой практики с прямыми нарушениями закона. Но основанием для проведения таких исследований могут быть результаты анализа статистических данных в их системе и динамике за длительный период.

Вторую группу субъектов преступлений против правосудия составляют преступления иных лиц, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов, но появляющихся в результате их специального подбора указанными сотрудниками.

Судя по статистике, общие показатели заведомо ложных показаний, заключения эксперта или неправильного перевода были в 1986-1996 гг. относительно стабильными. Их годовое снижение в 1997 г почти вдвое (с 2 072 до 1 214) объясняется тем, что к статье 307 УК РФ было введено примечание, которого не было в УК РСФСР: «Свидетель, потерпевший, эксперт или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о

ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе».

В годы реформ в несколько раз возросло число зарегистрированных фактов незаконных действий в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации - ст. 312 УК РФ (ст. 185 УК РСФСР)— табл. 97.

Надо учитывать также, что в конце девяностых годов правоохранительные органы активизировали свою деятельность и к уголовной ответственности привлекалось все больше лиц, совершавших такие деяния.

Таблица 98

Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ, ст. 185 УК РСФСР)

Показатели	Годы										
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Зарегистрированные преступления	102	86	121	108	124	177	253	273	293	431	489
Выявленные лица	76	52	94	83	95	111	152	187	199	326	388

Третья группа субъектов— это участники уголовного процесса, появляющиеся в качестве таковых независимо от специальных субъектов, в результате факта преступления и безусловно связанных с ним юридических последствий (обвиняемый и его защитник, законный представитель, потерпевшие и их представители, свидетели, гражданские истец и ответчик.

Судя по данным статистики, число преступлений этих участников уголовного процесса в 1986-1996 гг. было почти стабильным: 1991 г. — 147 зарегистрированных фактов отказа свидетеля или потерпевшего от дачи показаний, 1996 г. — 141, а с принятием нового УК РФ (ст. 182 УК РСФСР), стало снижаться: 1997 г. — 88, 1998 г. — 111, 1999 г. —104, 2000 г. — 67, 2001 г. — 83.

В то же время изучение уголовных дел, опросы сотрудников правоохранительных органов показывают нарастание числа фактов уклонения свидетелей и потерпевших от дачи показаний или изменения ими своих показаний в условиях «плотной работы» с ними преступников, их окружения и отсутствия фактической надежной системы обеспечения безопасности данной категории лиц.

Одновременно обратила на себя внимание динамика позиции законодателя, все более либерально относящегося к возможности утраты важных доказательств в уголовном процессе. В 1997 г. зарегистрировано 88 фактов. В УК РФ к статье 307 введено примечание:

«Свидетель, потерпевший, эксперт или переводчик освобождаются от уголовной ответственности, если они добровольно в ходе дознания, предварительного следствия или судебного разбирательства до вынесения приговора суда или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе». Это фактически дает возможность безнаказанно до последнего момента давать ложные показания. И только в крайне неблагоприятной обстановке можно будет всегда признаться с автоматическим освобождением от уголовной ответственности. К статье 308 УК РФ имеется примечание: «Лицо не подлежит уголовной ответственности за отказ от дачи показаний против себя самого, своего супруга или своих близких родственников». Причем это касается любых обстоятельств, любого преступления.

За рубежом эти вопросы решаются иначе. В определенной степени УК РФ отражает положения УК Франции, но там все-такт соответствующие нормы сформулированы менее однозначно. В частности, ни для кого не делает исключения ст. 432-12 УК Франции: «Любой, кто, публично заявив, что ему известны исполнители преступления или проступка, отказывается отвечать на вопросы, которые ему задает в связи с этим судья, наказывается тюремным заключением на срок один год и штрафом в 100 000 франков». В ст. 434-13 УК Франции говорится: «Ложные показания под присягой, данные любому судебному органу или офицеру судебной полиции, исполняющему судебное поручение, наказываются пятью годами тюремного заключения и штрафом в 500 000 франков. Однако лжесвидетель освобождается от наказания, если он добровольно отказался от своих показаний до вынесения окончательного решения следственным судьей или судебной инстанцией». Итак, здесь освобождение от наказания, а не от уголовной ответственности.

Но есть примеры и более продуктивного подхода. По УК ФРГ наказываются и ложное показание, даваемое не под присягой, и лжеприсяга (§§ 153,154). При лжеприсяге и ложных показаниях без присяги суд может по своему усмотрению смягчить наказание и, в случае ложных показаниях без присяги, может также полностью отказаться от наказания, если лицо дало ложные показания с тем, чтобы отвести от родственника или от себя самого опасность подвергнуться наказанию или мере исправления и безопасности, сопряженной с лишением свободы (§157). То есть, во-первых, далеко не во всех случаях, во-вторых, речь идет о наказании, а не привлечении или непривлечении к уголовной ответственности.

В §158 УК ФРГ говорится о смягчении наказания или отказе от наказания, но лицо должно *своевременно* исправить ложные данные.

«2. Исправление признается запоздалым, когда оно больше не может быть использовано при вынесении решения или, если деяние нанесло ущерб другому лицу, или, когда было дано свидетельское показание о совершении этим лицом деяния или было начато следствие. 3. Исправление может производиться органом, где было дано это фальшивое показание, или, который должен был его проверить в процессе ведения дела, а также судом, прокуратурой или полицейским органом».

В Великобритании законодательством предусмотрен ряд случаев, когда один из супругов может быть принужден к тому, чтобы давать показания против другого супруга[1].

Важно также то, что, если обвиняемый в указанных странах соглашается давать показания, он выступает в процессуальной роли свидетеля со всеми вытекающими отсюда последствиями лжеприсяги.

В России положение в годы реформ стало таким, что фиаско обвинений в судах — закономерный процесс решения проблем дачи показаний и отказа от них. В то же время в УПК РФ сохранялось правило о публичном характере уголовного преследования по делам почти обо все преступлениях.

Ссылки субъектов, оправдывающих указанное положение, на действующую Конституцию РФ, в том числе ст. 51, выглядят убедительно, но ведь есть и часть 3 статьи 55 Конституции РФ, говорящая о следующем: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Таким образом, права могут быть все-таки ограничены, причем федеральным законом. Необходимо было бы внесение соответствующих дополнений и изменений в УК РФ.

Четвертая категория субъектов преступлений против правосудия — осужденные в период исполнения наказания . Сопоставление статистических данных о них до и после 1997 г. не вполне корректно: круг их возможных преступлений в УК РФ сужен по сравнению с УК РСФСР; диспозиции соответствующих статей УК РСФСР и УК РФ существенно различаются; имели место общее сокращение после распада СССР числа осужденных, отбывающих наказание на территории России, и изменении их структуры, ликвидация воспи-

---

[1] *Уолкер Рональд.* Английская судебная система. М.,1980. С.580.

тательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториев.

Был декриминализирован ряд общественно опасных деяний осужденных: злостное неповиновение требованиям администрации исправительно-трудового учреждения (ст. 188[3] УК РСФСР), незаконная передача лицам, содержащимся в исправительно-трудовых учреждениях, следственных изоляторах, воспитательно-трудовых, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях (ст. 188[4] УК РСФСР). Речь идет прежде всего о специально-предупредительном значении указанных норм. Число регистрировавшихся преступлений по этим статьям не было большим, хотя в 1994-1996 гг. оно более чем удвоилось по сравнением с предшествующим трехлетием (соответственно 526 и 232) .

Пятая категория - общие субъекты, преступное поведение которых крайне отрицательно сказывается на полном, всестороннем и объективном исследовании всех обстоятельств дела..

Касающийся этих субъектов круг норм в УК РФ во многом иной, чем в УК РСФСР. Но в целом можно сказать об увеличении числа преступлений против правосудия рассматриваемых субъектов. За этим стоит активное сопротивление криминального мира борьбе с преступностью.

По вновь криминализированным в 1997 г. деяниям, либо предусматриваемым новым УК РФ специальным нормам, которых ранее не было, в 1997 г. было зарегистрировано 77 преступлений и выявлено 45 лиц. их совершивших. Возрастало число зарегистрированных фактов следующих преступлений:

воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования — ст. 294 УК РФ (ст. 176[1] УК РСФСР): в 1991-1993 гг. - 5; 1994-1996 гг. - 13; 1997- 2001 гг. —189;

угроз или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования - ст. 296 УК РФ (ст. 176[2] УК РСФСР) — соответственно 32, 222, 437;

подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу — ст. 309 УК РФ (ст. 183 УК РСФСР) — соответственно 576, 969, 1786[1];

неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта - ст. 315 УК РФ (ст. 188[2] УК РСФСР): 175, 472 и 2 059; неуважения к суду (ст. 297 УК РФ) - 132, 195 и 323;

укрывательства преступлений (ст. 316 УК РФ) — в 1986—1990 гг.—18 921, 1991—1996 гг. —227 305 и в 1997—1999 гг.— 5 962[1].

---

[1] Диспозиции указанных статей УК РФ и УК РСФСР не вполне совпадают, но сравнительный анализ в целом допустим.

Судя по статистическим данным, уголовным делам и иным материалам о преступлениях, нарастало число фактов *заведомо ложного доноса*[2].

Статистические данные о преступности в значительной мере отражали трудности в осуществлении правоохранительной деятельности в связи с увеличением организованного сопротивления раскрытию и расследованию преступлений и одновременной «либерализации» ответственности, объективно играющей на-руку криминальному интересу.

Практически многие изменения Уголовного кодекса затрудняли и затрудняют выявление преступлений и доказывание вины. Так, применительно к укрывательству преступлений в УК РФ введено следующее примечание к ст. 316: лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником. Фактически указанные в примечании деяния декриминализированы.

К этому следует добавить декриминализацию недонесения о преступлениях. Их в 1996 г было зарегистрировано более 2 тысяч, а выявлено соответствующих преступников — более полутора тысяч.

Противодействие раскрытию, расследованию преступлений и наказанию виновных не только все более латентно в условиях эскалации организованной преступности, но и в значительной своей части объявлено непреступным. Оно — важный фактор в системе детерминации таких преступлений сотрудников правоохранительных органов, как превышение власти, связанное с использованием незаконных методов получения показаний, с сокрытием преступлений от учета и ряда других. Влияет и на преступления граждан, служащие реакцией на криминальное поведение и совершающиеся по мотиву: «в правоохранительные органы обращаться бесполезно — сам расправлюсь».

* * *

Итак, анализ «внешних» характеристик преступности только тогда бывает результативным, когда он осуществляется путем изучения преступности в ее социальном контексте, в рамках более общей для нее системы — общества с его системой социального контроля и реально «работающими» ценностно-нормативными системами, в том числе воплощаемыми в законодательстве о борьбе с преступностью и практике его применения.

---

[1] Изменилась норма УК.

[2] Так, было зарегистрировано указанных преступлений по ст. 180 УК РСФСР в 1991-1993 гг. — 1669, 1994-1996 гг. — 2 338, а по ст. 306 УК РФ в 1997 —2001 гг. — 4 660.

Глава 9. Устойчивость и активность преступности

§ 1. Устойчивость преступности

Устойчивость преступности — это повторяемость совершения преступлений после выявления предшествующих и принятия к виновному предусмотренных законом мер. В таких случаях говорят о криминологическом рецидиве преступлений.

Под криминологическим рецидивом преступлений понимается повторное совершение преступления лицом после выявления предыдущего криминального деяния и принятия к виновному предусмотренных уголовным законом мер. Среди указанных мер могут быть не только осуждение с применением наказания или освобождением от него, но и освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, с признанием факта содеянного и наличия состава преступления.

Среди таких оснований может быть и амнистия. Сюда же относятся случаи снятия судимости.

Криминологически существенно то, что, во-первых, ранее было совершено преступление, во-вторых, лицо было выявлено и в отношении него проводилась предусмотренная законом работа, в-третьих, лицо совершило повторное преступление, несмотря на наказание или прощение в предусмотренном законом порядке. Следовательно, криминальная позиция такого лица носит устойчивый характер. Не случайно «рецидив» в переводе с латинского (recidivus) означает повторение явления после его кажущегося исчезновения[1].

Понятие уголовно-правового рецидива резко сужено по сравнению с криминологическим. Статья 18 УК РФ «Рецидив преступлений» устанавливает, что «рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление». Итак, только за ранее совершенное *умышленное* преступление и еще имеющее судимость. И если, например, у какоо-либо лица судимость погашена либо снята, либо оно было освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и на второй день после этого совершило новое преступление, такой случай закон не признает рецидивом. Не признает он рецидивом и факт совер-

---

[1] См. подробнее: *Горбатовская Е.Г., Кононов А.Л., Юцкова Е.М.* Личность рецидивиста и использование данных о ней в деятельности прокуратуры. М., 1987; *Королева М.В.* Глава 31 «Рецидивная преступность»// Криминология. Под ред. А.И. Долговой. М., 2001.

шения преступления неоднократно. Часть 2 ст. статьи 16 УК РФ предусматривает, что «преступление не признается совершенным неоднократно, если за ранее совершенное преступление лицо было в установленном законом порядке освобождено от уголовной ответственности либо судимость за ранее совершенное лицом преступление была погашена или снята». Однако криминологи такие случаи рассматривают как криминологический рецидив и его учитывают, так как он может определенным образом характеризовать виновное лицо и его поведение как систему поступков, позволяет точнее прогнозировать дальнейшее поведение соответствующего субъекта.

При этом криминологически значим сам факт возбуждения уголовного дела в связи с предыдущим преступлением и начавшееся расследование, ибо это уже означает процесс принятия предусмотренных законом мер за совершенное преступление.

С 1993 г. по 1997 г. в России в 2,4 раза выросло число лиц, совершивших свои повторные преступления в период расследования уголовных дел о предыдущих. Из общего числа выявленных рецидивистов (в криминологическом понимании) в конце девяностых годов ежегодно более двух тысяч находились в розыске.

Когда речь идет о повторном преступлении лиц, которым предъявлено обвинение, скрывшихся и находящихся в розыске,— это уже криминологический рецидив.

Увеличение числа таких лиц, находящихся в розыске в связи с совершенным преступлением, оценивается криминологами как возрастающая вероятность совершения ими новых преступлений и как фактор роста преступности.

В годы перестройки и первого периода реформ (1986-1995 годы) на 80 % увеличилось число раскрытых преступлений, совершенных лицами повторно после разоблачения ранее совершенных преступных деяний и принятия предусмотренных законом мер .

В то же время все-таки в росте преступности определяющую роль играло вовлечение все новых слоев населения в криминальную деятельность. А потому удельный вес повторной преступности в общей снижался из года в год. Одновременно снижался удельный вес раскрытых преступлений, совершенных теми, кто ранее был выявлен как лицо, нарушившее уголовный запрет.

Если в среднем на одного выявленного повторного преступника в 1986 году приходилось менее одного раскрытого преступления, то в 1995 году — 1,3, в 2000 г. — почти 1,5. Другими словами, усиливалась криминальная активность таких лиц и они до нового разоблачения чаще успевали совершить не одно преступление.

Таблица 99

Динамика показателей криминологического рецидива преступлений в России в 1986—2000 годах

Годы	Зарегистрированные преступления лиц, ранее совершавших преступления			Выявленные лица, ранее совершавшие преступления		
	Абс. число	Прирост к 1986 г., %	Уд вес в общем числе раскрытых, с 1988 г. — расследованных преступлений	Абс. число	Прирост к 1986 г., %	Уд вес в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления
1986	254 699	-	21	276 074	-	25
1987	286 695	+ 13	27	206 104	- 25	21
1988	223 376	- 12	26	199 533	- 28	24
1989	252 562	- 1	28	214 489	- 22	25
1990	257 853	+ 1	27	217 433	- 21	24
1991	274 339	+ 8	27	226 689	- 18	24
1992	320 330	+ 26	26	260 024	- 6	23
1993	346 889	+ 36	21	286 380	+ 4	23
1994	400 815	+ 57	22	300 815	+ 9	21
1995	459 602	+ 80	26	351 661	+ 27	22
1996	493 983	+ 94	27	367 780	+33	23
1997	565 373	+122	34	397 026	+44	29
1998	604 557	+137	33	413 319	+50	28
1999	692 134	+172	33	464 305	+68	27
2000	651 522	+156	32	441 772	+60	25

Снижение в конце перестройки — первом периоде реформ удельного веса лиц, ранее совершавших преступления, среди всех выявленных преступников, а также их преступлений в числе всех раскрытых, расследованных преступлений указывало на криминализацию все новых слоев населения, при этом — все более интенсивный. Но расширяющаяся криминализация населения с неизбежностью должна была привести к еще более интенсивному росту криминологического рецидива.

Как видно из разделов о региональных различиях преступности, в регионах с низкой криминальной пораженностью населения (коэффициент лиц с неснятой и непогашенной судимостью на 100 тыс. жителей) низка и преступность лиц, ранее совершавших преступления, и вообще общеуголовная преступность.

Таблица 100

Динамика коэффициентов выявленных лиц, совершивших повторные преступления в России в 1986—2000 годах

(в расчете на 100 тыс. населения с 14 лет – Кл рецидивной преступности)

Показатель	Годы											
	1986	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
Кл рецид. прест.	159	161	189	220	239	292	388	416	473	503	572	574

Криминологические исследования показывают, что увеличение среди населения лиц, совершавших преступления, повышает вероятность сначала отрицательных тенденций общеуголовной преступности, а через некоторое время — также экономической и иной. С возрастом лица, имеющие криминальный опыт, переходят от совершения более очевидных, общеуголовных деяний к более латентным — экономическим[1]. При этом нередко отмывают и приумножают свой криминальный капитал.

Немало лиц, ранее совершавших преступления, являются профессионалами в криминальном смысле и поэтому их антиобщественная деятельность бывает более латентна, чем у новичков.

Снижение числа выявленных лиц, ранее совершавших преступления, еще не свидетельствует об их отказе от преступной деятельности. Это может быть также следствием снижения профессионализма сотрудников правоохранительных органов, просчетов в раскрытии преступлений.

Среди выявляемых лиц, повторно совершающих преступления, на долю тех, кто совершает повторно преступления в период следствия, приходилось в России 5-6 %[2]. Совершенствование уголовно-процессуальной деятельности в этой связи — уже важная предпосылка предупреждения криминологического рецидива.

Таблица 101

Динамика числа лиц, привлеченных в России в 1997—2000 годах к уголовной ответственности и совершивших повторные преступления в период следствия, нахождения в розыске

Показатели:	Годы			
	1997	1998	1999	2000
Всего лиц, ранее совершавших преступления, находились под следствием и совершили преступления	23 864	23 237	25 065	22 050
в том числе с мерой пресечения, не связанной с арестом	16 635	18 075	19 712	17 380
Находились в розыске и совершили преступления	2 306	2 199	2 169	1 782

Показатели уголовно-правового рецидива преступлений могут быть зависимы от амнистии и помиловании, состояния законности в сфере снятия судимости. В соответствии со ст. 84 УК РФ «с лиц, отбывших наказание, актом об амнистии может быть снята судимость», ст. 85 УК РФ — «с лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость».

---

[1] По данным М.В. Королевой. См.: Преступность в России и ее изменения в конце XX века в России// Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001.

[2] *См. Королева М.В.* Рецидивная преступность// Криминология. 2-е изд. Под ред. А.И. Долговой. М., 2001.

В 1997-2000 годах число лиц, повторно совершивших преступления после освобождения их по амнистии, выросло в 2,5 раза, а их удельный вес в общем числе преступников, ранее совершавших преступления, увеличился с 2,4 % до 5,3 %. М.В. Королева делала вывод, что ухудшение нравственно-психологических характеристик современных преступников слабо учитывается при проведении амнистии, и психология безнаказанности, формируемая амнистиями, стимулирует устойчивость преступности.

С ростом числа амнистированных лиц, возрастает почти в такой же пропорции число тех, кто вновь совершает тяжкие и особо тяжкие преступления, растет число лиц, занятых в сферах оборота оружия и наркотиков, совершающих преступления экономической направленности. И — что меньше учитывается —увеличивается даже число тех, кто новые преступления совершает против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (табл. 101).

Таблица 102

Динамика числа привлекавшихся к уголовной ответственности лиц, ранее совершавших преступления и освобожденных от уголовной ответственности по амнистии, в России в 1997—2000 годах

Показатели	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Всего амнистированных лиц, ранее привлекавшихся в уголовной ответственности, и совершивших новые преступления	9 473	13 101	14 544	23 333
в.ч. тяжкие и особо тяжкие преступления	5 095	6 900	7 714	13 636
убийство и покушение на убийство	198	276	272	311
преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков	1 063	1 798	2014	2 267
незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств	162	234	227	317
экономической направленности	445	821	1057	1 441
преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления	11	34	25	53

Таким образом, ориентироваться только на уголовно-правовой рецидив при анализе преступности и борьбе с ней — это значит упустить из виду значительный слой лиц, уже проявивших себя совершением преступлений и с высокой степенью вероятности готовых в определенных условиях вновь решать свои проблемы криминальным путем.

Здесь не обсуждается вопрос о предупреждении подобного рецидива преступлений уголовно-правовыми средствами и, соответственно, о криминологической обусловленности уголовно-правового

института судимости. Но и при действующем уголовном законе выявлять и предупреждать криминологический рецидив правовыми средствами крайне важно. Уголовный закон связывает определяемый им рецидив преступлений только с определенными уголовно-правовыми последствиями. Например, в части первой статьи 18 УК РФ указывается, что «рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление», а в части пятой той же статьи предусматривается, что «рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом».

При прогнозировании изменений преступности, конечно, важно иметь в виду уголовно-правовой рецидив, но еще важнее — учитывать криминологический рецидив как более широкий, включающий в том числе и уголовно-правовой. Значимость данного подхода возрастает в условиях снижения способности правоохранительной системы, судов реагировать в предусмотренном законом порядке на все становящиеся им известными преступные деяния. Это бывает и в силу крайней перегруженности правоохранительной системы (ее «затора»), и в результате нарушений законности, в том числе распространения преступлений против правосудия, и в силу иных причин.

В конце девяностых годов уголовная статистика продолжала учитывать факты криминологического рецидива преступлений (число лиц, ранее совершавших преступления). При этом статистические данные свидетельствовали о повышении устойчивости преступности. При анализе криминологического рецидива, в отличие от анализа уголовно-правового рецидива, не имеет особого значения изменение уголовного законодательства в части регулирования порядка (а не оснований) освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, совершивших преступления, института судимости.

При этом криминологический рецидив оказывается тесно взаимосвязанным с такими явлениями, как:

особо опасный рецидив и соответственно — ростом тяжкой преступности,

рецидив однородных преступлений и — тем самым — с проявлениями криминального профессионализма,

рецидив преступлений, совершаемых многократно и в группе и, соответственно, с организованностью преступности (табл. 102).

На одно выявленное лицо, повторно совершившее преступление, приходилось примерно в полтора раза больше зарегистрированных расследованных преступлений. В 1997—1999 г. соотношение числа

выявленных рецидивистов и числа зарегистрированных повторных преступлений выглядело соответственно как 1: 1,42, 1: 1,46, 1: 1,49.

Криминологические исследования указывали на то, что среди нераскрытых преступлений и в латентной части преступности удельный вес многих преступлений рецидивистов бывает выше в связи с их профессионализмом и умелым, организованным уходом от уголовной ответственности.

Таблица 103

Характеристика криминологического рецидива (повторной преступности) в 1986-2000 гг. в России

1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Лица, повторно совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления			
252 579	284 370	332 269	306 888
Уд. вес в общем числе выявленных лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, %			
38,0	37,9	37,1	36,1
Уд. вес в общем числе лиц, ранее совершавших преступления, % *			
63,6	68,8	71,6	69,5
Лица, ранее совершавшие преступления., признанные особо опасными рецидивистами (о УК РСФСР) или с признанием особо опасного рецидива (по УК РФ)			
9 346	12 306	16 465	14 732
Уд. вес в общем числе выявленных лиц, повторно совершавших преступления, %			
2,4	3,0	3,5	3,3
Лица, привлекавшиеся к уголовной ответственности 3 и более раз			
50763	49 181	47 941	48 970
Удельный вес в общем числе лиц, ранее совершавших преступления, %			
12,8	11,9	10,3	11,1
Лица, совершившие преступления однородного состава (до 1996 г.) и ранее судимые за аналогичные преступления (1997—2000 гг.)			
74 636	72 469	82 602	72 596
Удельный вес в общем числе лиц, ранее совершавших преступления, %			
18,8	17,5	17,8	16,4
Лица, повторно совершавшие преступления в группе			
142 604	146 779	172 500	153 594
Удельный вес в общем числе лиц, ранее совершавших преступления, %			
35,9	35,5	37,2	34,8

* В числе первичных преступников удельный вес таких лиц в 1997 г. составил 35,6 %, а в 1999 – 44,9 %.

Данные приведенной таблицы не должны оцениваться оптимистически, как указывающие на снижение устойчивости преступности. Во-первых, многие рецидивисты (в криминологическом понимании) меняют формы преступной деятельности на более латентные и чаще начинают избегать уголовной ответственности. В годы реформ нарастало число лиц, ранее совершавших преступления, включавшихся в экономическую преступную деятельность. В середине девяностых годов (1993—1997 гг.) число рецидивистов, совершивших преступления экономической направленности выросло

на 29 %. Причем число совершавших повторно обман потребителя, увеличилось за указанное время в 2 раза[1].

Во-вторых, рецидивисты лучше себя защищают от разоблачения в силу криминального профессионализма и связей в организованной преступной среде. В том числе чаще угрожают свидетелям и те боятся не только рассказывать все то, что им известно по уголовному делу, но и вообще себя обнаруживать, являться по вызову.

В-третьих, удельный вес рецидивистов продолжает быть очень высоким среди лиц, совершающих особо тяжкие и тяжкие преступления с использованием насилия. *Среди участников банд* в 1999 г. удельный вес лиц, ранее совершавших преступления, составлял 41,5%, в числе выявленных убийц – 41,3 %; среди лиц, совершавших разбои – 44,7 %. Причем, по данным М.В. Королевой[2], среди рецидивистов, совершающих бандитские нападения, каждый 6-7 ранее уже привлекался к уголовной ответственности 3 и более раз, а каждый 15-ый бывает ранее судим за аналогичные преступления. Из числа рецидивистов, совершающих умышленные убийства – каждый 4-5-ый привлекался к уголовной ответственности 3 и более раз и каждый 13 судим за однородные преступления. Суд признавал особо опасный рецидив при совершении убийства каждым восьмым лицом, ранее совершавшим преступления, а, соответственно, бандитизма – каждым седьмым. Как правило, это были продуманные убийства. В числе лиц, совершавших разбои, каждый шестой привлекался к уголовной ответственности 3 и более раз и каждый седьмой судим за аналогичные преступления.

Преступность в экономической сфере жизни общества стала органически включать криминальное насилие, характерное для преступной среды.

Иллюстрацией тезиса об устойчивости стереотипов криминального поведения (хотя и относительной, связанной с определенными обстоятельствами) могут служить данные о лицах, осуждавшихся за умышленные убийства. Среди них немало тех, кто ранее неоднократно совершал преступления, в том числе уже был судим за убий-

---

[1] Как отмечалось М.В. Королевой, «*лица с устойчивым криминальным поведением активно включались в теневую экономику и экономическую преступность.* К 1999 г. удельный вес лиц, ранее совершавших преступления и совершивших преступления в сфере экономики, достиг 16 %, а их общее количество увеличилось на 42,5 %... *При совершении экономических преступлений лица, имеющие устойчивый криминальный опыт, проявляют все больше организованности.* В 1997-1999 гг. число лиц, ранее совершавших преступления, объединившихся в группы для совершения обмана потребителя, выросло почти в 4 раза (с 9 до 34); для занятия незаконным предпринимательством с 51 до 65; изготовлением и сбытом поддельных денег и ценных бумаг – более чем вдвое (с 78 до 168)».(Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001. С.36).

[2] См.: Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001.

18 Зак. 3144

ства. В России в 1998 году примерно каждый сороковой убийца ранее был судим за аналогичные преступления[1]. В другие годы — даже большее их число (табл. 103).

Таблица 104

Динамика числа выявленных лиц, совершивших умышленные убийства с покушениями и ранее совершавших преступления, в том числе повторно совершивших преступления однородного состава

	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Всего выявлено лиц	29 213	32 286	31 703	29 406	29 285	29 551
Ранее совершавшие преступления лица, совершившие умышленные убийства с покушениями	8 544	8 765	8 852	8 868	9 852	10 514
Из них повторно совершили преступления однородного состава	791*	835*	831*	793*	742- ранее судимы за аналогичные преступления	715- ранее судимы за аналогичные преступления

*Были привлечены к уголовной ответственности к уголовной ответственности за аналогичные преступления, в том числе судимы.

Дополнением к данной таблице может служить другая — содержащая данные о лицах, осуждавшихся к смертной казни в России в 1990—1997 годах. Более половины из них ранее были судимы и судимость не была снята или погашена. Причем в разные годы от 11 % до 46 % всех таких осужденных уже были ранее судимы за наиболее тяжкие насильственные преступления.

Таблица 105

Динамика числа осужденных к смертной казни в России в 1990-1997 г.г

Годы	Число осужденных к смертной казни		
	Всего	в том числе:	
		С неснятой и непогашенной судимостью	Ранее судимых за убийства, ттп*, изнасилования
1990	223	123	61
1991	147	113	41
1992	159	115	53
1993	157	128	46
1994	160	115	33
1995	143	96	29
1996	153	112	37
1997	106	51	12

*Речь идет о тяжких телесных повреждениях, позднее — тяжком вреде здоровью.

[1] С начала 1997 года в России не приведен в исполнение ни один смертный приговор. В 1994 г. к высшей мере было приговорено 243 человека, а приговор приведен в исполнение в отношении 10; в 1995 году соответственно 238 и 40; в 1996 году - 153 и 92. В октябре 1997 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы МВД содержалось 846 приговоренных к высшей мере наказания. В 1999 г. все они были помилованы Президентом РФ. 2 февраля 1999 года Конституционный суд посчитал неконституционным назначать в качестве уголовного наказания смертную казнь до тех пор, пока во всех субъектах федерации не будут введены суды присяжных.

Кто из сторонников безусловной и немедленной отмены смертной казни хотел бы жить по соседству, работать или иначе лично пересекаться с лицами ожесточенными и сохранившие стереотипы решения проблем? Известны трагедии лиц, проживающих в одних квартирах или домах только еще с алкоголиками или хулиганами. Как говорил известный профессор-психолог, все люди исправимы, только одним для этого требуется несколько лет, а другим — несколько десятков, а, может быть, и сотня. К этому надо добавить необходимость резкого оздоровления социальной среды данных лиц, эффективность мер по удержанию последних в позитивной среде, формирование у них потребности и способности решать жизненные вопросы в рамках закона. Большинство ранее судимых лиц сами страдают из-за осознания своей неадаптированности к условиям жизни в рамках закона и общепринятых норм морали. Ведь 60-80 % рецидивистов начинают свой криминальный путь в несовершеннолетнем возрасте, находясь в криминогенной или прямо криминальной среде.

С конца девятнадцатого века разные авторы выделяют четыре криминологических типа личности преступника, называя их поразному, но фактически имея в виду степень устойчивости и автономности их преступного поведения во взаимодействии с социальной средой.

Встречаются такие разграничения криминальных типов: 1) злостный, неустойчивый, ситуационный, случайный; 2) профессионалы, привычные преступники, промежуточная группа между первой и второй, случайные; 3) глобальный, парциальный, с частичной криминогенной зараженностью, предкриминальный, совершающий преступления в определенных ситуациях. Иногда указанные типы сводят в три группы, иногда в пять[1], но по существу основа типологии сохраняется — это степень устойчивости преступного поведения в различных ситуациях.

Ю.М. Антонян и Ю.Д. Блувштейн сравнивали данные о судимых в 1963 году лицах с их поведением в 1964-1973 годах и установили, что примерно в 80 % случаев прогноз, основанный на анализе предшествующего поведения обследованных, оказался правильным[2]. По данным ВНИИ МВД, прогнозы совпали с реальным поведением человека более чем в 70 % случаев при ретроспективном

---

[1] Типологию давали многие зарубежные и отечественные криминологи. Подробное их изложение дается в кн.: Курс советской криминологии. Т.1. М., 1985. С. 282 - 304.

[2] *Антонян Ю.Д., Блувштейн Ю.Д.* Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М.,1974. С. 52 и сл.

анализе поведения бывших осужденных, часть из которых совершила преступление в течение пяти лет после освобождения[1].

Типология фиксирует не просто то, что чаще всего встречается, а закономерное, являющееся логическим итогом социального развития личности. При конструировании социального типа личностные характеристики описываются в их связи с социальными условиями; характеристики типа конструируются не умозрительно, а являются итогом исследований специфики социальной среды личности и особенностей контингентов лиц, совершающих преступления; субъективные характеристики оцениваются в единстве с реальной деятельностью личности.

При криминологическом исследовании несовершеннолетних преступников, когда применялся метод распознавания образом, путь выделения криминологических типов личности преступников начинался с их группировок последовательно по трем критериям: 1) характер поведения, предшествовавшего преступлению; 2) характер микросреды; 3) связь преступного поведения с допреступным.

Придавалось значение взаимосвязи разных признаков применительно к каждому лицу. Учитывалось, что в сложной ситуации может совершить преступление и человек из очень деформированной микросреды, и из почти благополучной.

Наиболее устойчивые связи видов микросреды с видами деформации поведения

Допреступное поведение		Микросреда		Связь преступного поведения с допреступным
III Нравственная деформация: пьянство и т.п. при отсутствии правонарушений	⇔	III Частичная криминогенная деформация: только в досуговой, иной группе	⇔	III Влияние ситуации преступного поведения
⇓		⇓		⇓
II Нравственно-правовая деформация: система правонарушений	⇔	II Неполная криминогенная деформация: в семье — аморальное поведение, в группе — правонарушения, т.п.	⇔	II Закономерное развитие прежнего поведения
⇓		⇓		⇓
I Устойчивая противоправная деформация: система правонарушений	⇔	I Полная криминогенная деформация: система правонарушений в семье, досуговой, иной группе	⇔	I Прямо вытекает из прежнего поведения

[1] *Солопанов Ю.В.* Проблема прогнозирования индивидуального преступного поведения// Вопросы советской криминологии. Ч.1. М., 1976. С. 71.

Из всех представителей первой и второй группы лиц, выделенных на основе криминогенной деформации микросреды, 84 % были ЭВМ опознаны отдельно от лиц, не совершавших преступлений по указанному ранее комплексу признаков, характеризующих ценностные ориентации, нравственные и правовые взгляды, установки; 91 % вели себя до совершения преступления противоправно и аморально; у 84 % последнее тяжкое преступление логически вытекало из всего предшествующего стиля поведения.

В благополучной микросреде находилось всего 5 % обследованных У всех них преступление носило чисто ситуативный, даже скорее случайный, характер с точки зрения личностных характеристик, определявшийся давлением возникшей не по их вине конфликтной ситуации. Никто из этих лиц ранее не допускал нарушений норм права и очевидно аморальных проступков[1].

Ко второму этапу исследования, через десять лет после первого этапа, 60 % лиц, опознанных отдельно от контрольной группы, оказались в числе лиц, совершавших преступления либо глубоко деморализованных, на третьем этапе, то есть через двадцать лет после первого этапа, — 38 %. К этому времени часть обследованных на первом этапе погибла, в том числе в результате алкоголизма, криминальных конфликтов; часть уехала в неизвестном направлении, некоторые изменили формы преступного поведения на более латентные (в том числе связанные с экономической преступной деятельностью)[2].

На основе тридцатилетнего длящегося монографического изучения бывших несовершеннолетних преступников в их взаимодействии с социальной средой, нами был выделен социальный тип криминогенной личности, характеризующийся определенной целостностью личностных характеристик. Его отличают:

- формирование личности в условиях интенсивного противоправного и аморального поведения окружающих (семья, товарищи);
- в прошлом — система аморальных проступков и разного рода правонарушений, которые продолжали повторяться и после принятия установленных законом мер воздействия;
- отрыв от ценностно-нормативной системы общества, государства;
- привыкание к отрицательной оценке своего поведения, использование социально-психологических механизмов самозащиты;

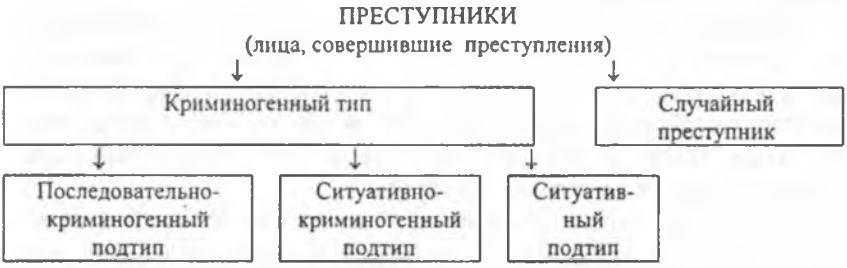
---

[1] См. подробнее: *Долгова А.И., Ермаков В.Д., Беляева Н.В.* Проблемы типологии несовершеннолетних преступников// Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 24. М., 1976. С.12-26.

[2] См.: Опыт криминологического изучения личности преступника. М., 1981. Опыт длящегося криминологического изучения личности во взаимодействии с социальной средой. М., 1992.

• активность в ситуации совершения преступления и, как правило, совершение преступления без достаточно обоснованных внешних поводов.

Внутри типа криминогенной личности выделены следующие подтипы: последовательно-криминогенный, ситуативно-криминогенный, ситуативный. Не все лица, совершающие преступления, могут быть отнесены к криминогенному типу личности, что показано на схеме.



Критерием разграничения указанных подтипов служит характер взаимодействия социальной ситуации и личности. Ведущая сторона в таком взаимодействии — ситуация либо личность.

Последовательно-криминогенный подтип формируется в микросреде, где нормы морали и права систематически нарушаются; преступление вытекает из привычного стиля поведения и обусловливается стойкими антиобщественными взглядами, социальными установками и ориентациями субъекта. Как правило, ситуация совершения преступления активно создается такими лицами. Представители этого типа способны при необходимости «приспосабливать» в своих интересах конкретную среду, их преступное поведение относительно автономно.

Ситуативно-криминогенный подтип формируется и действует в противоречивой микросреде, характеризуется нарушением моральных норм и совершением правонарушений непреступного характера, ненадлежащим исполнением требований общественно-приемлемых социальных ролей. Преступление в значительной мере обусловлено неблагоприятной с социально-экономической, нравственной и правовой точек зрения ситуацией его совершения (пребывание в преступном формировании, конфликты с другими лицами и т.п.). В этом случае решающее значение имеет взаимодействие имеющихся у личности характеристик с характеристиками социальной среды. К преступлению такое лицо приводит его микросреда и весь предшествующий образ жизни, закономерным развитием которого оказывается ситуация преступления.

Ситутивный подтип формируется в более благополучной, чем предыдущие подтипы, среде. Безнравственные элементы сознания и поведения микросреды такой личности и ее самой, если и имеются, то выражены незначительно. Более существенны дефекты механизма взаимодействия социальной среды и личности в сложных ситуациях. В том числе в результате неподготовленности к ней личности. Преступление совершается представителями данного подтипа под решающим влиянием ситуации, возникшей не по вине этого лица, в известной мере для него необычной, когда другими субъектами нарушаются установленные нормы поведения. В то же время такая личность (в отличие от случайного преступника) может оправдывать в соответствующих ситуациях свое и чужое противоправное поведение, даже преступное. Либо она не знает правомерных и нравственных способов решения конфликтов[1].

Криминологическое исследование бывших несовершеннолетних преступников через десять и двадцать лет показало, что 72 % представителей последовательно-криминогенного подтипа через десять лет оказались в категории рецидивистов, остальные — глубоко деморализованных лиц. К числу последних были отнесены злостные пьяницы, алкоголики, наркоманы, а среди женщин — проститутки.

Таблица 106

Динамика поведения разных подтипов криминогенной личности (распределение в % от общего числа представителей соответствующего подтипа)

Группы лиц, выделенные по характеру их криминологически значимого поведения	Подтипы криминогенной личности					
	Последовательно-криминогенный подтип		Ситуативно-криминогенный подтип		Ситуативный подтип***	
	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.	1979 г.	1989 г.
Рецидивисты	72	64	21,5	26	-	4
Деморализованные лица	28	25	50	48	43	8
Пассивно-исправившиеся лица*	-	11	28,5	26	57	32
Активно-исправившиеся лица**	-	-	-	-	-	-
Итого	100	100	100	100	100	100

* В числе пассивно-исправившихся лиц были те, кто не совершил преступления в результате жесткого контроля супруги, ее родителей, отца и матери.

** К активно-исправившимся отнесены лица, отличавшиеся автономным правомерным поведением. Последние были среди случайных преступников.

*** Многие лица, отнесенные к ситуативному типу, за двадцать лет сменили местожительство и не были обследованы.

Диагностика личности как относящейся к криминогенному типу не является основанием для применения санкций, ограничений прав и законных интересов человека. Основанием для этого должно быть

[1] В.Б. Ястребов, оценивая представителей этого типа, писал, что среди расхитителей это в основном люди, которые берут то, что плохо лежит.

только всегда реальное поведение. Характер применяемых правовых мер должен строго соответствовать характеру содеянного: за дисциплинарные правонарушения дисциплинарные санкции и так далее. Но такого рода диагностика служит основанием для выделения указанных лиц в качестве самостоятельного объекта при специальном предупреждении преступности. В том числе для оказания позитивной социальной поддержки таким лицам в бытовом и трудовом устройстве; для своевременного пресечения их.

Если вернуться к проблеме убийц, то придется учитывать, что немалое их число действует продуманно. И не только исходя из эгоистического корыстного интереса. Они, будучи включенными в криминальные формирования, или осознанно выбирают ориентацию на нормы поведения в них, или опасаются санкций за нарушение таких норм. А там в качестве санкций широко используется лишение жизни.

Совершение умышленных убийств практически бывает предопределено ситуацией, когда невыполнение приказа руководителя организованного преступного формирования неотвратимо влечет смерть лица.

Один из механизмов устойчивости преступного поведения — своеобразная «цепная реакция». Она бывает разных типов: совершение убийства свидетеля предшествующего убийства; организация убийства ради того, чтобы «повязать» убийцу кровью и сделать его послушным, готовым исполнить любой криминальный приказ; после совершения убийства нахождение в среде, где лишение жизни человека — распространенный, «обычный» способ решения проблем, и т.д.

Таким образом, устойчивость преступности очень тесно связана с ее организованностью и активностью. Именно в их взаимосвязи «внутренние» характеристики преступности оказываются способными обеспечивать самодетерминацию преступности, ее наступление на здоровую часть общества.

Казалось бы, чего легче, чем отменить смертную казнь. Трудно соглашаться с такими доводами сторонников отмены смертной казни, как необходимость быть гуманными, сохранять человеческую жизнь как высшую ценность, как возможность судебных ошибок и ряд других[1]. И все-таки смертная казнь существует во многих государствах и во многих государствах периоды ее отмены чередуются с

---

[1] Против смертной казни. М., 1907; Смертная казнь: за и против. М., 1989; Когда убивает государство. М., 1989. *Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни. Тула, 2000.

периодами возвращения к ней[1], особенно при нарастании преступности.

§ 2. Активность преступности

Активность преступности характеризуется: а) целенаправленным созданием, приспособлений условий для успешной преступной деятельности; б) системностью и длительностью такой деятельности.

Например, при изучении в конце девяностых годов XX века уголовных дел, рассмотренных областными, краевыми судами ряда субъектов федерации по первой инстанции, было установлено, что преступления совершались в 63 % случаев лицами, находившимися в трезвом виде, в 71 % случаев — субъектами, которые действовали вполне самостоятельно и обдуманно, в 33 % случаев — лицами с погашенной и непогашенной судимостью. В 42 % случаев ситуация совершения преступления была подготовлена заранее, в 41 % она была абсолютно бесконфликтной. У 18 % осужденных отмечалась постоянная готовность к совершению преступлений, 61 % принимали решение о совершении преступления заранее и создавали, либо специально подыскивали удобную для реализации преступного умысла ситуацию, у 13 % решение было вызвано самой ситуацией, страхом разоблачения, 12,5 % осужденных решение принимали мгновенно под влиянием своих искаженных взглядов.

Изучение уголовных дел о наиболее тяжких преступлениях, рассматривавшихся Московским областным судом по первой инстанции в 1985 и 1991 гг., показало, что предумышленный характер преступного поведения с заранее подготовленными для его совершения условиями отмечался в 1985 году в 33 % случаев, в 1991 году — в 50 %. Криминальный профессионализм встречался, соответственно, в 7 и 10 % случаев, совершение преступлений организованными группами с четким распределением ролей в группе — в 12 и 22 % случаев.

Активность преступности тесно связана с криминальным профессионализмом. А.И. Гуров выделил следующие основные черты последнего:

устойчивый вид занятия, наличие у преступников определенных

---

[1] Как писал известный русский криминалист, профессор А.Ф. Кистяковский в 1867 г., «отмена смертной казни в некоторых государствах совершалась благодаря абсолютизму, и затем достаточно было напора иных обстоятельств, чтобы сами реформаторы вроде Леопольда поспешили восстановить смертную казнь, или вроде Робеспьера, чтобы с таким усердием пользоваться тем самым орудием, которое они незадолго перед тем считали негодным». (*Кистяковский А. Ф.* Исследование о смертной казни. Тула, 2000. С. 201).

специальных знаний и навыков, необходимых для занятия именно преступной деятельностью;

определенная криминальная специализация этих лиц, совершение преимущественно однородных преступлений;

преступная деятельность для этих лиц является основным — а иногда и единственным — источником дохода;

связь с асоциальной средой[1].

Поскольку криминальный профессионализм включает и овладение способами маскировки преступлений, нередко преступники, владеющие соответствующими навыками, совершают серию преступлений, многоэпизодные преступления, не будучи выявленными. Такие преступления часто не раскрываются и профессиональные преступники не оказываются среди рецидивистов.

По мнению 52 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов в годы реформ значительно ухудшалось положение дел с профессиональной преступностью. Нарастало число преступников-профессионалов и они более часто совершали преступления с использованием криминальных знаний и навыков.

Получил развитие новый вид криминального профессионализма —криминальный менеджмент как определенная наработанная совокупность специфических знаний и навыков по организации и управлению разнообразной криминальной деятельностью значительного числа лиц и их формирований. Криминальный менеджмент — это также совокупность лиц, выполняющих управленческие функции в криминальных структурах и специфический криминальный социальный институт[2].

Криминальный менеджмент наиболее отчетливо себя проявляет при организации преступной деятельности значительного числа субъектов в широких масштабах. Это уже — одно из составляющих организованной преступной деятельности криминальных формирований.

---

[1] *Гуров А.И.* Профессиональная преступность. М., 1990.

[2] См. : *Кравченко А.И.* Менеджмент// Современная западная социология. М., 1990. С. 182-183.

Глава 10. Организованность преступности и ее проявления

§ 1. Организованность преступности и ее основные проявления

Термин «организованность преступности» не идентичен понятию «организованная преступность».

Организованность преступности — это ее свойство проявлять себя в упорядоченных формах, соединять в некие целостные образования и преступления, и преступников. Внешне это проявляется в: а) «заранее устроенных», продуманных, планомерных преступных деяниях, б) системе таких деяний, в) коллективных субъектах преступлений — различных объединениях преступников; г) системе таких объединений.

Итак, организованность преступности проявляет себя через:

1 — организованные преступления,

2 — организованную преступную деятельность,

3 — организованные преступные формирования,

4 — организованную преступность.

Везде употребляются слова «организация», «организованный». Слово «организовать» произошло от греческого organon и французского organiser. Organon (греч.) буквально означает «орудие, инструмент», а organiser переводилось на русский язык как «устроить, соединить в одно целое, упорядочить что-либо, придать чему-либо планомерность». В русском языке, как указывал С.И. Ожегов, слово «организованный» означало или «планомерный, отличающийся строгим порядком, единством», или «дисциплинированный, действующий точно и планомерно».

Организованное преступление — это преступление запланированное, заранее продуманное, предумышленное. При его совершении обязательно есть стадия приготовления. В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.) прямой умысел подразделялся на умысел с заранее обдуманным намерением и умысел внезапный, когда «деяние учинено хотя и с намерением, но по внезапному побуждению, без предумышления» (ст. 4). Заранее обдуманный умысел, по Уложению, должен был наказываться строже.

Осужденным, отбывающим лишение свободы, задавался в 2001—2002 годах следующий вопрос: как Вы относитесь к следующему суждению: «Становится больше тех лиц, которые совершают

преступления продуманно, с предварительной подготовкой? Были согласны с этим утверждением полностью 41 % опрошенных, согласны отчасти — 33 %.

Организованное преступление может совершаться как отдельным человеком, так и группой лиц. В последнем случае, как говорят криминологи, появляется так называемый коллективный субъект. Назовем его обобщенно: «организованное преступное формирование». Такого рода формирования могут быть разных видов, объединять различное количество лиц, различаться по устойчивости, сплоченности их участников, способам управления в таких формированиях. Многое здесь определяется характер совершаемых преступлений: наличие системы преступлений либо эпизодическое совершение одиночных криминальных деяний; масштабность и сложность преступной деятельности формирования; потребность в привлечении большого числа субъектов либо исполнение задуманного узким кругом лиц и т.д.

Общее для всех организованных преступных формирований — это совершение преступления или преступлений с заранее обдуманных умыслом, взаимное дополнение усилий друг друга и при изучении, и при приискании условий, при приготовлении и реализации задуманного, а также на этапе посткриминального поведения (например, при легализации преступных доходов). В то же время это взаимное дополнение усилий друг друга в многочисленных формированиях нередко бывает следствием управленческой деятельности одного лица или небольшой группы.

Иногда возникает вопрос, стоит ли говорить об организованном преступном формировании, когда речь идет всего об одном преступлении и, например, только трех лиц? Но если вспомнить некоторые «преступления века», такие, как кражи очень крупных сумм из банков, у инкассаторов из машин и поездов, то станет ясно, что приготовление к такому преступлению занимает не один месяц и даже не полгода, а в это время три субъекта синхронизируют свои усилия и начинают действовать как единый коллективный субъект.

Это — совсем не та ситуация, когда группа бесцельно слоняющихся по улице и скучающих подростков внезапно решает совершить кражу из киоска. Таких подростков бывает много и они немедленно реализуют свое решение, распределяя наспех роли соисполнителей. Сказано — сделано: один следит за местностью, другой разбивает в киоске стекло, третий влезает туда и вытаскивает материальные ценности, четвертый подхватывает их и переносит подальше от киоска. Такие подростки собираются вместе вовсе не для

совершения преступления, а для совместного проведения свободного времени.

Здесь налицо группа лиц, действующих по предварительному сговору. Но это — не организованная группа лиц, заранее объединившихся для совершения преступления — нет признака объединения таких подростков «заранее», именно для совершения преступления — они вместе собрались для проведения свободного времени и уже затем по предложению одного или несколько человек приняли решение о совершении преступления. Реализовали его немедленно.

Если же такие подростки затем договорятся о совместном совершении новых краж, обсудят вопрос о том, из кого должна состоять группа, на каких именно улицах не охраняются киоски и где можно остаться безнаказанными, возьмут с собой инструменты для взламывания замков, обсудят, что именно стоит похищать, и только потом пойдут совершать такие кражи, они несомненно образуют тем самым организованную группу для совершения краж. Здесь налицо совместно упорядоченная, заранее «устроенная» деятельность организованного коллективного формирования, члены которого совместно проходят стадию приготовления к преступлению.

Выделение организованного преступного формирования весьма значимо и криминологически, и в более широком социальном аспекте. В первом приведенном примере с киоском группа подростков совершила преступление и распалась. При наличии организованной группы ситуация иная: существует устойчивое формирование лиц, целенаправленно объединяющих свои усилия на определенный период для совершения преступления или преступлений, разрабатывающих методы и средства криминальной деятельности с тем, чтобы затем действовать высокоэффективно, как единое целое, ради достижения вовсе не сиюминутно поставленной цели. Почти всегда в таких случаях речь идет о серии преступных актов, системной преступной деятельности, в итоге — крупном ущербе, серьезном вреде.

§ 2. Организованная преступная деятельность

Сформировавшаяся на базе совершения преступления организованная группа, при успешной реализации задуманного, как правило, не останавливается на совершении единичного преступления и становится субъектом системы организованных преступных деяний. Иначе говоря, организованное преступление перерастает в организованную преступную деятельность.

Существует определенная логика развития организованных преступлений и организованных преступных формирований. В ее основе лежат изменения мотивации, логика самого криминального и посткриминального поведения.

Например, совершение крупного хищения, во-первых, сопровождается проблемами реализации похищенного и необходимостью находить его сбытчиков, приобретателей; во-вторых, установление каналов сбыта создает соблазн совершения новых хищений и постановку цели получения постоянного источника преступного дохода. Последнее служит мотивом совершения новых хищений, за которые предусмотрены более суровые меры наказания. В этих условиях расхитители уже не останавливаются перед применением подкупа или насилия в отношении свидетелей хищения или сотрудников контролирующих и правоохранительных органов, иногда журналистов, а также иных лиц. Так организованное преступление перерастает в «организованную преступную деятельность».

Организованная преступная деятельность представляет собой единую систему взаимосвязанных организованных преступных деяний какого-либо субъекта (не только группы лиц, она может быть соответствующей деятельностью одного человека).

По-гречески слово systema буквально означает «целое, составленное из частей». То есть отдельные преступления в преступной деятельности — это ее составные органические части, и естественно, каждая из них — это не просто преступление, а организованное преступление. Нередко субъекты организованной преступной деятельности совершают спонтанные преступные деяния, которые нельзя считать элементами такой деятельности (скажем, во время кутежа затевается ссора, и оскорбленный ее участник наносит телесные повреждения тому, кто его оскорбил, возможно, даже своему соучастнику по организованной преступной деятельности).

Организованная преступная деятельность, таким образом, это — не случайный набор, а именно единая, целостная системв организованных преступлений, между которыми существуют устойчивые взаимосвязи.

Организованная преступная деятельность расширяется при постановке все более масштабных целей, нарастании многообразия средств их достижения, изменении мотивов поведения ее субъектов. Здесь возможны варианты, когда ставятся заведомо преступные цели либо нейтральные в правовом отношении, хотя и не бесспорные с точки зрения христианской либо иной морали (например, добиться сверхбогатства, контроля над определенной сферой дея-

тельности, власти). Преступной деятельность могут делать — и часто делают — не цели, а средства их достижения.

Расширение масштабов преступной деятельности связано с привлечением все большего числа различных субъектов. На практике ими бывают и физические лица, и уже функционирующие организованные группы, специализирующиеся на совершении различных преступлений, и различные юридические лица. Например, те, через которые отмываются и приумножаются преступные доходы. Возникает необходимость обеспечения слаженного характера деятельности различных субъектов, участвующих в широкомасштабной организованной преступной деятельности. С учетом количества и характера таких субъектов создается система управления (многоуровневая либо нет).

Управление сложной, многоаспектной организованной преступной деятельностью значительного числа разных ее субъектов, в принципе, подчиняется общим правилам управления сложными системами. В частности, оно включает создание специальных структур управления организованным преступным формированием как единым организмом. При этом наряду с чисто исполнительскими функциями и структурами, непосредственно совершающими преступления — конкретные деяния, предусмотренные Особенной частью Уголовного кодекса, выделяются управленческие функции и структуры (организаторы, руководители) и функции, структуры, обеспечивающие специфические потребности криминальной организации как таковой: информационно-аналитические подразделения, собственные «службы безопасности», структуры легализации преступных доходов и т.п.

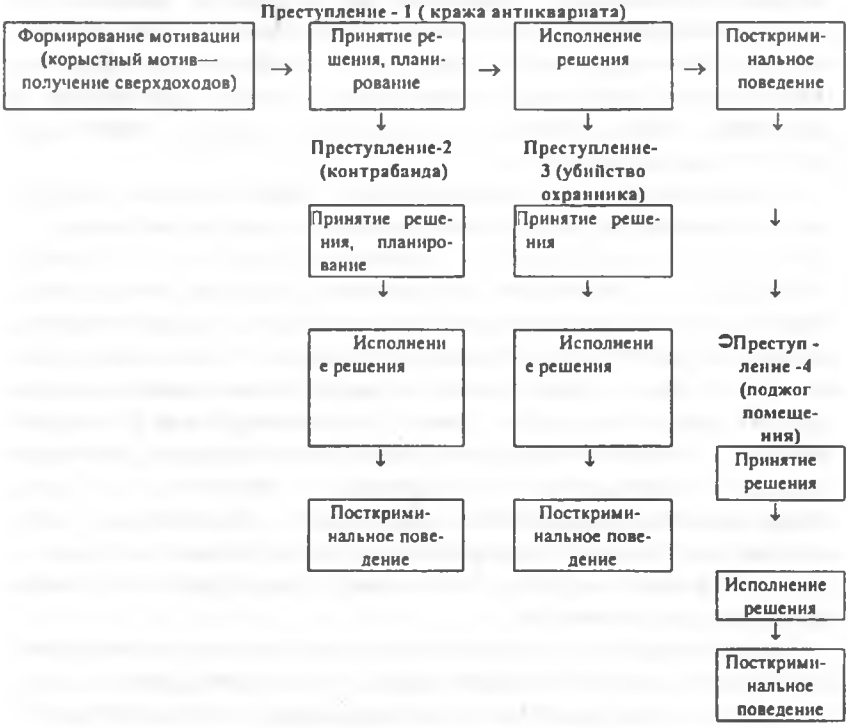
Организованная преступная деятельность реализуется в формах, наиболее эффективных и приемлемых для конкретных условий места и времени. Она может быть системой взаимосвязанных организованных преступных деяний либо одного субъекта, либо субъекта коллективного.

Схематично механизм преступной деятельности показан на рисунке 1, в основе которого лежит схема механизма преступного поведения. Схема отражает ситуацию, когда лицо планирует совершение кражи антиквариата из охраняемого помещения, одновременно намечает совершить контрабанду. Во время кражи убивает представителя службы безопасности, заметившего проникновение и пытающегося задержать вора. После убийства у такого преступника вызревает решение о поджоге помещения в целях сокрытия следов преступлений. На схеме показано, что второе преступление зарождается на стадии принятия решения о совершении первого преступ-

ления, третье— на стадии исполнения решения о совершении первого преступления, четвертое служит логическим продолжением третьего деяния. И, по мнению субъекта данной преступной деятельности, только все это в совокупности может позволить ему решить поставленные задачи: достигнуть планировавшейся цели и уйти от уголовной ответственности.

Рис. 4

Фрагменты механизма организованной преступной деятельности



Нельзя не упомянуть о многозначности давно употребляемых в философии, психологии, а также уголовном праве и криминологии понятий «деятельность» вообще и «преступная деятельность», в частности. К.Е. Игошев с криминологических позиций рассматривал преступление как специфический вид деятельности человека[1]. Н.С. Таганцев с уголовно-правовых позиций практически отождествлял преступное деяние и преступную деятельность[2].

---

[1] *Игошев К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 58.

[2] *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. М., 1994. С. 265 и др.

Слово «деятельность» иногда употреблялось и употребляется, когда речь идет и об отдельном преступлении, и об их множественности. Однако сиюминутная реакция на замечание прохожего в виде нанесения удара, в результате которого тот упал и, ударившись затылком, скончался, трудно назвать «деятельностью». Нельзя забывать, что с философских, социологических и психологических позиций деятельность все-таки понимается как определенная система действий, система поведения. Она охватывает и материально-практические и интеллектуально-духовные операции, то есть и работу мысли субъектов такой деятельности, в том числе участников организованных преступных формирований.

Термин «преступная деятельность», в отличие от «преступного поведения» в личностном аспекте отражает не только наличие системы определенных преступных деяний, но и целенаправленный поиск личностью социальных позиций, условий для реализации преступных замыслов, развитие в процессе самовоспитания качеств, важных именно для данной преступной деятельности.

При анализе деятельности личности важно выяснять, в частности, представляет ли собой преступное деяние изолированный акт или оно — звено в цепи определенной системы поступков и какой именно системы?

Важно учитывать при этом следующее: организованная преступная деятельность вплетается в целостную деятельность ее субъекта, может становиться для него ведущей деятельностью, которой он подчиняет многие стороны своей жизни. Поэтому личностные особенности субъектов организованной преступной деятельности носят весьма устойчивый характер. У такой личности изменяются социально-ролевое поле, круг интересов и предпочтений, потребности и интересы, нравственные и правовые установки. Поэтому, когда говорят о том, что ведущей для такой личности становится «преступная деятельность», под этим понимают вовсе не ту организованную преступную деятельность, о которой речь шла выше. Именно о такой преступной деятельности пишут как об особой разновидности человеческой деятельности[1], нередко, выделяя ее в качестве специфической «профессиональной» деятельности[2]. Как и

---

[1] «Преступная деятельность — это особая разновидность человеческой деятельности. Она обладает всеми ее общими социально-психологическими свойствами», — -пишет А.Ф. Зелинский в книге «Криминология». Харьков, 2000. С. 178.

[2] «С экономической точки зрения «преступная деятельность» — такая же профессия, которой люди посвящают время, как и столярное дело, инженерия или преподавание». (*Беккер Г.* Экономический анализ и человеческое поведение// Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Т. 1. М., 1993. С. 33.

всякая профессиональная, такая деятельность способна широко определять всю жизнедеятельность ее субъекта.

Когда о каком-то человеке говорят, что он занимается преступной деятельностью, это еще не означает, что он всегда совершает преступления в соучастии, с кем-то еще. Но практически почти всегда это означает, что у него специфический круг потребностей и интересов, а отсюда и необходимость общения с субъектами аналогичной озабоченности и другими, способными облегчить соответствующую деятельность, создать для нее наиболее благоприятные условия. С такими лицами он может обсуждать общие проблемы совершенствования форм аналогичной деятельности, ухода от ответственности за нее, вырабатывать защитные психологические механизмы деятельности.

Вместе с тем, когда преступная деятельность включает совершение именно систем криминальных деяний, то есть приобретает характер организованной преступной деятельности в указанном выше узком понимании, почти всегда необходимы соучастники. Как совершенно правильно отмечают Бахин В.П., Карпов Н.С. и Цымбал П.В., когда преступность вышла на уровень организованной, она проявляется не в отдельных актах преступлений, а в системе преступной деятельности, при этом преступники вынуждены заботиться о своей безопасности не только в период осуществления преступных акций[1].

Актуальность эффективной борьбы с терроризмом породила необходимость принятия в 1998 г. комплексного Федерального закона «О борьбе с терроризмом». В нем введено понятие «террористическая деятельность». Оно используется наряду с такими, как «терроризм», «преступления террористического характера». В ст. 3 данного Закона указывается, что «террористическая деятельность — деятельность, включающая в себя: 1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции; 2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях; 3) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции; 4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; 5) финансирование за-

[1] *Бахин В.П., Карпов Н.С., Цымбал П.В.* Преступная деятельность: понятие, характеристика, принципы, изучение. Киев, 2001. С. 18-19.

ведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им»[1].

Организованная преступная деятельность — это не только система различных уголовно-правовых деяний, но и однородных, если последние являются звеньями единой линии поведения. Например, кражи совершаются не от случая к случаю, а служат эпизодами профессиональной криминальной деятельности вора, постоянно оттачивающего свое мастерство и живущего за счет именно такой «профессии».

Организованную преступную деятельность в изложенном понимании как системы различных преступлений, приобретающих новый смысл и качество именно во взаимосвязи с друг с другом, следует отличать от иных случаев употребления термина «преступная деятельность», т. е. во-первых, от тех видов множественности преступлений, которые предусмотрены УК РФ: неоднократности, повторности, рецидиве, не имеющих указанных выше хварактеристик; во-вторых, от обозначения понятием «преступная деятельность» специфического, запрещенного уголовным законом вида человеческой деятельности.

Первый аспект различий не вполне учитывается теми авторами, которые практически не различают систему различных преступлений, составляющих единое целое, и, например, множество краж, совершенных одним лицом. По мнению П.К. Кривошеина, преступная деятельность — это «систематическое, разновременное совершение лицом на протяжении более или менее длительного промежутка времени юридически тождественных, однородных или разнородных общественно опасных деяний, являющихся самостоятельными преступлениями, объединенными единой мотивацией, общностью цели»[2]. В первом случае, т. е. при системе преступлений, практически невозможно выделять уголовные дела о них — будет потеряна возможность адекватной оценки личности виновного и его криминальной деятельности. При системной криминальной деятельности, доказывание одного преступления служит нередко средством доказывания другого, его мотивации. При двадцати кражах, совершенных

---

[1] Международная террористическая деятельность трактуется как террористическая деятельность, осуществляемая: 1) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства; 2) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства; 3) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств».

[2] *Кривошеин П.К.* Понятие «преступная деятельность»// Проблемы дальнейшего укрепления социалистической законности в деятельности органов внутренних дел. Киев, 1986. С. 26.

подростками одни могут совершаться в одиночку, а другие — в соучастии, но во всех случаях — только в подходящей ситуации, при ситуативно возникшем умысле. Тогда вполне возможно выделить уголовные дела о кражах, совершенных в одиночку и в соучастии, расследовать их отдельно, даже последовательно во времени. При постановлении приговора по последнему из выделенных дел несомненно судом должен учитываться факт неоднократного совершения подсудимым преступлений.

Но представим себе другую ситуацию: профессиональный вор изучил заранее объекты, заманчивые с точки зрения краж, а затем организовал эти кражи. Одни он совершил лично, другие — в соучастии с привлеченными подростками, когда он в конкретных случаях выступал для подростков только в роли подстрекателя (склонял к совершению преступления путем уговоров) и пособника (заранее обещал приобрести или сбыть похищенное). При выделении отдельных эпизодов краж здесь может быть потеряна важная информация о криминальном профессионализме такого вора, его организаторской деятельности, вовлечении несовершеннолетних в совершение преступлений.

Очень важно, что данные об одном преступлении при системной преступной деятельности могут прояснить мотивацию совершения других криминальных деяний. Этого не бывает, если речь идет только о последовательном совершении кражи, а затем хулиганства во время кутежа на похищенные деньги. Вот почему при наличии преступной деятельности так трудно или даже невозможно решать вопросы о выделении отдельных ее эпизодов с целью быстрого завершения расследования уголовного дела и недопущения затягивания сроков содержания под стражей обвиняемых.

Заметим попутно, что «эпизоды преступной деятельности» — широко распространенный термин, употребляемый сотрудниками правоохранительных органов. Это — не правовой термин. Он родился в условиях расследования уголовных дел о сложной организованной криминальной деятельности, в которой отдельные преступления становятся именно «эпизодами» такой деятельности. Однако при анализе организованной преступной деятельности в узком смысле этого понятия речь идет скорее не об «эпизодах», а об ее «этапах», на каждом из которых совершаются разные деяния. Это — всегда поэтапная деятельность, способная обеспечить достижение поставленной цели только после совершения всех деяний.

Авторы проекта Федерального закона «О борьбе с организованной преступностью» предлагали ввести в данный Закон понятие «преступная деятельность», а также использовать его в Уголовном

кодексе Российской Федерации[1]. Но, к сожалению, разработчики Уголовного кодекса отказались и от данного термина, и от предложения разграничить умысел на заранее обдуманный и внезапно возникший. Создавалось впечатление, что разработчики УК РФ и часть депутатов либо продолжали ощущать себя в ситуации, когда «только отдельные лица, причем лишь иногда и кое-где совершают отдельные преступления»; либо, осознавая наличие в России высокоорганизованных преступных формирований со сложной преступной деятельностью, не считали возможным нарушать сформулированные в другой криминальной ситуации уголовно-правовые постулаты; либо полагали достаточными прежние уголовно-правовые меры. При этом игнорировался международный, лучший отечественный и зарубежный опыт борьбы с организованностью в преступности.

Если говорить об Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, то и он практически рассчитан на расследование отдельных преступлений, но не сложной высокоорганизованной преступной деятельности. В соответствии со ст. 162 УПК РФ «предварительное следствие по уголовному делу должно быть закончено в срок, не превышающий 2 месяцев со дня возбуждения уголовного дела». Далее говорится, что «по уголовному делу, расследование которого представляет особую сложность, срок предварительного следствия может быть продлен прокурором субъекта Российской Федерации и приравненным к нему военным прокурором до 12 месяцев. Дальнейшее продление срока предварительного следствия может быть произведено только в исключительных случаях Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителями». Статья 163 УАК РФ предусматривает производство предварительного следствия следственной группой в случае сложности или большого объема уголовного дела, но срок предварительного следствия при этом не корректируется — он продлевается на общих основаниях в порядке ст. 162 УПК РФ. При этом в срок предварительного следствия включается время со дня возбуждения уголовного дела и до дня его направления прокурору с обвинительным заключением или постановлением о передаче уголовного дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера либо до дня вынесения постановления о прекращении производства по уголовному делу. В том числе включается время ознакомления обвиняемого, его защитника, потерпев-

---

[1] См.: Правовое регулирование борьбы с организованной преступностью. М., 1994; Организованная преступность — 3. М., 1996.

шего, гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей с материалами уголовного дела. Такое ознакомление осуществляется в порядке, установленном статьями 217 и 218 УПК РФ. В соответствии с частью 2 статьи 217 УПК РФ «В процессе ознакомления с материалами уголовного дела, состоящего из нескольких томов, обвиняемый и его защитник вправе повторно обращаться к любому из томов уголовного дела, а также выписывать любые сведения и в любом объеме, снимать копии с документов, в том числе с помощью технических средств. Копии документов и выписки из уголовного дела, в котором содержатся сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, хранятся при уголовном деле и предоставляются обвиняемому и его защитнику во время судебного разбирательства.» Часть 3 ст. 217 УПК РФ предусматривает, что «обвиняемый и его защитник не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления с материалами уголовного дела».

Это — только один из аспектов проблемы криминологической обусловленности закона. Все-таки уголовный, уголовно-процессуальный, да и другие законы должны создаваться таким образом, чтобы они отражали криминальные реалии и давали возможность реагировать не только на единичные криминальные проявления очевидного характера, но и на сложную многоаспектную преступную деятельность различных организованных преступных формирований[1].

Важно также иметь в виду, что, когда говорят об организованной преступной деятельности конкретных субъектов, то имеется в виду и другой признак, помимо системы преступлений. Деятельность растянута во времени, включает подыскание и — при необходимости — приспособление внешних условий для достижения поставленных целей, выбор наиболее оптимальных способов достижения цели, подбор участников, обладающих необходимыми для соответствующей криминальной деятельности характеристиками. В Законе Республики Беларусь «О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией» от 26 июня 1997 г. отмечено, что преступная деятельность включает «создание условий для ее поддержания и развития».

Организованная преступная деятельность поэтому в ее даже узком понимании более растянута во времени и пространстве, чем то, что охватывается уголовным законом. При обсуждении вопроса и

---

[1] О необходимости криминологической обусловленности уголовно-процессуального закона убедительно пишет В.А. Номоконов в статье «Новый УПК для вчерашней преступности»// Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М., 2002. С. 5-10.

принятии решения о целесообразности совершения хищения антиквариата, например, изучаются спрос и цены на рынке антиквариата, места хранилищ пользующегося спросом антиквариата, особенности охраны соответствующих помещений. Некоторыми специалистами по уголовному праву высказывается мнение, что такие деяния охватываются понятием приготовление к преступлению. Однако с этим трудно согласиться. Этого не позволяет делать буквальное толкование текста статьи 30 УК РФ «Приготовление к преступлению и покушение на преступление». Там говорится: «Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам». Другими словами, данная статья имеет прямое отношение к случаю, когда лицо уже приняло решение о совершении преступления и приискивает, готовит средства, орудия преступления, умышленно создает для него условия. Но а если пока происходит другое: только еще изучается вопрос не об орудиях, а о предмете преступного посягательства? Если пока умышленно не создаются, а подыскиваются подходящие условия: субъект меняет места работы, последовательно изучая систему охраны особо ценных предметов? Так расширительно толковать статью 30 УК РФ непродуктивно, в суде данная позиция легко может быть оспорена.

Изложенное становится особенно актуальным в условиях постоянного усложнения и глобализации организованной преступной деятельности. Расширяется спектр сфер и форм организованной преступной деятельности. Эти изменения сопровождаются эскалацией криминального рынка, теневой экономики, теневой политики, теневой юстиции.

Исследования А.А. Скобликова и других авторов[1] показали, что с начала девяностых годов лидеры организованных преступных формирований все более широко использовали такой способ обогащения, как «истребование» (точнее — выбивание) долгов в пользу кредиторов за определенную долю от взысканных сумм или имуще-

---

[1] *Скобликов П.А.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с организованными и иными криминальными проявлениями в сфере имущественных споров в современной России. Дис. докт. юрид. наук. М., 2001; *Скобликов П.А.* Имущественные споры и криминал в современной России. - М., 2001; *Овчинский В.С.* Стратегия борьбы с мафией. М.: СИМС, 1993. С. 61; *Заиграев А.Г. Пискарева Н.В.* Государственная правоохранительная система и частные системы безопасности: соотношение, правовое регулирование // "За честный бизнес". Тезисы и материалы выступлений. М., 1994. С. 113, 117; *Гуров А.И.* Красная мафия. М., 1995. С. 327 и др.

ства. Они вершили криминальный «арбитраж», иным образом вмешивались в законный порядок разрешения имущественных споров. Данное явление получило в России повсеместное распространение, но наибольшая его интенсивность фиксировалась в столичном регионе ввиду высокой концентрации там капитала и связанных с ним так или иначе криминальных структур. Аналогичное явление за рубежом наблюдалось в Японии, где организованные преступники участвуют в непосредственном разрешении гражданских конфликтов по заказу заинтересованных сторон, а также осуществляют посредничество в улаживании имущественных споров, взимание просроченных долгов. П.А. Скобликов отмечает, что криминальные лидеры использовали «нишу» тех потребностей в эффективном разрешении имущественных споров, которые не удовлетворялись или неудовлетворительно обеспечивались в официальном порядке.

В 1996 г. Первый Президент России отмечал, что «...сформировалась устойчивая тенденция неисполнения многих решений судов по гражданским делам... А в итоге создается, по сути, криминальный механизм. Видя неэффективность судебных решений, многие предпочитают искать незаконные способы возвращения утраченного имущества... Другими словами, неисполнение судебных решений ставит под сомнение само существование судебной власти, а значит, и правового государства»[1].

Развивались и такие относительно новые формы преступной деятельности, как компьютерное пиратство[2], обращение людей в рабство, торговля человеческими органами и др. Это — далеко неполный перечень новых форм криминального «освоения» организованными преступниками различных сфер жизнедеятельности общества.

Наряду с изложенным отмечалось возрождение морского пиратства, работорговли и др.

При анкетном опросе осужденных, отбывающих наказание в разных местах лишения свободы Южного федерального округа, им в 2002 году был задан вопрос: приходилось ли Вам встречаться со

---

[1] *Ельцин Б.Н.*. Выступление на Общероссийском конгрессе по правовой реформе 6 марта 1996 г. М., 1996. С. 8.

[2] Обращение в рабство отмечено не только на Северном Кавказе (особенно в Чечне), но и в других регионах России. Так, сотрудники ГУВД Самарской области «освободили людей, насильственно удерживаемых на территории торгового центра « Московский». Здесь на стоянке грузовиков в железной клетке находились шестеро мужчин. Один из них — 16-летний подросток. Невольники утверждали, что их заставляют бесплатно трудиться на тяжелых работах ведущегося рядом строительства аквапарка. За отказ жестоко били. В то же время их почти не кормили. В бытовке, охранников «Московского» среди паспортов и крутых «удостоверений» обнаружили разнарядку на строительные работы. Под списком невольников стояли подписи охранников: сдал — принял». («Рабство в центре Самары» Российская газета, 2001,. 22 сент.).

следующими фактами или знаете ли Вы о таких фактах: покупка-продажа детей, обращение людей фактически в рабство и др. Ответили, что им приходилось встречаться с: а) покупкой-продажей детей — 19 % опрошенных; б) обращением людей фактически в рабство и использованием их на тяжелых работах — 32 %; в) обращением женщин фактически в рабынь, которые добывают денежные средства для хозяев путем занятия проституцией — 35 %; г) торговлей людьми, обращенными в рабство — 16 %; д) торговлей радиоактивными материалами — 12 % ; е) продажей людьми своих органов (почки и др.) ради получения денег — 14 %.

Совершенно очевидно, что со сложными видами высоко общественно опасной деятельности нельзя бороться так же, как с традиционными отдельными общеуголовными преступлениями. Здесь, как уже отмечалось, возникают более сложные проблемы криминализации таких видов деятельности, установления особых уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных процедур их преследования. Правовая непоследовательность дорого оборачивается для граждан и общества в целом: не достигается эффективности борьбы с наиболее опасными криминальными проявлениями.

§ 3. Организованные преступные формирования, их виды и типы

Эффективность и масштабность организованной преступной деятельности, как правило, достигается соединенными усилиями многих людей, действующих как единый коллективный субъект. Поэтому с организованной преступной деятельностью диалектически связано такое проявление организованности в преступности, как наличие организованных преступных формирований и их деятельность. Причем формирований разного типа и вида.

1. *«Организованные преступные формирования»* — это обобщенное понятие. В мире существует множество их видов[1]. Исследователи организованной преступности отмечают большое разнообразие таких формирований в разных странах; в одной стране, но состоящих из лиц разных национальностей; формирований лиц одной национальности, но действующих в разных регионах одной страны. Так, например, в Калифорнии организованные преступные группы выходцев из Китая и проблемы, с ними связанные, значительно отличаются от тех же в Нью-Йорке.

В России также отмечается разнообразие организованных преступных формирований. Это — и организованные группы, и значи-

[1] См.: Бандформирования всех стран мира. Автор-сост. Макарова Н.Н. Минск, 1997.

тельное более крупные преступные организации, и преступные сообщества. Причем все они не остаются неизменными, в основе их трансформаций лежат, как правило, изменения организованной преступной деятельности и условий ее осуществления.

Наиболее глобальными преступными организациями в мире длительное время считались итальянская мафия, японские борекудан[1] (якудза), китайские триады и другие формирования[2], колумбийские наркокартели и т.п.[3]. Но в девяностых годах весь мир заговорил о новых видах организаций, в том числе о российской «мафии»[4], а в России, пожалуй, не стало людей, которым не был бы знаком термин «воры в законе».

В России, да и во всем мире, широко употребляется термин «мафия», даже излишне широко. В России, например, — применительно и к российским организованным преступникам, и к коррумпированным чиновникам. К сожалению, это имеет место и в специальной криминологической литературе. Значение данного термина весьма многозначно и слово «мафия» употреблялось и употребляется в самых разных значениях и ситуациях. В литературе выделяются три основных значения данного слова:

1) *собственное имя организации.* Это, прежде всего, подпольная патриотическая организация самообороны времени антифранцузского вооруженного восстания населения в Сицилии. В 1282 г. ею

---

[1]«В год расцвета в 1963 г. организация "Борекудан" насчитывала примерно 184 100 гангстеров. С тех пор до 1987 г. наблюдалось постепенное снижение численности организации. Начиная с 1987 г. вновь наметился рост численности этой организации. Тенденция роста была прекращена введением специального закона, направленного против незаконной деятельности "Борекудан". Однако за последние годы вновь отмечается рост численности "Борекудан". К концу 1999 г. общая численность "Борекудан" составляла 83 100 человек, из которых 43 900 являются полноправными членами, а 39 200 считаются просто сообщниками». National Police Agency. Полиция Японии. 2000 г. Национальное полицейское агентство. Извлечения. Перевод – Е. В. Кравченко.

[2] «Организационная структура китайской организованной преступности в США очень сложна. Естественно, существует великое множество разновидностей китайских группировок. Сюда входят банды, тайные общества, триады, тонги, тайваньские организованные преступные группировки, и базирующиеся непосредственно в США тонги и банды. По мнению Ко-Лин Чина, ведущего академического эксперта США по китайской организованной преступности, нет никаких фактических данных, подтверждающих существование хорошо организованной, единой иерархической преступной структуры, именуемой "Китайская мафия". (CHINESE TRANSNATIONAL ORGANIZED CRIME: THE FUK CHING by James O. Finckenauer, Ph.D. Перевод Буряк М.Ю. (http://crime.vl.ru/)

[3] Прокуроры из Южной Кореи Пак Чонг-Сун, И Ке-Бе в во второй половине девяностых годов писали о множестве преступных организаций и о том, что не известно точно, сколько преступных организаций имеется и сколько членов в них насчитывается.

[4] «ФБР США обнаружило деятельность российской организованной преступности в 58 странах мира. В США следы этой преступности отмечены в 30 штатах. Используя экономические рычаги, русская мафия стремится получить влияние в политических кругах»,— отмечалось в докладе «RUSSIAN ORGANIZED CRIME AND CORRUPTION PUTIN'S CHALLENGE» Washington, 2000. (Российская организованная преступность и коррупция. Дилемма для Путина. Перевод Е. В. Кравченко).

провозглашался лозунг «Morte alla Francia, Italia anela» (Смерть Франции, вздохни Италия), первые буквы которого образовали слово «мафия». В литературе отмечается, что позднее данная организация практически переродилась в преступную. Существует еще одно историческое объяснение: в 1860 г. Гарибальди возглавил поход «Тысячи», освободивший юг Италии, и ему приписывался лозунг «Mazzini autorizza furti incendi avvelenamenti» (Мадзини допускает кражу, поджог, отравление). Первые буквы слов и в этом случае образуют слово «мафия».

2) *конкретный, исторически сложившийся, тип преступной организации.* В Италии был принят в 1965 году закон по борьбе с мафией. В 1982 году в УК Италии введена статья 416[1], которая гласи: «Всякий, кто участвует в объединении мафиозного типа, состоящем из трех или более лиц, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 6 лет. Все те, кто создают, руководят или организуют объединение, наказываются только за это лишением свободы на срок от 4 до 9 лет». Объединение признается объединением мафиозного типа, когда те, кто, участвуя в нем, пользуются насилием со стороны объединения, а также зависимостью и законом молчания (омерты) в отношении него для совершения преступлений, для установления прямого или косвенного руководства, или иного контроля за экономической деятельностью, концессиями, разрешениями, подрядами и общественными службами или для получения незаконных прибылей или преимуществ для себя либо для третьих лиц. То есть здесь принимаются во внимание характеристики самого преступного объединения. Организации данного типа действуют не только в Италии.

Р. Ивановпишет, что феномен мафии — это не нечто искусственно пересаженное с итальянской, сицилийской почвы на американскую, но пустившее там мощные и глубокие корни.

3) *«мафия» — имя нарицательное,* обозначающее или организованную преступность, или просто остающееся в тени, тайное сообщество лиц, действующих вне закона. В этом третьем значении данный термин применительно к России употребляет А.И. Гуров и ряд других авторов[1].

Заметим, что *нередко смешиваются два принципиально разных типа криминальных организаций: преступная организация — субъект конкретных преступлений или организованной преступной деятельности, с одной стороны, и — с другой —организация,*

---

[1] *Гуров А.И.* Красная мафия. М., 1995. *Аслаханов Асламбек* О мафии в России без сенсаций. М., 1996.

структурирующая ту часть населения, которая выходит из правового пространства, решает свои проблемы с нарушением закона, в том числе уголовного, и определенным образом самоорганизуется.

Если говорить *о первом типе криминальных организаций*, то в России УК РФ выделяет: организованную группу (ч. 3 ст. 35 УК РФ), банду (ст. 209 УК РФ), незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ), объединение, посягающее на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), а также преступное сообщество (преступную организацию) — ст. 210 УК РФ. При этом разграничение нельзя признать четким и последовательным, а даваемые законодателем определения безупречными.

Одни виды организованных преступных формирований выделяются в статье 35 УК РФ Общей части УК РФ (организованная группа, преступная организация (преступное сообщество), о других имеются статьи только в Особенной части УК РФ. И хотя в диспозиции данных статей нет указания на организованность банды, незаконного вооруженного формирования, объединения, посягающего на личность и права граждан, последние не могут не носить характер разновидности именно *организованных* преступных формирований.

Организованная группа в соответствии с частью 3 статьи 35 УК РФ понимается как устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. В отличие от группы по предварительному сговору участники организованной группы «заранее» объединяются и вместе проходят стадию приготовления к преступлению. Важно четко разграничивать совершение преступлений организованной группой и группой по предварительному сговору. Последняя не относится к числу организованных преступных формирований. Реально организованная группа создается при совершении несколькими лицами не просто преступления, пусть и самого тяжкого, а *организованного* преступления, когда надо предварительно объединиться и согласовывать свои действия уже при подготовке преступления.

В международно-правовых документах можно найти иное определение. В частности, в статье 2 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года) говорится, что «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных

таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду». Здесь нет признака «заранее объединились», но вводится указание на структурно оформленный характер такой группы, нижний порог численности, а также мотивацию. Преступления должны быть не только «серьезными», но совершаться ради получения финансовой или иной материальной выгоды. Последнее связано со стремлением не связывать организованную преступность в ее проявлениях с преступлениями, совершенными по мотивам политическим, религиозной, расовой и иной ненависти.

Заметим, что в Конвенции ООН, как и в УК РФ, «организованная группа» является не только термином, обозначающим конкретный вид организованного преступного формирования, но также и неким базовым понятием.

Согласно части 4 ст. 35 УК РФ, преступное сообщество (преступная организация) — это сплоченная организованная группа, созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Но при этом в УК РФ разграничиваются разные виды таких групп. При этом происходит смешение организованных преступных формирований первого и второго выделенных типов, а также частично нечетко разграничиваются формирования внутри первого типа. Применяются термины: формирование («незаконное вооруженное формирование»), банда, объединение.

Банда.. В статье 209 УК РФ о банде говорится как об устойчивой вооруженной группе, создаваемой в целях нападения на граждан или организации, без упоминания об организованной характере такой группы. Однако в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. №1 отмечается: «под бандой следует понимать организованную устойчивую вооруженную группу из двух и более лиц, заранее объединившихся для совершения нападения на граждан или организации. Банда может быть создана и для совершения одного, но требующего тщательной подготовки нападения». От иных организованных групп банда отличается своей вооруженностью и своими преступными целями — совершением нападений на граждан и организации. Как показывает изучение уголовных дел, рассмотренных судами, не всегда банда четко отграничивается от незаконного вооруженного формирования. Применительно к банде это совершенно определенно признано в указанном постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. №1

Незаконное вооруженное формирование — объединение, отряд, дружина или иная группа, не предусмотренная федеральным законом (ст. 208 УК РФ). Исследования показывают, что незаконные воору-

женные формирования фактически часто являются такими организованными вооруженными устойчивыми и сплоченными преступными группами, которые совершают разнообразные преступления[1].

Экстремистское сообщество. В соответствии с частью первой ст. 282[1] УК РФ это — организованная группа лиц, созданная для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений, предусмотренных статьями 148, 149, частями первой и второй статьи 213, статьями 214, 243, 244, 280 и 282 УК РФ (преступления экстремистской направленности[2]), а также объединение организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений такого сообщества в целях разработки планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

На практике нередко бывает трудно отграничить незаконные вооруженные формирования от банд, которые тоже характеризуются вооруженностью, или преступных организаций (преступных сообществ), имеющих и использующих оружие.

Объединение, посягающее на личность и права граждан. В соответствии со ст. 239 УК РФ это — религиозное или общественное объединение, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью либо с побуждением граждан к отказу от исполнения гражданских обязанностей или к совершению иных противоправных деяний.

Преступное сообщество. Оно же обозначается в УК РФ как преступная организация. В соответствии с частью 4 ст. 35 УК РФ преступное сообщество (преступная организация) — это сплочен -

---

[1] Анализ показывает, что когда возникают сложности с дифференциацией квалификации деяний по статьям 208, 209, 210 УК РФ, нередко используется следующий прием: в приговорах оставляется квалификация, соответствующая эпизодам преступной деятельности, твердо доказанным в результате судебного разбирательства. То есть юридическая квалификация в этом случае базируется на оценке не вида организованного преступного формирования, а юридической квалификации конкретно совершенных доказанных преступлений. Иными словами, казалось бы, уже признанное в международно-правовым документах и УК РФ положение о том, чтобы признавать и учитывать наряду с совершенным преступлением факт создания *организованного* формирования, руководства им и участия в нем, при таком подходе не работает, «повисает в воздухе».

[2] Ст. 282[1] УК РФ введена 25 июля 2002 г. в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности». В ней речь идет о воспрепятствовании осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ), воспрепятствовании проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149), хулиганстве (ч.1 и 2 ст. 213), вандализме (ст. 214), уничтожении или повреждении памятников истории и культуры (ст. 243), надругательстве над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244), публичных призывах к насильственному изменению конституционного строя РФ (ст. 280), возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 282 УК РФ).

ная организованная группа (организация), созданная для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединение организованных групп, созданное в тех же целях. В ст. 210 УК РФ конкретизируется, что таким сообществом (преступной организацией) признается также объединение организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий для совершения тяжких или особо тяжких преступлений.

В части четвертой ст. 35 и в ст. 210 УК РФ законодатель, на первый взгляд, допустил смешение двух типов криминальной организации, фактически отождествив понятия «преступная организация» и «преступное сообщество». Последнее понимается и преступным миром, и правоохранительными органами, и криминологами как «преступная надорганизация», обеспечивающая оптимальное взаимодействие, взаимосвязи разных организованных преступных формирований первого типа. Однако анализ статьи 210 УК РФ, показывает, что такое смешение — иллюзия. Практически сделано все для того, чтобы не криминализировать создание организованных преступных формирований второго типа, руководство ими и участие в них.

Часть первая статьи 210 УК РФ предусматривает наказание за «создание преступного сообщества (преступной организации) для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, а равно руководство таким сообществом (организацией) или входящими в него структурными подразделениями». Одновременно и за «создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки планов и условий *для совершения тяжких или особо тяжких преступлений»(*выделено автором -- А.Д.). Последняя формулировка исключает возможность признания преступным сообществом объединения организаторов, руководителей или иных представителей организованных групп в целях разработки более широких планов и условий функционирования организованных преступных формирований и их широкомасштабной деятельности, обеспечивающих в том числе организованное противостояние закону, правоохранительной системе. Включая лоббирование при принятии законов, иных нормативных правовых актов криминального интереса.

Указанная ранее «иллюзия», с одной стороны, «работает» на создание имиджа законодателя как последовательного борца с организованной преступностью, с другой — лежит в основе многих оправданий по ст. 210 УК РФ, исключения данной статьи из обвинения. Наивные, неопытные сотрудники правоохранительных органов,

искренне стремящиеся использовать уголовный закон для результативного реагирования на высокоорганизованные преступные сообщества и организационную криминальную деятельность лидеров преступного мира, образно говоря, «летят как бабочки на свет и сгорают», ориентируясь на действующую диспозицию ст. 210 УК РФ. Фактически указанные сообщества существуют и активно функционируют, но не подпадают под признаки ст. 210 УК РФ.

Вообще опасно, наивно, ну а по существу хорошо продумано в криминальных интересах, ограничение криминализации создания, руководства и участия в преступной организации указанием на то, что такая организация создается для совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Не установлено случаев, когда бы организаторы заранее договаривались о степени тяжести тех преступлений, которые они будут совершать. Практически организациями совершаются самые различные виды преступлений — всё то, что диктуется логикой развития и сокрытия преступной деятельности, легализации и приумножения получаемых доходов, сохранения криминального формирования как такового. Такого рода деятельность может заключаться сначала в совершении экономических преступлений, многие из которых законодателем не отнесены к категории тяжких, но причиняют масштабный экономический вред. Затем уже участники организаций могут переходить к заказным убийствах, захвату заложников и т.п. Их криминальная деятельность нередко приобретает транснациональный характер.

В рассмотренных судами уголовных делах фиксировались случаи перерастания организованных преступных групп в банды, банд — в преступные организации и даже сообщества.

Так, в 1993 г. Г. организовал банду с целью нападение на граждан. Борясь за лидерство в более крупной группировке «Хади Такташ» банда Г. практически полностью физически уничтожила противостоящую им часть, более взрослых и авторитетных ее членов. С этого времени единоличным лидером становится Г., а руководимая им банда стала называться «бригадой Раджи». Противоправная деятельность стала сочетать в себе признаки как бандитизма (ст. 209 УК РФ), так и организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ). Расширялась сфера влияния банды, более разнообразными становились виды ее преступной деятельности. Огромный преступный доход организация получала за счет незаконного сбыта наркотических средств на территории Казани....Сообщество совершало убийства, в том числе «по заказу», незаконный оборот оружия, экономические мошенничества, вымогательства, эксплуатировало проституток. Выход из банды был возможен лишь в случае смерти ее уча-

стника либо ввиду злоупотребления наркотическими средствами. Добровольный выход не допускался[1].

Этот пример хорошо иллюстрирует общий вывод криминологов: при эскалации преступной деятельности совершается всё, что способно приносить сверхдоход, обеспечивать в тех или иных масштабах власть и безнаказанность.

Профессор Герхард Мюллер более двух десятилетий возглавляет подразделение ООН по борьбе с преступностью и международному уголовному праву, в работе «Семнадцать ликов мафии» он, а по его рекомендации и ООН разделили все транснациональные преступления на 17 групп: 1) — отмывание денег, 2) — терроризм, 3) — кражи произведений искусства и предметов культуры, 4) — кража интеллектуальной собственности, 5) — незаконная торговля оружием, 6) — угон самолетов, 7) — морское пиратство, 8) — захват наземного транспорта, 9)— мошенничество со страховкой, 10) — компьютерная преступность, 11) — экологическая преступность, 12) — торговля людьми, 13)— торговля человеческими органами, 14) — незаконная торговля наркотиками, 15)— ложное банкротство, 16) — проникновение в легальный бизнес, 17) — «коррупция и подкуп общественных и партийных деятелей, выборных лиц».

Перечислены преступления, которые бесспорно могут совершаться именно на организованной основе и причинять глобальный вред (экологические). Здесь указаны наиболее прибыльные виды криминального бизнеса, но все-таки далеко не все. Нет, например, торговли радиоактивными материалами, драгоценными металлами и камнями и т.п. Но — что самое главное — указанные преступления, как правило, совершаются в системе с другими: заказными убийствами, контрабандой, незаконным пересечением границы и т.д. Не случайно, Комиссия ООН по борьбе с преступностью и уголовному судопроизводству считает, что безотлагательно необходимо ужесточить пересечение границ для преступников, контрабандистов огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, а также веществ, которые могут быть использованы в производстве ядерного, биологического и химического оружия, и усилить их выявление.

Часто разные преступные организации имеют оружие и в судебной практике нередки случаи переквалификации деяний со ст.

---

[1] *Багаутдинов Ф., Беляев М.* Обвиняется преступное сообщество// Законность. 2002. № 4. С. 19-20.

210 и даже ст. 209 УК РФ на ст. 208 УК РФ на том основании, что наиболее очевидно наличие вооруженного формирования[1].

Преступная организация, как показали криминологические исследования, — это не просто многочисленная организованная группа. Во-первых, она возникает при принципиально иной — широкомасштабной и многоаспектной деятельности. Во-вторых, управление ею подчиняется общим правилам управления большими структурированными организациями, в которых есть как подразделения, нацеленные на реализацию тех задач, ради которых создана организация, так и обеспечивающую функционирование организации как таковой (кадровые подразделения, службы безопасности, хозяйственные, транспортные и т.п.).

Итак, в формировании, называемом криминологами преступной организацией, выделяются три основных вида функций: 1) управленческая, обеспечивающая руководство организацией в целом и ее подразделениями; 2) обеспечивающая совершение тех уголовно-наказуемых деяний, которые служат целям, стоящим перед организацией: извлечение сверхдоходов, нейтрализация свидетелей и т. п; 3) обеспечение существования организации именно как организации и ее эффективной криминальной деятельности, предельной конспиративности последней. Отсюда наличие таких подразделений, которые занимаются: информационно-аналитической деятельностью, выявляя наиболее заманчивые объекты преступных посягательств, избирают формы криминальной деятельности; службы безопасности, осуществляющие своеобразные «разведывательные и контрразведывательные функции», обеспечивающие охрану руководителей и иные аспекты «безопасности»преступной организации и ее участников. Сюда же следуют отнести транспортные группы, группы, обес-

---

[1] Так, приговором Верховного Суда Республики Дагестан от 1 сентября 2000 г., Ражипов М.М. был осужден по ст.ст. 33 ч. 5 и 205 ч.3 УК РФ; ст. 208 ч. 2, ст. 222 ч. 2, ст. 327 ч. 3 УК РФ. По ст. ст. 209 ч. 2, 210 ч. 2, 279, 278 УК РФ оправдан за недоказанностью его участия в совершении данных преступлений. При допросе в качестве подозреваемого и обвиняемого Ражипов показал, что он поддерживал иорданца, приехавшего в село. Произошло противостояние, сменилось несколько глав администрации, которые не были сторонниками ваххабизма. Из селения были изгнаны сотрудники поселкового отделения милиции, глава администрации сложил свои полномочия, было принято шариатское правление. Произошло нападение на воинскую часть в г. Буйнакске под руководством полевого командира Хаттаба. Роль Ражипова при нападении заключалась в подготовке продуктов питания, воды, подвозке их на своей машине тем, кто нападал. Признавал, что являлся участником вооруженных формирований. Указывал, что после того, как было захвачено здание правительства Республики Дагестан, сторонники ваххабизма закупали оружие, создавали укрепления, делали бункера, на которых осуществлялось дежурство. Ему приходилось стрелять из автомата, но попадал ли он в кого, не знает, так как стрельбу вел беспорядочно. Во время вооруженного нападения на приграничные с Чечней районы Дагестана, и нападения на воинские части федеральных сил Ражипов занимался подвозкой боеприпасов, закупкой оружия. Эти факты были подтверждены в материалах уголовного дела.

печивающие вооружение участников организации, консультантов-юристов, лечащих врачей и других.

Г.Г. Шиханцов предлагает следующую типологию организованных преступных групп: простая организованная группа; структурная (сложная) организованная группа; организованная преступная группировка; преступная организация (сообщество); мафия; кооперация профессиональных преступных лидеров (воров в законе)»[1]. Здесь, таким образом, не разграничиваются два основных типа организованных преступных формирований, о которой говорилось ранее: создаваемые на базе совместной преступной деятельности и иной базе, вытекающей из общности потребностей и интересов тех, кто систематически и в том числе профессионально занимается преступной деятельностью.

При всем разнообразии в мире высокоорганизованных преступных формирований, осуществляющих совместную преступную деятельность, исследователи выделяют их общие устойчивые характеристики. Так, С.М. Бевза на основе анализа позиций экспертов из разных стран мира отмечает общие обязательные и факультативные признаки преступной организации. К числу обязательных отнесены следующие:

- устойчивость и достаточно продолжительная долговременность существования конкретной преступной организации (либо неоднократное совершение преступления одного вида);
- разграничение функций между ее участниками (в том числе по горизонтали),
- иерархичность данной преступной структуры (как минимум наличие главаря);
- более или менее четко определенная специализация сферы ее деятельности (в наиболее крупных организациях типа Медельинского картеля этот признак размыт);
- цель организации — извлечение наибольшей прибыли в минимально короткий срок;
- наличие своеобразного социального страхования членов своей группы (в довольно примитивном виде —«общак»);
- меры по обеспечению безопасности, включая коррумпирование властных структур, прежде всего правоохранительных органов, а также организацию внутренней контрразведки с целью выявления и ликвидации агентуры правоохранительных органов;

---

[1] *Шиханцов Г.Г.* Криминология. М., 2001. С. 224.

• поддержание жесткой дисциплины, в том числе путем культивирования обета молчания («омерта») и кары ослушникам.

Факультативными признаками С.В. Бевза считает:

• неучастие главарей в конкретных преступных акциях (лидер преступной организации, не будучи исполнителем, может быть если не организатором, то вдохновителем преступления);

• «отмывание» денег, добытых преступным путем (при определенных условиях этот признак можно отнести к обязательным);

• формирование преступных организаций по национальному или клановому признаку;

• наличие международных связей;

• использование последних достижений науки и техники [1].

В преступной организации есть ее ядро, постоянные участники, есть «периферийные» члены, узко занимающиеся конкретными частными вопросами. Имеются — и это важно иметь в виду — привлекаемые на разовой или систематической основе участники *отдельных видов деятельности* преступной организации, не включающиеся в такую организацию.

Таким образом, следует различать: во-первых, участников преступной организации, осознающих себя таковыми и подчиняющими свою жизнедеятельность требованиям руководителей и нормам организации; во-вторых, участников деятельности преступной организации, в том числе «нанимаемых» за оговоренное вознаграждение, подкупаемых служащих на разовой или иной основе, оказывающих содействие из родственных или иных соображений. Встречается категория «прилипал», которые «кормятся с барского стола», оказывают мелкие услуги, стараются обратить на себя внимание криминальных лидеров, обладающих деньгами и влиянием.

Совершенно понятно, что в таких крупных организациях руководители, идеологи ее деятельности сами могут не совершать преступлений и даже не вникать в детали того, какие именно преступления, кем, когда и по какому адресу совершаются. Этим занимаются руководители подразделений организации. Отмечается, что некоторые важные для организации функции поручаются даже легальным структурам. Например, обеспечение безопасности офисов — зарегистрированным в установленном порядке частным охранным структурам.

Все это диктует принципиально иной подход к уголовно-правовому реагированию на деяния разных участников преступных организаций в указанном смысле. В частности, важна криминализа-

---

[1] Организованная преступность-2. М., 1993. С. 150.

ция самих фактов организации, руководства, участия в преступной организации. Уже только это рассматривается как тяжкое и — при квалифицирующих обстоятельствах — особо тяжкое преступление. Другие конкретные деяния квалифицируются по соответствующим статьям и дополнительно вменяются в вину участникам преступных организаций.

Криминальная деятельность таких организаций тесно переплетается с легальным предпринимательством, иной допускаемой и даже поощряемой обществом деятельностью. Это создает трудности четкого вычленения собственно высоко общественно опасной, преступной деятельности этих организаций. Тщательная конспирация, выделение части преступных доходов для коррупции, лоббирование своего криминального интереса и опережение законодателя, умелое использование его просчетов позволяет таким организациям именно как организациям не только выживать, но даже на определенных этапах «одерживать победы» в противоборстве с государственной системой при ее просчетах.

В своем развитии преступные организации и их лидеры стремятся опираться не только на собственные криминальные структуры, но и структуры государства, гражданского общества (общественные организации, фонды и т.п.). При этом последние криминализируются за счет использования следующих механизмов: коррупции; дискредитации служащих[1], других лиц; шантажа, угроз; физического устранения.

Итак, *основой создания первого типа формирования является совместная преступная деятельность его участников.* Это наблюдается в организованных преступных группах, бандах, незаконном вооруженном формировании, объединении, посягающем на личность и права граждан, собственно преступной организации.

Основой объединения субъектов во втором типе организованных преступных формирований является их общая организационная деятельность по созданию наиболее благоприятных условий для преступной деятельности разных формирований первого типа, организованного противостояния государственно-правовой системе, внедрения в нее и использования в своих целях ее институтов. Второй тип криминологи называют «преступным сообществом», не

---

[1] Терешонок А.Я. писал, что в результате неудавшихся кампаний борьбы с коррупцией и взяточничеством в начале 80-х годов были обескровлены, в частности, органы МВД в Узбекистане, подорван в целом их авторитет, «с 1982 года каждое третье уголовное дело на сотрудника милиции или других правоохранительных органов, хозяйственников к 1990 года было пересмотрено: либо отменен приговор, либо в иной форме предоставлена полная реабилитация».(Организованная преступность-2. М., 1993. С. 30).

смешивая его, как это делает законодатель, с преступной организацией.

Уголовный кодекс Российской Федерации в той части, в которой он касается организованных преступных формирований, особенно преступных организаций, сообществ — не отличается не только криминологической обусловленностью, но и не вполне корректен с уголовно-правовой и криминалистической точки зрения. В последнем случае -- потому, что вводит признак, который практически не подлежит внешнему контролю и, следовательно, — доказыванию. Говорится лишь о цели совершения тяжких и особо тяжких преступлений. Но в таком виде цель преступниками вообще четко не формулируется, а последовательность совершения преступлений бывает такова, что сначала нередко фиксируются преступления иной тяжести, а затем, в процессе эскалации организованной преступной деятельности все чаще встречаются тяжкие и особо тяжкие. Нетяжкий характер первых преступлений дает основание оспаривать такую цель создания преступной организации, как совершение тяжких и особо тяжких преступлений. И это при том, что последние практически доминируют в числе зарегистрированных преступлений организованных преступных формирований. Их удельный вес в России в 2000 г. продолжал составлять более 86 %[1].

Цель совершение тяжких и особо тяжких преступлений вообще отсутствует в таком непосредственном виде у преступных сообществ, как «координирующих» и создающих условия для широкой преступной деятельности органов. Не случайно до сих пор при задержании лидеров криминальной среды на «сходке» почти всех их отпускают, за исключением единиц, у которых в карманах обнаруживались наркотики.

30 % опрошенных в 2000-2001 годах сотрудников правоохранительных органов считали, что организаторам, руководителям организованных преступных формирований удается полностью избежать уголовной ответственности, 28 % полагали, что такие лица привлекаются лишь в качестве рядовых исполнителей, 26 % – в качестве организаторов только конкретного преступления, в том числе 11 % – за хранение наркотиков, 14 % – за иные преступления, не связанные непосредственно с деятельностью организованных преступных сообществ, организаций, групп.

По данным С.В. Ванюшкина, изучавшего рассмотренные судами уголовные дела о преступных сообществах (организациях) и

---

[1] *Ванюшкин С.В., Даниленко Н.Н., Юцкова Е.М.* Изменения организованной преступности и деятельность по борьбе с ней // Организованная преступность, миграция, политика. М., 2002.

данным судебной статистики, примерно в 40 % случаев подсудимые по ст. 210 УК РФ оправдывается, она исключается из обвинения. Правда, при этом соответствующие лица осуждаются за другие преступления, как правило, особо тяжкие. Так, в 1998–2000 годах в Москве были осуждены 60 % лиц или 30 чел. из 50, обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ. В 1998 г. в России было осуждено 11 лиц по ст. 210 УК РФ, и 6 из них в городе Москве. В 1999 г. было осуждено 10 человек, и все — в Москве. В 2000 г. в Российской Федерации осуждено 23 лица, и 14 из них в Москве, или 61 % от общего числа осужденных по России[1].

Существует настоятельная необходимостьболее четкого разграничения в уголовном законе, во-первых, двух типов организованных преступных формирований, во-вторых, различных форм, существующих в рамках каждого из этих типов. Хотя, разумеется, данная задача — не из легких: происходит постоянная трансформация конкретных формирований, меняются и их типологические черты. Это происходит как в рамках конкретного государства, так и в глобальном масштабе.

За рубежом ряд авторов, особенно европейских, придают большое значение тому, как именно структурирована преступная организация. Клаус фон Лампе из Берлинского университета различает сетевые контакты преступников и преступную организацию. Он пишет: «Разветвленная сеть контактов, устанавливаемых преступниками между собой, может существенно расширяться в зависимости от обстоятельств и реализовывать довольно сложные замыслы, не прибегая к созданию каких-то иных организационных структур. Поэтому, когда с пафосом говорят о «строгой иерархии преступных организаций», о «высокой степени профессионально организованных структур», то во многих случаях при ближайшем рассмотрении следует исходить из того, что речь идет лишь о связях и взаимозависимостях, подобных сетевым контактам. Умение отличить разветвленную преступную сеть от преступной организации — важный момент при анализе преступных структур. Разветвленная сеть (разветвленные контакты) — это сплетение двуполярных отношений между двумя или более лицами, имеющими схожие интересы. Для преступной организации характерна интеграция, т.е. члены организации подчиняются коллективной воле, осознают свое место в коллективе, а в самой структуре имеет место дифференциация, к которой можно применить такие понятия, как «распределение обязан-

---

[1] *Ванюшкин С.В., Даниленко Н.Н., Юцкова Е.М.* Указ. соч.

ностей», «иерархия», «формализация». Иными словами, разветвленная сеть представляет собой совокупность относительно дискретных и самостоятельных элементов; преступная организация — это нечто большее, чем сеть, поскольку собственно интегрирующий фактор представлен более явственно. Преступная сеть может стать основой для создания организации, внутри самой организации могут устанавливаться различные преступные связи, преступная сеть может соединить организацию с внешней средой. Вместе с тем трудно себе представить существование организации без социального сетевого механизма, поскольку связи членов организации между собой можно также определить как «сетевой механизм»[1].

Клаус фон Лампе выделяет также «преступную кооперацию», например, участников оборота наркотиков: «преступная кооперация строится на базе существующих между преступными элементами доверительных отношений. Причем эти отношения должны быть тем стабильнее, чем рискованнее предстоящие преступные действия. В целом следует исходить из того, что надежной доверительной базой в отношениях являются или должны являться родственные связи и отношения, дружеские отношения, складывающиеся в юности и совместное пребывание в заключении».

В одном из Вопросников Совета Европы содержалась просьба оценить характер криминальных организованных групп: иерархическая, сетевая или иная. В России иерархическая структура характерна практически для всех банд, преступных организаций, а также для большинства организованных преступных групп. В преступных сообществах – иные принципы сотрудничества и общения, которые синтезируют и иерархическую структуру, и подход к иерархам как равным между собой, и иные подходы. С этой точки зрения трудно согласиться со следующим категорическим утверждением Луис Шелли, директора Центра по изучению организованной преступности и коррупции Американского университета: «В СНГ число преступных группировок исчисляется тысячами. В их основе лежит не иерархическая структура, прототипом которой является семейная организованная преступность, группы базируются на сетевой структуре, часто используя насилие как часть бизнес-стратегии»[2]. Если бы речь шла о характере взаимоотношений разных преступных формирований, то Шелли была бы ближе к истине, но примени-

---

[1] *Клаус фон Лампе.* Организованная преступность под пристальным вниманием. Criminalistik. 2001.№ 3. Перевод В. Кигас.

[2] *Шелли Л.* Преступность виктимизирует общество и демократию// GLOBAL ISSUES ARRESTING TRANSNATIONAL CRIME / An Electronic Journal of the U.S. Department of State Y August 2001, Volume 6, Number 2. Перевод Буряк М.

тельно к преступным формированиям, члены которых объединяются на основе совместной преступной деятельности, такое утверждение далеко не бесспорно.

А.В. Покаместов, исследовавший организованные преступные группы, пишет: «Анализ судебной практики показывает, что руководство преступной деятельностью организованных преступных групп, как правило, осуществляется авторитарно, единолично организатором формирования (42 %) или руководящим «ядром» устойчивой преступной группы (32 %). Однако в ряде случаев, как правило, связанных с решением наиболее важных задач, руководство может осуществляться на коллегиальной основе большинством группы(17 %)»[1]. Если же говорить о крупных преступных организациях, то последний вариант руководства там наблюдается только при планировании и приготовлении конкретных преступных операций, но не в целом применительно к функционированию такого формирования. В последнем случае отмечается авторитарное руководство и, как правило, с выделением лидера, за которым признаются добровольно и вынужденно широкие полномочия. В то же время указанные преступные организации могут в своей криминальной деятельности кооперироваться с другими и тем самым образовывать некую сеть. Тогда руководство совместной деятельностью осуществляется на коллегиальной основе руководителями соответствующих организаций. При привлечении к преступной деятельности организации отдельных лиц направляющей и руководящей является позиция руководителя преступной организации.

Клаус фон Лампе совершенно обоснованно выделяет комплексную организацию — ту, в которой входящие в нее структуры действуют по горизонтали, — т.е. имеет место распределение труда— и по вертикали. Такие организации должны действовать, по его мнению, на относительно большом пространстве и их не так уж много.

Одновременно Клаус фон Лампе практически выделяет то, что мы называем преступными сообществами в собственном смысле этого слова и относит к данному типу формирования Cosa Nostra. Он пишет: «Преступные организации могут выполнять экономические функции, т.е. их цель — получение прибыли. К подобным преступным структурам относятся: нелегально действующие казино, структуры, специализирующиеся на взломах или мошенничестве. В эту категорию не входят например, такие организации, как Cosa Nostra в США или китайские триады. Их предпринимательская ак-

---

[1] *Покаместов А.В.* Понятие и основные признаки организатора преступной деятельности в уголовном праве. М., 2000. С. 29.

тивность направлена больше на содействие членам своей организации в осуществлении противозаконной деятельности, выполняя тем самым не экономическую функцию, а скорее социальную. Сюда входит выработка чувства и ощущения принадлежности к организации, связанных с обоюдным оказанием помощи, придание особого статуса внутри преступной среды, распространение идеологии, оправдывающей противозаконное поведение, а также предоставление условий для обмена информацией... в случае возникновения между двумя нелегальными фирмами споров она использовала для улаживания конфликтной ситуации механизм, подобный механизму, действующему в гражданском процессе. Оперируя неформальными или специально установленными нормами, принимается решение о возможности или невозможности признания претензий»[1].

А.Л. Репецкая при классификации субъектов транснациональной организованной преступности конструирует их двухуровневую систему, состоящую из: а) транснациональных преступных организаций и преступных сообществ, б) транснациональных криминально-государственных организаций. Она пишет: «... выделяются две разновидности субъектов организованной транснациональной преступной деятельности. Ведущую их группу составляют преступные организации и сообщества, опирающиеся на сети своих филиалов в разных странах. Наиболее типичными признаками для них являются: высокая степень организованности; семейная или этническая основа, позволяющая решать проблемы пополнения, посвящения и дисциплины внутри организации; наличие транснациональных связей с преступными организациями в других странах, а также стремление к достижению узкокорпоративных интересов и быстрая адаптация к усилению воздействия на них правоохранительных органов. Другая часть субъектов ТОП представляет собой криминально-государственные организации, т.е. симбиоз преступных организаций и государственных органов, или их отдельных представителей, которые используют преступные средства и способы для выполнения тех или иных задач. Нередко государственной атрибутикой камуфлируется связь государственной власти и преступных организаций, прикрывается истинная сущность их деятельности»[2].

Другими словами, здесь, казалось бы, критерием классификации служит наличие или отсутствие симбиоза преступных организаций и государственных органов. Однако криминологические исследова-

---

[1] *Клаус фон Лампе.* Указ. соч.

[2] *Репецкая А.Л.* Транснациональная организованная преступность. Автореферат дис. докт. юрид. наук. М., 2001. С. 10.

ния показывают, что такой симбиоз характерен только для больших преступных организаций из числа организованных преступных формирований первого из рассмотренных типов, то есть тех, которые занимаются исключительно конкретной преступной деятельностью, пусть и широкомасштабной (очевидно, именно их имеет в виду А.Л. Репецкая при выделении первой части субъектов).

Легализация преступных доходов, части криминальной деятельности — это еще не симбиоз с государственной властью. Такой симбиоз становится реальным при ином характере криминальной организованной деятельности. Он в большей мере удается собственно преступным сообществам как формированиям, стоящим над конкретными преступными организациями и осуществляющим общеорганизационные криминальные функции.

Изложенное становится более очевидным при дальнейшем анализе организованной преступности как системы организованных преступных формирований, их участников и их криминальной деятельности, рассматриваемой в рамках более общей для них системы – общества.

§ 4. Организованные преступные формирования и их преступления в России

Что касается отражения числа организованных преступных формирований и совершаемых ими преступлений в уголовной, судебной статистике и уголовных делах, то надо признать, что в уголовной статистике отражается лишь небольшая часть фактически действующих организованных формирований. Чаще происходит другое — преступления таких формирований предстают в уголовных делах как отдельные преступления одного или небольшого числа лиц.

Здесь отмечается особо высокая латентность. Непонимание ее масштабов влечет следующие ошибочные утверждения, которые встречаются и в специальной литературе, и в научных дискуссиях: проблема организованной преступности в России преувеличена, организованными формированиями совершается 1-2 % всех регистрируемых преступлений. А.И. Алексеев отмечает: «С другой стороны, анализ структуры нынешней преступности позволяет сделать некоторые выводы оптимистического свойства, касающиеся возможностей и перспектив криминологической профилактики. Так, наиболее «злостные», отличающиеся повышенной общественной опасностью структурные элементы преступности, с особо сложной системой детерминации, в борьбе с которыми ставка должна делаться не столько на традиционные, апробированные многолетним опытом меры профилактики, сколько на обеспечение неотвратимости наказания,

жесткость уголовной репрессии или даже силовое подавление (необходимость чего возникла, например, в криминальном анклаве, сложившемся в Чеченской Республике), в количественном выражении сравнительно невелики. В частности, на долю организованной преступности приходится лишь 1—1,5 % зарегистрированных уголовно-наказуемых деяний»[1].

Прокурорам крупных городов и сотрудникам органов МВД России в 2001 году был задан вопрос: «Высказана точка зрения, что среди зарегистрированных преступлений только менее 2 % совершается в составе организованных групп и поэтому значимость проблемы организованной преступности преувеличена. Что Вы можете сказать об этом?». Ответили около 170 человек и только менее 2 % согласились с упомянутой точкой зрения. Типичные ответы других: «Информация не объективна, привлекаются исполнители». «Полностью не согласен с этим. Основная масса преступлений, в результате которых причиняются огромные ущербы, заранее спланированы, распределены роли исполнителей.». «Указанная преступность имеет высокий уровень латентности.» «Это неправда». «Не согласен, поскольку зачастую следствию не удается доказать совершение преступлений именно организованной группой». «Высока латентность преступлений и сложность доказывания именно ст. ст. 209, 210 УК РФ». «Совершенно неправильная точка зрения. Помимо большой латентности этих преступлений, фактически следствие не доказывает (не умеют, не хотят) организацию преступления.» «Проблема организованной преступности не преувеличена, так как масштаб ее деятельности оказывает значительное влияние на жизнедеятельность государства и общества». «Эта цифра значительно выше, поскольку не всегда удается доказать связь конкретного преступника и организованной преступной группы, в которой он состоит. Организация ОПГ (многих) выше, чем ОВД». «Проблема ОП выходит на первый план и количество совершенных преступлений в составе ОГ – выше».

При этом более 58 % опрошенных отметили, что сталкивались по службе с теми или иными проявлениями организованной преступности, в том числе 57 % знали о наличии в их регионе организованной преступности из получаемой по службе официальной информации, 9 % – слышали, но сами не сталкивались с ней в своей служебной деятельности. Более 40 % опрошенных считают, что организованная преступность в их регионе выходит за рамки соверше-

---

[1] *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 52-53.

ния отдельных не связанных между собой преступлений и контролирует определенных должностных лиц, их деятельность, те или иные предприятия и предпринимателей.

Общий вывод об эскалации организованности преступности на рубеже веков в России базировался на системе следующих данных:

1. Росло число *организованных преступлений, т. е. планируемых,* заранее продуманных, предумышленных, «заранее устроенных». Данный вывод вытекал из анализа материалов уголовных дел, опросов осужденных и сотрудников правоохранительных органов.

2. *Организованные преступления перерастали у немалого числа субъектов в организованную преступную деятельность как систему взаимосвязанных организованных криминальных деяний.* В 1997-1998 гг. число осужденных сразу по нескольким статьям УК РФ увеличилось на 13 %, а среди преступлений против жизни и здоровья, государственной власти – на 24 %.

В совокупности с другими деяниями было совершено до половины и более фактов незаконного лишения свободы при отягчающих обстоятельствах; всех преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина (но особенно много – фактов нарушения неприкосновенности жилища); фактов вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступлений, связанное с вовлечением в преступную группу; контрабанда наркотических, психотропных, ядовитых, отравляющих, радиоактивных, взрывчатых веществ и т.п.

3. В России активизировали свою деятельность различные *организованные преступные* формирования: организованные группы, банды, преступные организации (преступные сообщества). Одновременно происходило их более активное выявление и разоблачение в результате определенного накопления опыта и наработки практики применения соответствующих норм нового УК РФ, что сказалось на данных статистики.

Статистические данные и экспертные оценки свидетельствовали о нарастании: числа преступлений, совершенных организованными преступными группами (1997 г. – 28 497, 1998 г. – 28 688, 1999 г. – 32 858); числа лиц, совершивших преступления в составе организованных групп (соответственно, 16 100, 16 037, 17 557).

Кроме того, активизировали свою деятельность иные организованные формирования (банды, преступные организации, сообщества). Число зарегистрированных фактов бандитизма выросло с 374 до 523 в 1997-1999 гг.

Проведенные в 1999 г. исследования позволяли С.В. Ванюшкину утверждать, что организованные преступные формирования: а) дей-

ствуют в сегменте, который включает около 60 % общего числа всех зарегистрированных преступлений; б) имеют определяющее значение для оценки состояния преступности в целом; в) действуют в двух аспектах – как параллельной государству и обществу системы и как в полной мере использующие возможности государственных и общественных образований; г) находятся в постоянном развитии, сохраняя в качестве ведущей корыстную мотивацию (получения сверхдоходов), но все более отчетливо сочетающуюся с политической – обеспечения власти ради сохранения и приумножения криминального капитала[1].

Рост криминальной организованности отрицательно отражался на характеристиках выявлявшихся преступлений: росло число убийств по найму, совершенных организованной группой. По экспертным оценкам ежегодно совершалось 500-600 заказных убийств (по найму и по приказу руководителей организованных криминальных формирований), однако раскрывалось лишь около 20 %[2].

По мнению 35 % опрошенных в 2000—2001 годах сотрудников прокуратуры разных регионов страны, сфера влияния организованных преступных формирований расширяется. 20 % отмечали усложнение форм преступной деятельности и механизмов ее влияния на разные стороны жизни.

В.Б. Рушайло пишет, что если в 1997 г. в России действовало около 12 тыс. преступных формирований, в том числе 150 преступных сообществ; в 2000 г. в России — 130 наиболее опасных преступных сообществ[3], в которые структурно входило 964 организованных группы, общей численностью свыше 7,6 тыс. участников. Наибольшую активность проявляли 11 из них, объединявших 243 преступные организованные группы общей численностью свыше 5 тыс. участников.

В 2000 г. была пресечена деятельность 61 преступного сообщества регионального уровня (47 % от числа выявленных), в которые структурно входили 338 организованных групп общей численностью 1584 человека, выявлено 146 преступлений, предусмотренных

---

[1] См.: *Ванюшкин С.В.* Глава «Организованная преступность»// Криминология. 2-е изд. Под ред. Долговой А.И. М., 2001.

[2] *Долгова А.И., Аргунова Ю.Н., Астанин В.В., Ванюшкин С.В., Евланова О.А., Ильин О.С., Королева М.В., Романова А.Г., Юцкова Е.М.* Преступность в России и ее изменения в конце XX века// Преступность в России и проблемы борьбы с ней. М., 2001. С. 34-37.

[3] *Рушайло В.Б.* Организованная преступность в России: общие тенденции, прогноз развития и противостояние// Вестник С- Петербургского университета МВД России. 2000, № 1 (15). С.3-8. Данные цифры в известной мере условны, о чем неоднократно заявляли сами руководители МВД.

ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества или участие в нём), по 91 из них виновным предъявлены обвинения.

В 2001 году, по данным МВД РФ, была пресечена деятельность 11,5 тысячи лидеров и активных участников организованных преступных групп, раскрыто более 300 бандитских нападений [1]. Это — несколько меньшая цифра организованных преступных формирований, чем фиксировалось ранее (табл. 106).

Таблица 107

Динамика показателей, характеризующих организованные преступные формирования и совершаемые ими преступления, в России в 1997-1999 гг., по данным МВД РФ

Раздел 1. Сведения о преступных формированиях и их участниках	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Выявлено организованных преступных формирований (организованные преступные группы (ОПГ), преступные сообщества (ПС), преступные организации (ПО),	12 500	12 500	12500 (сведения за 1999 год являются экспертными)
в том числе преступных сообществ (преступных организаций)	150	149	138
Выявлено участников организованных преступных формирований,	60 000	до 80 000	свыше 60 000
в том числе участников преступных сообществ (преступных организаций)	11 000	до 11 000	свыше 11 000
в том числе участников организованных преступных групп	50 000	до 70 000	свыше 49 000

Раздел 2. Количество преступлений	1997 г.	1998 г.	1999 г.	ст. 210 УК РФ		
				1997	1998	1999
Количество преступлений, совершенных членами организованных преступных формирований по уголовным делам, оконченным расследованием в отчетном периоде	26 837	27 098	31 082 +15,8 % к 97 г.	22	45	126
• из них количество зарегистрированных преступлений, совершенных в отчетном периоде	22 027	20 985	25 039 +13,6% к 97 г.	22	36	108
Количество преступлений, совершенных членами организованных преступных формирований по уголовным делам, направленным в суд (из числа дел оконченным расследованием в отчетном периоде)	26 279	26 685	30 710 +16,8 % к 97 г.	21	45	126
• из них количество преступлений, совершенных организованными группами	19 494	22 761	26 092 +33,8 % к 97 г.			

При анализе указанной динамики данных статистики МВД РФ важно учитывать особенности ее формирования, а также реагирования на проявления организованности в преступности. С.В. Ванюш-

[1] *Васильев В.* Главные задачи реформы МВД. Щит и меч, 20. 09 2001 г.

кин, Н.Н. Даниленко, Е.М. Юцкова[1] и другие исследователи отмечали серьезные недостатки в деле разоблачения участников организованных преступных формирований и привлечения виновных к ответственности.

В то же время уголовная статистика фиксировала неуклонное нарастание в 1997—2001 годах числа зарегистрированных преступлений организованных групп, а также фактов бандитизма, организации, руководства преступным сообществом (преступной организацией) и участия в нем (табл. 107).

Но столь важны сами по себе отдельные данные указанной таблицы, сколько их система и динамика, связь с другими сведениями о преступной деятельности организованных формирований. Так, в 2001 году только в Центральном регионе России была пресечена противоправная деятельность 32 «этнических» организованных преступных групп, к уголовной ответственности привлечено 176 участников, в том числе 21 лидер[2].

Была приостановлена и прекращена в соответствии с законом деятельность 61 коммерческой организации. У преступников было изъято 149 единиц огнестрельного оружия, более 4,5 тыс. единиц боеприпасов, 138 грамм взрывчатых веществ, 4 взрывных устройства, а также наркотики и валюта.

Таблица 108

Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных участниками организованных преступных формирований в 1997—2001 г.

Зарегистрированные преступления					Выявленные лица, совершившие преступления				
Годы					Годы				
1997	1998	1999	2000	2001	1997	1998	1999	2000	2001
Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем - ст. 208									
9	2	9	340	165	9	5	6	189	109
Бандитизм - ст. 209									
374	513	523	513	465	896	864	918	884	893
Организация преступного сообщества (преступной организации) - ст. 210									
48	84	162	170	118	9	80	190	225	241
Организация объединения, посягающего на личность и права граждан - ст. 239									
2	5	5	8	1	1	2	2	2	2
Преступления организованных преступных групп и их выявленные участники									
28 497	28 688	32 858	36 016	33 452	16 100	16 037	17 557	17 647	16 482

[1] *Ванюшкин С.В., Юцкова Е.М.* Практика судебного рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (ст. 210 УК РФ) и вытекающие из нее уроки рассмотрения дел этой категории // Следственная практика. №1. 2002 г. С.137-146.

[2] В отношении участников возбуждено 124 уголовных дела, из которых 1 — по ст. 210 УК РФ; 1 — по ст. 209 УК РФ; 14 — за преступления экономической направленности; 29 — по фактам незаконного оборота оружия и 50 — за незаконный оборот наркотических средств.

Об организованных преступных формированиях можно судить и по динамике числа зарегистрированных преступлений, совершаемых преимущественно на организованной основе коллективными субъектами.

Таблица 109

Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершаемых преимущественно на организованной основе, в России в 1997–2000 годах

Годы	1997	1998	1999	2000	2001
Убийство по найму, п. «з» ч.2 ст. 105	132	152	155	146	
Убийство, совершенное организованной группой, п. «ж» ч.2 ст. 105	нет данных	128	198	195	
Похищение человека, ст. 126	1 140	1 415	1 554	1 291	1 417
Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем, ст. 174	241	1 003	965	1 784	1 439
Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, ст. 186	7 911	10 644	9 311	14 289	15 755
Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт или иных возможных документов, ст. 187	130	150	309	819	1 508
Контрабанда, ст. 188	3 375	3 525	3 982	4 371	3 860
Незаконный оборот драгоценных камней или жемчуга, ст. 191	1 785	1 645	1 730	2095	2 284
Терроризм - ст. 205 УК РФ	32	21	20	135	327
Преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ, сильнодействующих или ядовитых веществ, статьи 228, 229, 230, 231, 232, 234	176 215	181 481	206 874	260 910	241 584
Организация или содержание притонов для занятия проституцией, ст. 241	109	124	130	145	165

Организованные преступные формирования оказывают активное сопротивление деятельности по их разоблачению, характеризуются вооруженностью[1]. Именно с деятельностью организованных преступных формирований связано большинство случаев применения при совершении преступлений оружия, убийств и ранений сотрудников правоохранительных органов. Показательно, что с развитием организованной преступности в реформируемой России число зарегистрированных преступлений, совершенных с применением оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, возросло с 19 154 в 1993 г. до 39 300 в 1997 г., число убитых сотрудников органов внутренних дел,

[1] Показательно, что общее число преступлений против правосудия, в том числе судей, прокуроров, следователей и лиц, производящих дознание, в 1991-95 г. по сравнению с предыдущим пятилетием увеличилось в 2,4 раза, а совершенных при отягчающих обстоятельствах - в 2,2 раза, и затем, продолжало нарастать, о чем подробно говорится в разделе о преступности в сфере борьбы с ней.

раненых и погибших при исполнении служебных обязанностей[1] — соответственно со 185 до 256.

Судя по опросам, проводившимся в 1998-99 годах, большинство предпринимателей разным образом оказывалось прикосновенными к организованной преступности, но значительная их часть вполне осознавала ее опасность, «устала от нее». Показательно сравнение результатов опроса более 120 московских предпринимателей, в том числе многих крупных, и более 500 представителей других социальных групп москвичей (служащих, рабочих, преподавателей, студентов, военнослужащих и т.п.). Посчитали актуальной проблему борьбы с организованной преступностью в России 70 % опрошенных предпринимателей и 87 % иных москвичей. Прямо ответили, что данная проблема не актуальна, соответственно, 13 % и 5 %.

На вопрос «Лично Вы или Ваши родные, знакомые ощущаете каким-то образом проблему организованной преступности», ответили, что были потерпевшими или свидетелями организованных преступлений 30 % опрошенных предпринимателей и 12 % иных москвичей, знают организованные группировки, совершающие преступления, соответственно, 30 % и 8 %, знают людей, входящих в преступные группировки, - 44 % и 16 %, наблюдают преступную деятельность таких группировок - 13 % и 3 %. 11 % предпринимателей прямо написали, что пользуются услугами таких группировок, и столько же, что член семьи или знакомый сотрудничает с такой группировкой, получая приличные доходы. У иных москвичей такие ответы набрали, соответственно, в 3 % и 4 %. Более 70 % и опрошенных предпринимателей, и иных москвичей боятся стать жертвой преступлений. Но предприниматели — прежде всего, убийств, похищения людей, уничтожения имущества и т.п., иные москвичи чаще —краж, разбоев, хулиганских действий, мошенничества, обмана потребителей. Лица, совершавшие преступления, входят в круг знакомых 59 % предпринимателей и 32 % иных москвичей.

Итак, организованность преступности нельзя отождествлять с ее групповым характером, поскольку ей соответствуют:

•систематический характер криминальной деятельности, который может становиться образом жизни,

•решение широкомасштабных криминальных задач в какой-то ограниченный период, требующее, однако, единства разнообразных усилий многих субъектов;

• потребность профессиональных преступников к объединению в целях совместного обеспечения своих специфических интересов,

---

[1] Данные МВД РФ ; См. также: *Раззаков В.* Хроника российской преступности. М..,1997.

вытекающих из занятия криминальной деятельностью как профессией и специфического образа жизни. Например, профессиональный вор строит свою жизнь с ориентацией на кражи, как на способ обеспечения своего существования. Это связано с особой системой ценностей, установок, специфическими нормами поведения. Жизнь в этом случае протекает во внеправовом пространстве с точки зрения официального права, закона. В этом пространстве идет самоорганизация таких же субъектов на основе собственных «законов». Потребность во взаимной поддержке они обеспечивают в рамках преступного сообщества с его «общаковыми средствами», в разрешении споров - путем создания своих «третейских судов» или наделения отдельных авторитетных среди них лиц функциями третейского судьи; свою безопасность - путем использования коррупции, насилия и иных средств. Причем и в данном случае можно говорить о системной преступной деятельности, ведь, кражи в этом случае представляют собой систему деяний и сочетаются с иными преступными деяниями, в частности — легализацией преступных доходов, сбытом похищенного, обеспечением собственной безопасности. Все это служит основой становления, функционирования и развития организованной преступности, которой посвящена следующая глава. Там подробнее будет рассмотрен вопрос о преступных сообществах в криминологическом смысле слова.

* * *

Завершая рассмотрение вопроса о «внутренних» характеристиках преступности, следует заметить, что можно было бы выделить наряду с рассмотренными тремя (активность, устойчивость, организованность) и такие, как вооруженность, специфическая информационная оснащенность (в некотором смысле киберпреступный характер) и ряд иных. Конечно, указанные новые моменты могут анализироваться в рамках криминального профессионализма, организованности преступности, но надо признать, что они свои, особые оттенки. Поэтому при проведении конкретных криминологических исследований методически точнее может быть выделение более частные и конкретизирующих определенные состояния преступности ее характеристик.

Глава 11. Организованная преступность

§ 1. Подходы отечественных и зарубежных авторов к пониманию организованной преступности

Как уже отмечалось, организованная преступность — одно из проявлений такой характеристики преступности, как ее организованность, наряду и в связи с другими проявлениями последней: организованными преступлениями, организованной преступной деятельностью, организованными преступными формированиями различного типа.

В каком же соотношении находятся эти явления между собой? От ответа на данный вопрос зависит определение понятия «организованная преступность».

В средствах массовой информации, ведомственных документах правоохранительных органов, да и в специальной литературе, документах разных научных форумов понятие «организованная преступность» нередко употребляется как тождественное иным проявлениям организованности преступности, нескольким или какому-то одному из них. Длительное время господствовал наиболее «простой» и распространенный подход к использованию термина «организованная преступность», заключавшийся в следующем: фиксируется факт множества организованных преступлений и множества организованных формирований. При этом не обсуждается вопрос о взаимосвязи различных организованных преступлений и взаимодействии разных организованных формирований.

Однако по мере более глубокого проникновения исследователей в суть проблемы организованной преступности, определения последней дополнялись и усложнялись.

В итоговом документе Международного семинара ООН по вопросам борьбы с преступностью, проходившего в Суздале (21-25 октября 1991 года), под организованной преступностью понимается функционирование «относительно массовой группы устойчивых, управляемых сообществ преступников, занимающихся преступлениями как промыслом и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и хищения в крупных размерах».

Надо признать, что для своего времени данное определение было большим шагом вперед, так как, во-первых, оно раскрывало особенности организованных формирований через понятия «устойчивые» и «управляемые»; во-вторых, давало некоторую характеристику организованной преступной деятельности путем введения двух при-

знаков: занятие преступлениями как промыслом и создание системы защиты от социального контроля; в-третьих, вводился традиционный для понятия «преступности» признак «массовости»: функционирование относительной массовой группы».

Таким образом, понятие «организованная преступность» конструировалось на базе соединения традиционного понимания преступности как относительно массового явления, организованных преступлений и организованной преступной деятельности, а также организованных преступных формирований. То есть организованная преступность потому называлась организованной, что организованными были и сами преступления, и преступные формирования. Качественно нового в организованности по сравнению с указанным выше в организованной преступности не отмечалось.

На данное определение оказали влияние позиции экспертов ООН, а также некоторых отечественных авторов. В частности, экспертами ООН было предложено понимать под организованной преступностью относительно большую группу устойчивых и управляемых преступных образований, занимающихся преступной деятельностью в корыстных интересах и создающих систему защиты от социального контроля с использованием таких противозаконных средств, как насилие, запугивание, коррупция и хищение в крупных размерах[1].

А.И. Гуров в своих работах подчеркивает массовый характер функционирования организованных преступных формирований. По мнению данного автора, организованная преступность — «это относительно массовое функционирование устойчивых управляемых сообществ преступников, занимающихся совершением преступлений как промыслом (бизнесом) и создающих с помощью коррупции систему защиту от социального контроля»[2]. Похожую позицию выражал и Э. Ф. Побегайло: «организованная преступность есть обладающая высокой степенью общественной опасности форма социальной патологии, выражающаяся в постоянном и относительно массовом воспроизводстве и функционировании устойчивых преступных сообщества (преступных организаций)»[3]. Но здесь уже преступная деятельность не упоминалась, а говорилось только о массовости самих преступных сообществ.

---

[1] Рекомендации ООН «Практические меры борьбы с организованной преступностью», выработанные Международным семинаром по борьбе с организованной преступностью в Суздале 21 - 25 октября 1991г.

[2] *Гуров А.И.* Организованная преступность — не миф, а реальность. М., 1990. С. 19.

[3] *Побегайло Э.Ф.* Тенденции современной преступности и совершенствование уголовно-правовой борьбы с нею. М., 1990. С.17.

Данные подходы выигрышно отличались от тех, которые преобладают в работах многих отечественных криминологов, а также за рубежом. Имеются в виду позиции, в соответствии с которыми исходным признаком понятия «организованная преступность» служили или сама организованная преступная деятельность, или только организованные преступные структуры.

До начала девяностых годов преобладали следующие подходы:

1. Акцент делался на факте сплочения лиц, совершающих преступления; возникновении и функционировании организованных преступных формирований[1].

2. Определение давалось путем указания прежде всего на деятельность устойчивых преступных формирований[2]. Это чаще всего встречается у криминалистов, но такой подход не чужд и некоторым криминологам. При этом И. Я. Гонтарь писал что организованная преступность — это «разновидность социальной деятельности определенного количества членов общества, направленной на постоянное получение доходов, различных выгод, но только способами, которые сами по себе являются преступными»[3]. Здесь уже акцент делается на организованной преступной деятельности, а не на организациях.

3. Фиксировался как факт создания, функционирования организованных преступных формирований, так и факт их деятельности[4].

Качественным «скачком» в понимании организованной преступности были определения А.Н. Волобуева и С.В. Емельянова.

А.Н. Волобуев писал в 1989 г.: «Организованная преступность — негативное социальное явление, характеризующееся сплочением криминальной среды в рамках региона, страны с разделением на иерархические уровни и выделением лидеров, осуществляющих организаторские, управленческие, идеологические функции; коррумпированием, вовлечением в преступную деятельность работников партийно-советского аппарата, государственных (в том числе правоохранительных) органов для обеспечения определенной безопасности

---

[1]Такую позицию высказывали многие авторы в книгах: Организованная преступность, М., 1989. С.14 - 17 и др.; Организованная преступность - 2. М., 1993. *Овчинский В.С.* Криминологические, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации. Дис. на соискание ученой степени докт. юрид. наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1994. С.15.

[2] Организованная преступность практически связывалась и с организованной преступной деятельностью, и с фактом существования организованного преступного сообщества. См.: *Куликов В.И.* Основы криминалистической теории организованной преступной деятельности» Ульяновск, 1994.

[3] Организованная преступность и борьба с ней. Владивосток, 1995. С.102 - 103.

[4] Правовое регулирование борьбы с организованной преступностью. Проект федерального закона и комментарий. М., 1994.

и гарантий участникам сообщества; монополизацией и расширением сфер противоправной деятельности с целью получения максимальных материальных доходов при максимальной же защищенности ее высших эшелонов от уголовной ответственности»[1]. Наиболее новаторским в данном определении было указание на *сплочение* криминальной среды в рамках региона, страны с разделением на иерархические уровни и выделением лидеров, осуществляющих организаторские, управленческие, идеологические функции.

С.В. Емельянов отметил факт *связи* разных преступных формирований и их преступной деятельности. Он в 1993 г. писал, что, организованную преступность можно определить «как явление, выражающееся в существовании преступного сообщества и осуществляемой им преступной деятельности, характеризующееся устойчивой общерегиональной и межрегиональной связью преступных групп, формирований и направлений преступной деятельности, замкнутой на относительно большую социальную группу»[2]. Здесь еще видно влияние на автора подходов через констатацию наличия и преступных сообществ, и их преступной деятельности, но отмечаются два принципиально новых обстоятельства. Это факт связи, а также *«замкнутость» организованной преступности на большую социальную группу.* Последнее замечание крайне важно и его более подробный комментарий будет изложен далее.

Указанные принципиально новые положения оказали влияние на развитие понимания организованной преступности. Так, Г.М. Миньковский, всегда скрупулезно анализировавший материалы правоохранительных органов, подходы разных авторов и результаты исследований, в 1998 году писал: «Используя описанные выше существенные признаки организованной преступности, мы можем определить ее как вид преступности, системно связанную совокупность преступлений, совершаемых участниками устойчивых, иерархизированных, планомерно действующих преступных структур (групп, сообществ, ассоциаций), деятельность которых прямо или опосредованно взаимоподкрепляется и согласуется, будучи направлена на извлечение максимальной прибыли из преступного бизнеса на определенной территории или в определенной сфере, взятой под контроль»[3].

В то же время указание на факты связи, сплочения преступных формирований и их деятельности далеко не всеми криминологами

---

[1] Организованная преступность. Под ред. А.И. Долговой, С.В. Дьякова. М., 1989. С. 31.
[2] *Емельянов А.С.* Понятие организованной преступности и проблемы борьбы с ней // Вопросы организованной преступности и борьбы с ней. М., 1993. С.5.
[3] Криминология. Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г. М. Миньковского. М., 1998. С. 347.

были своевременно и должным образом восприняты. Например, в 2002 В.С. Устинов пишет в главе «Организованная преступность» учебника «Криминология»: «Организованная преступность — подвид умышленной преступности, присущ не всем государствам...Если исходить из общей дефиниции преступности, то организованную ее часть можно определить как относительно массовое, устойчивое, иррегулярное общественное явление, выражающееся во множестве совершенных и совершаемых преступными формированиями преступлений. То есть понятие организованной преступности отличает от общего определения преступности наличие лишь такого специфического признака, как организованность»[1]. Таким образом, здесь организованность преступности смешивается с понятием «организованная преступность» и последняя практически не признается одним из проявлений организованности преступности, ей также отказывается в специфических отличительных признаках. Судя по тексту, данный автор делает акцент на совершении умышленных преступлений организованными формированиями.

Совершенно особую позицию занимает Я.И. Гилинский, который вообще преступность понимает исключительно как сложное социальное явление, не имеющее «естественных» границ: «В реальной действительности нет объекта, который был бы «преступностью» (или «преступлением») по своим внутренним, имманентным свойствам, sui generis, per se»[2]. Далее, правда, автор все же упоминает о ряде свойств преступности: массовости, распространенности, относительной статистической устойчивости, исторической изменчивости, иррегулярности. При этом иррегулярность означает, по Я.И. Гилинскому, что «отдельные преступления как элементы статистической совокупности совершаются независимо друг от друга»[3]. Другими словами отрицается системный характер преступности как относительно самостоятельного, специфического явления. Исходя из данной теоретической посылки Я.И. Гилинский фактически отрицает и относительную самостоятельность организованной преступности как социального явления. С одной стороны, он утверждает, что организованная преступность— сложный социальный феномен, прочно вросший в общественную ткань и прочно переплетенный с другими социальными институтами и процессами. С другой стороны, на этом же основании делается вывод о некорректности самого понятия «организованная преступность», которое яко-

---

[1] Криминология. Под ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. СПб., 2002. С. 373.
[2] *Гилинский Я.И.* Криминология. СПб, 2002. С. 31-32.
[3] Там же. С. 38.

бы выполняет социальную функцию «персонификации зла»[1]. В своих рассуждениях Я.И. Гилинский практически подменяет понятие «организованная преступность» другим — организованность преступности. Автор пишет: «...во-первых, *преступность,* как отмечалось выше, не имеет дескрипта («субстрата») в реальной действительности, а является социальным *конструктом.* Во-вторых, *«организованность»* с точки зрения общей теории организации — неотъемлемое свойство *всех* биологических и социальных систем (объектов), а потому « не организованной преступности» вообще не существует. В-третьих, «в современных условиях, когда деятельность любой публичной или частной институции неизбежно связана с нарушениями уголовного закона, понятие «организованная преступность» оказывается синонимом понятий «общество», «государство», «социальная действительность», социальное явление» [2]. При этом идет ссылка на работу В. Юстицкого[3].

Разумеется, важно признавать и постоянно учитывать взаимосвязь преступности, в том числе организованной, с характеристиками общества, государства, различных социальных явлений и процессов. В то же время отрицание специфического и относительно самостоятельного характера организованной преступности как социального феномена на практике приводит к отрицанию необходимости применения в отношении него специфических мер реагирования, отказу от признания обратного влияния данного феномена на многие породившие его явления и институты и, соответственно, к отрицанию необходимости создания специальной системы криминологической защиты человека, общества, других социальных объектов от организованной преступности. Заслуживает внимания то, что Я.И. Гилинский в своих итоговых рассуждениях цитирует следующее высказывание J. Albanese: «В конечном счете, контроль над организованной преступностью будет иметь место тогда, когда мы полностью поймем и сможем разрушить рыночные условия, которые ее формируют»[4] и пишет о возможности сокращения организованной преступности в условиях, когда легальный бизнес станет выгоднее нелегального, «нелегальные» потребности будут легализованы и удовлетворяться легальным путем, подросткам и молодежи будут предоставлены широкие возможности легального удовлетворения их потребностей и т.п. Данное рассуждение кажется, на первый

---

[1] Там же. С. 205-206.
[2] *Гилинский Я.И.* Указ. соч. С. 206.
[3] *Юстицкий В.* Организованная преступность: смена парадигм (Преступность и криминология на рубеже веков. Материалы XII Международного Балтийского криминологического семинара. СПб, 1999. С. 46.
[4] *Гилинский Я.И.* Криминология. СПб, 2002, С. 225.

взгляд, вполне обоснованным, но при его анализе обращают на себя внимание несколько моментов. Во-первых, отсутствие разграничения «нелегальных» потребностей на тех, которые действительно не должны быть таковыми, и общественно опасных потребностей, не подлежащих легализации (в немедицинском потреблении наркотиков и т.п.). Во-вторых, игнорирование возможности опережающего влияния организованной преступности на развитие социума и действительной легализации того, чего вообще не должно быть в цивилизованном обществе. В-третьих, недопустимость рассчитывать на успех в противостоянии организованной преступности, ожидая «светлого будущего» без активной борьбы с данной преступностью, ее экономической, политической, социальной и духовной основами.

От изложенных отличается определение организованной преступности Г.М. Тамбовцевой. Под ней понимается «негативное явление, рассматриваемое в криминологическом и правовом аспектах, имеющее специфическую количественно-качественную характеристику, субъектов — участников организованной преступной деятельности, комплекса факторов, ее детерминирующих и систему мер социального контроля, необходимых для противодействия организованной преступности»[1]. Здесь организованной преступностью фактически называются и ряд специфических проявлений такой преступности (но не все), и система ее детерминации, упоминается и о мерах социального контроля. Поскольку в первых главах настоящей работы подробно рассматривался вопрос о понимании преступности как относительно устойчивого, самостоятельного специфического явления и недопустимости его отождествления с процессами его порождения, данная точка зрения здесь подробно не комментируется

Если говорить *о зарубежных подходах*, то там также прослеживается тернистый путь понимания теоретиками и практиками такого сложного явления, как организованная преступность. Остановимся на работах тех авторов, которые признают важность принятия специальных мер реагирования на организованную преступность как реальный специфический феномен.

Авторы из США Д.Л. Херберт и Х. Тритт писали в книге «Корпорации коррупции»: «Хотя уже в 1931 году назначенная Президентом комиссия Уикершема предпринимала попытки сформулировать определение организованной преступности, серьезные усилия по определению этого понятия были предприняты только в 1950-х и 1960-х годах, когда комитеты Конгресса начали обнаружи-

---

[1] *Тамбовцева Г. М.* Проблемы борьбы с организованной преступностью (на материалах Восточно-Сибирского региона). Дис. канд. юрид. наук. СПб 2001.

вать доказательства существования тайного преступного общества или картели под названием «Мафия» или «Коза ностра»[1].

Так называемые Ойстер-Бейские конференции по борьбе с организованной преступностью следующим образом сформулировали ее отличительные характеристики: 1. Самосохраняющиеся, тоталитарные, длительные преступные сговоры. 2. Расчет на получение прибылей и могущества за счет человеческих слабостей. 3. Применение запугивания или подкупа. 4. Стремление обезопасить себя со стороны закона.

Далее в США разные авторы и группы авторов, комиссии продолжали давать с претензией на всеобъемлемость определения организованной преступности, но их анализ показывает, что практически все это было попыткой описать существующие организованные формирования, подпадающие под указанные выше общие признаки. Естественно, что с изменением ситуации менялись формы преступной деятельности таких формирований, они сами и эти изменения отражались на содержании описательных определений.

В Законе США 1968 г. о контроле над преступностью и безопасностью на улицах организованная преступность определялась как «противозаконная деятельность членов высокоорганизованной и дисциплинированной ассоциации, занимающейся поставкой запрещенных законом услуг, включая эксплуатацию азартных игр, проституцию, ростовщичество, распространение наркотиков и иную противозаконную деятельность подобного рода организаций»[2]. Почти такое же определение давалось в Пенсильвании, когда был выпущен Отчет по вопросу об организованной преступности за 1980 г.

Опираясь на это определение, отечественные авторы нередко утверждали, что, дескать, особенностью организованной преступности в США и других странах развитой рыночной экономики является то, что организованная преступность паразитирует только на запрещенной деятельности (наркотиках и т. п.) и только в условиях социалистической системы, когда отсутствует свобода экономической деятельности, полем ее деятельности становится, в принципе, не запрещаемая экономическая деятельность. Однако такие суждения глубоко ошибочны. И в странах рыночной экономики есть теневая экономика, связанная со стремлением уйти из-под контроля госу-

---

[1] *Ni.: Herbert D.U., Tritt H.* Corporations of corruption. A systematic Stadi jf Organized Crime. Springfield, Illinois, USA, Charles C Thomas Publisher, 1984; *Joseph L. Albini.* The American mafia. Genesis of a legend. Irvington publishers ins. New York.

[2] Organized Crime. Report of the Task Force on Organized Crime. National Agwisori Committee on Criminal Ystice. Standards and Yoals. Wash., 1976. Ð. 17.

дарства, в том числе за доходами. Там полем деятельности организованной преступности становятся также и строительство, и даже деятельность профсоюзов. Не случайно, организованные преступники — выходцы из бывшего СССР, по признанию специалиста из США доктора Мартенса, «в большей мере вовлечены в организованную преступную деятельность в финансовой сфере, нежели традиционную преступность». Одними из сфер их деятельности стала область оказания медицинских услуг в Лос-Анджелесе, страхование в штате Калифорния, налогообложение[1].

Заслуживает внимания определение, данное в 1982 г. Консультативным комитетом при правоохранительных органах штата Огайо: «Организованную преступность, в традиционном смысле слова, можно определить как группу лиц, действующих вне закона с целью извлечения финансовой выгоды, находящихся в постоянном преступном сговоре и способных осуществлять политический подкуп и контроль для успешного продолжения своего дела»[2].

Аналогичные определения были опубликованы во многих других штатах, в том числе в Нью-Йорке, Нью-Джерси, Калифорнии. Причем организованную преступность стали связывать с деятельностью «белых воротничков». Американские криминологи Д.Л. Херберт и Х. Тритт посчитали это неточным, ибо, как они писали, организованная преступная деятельность в отличие от совершения должностных преступлений «является основным делом или занятием участников преступных организаций, тогда как должностные преступления являются побочными, сопутствуя другому делу или занятию, в ходе которых они совершаются».

Здесь заслуживают внимания два обстоятельства. Первое — то, что организованная преступность связывалась не только с финансовыми махинациями, но также с политической деятельностью (политический подкуп и контроль). И это вполне закономерно: владельцы больших состояний всегда заинтересованы во власти и законах, которые бы обеспечили неприкосновенность и приумножение таких состояний, безопасность их самих. Второе — характер связи организованной и должностной преступности. Факт связи в свете изложенного закономерен. Следует прислушаться к мнению американских криминологов. Истина, очевидно, заключается в том, что преступные организации гибко используют государственный аппарат. Сотрудничающие с ней служащие, как правило, не становятся членами организаций и даже часто не ведают, кому именно они

---

[1]См.: *Сухаренко А.Н.* «Российская» организованная преступность в США. М., 2002.
[2] Цит. по: Herbert D.L. и Tritt H.

служат. Используется институт сотрудничающих лиц, выполняющих разнообразные поручения, иногда систематически, иногда время от времени, а порой и разового характера. Вот почему *необходимо разграничивать участие в организованном преступном формировании и участие в деятельности такого формирования.*

За рубежом уже давно исследователи констатировали взаимосвязь организованных преступников и политиков. В России данный феномен был отчетливо увиден в начале восьмидесятых годов при завершении расследования «громких» уголовных дел о преступлениях в сферах торговли, заготовки и переработки хлопка, ряда других. В девяностых годах данное явление имело качественный скачок.

Клаус фон Лампе отмечает, что официальное определение организованной преступности, данное в 1990 г. в Германии, отразило по сути подход, ориентированный на преступную деятельность: организованная преступность — это планируемое совершение преступлений, имеющих важное значение и совершаемых при определенные условиях. Это — группа преступников, состоящая не менее чем из трех человек, имеющих четкое распределение обязанностей на длительную перспективу, преследующих определенную цель (деньги или власть) и использующих те или иные средства, например применение насилия или оказание влияния на органы государственной власти и экономику[1].

Анализ зарубежных подходов осложняется тем, что при переводе специальных иностранных текстов на русский язык часто не разграничиваются понятия «организованная преступность», «организованное преступное формирование», «преступная организация», «организованная преступная группа». В результате, судя по тексту, если даются определения организованного преступления или преступного формирования, то переводчиками они трактуются как определения организованной преступности.

В докладе Центра стратегических и международных исследований США (1997 г.) отмечается, что МВД и ФБР весьма различно определяют понятия преступной группировки и преступления. Поэтому в США ФБР предложила исходить из следующего определения: «Организованная преступность — это автономное, имеющее свою структуру и связанное дисциплиной объединение лиц или групп, соединенных целью получения денежных или коммерческих выгод или доходов полностью или частично незаконным способом, при-

---

[1] *Клаус фон Лампе.* Указ соч.

крывающее свою деятельность с помощью взяток и коррупции»[1]. Если данное определение сравнить с российскими формулировками, то, пожалуй, оно больше всего напоминает понятие преступного сообщества (преступной организации), которое содержится в УК РФ.

Итальянский юрист Розарио Минна значительное внимание уделил анализу того, что собой представляет преступная организация и мафия как такая организация. Он пишет: «Преступная организация, наконец, это не только банда или группа лиц, сообща совершающих преступления. Сущность организации определяется непременным наличием в данной группе пяти признаков: сбор и передача информации, нейтрализация действий правоохранительных институтов, использование основных социально-экономических служб, существование внутренней структуры, определенная внешняя «законность» действий»[2]. Итак, здесь вновь мы встречаемся с указанием на то, что, с одной стороны, преступная организация имеет внутреннюю структуру, с другой — она заботится о своем «внешнем облике», стремится выглядеть легитимно и при этом непременно уделяет внимание специфическому взаимодействию с институтами государства.

Проблема не исчерпывается изложенным. Преступные организации в условиях эскалации преступности и социальных катаклизмов носят далеко не единичный характер. Соответственно в условиях их множественности возникает проблема взаимодействия различных преступных организаций, групп. Контакты происходят как в виде конфликтов с человеческими жертвами, взрывами, поджогами, так и путем заключения соглашений о сотрудничестве и взаимодействии.

§ 2. Международно-правовые определения и политический аспект организованной преступности

Отсутствие удовлетворительного конвенциального определения организованной преступности отражается на содержании не только национальных, но и международных нормативных правовых актов. В Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года, практически не дается определение организованной преступности в изложенном

---

[1] Центр стратегических и международных исследований. Российская организованная преступность. Доклад Специальной группы Центра (по состоянию на август 1997 года). Полный перевод МВД России. Октябрь 1997. С. 21.

[2] *Минна Р.* Мафия против закона. М., 1988. С.260

здесь понимании. Там следующим образом раскрываются другие, связанные с организованной преступностью термины:

«a) «организованная преступная группа» означает структурно оформленную группу в составе трех или более лиц, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду;

b) «серьезное преступление» означает преступление, наказуемое лишением свободы на максимальный срок не менее четырех лет или более строгой мерой наказания;

c) «структурно оформленная группа» означает группу, которая не была случайно образована для немедленного совершения преступления и в которой не обязательно формально определены роли ее членов, оговорен непрерывный характер членства или создана развитая структура...».

В Конвенции так же, как и в докладе Центра стратегических и международных исследований США (1997 г.), организованная преступность связывается с деятельностью организованных, структурно оформленных групп, создающихся на базе совместной криминальной деятельности исключительно в целях получить, прямо или косвенно, исключительно финансовую или иную материальную выгоду. То есть формирования, создаваемые в иных целях, а также на иной основе — совместного противостояния государственной правовой системе и создания наиболее благоприятных условий для преступной деятельности и ее субъектов, строго говоря, не подпадают под действие указанной Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности.

Данное положение можно было бы увязать с последовательной позицией международного сообщества выделить политическую преступность и признать за политическим преступником особый правовой статус. Это вытекает, в частности, из Международного Пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, других международно-правовых документов. В указанном Пакте признается, в частности, что каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную; никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну; никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору.

В то же время в Пакте о гражданских и политических правах прямо говорится о возможности определенных законных ограничений соответствующих прав. Часть третья статьи 12 Пакта гласит: «Упомянутые выше права не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других и совместимы с признаваемыми в настоящем Пакте другими правами». В части 3 статьи 18 Пакта говорится: «Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц».

В ряде международно-правовых документах ряд преступлений признается безусловно преследуемыми независимо от того, совершены ли они по политическим и иным соображениям. Так, Кодекс Международного частного права (Кодекс Бустаманте, Гавана, 20 февраля 1928 г.[1]), являющийся приложением к Конвенции о международном частном праве, вступившей в силу 25.11.1928, устанавливает: «Статья 355. Политические преступления и деяния, связанные с ними, как они определены государством, у которого выдача требуется, из выдачи исключены. Статья 356. Выдача не производится, если будет доказано, что требование о выдаче фактически было предъявлено в целях осуждения или наказания обвиняемого за преступление политического характера согласно той же квалификации. Статья 357. Убийство главы одного из Договаривающихся государств или любого другого лица, облеченного властью в этом государстве, не рассматривается в качестве политического преступления или деяния, связанного с ним».

Другими словами, то деяние, которое может быть квалифицировано как террористический акт, при всех условиях не рассматривается как политическое преступление или связанное с ним деяние.

Практически аналогичный подход использован в «Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма» (принята 09 декабря 1999 Резолюцией 54/109 на 76-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) статья 6 гласит следующее: « Каждое государство - участник принимает такие меры, какие могут оказаться необходимыми, в том числе в соответствующих случаях в области внутреннего законодательства, для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие

[1] Россия не участвует.

настоящей Конвенции, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по каким бы то ни было соображениям политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера».

Однако в последней Конвенции не прослеживается четкая принципиальная позиция по данному вопросу , а, наоборот, просматривается некий двойственный подход. Статья 15 данной Конвенции предусматривает: «Ничто в настоящей Конвенции не должно толковаться как налагающее обязательство выдавать какое-либо лицо или оказывать взаимную помощь, если запрашиваемое государство - участник имеет веские основания полагать, что просьба о выдаче в связи с преступлениями, упомянутыми в статье 2, или о взаимной правовой помощи в отношении таких преступлений имеет целью судебное преследование или наказание этого лица по причине его расы, вероисповедания, гражданства, этнического происхождения или политических убеждений или что удовлетворение этой просьбы нанесло бы ущерб положению этого лица по любой из этих причин».

О каких же преступлениях идет речь в ст. 2 Конвенции? Там прямо называются следующие:

«1. Любое лицо совершает преступление по смыслу настоящей Конвенции, если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы, полностью или частично, для совершения:

a) какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в Приложении, и содержащемуся в нем определению;

b) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

2. a) После сдачи на хранение своих ратификационных грамот или документов о принятии, утверждении или присоединении государство - участник, которое не является стороной, участвующей в одном из договоров, перечисленных в Приложении, может заявить, что при применении настоящей Конвенции к данному государству -

участнику считается, что этот договор не включен в Приложение, упомянутое в подпункте "a" пункта 1. Такое заявление перестает действовать, как только этот договор вступает в силу для данного государства - участника, которое уведомляет об этом факте депозитария.

b) Когда государство - участник перестает быть стороной одного из договоров, перечисленных в Приложении, оно может сделать, как это предусматривается в настоящей статье, заявление в отношении этого договора.

3. Для того чтобы какое-либо деяние составило преступление, указанное в пункте 1, необязательно, чтобы средства фактически использовались для совершения преступления, упомянутого в подпунктах "a" или "b" пункта 1.

4. Любое лицо также совершает преступление, если оно пытается совершить какое-либо из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи.

5. Любое лицо также совершает преступление, если оно:

a) участвует в качестве соучастника в совершении какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи;

b) организует других лиц или руководит ими с целью совершения какого-либо из преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи;

c) способствует совершению одного или нескольких преступлений, указанных в пунктах 1 или 4 настоящей статьи, группой лиц, действующих с общей целью. Такое содействие должно носить умышленный характер и должно оказываться:

i) либо в целях поддержки преступной деятельности или преступных целей группы, когда такая деятельность или цель предполагают совершение одного из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи;

ii) либо при осознании умысла группы совершить одно из преступлений, указанных в пункте 1 настоящей статьи».

В целом позиция излагается крайне пространно, что дает основание для многозначного ее толкования. А между тем, терроризм, как и многие другие высоко общественно опасные явления в значительной мере являются результатом деятельности организованной преступности. Преступления террористического характера, их финансирование часто, как будет показано далее, являются средством решения политических проблем, совершаются с политической мотивацией.

Заслуживает внимания то, что в современном федеральном уголовном законодательстве США дается такое понятие организован-

ной преступности, которое не содержит исчерпывающего перечня видов криминальной деятельности, оставляет простор для их широкого толкования и дополнения: «организованная преступность представляет собой противоправную деятельность членов высокоорганизованной ассоциации, занимающейся обеспечением незаконными товарами и услугами, что включает – но не ограничивается этим – организацию азартных игр, проституцию, выдачу ссуд под большие проценты, распространение наркотиков, рэкет и иную противоправную деятельность членов таких организации».[1] Здесь многое дает основание для крайне широкого понимания организованной преступности.

Изложенная проблема не подлежала бы обсуждению, если бы с организованной преступностью была связана исключительно корыстная, экономическая мотивация — обогащение, получение, прямо или косвенно, экономической, финансовой выгоды.

Криминологические исследования показывают, что, с одной стороны, возрастание масштабов корыстных притязаний приводит со временем к стремлению удержать полученные капиталы, в том числе путем получения и использования рычагов легальной власти. Так корыстная мотивация начинает взаимодействовать с политической.

С другой стороны, чисто политическая мотивация антиконституционной, противозаконной деятельности («устранение узурпатора», изменение политического режима на тот, который наиболее полно отражал бы интересы большинства населения и т.п.), со временем также становится взаимосвязанной с экономической мотивацией.

Организованное противостояние существующему «законному» порядку свою свою логику развития. Оно неизбежно приводит к созданию организаций, нуждающихся в финансировании, обеспечении насильственного противостояния власти, к нейтрализации правоохранительной системы посредством коррупции и т.д.

С этой точки зрения заслуживает внимания исследование историка А.В. Островского[2], каждый вывод которого подкрепляется ссылками на конкретные архивные документы. Автор начал исследование с ответа на вопрос, был ли И. Сталин секретным сотрудником царской охранки[3]. А вывод оказался прямо противоположным: «в 1909-1910 гг. И.В. Сталин возглавлял внутри Бакинского коми-

---

[1] *Гуров А.* Красная мафия. М., 1995.

[2] *Островский Александр.* Кто стоял за спиной Сталина. Тайны революционного подполья. Санкт-Петербург, 2002.

[3] Такое обвинение содержалось в письме «некоего Еремина» (Адамович А. Дублер // Дружба народов. 1988. №11. С. 181.

тета РСДРП разведку и контрразведку»[1]. Еще ранее его функции заключались, «во-первых, в осуществлении особых конспиративных контактов между руководителями местных организаций, во-вторых, в координации их действий, в-третьих, в осуществлении контроля за этими организациями, в-четвертых, в мобилизации и распределении денежных средств и т.п.»[2]. Что такое «мобилизация» денежных средств для нелегальной, противозаконной деятельности? История показывает, что ее механизмы практически универсальны и неизменны: пожертвования сочувствующих, порой практически вымогаемые у последних; «экспроприации», осуществляемые в том числе путем совершения общеуголовных преступлений; отчисления от доходов легальной экономической деятельности и т.д. Деятельность РСДРП не могла бы быть результативной, если бы она не включала незаконное приобретение, перемещение и использование оружия, коррумпирование различных государственных служащих, в том числе в органах политического сыска[3], физическое уничтожение тех, кто стал опасен, использование разнообразной помощи иностранных субъектов.

Переход от общеуголовной организованной преступной деятельности к политической хорошо иллюстрирует история США. В 1934 г. не имевший никакого серьезного политического опыта Гарри Трумэн благодаря протеже Тома Пендергаста стал членом сената США. «Мафиози расчистили ему путь»[4]. Том Пендергаст был бессменным политическим главарем Канзас-Сити. Он имел прочные позиции и в бизнесе, и в политике, и никогда не ссорился с мафией[5]. Пендергаст вступил и в прямой союз с «Коза нострой», когда мафия Чикаго прислала в столицу Миссури своего наместника Джонни Лазиа, и этот доверенный человек Аль Капоне стал заместителем Тома Пендергаста и одновременно по совместительству руководителем отделения демократической партии в первом избирательном округе Канзас Сити[6]. Позднее Гарри Трумэн помнил, кому обязан политической карьерой и не скупился на помилование арестованных членов мафии[7].

---

[1] *Островский Александр.* Кто стоял за спиной Сталина. Тайны революционного подполья. СПб, 2002. С. 612.

[2] Там же. С. 610.

[3] Орджоникидзе Г.К. отмечал: «Вскоре все наши товарищи были освобождены, кажется, за небольшую сумму, выплаченную нами ротмистру Зайцеву, который весьма охотно брал взятки». (Островский Александр. Указ. соч. С. 563).

[4] *Полькен К. , Сцепоник Х* Кто не молчит, тот должен умереть. М., 1988. С. 55.

[5] *Иванов Р.* Мафия в США. М., 1996. С. 121.

[6] Там же. С. 120.

[7] *Salerno R. and Tompkins J.* The Crime Confederation. Cosa Nostra and Allied Operations in Organized Crime. Garden City. New York. 1969. P. 248.

Р. Иванов при анализе проблемы мафии и политики, отмечает следующие важные обстоятельства: мафия быстро усваивает правила политической игры и идет на контакты с самыми реакционными политическими силами[1].

История разных стран показывает и другое: организованные преступные формирования могут образовываться в эшелонах власти. Легальные властные структуры перерождаются фактически в криминальные организованные тогда, когда их функционеры сплачиваются на базе фактического отказа от выполнения тех возложенных на них функций, которые соответствуют Конституции, закону, и обеспечивают свои финансовые, политические интересы противоправными средствами, включая криминальные. Немало авторов отмечают данное обстоятельство при анализе тоталитарных режимов и жестоких политических репрессий в отношении неугодных власти лиц[2].

Признание данных фактов международной общественностью наблюдается применительно к отдельным странам и конкретным ситуациям. Однако до сих пор в международно-правовых документах нет развернутого понятия «политического преступника», который бы безусловно не подлежал выдаче. Наоборот, по смыслу ряда конвенций, предлагается отвлекаться от политической мотивации при совершении террористических акций и целого ряда других крайне общественно опасных деяний. Таким образом, международными организациями сложность проблемы пока как бы «обходится».

Понятно стремление мирового сообщества отделить «зерна» от «плевел»: лиц, бескорыстных, борющихся за права человека, но признаваемых в конкретной стране политическими преступниками, — от тех, кто корыстно действует и совершает действительно общественно опасные деяния. Однако реально такое «чистое» разделение практически почти не встречается. Не случайно, до сих пор остается единственным и неповторимым деятель индийского национально-освободительного движения Ганди, Мохандас Кармчанд, выдвинувший программу «пассивного сопротивления, которую он пони-

---

[1] Иванов Р. Указ. соч. С., 119, 120.

[2] Это обстоятельство отмечают в своих работах Кудрявцев В.Н., Лунеев В.В., Кабанов А.А. В частности Кабанов А.А. пишет: « ...большинство криминологов и политологов (как, впрочем, и ученых других специальностей) в силу деликатности данной проблемы ... отказывались от использования термина «политическая преступность», заменяя его другим — «политические репрессии», а , если и использовали, то помещали в кавычки. Между тем, для большинства отечественных криминологов и политологов становилось очевидным, что преступность, связанная с получением и удержанием власти — реальность». (*Кабанов П.А.* Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Автореферат дис. докт. юрид. наук. Нижний Новгород. 2001. С. 5-6. Его же: Политическая преступность: сущность, причины, предупреждение. Нижнекамск, 2000).

мал как мирное убеждение властей, исключающее революционное насилие».

И все-таки важно последовательно признавать, что преступной, со строго юридических позиций, является любая запрещенная уголовным законом деятельность, в том числе и политического характера, заключающаяся в нарушении в той или иной форме Конституции, закона, противоречащая конституционному правопорядку. Отсутствие законного реагирования на преступные деяния субъектов власти влечет сопротивление народа, выливающееся в совершение разнообразных преступлений. Сопротивление «преступному режиму» закономерно связано с нарушением оппозиционными силами тех уголовно-правовых запретов, которые установлены в государстве политической верхушкой в результате криминальных и криминогенных манипуляций в сферах законотворчества, избирательных процессов и т.д. Именно в этом состоит суть того «криминального круга», из которого международно-правовая общественность пока не находит принципиального, последовательного юридического выхода.

Всякое серьезное политическое противостояние, как показала история, всегда предполагает наличие определенных организованных формирований и их сложной, многоаспектной деятельности, включая ту, которая не охватывается умыслом революционеров или иных политических деятелей. Для распространения своих идей, насильственного противостояния требуются оружие, деньги и многое другое. Нередко устанавливается связь с иностранными партнерами, часть из которых фактически является штатными сотрудниками спецслужб иностранных государств, преследуя свои цели, враждебные стране — родине революционеров. Так происходит симбиоз преступлений против безопасности государства, мира и безопасности человечества, общеуголовных, экономических и других.

И то, что Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности связывает организованную преступность только с тем, чтобы «получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду», практически нельзя оценить иначе как решение упрощенное и затрудняющее эффективное решение проблем борьбы с организованной преступностью, терроризмом и другими крайне общественно опасными деяниями. Показательно, что, представляя результаты исследования, изложенного в документе Национального совета США по разведке — «Глобальные тенденции до 2015 года», председатель Совета Дж. Ганнон отметил: «Криминальные организации и сети, базирующиеся в Северной Америке, Западной Европе, Китае, Колумбии, Израиле, Японии,

Мексике, Нигерии и России, расширяют масштаб и объем своей деятельности. Они образуют широкие союзы друг с другом, с меньшими криминальными предпринимателями и с повстанческими движениями для специальных операций»[1].

Здесь, во-первых, используются очень важные с точки зрения понимания организованной преступности понятия «криминальные организации и сети», во-вторых, признается объединение криминальных предпринимателей и деятелей, связанных с повстанческими движениями, носящими и политический, и военный характер.

Развитая организованная преступность определенным образом структурирует все общество, действуя при этом достаточно конспиративно и «лукаво».

Наряду с рассмотрением организованной преступности как определенного системного, целостного явления, подструктуры большого общества, криминологически существенно видеть ее взаимосвязь с другими подструктурами общества, взаимопроникновение, взаимодействие таких подструктур, а также выделять разные подструктуры самой организованной преступности.

§ 3. Организованная преступность как специфический криминальный феномен и его проявления

Итак, проблема организованной преступности вытекает из того, что разные преступные формирования не действуют изолированно друг от друга. Основой их взаимодействия бывают разные обстоятельства: и совместная преступная деятельность; и общие интересы, вытекающие из раздела сфер влияния; и объединение усилий при противостоянии социальному контролю. Значимо также то, что преступная деятельность становится ведущей, систематической и широкомасштабной, требующей специальной подготовки и специфических условий. В последнем случае особое значение приобретает ее широкое экономическое, социально-психологическое и организационное обеспечение.

Исследование приводит к выводу, что ***организованная преступность — это сложная система организованных преступных формирований, их отношений и деятельности.***

Здесь существенны все три элемента: данные формирования, а также их отношения и деятельность формирований.

Отношения организованных преступных формирований носят более многоаспектный характер, чем только те, которые вытекают из взаимосвязи непосредственно преступной деятельности. Такого

---

[1] Gannon J.A World Panorama of Troubles Along the 2015 Horizon // Intern. Herald Tribune, 2001. Febr.2

рода отношения могут включать, например, связанные с обменом информацией широкого плана: о законотворческой деятельности и прохождении законопроектов, значимых для криминальной среды, социально-экономической политике государства и др. Информация о валютной политике, инвестиционных проектах важна в аспекте наиболее прибыльных вариантов легализации и приумножения преступных доходов. Существенна также информация о кадровых перемещениях в правоохранительных структурах и спецслужбах, а также иная — самого широкого и многообразного плана.

Если говорить об отношениях, то они могут быть настолько же многоаспектными, насколько разнообразны отношения между легальными организациями, возникающими на базе отстаивания общих интересов в огромном, пестром и постоянно меняющемся мире.

Что же касается собственно криминальной деятельности преступных организаций, то линии ее взаимосвязей в организованной преступности определяются тем, что данная деятельность включает не только совершение системы преступлений, но и создание наиболее благоприятных условий для их совершения, а также поддержания оптимального для совершения разного рода преступлений режима существования таких формирований, расширения их рядов и криминально значимых связей.

Отечественный законодатель отразил сложный, многоплановый и широкий спектр криминальной деятельности наиболее четко применительно к террористической деятельности в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом». В ст. 3 данного Закона говорится, что террористическая деятельность — «деятельность, включающая в себя: 1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции; 2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях; 3) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции; 4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; 5) финансирование заведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им». Далеко не все перечисленное в данном определении охватывается понятием «приготовление к преступлению», предусмотренным частью первой ст. 30 УК РФ.

Понимание того, что представляет собой организованная преступность — это одновременно осознание следующего обстоятельства: общество, государство имеют дело не просто с массой органи-

зованных преступных формирований и их широкомасштабной деятельностью. Они вынуждены противостоять определенной криминальной системе.

В условиях наступления организованной преступности на общество криминальное взаимодействие расширяется и появляются, расширяются, укрепляются преступные связи, а также структуры, обеспечивающие организованных групп, банд, преступных организаций и т.д.; обмен информацией, объединение усилий в нейтрализации и использовании правоохранительной системы, иных государственных структур и институтов гражданского общества, в оказании помощи нуждающимся функционерам преступных организаций.

Разобраться в этой системе, особенностях ее построения, функционирования, ее динамике и иных характеристиках — весьма сложная задача. Успешное решение данной задачи предполагает и высококвалифицированную деятельность правоохранительных органов, спецслужб по выявлению, разоблачению соответствующих формирований и их участников, и умелую легализацию результатов разведывательной, контрразведывательной, оперативно-розыскной деятельности, и высокопрофессиональную деятельность судов.

Исследование организованной преступности и анализ ее проявлений представляют большие сложности. Казалось бы, положение облегчает постоянное внимание к данному феномену средств массовой информации. Материалы средств массовой информации анализировать необходимо и они анализируются, но, как показывает опыт, нельзя опираться только на данный источник и не сопоставлять публикации СМИ с документами судов и правоохранительных органов, результатами опросов экспертов, населения, осужденных. Тем более в условиях, когда средства массовой информации используются в политических, экономических, идеологических, информационных и криминальных войнах.

Криминологам приходится использовать весь арсенал методов исследования, включая и анализ статистических данных видимых проявлений взаимодействия разных криминальных формирований («сходок», «разборок» и т.п.), и изучение самых многообразных документов правоохранительных органов, спецслужб, судов, других государственных органов, общественных организаций, СМИ; и опросы широкого круга субъектов, включая интервью лидеров криминальной среды. Ни один из материалов, полученных при применении отдельно взятого метода, не может быть положен в основу выводов без сопоставления с другими. Выводы делаются на базе анализа совокупности результатов применения различных методов.

Наряду с получением совокупности необходимых данных важно и другое: не просто описание результатов применения каждого метода, но комплексный анализ полученных данных. Он должен выводить на понимание проблемы именно организованной преступности, ее состояния, динамики, происходящих в ней процессах. Здесь бывает мало тех индикаторов, которые используются при анализе числа и динамики организованных преступных формирований, разных их типов, численности и состава их участников, совершаемых данными формированиями преступлений. Это все делается в рамках исследования таких проявлений организованности преступности, как организованные преступления, организованная преступная деятельность, организованные преступные формирования.

Важно еще, как именно происходит взаимодействие различных организованных преступных формирований, их отношений и деятельности.

Заслуживает внимания система показателей, которую использовал С.В. Ванюшкин: количество разного рода встреч, контактов с их разграничением на конфронтационные и ориентированные на мирное сотрудничество, число лидеров, осуществляющих общее руководство взаимодействием указанных преступных формирований — лидеров «криминального мира» и др.

Оказалось, например, что в середине девяностых годов — эпоху активной эскалации организованной преступности процессы конфронтации стали сменяться процессами объединения и это совпадало с тем, что, по оценкам экспертов-сотрудников правоохранительных органов, в преступной среде начинали преобладать тенденции консолидации и организованная преступность разрасталась. Изложенное можно проиллюстрировать системой следующих таблиц С.В. Ванюшкина[1]:

Таблица 110

Динамика числа «воров в законе», по оценке сотрудников МВД РФ

1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
1200	1280	1420	1480	1500	1560

Таблица 111

Динамика числа зарегистрированных конфликтных ситуаций (встреч, «стрелок», «разборок») между организованными формированиями, для разрешения которых использовалось насилие, по оценкам сотрудников правоохранительных органов

1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
144	305	610	690	630	620	600

[1] См.: Организованная преступность -4. М., 1998. Приложение 2.

Таблица 112

Динамика числа зафиксированных сотрудниками правоохранительных органов «сходок» («конференций», «съездов», «собраний») организованных преступных формирований

1991 г.	1992 г.	1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
39	98	10	413	520	570	620

Косвенным подтверждением наличия «криминальных войн» служат данные о заказных убийствах (табл. 113), среди которых значительную часть всегда составляли те, которые вытекали из широкой организационной криминальной деятельности, — применение оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, оказание сопротивления, в том числе вооруженного, сотрудникам правоохранительных органов:

Таблица 113

Динамика «заказных» убийств в России по экспертным оценкам

Показатели:	1995 г.	1996 г.	1997[1] г.
Выявлено	560	570	600
Раскрыто	60	70	132

По данным М.И. Слинько[2], в структуре «заказных» убийств треть составляли убийства преступных авторитетов и только 10 % потерпевших составляют государственные и общественные деятели. Схема поведения выглядит следующим образом: сначала разобраться в своей криминальной среде, и это уже решает, кто будет контролировать политические институты общества.

Таблица 114

Динамика в России числа зарегистрированных преступлений, совершенных с применением оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ:

1993 г.	1994 г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
19 154	18 059	11 115	10 229	39 300

Таблица 115

Динамика числа сотрудников органов внутренних дел, раненых и погибших при исполнении служебных обязанностей в России:

	1993 г.	1995 г.	1997 г.
Убито	185	246	256
Ранено	572	509	515

Вся отраженная в таблицах динамика имела место на фоне относительно стабильного числа зарегистрированных организованных преступных формирований и их участников (табл. 116):

---

[1] Данные, за исключением раскрытых преступлений за 1997 год — экспертные; *Бородулин А.И.*. Убийства по найму. М., 1997. С., 7; Заказные убийства в России. Сост. Плахов А.. М. , 1998. До 1 января 1997 года, то есть до введения в действие УК РФ, в российском уголовном законодательстве не предусматривался специальный состав преступления – убийство по найму (заказу). В связи с этим в статистических формах не выделялся показатель, относящийся к этому преступлению.

[2] Слиньк о М.И. Заказные убийства. М., 1997. С. 11.

Таблица 116

Динамика числа зарегистрированных организованных преступных формирований и числа их участников, по данным МВД РФ

Выявлено:	1994г.	1995 г.	1996 г.	1997 г.
число организован. преступных формирований	12 849	14 050	12 684	12 500
число участников организованных преступных формирований	50 572	57 545	59 389	60 000

Позднее в уголовной статистике появился еще один показатель, подлежащий использованию в системе других при оценке организованной преступности, — данные о расследованных преступлениях, совершенных из-за раздела сфер влияния (табл. 117).

Таблица 117

Число расследованных преступлений в России в 1998—2000 гг., совершенных из-за раздела сфер влияния

1998 г.	1999 г.	2000 г.
46	35	27

В конце девяностых годов наряду с открытой криминальной войной использовались менее радикальные методы решения вопросов, входящих в круг общих интересов разных организованных криминальных формирований. Организованная преступная среда пыталась консолидировать свои усилия с применением различных методов, а споры решать при помощи собственных «третейских судов». Все это удавалось делать лишь в той мере, в какой это вообще возможно в среде носителей психологии крайнего эгоизма.

Как отмечалось, криминологам приходится при анализе организованной преступности использовать данные, полученные из различных источников, в том числе оперативные сведения правоохранительных органов и спецслужб преступных формированиях.

Например, опросы экспертов — сотрудников правоохранительных органов и спецслужб дополняли статистические сведения и практически обнаруживали те же тенденции, которые фиксировались в статистических документах. В 1998 году в Москве, Воронеже, Владимире, Рязани было опрошено более 200 сотрудников правоохранительных органов и судей. Они ответили, что их суждения об организованной преступности основываются на имеющихся у них данных: о связях в криминальной среде и деятельности последней (52 %), о выявленных организованных формированиях (21 %), групповых преступлениях (29 %), иных (3,5 %). Эти данные привели большинство опрошенных к следующим выводам: организованная преступность расширяется, усиливается ее влияние (62 %), она выходит за пределы государственных границ (35 %). Только один человек посчитал, что влияние организованной преступности уменьшается. Говоря о положении дел на региональном уровне, 58 % оп-

рошенных отметили, что организованная преступность развита и функционирует во всех сферах общественной жизни, 36 % — проявляет себя только в некоторых сферах.

На федеральном уровне, по мнению 12 % опрошенных, организованная преступность полностью контролирует государственные и общественные институты, экономику страны, еще 53 % ответили, что эта преступность контролирует не все, но многое. 26 % полагали, что о контроле за государственными и общественными институтами говорить нельзя, контролируются отдельные должностные лица, органы, предприятия, предприниматели.

По мнению 30 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов и судей, организованная преступная среда консолидируется, и только 14 % полагают, что в ней увеличивается число конфликтов; лидеры этой среды: проникают в высшие слои государства и общества (58 %); активнее проникают в отечественный легальный бизнес (55 %); выезжают за границу (15 %); не только сами выезжают, но и вывозят туда свои семьи, детей (18 %). Примерно каждый четвертый опрошенный работник прокуратуры и органов МВД, полагает, что влияние организованной преступности распространилось уже на многие государственные и общественные институты, экономику региона, каждый третий – на государственные и общественные институты, экономику страны в целом.

Что касается осужденных, отбывающих наказание, то они на вопросы об организованной преступности отвечали неохотно, но из числа ответивших примерно 40 % полагают, что характеристики организованной преступности меняются к худшему, менее 30 % - что они либо меняются в лучшую сторону, либо не меняются.

Как уже отмечалось, в организованной преступности объективно выделяются разные ее подструктуры, хотя их четкое разграничение носит далеко не простой характер. Это — крайне сложная задача. Ее решение связано с избранием не «простеньких» критериев типа совершение «общеуголовных» либо «экономических» преступлений[1]. Данные критерии годятся при разграничении различных организованных формирований, но не для организованной преступности с ее многоаспектной системной деятельностью.

Важно то, под каким углом зрения, с каких позиций проводится анализ. Например, В. С. Овчинскийпишет о пяти о следующих основных видах преступных подструктур «единого мафиозного пространства»: 1 — «Лжепредприниматели». Появились в 1988 г. – с

---

[1] О возможности выделения разных видов организованной преступности на основе «традиционных» критериев писали О.В. Пристанская, С.Л. Сибиряков и ряд иных авторов. См.: Вопросы организованной преступности и борьбы с ней. М., 1992. С.25 - 30.

момента принятия Закона СССР «О кооперации». 2 — «Гангстеры». 3 — «Расхитители» («госворы») . 4 — «Коррупционеры» — группы госчиновников в органах власти, управления, предатели в правоохранительных органах, которые в результате подкупа представляют «лжепредпринимателям» и «госворам» незаконные льготы, участвуют с ними в распределении сверхприбылей, обеспечивают их «прикрытие» (а также «гангстеров») в случае угрозы наступления уголовного преследования. 5 — «Координаторы» – элита преступного мира, как правило, «воры в законе», либо «авторитеты» [1].

Применительно к организованной преступности как сложной криминальной системе существенно также выделение тех или иных подсистем на основе ведущей мотивации и базовых основ консолидации преступной и обеспечивающей ее деятельности организованных преступных формирований. Дифференциация различных криминальных подсистем может, например, базироваться на таком критерии, как основа консолидации различных субъектов. Тогда выделяется организованная преступность субъектов, криминально сплоченных в связи с ориентацией на: а) сверхдоходы и обеспечение власти в определенных криминальных кругах без вторжения в сферу функционирования органов государственной власти; б) наращивание усилий по повышению криминальных доходов и установлению контроля за отдельными регионами, сферами экономической деятельности с вторжением в область деятельности политических институтов; в) дальнейшее приумножение больших криминальных состояний с выходом на международную арену и контроль за политическими институтами, процессами глобализации.

В начале нового века 45 % опрошенных сотрудников правоохранительных органов ответили, что доходы от криминальной деятельности лидеры преступной среды и крупные коррупционеры тратят на проникновение в политическую сферу жизни общества, 20 % - что это вообще встречается часто у разных функционеров организованной преступности.

Факты проникновения организованной преступности в политическую сферу жизни общества, известные опрошенным сотрудникам правоохранительных органов, заключались в следующем: выдвижение своего кандидата на выборах в государственные органы (52 %), финансовая или иная поддержка не своих кандидатов, но в

---

[1] Овчинский В. С. Криминальные, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации. Автореферат дис. докт. юрид. наук. М., 1994.

надежде использовать их затем в своих интересах (33 %), личное проникновение лидеров организованной преступной среды в органы государственной власти (37 %), подкуп членов избирательных комиссий (11 %), подкуп иных государственных служащих (23 %), оказание влияния на политику путем использования средств массовой информации (22 %), создание общественных организаций и фондов в целях оказания влияния через них (18 %), установление контроля над уже созданными организациями и фондами (15 %), оказание влияния на политику путем подготовки через учебные заведения своих ставленников (11 %), устрашение неугодного политического деятеля (8 %) и устранение такого деятеля (4 %).

Одновременно отмечалось расширение транснационального характера организованной преступности. Для обозначения данного явления используются понятия: «транснациональная преступность», «транснациональный характер преступности», «транснациональные преступления» [1] и др. Причем часто одно понятие подменяется другим. Так, в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г. фактически дается определение не «преступности», а преступления, носящего транснациональный характер[2].

§ 4. Виды взаимосвязей организованных преступных формирований и преступное сообщество «воры в законе»

Если в общей форме говорить о взаимосвязях организованных преступных формирований, то такие взаимосвязи могут касаться и формирований в целом, и их участников. Например, знакомые с детства А. и Б. могут быть членами разных преступных организа-

---

[1] По мнению Ю.В. Трунцевского транснациональными можно считать преступления, переходящие государственную границу и создающие угрозу нескольким государствам и (или) международному сообществу. Данный автор выделяет три группы транснациональных преступлений. (*Трунцевский Ю.В.* Транснациональные преступления: международный и уголовно-правовой аспект. М., 1999. Его же: О классификации транснациональных преступлений // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 455-458.).

[2] В пункте 2 статьи 3 Конвенции говорится: «Для цели пункта 1 настоящей статьи преступление носит транснациональный характер, если: *a*) оно совершено в более чем одном государстве; *b*) оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; *c*) оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; или *d*) оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве». Анализ данного текста показывает, что все-таки речь идет о транснациональных *организованных* преступлениях, совершенных *организованными* преступными формированиями». Анализ позиций разных авторов о понимания термина «транснациональная организованная преступность» дается в работах многих отечественных и зарубежных авторов (*Репецкая А.Л.* Транснациональная организованная преступность. Автореф. дисс. докт. юрид. наук. М, 2001; *Трунцевский Ю.В.* Транснациональные преступления: международный и уголовно-правовой аспект. М., 1999 и др.).

ций, функционирующих самостоятельно на разных территориях, и их непосредственная криминальная деятельность может не соприкасаться друг с другом. Но в то же время А. способен прибегать к помощи Б., только, например, для выяснения биографии новых лиц, включающихся в преступную организацию А. В свою очередь, Б., имеющий разветвленные связи с коррумпированными должностными лицами, может просить А. рекомендовать человека для совершения заказного убийства на том основании, что А. опирается на лиц, совершающих общеуголовные преступления. Такого рода взаимосвязи наблюдаются в случаях, когда разные субъекты, преступные организации специализируются на разных видах преступной деятельности и только в отдельных случаях их лидеры или другие участники прибегают к помощи друг друга.

В части 4 ст. 35 и ст. 210 УК РФ говорится о преступном сообществе (преступной организации) как организованной группе (организации), созданной для совершения тяжких или особо тяжких преступлений, либо объединении организованных групп, созданным в тех же целях. И в УК РФ, и в упоминавшемся определении авторов из США говорится как бы одновременно и об объединении лиц, и об объединении групп. Но это бывает далеко не одним и тем же.

При объединении лиц для совместного совершения организованного преступления либо организованной криминальной деятельности создается организованное преступное формирование. Оно может быть организованной преступной группой, либо бандой, либо преступной организацией.

Объединение групп может осуществляться в разных вариантах.

Первый вариант: основой объединения является совместная преступная деятельность, расширяющаяся и становящаяся более многоаспектной. Тогда результатом является более крупная и сложная по структуре преступная организация[1].

Второй вариант: объединения как такового фактически не происходит, а имеет место сотрудничество различных организованных преступных групп, банд, преступных организаций, сохраняющих в той или иной степени свою организационно-управленческую и экономическую самостоятельность.

Многое зависит от того, является ли такое сотрудничество эпизодическим либо оно приобретает систематический характер. Если сотрудничество укрепляется и становится постоянным, то неизбежно возникает преступная организация нового типа. Такого рода ор-

---

[1] См.: *Гришко Е.А.* Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой и криминологический аспекты) . М., 2001.

ганизации называют «криминальными корпорациями», «криминальными картелями» и даже «криминальными холдингами».

Примером такого сотрудничества могут являться «тонги» — преступные ассоциации, выделяемые при изучении организованных преступных формирований выходцев из Китая[1]. Как отмечает исследователь из США Финкенауер, организационная структура китайской организованной преступности в США очень сложна. Разновидностей китайских группировок множество. Вообще это — банды, тайные общества, триады, тонги, тайваньские организованные преступные группировки[2], а базируются непосредственно в США тонги и банды. Одной из известных крупных банд является банда Фук Чинг. Тонги определяются как вышестоящие организации по отношению к уличным бандам. Фук Чинг входит в тонг — Американскую Ассоциацию Фукиен. Тонги своим бандам обеспечивают определенные виды деятельности. Например, позволяют банде действовать на своей (тонговой) территории, таким образом легитимируя ее в глазах общества; предоставляют ей возможность зарабатывания денег определенным способом (например, контролируя игорный бизнес), а также оказывают поддержку деньгами и оружием[3].

Е.В. Кравченко[4] пишет, что в Японии антиобщественная криминальная группа «Борекудан», в основном известная как «Якудза», классифицируется законом как «организация, обеспечивающая сво-

---

[1] Chinese transnational organized crime: The Fuk Ching by James O. Finckenauer, Ph.D. Director, International Center National Institute of Justice. Перевод Буряк М.Ю. http://crime.vl.ru.

[2] Например, банда Фук Чинг действует в Нью-Йорке, и определяется как одна из самых могущественных китайских преступных организаций в США, работающая к тому же и на международном уровне. Она состоит из 35 человек, еще 20 сидят в тюрьме. Первоначально Фук Чинг, появившийся в Нью-Йорке в середине 80-х годов, как и прочие банды, специализировался на вымогательстве в Чайнатауне. Банда была создана группой молодых людей (15-25 лет) из китайской провинции Фуджьян, многие из которых, если не все приобрели криминальный опыт на родине. Фук Чинг и сейчас продолжает вербовать новых членов из числа Фуджьянских тинейджеров. Кроме того, в Нью-Йорке выделяют следующие крупные преступные формирования: Тени призраков, Летающие драконы, Танг Он и Прирожденные убийцы. Нью-Йоркские банды, такие как Фук Чинг, в основном специализируются на вымогательстве и предоставлении услуг защиты (крыша) проживающим в Чайнатауне Нью-Йорка.

[3] Входящие в тонги банды, такие, как Фук Чинг, имеют кунга (дедушку) или шук фоо (дядю), которые возглавляют соответствующий тонг. Во главе самой же банды находится дай дай ло (большой, большой брат). Взаимодействие между тонгом и бандой происходит в основном через этих двух лиц. Ниже дай дай ло по нисходящей находятся дай ло (большие братья), йии ло или саам ло (лидеры подразделений) и в самом низу — ма джай (маленькие лошадки). Существует масса разнообразных правил и норм, соблюдаемых бандами. Сюда входят почитание кунга, разборки с членами банд, вторгшихся на подконтрольную территорию, запрет на употребление наркотиков, исполнение приказов дай ло, верность банде и наказуемость ее предательства. Нарушители норм подвергаются наказанию, иногда довольно жестокому, например, физической расправе или убийству.

[4] Организованная преступность, миграция, политика. М., 2002 . *Иванов А.М.* Организованная преступность и борьба с ней в Японии. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Владивосток, 2000.

им членам возможность коллективно совершать незаконные акты насилия». Эта организация, по данным полиции Японии, к 2000 г. включала 24 группы, штаб-квартиры которых находились в разных городах Японии. Такие группы состояли из нескольких десятков членов — до семнадцати с лишним тысяч.

По оценке прокуроров из Южной Кореи Пак Чонг-Сун' И Ке-Бе, в этой стране в восьмидесяиых годах подъем организованной преступности привел к выделению трех банд, действующих в масштабах страны. Это семейство Пан-Собанг , клан Янгыни, и клан Тонгчжэ[1].

Третий вариант: сотрудничество различных организованных преступных групп, банд, преступных организаций происходит в форме координации, когда лидеры таких формирований упорядочивают взаимоотношения формирований, не вмешиваясь во «внутренние дела» друг друга: совместно обсуждают и решают вопросы «внешней политики» по отношению к криминальным конкурентам, государству, общественным организациям, иным структурам официального общества либо отдельным лицам, чье поведение противоречит общим интересам таких лидеров. Внешне это выглядит в виде «сходок», «разборок», «стрелок» и т. п.

Такая координация, если она приобретает устойчивый характер, неизбежно порождает некое межорганизационное, точнее надорганизационное управляющее формирование, решающее общие стратегические проблемы организованных преступных формирований и их криминальной деятельности, реализующее их общую «внешнюю» политику по отношению к органам государства и их деятельности. Такого рода формирование имеет свои специфические задачи и особенности функционирования.

Криминологи данное формирование как раз и называют «преступным сообществом», но не в том смысле, как оно понимается в УК РФ. Это — не то же самое, что преступная организация, пусть даже очень большая[2]. Речь идет о принципиально ином виде формирования, базирующимся на иных основаниях объединения и иных принципах функционирования, иной организационной структуре.

---

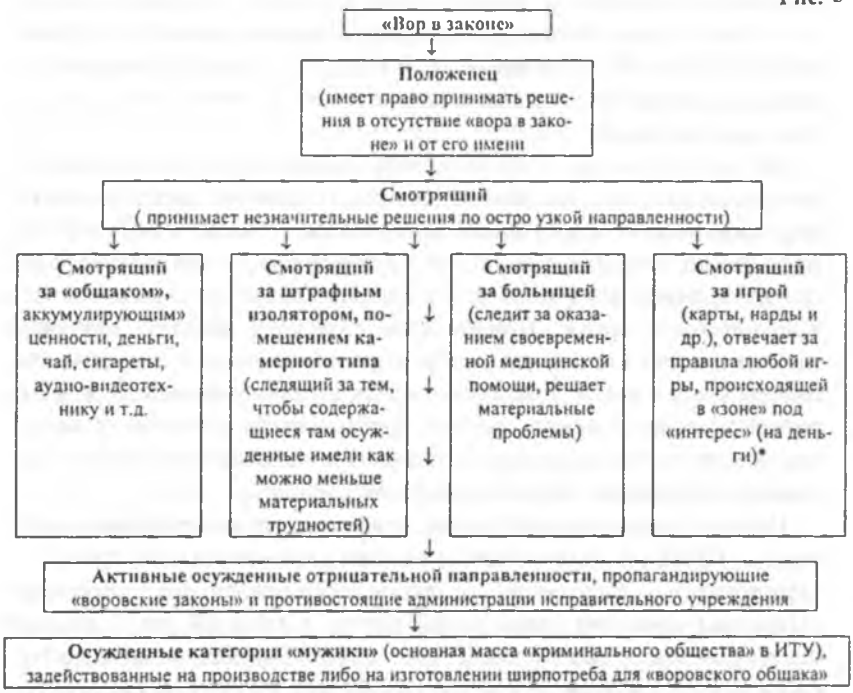
[1] Организованная преступность-4. М., 1998. С. 203-204.

[2] Именно непонимание данного качественного отличия преступного сообщества в указанном смысле от преступной организации порождает предложения отказаться от использования в законе термина «преступное сообщество» как якобы полностью идентичного «преступной организации», а в части 1 ст. 210 УК РФ заменить слова «разработки вланов и условий формулировкой «осуществления преступной деятельности». (*Савельев Д.В.* Преступная группа: вопросы уголовно-правовой интерпретации и ответственности. Екатеринбург, 2002. С.51).

Для иллюстрации последнего положения рассмотрим, как строится структура преступного сообщества при функционировании последнего в местах лишения свободы. Там она, пожалуй, наиболее отчетливо просматривается, является практически универсальной для всех исправительных учреждений.

Описал наиболее подробно данную структуру А.В. Кисляков[1] (рис. 1). Схема А.В. Кисляковым составлена на основе ситуации в одной из тюрем, причем она отражает иерархию тех, кто включен в «криминальное общество» данного учреждения. В разных вариантах данная схема «работает» применительно к иным исправительным учреждениям.

Рис. 5



* Доходы от игр—одна из важных статей дохода криминальной среды.

Помимо использованных в схеме понятий широко применяется и иное: «криминальный авторитет». Оно носит многозначный характер. Чаще всего имеется в виду одно из двух: 1— собирательное имя

[1] Схема А.В. Кислякова. Этот автор пишет: « Попадая в камеру, человек становится частичкой криминального общества. Как и во всяком обществе, в этом есть лидер со своим окружением, а также средний и низший слои данного общества». (*Кисляков А.В.* Организованная преступность в тюрьме и ее предупреждение// Реагирование на преступность. М., 2002. С. 175).

для лидеров криминальной среды без конкретизации того, кто именно имеется в виду: «положенец», «смотрящий» и т.п., 2 — наименование кандидата в «воры в законе», лица, приближенного к последнему и пользующегося его доверием, признанием криминальной среды.

Но что же происходит в условиях свободы? Судя по многочисленным источникам практически работает та же схема, но с несколько иными системой и наполнением функций ряда криминальных иерархов. Например, остается смотрящий за «общаком», но такой «общак» и его назначение неизмеримо масштабнее.

Реформируемая Россия была поделена на территориальные «зоны», контролируемые или непосредственно «ворами в законе», или их «положенцами», даже «смотрящими» (в более мелких территориальных образованиях) Прокуроры городов, районов, сотрудники МВД РФ и ФСБ РФ очень хорошо были информированы о том, какой криминальный иерарх контролируют ту территорию, на которой они «работают».

На рубеже веков в России криминальные иерархи не только не находились на нелегальном положении, но демонстративно себя обнаруживали и по собственной инициативе эпизодически либо периодически вступали в контакт с прокурорами, начальниками органов внутренних дел и т.п. в целях решения различного рода проблем криминальной среды. Причем одни «воры в законе» назначали «положенцев», потому что контролировали слишком большую территорию и не могли долго находиться в разных значимых для них регионах одновременно, другие пребывали за рубежом и оттуда осуществляли руководство, третьи (но их в девяностых годах становилось все меньше) отбывали лишение свободы.

Наиболее яркой иллюстрацией изложенного могут служить материалы СМИ и «мемуары» деятелей криминальной среды. В «Интернете» Владимир Податев (криминальное прозвище «Пудель») поместил главы своей книги, в которой так описывает некоторые этапы своего жизненного пути: «Родился на востоке России в городе Хабаровске в 1951 году. Жизнь прожил не простую, но интересную. Воспитывался на улице. В 20 лет имел три судимости по уголовным статьям, к 35 годам отсидел 18 лет в лагерях и тюрьмах. На свободу вышел в 1986 году. Через несколько месяцев стал одним из самых влиятельных криминальных авторитетов в Хабаровском крае, а затем и на всем Дальнем Востоке. Когда начались перестроечные времена, я легко во все это вписался и к 1993 году стал одним из наиболее богатых и влиятельных людей в регионе. Занимался общественной и благотворительной деятельностью, а

также пресекал уличный беспредел... С одной стороны на меня нападали коррумпированные власти, с другой – криминальные авторитеты. Первые хотели упрятать в тюрьму, вторые – расправиться физически. В результате, с апреля по декабрь 1994 г., мне пришлось большую часть времени провести за пределами Хабаровска, преимущественно в Москве. Но, как говорится, нет худа без добра. Оказавшись в Москве, я окунулся в общественно-политическую жизнь страны и менее чем за год, несмотря на помехи, совершил невероятный взлет. В начале 1994 г. меня все считали криминальным авторитетом, а к началу 1995 г. я стал президентом Международного правозащитного движения «Единство», членом комиссии по правам человека общественной палаты при президенте России, заместителем Верховного атамана казачьих войск России и Зарубежья и членом президиума ЦК свободных профсоюзов России»[1].

А вот что писали о Податеве криминологи: «К концу 80-х годов «положенцем» по Хабаровску является В. Податев (кличка «Пудель»). Ранее трижды судим. Создал фирму-ассоциацию «Свобода», которая занималась «охранными и детективными услугами», а также игорным бизнесом. В 1993 году зарегистрировал краевую общественную организацию «Единство». Непостижимым образом стал даже членом комиссии по правам человека Общественной палаты при Президенте РФ (!). В последнем качестве был в Женеве, США. При выезде из США общался с известным российским «вором в законе» Вячеславом Иваньковым. В 1994 году у Податева возник конфликт с краевыми «ворами в законе» и его решили лишить воровских полномочий. В связи с этим событием Хабаровское телевидение даже прерывало местные передачи. И только для того, чтобы сообщить, что жизни Податева угрожает опасность»[2]. Податева видели и в передачах Центрального телевидения, интервью с ним опубликовала в 1995 году самая многотиражная еженедельная газета России «Аргументы и факты». Из интервью видно, что Податев и его окружение не собираются равнодушно относиться к выборам в высший представительный орган власти.

Длительное время контролировал ситуацию на Дальнем Востоке «вор в законе» Джем, о котором газета «Комсомольская правда» 25 октября 2001 г. писала в статье «В Хабаровске умер «смотрящий» за Дальним Востоком»: «23 октября в хабаровском СИЗО умер Евгений Васин, «вор в законе», больше известный как Джем....даже дети

---

[1] Автор предлагал искать информацию о его книге в Интернете по адресам: http://www.beltelecom.by/~edinstvo/; http://www.50megs.com/podatev/ и др.

[2] *Корчагин А.Г., Номоконов В.А., Шульга В.И.* Организованная преступность и борьба с ней. Владивосток, 1998. С.81

на Дальнем Востоке знали, что Джем — лидер преступного сообщества, и это целый мир, который давно и благополучно развивается и смешивается с нормальной жизнью». По оценке оперативников, как писала данная газета, сумма «общака», который держал Джем, колебалась от 3 до 6 млн. долларов. Икра от Джема заполонила оптовые рынки, а сам Джем давал огромные интервью в центральных газетах.

Трудности разграничения организованных преступных формирований, выступающих в качестве крупных «криминальных концернов», «криминальных ассоциаций», и криминальных сообществ как управляющих надорганизаций (криминальных сообществ в собственно криминологическом смысле) заключается в том, что одни и те же лица, как правило, являются руководителями первых и одновременно входят в число участников криминальных надорганизационных сообществ. По отношению к членам криминальных ассоциаций, криминальных корпораций они являются иерархами, которым безусловно подчиняются все члены. По отношению к участникам преступных сообществ как координирующих преступных надорганизаций они — равноправные с другими субъекты, «по-братски» решающие проблемы. В этом заключается одна из основных сложностей разграничения форм организованной деятельности лидеров криминального мира. Современный Уголовный кодекс России фактически, как уже отмечалось, не дает возможность увидеть в уголовных делах эту широкую надорганизационную, координирующую и управляющую деятельность иерархов криминального мира в силу того, что она не криминализирована.

Изучение уголовных дел показывает, что, как правило, в конце девяностых годов, «воров в законе» осуждали за хранение незначительной части наркотиков (находили в их одежде) либо даже оправдывали как не совершавших преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, то есть за организацию и руководство преступным сообществом. Однако материалы уголовных дел, личных дел осужденных изобиловали данными о широкой криминальной организаторской деятельности таких лиц на свободе и в исправительных учреждениях. И дело даже не в том, что «рассыпалась» доказательственная база, свидетели изменяли показания, некоторых потерпевших ко времени рассмотрения дела в суде не удавалось отыскать. Указанную широкую организаторскую деятельность пытались «втиснуть» в рамки диспозиций статей, в том числе ст. 210 УК РФ, относящихся к совершению либо к приготовлению совершения конкретных тяжких и особо тяжких преступлений. Например, делались попытки квалифицировать как вымогательство разрешение крими-

нальными лидерами гражданско-правовых споров с «отстегиванием» им до 50 % от суммы «иска». Так, в уголовном деле по обвинению Л., оправданного по ст. 210 УК РФ, так описывалась его криминальная деятельность в Постановлении об избрании в качестве меры пресечения содержания под стражей: « Л, ранее неоднократно судимый, являясь организатором преступной группы...в целях совершения тяжких и особо тяжких преступлений на территории ... области, на основе общих преступных замыслов, вошел в созданное А. объединение организаторов, руководителей и иных представителей организованных преступных групп...».

Интервью с семнадцатью «ворами в законе» и «авторитетами» показали, что они считают себя лидерами не просто членов конкретных криминальных формирований или криминальной среды мест лишения свободы, но широкой криминальной среды.

Одновременное выполнение функций лидеров организованных крупных преступных формирований, непосредственно осуществляющих преступную деятельность, и координационных функций в преступном сообществе может не вполне учитываться теми зарубежными специалистами, которые делают категорические выводы об отсутствии общенациональных организованных преступных формирований, деятельность которых распространялась бы на всю территорию США, Южной Кореи либо иного государства. Если обратиться к обоснованию данного вывода, то можно увидеть, что фактически речь идет об отсутствии единой преступной корпорации, которая бы непосредственно осуществляла на территории всей страны преступную деятельность. Но возникает вопрос, что исследователям известно о координации усилий, взаимодействии лидеров различных преступных формирований, формах такого взаимодействия и системе обеспечения его постоянного и эффективного характера?

В Южной Корее во второй половине девяностых годов XX века, по оценке полиции, имелось примерно 310 преступных организаций с общим числом участников ~8300. Но считалось, что отсутствует организация, распространяющая свою деятельность на всю страну, хотя в восьмидесятых годах выделились три банды, действующие в масштабах страны[1]. Сомнительно, чтобы лидеры этих трех банд в той или иной форме не взаимодействовали между собой и с лидерами других крупных криминальных формирований. Во всяком случае выдвинутый тезис аргументирован лишь отчасти.

---

[1] Организованная преступность-4. М., 1998. С. 203-204.

По мнению Ко-Лин Чина, ведущего академического эксперта США по китайской организованной преступности, его исследования «показали отсутствие данных, указывающих на наличие связей между различными преступными группировками или на практику взаимодействия между ними для совершения международных преступлений, таких как перевозка героина, отмывание денег или нелегальный вывоз/ввоз мигрантов». Здесь также речь идет о взаимодействии в деле совершения конкретных преступлений, конкретной организованной преступной деятельности, а не об управляющем общем взаимодействии с объединением усилий в противостоянии государственно-правовой системе.

Между тем, противостояние государственно-правовой системе оказывается эффективным именно при объединении усилий представителей разных преступных организаций и других криминальных формирований. Это служит, по крайней мере в России основой функционирования уже преступного сообщества как формирования, координирующего и упорядочивающего организованную преступную деятельность многих иных криминальных формирований и профессиональных преступников. Именно преступное сообщество имеет «общаковые» средства, его лидеры вершат третейский суд, корректируют и поддерживают нормы «криминального общежития», карают отступников от этих норм, делят сферы влияния, определяют общую политику поведения в отношении государственно-правовой системы, легального обеспечения специфических экономических и других интересов.

Указанный феномен лидерства одних и тех же лиц в сверхкрупной криминальной корпорации и одновременного лидерства в координации организационных усилий более общего плана, нежели конкретная преступная деятельность, приводит к ошибочным выводам противоположного изложенным выше выводам характера.(В частности, о глобальной единой организованной преступной деятельности в международном масштабе единой «российской мафии»). Такого рода утверждение просматривается в ряде докладов США о российской организованной преступности и публикациях зарубежных экспертов по организованной преступности.

То, что преступные организации в конце XX века объединяли корпоративные и преступные интересы и во многих случаях развиваются в сложные транснациональные предприятия, извлекающие огромные доходы, еще не означает тенденции или факта образования на базе *общей преступной деятельности* единого транснацио-

нального преступного формирования, пусть только выходцев из какой-то одной страны[1].

В этом аспекте важно очень точно понимать, что имеется в виду под термином «транснациональная организованная преступность». Кроме того, следует учитывать то обстоятельство, что всякое объединение преступников как носителей психологии и идеологии крайнего эгоизма, носит ограниченный характер, отмеченный диалектическим феноменом одновременного единения и конфронтации. В результате периоды «мирного сотрудничества» криминальных лидеров чередуется с периодами жестоких войн с использования любых средств без всякого ограничения. Например, наивно себе представлять мировую торговлю наркотиками или незаконный оборот оружия как полностью монополизированную и бесконкурентную, бесконфликтную сферу криминальной преступной деятельности.

Как уже отмечалось, одним из наиболее известных преступных сообществ в России является сообщество «воров в законе», хотя активно функционируют и этнические, и иные сообщества. Выделялись сообщества «афганцев»—бывших участников афганской войны, «спортсменов» — лиц, ранее профессионально занимавшихся спортом и затребованных организованными преступниками сначала как «бойцов», телохранителей, а затем обозначивших себя как самостоятельная криминальная сила[2].

В.С. Овчинский «воров в законе» обозначает именно как «координаторов», обеспечивающих «стабильность» системы организованной преступности путем взаимодействия разных ее подструктур[3].

«Вор в законе» — термин, ныне обозначающий лидера организованной преступной среды. Данный «титул» получает активный криминальный деятель, доказавший свою верность преступным идеям, связям, соучастникам, выполняющий широкие организаторские функции в преступной среде. Такой человек может быть судим не только за кражи либо иные преступления против собственности, но и за насильственные, иные уголовно-наказуемые деяния. В конце

---

[1] Отсутствие единой, а тем более единой российской, организованной преступности в США, убедительно показано в работе *Сухаренко А.Н.* «Российская» организованная преступность в США. М., 2002.

[2] В криминальной хронике, публикуемой в системе Интернет, можно было прочитать, что, например, Екатеринбург «поделен четырьмя основными группировками («Синие», «Афганцы», «Уралмаш» и «Центр»). Причем в последнее время свои позиции укрепил «Уралмаш», а «Афганцы» и «Центровые» несколько сдали. Но без боя свои позиции они не отдадут».

[3] *Овчинский В. С.* Криминальные, уголовно-правовые и организационные основы борьбы с организованной преступностью в Российской Федерации. Автореферат дис. докт. юрид. наук. М., 1994.

XX века все чаще встречались «воры в законе», не судимые, получившие этот титул в результате родственных связей с «ворами в законе», «купившие» титул. Это характерно для выходцев с Кавказа. В данном случае «вор» не означает буквально человека, совершающего кражи. Указанный термин используется «по традиции». «Вор в законе» занимается широкой организационной криминальной деятельностью. Как правило, вор в законе — это высокопрофессиональный преступник, умело конспирирующий свою деятельность. Криминальный профессионализм таких лиц проявляется не только в умении профессионально вскрывать сейфы, но также в организации преступной деятельности значительного круга лиц и в широких масштабах. Характеристики воров в законе меняются в разных социальных условиях, как изменяются и те правила, по которым они живут. Неизменным остается одно: это — активные субъекты, лично занимающиеся криминальной деятельностью в виде промысла и осуществляющие широкие организационные функции.

В.И. Монахов, изучавший «воров в законе» в пятидесятых годах, писал: «Многолетний опыт борьбы с ворами-законниками и их группировками в исправительно-трудовых учреждениях свидетельствует о том, что для этой категории преступников характерны, во-первых, устойчивый, так сказать, принципиальный паразитизм, и, во-вторых, организованность». Тогда «ворами в законе» считались рецидивисты, принятые в группировку воров, проверенные ворами на ряде преступных дел и давшие обязательство выполнять «воровские законы», вести паразитический образ жизни. Профессиональная и организованная преступность были локализованы, отмечались успехи в борьбе с ними[1].

Позднее воровские законы менялись, да и ведение откровенно паразитического образа жизни было осложнено, произошли изменения в требованиях к «ворам в законе». В девяностых годах один из их исследователей В.С. Разинкин определял «вора в законе» уже не просто как профессионального преступника и признанного лидера уголовного мира, активного идеолога криминального образа жизни и морали, но и субъекта, имеющего опыт противостояния государственным структурам. Такое определение было дано в период активного наступления организованной преступности на общество, консолидации различных преступников, использования ими институтов государства и гражданского общества[2].

---

[1] *Монахов В.И.* Группировки воров - рецидивистов и некоторые вопросы борьбы с ними. М., 1957.

[2] *Разинкин В.С.* Воры в законе и преступные кланы.М., 1995. См. также: *Разинкин В., Тарабрин А.* Элита преступного мира. Цветная масть. М., 1997. *Подлесских Георгий, Терешонок Андрей*

Преступное сообщество «воры в законе» когда-то складывалось как объединение профессиональных преступников, позднее переросло в объединение лидеров уголовной среды и вовсе не обязательно воров. В настоящее время в нем состоят также экономические и иные преступники. И все-таки основой данного сообщества, его костяком длительное время являлись выходцы именно из общеуголовной среды, многие из которых значительную часть своей жизни провели в местах лишения свободы. В то же время период реформ отмечен выдвижением иных «воров в законе», не обладающих указанными характеристиками, но являющихся криминальными предпринимателями и связанными с владельцами значительных криминальных состояний и связей.

«Воры в законе», пожалуй, никогда не были единой консолидированной группой. Между разными их группами сохранялись различия и в разные периоды выделялись «законники», «черные» и «красные»[1], «славяне» и «кавказцы» или «бубновые» и «пиковые». Все происходит по общим правилам борьбы за власть, ибо везде около кормила власти, пусть даже криминальной, образуются разные стремящиеся к ней кланы.

В России в настоящее время существует не одно преступное сообщество. Они враждуют между собой с применением самых радикальных средств (поджоги, убийства, публичное выяснение отношений с оружием и т.д.), либо заключают перемирие. Например, криминологи Дальнего Востока отмечают, что там действуют преступные организации и сообщества, объединенные по национальному признаку; среди них выделяются чеченское, азербайджанское, ингушское и грузинское. Активно себя проявляют организованные преступные формирования из Северной Кореи и Китая[2].

Преступные сообщества могут преобразовываться в преступные организации или приобретать лишь их отдельные черты. В рамках преступного сообщества создаются даже организованные группы, организующие и совершающие умышленные убийства, другие пре-

---

«Воры в законе: бросок к власти». М., 1994; *Терешонок А. Я.* «Воры в законе -2». М., 2001. *Корчагин А.Г., Номоконов В.А., Шульга В.И.* Указ. соч.; *Дикселиус М., Константинов А.* Преступный мир России. СПб 1995; *Константинов А.*, Бандитский Петербург. СПб, 1995; *Тэсс Л.В.* Воры в законе и прочие ... Рига, 1993 и др. соч.

[1] Отмечается, что «черные следуют жестким законам воров, а красные — более мягким правилам отколовшихся» (*Дикселиус Малькольм, Константинов Андрей.* Преступный мир России, Санкт-Петербург, 1995. С. 79).

[2] *Шульга В.И.* «Региональные особенности организованной преступности Дальнего Востока» // «Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон». М., 2001 г. *Маслов Г. Ф.* Особенности организованной преступности и противодействие ей в условиях Дальневосточного региона: Автореф. дисс. канд. юрид. наук. Хабаровск, 1997.

ступления. Так, несколько воров в законе могут «приговорить» своего «собрата», и следствием этого служит «заказное» убийство — убийство не по найму, а по приказу. Но все-таки, криминальные организационные формы первого и второго типа следует различать.

В России периода реформ при всем многообразии преступных сообществ (этнических, «воров в законе», «спортсменов», «афганцев» и т.п.) и преступных организаций все-таки координирующей и управляющей «надорганизацией» служило сообщество «воров в законе». Причем в этом случае состав «воров в законе» оказался значительно шире того, о котором писали авторы, анализируя традиционное воровское сообщество и характеристики «воров в законе» как лидеров уголовной среды. Практически исследователи встретились с прежней терминологией, но с разным составом и полномочиями «воров в законе» как руководителей надкриминальной организации, структурирующей весь преступный мир.

В преступном сообществе как криминальной «надорганизации» сотрудничают уже не преступные организации и преступные группы в целом, как ее подструктуры, а представители этих формирований или даже самостоятельно «работающие» профессиональные преступники.

Преступное сообщество в строго криминологическом смысле — это не вышестоящая инстанция по отношению к другим преступным формированиям, а некий постоянно функционирующий координационный орган, имеющий и черты «криминального профсоюза» для преступников-профессионалов, и черты партии, поскольку оно обеспечивает проведение своей политики через государственные органы и иные политические институты (партии, движения, выборы), влияя тем самым на политические процессы в стране.

Длительное время обоснованно утверждалось, что все-таки основа, костяк сообщества «воров в законе» составляли выходцы именно из общеуголовной среды, многие из которых значительную часть своей жизни провели в местах лишения свободы. Изучение материалов уголовных дел в отношении таких лиц, документов об их пребывании в местах лишения свободы, интервью с ними показывали, что такого рода «воры в законе» высоко ценили отказ от сотрудничества с администрацией уголовно-исправительной системы и иных правоохранительных органов, преданность и верность нормам и обычаям преступной среды. Считалось, и до сих пор среди так называемой «славянской» ветви «воров в законе» встречаются утверждения, что вор не должен использовать добытое преступным путем для предпринимательства, обогащения. Один из таких пред-

ставителей в обоснование данной позиции приводил следующий аргумент: «что пропало, то пропало».

В процессе исследований на рубеже семидесятых— восьмидесятых годов был отмечен ряд процессов, получивших свое развитие в период перестройки и реформ. Во-первых, в связи с усилением борьбы с экономической преступностью, «громкими» для начала восьмидесятых годов уголовными делами об экономических и коррупционных преступлениях в Узбекистане, Азербайджане, Красноярском крае, Ростовской области, Москве, Киеве, совершавшихся в сферах торговли, заготовок и переработки хлопка, добычи и оборота рыбы, других сферах, в местах лишения свободы резко возросло число «беловоротничковых преступников». Эти субъекты, многие из которых сохраняли прежние связи с лицами, облеченными разными полномочиями, пользовались в местах лишения свободы поддержкой представителей администрации колоний. Лидеры уголовного мира данное обстоятельство наблюдали и учитывали. Сложился своеобразный симбиоз «дельцов» и «уголовников», по выражению одного из «воров в законе»: «дельцы» могли «замолвить словечко за вора», а «воры» обеспечивали неприкосновенность дельцов в зоне, сдерживали посягательства на них «уголовников». На вопрос, кто же «правил бал» среди осужденных: «дельцы» или «уголовники», лидеры уголовной среды нередко уклончиво отвечали: «вор» ведь не может устроить в институт дочь или сына начальника колонии, а московскому дельцу, даже отбывающему наказание, удается это сделать.

К этому времени многие «воры в законе» не так легкомысленно, как прежде, относились к добытому преступным путем. В процессе интервью можно было слышать, что раньше бездумно все проматывалось и «прогуливалось», но к концу восьмидесятых годов уже каждый профессиональный вор понимал, что сначала надо обеспечить определенный «капитал», так как в местах лишения свободы без него не обойтись. Сказывались процессы нарастающей коррупции в правоохранительных органах, в то время — преимущественно в уголовно-исполнительной системе. И хотя «воры в законе» имели непосредственный доступ к «общаку», а предназначением последнего было использование общих средств преступного сообщества на оказание материальной поддержки осужденным, в том числе подкуп сотрудников правоохранительных органов, и развитие «воровского» движения, все-таки лидерами уголовной среды уже ощущалась острая необходимость и в личных материальных средствах. Каждый из них был далеко не бедным человеком, умело хранил свои сбережения.

Симбиоз лидеров уголовной среды и беловоротничковых преступников в условиях мест лишения свободы породил новую криминальную ситуацию и вне этих мест. Первые стали вкладывать средства в теневую экономическую деятельность, незаконное предпринимательство, вторые использовали «уголовников» для имитации разбойных нападений на места хранения материальных ценностей, подделки документов, запугивания свидетелей и совершения многих других криминальных деяний, важных для обеспечения широкомасштабности и безнаказанности экономической преступной деятельности.

Период перестройки и реформ обнажил противоречия между «ворами в законе», придерживавшимися старых «воровских» устоев, с одной стороны, и, с другой, — исповедывавшими новую психологию предпринимательства, обеспечения сверхдоходов любым путем.

Разграничение воров в законе на «славянских» и «кавказских» базировалось отнюдь не на этнических признаках и месте проживания. Среди «славянских» можно было встретить и грузин, и армян, и представителей других народов и национальностей, среди «кавказских» оказывалось немало «воров в законе», по национальности русских, украинцев и иных.

Почему же эти две группировки «воров с законе» носят указанные названия этнического характера? Данный вопрос криминологи выясняли в беседах с самими «ворами в законе», сотрудниками правоохранительных органов. Ответы получали самые противоречивые. Один из таких ответов заключался в следующем: еще в период существования Советского Союза образовались два «общака», один из которых был на территории России, другой — Кавказа. Стоял вопрос об объединении таких общаков, но перестройка, реформы привели к новым процессам дифференциации «воров в законе». Впрочем, так ли это на самом деле, трудно утверждать. Возможно, это — одна из криминальных «легенд».

Существует и другое объяснение: фактически разграничиваются: а) так называемые «традиционалисты»— выходцы из числа профессиональных общеуголовных преступников, придерживающиеся старых взглядов и норм, сформировавшиеся как криминальные лидеры в условиях мест лишения свободы; б) «новый криминалитет», ориентированный на новые формы преступной деятельности в условиях рыночных отношений, «свободного» предпринимательства и на придание «законного» характера фактически общественно опасной деятельности, а также на опору на легальные институты общества и государства. Во главе данной новой подструктуры организованной

преступности стояли те, которые не имели большой и сложной криминальной биографии «славянских» воров в законе. Многие были вообще не судимы и не находились в местах лишения свободы. Такие лидеры могли бы назвать себя и иначе, но титул «вора в законе» (который нередко покупался или даже передавался в результате родственных связей, другими путями) был важен хотя бы для того, чтобы сразу определить свое место как высших иерархов криминального мира, в том числе чтимых в местах лишения свободы именно как «воров в законе». Там до сих пор никаких других иерархов, под иными именами, не чтят выше, чем указанных.

Иногда ссылаются на то, что свою лепту в дифференциацию криминальной среды внесли сотрудники уголовно-исполнительной системы, искусственно усиливавшие противоречия, чтобы действовать по принципу «разделяй и властвуй». Наверное, надо учитывать эти и другие обстоятельства.

Принадлежность конкретных осужденных к числу «воров в законе» и определенной их ветви определяется довольно легко при анализе материалов личных дел осужденных. Во-первых, «вор в законе» практически немедленно обозначает себя как таковой в общении с представителями администрации колонии. При этом ложное сообщение ему дорого обойдется, потому что осужденные не простят самозванства и жестоко расправятся, а утаивание своего «титула» невыгодно, да и нереально: о движении арестованного и осужденного «вора в законе» знают все лидеры уголовной среды и оперативный состав.

В изученных личных делах осужденных «славянских воров в законе» содержалась информация об очень раннем становлении их на преступный путь и нахождении в местах лишения свободы в течение очень продолжительного времени, соответственно — многократности осуждений, системе многочисленных нарушений в условиях пенитенциарных учреждений, недозволенных межкамерных и иных контактах и т.п. Если лицо не признано «вором в законе», но за короткий период у него зафиксировано несколько десятков нарушений режима, межкамерная и иная запрещенная связь, некоторая организационная деятельность в среде осужденных, — это может указывать на то, что он делает криминальную «карьеру», «набирает очки», чтобы пробиться в число «авторитетов», «положенцев» («смотрящих») или быть «коронованным» в качестве «вора в законе».

Многие «славянские воры в законе», с которыми проводилось интервью, гордились тем, что они всегда были верны воровским традициям, не шли на компромиссы с администрацией, в конфлик-

тах с ней и «принципиальном» отстаивании своих позиций в криминальной среде получали травмы, переносили все тяготы мест лишения свободы, болели туберкулезом и т.п. Не приходилось встречаться с тем, что у «славянских» воров в законе отбирались списки тех, кого они причисляли к своей среде; свою деятельность они стараются осуществлять в максимально законспирированном режиме. Правда, материальная база «славянских воров законе» на рубеже веков оценивалась как гораздо более «скромная», чем «кавказских воров в законе».

Что же касается «кавказских» воров в законе, то в одной из тюрем был изъят у одного из лидеров покамерный список всех содержавшихся в тюрьме их сторонников с указанием одновременно и фамилии, и прозвища каждого. Эта группа воров имеет в своих рядах немало тех, которые вообще ранее были не судимы, не владеют традиционными «воровскими» специальностями и навыками, но имеют связи в криминальных предпринимательских кругах, опыт преимущественно экономической преступной деятельностью либо в рамках криминального рынка. «Общаковые» материальные средства «кавказских» воров в законе весьма солидны, немалая часть из них идет на «помощь» местам лишения свободы. «Кавказские» воры в законе охотно взаимодействуют с администрацией, разумеется, используя каждый удобный случай для реализации своих специфических интересов. Это крыло «воров в законе» выглядит более «привлекательным» по сравнению со «славянским» для многих молодых осужденных, ориентированных на получение солидной материальной поддержки, убежденных в недопустимости ограничиваться в средствах обеспечения высоких криминальных доходов и полностью разделяющих идеи криминального предпринимательства. Традиционный общеуголовный «профессиональный» фанатизм части «славянских» воров в законе воспринимается такими осужденными как признак отсталого и непрактичного мышления. Да и лично они лучше подпитываются материально от лидеров «кавказских воров в законе». Разумеется, в случае, если верно им служат.

Похожий, но не полностью идентичный, раскол уголовной среды. наблюдался в России в условиях НЭПа

Организованные преступные формирования постоянно находятся в развитии, изменяются их количественные и качественные характеристики. Это происходит и под влиянием изменений широкой социальной среды, и во взаимодействии с нею под воздействием диалектики самой преступной деятельности, складывающихся отношений лидеров криминальной среды. Очень трудно уверенно го-

ворить об их общем числе, даже о том, «развенчан» «вор в законе» либо остается таковым в глазах преступного мира.

Для преступных сообществ характерно активное стремление «приспособить» и преобразовать общественные условия в своих интересах. Надо признать, что при просчетах государства и общества, им удается опережать события, влиять на важные для нее экономические, политические, социальные и иные решения, в том числе законодательного плана, опираться на значительную часть населения при достижении своих целей.

* * *

Итак, организованная преступность – это крайне сложное, многообразно себя проявляющее явление. Но в ней есть составляющая, которая присуща только ей: наличие такой системы организованных преступных формирований, их отношений и деятельности, которые рассчитаны на высокоэффективную и масштабную преступную деятельность, а также целенаправленное создание благоприятных для нее условий. Указанная система функционирует успешно при ее надлежащем криминальном экономическом, социальном, идеологическом и политическом обеспечении.

Если мировое сообщество будет последовательным в реализации провозглашаемой им необходимости эффективного противостояния организованной преступности, то ему неизбежно придется вернуться к ее операциональному определению, а также выработке тех криминологически (а не преимущественно политически) обусловленных принципиальных позиций, которые бы последовательно проводились в международно-правовых документах о борьбе с организованной преступностью, с преступлениями против мира и безопасности человечества, с терроризмом, коррупцией и т п. Разумеется, подход будет плодотворным только в том случае, если в рекомендациях приоритет будет отдаваться предупредительным мерам: разработке эффективных механизмов контроля населения за деятельностью разных ветвей власти; обеспечению свободно выражать свою позицию политическим оппонентам на политической трибуне; недопущению создания каких бы то ни было организаций, обеспечивающих любые криминальные связи, в том числе под видом «фондов», «клубов» и т.д., а также под флагами национального, сексуального, псевдорелигиозного и любого другого единства.

Глава 12. Криминальное общество

§ 1. «Криминальное общество» и его структуризация организованной преступностью

Когда речь идет об организованной преступности как сложной системе организованных преступных формирований, их отношений и деятельности, необходимо учитывать, что такого рода система — качественно новое явление по сравнению и с преступным сообществом, и с очень крупной преступной организацией.

Высокая общественная опасность данной системы заключается, прежде всего, в том, что она:

вовлекает значительную часть населения в организованную преступную деятельность и обслуживающую ее[1];

обеспечивает специфическое структурирование общества с выделением такой его подструктуры, как «криминальное общество», которое оказывает влияние на широкие общественные отношения (в разные периоды с разной степенью интенсивности и эффекта);

структурирует криминальное общество, определяет экономическую, социальную, властно-политическую и духовную его основы.

Организованная преступность создает свои системы управления, безопасности, формирования молодого поколения, суды, осуществляет свою внутреннюю и внешнюю политику.

Криминальное общество является органической частью «большого» общества, общества в целом, и постоянно взаимодействует с так называемым «легалистским» обществом, члены которого ориентированы на Конституцию, право, закон, конституционные органы власти, законную систему управления.

«Легалистское» общество располагает «государственной машиной», в нем функционируют на основе закона официальные институты гражданского общества.

Под «криминальным обществом» понимают ту подструктуру «большого общества», которая существует наряду и во взаимодействии с так называемым «легалистским» или официаль-

---

[1] В Москве, по оперативным данным, под эгидой организованных преступных сообществ регулярно занимаются профессиональным попрошайничеством более 100 тыс. человек, многие из них — несовершеннолетние беспризорные. За 2000-2001 гг. число беспризорных детей в Москве, по данным ВНИИ МВД России, выросло до 33 тыс. человек, подавляющее большинство из них бродяжничает, занимается попрошайничеством, «работает» на организованные преступные группы (Комсомольская правда. 2002.11 апр.). Контролируют в Москве этот вид криминального бизнеса, нравственно развращающего несовершеннолетних, крупные преступные сообщества. На каждое из них работают десятки тысяч человек, в том числе несовершеннолетние, всецело принадлежащие своим хозяевам.

ным обществом, однако формируется и функционирует на основе тех противоречащих Конституции, закону отношений, норм, систем социального контроля, которые создаются лидерами организованной преступности в процессе развития организованной криминальной деятельности и широкого социального обеспечения криминальных интересов.

Когда речь идет о характеристике членов «легалистского» общества, важно подчеркивать слово «*ориентированы*» на закон, так как речь идет лишь об определенной системе ценностно-нормативных ориентаций и правовой установке человека. Реальное поведение таких людей под давлением внешних для них обстоятельств способно отличаться от сформированной позитивной установки.

Влияние социума на поведение людей осуществляется либо путем подчинения внешним обстоятельствам своего поведения вопреки имеющимся личностным характеристикам (совершение ситуативных и случайных преступлений), либо изменения их потребностно-мотивационной и ценностно-нормативной системы. В последнем случае как раз совершаются предумышленные и организованные преступления. Это объясняет, почему легалистское общество при определенных условиях поставляет криминальному обществу его членов, и почему последнему удается в критические для цивилизации периоды криминализировать широкие общественные отношения.

В зарубежной специальной литературе употребляется понятие «преступное общество» для обозначения глубокой *криминогенности* того или иного общества, обусловленной его социальной сущностью, а не отдельными социальными пороками или социальными просчетами в управлении делами общества[1]. Преступность в преступном обществе связывается с самой сутью господствующих там отношений, а борьба — с радикальным социальным переустройством общества. На этом, в частности, основана радикальная или критическая криминология.

Однако *в данном случае речь идет не о криминальности всех существующих общественных отношений, а лишь о таком уровне криминогенности общества в определенные периоды его существования, когда в социуме бывает отчетливо сформирована и развивается устойчивая криминальная его подструктура.*

Начальник Палермской полиции Чезаре Мори писал: «Мафия, по-моему, это определенные взгляды и действия, притом такие, что в духовном и материальном отношении создают решительное и не-

---

[1] *Шур Эдвин М.* Наше преступное общество. М., 1977.

здоровое согласие между людьми особого поведения, а затем изолируют их от окружения и формируют касту. Так образуется потенциальное государство в государстве, воплощающееся в местных олигархиях, которые тесно взаимосвязаны друг с другом, оставаясь при этом автономными в своей области»[1].

Характерно, что и лидеры преступной среды свой «мир» называют «государством». Сотрудниками уголовно-исполнительной системы регулярно изымаются разного рода письма, записки, документы, пересылаемые осужденными нелегально.

В переписке осужденных велико значение так называемых «воровских прогонов», содержащих инструкции по поведению осужденных. Они передаются в том числе и таким образом, что переписываются «на транзите», но при этом переписывающий указывает себя, когда и где именно он переписал документ и отмечает, что «переписал дословно». Налицо своеобразный письменный источник, содержащий нормативно-правовые предписания для членов криминального общества.

Приведем выдержки из одного из таких документов с полным сохранением орфографии:

«Воровской прогон!

Приветствую Всех порядочных Арестантов! Мужиков, и всю молодеж кто в первые попал в неволю, всех тех, кто в нашей жизни живет воповским, свято блюдя традиции и придерживаются всех основ Воровского, от имени всей Воровской семьи обращаюсь ко всем Вам Бродяги с настоящими воровскими прогонами. Все изложенное касается уклада Арестантской жизни в неволе, в целом Бродяг.

Преступный мир есть собственное государство, в котором такое как честь, совесть, порядочность являются самым главным законом жизни людей в нем».

Далее сообщается, что ранее пущенными воровскими прогонами осужденные уже ставились в известность о том, кто является лидерами и кого следует признавать, кто — самозванцы, кто нарушил воровские законы и т. п. Под текстом «прогона» ставится подпись, прозвище, указывается, кто именно переписал данный экземпляр, где, когда.

Криминальное общество в указанном здесь понимании нельзя отождествлять понятием «криминальное государство». Вообще нельзя вообще ставить знак равенства между понятиями «общество» и «государство», а под «криминальным обществом» имеется в виду лишь одна из подструктур общества вообще.

---

[1]См.: *Геллерт Габор.* Мафия. М., 1983. С. 10, 182.

Однако, как уже отмечалось, в криминальном обществе выделяются экономическая, социальная, политическая и духовная сферы жизнедеятельности.

Общеизвестен термин «общак». «Общаковые средства» — своеобразный бюджет, в который систематически делают взносы организованные преступные формирования и их участники. Он пополняется и за счет других источников. Существуют правила расходования таких средств, выделяются статьи расхода. За пополнением и рациональным использованием «общака» установлен жесткий контроль. Виновные в нарушении установленного порядка неотвратимо и жестоко наказываются. Отмечается тенденция легализации части «общаковых средств» путем создания, например, разного рода «фондов», призванных оказывать помощь осужденным.

Криминальное общество имеет свою социальную структуру, верхние этажи которой занимают, как показано на в главе 11, «воры в законе», разного рода «криминальные авторитеты». Криминальная карьера связана с большими жертвами и усилиями. Лица, занимающие высшие этажи в социальной иерархии криминального общества, дорожат этим, понимая, что при отказе от преступной деятельности и своих позиций в криминальной среде они в легалистском обществе окажутся на нижних этажах его социальной иерархии. Это — один из сильных мотивов приверженности криминальному миру и активного противостояния государственно-правовой системе.

Криминальное общество имеет свою политическую систему: властные структуры, принимающие и одобряющие определенные нормы поведения в криминальной среде, устанавливающие санкции за их нарушение, обеспечивающие применение указанных санкций. Есть «третейские суды», рассматривающие разного рода дела. Периоды эскалации и наступления криминального общества на легалистское характеризуются особенно активным использованием политической системы легалистского общества, лоббированием криминального интереса в органах государственной власти.

Большое значение придается поддержанию, распространению и развитию криминальной идеологии и психологии, в том числе через институты легалистского общества, средства массовой информации[1].

В криминальном обществе есть криминальная «политическая власть» и есть криминальная оппозиция ей. Там идет жестокая

---

[1] См.: *Юцкова Е.М.* Средства массовой информации в России глазами криминолога. М., 2000.

борьба за власть, кого-то из «воров в законе» «развенчивают», кого-то признают и т.п.

«Прогоны» информируют о положении дел, обо всех значимых для криминального мира событиях. Причем слово «воровское» здесь нельзя понимать в прямом значении, это точнее означает «криминальное», особое антиобщественное явление: интересы, нормы поведения, ценности, власть и т.п.

«Криминальное общество» — особый, криминальный мир, и немалая часть представителей этого мира бывает социализирована именно в рамках его норм, традиций, ценностей, стереотипов поведения, находится в системе специфических социальных связей внутри указанного мира, а также данного и внешнего для него мира.

Криминальное общество, будучи, по сути, альтернативным официально признаваемому, базирующемуся на системе одобряемых государством, официальными институтами гражданского общества, религией системе отношений и ценностей, фактически является одной из подструктур человеческого общества вообще и находится в постоянном взаимодействии с легалистским или «официальным» обществом (рис. 1).

Рис. 6

Криминологическая структура общества

Две выделенные подструктуры окружены и подпитываются либо, наоборот, подтачиваются маргинальной средой. Речь идет о лицах с маргинальными установками и маргинальным поведением. Они, в зависимости от ситуации, включаются либо в легалистское, либо в криминальное общество в зависимости от того, какое из них «одерживает победу» в противостоянии, принадлежность к какому (в конкретный период) оказывается наиболее выгодной. Исследова-

тели отмечали, например, резкое снижение дезертирства во время войны из армии, которая начинала одерживать победы и переходила в победное наступление.

Важно понимать, что между легалистским, криминальным обществом, маргинальной средой нет какой-то «нейтральной полосы»: они взаимно переплетаются, взаимодействуют друг с другом, характеризуются «перетеканием» их членов из одной подструктуры в другую и обратно.

Часть криминального общества функционирует в легальном режиме, в рамках официального общества, часть в теневом и латентном режиме, оставаясь как бы «невидимой» для органов правопорядка. Известно, например, что в процессе отмывания и приумножения криминальных доходов создаются в установленном законом порядке юридические лица, что проблемы обеспечения собственной безопасности криминальные лидеры решают с помощью официально зарегистрированных частных охранных предприятий.

Линии взаимодействия многочисленны и многоплановы. Легалистское общество не только изначально «поставляет кадры» для криминального общества, но далеко не всегда принимает, вновь отбрасывая в криминальное общество, значительную часть лиц, отбывших наказание, не обеспечивая им необходимую ресоциализацию: трудовое, бытовое устройство, снятие ярлыка «преступник» в социальном общении. Легалистское общество изобилует такими просчетами в социальном управлении и решении возникающих у людей проблем, такими нарушениями закона, норм морали и других норм — социальных регуляторов поведения, которые участвуют в формировании мотивации совершения преступления, создают благоприятные условия для реализации преступного умысла.

Членами криминального общества можно считать не только непосредственных субъектов преступлений, но и тех лиц, которые обслуживает специфические потребности таких субъектов, получая доходы за счет криминальных средств. Внешне это может выглядеть и легально, и нелегально, и полулегально. В последнем случае имеются в виду доходы тех субъектов, которые оказывают организованным преступникам высокооплачиваемые сексуальные и другие «досуговые» услуги, удовлетворяют их специфические «духовные запросы», пропагандируют мифы о гуманизме и сострадательности преступников, лепят образ своеобразного криминального Робин Гуда. Нельзя также забывать и об особо ретивых защитниках, которые за огромные гонорары используют без разбора все без исключения средства избавления своих подопечных от установленной законом и заслуженной ими ответственности. Дело тут не в осуждении пози-

ции защиты как социально-правового института— он предусмотрен законом, а в использовании конкретными «защитниками» самых грязных методов, включая клевету на невинных жертв преступлений и дискредитацию честно выполняющих свой долг экспертов, свидетелей, судей, сотрудников правоохранительных органов.

Причастными к криминальной среде оказываются члены семей лиц, совершающих преступления, получающие жалкие пенсии, пособия или зарплаты либо не получающие вовремя даже таковых по вине официальных органов власти, а потому существующие за счет криминальных доходов. Такие лица неизбежно общаются с другими членами преступных группировок в быту, принимают их у себя дома, оказывают им самое разное содействие в случае необходимости.

Сотрудникам правоохранительных органов из разных регионов в 1999 году были заданы вопросы о том, какую долю населения региона, по их мнению, суммарно составляют те, кто сами совершают преступления, и кто оказывает им то или иное содействие, хорошо осведомлен об их преступной деятельности и пользуется ее результатами (члены семьи, живущие за счет преступных доходов и знающие об этом; лица, помогающие отмывать преступные доходы, и т.п.), а также какую долю населения составляют лица, убежденно не приемлющие преступность и стремящиеся к тому, чтобы жизненные проблемы решались в рамках закона? Усредненные (по оценкам экспертов разных регионов) доли этих контингентов различались примерно в полтора раза в пользу сторонников законности (табл. 118).

Таблица 118

Ответы в 1999 г. сотрудников правоохранительных органов на вопросы о долях населения, включенных в совершение преступлений, и активно стремящихся жить в рамках закона (% от числа опрошенных *)

Доли населения	Совершают преступления, оказывают преступникам содействие либо пользуются результатами преступлений, %	Убежденно не приемлющие преступность и стремящиеся решать свои проблемы в рамках закона, %
До 5 %	8	7
До 10 %	18	12
До четверти населения	18	12
До трети населения	13	9
До половины населения	13	18
Более половины населения	12	26
Затрудняюсь ответить	16	14
Не дали ответа	2	2

* Опросы в регионах осуществлялись под руководством: в Москве — В.И. Хабалова, в Архангельской области – Б.А. Молчанова, в Вологодской области – Т. Г. Бобылевой, в Воронежской области – А.В. Покаместова, в Смоленской области— В.Е. Королькова, в Хабаровском крае — Г. Ф. Маслова, в Ивановской области – Т.М. Явчуновской , в Иркутской области – И.Э. Звечаровского, И.М. Тамбовцевой; в Красноярском крае – В.С. Ткаченко., в Тульской области – С.В. Ванюшкина.

В среднем только каждый четвертый опрошенный эксперт был уверен, что в рамках закона стремится жить и занимает при этом активную позицию более половины населения. По регионам такие данные различались, но с сохранением определенного соотношения ответов.

В 2002 году вопрос о доли населения, включенной так или иначе в криминальную деятельность или прикосновенной к ее участникам и результатам, задавался населению трех совершенно разных регионов страны: Камчатской области, Вологды, Чеченской Республики. В последней — преимущественно в Грозном и студенческой молодежи, их родным, близким, преподавателям. Анкетирование проводили разные исследователи, но оценки включенности в криминальную деятельность населения оказались очень близкими, особенно когда шла речь о криминализации по крайней мере до четверти населения. Затем ответы различаются. Ответили, что более половины населения включено в той или иной форме в совершение преступлений, —на Камчатке 12,5 % опрошенных, а в Чеченской Республике — 3 %. В той или иной форме не дали ответ соответственно 37 % и 65,5 % (табл. 119).

Гражданам задавали вопрос лишь о прикосновенности части населения к преступлениям и преступной среде. Удивительно, насколько совпали позиции опрошенных в совершенно разных регионах о такой прикосновенности до четверти населения.

Таблица 119

Ответы опрошенных в 2002 г. граждан на вопросы о долях населения, включенных в совершение преступлений *

Доли населения	Совершают преступления, оказывают преступникам содействие, пользуются результатами преступлений (% от числа опрошенных)		
	Вологда	Камчатка	Чеченская Республика (преимущественно г. Грозный)
До 5 %	11	12,5	10
До 10 %	12,5	9	7
До четверти населения	7	9	8
До трети населения	6	6	3,5
До половины населения	4	16	3
Более половины населения	4	12,5	3
Затрудняюсь ответить	46	28,5	48
Не дали ответа	9,5	6,5	17,5

* Опросы проводились на Камчатке под руководством Г.Ф. Маслова, в Вологде — Т.Г. Бобылевой, в Грозном — А.А. Паненкова и декана юридического факультета Чеченского госуниверситета Б.Д. Бахмадова.

Сотрудники правоохранительных органов, разумеется, более информированы о масштабах криминализации населения, чем граждане, но все-таки при сравнении ответов тех и других не отмечается

резких несоответствий. Уверенные и совпадающие ответы о криминальной пораженности, по крайней мере, до трети населения (а то и больше) свидетельствуют о критическом криминологическом неблагополучии в стране на рубеже XX—XXI веков.

В годы, когда руководители государства, его органы, претенденты на роль «лидеров нации» фактически бросают народ на самовыживание, криминальное общество облегчает до некоторой степени такое выживание при условии смирения части населения с фактом криминальной психологии и принятия (фактического либо психологического) преступного способа выживания. При этом может ослабляться вектор социальной напряженности, грозящий революционными потрясениями. Даже число самоубийств бывает ниже, чем в тех слоях, которые продолжают жестко занимать антикриминальную позицию[1].

Б.П. Пичков отмечал следующее: теневая экономика в годы реформ явилась фактором, снижающим социальную напряженность в обществе. Примерно 25 % ВВП приходится на так называемую неформальную экономику, т.е. скрываемую, но не запрещенную законом деятельность по производству и распространению товаров и услуг. Около 20—25 % ВВП приходится на незаконную экономику, тесно связанную с криминальными структурами. По приблизительным подсчетам в теневой экономике полностью или частично было занято 25-30 млн. человек, в том числе в незаконную (криминальную) деятельность из них вовлечено 10—13 млн. чел[2]. Фактически, это примерно такое же количество семей, сколько живет за счет теневой экономики. Если бы россияне действительно жили на те доходы, которые официально показывал Госкомстат,

---

[1] Одним из наиболее трагических случаев самоубийств было лишение себя жизни В. Нечаем, директором ядерного центра в Челябинске—70, на шестом году реформ. Как пишет Джульетто Кьеза, «он служил своей стране. Он был из тех, кто верит, кто не ворует, кто не думает только о своем кармане. Он ждал, что Москва выплатит его подчиненным долг по зарплате за несколько месяцев и другие долги, от которых зависело выживание целого рода, 30 тысяч его жителей и тончайших и ужасающе опасных аппаратов, над которыми они работали. Он ждал поступления 58 миллионов долларов. Но взамен получил собственную зарплату за май: 250 000 рублей — неполные 50 долларов.» (*Кьеза Дж.*. Прощай, Россия! М., 1998. С. 42.). В сентябре 1994 г. В. Нечай говорил при проведении с ним интервью: «Нам нужна помощь государства на три или четыре года. Потом мы вернем все. Открывать двери иностранным инвесторам, да и российским частникам без гарантий безопасности рискованно» (Там же. С. 42).

[2] По данным С.П. Глинкиной, доктора экономических .наук, зам. директора Института международных экономических и политических исследований РАН, официальный общемировой ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности, в 1999 году составил 39 трлн. долл. Теневой экономикой в этом же году как минимум было создано еще 8 трлн. долл. неучтенных товаров и услуг. Таким образом, по своим размерам глобальная теневая экономика сопоставима с экономикой США – страны, имеющей самый крупный ВВП в мире. В «тени» находится сегодня, по разным оценкам, и от 22 до 50 % российской экономики. Таким образом, теневая экономика – явление глобальное по своим масштабам, имеющее место во всех странах мира.

то уровень социальной напряженности в стране давно бы превысил критическую черту[1]. Аналогичную точку зрения высказывает Глинкина: «В период сложнейшей социально-экономической трансформации, когда правовые, регулятивные и иные механизмы и институты находятся в состоянии становления или отсутствуют, многие правовые нормы, закрепленные в законодательстве, перестают играть позитивную роль и входят в противоречие с новой объективной реальностью. В то же время в экономике возникают огромные «серые зоны», состоящие из видов экономической деятельности, никак не регламентированных законодательством (часть которых очевидно деструктивна)». А другая часть, очевидно, все-таки оценивается как конструктивная[2].

В снятии опасности революционных потрясений бывают крайне заинтересованы и криминальные лидеры. Они ориентированы на сохранение такого положения дел, которое позволяет им безнаказанно обладать и распоряжаться криминальными капиталами, использовать в своих эгоистических целях государственную власть, право, закон. Нельзя забывать, что криминальные лидеры при таком состоянии общества оказываются в его «высших слоях» как обладатели властных рычагов либо огромных состояний, а нередко — того и другого.

Такого рода ситуация — стратегически проигрышная: люди и, в конечном счете, все общество платят за это очень высокую цену — уходят из зоны действия позитивных достижений и ценностей цивилизации. Да и сами инициаторы, исполнители данной политики не остаются безнаказанными, причем не только в исторической перспективе. Многие из них гибнут в криминальных (экономических, политических и информационных) войнах. Криминальные деятели, успевающие «обелить» себя и оказаться в числе владельцев больших состояний и у кормила власти, испытывают криминальное давление представителей молодого поколения, сформировавшегося в условиях безнравственности и торжества законов «выживания хищников».

Если говорить об обществе какой-то страны, то в маргинальных нишах наряду с указанными субъектами находятся те лица и группы, которые ощущают себя «гражданами мира», действующими вне каких-либо норм, но не могущие в зависимости от обстоятельств быть свободными от тех или иных нормативных предписаний и т.п.

---

[1] См.: Организованная преступность-4. Раздел 3. М., 1998.

[2] Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности (материалы Круглого стола, Москва, ИГПРАН, 16 марта 2001 г.).

В данных нишах обнаруживаются также представители иных социальных групп: и крайне деморализованные лица, находящиеся как бы вне цивилизованного общества, его норм, и одновременно «работающие» на разные государства и их спецслужбы, служащие «разным богам».

В свете изложенного значимы выводы криминологов о весьма противоречивых формах реагирования населения России на преступность в конце девяностых годов XX века . Отмечалось следующее:

• Нарастала и получала широкое распространение пассивность граждан. В этих условиях преступления становились нередко все более «откровенными», совершались при свидетелях, которые не рассматриваются преступниками как помеха.

• Все большее число граждан тем или иным образом контактировало с лицами, совершающими преступления, входящими в преступные группировки (члены семьи, соседи, знакомые, друзья по досугу и др.). Лица, совершавшие преступления, входили в конце девяностых годов в круг знакомых 59 % опрошенных в Москве предпринимателей и 32 % иных москвичей.

• Значительная часть фактических потерпевших предпочитала защищать свои нарушенные интересы путем расправы с обидчиком помимо закона: либо лично, либо с привлечением третьих лиц, в том числе и на основе найма[1].

• Все чаще фиксировалось стремление граждан лично расправиться не только с лицами, совершающими преступления, но и теми, кто нарушает нормы поведения, принятые в предпринимательской деятельности, определенных социальных кругах: заказчиками убийств, по данным ВНИИ МВД РФ, как правило, являются наряду с лидерами и авторитетами «уголовного» преступного мира «представители коммерческих структур, работники торговли и сферы обслуживания»[2];

• Расширялась практика обращения к третьим лицам в целях учинения расправы с преступником, в том числе к наемным исполнителям;

• Преступная деятельность, в том числе организованная, все большим числом граждан рассматривалась как «обычный» вид дея-

---

[1] Заявили, что в течение последнего года лично допустили физическую расправу с преступником, от 9 до 34 % опрошенных в четырех городах России, среди предпринимателей в Москве – 24 %. Из более 200 опрошенных осужденных, отбывающих лишение свободы, 7 % сказали, что их преступление было вызвано неверием в возможность защитить свои интересы в законном порядке, с помощью государственных органов.

[2] Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. М., 2000. С. 8.

тельности, приносящий доходы, удовлетворяющий определенные потребности[1].

Если обратиться к позиции опрошенных в 2002 году граждан трех регионов, то можно увидеть, что среди них не существует однозначно отрицательной оценки действий известных им преступных группировок (табл. 120).

Таблица 120

Ответы граждан в 2002 г. на вопрос: «Вы осуждаете, относитесь терпимо, или оправдываете действия известных Вам преступных группировок?»

(% от числа опрошенных)

Ответы	Вологда	Камчатка	Чеченская Республика (преимущественно г. Грозный)
Осуждаю	57	53	50
Испытываю противоречивые чувства: там есть убежденные преступники, но есть и люди — жертвы неблагоприятных обстоятельств	11	16	21
Испытываю противоречивые чувства: с одной стороны, совершать преступления очень плохо, с другой — как иначе прожить в современных условиях?	4	25	3,5
Осуждаю, но оказывать помощь в борьбе с ними не буду	12,5	6	9
Осуждаю и готов участвовать в борьбе с ними	6	3	14
Иное	1,5	0	1
Уклонились от ответа	8,0	0	1,5
Всего	100,0	103,0*	100,0

* На Камчатке некоторые опрошенные выбирали одновременно два варианта ответа на заданный вопрос.

Обращает на себя внимание большая готовность к участию в борьбе с преступными группировками в Чеченской Республике, хотя ее и выразило всего 14 % опрошенных. Очевидно, в ситуации острого конфликта преступного мира и ориентированных на закон граждан происходит более четкое определение гражданской позиции.

В целом же, как принято писать в официальных документах, есть резервы для наступления на преступность. По крайней мере, чуть более половины граждан пока осуждают деятельность преступных группировок. Наращивание таких резервов настоятельно требует оздоровления социальных условий, предоставления людям возможности решать их жизненно важные проблемы в рамках закона.

---

[1] Например, анализ материалов уголовных дел показал, что родственники, члены семьи или соседи лиц, входящих в преступные группировки, в течение ряда лет не имеющих никакого официального места работы или легального занятия, знают, чем они занимаются и относятся к этому, как к должному, как к одному из видов «работы», т.е. разделяют представления самих преступников о том, что совершаемые ими преступления (рэкет, в частности) — это просто их работа (например, преступники возлагают на могилы своих «безвременно ушедших» соучастников венки с надписями «От товарищей по работе».

Процессы криминализации общественных отношений и населения способны приостанавливаться и пресекаться только в условиях активного наступления легалистского общества на криминальное и эффективной декриминализации социальных отношений, а также своих структур, включая экономические, политические, а также обеспечивающие социальную и духовную жизнь общества. Последнее очень важно.

Например, на вопрос, как граждане оценивают деятельность региональных СМИ, были получены в основном осуждающие последних ответы (табл. 121).

Таблица 121

Ответы граждан в 2002 году на вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность региональных СМИ?» (% от числа опрошенных)

Ответы	Вологда	Камчатка	Чеченская Республика (преимущественно г. Грозный)
Объективно информируют население о положении дел в стране, о новых законах и т.д.	22	25	11
Способствуют примирению и согласию в обществе	7	0	4
Наглядно показывают возможности рыночной экономики, ее преимущества	7	3	6
Создают атмосферу нестабильности жизни, государственной политики, экономики	29	31	22
Создают атмосферу страха, чувства незащищенности перед преступностью, вседозволенности	17	69	26
Способствуют росту национализма, национальной разобщенности и розни	6	28	32
Ориентируют на отрицательное отношение к стране, ее истории, формируют желание выехать на постоянное место жительство за границу	6	16	21
Рекламируют и насаждают культ насилия, цинизма, пропагандируют секс, наркотики	17	25	16

Вопрос задавался о местных средствах массовой информации и их деятельность, разумеется, различается в разных регионах, тем более, столь удаленных друг от друга, как Вологда, Камчатка и Чечня. В то же время общее мнение всех опрошенных в данных регионах — это преобладание не позитивной, конструктивной позиции местных СМИ, а резко деструктивной, высоко криминогенной. Именно население Чеченской Республики больше всего на рубеже веков нуждается в мире и согласии, прекращения межнациональной розни, но как раз там наибольший процент опрошенных указал на то, что местные СМИ способствуют росту национализма, национальной разобщенности и розни (каждый третий); ориентируют на отрицательное отношение к стране, ее истории, формируют желание выехать на постоянное место жительство за границу (каждый пятый). Настораживают и ответы жителей Камчатки, где, по мнению

69 % опрошенных, местные СМИ «создают атмосферу страха, чувства незащищенности перед преступностью, вседозволенности», а 25 % указали на рекламирование и насаждение культа насилия, цинизма, пропаганду секса, наркотиков. В этой связи стоит вспомнить, что в Камчатской области зарегистрированная преступность только в 1998—2000 годах возросла на 25 % и область перешла в группу регионов с более высокими коэффициентами преступности.

Лидеры криминального общества заинтересованы в такой политике СМИ. Кроме того, они не только стремятся к максимальной легализации собственных структур, приданию криминальной деятельности видимости общественно полезной, но многое делают также для использования структур легалистского общества: государства, официальных институтов гражданского общества. Они своеобразно считаются с потребностями и интересами разных социальных групп населения, пытаясь привлечь их на свою сторону и иметь резерв пополнения своих рядов.

Данное пополнение имеет сложные механизмы. Во-первых, наряду с постоянными и активными участниками организованных преступных формирований привлекаются те субъекты, которые сотрудничают с ними на нерегулярной или даже разовой основе. Во-вторых, существует практика использования «втемную» различных физических и юридических лиц, полагающих, что они оказывают услуги «милейшим» людям и не ведающие либо не желающие знать об их принадлежности к криминальным структурам и общественно опасных последствиях «дружеских» и иных «невинных» услуг.

Криминальное общество со своей экономикой, социальной, властно-политической и духовной сферами альтернативно только по отношению к той части «большого» общества, которая ориентируется на закон и решает свои задачи в рамках закона, и только в периоды, когда такая ориентация не только провозглашается, но практически реализуется.

В рамках единого человеческого общества две его выделенные подструктуры с противоположными правовыми ориентациями постоянно взаимодействуют и в разные периоды одерживают победы разные из них. Следствием эскалации «криминального общества» и его наступления на здоровую часть социума выступают: а) криминализация различных сфер жизнедеятельности общества; б) рост преступности; в) криминогенность социальных условий, в которых формируется личность, складывается ее потребностно-мотивационная система, вырабатываются те или иные способы решения возникающих проблем, исполняются принятые решения и скрываются,

оправдываются результаты преступной деятельности; г) расширение социальных слоев, желающих и умеющих решать свои жизненные проблемы именно криминальным путем и удобно себя чувствующими в криминальном мире; сужения кругов населения, активно не приемлющих преступность во всех ее проявлениях.

М.П. Клейменов отмечает: «Криминализация общества есть не что иное, как наиболее опасное проявление его деградации... культура превращается в свой антипод стихийно, скачкообразно и именно в эти стихийные периоды общество криминализируется самыми быстрыми темпами»[1]. Культура, по Л. Уайту, — это «целостная организационная форма бытия людей»[2].

§ 2. Криминализация реформируемого российского общества

В России девяностых годов XX века фиксировались следующие этапы развития криминального общества.

Первый. Эскалация захвата собственности и иных способов незаконного личного обогащения в периоды «застоя» социалистического этапа развития, перестройки и начала реформ (70-е — конец 80-х гг.).

Второй. Все более масштабные процессы незаконного личного обогащения и передела собственности, принятие политических мер по легализации и защите криминальных капиталов. Начало откровенного использования официальных структур, включая средства массовой информации, в интересах теневого, в том числе преступного бизнеса. Открытое подавление недовольства населения, ослабление официального противодействия преступности путем регулярного реформирования правоохранительных органов, их скудного финансирования и т.д.; развитие теневой юстиции; переход все большей части населения к сотрудничеству с организованными преступниками и растерянное, пассивное отношение к ним другой части граждан (конец восьмидесятых — начало девяностых годов).

Третий. Глобализация частного присвоения национальных богатств России и вывоза капиталов за границу; усиление в регионах и отраслях экономики противоправного, криминального контроля[3], криминализация государственной власти. Скупка все большей части СМИ или их деятелей новыми крупными собственниками, введение

---

[1] Организованная преступность-4. М., 1998. С. 13. См. также: Преступность и культура. М., 1997; Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002.

[2] Цит. по книге: *Безруков В.С.* Педагогика. Екатеринбург, 1996. С.12.

[3] В 1992- 1997 гг. в банковской сфере совершено около 150 посягательств на жизнь руководителей и сотрудников банков. За это время погибло около 80 человек, в том числе около 50 руководителей-банкиров.

ими своей цензуры; ориентация правоохранительных органов на активизацию борьбы с уличной и иными видами преступности без успешного противостояния лидерам организованных преступных формирований и их экономической криминальной деятельности, коррупции; выработка населением собственных механизмов выживания и реагирования на преступность, включая и противоречащие закону. Одновременно отмечалось расширение транснационального характера преступной деятельности и подмена эффективного международного сотрудничества в борьбе с преступностью односторонним усилением деятельности спецслужб ряда других государств на территории России (середина и вторая половина девяностых годов).

При этом криминологи, отслеживая преступность, систематически давали развернутые оценки процессам ее развития и публиковали свои рекомендации, проекты законов, которые оставались невостребованными[1].

В 1993 году книга «Организованная преступность-2» заканчивалась следующим выводом: «Одним из индикаторов успехов или поражений в противостоянии государства криминальной организованности является поведение широких слоев населения: ориентируются ли они на услуги, предоставляемые организованной преступностью, или нет; удовлетворяют ли свои потребности при ее посредстве или отказываются сотрудничать с ней; становится ли она для них привычной, оправдывают ли ее либо укрепляются в своем мнении о необходимости бескомпромиссного к ней отношения; оценивают ли они противодействие организованной преступности как бесперспективное или все еще верят в возможности усилий общества и государства покончить с этим весьма общественно опасным явлением. Думается, что в Российской Федерации пока еще есть возможность опираться на население и вести эффективное наступление на организованную преступность, однако запас времени и доверия населения крайне ограничен. Он находится почти на пределе...Надо ясно осознавать, что поражение общества в противостоянии с организованной преступностью практически означает превращение государства в криминальное»[2].

В 1996 году в книге «Организованная преступность-3» развитие криминальной ситуации оценивалось уже следующим образом:

1. В 80-х - начале 90-х годов отмечались только еще «процессы политизации» организованной преступности, а в 1994-1996 гг. она уже контролировала с использованием разных механизмов органы

---

[1] См. рекомендации криминологов в книге «Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон». М., 2001.

[2] Организованная преступность-2. М.,1993. С. 263.

государственной власти (и законодательной, и исполнительной, и судебной), их решения и реализацию таких решений, т.е. налицо криминализация государственного механизма. Наряду с беспрецедентным расширением теневой экономики возникли и развиваются теневая политика, теневая юстиция. Фиксируется заметный рост числа весьма опасных преступлений против правосудия.

2. Произошло тесное взаимопереплетение законного и преступного предпринимательства, легальных и преступных структур, взаимопереплетение правомерных и преступных капиталов.

3. Организованная преступность превратилась в серьезный фактор социальной жизни, в том числе стала «воспитателем» значительной части подрастающего поколения, «крупным» работодателем. Правда, в преступной и иной сферах, но для части населения это уже не имеет значения в условиях растущей явной и скрытой безработицы, длительной задержки зарплат и пенсий, мизерного размера последних.

4. Организованная преступность стала основным потребителем и стимулятором дорогостоящих услуг, широкомасштабных акций в разных сферах (строительства, реконструкции, искусства, моды и т.п.), т.е. определенным двигателем «прогресса», но только в интересующих ее областях и аспектах. А потому она — фактор одностороннего, уродливого развития общественных отношений.

5. Организованная преступность одновременно становится все более мощным фактором обнищания нации: ею не только присваивается огромная и возрастающая часть национального достояния, но присвоенное вывозится в основном за рубеж и не инвестируется в развитие отечественной экономики, тем самым умножается ограбление народа.

6. Организованная преступность стала вооруженной силой, имеющей собственные вооруженные формирования и провоцирующей использование государственных.

7. Она является реальным провокатором и участником широкомасштабных вооруженных конфликтов, акций терроризма, так как ей приходится защищать огромные богатства, рассредоточенные по всеми миру.

8. Генофонду причиняется ущерб в результате развития алконарко-порнобизнеса, торговли детьми, разрушения системы бесплатной медицины и полукриминального или прямо криминального характера многих платных услуг. Ею поддерживается, финансируется культура, разрушающая «память нации», ее лучшие традиции, обеспечивается развитие, экспансия криминальной куль-

туры. В вооруженных конфликтах прежде всего гибнут здоровые молодые люди.

9. Организованная преступность не просто наладила международные связи и вышла на международную арену, но заняла там твердые позиции, стала элементом общей международной преступной деятельности, широко влияющей на положение дел в мире, международную политику[1].

Организованная преступность выступает мощным системообразующим фактором для всей преступности. Развитие алкоголизма, наркомании и нравственное растление молодежи стимулируются нарко-алко-порно-игорным бизнесом.

Позднее был сделан вывод[2], что в реформируемом российском обществе, во-первых, *все более отчетливо* выделялись группы физических и юридических лиц: 1) ориентированных на право, закон, конституционные органы власти; 2) устойчиво ориентированные на противоправные нормы поведения и лидеров организованной преступности — криминальную власть; 3) характеризующихся маргинальной позицией. Во-вторых, в данном взаимодействии наиболее активную роль играла криминальная среда, что приводило к пагубным и парадоксальным последствиям.

Данная среда расширялась за счет криминализации разных слоев населения и наступала на легалистское общество как путем сужения его границ, захвата его материальных ценностей, размывания его экономической, социальной, политической и духовной основ, так и посредством проникновения криминальных лидеров в государственно-властные и официальные общественные структуры, беспрепятственного отмывания преступных доходов, взаимопереплетения легального и криминального предпринимательства.

Одновременно лица, ориентированные на Конституцию РФ, право, все чаще утрачивали прежний социальный статус и бывали вынуждены обеспечивать свои законные права и интересы вне правового поля: а) путем вступления в преступные отношения с должностными лицами и иными служащими; б) реагировали на преступления в преступных формах; в) не выполняли свои обязанности в уголовном судопроизводстве из-за осознания собственной незащищенности и т.п.

---

[1] Организованная преступность-3. М., 1996. С. 40-41.

[2] Выводы основывались на результатах исследований, проводившихся сотрудниками отдела общих проблем криминологии и борьбы с преступностью НИИ проблем укрепления законности и правопорядка совместно с криминологами из разных регионов России (Владивостока, Хабаровска, Архангельска, Вологды, Иваново, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Волгограда, Нижнего Новгорода, Омска, Республики Дагестан и др.

В условиях роста преступности граждане чаще либо сотрудничали с преступниками, либо сочувствовали им, привыкали к их деятельности, либо сами, без помощи государственных органов, защищались от них и даже их карали[1].

В конце XX века стало особенно очевидным, что уголовные дела и официальная статистика перестали содержать не только полные, но и представительные сведения о криминальной ситуации в России: а) нарастала латентность преступности; б) необоснованно декриминализировалось все большее число фактически общественно опасных и характерных для криминальной среды деяний[2]; в) сдерживалось создание надлежащей правовой базы противодействия новым крайне общественно опасным деяниям организованных, профессиональных, экономических и должностных преступников либо новые правовые нормы неточно отражали эти деяния.

Все более активно действовал следующий механизм включения в совершение преступлений, а затем и преступную среду, граждан, в основе ориентированных на закон: на фоне снижения эффективности официальной правоохранительной деятельности формировалась практика внеправового реагирования физических и юридических лиц на преступность. Она включает: а) спонтанную расправу с конкретными преступниками, в том числе путем совершения преступлений; б) создание не основанных на законе обычаев и стандартов реагирования на преступления и возмещения материального, иного вреда; в) расширение системы теневой, в том числе и криминальной, юстиции. Например, за счет все более частого обращения к криминальным лидерам за помощью граждан, отчаявшихся «найти правду» в правоохранительных органах и судах.

К концу 1998 года в России основные политические, экономические, социальные и иные процессы стали реально протекать под контролем организованной преступности и связанных с ней государственных, общественных функционеров[3].

Все шире лидерами криминальной среды использовались наиболее общественно опасные средства достижения экономических и политических целей, включая коррупцию, терроризм, заказные

---

[1] Судя по полученным ответам, в правоохранительные органы чаще сообщают о кражах (в 40 % случаев), угонах автомобиля (около 80 %), уничтожении имущества (30 %). В случаях причинения телесных повреждений, мошенничестве только 25 % взрослых граждан обращались в правоохранительные органы, угрозы убийством или иной опасной угрозы — около 20 %, при совершении вымогательства-рэкета и вымогательства взятки — только примерно 10 %., в случае хулиганства — примерно 15 % пострадавших.

[2] См.: Преступность в России в 90 -х годах и некоторые аспекты законности борьбы с ней. М., 1995.

[3] См.: Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000; Организованная преступность, миграция, политика. М., 2002.

убийства и иные способы инструментального насилия. Расширялась практика дискредитации неугодных лиц, в том числе с помощью и правоохранительных органов, и средств массовой информации.

Еще раз подчеркнем, что организованные преступники — это отнюдь не только общеуголовные преступники: воры, бандиты, вымогатели, это еще и экономические, политические, иные «беловоротничковые» преступники. Точнее надо иметь в виду их всех, вместе взятых, системно взаимосвязанных на основе и совместной криминальной деятельности, и совместного создания условий для ее сохранения и развития, и совместного «отмывания» не только преступных доходов, но также и своей биографии.

Одним из несомненных успехов «криминального общества» является то, что более десяти лет сдерживается принятие законов о борьбе с организованной преступностью, с коррупцией; введение в российское законодательство многих эффективных институтов, касающихся борьбы с легализацией преступных доходов, действующих за рубежом и рекомендуемых международным сообществом. Принятый в 1996 году Уголовный кодекс РФ содержит целую систему сдержек и противовесов борьбе с организованной преступностью, особенно в экономической сфере[1]. В частности, при проведении криминологической экспертизы проекта УК РФ его Общая и Особенная части УК РФ вызвали очень серьезные замечания. Было очевидно, что принятие проекта УК РФ в представленном виде окажет пагубное воздействие на правопорядок и законность. Некоторыми иллюстрациями данного вывода могут служить следующие позиции:

1. Почти все статьи проекта Особенной части УК по сравнению с действующим УК изменены, причем не только в части санкций, но и диспозиций,даже статьи, касающиеся «традиционных» преступлений — убийств, краж и т.п. Другими словами, с принятием нового УК РФ перестает действовать вся система прежнего уголовного законодательства вместе с документами Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам. Утрачивает свое значение вся наработанная десятилетиями практика судов по уголовным делам. Россия с принятием нового Уголовного кодекса будет поставлена примерно в такую же ситуацию, в которой бы оказались Великобритания или США с разовым признанием не действующей всей системы судебных прецедентов, наработанной за сотни лет.

Такого рода подход должен был иметь серьезные основания. Однако большинство изменений не были основаны на результатах

---

[1] См.: Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001;

конкретных уголовно-социологических исследований, в том числе репрезентативном мнении экспертов.

2. В статьях Особенной части неоправданно большой акцент делается на таких признаках субъективной стороны деяний, которые практически не поддаются внешнему контролю и, следовательно, доказыванию: «заведомое», «заведомо», «заведомо ложное сообщение», «заведомо ложный донос» и др.(практики знают, что оценка «заведомости» носит очень субъективный характер), «злостное неисполнение» (как оно соотносится с умышленным в случае, например, «злостного неисполнения приговора суда»?). Здесь было бы важным ввести некоторые признаки объективной стороны деяния, основываться на признаках умышленной вины. Иное — путь к расширению субъективного усмотрения сотрудников правоохранительных органов и судов, в том числе произвола. При оспаривании такого положения сторонники введения указанных признаков признавали трудности в их доказывании, но при этом нередко ссылаются на то, что квалифицированные судьи и сотрудники правоохранительных органов это сумеют сделать. Однако, во-первых, в судах и правоохранительных органах преобладают отнюдь не высококвалифицированные кадры; во-вторых, во всех случаях нельзя давать шанс субъективному усмотрению и решениям, объективность и непредвзятость которых трудно проверить.

3. Авторы проекта УК РФ увлеклись бланкетными нормами и фактически многие статьи заранее обрекли на бездействие, ибо они не подкреплены необходимой правовой базой. Не всегда конкретизируется характер тех норм, нарушение которых признается преступным.

В одних случаях говорится о нарушении законного порядка, в других — о нарушении правил, в третьих, о «нарушении эксплуатации» и т.п. Поэтому далеко не всегда ясно, имеют ли в виду авторы проекта: а) нормы технологические, правовые, другие, ибо употребляются термины «нарушение правил», «нарушение режима» и др.; б) нормы закона, подзаконных актов либо приказов руководителя конкретного предприятия, других субъектов, когда говорится о запрещении без его должной конкретизации («запрещенной деятельности», «запрещенных видов опасных отходов», «запретной зоне» и т.п.). Кем запрещенных, в каком порядке?

Такие формулировки создают предпосылки для коррупции, своеволия должностных лиц и иных служащих. Показательна диспозиция статьи 140 УК РФ: «*неправомерный* отказ должностного лица в предоставлении собранных *в установленном порядке* документов и материалов, *непосредственно* затрагивающих права и свободы гра-

ждан». Курсивом выделены слова, которые практически обрекают данную норму на бездействие. В 1997— 2001 годах по ней не было зарегистрировано ни одного факта преступления и вовсе не по причине фактического отсутствия фактов отказов гражданам в предоставлении соответствующей информации. Почти аналогично ст. 140 УК РФ сформулирована ст. 287 УК РФ: «1. *Неправомерный* отказ в предоставлении или уклонение от предоставления информации (документов, материалов), а также предоставление *заведомо* неполной либо ложной информации Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации, если эти деяния совершены должностным лицом, *обязанным предоставлять такую информацию*». В 1997, 1999 —2001 годах число зарегистрированных преступлений и выявленных лиц обозначалась «0», а в 1998 г. значилось 2 факта и 1 лицо. Факты *заведомо* ложной рекламы (ст. 182 УК РФ) регистрировались в пределах нескольких десятков, а выявленные лица, в отношении которых было доказано совершение данного преступления, составляли единицы (в 1997 г. —0, 1998 и 1999 годах —по 5, в 2000 г. —7, в 2001 г. —1). В то же время заведомо ложная реклама — распространенное и бесспорное для всех россиян явление практически мошеннического характера.

4. Авторы проекта УК РФ абсолютно проигнорировали позицию Федерального Собрания РФ, почти всех субъектов Федерации, Федеральных правоохранительных органов, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ относительно концепции борьбы с организованной преступностью, коррупцией.

В Особенную часть проекта УК не введена глава о преступлениях, связанных с организованной преступностью, хотя последние весьма специфичны. Такая глава имеется в Федеральном законе «О борьбе с организованной преступностью», который принимался Государственной Думой, одобрялся Советом Федерации Федерального Собрания РФ и не вызывал возражений у Президента РФ, судя по тексту его «вето» на указанный Закон.

У Федерального Собрания РФ, руководителей правоохранительных органов, субъектов Федерации ранее бо́льшую поддержку нашла иная конструкция борьбы с преступлениями по службе. Отраженная в проекте УК не набрала и трети сторонников. Большинство же отдало предпочтение выделению отдельной главы, по статьям которой отвечали бы все служащие: и государственные, и муниципальные, и общественных объединений, и частных структур. Различие же должно было заключаться в публичном либо частном харак-

тере уголовного преследования за преступления по службе государственных, муниципальных и иных служащих. Такой подход отражен в проекте Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в связи с принятием Федерального закона «О борьбе с коррупцией».

5. Создает реальную опасность произвола, в том числе на основе коррупции, чрезмерно широкий спектр мер наказания разного характера за одно и то же деяние. Например, санкция в части первой статьи 159 УК «Мошенничество» формулируется следующим образом: «наказывается штрафом в размере от двухсот до семисот минимальных размеров оплаты труда или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до семи месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до трех лет». Как правило, мошенничество совершают профессиональные преступники, связанные с организованным криминальным миром, и для них такой широкий набор вариантов разных мер — великое благо. Тем более, что даже внутри одного вида наказания варианты различны (штраф в размере от двухсот до семисот минимальных размеров оплаты труда, или в размере заработной платы ,или иного дохода (какого именного) осужденного за период от двух до семи месяцев). Если иметь в виду ,что в частном секторе нередко официально выплачивается минимальная заработная плата, а крупная доплата к ней выплачивается «черной наличностью», то такого рода подход выглядит особенно криминологически уязвимым[1].

6. Фактически авторы проекта УК продемонстрировали разное отношение к наказанию за общеуголовные деяния (здесь наказание строже) и за «беловоротничковые» (здесь оно значительно мягче). Такое «гуманное отношение» к последним может быть оправдано только с криминальных позиций, ибо именно среди них, как правило, встречаются субъекты предумышленной, организованной преступной деятельности.

7. В Особенной части УК не просматриваются четкие основания криминализации деяний и разграничение разных преступлений на основании единого объективного критерия.

При этом игнорируются некоторые положения Конституции РФ. В частности, в статье 71 Конституции РФ выделяются предметы

---

[1] Ранее на это уже указывалось в акте криминологической экспертизы дважды, в том числе последний раз 5 февраля 1995 года, однако, как и другие замечания, это не было учтено.

ведения Российской Федерации как наиболее важные и имеющие общегосударственное, общенациональное значение. Среди них выделяются безопасность и оборона. Это могло бы быть учтено при криминализации торговли людьми, обращения людей в рабство и ряда иных совершаемых организованными преступниками деяний.

8. УК РФ, как уже отмечалось, не отражает реальные характеристики существующих в России организованных преступных формирований. Цели создания организованных преступных формирований, как показывают криминологические исследования, редко четко и изначально формулируются. И никогда не определяются как «совершение тяжких и особо тяжких преступлений». Как правило, речь идет о том, что надо обеспечить сверхдоходы, а что для этого потребуется, то и будут совершать. Будет ли это только незаконное предпринимательство или предпринимательство, связанное с заказными убийствами, только кража или кража, связанная с убийством? Но если сначала совершаются только незаконное предпринимательство, а тяжкие и особо тяжкие преступления последовали за ними? Можно ли при этом доказать, что преступное формирование создано для совершения тяжких и особо тяжких преступлений?

Задачи организаторов, руководителей преступных организаций — это вовсе не совершение преступлений определенной тяжести, а любых, способных обеспечить сверхдоходы, соответствующий контроль, власть. Известно, что по новому УК РФ многие преступления в сфере экономической деятельности не отнесены к тяжким, а тем более — к особо тяжким, хотя они способны обеспечивать получение указанных доходов.

Изложенное — далеко не полный перечень криминологически не обусловленных положений УК РФ. Скорее это — отдельные иллюстрации общего тезиса.

В принятом Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации специалисты усматривают столько лазеек для преступников и уступок им, что ситуация оценивается как беспрецедентная.

А.Д. Бойков отмечает, что новый УПК РФ «не ориентирован ни на обеспечение неотвратимости ответственности за преступления, ни на защиту интересов законопослушных граждан, ни на обеспечение публичных интересов»[1].

Глава 52 УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» метко была названа Vip -главой, поскольку ею вводятся существенные барьеры для привлечения к уголовной ответственности высших должностных лиц стра-

[1] Бойков А.Д. Третья власть в России. Книга вторая— продолжение реформ. М., 2002. С. 20.

ны[1]. Руководитель президентской группы, которая занималась судебной реформой, Д. Козак говорил в интервью журналистам в связи с данной главой: «Мы ни на какую страну не ссылаемся, это собственные наработки...В большинстве европейских стран никакой особой процедуры привлечения судей к ответственности, в отличие от процедуры привлечения других граждан, просто не существует...»[2].

Беспрецедентно было и то, что не последовало официальной реакции на выявленный процессуалистами факт расхождения того текста УПК РФ, за который голосовали депутаты Государственной Думы, и впоследствии опубликованного в качестве официально принятого[3].

Привлечение к уголовной ответственности и осуждение может прогнозироваться как реальное в основном применительно к ситуативным преступникам, не имеющим солидных криминальных и социальных связей, а также значительных средств для организации своей активной защиты.

Соответствующие характеристики новых Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Российской Федерации можно было бы считать следствием и чрезмерно либеральных подходов их разработчиков, лоббистов; и итогом неумеренного увлечения некоторых авторов идеей защиты «прав человека»; и показателем ограниченного юридико-догматического подхода, не желающего считаться с криминальными реалиями, результатами социально-правовых исследований; и недиалектического, бессистемного введения в российское законодательство институтов разных правовых систем. Однако дело не только, даже не столько в этом. Точнее: прежде всего не в этом.

В таких случаях бывает актуален вопрос: Qui prodest? Или кому выгодно?

---

[1] Члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, депутата законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица органа местного самоуправления; судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, мирового судьи и судьи конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации; Председателя Счетной палаты Российской Федерации, его заместителя и аудиторов Счетной палаты Российской Федерации; Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации; Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, а также кандидата в Президенты Российской Федерации; прокурора; следователя и наряду с ними — адвоката.

[2] Российская газета. 2001. 11 нояб.

[3] Этот факт обосновывался и обсуждался на научных форумах, посвященных УПК РФ.

§ 3. Идеология реформ как отражение криминализации общества и ее катализатор

Исследования обнаруживали новые, связанные с криминализацией, идеи и ценностно-нормативные ориентации.

Обнаруживалось не только нежелание лидеров реформаторских кругов эффективно противостоять преступности, но криминал прямо допускался как способ решения в современных условиях поставленных стратегических задач.

Криминологически значимые позиции отечественных реформаторов изложены в документах, публикациях, интервью. Все они показывают, что те концептуальные установки, которые определяли преобразования в девяностых годах, предусматривали использование криминального потенциала в ходе реформ, при этом сознательно допускали криминализацию разных сторон российского общества.

Главной, первоочередной целью реформаторов было коренное изменение социально-экономических отношений, слом государственно-правовой и ценностно-нормативной системы нации, которые бы сдерживали беспредельное внедрение рынка в России и включение страны в общие процессы глобализации, руководимые из-за ее пределов.

Пропагандировавшиеся экономические и социальные программы были фактически средством глобальных экономических и социально-политических преобразований. При разгосударствлении и приватизации, внедрении рыночных отношений отсутствовала реальная ориентация на расцвет нации, улучшение жизни существующих групп и слоев населения, в том числе способных к творческому и интенсивному добросовестному труду. В первую очередь обеспечивалось другое — создать в короткий срок и любой ценой слоя собственников как социальной опоры реформ, новых законов и охраняющего их государства нового, практически криминогенного типа.

Реально в нарушение закона и на основе противоречащего ему подзаконного акта выдавались не именные приватизационные чеки, а ваучеры на предъявителя, которые оказались в руках лопнувших затем многочисленных инвестиционных организаций, контролировавшихся в том числе криминальной средой. Такого рода операция значительно обогатила лидеров криминального общества.

Рынок в России оказался монополизированным и прежде всего преступной средой. Происходила дальнейшая концентрация криминального и иного теневого капитала. Одновременно идеологами реформ и их сторонниками продвигалась идея о введении моратория на борьбу с экономической преступностью на период перехода к

рынку. Замысел был ясен, хотя и выглядел как криминологическая утопия: капиталы должны оказаться в руках «золотых» голов (экономических преступников и связанных с ними крупных коррупционеров), а те, сделав обеспеченными себя, позаботятся об обогащении нации. Идея моратория реализовалась частично в упоминавшемся ранее акте амнистии экономических преступников и коррупционеров, совершавших преступления в СССР. Данная идея лежит в основе требований новой амнистии лицам, совершивших аналогичные преступления в реформируемой России.

Идеологами реформ ставка была сделана на уже готовых собственников — владельцев теневых, в том числе криминальных капиталов, на бывшую номенклатуру, получившую собственность в обмен на власть. Именно их пришедшие к власти старались не давать в обиду, хотя формально действовал прежний Уголовный кодекс РСФСР и от правоохранительных органов требовали бороться со всеми преступлениями. Но, что это была за борьба, можно понять хотя бы из такого факта: Е.М. Примаков, будучи Председателем правительства России, предложил руководителям силовых ведомств, а также налогового контроля, таможни и др. сообщить, как обстоят дела с экономической преступностью и коррупцией. О результатах он говорил следующее: «...Когда я познакомился с тем, что они мне написали, у меня волосы встали дыбом. Не только потому, что они показали масштабы коррупции и экономической преступности. Я также увидел, что они все это знают. Знают и те каналы, по которым осуществляются все противоправные действия. Но в то же время не было никакой политической воли для того, чтобы начинать с этим борьбу»[1].

Надо ли этому удивляться, если, по информации В.С. Овчинского и С.С. Овчинского, имелось специальное указание о запрещении работникам внутренних дел вмешиваться в деятельность кооперативов, даже противоправную[2]

Авторы Программы перехода к рынку в 1990 году писали: «Масштабы теневой экономики в контексте настоящей Программы имеют особое значение, так как логика перехода на рынок предусматривает использование теневых капиталов в интересах всего населения страны. Это один из важных факторов ресурсного обеспечения реформы»[3]. Показательно, что при этом демонстрировалось

---

[1] Независимая газета, 2001.13 февр.

[2] Борьба с мафией в России. Пособие в вопросах и ответах для сотрудников органов внутренних дел. М.,1993. С. 31.

[3] Переход к рынку. Ч.1. М., 1990. С.124 и сл.

хорошее знание того, что собой представляет теневая экономика и, в частности, признавался факт наличия в ней криминального сектора.

Криминологи предупреждали, что капиталы сосредоточены в криминальном секторе теневой экономики, надо знать психологию преступников и учитывать их крайний эгоизм, устоявшиеся стереотипы поведения, навыки решения возникающих перед ними проблем, что капиталы будут использоваться только в узко эгоистических целях. Капиталы в основном вывозятся и используются для окончательного завладения бывшим государственным и общественным имуществом, а где собственность, там и власть. Феномен «новых русских» — это в значительной мере феномен обогатившегося преступника, откровенно потребляющего, отмывающего, приумножающего и демонстрирующего свои криминальные доходы, создающего новые стандарты «культуры».

Изложенному противопоставлялось следующее: «Богатство все более сосредоточивается в теневой части постплановой экономики...В отличие от простого дележа мы сможем здесь найти общественные силы, на которые можно опереться...Крупные инвесторы (частные лица, чековые и прочие фонды) путем скупки уже выпущенных акций, а еще более путем приобретения новых выпусков акций будут помогать обретению предприятиями эффективных собственников. Оставим в стороне вопрос, откуда взялись эти деньги. Как правило, они взялись не очень честным путем»[1].

Е.Г. Гайдар пишет в своей книге «Государство и эволюция»: «Сегодня мы можем подвести предварительный итог социально-экономическим переменам последних лет. Если постараться обобщить их в виде формулы, то ее можно представить как обмен власти на собственность...Россию у номенклатуры нельзя, да и не нужно отнимать силой, ее можно «выкупить». Если собственность отделяется от власти, если возникает свободный рынок, где собственность все равно будет постоянно перемещаться, подчиняться закону конкуренции, это и есть оптимальное решение»[2].

К данному тезису придется вернуться при дальнейшем анализе коррупции, но все-таки, если говорить о «выкупе власти» как альтернативе насилию и кровопролитию, то имелся в виду выкуп не на законно заработанные, а на криминально присвоенные общенародные средства. Делалось это без предварительного уведомления и получения согласия народа, вне закона. Тут уж не до демократии и законности.

---

[1] *Явлинский Г.М.* Экономика России: наследство и возможности. М., 1995. С. 91 - 92.
[2] *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С.143.

Девяностые годы отмечены вытеснением из государственных и муниципальных органов высококвалифицированных, ориентированных на закон и принципиальных сотрудников. Замещение вакантных мест производилось на основе постулата о «выкупе власти на собственность» и приводило к концентрации чиновников, не столько профессионально подготовленных, сколько ловких, корыстно ориентированных и готовых на оказание любых услуг, лишь бы они были быстро и хорошо вознаграждены.

Другой итог — в России не было и до сих пор не создано свободного рынка. Он изначально был монополизирован прежде всего преступной средой. Перемещение капитала в России, следовательно, сейчас подчиняется не закону конкуренции, а тому, кто одерживает победу в переделе собственности. Сейчас этот передел носит прямо криминальный характер и сопровождается практически ежедневными убийствами конкурентов, что еще в 1990 году прогнозировалось криминологами и о чем уведомлялись общественность, политики. Все это породило взрыв преступности и потоки крови, которые до сих пор не удается пресечь.

Что же делать дальше? Е.Т. Гайдар пишет после приведенных ранее рассуждений: «Капиталы, в том числе вышедшие из золотой пены инфляции и финансовых спекуляций, не могут долго мирно лежать в сейфах. Естественно, что для российского капитала сфера приложения все-таки не Швейцария, а Россия. Капитал постоянно в поиске, он ищет сферу приложения, роста. Для того, чтобы созданные и вновь образующиеся состояния работали в России, стали ферментом роста ее экономики, необходимы два важнейших условия стабильности: устойчивая валюта и надежные гарантии неприкосновенности частной собственности безотносительно к властным или криминально-силовым возможностям ее владельца. Необходимо отделение собственности от власти и — что еще сложнее — власти, бюрократии от собственности»[1].

Итак, мы вновь встречаемся с уверенностью в том, что власть действительно можно отделить от собственности, а криминальные капиталы наконец-то начнут работать в интересах общества и России. Или автор лукавит и имеет в виду отделение от собственности только остатков той власти, которая все еще ориентирована на Конституцию и закон?

Криминологи точно прогнозировали в этих условиях, во-первых, развертывание криминальной войны на почве завладения и передела собственности, во-вторых, потребительское использование капита-

---

[1] *Гайдар Егор*, Государство и эволюция. С.173 - 174

лов только в личных целях. Так и случилось: капиталы в основном вывозятся как раз в Швейцарию и другие страны, не происходит их инвестирования в отечественную экономику. Наоборот, они используются для окончательного завладения бывшим государственным и общественным имуществом, а также имуществом других обогатившихся сограждан, граждан и подданных за рубежом. Полем деятельности организованных преступников — выходцев из России становится весь мир. А где собственность, там и власть. Власть как раз никогда не была отделена от собственности.

Тезис о неприкосновенности сколоченных криминальных состояний, судя по публикациям, не был чужд и Г.А. Явлинскому, одному из авторов цитировавшейся Программы перехода к рынку. В 1995 году был опубликован следующий диалог: «ЗЮГАНОВ. Пока все в основном разворовывают. ЯВЛИНСКИЙ. Можете назвать как угодно. Но факт заключается в том, что с помощью ваучерной системы титульная приватизация (у меня к ней свои претензии) завершена. Если вы поставите вопрос, что все, что не по закону, вы хотите забрать назад, тогда возникнет вопрос: по какому закону? Если мы в будущем году примем закон, по которому это все будет крутиться назад, то будет та самая стрельба, о которой вы говорили»[1].

Итак, сначала делались ссылки на наличие или отсутствие закона, а затем пошла речь «по существу»: не следует принимать закон об изъятии преступно нажитого. Однако изъятие противоправно полученного имущества предусматривало всегда и ранее действовавшее гражданское, уголовное, иное законодательство, и предусматривают законы Российской Федерации, принятые в середине и конце девяностых годов, международно-правовые договоры. Они отражают подход, существующий во всем цивилизованном мире. Как же иначе быть с постулатом о неприкосновенности чужой собственности?

А теперь о «стрельбе» при изъятии преступно нажитого. То, что владельцы криминальных капиталов будут стрелять, сомнений ни у кого быть не может, так как уже льются потоки крови. Логическое развитие происходящих событий приводит к дальнейшей криминализации общества и государства, окончательному попранию демократических завоеваний, прав человека и других вытекающих из этого последствий.

---

[1] Московский комсомолец. 1995. 29 нояб.. В своем декабрьском радиообращении (1997 г.) Президент Российской Федерации Б.Н. Ельцин отметил, что ... «предприниматели должны ясно осознать, что они сегодня – уже целый новый класс. Опора и движущая сила общества».

«Авторов» реформ не заставил радикально изменить свою позицию прогноз сотрудников Института социально-политических исследований? В 1994 году они писали: «...динамику материального расслоения населения можно считать беспрецедентной: в верхних и нижних слоях общества начинают формироваться взаимоисключающие интересы. «Практически полное отсутствие смыслового целеполагания и системного подхода к социальной политике привели к тому, что деградация уровня и качества жизни, социальная поляризация уже создали предпосылки тотального социального конфликта в российском обществе".[1]

Однако в условиях нарастающего социального конфликта лиц, противостоящих грабительской, антинациональной политике, все чаще оценивают в параметрах «экстремизм—фашизм». В.В. Жириновский отмечал: «У «демократов» стало гнусной традицией говорить о «фашизме» всякий раз, когда речь заходит о проблемах русского народа. И понятно почему. Сейчас руками агентов влияния Запада, развалившихся страну и ее экономику, осуществляется открытый геноцид против русского народа. Ибо согласно международной конвенции, геноцидом считается создание условий, невозможных для проживания народа. Каждый год из-за безработицы, нищеты и голода в ограбленной «демократами» стране русское население уменьшается на два миллиона. Больше всего на свете «демократы» боятся, что русский народ встанет наконец в свой великий рост и погонит их в шею. Поэтому любые словосочетания со словом «русский» вызывают у «демократов» животный страх, и они злобно, по-змеиному шипят: «фашизм», «шовинизм»[2].

При всей эмоциональной насыщенности приведенного высказывания возникает вопрос: а реальной ли является опасность экстремизма и фашизма в России? Ведь исторические условия девяностых годов в России были во многом аналогичными условиям в Германии перед приходом к власти фашистов: унижение нации, крайняя бедность значительной части населения, субъективное отсутствие у немалой части населения оптимистической перспективы и др. Поэтому существует опасность того, что народы России (не надо видеть опасность только и именно в русских людях) могут быть обмануты новыми лидерами, предлагающими «простые» сиюминутные решения сложных проблем. Сегодняшняя борьба с экстремизмом и фашизмом — это отнюдь не приклеивание ярлыков «фашист» недоученным и нравственно растлеваемым очень молодым людям, почти детям, а устранение обстоятельств, порождающих фашизм, форми-

---

[1] Социальная и социально-политическая ситуация в России. Анализ и прогноз. .М., 1994. С.23.
[2] Жириновский В. Спасаем Россию. Выпуск 2. М., 1997. С. 37-38.

рование физически и нравственно здорового подрастающего поколения с привитием ему желания, готовности и умения решать свои проблемы в рамках закона, жить в условиях цивилизации.

Организованная преступность вносит очень значительную, если не решающую лепту в такое обострение криминальной — и в целом социальной — ситуации, когда обостренная потребность граждан в скорейшем ее разрешении рождает доверие к не очень образованным, но «решительным» политикам, предлагающим «простые» и радикальные решения. Собственно, простота и радикальность таких решений может быть как раз продуктом именно недалекого ума и слабой образованности, непонимания высшего уровня сложности социальных систем.

В утвержденной Указом Президента России № 608 от 29 апреля 1996 г. «Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)»[1] криминализация общества признается наряду с такими явлениями, как усиление дифференциации населения и повышение уровня бедности; увеличение доли бедных слоев населения в городе по сравнению с деревней; наркомании, проституции и тому подобного; рост безработицы; задержка заработной платы, остановка предприятий; ослабление системы государственного контроля. Изложенное — результат, прежде всего, того, что Россия подверглась организованному и тотальному ограблению в прямом смысле этого слова. Об этом писали уже не только проводившие исследования научные сотрудники, ряд политиков, но стали признавать и сами реформаторы.

Бывший вице-премьер России Б. Немцов в августе 1998 г. говорил: «Ситуация в стране трудная. Финансовое положение — критическое. Причина известна. Все говорят о мировом финансовом кризисе, о том, что в России построены пирамиды ГКО. Мне кажется, что причина российского кризиса в другом — построен полукриминальный капитализм»[2]. По утверждению известного экономиста, одного из теоретиков реформ, Н. Шмелева «за 90-е годы 300-400 млрд. долларов «сбежало» из России»[3].

Позднее разными авторами назывались разные суммы «сбежавших капиталов», но проверить эту информацию практически невозможно. Криминальные капиталы создаются в «черном» секторе теневой экономики, а там действительно черно. Можно смело называть любые суммы —«черный ящик» он и есть черный.

---

[1] Российская газета, 14 мая 1996 .

[2] Московский комсомолец. 1998. 25 авг.

[3] *Шмелев Николай.* Весь мир финансируем мы. \ «Аргументы и факты», N 35. 1998.

Нарастали процессы криминализация государственного и в том числе правоохранительного аппарата, системы правосудия. Это происходило в условиях постоянных реорганизаций, неуверенности сотрудников в своем будущем, высокой текучести кадров, низкого и нерегулярно выплачиваемого содержания, необходимости для многих поиска дополнительных заработков, целенаправленного внедрения своих ставленников лидерами преступных формирований.

Участие сотрудников правоохранительных органов в организованной преступности, по данным А.Г. Романовой, отмечалось в следующих наиболее распространенных формах: а) совершение преступлений сотрудниками правоохранительных органов в составе организованных групп, состоящих из представителей этих органов; б) совершение преступлений сотрудниками правоохранительных органов в составе организованных групп, состоящих из общеуголовных, экономических преступников; в) совершение сотрудниками правоохранительных органов коррупционных преступлений, иных преступлений по службе в интересах организованных преступных группировок; г) совершение преступлений в составе организованных формирований бывшими сотрудниками правоохранительных органов с использованием служебной информации, прежней или новой, получаемой на неофициальной основе (дружеской и т. п).

«Освоение» лидерами «криминального общества» официальных структур государства и легалистского общества осуществлялось с использованием коррупции; шантажа; дискредитации[1] наиболее активных, смелых и неподкупных служащих; их физического устранения; терроризма. Организованная преступность активно внедрялась в политику, экономику и другие сферы общества. Область ее управленческой деятельности, криминального менеджмента расширялась.

Одновременно сложилась новая система защиты себя населением от криминальных явлений, не контролируемая государством, причем такая, которая, к сожалению, не является альтернативной по отношению к преступной среде. Именно последняя нередко предоставляет указанные «услуги» по расправе с лицами, о которых просит «заказчик», по выбиванию из них объявленных сумм ущерба. Это — один из аспектов теневой юстиции и, в частности, ее криминального, «черного» сектора.

---

[1] В книге «Организованная преступность-2» (М., 1993) приводились следующие данные: с 1982 по 1990 г. каждое третье уголовное дело на сотрудника милиции, других правоохранительных органов, хозяйственников было пересмотрено: осужденные либо полностью были реабилитированы, либо приговоры отменялись по иным основаниям. В то числе это было связано с тем, что правоохранительные органы не сразу распознали факты умышленной дискредитации самых неподкупных, бесстрашных и активно работающих своих сотрудников.

Такова дополнительная основа для «заказных» организованных преступлений. Однако криминальная эскалация становится дополнительным фактором, «обеляющим» организованную преступность и уличающим систему правоохраны. По мнению А.Б. Чубайса, «...значительная часть организованной преступности – это как ни странно, защита собственности... Государственные функции по защите собственности исполняются сегодня слабо. Поэтому появляется группа бандитов, исполняющая эти функции вместо государства»[1]. В полной мере оценить позицию А.Б. Чубайса можно при сопоставлении данного высказывания с другим его тезисом: «На финише 1991 года стихийная приватизация уже бушевала вовсю. По сути, это было разворовывание общенародной собственности. Но это разворовывание не было нелегальным, потому что легальных, законных схем разгосударствления не существовало»[2]. Заметим, однако, что существовал Уголовный кодекс РСФСР, предусматривавший уголовную ответственность за разворовывание государственного и общественного имущества. В конце концов даже «авангардистский» тезис времен перестройки гласил: «Разрешено все, что не запрещено». А воровать всегда было запрещено и запрещено уголовным законом.

В итоге, по Е. Б. Чубайсу происходит следующий последовательный криминальный процесс: разворовывание общенародной собственности — ненадлежащая защита новых собственников в условиях распада режима законности — признание закономерной защиту таких собственников организованной преступностью. Очевидно, при этом имеется в виду новое поколение организованных преступников, которых, пока они не стали крупными собственниками, именуют «бандитами».

Надо признать, что лидеры криминального общества выдвигаются из числа блестящих организаторов, наиболее удачливых криминальных менеджеров. Но именно криминальных, успешно достигающих своих целей исключительно в условиях нарушения всех запретов, ориентирующихся на чисто эгоистические устремления, готовых в жертву крайне эгоистическому интересу (личному либо

---

[1] Сегодня, 1998 г., 1 дек.

[2] Приватизация по-российски. Под ред. Анатолия Чубайса. М., 1999. С. 29. В этой же работе заслуживает внимания еще одно признание о практике проведения приватизации после 1991 г.: «Помню такую деталь: по правилам требовалось предупредить коллектив о приватизации предприятия за две недели. Этого предупреждения в виде официального объявления сделано не было. Но за месяц газета опубликовала сообщение, которое с юридической точки зрения вполне можно было расценивать как объявление. Совершенно ясно, что была попытка прицепиться к формальному поводу, а не стремление следовать букве закона. Очевидно, что противостояние носило чисто политический характер, и играть следовало не по юридическим, а по политическим правилам». (Там же. С. 99).

клановому) принести жизни людей и народов, ценности цивилизации, а также экологическое благополучие, безопасность человечества. Такого рода менеджмент не только не полезен, но и прямо противопоказан в правовом, социальном, демократическом государстве. Выход соответствующих менеджеров на легальную арену неизбежно приводит к криминализации разных сфер жизни общества, к ограблению народов и стран, раздуванию широкомасштабных конфликтов с многочисленными человеческими жертвами.

Лидеры криминального мира становились руководителями, учредителями хозяйствующих субъектов либо фактически руководили ими, прикрывая свою криминальную деятельность деятельностью юридических лиц тоже криминального характера. Однако в России происходило и происходит сдерживание введения уголовной ответственности юридического лица. Этот институт оправдал себя за рубежом и упоминается в ряде международно-правовых документов, касающихся борьбы с организованной преступностью[1].

Указом Президента Российской Федерации 10 января 2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» внесены изменения и дополнения в Концепцию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. № 1300 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации»[2]. На рубеже веков отмечалось следующее: «Угроза криминализации общественных отношений, складывающихся в процессе реформирования социально-политического устройства и экономической деятельности, приобретает особую остроту... Масштабы терроризма и организованной преступности возрастают вследствие зачастую сопровождающегося конфликтами изменения форм собственности, обострениями борьбы за власть на основе групповых и этнонационалистических интересов.... Угрозу национальной безопасности России в социальной сфере создают глубокое расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан, увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности, рост безработицы».

---

[1] См.: *Смольянинов Е.С.* Уголовно-правовые средства борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием организационно-правовых форм юридического лица. Дис. канд. юрид. наук. М., 2000; *Антонова Е.Ю.* Юридическое лицо как субъект преступления: опыт зарубежных стран и перспективы применения в России. Дисс. кан. юрид. наук. Владивосток, 1998; *Никифоров А.С.* Об уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. Его же: Юридическое лицо как субъект преступления // Коррупция и борьба с ней. М., 2000; *Михеев Р.И., Корчагин А.Г., Шевченко А.С.* Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. Владивосток, 1999 и др.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 52. Ст. 5909.

Все это обеспечивало успех широкомасштабной криминальной деятельности в изменяющихся условиях и ее глобализацию. Многие лидеры организованной преступности либо выехали за рубеж, либо вывезли туда свои семьи и ориентировались на последующий выезд на постоянное местожительство, имеют двойное гражданство, либо становятся гражданами (подданными) иных государств. При этом продолжают из-за рубежа руководить организованной преступной деятельностью и выполнять общеуправленческие криминальные функции.

Часть крупных преступных сообществ в России приобрела хорошо налаженные связи с эмигрантами новой волны, зарубежными преступными формированиями. Их криминальная деятельность стала международной и распространялась в конце девяностых годов, по оценкам сотрудников МВД, на 44 страны. На оперативном учете состояли и разрабатывались более 200 группировок, имеющих транснациональный характер, причем около 160 – совершали преступления на территории Российской Федерации, стран СНГ, Балтии; более 60 – в США, европейских и ближневосточных странах, а также в Китае[1].

Под «лихим» заголовком «Подмосковная братва влияет на криминогенную ситуацию даже в Испании и Швеции» были опубликованы данные, приведенные на брифинге заместителем начальника Московского областного РУОПа, который сказал, что на территории Подмосковья действует 189 организованных преступных группировок с 3,5 тыс. активных членов, из них 23 действуют на международном уровне. Наиболее сильное влияние они оказывают на криминальную ситуацию в Германии, Испании, Швеции и Израиле. При этом более 40 подмосковных банд объединены в 9 сообществ. Наиболее опасные, «подольское» и «раменское», специализируются на совершении имущественных и финансовых махинации, а также оружейном и автобизнесе. Для легализации преступных доходов более 60 % банд имеет собственные легальные структуры (в основном казино и рестораны). Организованные подмосковные формирования контролируют 246 акционерных обществ, 614 товариществ, более 40 совместных предприятий, 60 рынков[2].

Одновременно расширялся криминальный рынок, где «крутились» и делались «большие деньги». Пришлось криминализировать похищение человека, торговлю детьми, принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, ряд дру-

---

[1] *Ванюшкин С. В.* Организованная преступность в России и проблемы борьбы с ней // Организованный терроризм и организованная преступность. М., 2002. С. 103-107.

[2] Московский комсомолец, 1995 г., 23 февр.

гих деяний; стала очевидной необходимость выделения такого вида, который условно был назван «криминальным рынком»[1].

Как точно отметил Э.А. Иванов, «криминальный рынок не существует обособленно от легального. В определенных секторах он вступает в конкуренцию с легальным рынком, используя специфические криминальные возможности. Кроме того, происходит инвестирование в легальную экономику доходов от преступной деятельности (отмывание денег). Криминальный рынок, так же, как и легальный, развивается под влиянием всех факторов жизни»[2]. Не случайно Всемирная конференция на уровне министров по организованной транснациональной преступности, проходившая в Неаполе в ноябре 1994 г., отметила определенную социально-экономическую сущность транснациональной преступности, определив последнюю как «форму коммерческой деятельности, осуществляемую противоправными средствами, с использованием угроз и физической силы, вымогательства, коррупции, шантажа и иных методов принуждения, а также путем привлечения запрещенных товаров и услуг».

В России продолжали развиваться другие виды криминального предпринимательства[3]. Отмывание денег становилось важной формой криминального обогащения все новых субъектов.

---

[1] Имеется в виду совокупность преступлений, объединяемых следующим общим признаком: оборот товаров и услуг, запрещенных к открытому обороту. Это — товары, услуги, которые по действующим законам или вообще не должны становиться товаром (дети, сексуальные услуги и др.), или могут становиться таковым только в строго определенных пределах и, как правило, при целевом их использовании (наркотики, оружие и т.п.) ограниченным кругом лиц. Часть преступлений, входящих в данную группу, предусматривается Главой 25 Особенной части УК РФ, но, например, торговля несовершеннолетними законодателем оценивается как преступление против семьи и несовершеннолетних. При изучении «криминального рынка» важно учитывать, что уголовное законодательство может неполно и неточно отражать его реалии. Необходим также учет латентности соответствующей преступности. Подробный перечень преступлений, предусмотренных действующим УК РФ, которые криминологи учитывают при выделении преступности в сфере криминального рынка, дается в предыдущих главах.

[2] Организованная преступность-4. М., 1998. С. 23.

[3] См.: Торговля людьми. Социокриминологический анализ. М., 2002.

Глава 13. Генезис эскалации криминального общества и проблемы глобализации

§ 1. Генезис эскалации криминального общества в России

При анализе генезиса эскалации организованной преступности и криминального общества особенно важно понимание двух следующих принципиальных моментов:

1) детерминация преступности, процессы причинности включают как влияние внешних для преступности социальных явлений и условий, так и процессы ее самодетерминации. Практически наблюдаются изменения организованной преступности, структурируемого ею криминального общества под влиянием взаимодействия внешних и внутренних для них процессов;

2) при анализе генезиса эскалации криминальных явлений важен учет во взаимодействии как внутренних для страны обстоятельств, детерминирующих (в том числе порождающих) преступность и ее особо опасные состояния, так и внешних, касающихся других государств и метасреды в целом — человеческого общества Земли как единой сложной социальной системы с различными структурами и их сложными взаимодействиями.

Изложенное обязывает всегда обеспечивать *системное* воздействие: как на общие социальные процессы, явления (общее, специальное предупреждение), так и на саму преступность, осуществлять декриминализацию разных сторон общественной и государственной жизни, их оздоровление. Однако эти закономерности преступности практически игнорируются. Период реформ в России особенно ярко продемонстрировал, какое сильное влияние способны оказывать на преступность и общество, во-первых, самодетерминация преступности, особенно организованной; во-вторых, так называемый «внешний фактор» для России.

Указанные положения сочетаются, во-первых, с признанием в качестве важных детерминирующих обстоятельств тех, которые связаны с характеристиками общества в целом, во-вторых, с осознанием базовой роли социально-экономического фактора при очень сложном механизме его воздействия на преступность, поскольку такое воздействие осуществляется всегда во взаимодействии с социальным, политическим и духовным факторами.

Каждому типу общественно-экономической формации свойственны определенные характеристики преступности.

Государства с развитой рыночной экономикой всегда отличались высокими коэффициентами имущественной преступности; организованностью последней; использованием преступниками крайних форм насилия, коррупции в целях обеспечения высоких криминальных доходов; другими опасными криминальными явлениями, в том числе связанными с преступными манипуляциями в сфере политики и формирования выборных органов государственной власти[1].

Все это закономерно, поскольку и рынок, и преступность в основе базируются на одних и тех же «столпах»: крайнем эгоизме субъектов, их стремлении любой ценой оказаться в выигрыше на основе постулата: «пусть неудачник плачет». По Ф. Энгельсу, преступность есть проявление социальной войны, когда «каждый стоит за себя и борется за себя против всех остальных, и вопрос о том, должен ли он причинять вред всем остальным, которые являются его заклятыми врагами, решается для него исключительно эгоистическим расчетом: что для него выгоднее...И эта война, как показывают таблицы преступности, становится год от году все яростнее, ожесточеннее и непримиримее...Эта война всех против всех и буржуазии против пролетариата не должна нас удивлять, ибо она есть лишь последовательное осуществление принципа, заложенного уже в свободной конкуренции»[2]. Э. Шур также пишет, что бизнес как бизнес, без сомнения, скрывает в себе широчайший спектр укоренившихся «беловоротничковых» преступлений[3].

При анализе нарастающего торжества криминального общества в девяностых годах, обращают на себя внимание целый ряд существенных моментов:

• развитие свободной конкуренции в России без одновременного введения тех ограничений и сдерживающих механизмов, которые нарабатывались в странах рыночной экономики десятилетиями, особенно после Второй мировой войны;

• расчет на самодостаточность рынка как регулятора общественных отношений;

• тотальное введение рыночных механизмов, практически во всех сферах жизнедеятельности и реально без необходимых сдержек и использования эффективных компенсационных механизмов. В том числе в области оказания медицинской помощи даже тем лицам, которые погибали при ее неполучении в результате отсутствия денежных средств; в сфере образования даже на его самом необходимом,

---

[1] Вместе с тем, и реальный социализм не создавал криминологического рая, что отмечается, в частности, в учебнике «Криминология». Под ред. А.И. Долговой. М., 2001.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 364.

[3] *Шур. Э.* Наше преступное общество. М., 1977.

обязательном для всех детей этапе; при обеспечении надежной безопасности граждан. Многое в безопасности зависело от наличия средств для оплаты услуг частных охранных предприятий, платной деятельности охранных структур МВД России.

• несистемное преобразование общественных отношений. Влияние экономики – и преимущественно монетаристского фактора – на другие сферы жизни трактовалось односторонне и механистически;

• отношение идеологов реформ к населению как к пассивному объекту, а не активному субъекту, способному вносить существенные коррективы в планы реформаторов и своеобразно реагировать на изменения привычного образа жизни и отношений. В частности, не просчитывалась возможность тех масштабов и характеристик криминального реагирования на криминальные явления, которые фактически имели место в девяностых годах XX века;

• игнорирование исторических традиций народов России, их ценностно-нормативных ориентаций, нравственных и иных установок[1]; отсечение подрастающего поколения от лучших достижений западной, восточной и других культур; активное внедрение в молодежную среду образцов поведения, которые бы пресекали духовную связь поколений и тем самым препятствовали влиянию цивилизованного духовного потенциала нации и человечества. Высокая духовность, нравственность — важные антикриминогенные факторы;

• игнорирование в процессе социальных преобразований особенностей преступности, как относительно самостоятельного и специфического социального явления, способного поражать различные общественные отношения, активно наступать на ту часть общества, которая основана на праве и ориентирована на право, закон.[2].

• фактическая неприкосновенность сколоченных криминальных состояний и непринятие эффективных правовых мер к возвращению

---

[1] Периоды уничижения России и ее традиций были в истории и их «авторы» получали достойную оценку. Поэт Николай Языков писал в 1844 г. в стихотворении « К ненашим», имея в виду трех соотечественников:

« Вас поднимает; в вас живет
Любовь не к истине и благу!
Народный глас — он божий глас —
Не он рождает в вас отвагу:
Он чужд, он странен, дик для вас.
Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша —
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещенья,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!
Хулой и лестию своею
Не вам ее преобразить,
Вы, не умеющие с нею
Ни жить, ни петь, ни говорить!»

[2] *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С.143

преступно захваченного законным владельцам, особенно в условиях, когда организованные преступники, опираясь на криминальные капиталы, выходят на политическую и международную арены. В организованной преступности наиболее опасна ее экономическая криминальная деятельность – сосредоточение огромных капиталов, которые начинают все активнее влиять на политическую, духовную и иные сферы жизни общества, приводят к обнищанию больших слоев населения. Даже можно сказать — нации.

Сицилийский писатель Джузеппе Фава отмечает, что «основная причина существования мафии — в беспросветной нищете, в нищете, что собирает воедино неграмотность и болезнь, суеверие и ханжество, отсталость и насилие...Корни мафии—нищета, но ее катализатор—погоня за богатством, грязным богатством» [1].

Именно это вместе взятое приводит к таким масштабам криминализации общества, которые угрожают достижениям цивилизации и человечеству.

Следует признать, что те социальные группы, которые обеспечили высоко криминогенный и во многом прямо криминальный путь реформирования, вызрели в недрах социалистического общества. Устойчивый рост преступности в СССР, России начался с середины шестидесятых годов, при этом усугублялись ее активность, устойчивость и организованность.

Уже в социалистическом периоде существования российского общества, начиная с шестидесятых годов, зарождались предпосылки указанного процесса криминализации и преобразования общественных отношений под сильным влиянием криминального интереса.

На факт деформации и криминализации сферы экономики указывали также экономисты, социологи в результате исследований теневой экономики и других форм социальной патологии. Ими делались попытки подсчитать масштабы теневой экономики, причиняемый ею ущерб и извлекаемые в ней доходы[2]. В теневой экономике экономисты и социологи выделяли различные секторы или структуры: криминальная, фиктивная, неформальная, нелегализованная и другие. В конце восьмидесятых годов отмечалось, что «выделенные

---

[1] См.: *Геллерт Габор*, Мафия, М., 1983.С. 10.

[2] Так, по оценкам Т.И. Корягиной, объем теневой экономики в народном хозяйстве СССР в начале 60-х годов был равен 5 миллиардам рублей в год ,из которых 2,5 миллиарда приходилось на сферу материального производства. К концу восьмидесятых годов, как писала Т.И. Корягина, объем теневой экономики стал составлять до 90 миллиардов рублей в год, а на сферу материального производства приходилось более 80 %. (Теневая экономика. М., 1991.С.40. См. также : ОРИА, «Горячая линия»—1, № 0312787. *Глинкина С.П.* Проблемы и тенденции развития «теневой» экономики в современной России. М., 1995.

элементы не являются строго изолированными друг от друга, границы между ними размыты, перекачка ресурсов из одного сектора теневой экономики в другой является обычным делом, непреступные методы трансформируются в преступные»[1].

Средства, высвобождавшиеся в сфере фиктивной экономики, например при приписках и тому подобное, до начала семидесятых годов нередко разбазаривались, пропадали, но затем они почти полностью похищались, присваивались в результате должностных злоупотреблений. Непосредственно в предперестроечный период эта фиктивная экономика только внешне могла оцениваться как таковая, ибо на деле она была либо результатом, либо прикрытием хорошо организованного извлечения преступных и иных теневых доходов. Криминальный сектор теневой экономики лишь назывался среди прочих, и практически ему не уделялось должного внимания как внутреннему системно-образующему фактору данной экономики, хотя последнее прямо вытекало из криминологических исследований. Эти же исследования показывали, что именно «черный», криминальный сектор становился все более преобладающим по объему и именно он обеспечивал получение доходов, которые позднее назывались «доходами теневой экономики», «капиталами теневой экономики».

Теневая экономика в России к концу семидесятых годов контролировалась лицами, совершавшими преступления, либо так или иначе связанными с ними, попадавшими от них в зависимость. Просчеты, упущения в управлении экономикой не только использовались для извлечения незаконных доходов, но и целенаправленно усугублялись, искусственно создавались. Система социального контроля умышленно расшатывалась теми, кто извлекал незаконные доходы.

При этом за счет процессов, происходивших в криминальном секторе экономики, изменения структуры имущественной преступности и ее материального вреда нарастала социально-экономическая дифференциация не только в криминальной среде, но и в обществе в целом. По данным Н.В. Кривощековой, только по направлявшимся в суд уголовным делам в 1979 г. 0,55 % преступников, совершивших хищения в крупных и особо крупных размерах, причинили материальный ущерб, составивший 15 % от общей суммы, а в 1983 г. на 2,2% расхитителей данной категории приходилось 53,3 % от общей суммы материального ущерба — 3 562 403 руб. На других 98 % расхитителей пришлось менее половины (47 %) суммы материального

[1] Переход к рынку. Концепция и программа. Часть I. М., 1990. С. 124.

ущерба. При этом, несмотря на значительный рост материального ущерба, процент его реального возмещения неуклонно снижался и, если в 1979 г. он составлял 46,4 %, то в 1983 г. только 35,4 %.

Позднее продолжала расширяться и общеуголовная корыстная преступная деятельность, и должностная, и экономическая, хозяйственная. В 1986 — 1993 гг., как уже отмечалось, резко возросло число регистрировавшихся хищений в особо крупных размерах и у выявлявшихся преступников все больше обнаруживалось не отечественных денег, а валюты, золота, платины, драгоценных камней[1]. Обнаруживаемое представляло собой «каплю в море», но оно давало определенное представление о нарастании в руках преступников капиталов, причем в основном таких, которые не могли утрачиваться в результате инфляционных процессов и обесценения сбережений населения в Сберегательном банке.

В 1985 году криминологи при проведении исследований в разных регионах страны задавали вопрос, известны ли опрашиваемым лица, которые живут значительно лучше окружающих, и если известны, то за счет чего эти люди выделяются своей материальной обеспеченностью? О том, что такие люди не известны, отвечали не более 16 % опрошенных, в основном в сельской местности. В первую очередь опрошенные называли следующих выделявшихся материальной обеспеченностью лиц:

•лица, имеющие по работе доступ ко многим материальным благам (работают на складе, в магазине, пищевом предприятии и т.п.). В Московской и Ростовской областях их назвали 40 % опрошенных, в Курской — 41 %, в Башкирской АССР — 47 %, в Свердловской области — 52 %,в Тувинской АССР — 43 %;

•«нужные» люди, которым оказывают услуги и делают подарки (в том числе работники бытового обслуживания, медицинские работники и т.п.): в Московской области — 20 %, в Ростовской — 26%, в Курской — 25 %, в Башкирской АССР — 24 %, в Свердловской — 19 %, в Тувинской АССР — 17 %;

•лица, занимающие ответственное положение — соответственно 18 %, 22 %, 8 %, 19 %, 21 % и 17 %;

•лица, работавшие по договорам, совместительству (в основном в теневой экономике), —соответственно 17 %, 7 % , 11 %, 12 %, 10 %, 12 %, 12 %;

---

[1] В 1989 году было выявлено 16,6 млн. рублей, а в 1992 году - 90,6 млн. рублей (но при этом надо учитывать инфляцию), иностранной валюты — на 58,3 млн. руб. и 11 853 млн. рублей; золота, платины — 41,2 кг и 381,4 кг, серебра — 24,9 кг и 225,7 кг. (Изменения преступности в России. Криминологический комментарий статистики преступности. М., 1994).

О людях с высоким образованием и учеными званиями упоминали в этой связи 8-16 % опрошенных в разных регионах, о высококвалифицированных рабочих — 11- 18 %; о лицах, выполнявших заказы частных лиц — 5 - 18 %; прямо о корыстных преступниках — 5 -16 %.

В 1990 году при ответах на этот вопрос в Ростовской и Московской областях на первое место по распространенности опрошенные вновь поставили лиц, имевших по работе доступ к материальным благам (склады, магазины и т.п.), — соответственно 57 % и 51 %; на второе — членов кооперативов (35 % и 23 %); на третье — лиц, занимающих ответственное положение (32 % и 24 %). Прямо на преступников, совершавших кражи и хищения, указали соответственно 13 % и 16 % опрошенных[1].

В тот же период ничем не закончилась и была скомпрометирована кампания по борьбе с так называемыми «нетрудовыми» доходами. При их толковании оказывалось, что фактически речь шла преимущественно о преступных доходах, получаемых в результате организованной преступной деятельности. Изъятие этих капиталов и активное разоблачение их владельцев сдерживалось кампанией по дискредитации такой борьбы. В частности, активно формировалось мнение, в том числе и с помощью ряда научных сотрудников, средств массовой информации, о преступной экономической деятельности как о «смазке» негодно работающего социалистического хозяйственного механизма и о необходимости фактической легализации незаконной экономической деятельности. Осужденные за крупные хищения, злоупотребления объявлялись «жертвами» негодной официальной экономики и авангардом преобразований, самыми деятельными, инициативными и талантливыми хозяйственниками-экспериментаторами, без которых экономика страны вообще придет в упадок.

Криминологический анализ приводит к выводу о трех следующих основных источниках развития организованной преступности и криминального общества в России конца XX века..

Первый источник — экономические преступники и их капиталы, которые внесли значительный вклад в эскалацию организованной преступности и противодействие цивилизованному, эффективному ей противостоянию на основе закона.

---

[1] Исследование проводилось сотрудниками отдела общих проблем криминологии Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, позднее — НИИ проблем укрепления законности и правопорядка.

Второй источник — те представители государственной и партийной номенклатуры, которые оказались прямо или косвенно связанными с теневыми доходами. Речь идет не только о преступных доходах, получавшихся в виде взяток или являвшихся результатом иных должностных преступлений, но также и о других. Тех, которые не вытекали из закона и нигде не афишировались, основывались на не публиковавшихся «внутренних» решениях номенклатуры. Это — становившиеся известными всем спецпайки, спецснабжение, спецобслуживание.

Укрепление законности в условиях развития демократии, обеспечение фактического равенства всех перед законом могло бы серьезно отразиться на привилегиях представителей данной социальной группы. Им становилось некомфортно, «тесно» в рамках прежней социалистической системы.

Государственная и партийная номенклатура становилась все более замкнутым слоем, в значительной мере воспроизводившим самого себя. Дети влиятельных чиновников вместе с детьми владельцев крупных криминальных капиталов и той элиты, которая обслуживала власть предержащих, «теневиков», учились в престижных учебных заведениях, минуя при поступлении туда честный конкурс, начинали работать за рубежом либо в организациях, обеспечивавших привычные привилегии и доходы. Из уголовных дел и материалов было видно, что нередко такие «отпрыски» еще в то время характеризовались «долларовым мышлением» и при лишении привычных доходов легко шли на сделку с преступниками.

В семьях деятелей теневой экономики, немалой части государственной и партийной номенклатуры вырастало поколение, которое не готово было жить по легальным стандартам своего возможного статуса в стране. В результате привычный стандарт жизни они сами и их родители начинали обеспечивать любым путем вплоть до обслуживания криминального интереса.

Третий источник — профессиональная общеуголовная преступность. Профессиональные преступники всегда стремились и создавали свои структуры, широко обслуживающие их специфические интересы. Их доходы возрастали по мере расшатывания системы социального контроля в экономике и увеличения в стране слоя особо обеспеченных граждан. Например, уже давно совершались акты мошенничества или вымогательства в отношении деятелей теневой экономики, экономических и должностных преступников, которые не склонны были сообщать о таких актах правоохранительным органам. С другой стороны, экономические преступники не чужды были прибегать к помощи уголовной среды для имитации

поджогов или ограблений в целях сокрытия следов хищений, устрашения свидетелей, подделки документов и иных целей. В местах лишения свободы, особенно после активизации борьбы с экономической и должностной преступностью на рубеже восьмидесятых годов XX века, когда там увеличилось число осужденных за эти деяния, укреплялся союз общеуголовных и экономических, должностных преступников.

Нарастал кризис социалистической системы в том виде, как она существовала в СССР. Криминологи, проводившие исследования, это видели лучше, чем кто-либо. Рост преступности, увеличение ее общественной опасности, вовлечение в нее представителей все новых социальных групп, значительная пораженность ею целых отраслей хозяйства, стремительное нарастание социально-экономической дифференциации населения, не основанной на законных средствах, а также многое другое говорило о серьезных и глубоких причинах кризиса.

Обстоятельный анализ причин «падения» социализма в его существовавшем варианте — не тема настоящей книги. Стоит только упомянуть о некоторых криминологически значимых обстоятельствах.

В условиях конкретного социализма одно из основных противоречий состояло в общественной собственности на средства производства и личной форме присвоения. Кроме того, тезис об общенародной собственности и общественной форме производства реализовывался путем почти тотального их огосударствления. Колхозы и кооперативы жестко контролировались государством. По существу, оно руководило ими. При этом отмечалось смешение всеобщего, общего и личного интереса. Такой подход на практике приводил к обезличиванию общественной собственности (вся и ничья), пассивному отношению к ее приумножению и охране, другим негативным явлениям. Кроме того, в условиях глобального обобществления и огосударствления имущества многое зависело от решения проблемы организации управления ею. Как это делать, в каких отношениях должны находиться государство-собственник и юридические лица, трудовые коллективы, которым вверяется эта собственность? Каковы конкретные субъекты и характер их ответственности за нерадивое ее содержание, управление ею, прямые убытки и упущенную выгоду? Все это — очень непростые вопросы, которые в двадцатых годах и позднее начал решать еще академик А.В. Венедиктов, а позднее они остро дискутировались представителями гражданского и хозяйственного права.

Гражданское право регулирует отношения независимых собственников, но, как писал А.В. Венедиктов, прослеживалось все усиливающаяся тенденция «к превращению правовых отношений между формально самостоятельными и обособленными участниками гражданского оборота в организационно-технические отношения между отдельными звеньями единой синдицированной промышленности. Этот процесс... отражает ...процесс превращения движения товара от одной «самостоятельной хозяйственной единицы» (треста) к другой (синдикату) в движение продукта внутри замкнутого хозяйственного комплекса...»[1]. Далее отмечалась неотложность работы юристов и экономистов над этой проблемой. При указанном движении продукта внутри замкнутого хозяйственного комплекса ошибки в централизованном управлении таким комплексом практически не могли радикально компенсироваться инициативой и разумными решениями в рамках отдельных госпредприятий. То есть система не имела достаточной надежности. Решение данной проблемы актуально в любом государстве, владеющим собственностью.

Заметим, что опыта практического решения задачи управления гигантским хозяйством ранее не было. Командно-административные методы, которые казались наиболее быстро дающими результаты, оправдывавшие себя в экстремальных ситуациях (война), в стратегическом плане оказались неэффективными.

Социалистическая собственность не имела надлежащего учета и контроля, руководители предприятий, министерств, страны, разваливавшие экономику, не несли никакой материальной или иной ответственности. К этому надо добавить, что процессы управления огромной собственностью требовали высоких технологий, использования высокоэффективных систем с новейшей электронной техникой. Но все это не обеспечивалось, в том числе по объективным причинам — отсутствия соответствующих научных и технологических разработок.

Существенно и другое: был провозглашен принцип «от каждого по способности, каждому — по труду». Но как оценивать труд? До сих пор не существует в мире других оптимальных методик, помимо рыночной оценки результатов труда. Со временем при социализме появилась оплата на основе государственной оценки труда (нормировщики и т.п.) и так называемой рыночной (шабашники).

Обобществление средств производства, общественный характер труда сочетались с личной формой присвоения. Это отражалось на

---

[1] *Венедиктов А.В.* Правовая природа государственных предприятий. Л., 1928. С. 150-151.

реальной системе приоритетов людей: обеспечении личного благосостояния за счет общественных фондов, государственной и общественной собственности, нарушения закона, особенно в условиях должностных злоупотреблений тех, кто управлял этой собственностью, установления ими для себя особого режима материального благополучия и доступа к социальным благам.

Существовала основа для сохранения социального типа личности, ориентированного на свободную конкуренцию, достижение личного благополучия любым путем.

Введение «потолков» фонда зарплаты сочеталось с фактическим неравенством физических, интеллектуальных и других возможностей людей, их положения. Все это служило предпосылкой расширения «теневой экономики» или «параллельной экономики». Последняя же практически все больше размывала официальные социалистические отношения. Усиливалась дифференциации населения по уровню реальных доходов, расширялись социальные слои, которым становилось «тесно» в рамках социалистических отношений.

Легитимной и сильной оппозиции власти не было. Институты гражданского общества и критически настроенные граждане, болевшие за судьбу страны, существовали, но сильно зависели от власти, хотя бы уже потому, что не обладали экономической самостоятельностью. Выделились только «шумные» диссиденты, получавшие поддержку различных фондов и ассоциаций. Многие из них затем выехали за рубеж на постоянное местожительство и даже немало оставшихся называют Россию «этой страной».

«Социалистическое общество» реально функционировало в его тоталитарном варианте, без сильных механизмов, которые позволяли бы народу корректировать действия стоящих у власти сил и лиц.

В этих условиях развивались так называемые «застойные явления», а фактически общество деградировало, не обеспечивало надлежащего прогресса и гармонизации жизни нации. Социалистическая система в экономическом отношении стала все очевиднее проигрывать рыночной. Все больше появлялось убедительных доказательств того, что экономические и управленческие отношения в конце семидесятых-восьмидесятых годах преимущественно строились не на законной основе, а на базе так называемых «неформальных» отношений — фактически на прочно устоявшихся к тому времени неписаных правилах поведения в сфере экономики и управления. Эти правила позволяли при реальном социализме в СССР выживать в условиях рассогласования экономического и социального развития; необходимости обеспечивать прирост объемов выпуска продукции любой ценой; необеспеченности плано-

вых заданий материальными ресурсами; острого дефицита товаров, услуг и т.п.

Криминологи выходили на глубинные причины расширения криминализации общества. Исследования приводили к выводу о «преждевременности» социалистического типа общества как такового. Оно в XX веке не обеспечивало реализацию тех высоких принципов, которые провозглашались. Например, принцип «от каждого — по способностям, каждому — по труду» вовсе не предполагал «уравниловки», но последняя торжествовала..

Именно данные причины выделяются из всего комплекса для того, чтобы подчеркнуть, что, с одной стороны, они должны были бы задавать направление перестройке и реформам, ставить перед реформаторами цель взвешенного и эффективного решения проблем собственности, в частности, оптимизации управления этой собственностью. Разгосударствление и приватизация в этой связи логичны, но они должны были сочетаться с совершенствованием указанного управления и не причинять большего вреда народу, чем плохое управление государственной собственностью.

Население приветствовало и перестройку, и реформы. Кризисные явления ни для кого не были секретом, и такая позиция людей вполне закономерна. Академик Т.И. Заславская писала в1983 г.: «Логически группами, наиболее заинтересованными в переходе к экономическим методам управления должны быть, во-первых, руководящие «штабы» предприятий (объединений), права которых предполагается резко расширить, во-вторых, рядовые рабочие и ИТР, которые смогут полнее использовать личные способности, более эффективно работать и получать более высокий доход... Наиболее квалифицированные, энергичные и активные представители этих групп считают, что сейчас работают не в полную силу. Они хотят полнее самореализоваться в труде, иметь лучшие условия жизни и потому поддерживают идеи интенсификации экономики»[1]. Действительно, по данным исследований, в начале реформ среди тех, кто начал заниматься предпринимательской деятельностью, оказались преимущественно молодые люди в возрасте 28-33 лет с высшим техническим образованием. Но «выжили» как предприниматели только те, которые так или иначе начали сотрудничать с представителями других социальных групп — владельцами теневых, криминальных капиталов, коррумпированными служащими, и нашли способы мирного сосуществования с новым поколением так называемых «бандитов».

---

[1] *Заславская Т.И.* Проблемы совершенствования социалистических производственных отношений и задачи экономической социологии. Новосибирск., 1983. С. 18.

Реальный процесс преобразований в России стал происходить под все усиливающимся влиянием криминального и иного «теневого» интереса. Крайне поспешные и внешне «непродуманные» решения о развитии кооперации во внедренном варианте, стремительный отказ руководителей государства от централизованного снабжения остро дефицитной, ранее фондируемой продукцией, от монополии на внешнюю торговлю, монополии на производство и торговлю алкогольной продукцией, позднее — практическое отсутствие четких и надежно обустроенных государственных и таможенных границ России привели к катастрофическим процессам. Последние же повлияли на расцвет организованной преступности, вовлечения значительной части населения в криминальное общество.

Если оценивать последние десятилетия существования социалистического периода с позиции отношения к организованной преступности, то, как уже отмечалось, в основном это был период доказывания ее существования. Вывод о наличии в стране уже не просто множества организованных преступных формирований и сообществ, а масштабной организованной преступности, был сделан криминологами в начале восьмидесятых годов на базе проведенных обширных исследований[1]. Однако с середины восьмидесятых годов и практически до последнего времени данному выводу противопоставлялись тезисы о «помельчании» преступности в России, о недоказанности факта функционирования организованной преступности (действуют лишь разные организованные преступные формирования) либо об ее существовании лишь «на уровне ЖЭКа или плодоовощной базы», а также о том, что «в России не может быть ничего организованного», гораздо актуальнее борьба с преступлениями, совершаемыми на бытовой почве. В то же время нельзя же было серьезно считать, что доказательством «помельчания» преступности является значительный удельный вес среди рассмотренных судами дел тех, которые касаются спонтанной бытовой преступно-

---

[1] Во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности в 1982 году был подготовлен в режиме «совершенно секретно» научный доклад об оценке преступности (В.А. Григорян, А.И. Долгова, Ю.Г. Козлов), где делался вывод о развитии организованной преступности и ее наступлении на здоровую часть общества. .Позднее в восьмидесятых годах сотрудники ВНИИ МВД СССР (А.Н. Волобуев, А.И. Гуров, А.С. Галкин, В.Д. Пахомов), Омской высшей школы милиции М.П. Клейменов, Академии КГБ СССР (С.В. Дьяков) делали аналогичные выводы на базе проведенных ими исследований. А.И. Гуров в середине шестидесятых годов большое внимание уделял профессиональной преступности и в результате ее исследований вышел на процессы консолидации уголовного мира, как составную часть процессов развития организованной преступности вообще. Указанные выводы встречали критику многочисленных оппонентов, оперировавших разными аргументами.

сти. Была еще масса приостановленных дел о нераскрытых весьма тяжких и хорошо подготовленных преступлениях организованных групп, банд. Существовала значительная скрытая часть латентной преступности.

В конце 1989 г., наконец, организованную преступность как будто бы признали. 23 декабря 1989 г. Съездом народных депутатов СССР было принято Постановление «Об усилении борьбы с организованной преступностью»[1].

Только более чем через год , 4 февраля 1991 г., Указом Президента СССР «О мерах по усилению борьбы с наиболее опасными преступлениями и их организованными формами» признано необходимым создание в МВД СССР «Главного Управления МВД СССР по борьбе с наиболее опасными преступлениями, организованной преступностью, коррупцией и наркобизнесом». Название данного Управления отражало продолжающееся сопротивление признанию организованной преступности. Созданные специализированные подразделения действовали в рамках прежнего законодательства, создававшегося в годы, когда признавалось, что, как шутили сатирики, кое-где кое-кто иногда еще совершает преступления.

Данное положение дел даже теоретически обосновывалось. Так, в 1989 году была опубликована книга А.Э. Жалинского «Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью», в которой автор пишет практически о том, что не существует убедительных доказательств организованной преступности: «Оказывается, трудно решить, с чем в самом деле столкнулось общество: с каким-то заговором, организацией или относительно массовым порождением преступлений, включая весьма опасные, под воздействием типично неблагоприятных факторов (деформация отношений собственности, сопротивления административно-командной системы, управленческой безответственности и т.д.). Поэтому переход к следующим этапам, т. е. к анализу возможностей использования правовых средств и выбору оптимального варианта решения, должен осуществляться с учетом имеющихся сомнений, которые должны побуждать общество к особо взвешенному принятию решений. Этим определяется, в частности, различный подход к вопросам о создании специальных организационных структур для борьбы с организованной преступностью и расширению пределов уголовной ответственности. Создание в правоохранительных органах подразделений для борьбы с так называемой организованной преступностью может оказаться полезным. Оно позволит получать больший

[1] Доклад о ее состоянии делал бывший Генеральный прокурор СССР В.Я. Сухарев на Съезде народных депутатов СССР.

объем нужной информации, совершенствовать навыки борьбы с опасными преступлениями, включая специфические приемы пресечения рэкета, раскрытия иных преступлений, задержания преступников, и вряд ли несет в себе какие-либо существенные негативные последствия. Иначе обстоит дело с предложениями о расширении уголовной ответственности. Сейчас не время процессов против врагов народа, но тем более нужно предостеречь от опасной замены принципа личной виновной ответственности, оправдавших себя правовых форм соучастия неопределенными формулировками, которые могут позволить создавать по воле следователя преступные организации из людей, не знавших друг друга и не связанных единством умысла. Вообще нельзя переносить социальное определение организованной преступности на уголовно-правовые отношения. Нужно искать правовые средства»[1].

Строго говоря, особенно искать такие средства не приходилось, ибо за рубежом государства, которые на несколько десятилетий раньше России столкнулись с высокоорганизованной преступностью, выработали солидную систему эффективных правовых средств. Каждое из них (США, Италия, Германия и др.) эти правовые средства разрабатывали в рамках: с одной стороны, общества развитых рыночных отношений, с другой — исторически сложившейся в каждом из них правовой системы (англосаксонской либо континентальной, иной). Но при этом во многом совпадали принципы реагирования на организованную преступность. Они определяли выбор соответствующих средств выявленные закономерности организованной преступности и ее чувствительность к разным воздействиям.

Итак, в процессе «перестройки» и реформ были проигнорированы все указанные обстоятельства и процесс криминализации общества пошел по нарастающей. Что при этом руководило теми, кто находился у власти: криминологическое невежество, криминологический романтизм (надежда на «золотые головы» беловоротничковых преступников; криминологический цинизм, признающий криминал как средство достижения поставленных целей; сдача себя под напором криминала просто на милость наступающей стороны ?

Действенному реагированию на криминализацию российского общества препятствовала и хорошо оплачиваемая из преступных и «серых» доходов деятельность многих средств массовой информа-

---

[1] *Жалинский А.Э.* Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. М., 1989. С.87 - 88 .

ции по «отбеливанию» преступников, прежде всего, беловоротничковых. Они взяли на себя функции «четвертой власти».

В ходе перестройки, реформ практически не уделялось серьезного внимания оптимизации управления государственной собственностью. Ее удельный вес стремительно сократился и не только в результате легального отчуждения всё большей части этой собственности, но также и криминального. Одновременно отмечались ее уничтожение, порча, моральное и физическое устаревания средств производства из-за дурного управления ею. «Дикая» приватизация сопровождалась остановкой многих ранее активно функционирующих предприятий. Резко возросла безработица и она продолжает оставаться для России «больной» проблемой[1].

Тезис о развитии предпринимательства реализовывался в условиях полного отсутствия системы поддержки добросовестного предпринимательства и лишения населения честно приобретенных сбережений. Таким образом, криминальные капиталы (в валюте, золоте и т.п.) оказались вне конкуренции, а накопленные семьями легальные средства не могли быть использованы ни на поддержку молодого поколения, решившего испытать себя в «бизнесе», ни на приватизацию. Приватизация проводилась стремительно, без подготовки индивидуальных проектов, привязанных к конкретным предприятиям, как это принято делать за рубежом.

Следует признать, что прогресс остановить нельзя и правовая база должна соответствовать новым социальным реалиям[2]. И «светлое криминологическое» будущее связано вовсе не с остановкой прогресса, а с декриминализацией его стратегии и процессов, в условиях которых «заработали» в полной мере криминальные капиталы. Их владельцы начали «прибирать к рукам» национальное достояние, государственных служащих, подрастающее поколение. В условиях безработицы немалая часть молодых людей оказывалась среди тех,

---

[1] «Рост общей безработицы был приостановлен после 1999 г. К концу года зарегистрированная безработица составила 20 % от общей безработицы, что демонстрирует достаточно низкую эффективность государственных служб в регулировании процессов занятости. Общая численность безработных в целом за 2001 год уменьшилась примерно на 9 % и составила на конец декабря 6,4 млн. человек. Соответственно уровень общей безработицы (доля безработных в экономически активном населении страны) составил 9 %...нагрузка незанятого населения, зарегистрированного в службах занятости, на одну заявленную вакансию повысилась до 1,5 человек...». (*Зубова Л.Г.* Социально-экономическое положение России: процессы и тенденции // Социальная сфера: проблемы и суждения. М., 2002. С. 213.

[2] Факт отражения правом социальной нужды того или иного времени отмечает академик В.Н. Кудрявцев. При этом он пишет: « Конечно, право и субкультура — полярные формы регулирования поведения, но есть и промежуточные точки. Весьма опасной представляется, например, такая разновидность «теневого» нормотворчества, когда социально преимелемым и одобряемым нормам, институтам и декларируемым системам ценностей на самом деле не соответствуют фактические отношения людей».(*Кудрявцев В.Н.* Преступность и нравы переходного периода. М., 2002. С. 206).

кто обслуживал лидеров организованной преступности, а затем делал в этой среде своеобразную «карьеру».

Криминальная деятельность все большим числом граждан рассматривалась как наиболее радикальное средство обеспечения своих интересов в условиях рынка. Тем более рынок практически превращался во вседозволенность: «разрешено все, что не запрещено законом». Данный лозунг практически отбрасывал прочь моральные, религиозные, эстетические и другие нормы поведения. В преступную деятельность активно стали втягиваться представители даже тех слоев населения, которые криминологами ранее считались благополучными: военнослужащие, научные сотрудники, представители творческой интеллигенции. Один из мотивов — это скорее создать первоначальный капитал любой ценой во имя того, чтобы выжить в условиях рынка. Предметом преступных сделок стали государственные секреты, научные открытия, непреходящие ценности.

Ставились все более масштабные цели добиться обеспечения сверхдоходов любой ценой. Средства диктовали обстоятельства: молодые люди от вымогательства и грабежей переходили к мошенничеству и убийствам, от небольших групп соучастников — к созданию разветвленных преступных организаций.

В сфере взаимодействия криминального и легалистского общества происходили сложные процессы. Так, стала расширяться практика использования криминальными лидерами при лоббировании своих интересов в эшелонах власти так называемых «экспертов» из числа оплачиваемых ими «добропорядочных» специалистов. Затем криминальные лидеры стали внедрять туда непосредственно своих ставленников, заботясь о придании им внешней «респектабельности». Позднее указанные лидеры сами «пошли в политику», причем многие не скрывали уже своего криминального прошлого.

Все отчетливее проявлялись политизация организованной преступности и криминализация политиков. Многие политики быстро поняли, что они могут оказаться никем и ни с чем в будущем царстве рыночной экономики, владельцев крупных состояний. Их увлеченность погоней за «скорыми и большими деньгами» принимала причудливые формы и не оставалась незамеченной ни средствами массовой информации, ни населением, ни преступным миром. Был взят под стражу бывший и.о. Генерального прокурора РФ А. Ильюшенко по обвинению во взяточничестве и злоупотреблении должностным положением, привлекались к уголовной ответствен-

ности за получение взятки бывшие депутаты[1]. Обвиняемый — еще не осужденный и не признанный по закону виновным. Потом немало уголовных дел было прекращено.

Но все-таки в связи с изложенным стоит вспомнить, о чем говорил тридцатисемилетний заместитель председателя Моссовета Сергей Станкевич на встрече с коллективом студентов и преподавателей Московского инженерно-физического института. Судя по газетной публикации, сказал он следующее: «...мы не создали правовых условий для коммерческого успеха предпринимателей, использующих законные методы. Это скорее происходит как исключение вопреки существующим условиям. Но мы создали условия для действия предпринимателей, готовых использовать полузаконные и незаконные методы. Таким образом, с самого начала новые рыночные ростки нашей экономики приобрели вполне отчетливый криминальный оттенок. После этого создалась наша классическая ситуация. Мы породили эту проблему своей же непоследовательностью, несостоятельностью в качестве реформаторов. Мы придали росткам рыночной экономики криминальный оттенок, потом ужаснулись от содеянного своими руками и не нашли ничего лучшего, как организовать тотальную охоту за этим нашим порождением. Хотя более логичным было бы форсировать ход экономических преобразований и немедленно создать правовой простор для предпринимателей, действующих по закону. Этот выход, к сожалению, откладывается, а тотальная охота правоохранительных органов за предпринимателями уже развернута».[2]

То, что С. Станкевич и его единомышленники законное реагирование правоохранительных органов на преступления в экономике назвали «тотальной охотой» за предпринимателями, дорого обошлось правоохранительным органам. Фактически правоохранительная деятельность бала парализована. Использовалось многообразие средств: и нищенская, нерегулярно выплачиваемая зарплата сотрудникам правоохранительных органов, и ликвидация организационно-материальной базы экспертной деятельности, и продуманное «выталкивание» из системы принципиальных, высопрофессиональных» кадров, и «чехарда» законов, и дискредитация самых эффек-

---

[1] Газета «Труд» в статье «Станкевич, ау!» писала: «По нашим данным, Сергей Станкевич, которому инкриминируется получение взятки в особо крупных размерах, находится сейчас за границей...42-летний Станкевич привлекался к уголовной ответственности за получение взятки в 10 тысяч долларов США ...от организатора оперного фестиваля «Красная площадь приглашает» Омари Сохадзе. Как сообщили в Мосгорпрокуратуре, кроме Станкевича, к уголовной ответственности привлекаются Омари Сохадзе и бывший депутат Верховного Совета России Игорь Иванов» (Труд. 1996. 29 февр.).

[2] Станкевич С. Первая волна перемен иссякла //Российская газета. 1991.13 марта.

тивно работающих сотрудников, не сразу осознававших недостаточность правовых средств для разоблачения высокоорганизованных преступников — представителей новой социальной элиты, практически свою ненужность в новом, криминализированном обществе.

Одновременно бывший мэр Москвы Г. Попов фактически приравнивал государственных служащих к швейцарам, которым «дают на чай», когда заявлял, что не видит ничего опасного в дополнительном их «вознаграждении».

Происходила массированная дискредитация идеи законности и правопорядка, практически органы правопорядка лишались возможности нормального функционирования. Длительное время не финансировалась из федерального бюджета их профессиональная деятельность: отказывали даже в средствах для оплаты вызовов участников уголовного судопроизводства.

Одновременно отмечалось и отмечается широкое и целенаправленное внедрение преступной идеологии в общественное сознание, причем не только в обыденное. Жаргон мест лишения свободы, «криминальный фольклор» стали привычными для слуха граждан России, их широко используют средства массовой информации. Одновременно деятели организованной преступности обеспечивают «тылы» и пополнение: ими выделяются средства для оказания помощи пенсионерам, инвалидам, привлечения части населения на свою сторону. В бывших домах пионеров, домах культуры, кинотеатрах стали открываться казино, бары. Посещение спортивных учреждений становилось дорогостоящей акцией. А на улицах возрастало количество голодных и беспризорных детей и подростков.

Правопорядок и система его охраны были введены в состояние «устойчивой нестабильности». Размывалось представление о преступном, расширялись механизмы стирания границ между преступной средой и другими слоями населения, систематически «реформировались» правоохранительные органы, спецслужбы и их структуры. В России практически прошли две крупные судебные реформы.

Демонстрировалось тотальное недоверие к прежним кадрам правоохранительных органов, сопровождавшееся поспешным вытеснением, с использованием разных путей, высокопрофессиональных сотрудников и замещением вакансий малообразованными лицами, многие из которых начинали работать без опытных наставников. Отсюда те просчеты в борьбе с преступностью, которые отмечаются

в настоящем документе и другими исследователями[1]. Отсутствие должного содержания сотрудников правоохранительных органов. Это приводило часть таких сотрудников к недопустимому, в том числе криминальному, сотрудничеству с разными субъектами для получения необходимых средств не только для личного существования, но и в интересах функционирования соответствующего правоохранительного органа. Должная материально-техническая база правоохранительной деятельности и правосудия, отсутствовала, особенно касающаяся проведения сложных экспертиз и защиты участников уголовного процесса.

В этих условиях должным образом не обеспечивалось повышение квалификации участников борьбы с преступностью: снабжение их литературой, обучение в системе повышения квалификации, проведение научно-практических конференций и т.п. Из опрошенных сотрудников правоохранительных органов на рубеже веков в России слушали лекции на профессиональные темы 40 %, читали юридическую литературу 48 %, а касательно проблем организованной преступности соответственно 37 % и 49 %, коррупции — 26 % и 44 %, о новом УК РФ — 48 % и 59 %. Это при том, что около 40 % опрошенных не имели высшего юридического образования.

Прекратилось необходимое финансирование научных исследований проблем преступности. Отмечалось сведение борьбы с преступностью к односторонней карающей деятельности, причем носящей выборочный характер, в том числе с учетом многочисленных иммунитетов. Поэтому рост расходов на правоохранительную деятельность не приводил к перелому криминальной ситуации.

Законодательство срочно обновлялось, дополнялось, изменялось, эклектично вбирало институты разных правовых систем, корректировалось нередко противоречившими ему подзаконными нормативными правовыми актами либо решениями судов. При этом политические, законодательные шаги носили значительно более фрагментарный и «осторожный» характер по сравнению с мерами, предлагаемыми экспертами, специалистами в области борьбы с преступностью. Преимущественно быстро реализовывались меры по пресечению конкретных криминальных акций, значительно менее полно — по их предупреждению.

Все большее число граждан в этих условиях оказывалось незаинтересованным в противостоянии организованной преступности, не верило в результативность такого противодействия. Расширялись

---

[1] Из числа опрошенных в конце девяностых годов осужденных, отбывающих наказание, ответили, что по их делу профессионально выполняли свои обязанности 18 % следователей, 15 % прокуроров, 16 % судей и 17,5 % защитников.

слои, которые покидали правовое поле решения своих проблем. Как пела М. Распутина: ты сказал «уходи», и ушла я с Земли. Только героиня песни оказалась на воображаемой Венере, а уходившие из сферы законности и правопорядка — в криминальном обществе все на той же реальной Земле.

Сотрудничество с преступниками стало способно приносить быструю и ощутимую выгоду. Криминальное решение возникающих проблем психологически значительной частью населения стало рассматриваться как «обычное явление», с этим все более смирялись не только рядовые граждане, но и политики. В серьезных публикациях стали обсуждаться вопросы, а стоит ли с преступностью бороться, да и с кем: неглупыми, прекрасно одетыми и ухоженными, часто «обходительными» людьми, так ловко решающими разнообразные проблемы в условиях нараставшего хаоса. Причем такие лица оказывали нужные недорогие услуги обнищавшей части населения. Недорогими же такие услуги были за счет того, что их субъекты функционировали в теневом и криминальном режиме, не уплачивая налоги и другие предусмотренные законом платежи.

Все это стимулировало расширение криминального общества и экспансию. Организованная преступность становилась одновременно мощным внешним и внутренним фактом политической, экономической, социальной и духовной жизни страны. С ней все больше оказывалась связанной значительная часть граждан, в том числе лиц, получивших доступ к власти и ставших владельцами крупных состояний. Соответственно борьба с организованной преступностью стала оцениваться в официальных документах как проблема обеспечения внешней и внутренней безопасности России, затем и более широко: в аспекте обеспечения мира и безопасности человечества.

§ 2. Проблемы глобализации криминального общества

Криминальное общество (среда) с развитием его международных связей и новым, транснациональным полем деятельности, а также все более частым использованием террора, при котором идут в ход угрозы применения радиоактивных и других опасных средств, глобализируется и противостоит уже не отдельному государству и обществу с существующим там режимом, но земной цивилизации вообще с ее культурой и другими ценностями.

Еще в восьмидесятых годах за рубежом преступность выходцев из бывшего СССР оценивали всего лишь как преступность мигрантов вообще, а в России к криминальным деяниям не ее граждан относились как к «преступлениям иностранцев». Затем стало вполне очевидным, что нередко речь идет о проявлениях международной

преступной деятельности. Вклад российских организованных преступников в нее оценивается как впечатляющий, но все-таки он далеко не полностью выявлен и из-за тщательной конспирации высокоорганизованной преступной деятельности, и из-за смены гражданства частью преступников[1], и в результате недостаточно налаженного международного сотрудничества правоохранительных органов, государств, «лукавой» политики государственных органов ряда стран при решении вопросов об экстрадиции и осуждении виновных, ряда иных обстоятельств. Нельзя при этом умалять значения дефектов криминологической защиты международных контактов, транснациональных форм экономической, гуманитарной и иной деятельности, «двойную» политику одних государств по отношению к другим. Изложенное зависит и от международного, и от национального реагирования на организованную преступность.

Нельзя замалчивать и следующую проблему: развитие криминального общества в России, расширение международных связей организованных преступников, отсутствие надежно обустроенных границ и другие обстоятельства превратили Россию в поле активной деятельности зарубежных и международных преступников. Это и не могло не быть, если иметь в виду, что в обществе рыночных отношений коэффициенты преступности были очень высокими и росли, и что там уже давно активно функционирует организованная преступность как органическая часть социальной системы.

В России, по данным уголовной статистики, в девяностых годах XX века и на рубеже веков число выявлявшихся иностранных граждан и подданных, лиц без гражданства, совершавших преступления в отношении российских физических и юридических лиц, в несколько раз превышало число российских граждан, жертвами которых становились иностранцы.

Организованная преступность никогда не остается в рамках границ только одного государства, со временем она неизбежно принимает международный или транснациональный характер, что неизбежно влечет глобализацию криминального общества.

Как только преступная деятельность выливается за пределы государства и преступники пересекают его границы, они неизбежно вынуждены контактировать с деятелями преступного мира иных государств или теми криминальными деятелями, которые уже приобрели статус международных преступников, полем деятельности кото-

---

[1] См.: *Сухарено А.Н.* «Российская» организованная преступность в США. М., 2002; *Kleinknecht W.* The New Ethnic Mobs: The Changing Face of Organized Crime in America, New York, 1996; *Williams P.* Russian Organized Crime: The New Threat, London, 1997; *Finckenauer J., Waring E.* The Russian Mafia in America. Boston, 1998 и др.

рых фактически стал весь мир. Поэтому говорить только о «русской мафии» в Америке или в Италии без лукавства нельзя. Надо задать себе вопросы: а может ли она существовать без взаимодействия с «американской», «итальянской» или «германской» мафией? Во что именно выливается это взаимодействие: в эпизодические контакты разных формирований или в формирование международного криминального «концерна» либо управляющих международных криминальных структур разного масштаба действия?[1]

До сих пор не всегда четко разграничиваются транснациональная организованная преступность как система организованных преступных формирований разных стран, их отношений и деятельности; организованная преступность мигрантов; деятельность организованной преступности граждан одного государства на территории другого. Это может и результатом недостаточной криминологической проработанности проблемы, и следствием нежелания посмотреть правде в глаза, а самое главное — ориентироваться на фактические криминальные реалии при демонстрации наращивания усилий по борьбе с транснациональной преступностью.

Проблемы, связанные с данной преступностью существовали и ранее, но к началу XXI века они приобрели глобальный характер, стали связываться напрямую с происходящими в мире процессами глобализации.

Слово «globus» в переводе в латинского языка означает «шар» и употребляется для обозначения изображения Земли. Организованная преступность сегодня — это угрожающе развивающееся транснациональное явление, функционирующее на Земле в целом и затрагивающее интересы всех стран планеты (глобуса).

Во-первых, она — составляющая более сложных и глобальных явлений. Среди них — экономическая и связанная с ней жесткая политическая конкуренция на почве раздела, завоевания экономических ресурсов и рынков. Под видом организованной преступной деятельности, включающей, в частности, терроризм, коррупцию, по сути реализуются акции агрессии — вторжения одних государств не только на территорию, но в различные сферы суверенитета других. Нередко соответствующие акции реализуются через те или

---

[1] В.В. Номоконов отмечает следующее: «Летом 1992 года лидеры русских и итальянских группировок провели серию секретных встреч в Праге, Варшаве и Цюрихе. Они решили, что вместо борьбы за сферу торговли наркотиками лучше сформировать стратегический альянс: итальянцы теперь будут приобретать и сбывать наркотики, а русские - обеспечивать безопасность транзитных путей и торговых сетей на территории стран СНГ. В 1995 году итальянские правоохранительные органы раскрыли тайный сговор между «каморрой» и русской мафией (Организованная преступность-4. М., 1998. С. 56).

иные глобальные организации, которых называют «террористическими», «сектами» и т.п.

Во-вторых, глобализация криминальных процессов является результатом глобализации конфликта между «безумным» богатством и крайней нищетой, когда в качестве полярных субъектов выступают уже не отдельные лица, но разные их социальные группы, объединяющиеся в масштабах мира по разным основаниям: религиозным, этническим и другим. Известно, что социально-экономическое положение отражается на всех сторонах жизнедеятельности.

Способы обеспечения экономических, этнических, религиозных и иных интересов становятся криминальными в условиях указанной резкой поляризации, когда все более значительная часть населения Земли отлучается от позитивных достижений цивилизации и дети формируются без ознакомления с ее ценностями, растут необразованными, непролеченными, невоспитанными нравственно, духовно — несоциализированными с точки зрения современных крайне сложных социальных реалий. Отсюда проистекают «дикие» способы реагирования на «дикие» контрасты, которые они наблюдают. Такие люди становятся орудиями в сложных операциях различных транснациональных образований, государств и их спецслужб, обеспечивающих интересы капитала, и одерживают победу в мировой конкурентной борьбе.

В-третьих, криминологически значимо то, что конец XX века — начало XX1 веков — это время развития высшей формы развития бизнеса с экспансией транснациональных корпораций и их интересов. Специалисты отмечают следующие связанные с этим процессы: 1) формирование мирового рынка с тесными экономическими связями разных государств и иных субъектов, взаимными инвестициями; 2) формирование международных финансовых систем, систем международных расчетов, позволяющих моментально осуществлять сложные финансовые операции с помощью банковских учреждений нескольких государств; 3) формирование мировых систем коммуникаций; развитие технологии контейнерных перевозок; 4) увеличение масштабов миграции, образование многонациональных мегаполисов; 5) «прозрачные границы» между государствами в отдельных образованиях, в частности в ЕС, СНГ[1]. Все это сложным образом взаимосвязано со следующими этапами развития событий в России: 1) застой реального социалистического общества и его поражение в «холодной» войне; 2) экспансия «теневого общества» и организованной преступности с зарубежными связями; 3) развитие

[1] Это отмечают в своих работах Э.А. Иванов и другие авторы (Организованная преступность-4. М., 1998 и др.).

криминального общества и его устойчивых транснациональных взаимодействий.

Одновременно следует учитывать и общие тенденции развития человеческого общества, достижения технического прогресса, которые облегчают транснациональное общение, легко преодолевают расстояния и границы («Интернет» и др.)[1].

В то же время *было бы неправильно механически связывать процессы развития человеческого прогресса и глобализации преступности.* Сам по себе факт расширения взаимодействия разных стран и народов автоматически не влечет глобализацию преступности. Ведь такое взаимодействие может развиваться и по линии объединения усилий в развитии антикриминогенных характеристик человеческого общества, наиболее эффективном противостоянии преступности.

Основой криминальной глобализации, как минимум, являются, с одной стороны, высокая организованность преступников, глобализация их криминального интереса и поля деятельности, наличие у них масштабных ресурсов, как человеческих, так финансовых и иных материальных (оружия и т.п.), во-вторых, опережение глобальной криминализацией процессов цивилизованной глобализации, включающей действенную антикриминальную политику и позитивное сотрудничество.

Просчеты социалистического строительства теперь уже очевидны. Они анализируются отечественными[2] и зарубежными криминологами[3]. Но ведь тот фактический ход преобразований, который имеет место в России девяностых годов и неприятно изумляет весь мир, имеет свои истоки не только в российской истории и субъективных просчетах отечественных реформаторов. На него не могли не оказать влияния указанные процессы.

Аурелио Печчеи, основатель Римского клуба, в 1977 году отмечал: « ...многие развитые страны и сами попали недавно в спираль все возрастающих и обостряющихся проблем безработицы, стагнации или прямой рецессии. К некоторым из них даже применяют новый термин — страны, *переживающие период заката,* — и среди первых претендентов на это звание стоят Италия и Великобритания»[4]. И далее: «...над нами сейчас вновь навис мрачный призрак

---

[1] См.: Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. Под ред. Делягина М.Г. М., 2000.

[2] См.: Криминология. Под ред. Долговой А.И. М., 1997. *Лунеев В.В.* Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. М., 1997. Преступность и реформы в России. М., 1998; Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000 и др.

[3] Л. Шелли, директор Центра транснациональной преступности при Американском университете, отмечает, в частности, «разворовывание российского государства». (*Shelley L.* Eradicating Crime Groups // Foreign Service. 1997. Sept.).

[4] См.: *Печчио Аурелио.* Человеческие качества. С. 51

великой мировой депрессии 1929 года, со всеми ее печальными последствиями, страданиями, беспорядками и политическим экстремизмом, и он в любой момент может стать реальностью, если мы будем по-прежнему допускать ошибку за ошибкой», «прямо на наших глазах вступила в стадию кризиса и упадка конституционная демократическая система Запада»[1].

В чем же видели выход члены Римского клуба? Утверждалось среди прочего следующее: «...частный сектор мировой экономики должен быть систематизирован и при этом должны быть пересмотрены его масштабы, сфера компетенции и принципы функционирования»[2], «вызревает и обретает реальные черты идея необходимости отказа от принципа суверенности национального государства». Отмечается также следующее: «Сейчас все шире распространяется мнение, что природные ресурсы представляют общее наследие всего человечества...», «необходимо совершенно ясно отдавать себе отчет, что без координированного управления всеми ресурсами планеты невозможно обеспечить удовлетворение растущих потребностей мирового населения»[3].

Таким образом, речь идет о введении нового мирового порядка. При этом субъекты, заинтересованные в этом и обслуживающие их интерес ученые трезво оценивали и оценивают положение дел в мире. Итак, «всемерное ускорение и поощрение глобальной интеграции, проповедуемой США и некоторыми другими развитыми странами как универсальный рецепт процветания, равно как и являющийся ее обоснованием либерализм, навязываемый всему миру как идеология этого процветания, в действительности объективно направлены на обеспечение долгосрочного лидерства развитых стран в мировой конкурентной борьбе»[4].

Если обратиться к идеологии либерализма, с позиций которой отечественными реформаторами и рядом зарубежных экспертов делались заявления об использовании в интересах всего общества теневой экономики, коррупции и т.п., ограничении вмешательства государства в экономику и замены закона экономической выгодой[5], то ее причины хорошо показаны отечественными специалистами по глобалистике. *Во-первых*, либерализм «служит действенным оружием в мировой конкуренции»; *во-вторых*, это — «единственная религия мира, полностью снимающая с сильных всякую ответствен-

---

[1] Там же. С. 51-52.
[2] См.: *Печчио Аурелио* Указ. работа. С. 51-52
[3] Там же. С.68, 229, 254, 255.
[4] Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. Под ред. Делягина М.Г. М., 2000. С. 165.
[5] См. § 2 главы 12 настоящей работы.

ность за слабых и тем самым узаконивающая все формы безответственности»; *в-третьих*, результатом полного оправдания либерализмом бездеятельности государственных чиновников у последних имеется «возможность обосновывать свою лень и некомпетентность стремлением к минимизации государственного вмешательства в экономику»[1].

Драма России заключается в том, что ее интеграция в мировую экономическую систему оказалась жизненно важной не столько для России, сколько для крупного транснационального капитала. Интерес развитых стран рыночной экономики и транснациональных организаций, выражающих интересы крупного капитала, существенным образом определил ход криминологически значимых событий, которые отмечались в России периода реформ.

При всей просчитанности ходов данные субъекты все-таки впали в опасные иллюзии криминологических дилетантов, будто, во-первых, преступность можно использовать в реформировании общественно-политического строя в России, как и в иных странах, и что это никак не отразится на интересах государств—лидеров в мировой экономике; во-вторых, что США одни могут решить проблему борьбы с организованной преступностью, в том числе и в России. В подготовленном специалистами из США докладе «Российская организованная преступность. Проект: глобальная организованная преступность» говорится, что «Российская организованная преступность должна быть признана президентом Соединенных Штатов в качестве угрозы национальной безопасности». Это как будто бы нейтральное положение сопровождается целой серией публикаций и выступлений экспертов из США, которые в той или иной форме излагают мысль о вершении судеб российских организованных преступников в судах США.

Характерен следующий диалог, который состоялся при выступлениии на «Круглом» столе 16 марта 2001 г. содиректора Центра по изучению транснациональной организованной преступности и коррупции при Американском Университете (г. Вашингтон) доктора В.Н. Бровкина.

В.Н. Бровкин: «... необходимо положить конец бесконтрольному расхищению национальных природных ресурсов. Это задача России, а не Америки. Воруют в России, российские компании и всем известно, кто ворует, и в какие банки и какими способами переводятся деньги в иностранные банки. Почему российские правоохранительные органы ничего не предпринимают? Вполне реально получить распечатку из Бэнк оф Нью-Йорк, когда и куда «уплыли» 7 миллиардов долларов. Далее должна подключаться американская сторона – деньги в

[1]Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. Под ред. Делягина М.Г. М., 2000. С. 165.

США. Но для того, чтобы успешно провести расследование по отмыванию грязных денег, необходимо сотрудничество, а его – нет, так как американцы не доверяют российской стороне, а российская сторона не доверяет американской, взаимно обвиняя друг друга в коррумпированности. Пока эта ситуация не разрешится, никакого решения вопроса не будет. Хотя следует заметить, что обе стороны выражают искреннее желание сотрудничать. Как мне представляется, здесь было бы достаточно сформировать команду квалифицированных юристов по делу об утечке российских капиталов и успешно провести это дело *в международном суде*. Если доказать факт воровства и коррупционного деяния, то тогда, *по американским законам* это деяние подпадает под закон об отмывании грязных денег... Если доказать, что было преступление – хищение или деяние с признаками коррупции, то *по американским законам* такие деяния подпадают под законодательство об отмывании грязных денег и, как следствие, на такие средства можно наложить арест и вернуть их в России» (слова курсивом выделены автором **А.Д.**).

Вопрос к В.Н. Бровкину: *«В каком суде Вы предполагаете рассмотрение такого рода дел?»*

В.Н. Бровкин: «Имеется в виду создание совместной американо-российской комиссии по борьбе с отмыванием грязных денег, которая подготавливала бы материалы для успешного преследования в суде. В каком суде – это тоже очень сложный вопрос. Существуют разные мнения. Это может быть суд США. Если деньги проходили через оффшорные зоны, можно обращаться в суд любой из этих юрисдикций, или непосредственно в России. Вообще вопрос о месте судопроизводства – это самый важный и сложный вопрос».

Вопрос: «Как обстоят дела с расследованием дел об отмывании грязных денег в США сейчас?»

В.Н. Бровкин: «Расследование отмывания денег в американских банках продолжается. Расследование показывает, что тысячи и тысячи корреспондентских счетов крупных американских банков были открыты в эти годы во многих странах мира, в том числе и в России. Конечно, неизвестно кому принадлежат эти счета. Как и в Бэнк оф Нью-Йорк, огромное число переводов шло из России в Америку (даже без подставных ходов)».

Реплика из зала: «Понятно. Деньги к нам не вернутся никогда».

В.Н. Бровкин: «Деньги вернуть можно. В Америке работают суды и деньги вернуть можно, что и было сделано в ходе нескольких успешных расследований по отмыванию грязных денег. Для этого необходимо доказать предикатное преступление – российская сторона должна представить пакет документов, доказывающий, что деньги украдены. Если доказать, что Березовский, Черномырдин, Чубайс и целая команда других олигархов незаконно присваивают средства, то тогда их можно вернуть»[1].

В этом диалоге В.Н. Бровкин делает акцент на законодательство США и имеется в виду не столь эффективное законодательство, а также судопроизводство в России. Чем же помогли эксперты из США в деле совершенствования последних? В книге «Изучение ор-

[1] Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности. Материалы Круглого стола, Москва, ИГПРАН, 16 марта 2001 г.

ганизованной преступности: российско-американский диалог» (М., 1997) авторы из США Фредерик Т. Мартенс и Стивен Б. Руза опубликовали статью «Внедрение РИКО в Восточной Европе: предусмотрительно или безответственно?». Там они пишут о преждевременности принятия в России эффективного закона о борьбе с организованной преступностью типа Закона РИКО в США, ибо они выступают пока против господства в России права (кувалды в руках номенклатуры), одновременно считают необходимым сначала внедрение свободной рыночной деятельности, а затем правовой системы Запада[1]. Прямо признается следующее: «Если исполнительную власть государственного плана удастся вытеснить мотивом выгоды, Россия вскоре может обрести устойчивую договорную систему, краеугольный камень свободных рыночных отношений»[2]. Это можно понять следующим образом: борьба с преступностью подождет, сначала надо произвести коренные преобразования с вытеснением из общественной жизни власти, закона. Однако в таких условиях на смену одной, легальной власти, приходит криминальная, на смену официального закона, закон преступный. Вот — один из примеров либерализма в действии.

Встречи с разными зарубежными специалистами приводят к выводу, что все-таки немало деятелей из США переоценивают собственные возможности борьбы с современной организованной преступностью. Они недооценивают профессионализм специалистов из других стран, а идею создания международной системы борьбы с международной преступностью практически подменяют идеей прямого вмешательства США в дела других государств.

А.В. Гриненко отмечает, что в документах и публикациях США рост числа преступных группировок в России «объясняется исключительно нашим тоталитарным прошлым, доперестроечной нерыночной экономикой и оставшимися безработными «злодеями из бывшего КГБ»; делаются многозначительные и авторитетные выводы о том, что наши правоохранительные органы не способны эффективно бороться с ними вследствие отсутствия правовой базы и надлежащей организации, коррумпированности и общей слабости»[3]. За всем стоят более масштабные обстоятельства.

Показательны следующие высказывания Збигнева Бжезинского: «Короче говоря, цель политики США должна без каких-либо оправданий состоять из двух частей: необходимости закрепить собственное господствующее положение, по крайней мере, на период суще-

---

[1] Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М., 1997 С. 195-223.
[2] Там же. С. 220.
[3] См.: Организованная преступность-4. М., 1998. С. 67.

ствования одного поколения, но предпочтительно на еще больший период времени, и необходимости создать геополитическую структуру, которая будет способна смягчать неизбежные потрясения и напряженность, вызванные социально-политическими переменами, в то же время формируя геополитическую сердцевину взаимной ответственности за управление миром без войн»[1]. Здесь «потрясения» прямо прогнозируются как неизбежные, а, что касается «взаимной ответственности», то обращает на себя внимание следующее высказывание данного автора: «Для Америки Россия слишком слаба, чтобы быть ее партнером, но, как и прежде, слишком сильна, чтобы быть просто ее пациентом»[2].

Различные проявления социально-экономического интереса лежащего в основе всего, хорошо иллюстрирует ряд суждений отечественных и зарубежных авторов. Так, обозреватель французской газеты «Монд дипломатик» Кр. Де Бри пишет: «Финансовый криминалитет стал неотделимой частью глобализированных рынков, руководимых Соединенными Штатами — наиболее коррумпированной страной планеты»[3].

Решение вопроса о противодействии легализации преступных доходов организованного криминального мира упирается в проблему оффшоров. Как отмечает руководитель Центра международного права ИГП РАН профессор И.И. Лукашук, оффшоры располагают самым современным оборудованием, средствами глобальной связи. Они обеспечивают квалифицированное юридическое обслуживание, а также арбитраж. Но главное они предоставляют безопасность. В них практически отсутствуют наказания за финансовые преступления. Что же касается международных норм, то они либо вообще не признаются, либо фактически не применяются. При этом Лукашук приводит следующие данные: «Примерно 95 % оффшоров — это страны, которые в прошлом были колониальными или зависимыми территориями Великобритании, Франции, Голландии, Испании, США. Их зависимость от бывших метрополий вовсе не ушла в прошлое. Однако эта зависимость не используется для ограничения деятельности оффшоров... Преступность заложена в фундамент неолиберального общества. Ее ликвидация потребовала бы коренных перемен в экономической, социальной и политической системах. Поэтому речь практически идет лишь об удержании преступности в социально терпимых рамках с тем, чтобы она не достигала масштаба, ставящего под угрозу функционирование современных нацио-

---

[1] *Бжезинский Збигнев.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 254.
[2] Там же. С. 143.
[3] Международное право, 2000. №3.С.180.

нальных систем и мировой системы в целом.»[1]. Действительно, стихийный рынок (а именно на такой ориентировались реформаторы) и преступность функционируют на основе одних законов, но при этом организованные преступники выигрывают и работают на опережение. Идеализация преступников, попытки возложения на них миссии экономических спасителей Отечества[2] в России теперь уже очевидно провалились. Плохо, что это не вполне понятно части политиков и идеологов, хотя это вполне сознают многие юристы, журналисты и другие специалисты за рубежом.

С.П. Глинкина отмечает, что, по оценкам экспертов, примерно половина всех отмываемых ежегодно в мире грязных денег – от 500 млрд. до 1 трлн. долларов – проходит через американские банки. Лишь незначительная часть наркоденег остается в странах-производителях. По ее мнению, борьба с криминальной экономикой напрямую связана с изменением существующего финансового порядка, усилением контроля за операциями по отмыванию денег, с установлением действенного контроля за оффшорами, что возможно только в том случае, если рост криминальной экономики действительно будет признан мировым сообществом в качестве одной из угроз человечеству[3].

И все-таки было бы неправильным отказываться от международного сотрудничества. Существует общность интересов разных стран в таком сотрудничестве, хотя и следует признавать ее ограниченность. *Во-первых,* это — эффективное противостояние преступности — это, в конечном счете, проблема обеспечения мира и безопасности человечества, что входит а круг важнейших общенациональных и общечеловеческих интересов. *Во-вторых,* с российскими специалистами сотрудничают не только «лукавые» политики, но и профессионалы, хорошо осознающие глобальную опасность эскалации такой преступности. Их профессионализм и их усилия дают шанс хотя бы до некоторой степени нейтрализовывать глобалистскую экспансию политиков, обслуживающих крупный криминальный капитал и

---

[1] Глобализация общей, организованной и коррупционной преступности. Материалы Круглого стола, Москва, ИГПРАН, 2001 г. 16 мар.

[2] Это отчетливо прослеживалось в работах Гайдара Е.Т., Явлинского Г.А. и других авторов. «Богатство все более сосредоточивается в теневой части постплановой экономики...В отличие от простого дележа мы сможем здесь найти общественные силы, на которые можно опереться...Крупные инвесторы (частные лица, чековые и прочие фонды) путем скупки уже выпущенных акций, а еще более путем приобретения новых выпусков акций будут помогать обретению предприятиями эффективных собственников. Оставим в стороне вопрос, откуда взялись эти деньги. Как правило, они взялись не очень честным путем» (Явлинский Г.М. Экономика России: наследство и возможности. М., 1995. С. 91 - 92). См. также Гайдар Е. «Государство и эволюция». М., 1995.

[3] Там же.

идею мирового господства, а также своевременно воспринимать позитивные наработки тех профессионалов, которые раньше нас столкнулись с глобальными криминальными явлениями. *В-третьих*, «осторожность» и лукавство ряда зарубежных политиков имеет свои пределы. Например, политики США со стороны «российской» организованной преступности усматривают главную угрозу мировому сообществу в ее политическом аспекте — провоцировании кризиса в российском обществе, который сорвет продвижение политических и экономических реформ в стране и вернет Россию к авторитарному правлению.

* * *

В заключение следует отметить, что организованная преступность — тотально опасное явление, ставшее уже глобальным. А потому следовало бы более решительно задействовать эффективные системы международного сотрудничества, способные противостоять постоянно совершенствующимся системам транснационального сотрудничества самих организованных преступников.

Крайне важен криминологически грамотный анализ международной организованной преступности. Материалы, которыми мы располагаем, позволяют говорить об еще очень слабом знании закономерностей развития преступности на международной арене. Нередко международная преступность отождествляется с преступностью иностранцев, преступностью мигрантов. Они несомненно переплетаются, взаимодействуют, но как именно это происходит? Как осуществляется интеграция «национальной» преступности в международную? Это требует совместных исследований криминологов разных стран и создания международных исследовательских групп под эгидой ООН. Причем необходимы именно научные исследования, поскольку речь идет о выявлении *закономерностей преступности.* Без знания последних тщетны будут все усилия по противодействию глобализации криминальной деятельности криминальному обществу. Но такого рода исследования требуют и привлечения высоких профессионалов, и солидного финансово—организационного обеспечения их деятельности. Возникает вопрос: есть ли такой «богатый» субъект, в интересах которого проведение данной акции? Или в борьбе с преступностью все-таки заинтересованы ее жертвы — обездоленные не имеющие доступа к высокой политике? Это — тоже одно из противоречий, подлежащих учету.

Изложенные положения наиболее отчетливо себя проявляют при анализе современного положения дел с коррупцией и терроризмом – социальными явлениями, которые используются как эффективные рычаги решения глобальных криминальных задач.

Глава 14. Коррупция, преступность и криминальное общество

§ 1. Понятия «коррупция» и организованная коррупция

Коррупция в конце XX века стала одной из наиболее обсуждаемых проблем.

Слова «коррупция», «коррумпированный», «коррумпировать» не сходят со страниц средств массовой информации, литературы. Их произносят по отношению к нетождественным явлениям политики, ученые, просто граждане. И в них вкладывают разный смысл юристы. Поэтому целесообразно определиться с понятием «коррупция». От этого зависит оценка явления — как его распространенности, так и процессов детерминации, а также стратегия, программы борьбы с коррупцией, правовое, научно-методическое и иное обеспечение такой борьбы. Речь идет не просто о словах и их переводе на русский язык.

Слово «коррупция» в русском языке, в том числе профессиональном, до сравнительно недавнего времени употреблялось, когда речь шла о продажности «в буржуазных странах» должностных лиц и политических деятелей[1].

В словаре иностранных слов отмечалось происхождение данного слова от латинского corruptio и далее смысл его обозначался так: «подкуп; в капиталистических странах — подкупность и продажность общественных и политических деятелей, а также государственных чиновников и должностных лиц»[2].

Там же приведены термины «коррумпировать, корруптировать (лат. corrumpere) – подкупать кого-л. деньгами или иными материальными благами».

Более позднее толкование данного слова в русском языке носило многозначный характер: переводилось и как подкуп, и как порча, и

---

[1] В словаре русского языка под ред. С.И. Ожегова говорилось следующее: «В буржуазных странах подкуп взятками, продажность должностных лиц, политических деятелей» (М.,1953. С. 261).

[2] Словарь иностранных слов. М., 1955. С. 369. Позднее В.А. Шабалин понимал под политической коррупцией нелегитимное использование господствующей политической элитой государственных ресурсов в целях укрепления своей власти.(*Шабалин В А.* Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4. С.46.

как разложение[1], и даже как «злоупотребление служебным положением в корыстных целях»[2].

Но дело даже не в лингвистическом толковании терминов. В специальной литературе использование данного слова далеко отошло от его прямого переводного смысла и «коррупцией» одни авторы называют все преступления, совершаемые должностными лицами в связи с их служебной деятельностью, включая хищения. Другие имеют в виду только злоупотребления по службе, но при этом все без исключения злоупотребления, связанные в том числе с незаконным извлечением различных материальных благ и преимуществ, прямыми хищениями. Третья позиция: коррупция – это только подкуп-продажность.

Однако и в рамках третьего подхода коррупцию ряд авторов трактует исключительно узко: только как взяточничество, понимаемое в уголовно-правовом смысле. То есть получение взятки исключительно должностным лицом и соответственно — дачу взятки именно такому лицу да еще со многими оговорками.

Отмеченное ранее широкое толкование коррупции практически означает объединение под одним термином очень разных по своей криминологической характеристике явлений: и хищений, и должностных преступлений, и подкупа-продажности (коррупции в собственном смысле слова).

«Коррупция» — это, вместе с тем, не совсем то, что называется взяточничеством. Иначе можно было бы легко использовать термин «взяточничество» как синоним коррупции.

Издавна на Руси слово «взяточничество» ассоциировалось прежде всего с получением конкретной взятки (часто на основе ее вымогательства) за какие-то определенные, как бы заранее оговоренные деяния, с мздоимством и лихоимством. Мздоимство, по дореволюционному российскому законодательству, — получение взятки чиновником или иным лицом, состоящим на службе государственной или общественной, за действие (бездействие), выполненное

---

[1] *Б.М.* Волженкин пишет, что «этимологически термин «коррупция» происходит от латинского слова corruptio, означающего «порча, подкуп». Поэтому склонен толковать коррупцию именно как «разложение» (*Волженкин Б.В.* Коррупция. СПб. 1998. С. 5; Криминология. Под ред. Бурлакова В.Н., Сальникова В.П., Степашина С.В. СПбг, 1999. С.404).

[2] «Государственный служащий обязан принимать решения, исходя из целей, установленных правом (Конституцией, законами и другими нормативными актами) и общественно одобряемых культурными и моральными нормами. Коррупция начинается тогда, когда эти цели подменяются корыстными интересами должностного лица, воплощенными в конкретных действиях. Этого условия достаточно, чтобы характеризовать такое явление, как *злоупотребление служебным положением.* Между этим явлением и коррупцией грань весьма размытая».(Россия и коррупция: кто кого? Аналитический доклад рабочей группы Регионального общественного фонда «Информатика для Демократии» под руководством Г.А. Сатарова. М., 1998. С. 1.)

им без нарушения служебных обязанностей, лихоимство – те же действия, но связанные с нарушением служебных обязанностей. Хотя, надо признать, что в истории России были периоды равного наказания и того, кто подкупает, и того, кого подкупают. Петр I определял наказание дающим взятку (лиходателям) наравне с получившими взятку (лихоимцами): «... тем людям, которые взяли деньги, и которые им те деньги дали ...чинить велено смертную казнь, без всякой пощады»[1]. Такой подход отмечается и за рубежом, например, в современной Японии.

Исследования В.В. Астанина показали, что впервые в России термин «коррупция» ввел в научный оборот А.Я. Эстрин[2] в 1913 году. А.Я. Эстрин рассматривал и административные, и уголовно-наказуемые коррупционные деяния. Установлена следующая закономерность: при развитии гражданско-правового оборота расширяется коррупционное поле[3].

Коррупция может рассматриваться в качестве определенного сектора так называемого криминального рынка — оборота того, что запрещено к обороту вообще либо к открытому обороту в нарушение установление специальных правил. Криминальный рынок— это не только незаконный оборот наркотиков, оружия, людей, человеческих органов. Это еще незаконный оборот должностей, голосов избирателей, полномочий и возможностей, связанных с определенными социальными позициями людей, а также различных значимых решений (об определении победителя соревнований и т.п.). 12 ноября 2002 г. в газете «Московский комсомолец» крупными буквами было написано: «Продажа матчей вышла из российской моды». Матчи тоже стали предметом купли-продажи. Это — одна из иллюстраций того «беспредельного» развития рынка в России, о котором написано ранее.

Использование в России конца XX века понятия «коррупция» соответствует качественно новому этапу подкупа-продажности чиновничества. Это — время, когда в основе подкупа-продажности лежит преимущественно двусторонний сговор (40-75 % опрошенных граждан именно так охарактеризовали известные им случаи — табл. 122). И хотя многие писали, что взяточники только дают понять об их вознаграждении, в процессе последующих интервью ока-

---

[1] См. *Астанин В.В.* Борьба с коррупцией по законодательству Петра I / Криминальная ситуация на рубеже веков в России. М., 1999. С. 216. ПСЗ. Собр. I. Т. IV. № 1819. П.9.

[2] Эстрин А.Я. Взяточничество. // Петербургский университет. Кружок уголовного права. Труды. СПб., 1913

[3] См. *Астанин В.В.* Коррупция и борьба с ней со второй половины XYI—XX в.в. криминологическое исследование) . Дис. канд. юрид. наук. М., 2001.

зывалось, что это — случаи, когда взяткодатель и взяткополучатель понимали друг друга почти интуитивно, нуждаясь друг в друге. Между вымогательством и инициативой подобного рода, когда люди понимают друг друга с полуслова, очень тонкая грань, но она все-таки есть и люди это отмечали. Если говорить о порче, разложении, то применительно к данной форме коррупции — не о «саморазложении» и порче самой по себе, а «совращении», связанном с разложением, порче одного субъекта другим, или даже «взаимном или совместном разложении». Есть такое крылатое латинское изречение «corruptio optimi pessima», которое издавна переводится на русский язык как «совращение доброго – наибольший грех».

Таблица 122

Ответы на вопрос: «Если Вам приходилось давать взятку, то каким образом?» (% от общего числа опрошенных *)

Опрошенные в регионах:	Москва	Владивосток	Волгоград	Воронеж	В т. ч. Предприниматели из этих регионов
Сами предложили	11	10	11	12	20
Вымогали взятку	13	3	9	2,5	34
Дали понять, что просьба будет удовлетворена за соответствующее вознаграждение	28	26	43	42	54
По обоюдному желанию	14	18	18	17	24

* Поскольку один и тот же человек мог неоднократно участвовать во взяточничестве, то сумма ответов тут не говорит о числе тех, кто давал взятки.

Односторонний инициативный подкуп встречается почти так же часто, как вымогательство взятки (соответственно 3-34 % и 10-20 % в разных городах). В данном случае более очевидно высвечивается роль двух сторон: и той, которая коррумпирует, и той, которая коррумпируется, подкупается. При этом существен механизм подкупа, особенности его реализации.

Нередки случаи, когда инициативный подкуп сочетается с предварительной «разведкой», вторжением в семейную, личную, служебную тайну, используется одновременно с шантажом, заставляющим государственного или иного служащего между позором и предлагаемыми благами выбирать последние и страх перед возможным разоблачением. Изложенное подлежит учету в процессе совершенствования уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и иного законодательства (например, о легализации преступных доходов).

Слово «коррупция» точнее термина «взяточничество» отражает такое положение, когда подкупающая и подкупаемая стороны заранее договариваются не о конкретных деяниях, которые следует совершить за «вознаграждение», — сделка состоит в том, что лицо по-

купается как бы «на корню», получая регулярное вознаграждение и не ведая, какое «задание» ему придется выполнять и когда именно. Субъект взятки оказывается в этом случае не самостоятельным, а «злодеем», зависимым от покупателя: он продается. Продается не физически, а «закладывает» свои полномочия, возможности, связи и т.п. Им осуществляется своеобразная «сделка с дьяволом» и трудно бывает предсказать, что может потребовать «дьявол». Да и сама подкупающая сторона не всегда это знает наверняка заранее. Нередко она поначалу просто привязывает к себе «клиента» подачкой. Криминологические исследования показывают, что со временем продавец послушно исполняет все требуемое, при этом должностные лица, занимающие высокие посты, порой получают невысокие «вознаграждения» либо размеры их «вознаграждения» со временем могут снижаться. Логика здесь такая: зачем тратиться, если можно шантажировать тем, что такое лицо уже брало взятки и совершало злоупотребления?

Не случайно, в криминальной среде возникло выражение «посадить на взятку» по аналогии с более известным выражением наркодельцов «посадить на иглу».

Отсюда следующая важная особенность коррупции: рассмотрение факта подкупа-продажности с одновременным анализом того, какие именно услуги становятся «товаром». Значимы две стороны проблемы: что делает за вознаграждение продавшаяся сторона, за что она получает вознаграждение и что получает коррупгер, что ему нужно. С другой стороны, вымогательство взятки тоже принимает новые масштабные формы и проявляется, в частности, в установлении такого «правопорядка» в ведомстве, регионе, отрасли, что вынуждает граждан платить в надежде решить, наконец, те вопросы, которые для них крайне значимы и которые в режиме законности решить практически нельзя: правовые акты противоречивы, неопределенны, пробельны, уголовная юстиция перегружена делами, разрешение которых осуществляется длительное время, не всегда квалифицированно и объективно.

Новое качество явления, именуемого «коррупцией», состоит в том, что основным коррупгером становится организованная преступность и контролируемые ею легализованные или легальные структуры. Это – одна из закономерностей и функционирования организованной преступности, и широкомасштабной коррумпированности общества. В США, как пишет А.С. Никифоров, «в каждой «семье» есть как минимум одна должность коррупгера...Еще со времен «сухого закона» с легкой руки известных гангстеров 20-30-х годов Чарли Лючиано и Аль Капоне рэкетиры завели порядок, со-

гласно которому около трети всех преступных доходов должно идти на подкуп органов власти и правосудия»[1]. Исследования отдела общих проблем криминологии и борьбы с преступностью НИИ проблем укрепления законности и правопорядка показали, что на рубеже восьмидесятых годов по крупным «торговым», «хлопковым» и другим делам организаторы преступной деятельности тратили на подкуп тоже примерно третью часть преступных доходов. Одно время утверждалось сотрудниками МВД, что на подкуп стало идти до половины доходов, но наши данные не подтверждают, что это продолжалось какое-то длительное время. Как правило, передается все-таки не более трети.

Соответственно, коррупция приобретает черты организованной преступной деятельности высокоорганизованных формирований, когда она осуществляется: а) продуманно, б) организациями, в) с распределением криминальных ролей, в частности организатора группы, являющегося по существу подкупающей стороной, и исполнителей, действующих по его приказу и играющих роль посредников, лично не заинтересованных в услугах коррумпированного субъекта и передающего ему не собственные средства; г) при обеспечении конспиративности деятельности, в том числе путем хитроумных способов легализации преступных доходов, устрашения или устранения неугодных свидетелей, использования криминальных связей в правоохранительных и других государственных органах, дискредитации неугодных сотрудников таких органов и т.п.; д) с целенаправленным созданием наиболее благоприятных условий для организованной криминальной деятельности и необходимой для нее коррупции. В том числе путем лоббирования того подхода к борьбе с коррупцией, который фактически не изменит действительность, препятствования принятию радикальных мер, дискредитации авторов и сторонников предлагаемых мер, проектов правовых актов, программ социальных преобразований и т.д.

Коррупция для организованных преступников — важное средство обеспечения их масштабного корыстного и политического интереса. В случае коррумпированности государственных служащих, а тем более обладающих значительными полномочиями, граждане государства фактически утрачивают свой государственный аппарат, он служит в этом случае не налогоплательщикам, а интересам тех, кто его у них «перекупил». И часто это бывают интересы прямо противоправные, угрожающие безопасности государства и общества.

---

[1] *Никифоров А.С.* Гангстеризм в США: сущность и эволюция. М., 1991. С. 15.

Коррупция как подкуп-продажность сегодня в России себя проявляет не только в сфере государственной службы, но и в коммерческой, социальной и иных сферах, в том числе в спорте.

Высказывается позиция, что вообще коррупция — это социологическое и криминологическое явление и обобщенной правовой оценке не поддается. В частности, Н.И. Мельник пишет: «В средине 90-х годов (1994-1995 гг.) вопрос об определении понятия «коррупция» в Украине приобрел политическое звучание. Многими руководителями исполнительной власти, прежде всего руководителями правоохранительных органов, политическими деятелями отсутствие законодательного определения понятия «коррупция» называлось в качестве основной причины неэффективной борьбы с коррупцией. Дело дошло до того, что в декабре 1994 г. руководители Министерства внутренних дел, Службы безопасности и Генеральной прокуратуры Украины обратились к парламенту с письмом, в котором, ссылаясь на несовершенство законодательства, указывали, что негативным фактором в борьбе с коррупцией является отсутствие законодательного понятия «коррупция». Несмотря на свою внешнюю привлекательность, такая постановка вопроса не имела под собой достаточных оснований. Во-первых, коррупция, как уже отмечалось, – это не конкретное общественно опасное деяние, а социальное явление. Во-вторых, коррупция — это категория криминологическая, и более того — это категория социологическая. С таким же успехом руководители правоохранительных органов могли требовать от законодателя определения понятия наркомания, токсикомания, преступность, насильственная преступность и т.п. В-третьих, законодательное определение понятия «коррупция» не дает правоохранительных органам никаких дополнительных правовых средств, которые касаются оснований юридической ответственности за коррупционные правонарушения»[1].

Примерно такие же возражения можно было слышать от противников принятия Федерального закона «О борьбе с коррупцией». Конечно, коррупция — социальное явление, как и общество, и преступность, и теневая экономика, и многое, что существует в обществе. Вместе с тем стала еще более актуальной (и в практическом плане) задача определить специфические обобщенные признаки определенного высоко общественно опасного явления, и уже на этой основе определять круг деяний, которые служат конкретизированными формами его проявления. Тогда формулировки закона становятся криминологически точными, отражают криминальные реалии.

---

[1] *Мельник Н.И.* Понятие коррупции // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 206.

Что еще это дает? Возможность использования по отношению к разным классам криминальных деяний (коррупционных, террористических и т.п.) специфических, ориентированных на каждое из них правовых средств и предупреждения, пресечения таких деяний, их выявления, доказывания. Законные процедуры раскрытия, пресечения и доказывания фактов коррупции должны бать адекватными механизмам их совершения и защиты (сокрытия, распределение ролей с выделением фигур организаторов, исполнителей и других, создания систем легализации преступных доходов и т.п.).

С изложенным связана постановка вопроса о необходимости комплексного закона о борьбе с коррупцией. Для иллюстрации можно привести перечень разделов, которые включались в проекты Российского Федерального закона «О борьбе с коррупцией»:

Глава I — Общие положения, в том числе включающая статью об основных понятиях.

Глава II — Предупреждение коррупции.

Глава III — Коррупционные правонарушения и ответственность за них.

Глава IV — Устранение последствий коррупционных правонарушений.

Тем самым регулировались бы основные вопросы борьбы с коррупцией на всех этапах этой борьбы. Приоритетными рассматриваются предупредительные меры в соответствии с основными положениями криминологии и международно-правовыми документами.

Важно другое: не подменять вопрос о борьбе с коррупцией, как и с преступностью вообще, вопросом только об уголовно-правовом воздействии на них. Борьба с данными явлениями включает: общую ее организацию (информационную-аналитическую и др. деятельность), предупреждение и правоохранительную деятельность в ее карающем и правовосстановительном аспектах. Кроме того, коррупция проявляет себя не только в уголовно-наказуемых формах.

В каком же соотношении находятся коррупция и преступность? Коррупция, как социально явление, характеризуется проявлениями разной степени общественной опасности. Поэтому за разного рода деяния коррупционного характера устанавливается и дисциплинарная, и административная, и гражданско-правовая, и уголовная ответственность. Такая практика существовала в дореволюционной России, существует в разных странах современного мира. В преступности при выделении ее видов имеются в виду определенные совокупности только уголовно-наказуемых деяний — преступлений.

Это — наиболее общественно опасные проявления коррупции[1]. Их совокупность называют «коррупционной преступностью»[2].

Коррупционная преступность, отличается от традиционно выделяемой должностной преступности, а также хищений путем присвоения либо растраты тем, что включает лишь деяния с признаками коррупции. Они всегда характеризуются взаимодействием двух сторон: а) коррупгера — стороны, покупающей должности, полномочия занимающих эти должности людей и т.д.; б) коррумпируемой стороны, продающей свои служебные полномочия и возможности, начинающей служить тому, кто больше заплатит. Таким образом, в совершении коррупционных преступлений участвует не только должностное лицо, но и иные субъекты. В том числе, как уже отмечалось, наиболее крупным коррупгером является организованная преступность.

Данное понимание коррупции отражено в проектах закона «О борьбе с коррупцией», которые трижды принимались высшим органом законодательной власти[3] и на которые трижды накладывал вето первый Президент России[4].

В статье 1 «Основные понятия» говорится:

«1. Под коррупцией в настоящим Федеральным законе понимаются принятие субъектами, перечисленными в статье 2 настоящего Федерального закона, не предусмотренных законодательством материальных, нематериальных благ и преимуществ, за деяния, которые могут быть выполнены с использованием официального статуса данных субъектов, связанных с этим статусом авторитета и возмож-

---

[1] «Риа-новости» сообщила 10 марта 2001 г. о борьбе с коррупцией в Китае следующее: «За минувший год 34 судьи и 46 работников прокуратур были приговорены к тюремному заключению за нарушение законов и причастность к коррупции... Китайская прокуратура за последнее время раскрыла более 45 тысяч дел о коррупции и вернула в казну более 4,7 млрд. юаней (566 млн. долларов США). Об этом сообщил генеральный прокурор КНР ...».

[2] См. главу «Коррупционная преступность»// Криминология. 2- изд. Под ред. Долговой А.И. М., 2001.

[3] Первый раз Закон «О борьбе с коррупцией» был принят в июле 1993 года Верховным Советом РФ, разрабатывался по инициативе и при участии А.А. Аслаханова. Затем — Федеральный закон « О борьбе с коррупцией» принимался Государственной Думой и Советом Федерации РФ в 1995 г. и в 1997 г., но не вступил в силу из-за вето Президента РФ. В 2001 г. он вновь рассматривался Государственной Думой РФ. На заседании не присутствовала почти половина депутатов, против голосовало менее 10 человек (было 2 голосования), но законопроект не набрал необходимого числа голосов. Начиная с осени 1993 г., законопроекты разрабатывались Межведомственной рабочей комиссией под руководством автора книги, сформированной Координационным совещанием руководителей правоохранительных органов, заседание которого проходило под председательством Генерального прокурора РФ А.И. Казанника (1993 г.) . Позднее комиссия работала под эгидой Комитета по безопасности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в частности, председателя (затем — зам. председателя) данного Комитета Илюхина В.И.

[4] Тексты данного закона и вето Первого Президента России с его подробным анализом опубликованы в книге: «Организованная преступность-3». М., 1996.

ностей, а также подкуп таких субъектов путем предоставления им физическими и юридическими лицами указанных благ и преимуществ.

2. Правонарушения, связанные с коррупцией, дисциплинарная, административная, и гражданско-правовая ответственность за которые предусматривается настоящим Федеральным законом включают: правонарушения, создающие условия для коррупции, предусмотренные статьей 9 настоящего Федерального закона; правонарушения, совершаемые в виде принятия и предоставления материальных, нематериальных благ и преимуществ, предусмотренные статьей 12 настоящего Федерального закона.

3. К преступлениям коррупционного характера относятся: 1) воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (часть 2 статьи 141 УК РФ); 2) собирание сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, путем подкупа (часть 1 статьи 183 УК РФ); 3) подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (статья 184 УК РФ); 4) коммерческий подкуп (статья 204 УК РФ); 5) получение взятки (статья 290 УК РФ); 6) дача взятки (статья 291 УК РФ); 7) подкуп к даче показаний, ложного заключения эксперта либо неправильному переводу (части 1 и 4 статьи 309 УК РФ).

К преступлениям коррупционного характера могут быть отнесены и другие преступные деяния, если они содержат признаки, предусмотренные частью первой настоящей статьи. Ответственность за такие преступления наступает в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации».

Аналогичное понимание коррупции находит все более последовательное и четкое отражение в последних по времени международно-правовых документах, авторы которых не сомневаются в необходимости общего определения коррупции.

При всем различии определений коррупции в международных документах о коррупции всегда подчеркиваются два момента: во-первых, факты и подкупа, и продажности, во-вторых, связанные с этим злоупотребления. И такой подход совершенно обоснован.

Наиболее отчетливо он сформулирован в Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, принятой Советом Европы в Страсбурге 4 ноября 1999 г. Статья 2 «Определение коррупции» гласит: « Для целей настоящей Конвенции «коррупция» означает просьбу, предложение, дачу или получение, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой

обязанности или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового».

В Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, которая принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года говорится в статье 8 «Криминализация коррупции»:

«1. Каждое Государство–участник принимает такие законодательные и другие меры, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно:

a) обещание, предложение или предоставление публичному должностному лицу, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей;

b) вымогательство или принятие публичным должностным лицом, лично или через посредников, какого-либо неправомерного преимущества для самого должностного лица или иного физического или юридического лица, с тем чтобы это должностное лицо совершило какое-либо действие или бездействие при выполнении своих должностных обязанностей».

Принципиально неправильно сосредоточивать внимание только на взаимосвязанных с коррупционными преступлениями других криминальных деяний должностных лиц. Особенно в условиях, когда распространены инициативный подкуп и двусторонняя коррупционная сделка, в которых больше бывают заинтересованы организованные преступники.

Криминальные подкуп-продажность — только один из элементов общей системы организованной преступной деятельности. Организованная коррупция связана с должностными и многими другими преступлениями, в том числе террористического характера. Ближе всего к факту организованного подкупа стоят противоправные действия по службе коррумпируемого чиновника, но не надо забывать и о другой стороне, выявлять то, ради чего она совершает коррупционную сделку. Сотрудник ГАИ берет взятку за пропуск автомашины без досмотра, а организованные террористы дают такую взятку ради исполнения террористической акции.

Коррупция — сложное и многоаспектное явление. Важно иметь в виду разнообразные формы проявления коррупции и обеспечивать адекватное реагирование на них.

Во-первых, следует дифференцировать области коррупционной деятельности при понимании того, что обобщенно сфера коррупции может быть определена как власть, управление.

Соответственно цель коррупционных деяний и деятельности — противоправным путем получить доступ к власти, управлению. Речь идет о вмешательстве в деятельность разных структур: государственных, общественных, частных, коммерческими и некоммерческих (табл. 123).

Таблица 123

Ответы на вопрос: «Если Вы давали взятку, то за какие услуги?»
(% от числа опрошенных)

Ответы:	Москва	Владивосток	Волгоград	Воронеж	В т. ч. Рредприниматели из этих регионов
При лицензировании, регистрации предприятий	8	4	7	7	22
За медицинские услуги: операции, лечение в больнице, получение лекарств по льготным ценам и т.п.	18	14	21	17	43
За педагогические: при поступлении в ВУЗ, сдаче зачетов, экзаменов, получении диплома и т.п.	11	10	12	25	22
В правоохранительной сфере: при непринятии мер по факту преступления, смягчении наказания и т.п.	7	5	4	9	16
В ГАИ при сдаче экзаменов, прохождении тех. Осмотров, нарушении правил дорожного движения	28	26	15	18	43
По месту своей службы	4	3	4	11	7
В налоговой инспекции	8	6	7	2	19
В таможенных органах	5	4	5	5	10

Коррупционными следует считать деяния с признаками подкупа-продажности, совершаемые в любых сферах деятельности, а не только в сфере государственной службы

Как наиболее общественно опасная выделяется совершенно обоснованно так называемая публичная коррупция — подкуп-продажность государственных служащих различного ранга, включая должностных лиц категории «А» и кандидатов на занятие данных должностей (зарегистрированных кандидатов в Депутаты Государственной Думы и т.п.).

Особо опасен подкуп должностных лиц государства *иностранными* субъектами. В последние годы международным сообществом данной проблеме уделяется все большее внимание, причем расширяется спектр рекомендуемых мер противодействия. 11 апреля 1996 г. были приняты Рекомендации Совета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по вычитаемости сумм взяток должностным лицам иностранных государств из суммы налогооблагаемого дохода. 23 мая 1997 г. Советом Организации экономического сотрудничества и развития были приняты Пересмотренные

Рекомендации Совета по мерам борьбы с коррупцией в международных деловых операциях. Там уже рекомендовалось странам – членам ОЭСР принять конкретные шаги в направлении: уголовного законодательства и его применения, налогового законодательства, системы бухгалтерского учета в компаниях и на предприятиях, внешнего аудита, банковского и финансового законодательства, государственных субсидий, лицензий, контрактов и т.п. 21 ноября 1997 г. Конференцией полномочных представителей стран – членов ОЭСР приняты Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций и Комментарий к данной Конвенции. Статья 1 Конвенции называется «Подкуп должностных лиц иностранных государств как уголовное преступление»; в статье 2 «Ответственность юридических лиц» говорится о принятии всех необходимых мер для того, «чтобы определить ответственность юридических лиц за подкуп должностного лица иностранного государства в соответствии со своими правовыми принципами».

Заметим, что здесь особое внимание уделяется именно подкупающей стороне. И это прослеживается в ряде других документов.

Во-вторых, необходимо системно дифференцировать коррупционные проявления по степени их общественной опасности, гармонизируя при этом нормы разных законодательных актов. Если мы обратимся к Уголовному кодексу РФ, то увидим, что в ст. 290 и 291 УК РФ не указан нижний порог уголовно-наказуемой взятки. В то же время ст. 575 Гражданского кодекса РФ разрешает и должностным лицам при определенных оговорках принимать подарки ограниченной стоимости. В статье 575 « Запрещение дарения» говорится: «Не допускается дарение, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает пяти установленных законом минимальных размеров оплаты труда: 1) от имени малолетних и граждан, признанных недееспособными, их законными представителями; 2) работникам лечебных, воспитательных учреждений, учреждений социальной защиты и других аналогичных учреждений гражданами, находящимися в них на лечении, содержании или воспитании, супругами и родственниками этих граждан; 3) государственным служащим и служащим органов муниципальных образований в связи с их должностным положением или в связи с исполнением ими служебных обязанностей; 4) в отношениях между коммерческими организациями».

С уголовно-правовых позиций ст. 575 должна была называться не «запрещение», «ограниченное разрешение» дарения. В соответствии с ней могут получать «обычные подарки, стоимость которых не

превышает пяти установленных законом минимальных размеров оплаты труда» в том числе государственные служащие и служащие муниципальных образований в связи с их *должностным* положением. О ком же еще идет речь, как не о должностных лицах?

В-третьих, важно сбалансированно решать вопросы ответственности и коррумпируемой, и коррумпирующей сторон. В действующем законодательстве ответственность коррупгера намного слабее ответственности того, кого подкупают. Если иметь в виду совершение коррумпированным лицом различных злоупотреблений по службе, но он за них тоже будет отвечать и наказание назначается по совокупности преступлений.

Обращает на себя внимание и очевидное несоответствие квалифицирующих обстоятельств, санкций в статьях о получении и даче взятки. В частности, не в статье 291 УК РФ «дача взятки» не предусмотрены такие квалифицирующие обстоятельства, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо в крупном размере.

В-четвертых, важен учет меняющихся форм подкупа. Предметом взятки, по данным исследований, более чем в 10 % случаев часто являются нематериальные блага. В соответствии со ст. 128 ГК РФ к объектам гражданских прав относятся в том числе нематериальные блага. Но УК РФ предусматривает в качестве предмета взятки исключительно материальные блага (табл. 124).

Таблица 124

Ответы на вопрос: «Что принимается в виде вознаграждения» коррумпированными служащими?» (% от общего числа опрошенных сотрудников правоохранительных органов*)

Характер вознаграждения	Часто	Редко	Единичные случаи	Не встречается
Деньги	81	2	1	0
Иные материальные блага	35	20	1	0
Нематериальные блага	8	11	13	2
Оплата зарубежных поездок	24	19	20	0
Оплата лечения	6	19	22	2
Оплата обучения детей в вузах или гарантированное поступление в вуз	18	17	22	2
Написание книги или создание иного произведения от имени коррумпированного служащего	4	10	26	13
Акции	20	14	19	3
Работа в коммерческих структурах	32	23	7	1

* Ответы по горизонтали не составляют в сумме 100 %, ибо многие опрошенные полагали, что, если они не встречались с соответствующими фактами, то это не означает, что их вообще не бывает.

Ст. 150 ГК РФ относит к числу нематериальных благ жизнь, здоровье, честь и доброе имя, деловую репутацию, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право свободного пере-

движения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права.

Кроме того, в условиях расхождения формулировок ГК РФ и УК РФ, неадекватного отражения последним криминальной реальности до сих пор не существует ясности в вопросе о том, что же следует считать «выгодами имущественного характера» (формулировка ч.1 ст. 290 УК РФ). И как относиться, например, к услугам сексуального характера, которые имеют свою цену на криминальном рынке или легальном при легализации в некоторых странах проституции? Или к «устройству» ребенка фактически коррумпируемого лица на бесплатное обучение в ВУЗе? Эти вопросы требуют своего решения, а пока пробельностью закона криминальный мир пользуется в своих интересах.

В-пятых, коррупция постоянно изменяет формы проявления. Например, отмечается «перспективный» подкуп или подкуп должностного лица «впрок», на неопределенных условиях. Это — то, что населением называется «подкупом на корню». В социалистический период, например, судя по материалам уголовных дел, с назначением руководителя на солидную должность в системе торговли, подчиненные ему ежемесячно в конвертах или иначе приносили определенные суммы денег. В годы реформ в России это обернулось в том числе оплатой избирательной кампании кандидата на должность губернатора, мэра, депутата и т.д. владельцами солидных капиталов (в том числе криминальных) На рубеже веков, например, в данном сегменте криминального рынка, голос 1 избирателя оценивался в среднем в 1 доллар США и колебался, по оценкам экспертов, в пределах от 0,8 до 1,5 $. Затем «благодарное» избранное должностное лицо расплачивалось со своими «благодетелями» за счет региона, национальных богатств. Данные случаи не укладываются полностью ни в диспозицию норм действующего УК РФ. Так, ч.1 ст. 290 УК РФ устанавливает: «Получение должностным лицом лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если такие действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо оно в силу должностного положения может способствовать таким действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе». А в частях 1 и 2 ст. 141 УК РФ говорится о том, что наказывается «воспрепятствование осуществлению гражданином своих избирательных прав или права участвовать в референдуме, а также вос-

препятствование работе избирательных комиссий или комиссий по проведению референдума», в том числе соединенные с подкупом.

Одновременно существуют так называемая «перспективная» продажность, конкретизируемая и в форме «отложенной взятки». Это — случаи, когда, например, должностное лицо оказывает предпринимательской структуре услуги с использованием должностного положения (в том числе незаконные) в расчете на получение приличной должности в данной структуре после ухода на пенсию или иного увольнения. Разоблачение такого должностного лица в худшем для него случае связано лишь с обвинением в злоупотреблении должностными полномочиями либо их превышением, если это имело место.

В-шестых, нельзя не учитывать, что субъектами коррупционных сделок могут быть юридические лица. Чаще при этом говорится о подкупе, когда решение о так называемом «льготном кредите» или оплате дорогостоящей поездки оформляется решением коллегиального органа. Однако в годы реформ стали распространяться случаи привлечения так называемых «спонсоров» - предпринимателей государственными структурами для обеспечения данных структур компьютерной техникой, средствами для ремонта и т.п. При этом руководители и сотрудники таких структур чувствовали себя обязанными «идти навстречу» просьбам «спонсоров» при исполнении служебных, должностных полномочий. Здесь нет личного получения взятки и нет злоупотребления должностными полномочиями, поскольку отсутствуют личная, в том числе корыстная заинтересованность руководителя. Он далеко не всегда действовал при этом во имя продвижения по службе. Нередко им двигало стремление каким-то образом все-таки вести борьбу с преступностью, решать другие важные государственные задачи. Однако такого рода факты оказывались со временем связанными с узко корпоративной заинтересованностью, в том числе и корыстной: все сотрудники структуры привыкали к «прикармливанию» и возрастали их аппетиты. Отказ прежнего или нового руководителя от данного «спонсорства» нередко приводил к недовольству и вышестоящих, и подчиненных субъектов. Встречался подкуп должностных лиц государства *иностранными* юридическими лицами.

Изложенные особенности коррупции и ее проявления должны учитываться при оценке как реального положения дел с коррупцией в стране, так и действующего законодательства; всесторонне обсуждаться при конструктивном решении вопроса о реагировании на коррупцию.

§ 2. Развитие коррупции в реформируемой России

В России конца XX века коррупция стала явлением масштаба национального бедствия. Она приобрела тотальный характер и проявлялась в многообразных формах, не исключая тех, которые отмечены в предыдущем разделе.

Коррупция становилась все более мощным средством:

- перераспределения собственности и капиталов, в том числе криминальных, особенно во взаимосвязи с экономической преступностью;
- перераспределения власти;
- ослабления конкурентных рыночных механизмов;
- усиления влияния криминального общества не только на экономику и политику, но также на социальную и духовную сферы жизнедеятельности;
- разложения режима демократии, законности и правопорядка;
- ослабления Российской государственности. Последнее особенно очевидно при анализе коррупции во взаимосвязи с терроризмом, преступлениями против основ конституционного строя и безопасности государства.

Девяностые годы отмечены сломом государственной машины социалистического типа, отказа от прежних законов и — в течение длительного периода — практически от поддержания режима законности. В этих условиях коррупция стала незаменимой для идеологов реформ, полагавших, что подкуп представителей власти — лучшее средство их переориентации, чем, например, насилие. И точно так же, как насилие обеспечивало становление новой власти после 1917 года, коррупция призвана была, по мнению части реформаторов, выполнять данную функцию в девяностых годах. Правда, и в начале, и в конце XX века данные способы никогда не использовались изолированно, они прямо или косвенно оказывались связанными между собой и с другими методами (шантаж, дискредитация и т.д.).

Признание допустимости коррупции создало самые благоприятные условия для контроля над властными структурами владельцев криминальных криминалов — организованных преступников.

Функционирование криминального общества органически и давно связано с коррупцией как действенным бескровным способом овладения официальными институтами легалистского общества: государственным аппаратом, институтами гражданского общества.

Преступный мир уже давно осознал значимость «выкупа власти на собственность», о которой пишет Е.Т. Гайдар[1].

Развитие криминальной ситуации в девяностых годах XX века подтвердило, что коррупция приобретает практически тотальный характер в периоды интенсивного наступления криминального общества на легалистское. Отмечено вовлечение в нее представителей разных социальных групп и – что особенно опасно – высших государственных чиновников. Происходило расширение круга форм личного подкупа служащих за счет оплаты дорогих зарубежных поездок, льготного кредитования, оказания различных услуг, предоставления высокооплачиваемой должности в частных структурах после увольнения из госаппарата, включения в состав советов коммерческих структур или соучредителей государственных служащих или их родственников, выплаты фантастических «гонораров» за очень скромные труды и т. п.

В России имело место то, что фиксировалось во всех бывших социалистических странах Восточной Европы, где реализовывалась единая стратегическая концепция перехода от социализма к капитализму. В докладе Всемирного банка «Борьба с коррупцией в переходный период: вклад в политические дебаты», опубликованном в ходе ежегодного заседания МВФ и Всемирного банка, состоявшегося в октябре 2000 г. в Праге, говорится применительно к большинству «переходных стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза»: «По всему региону средства массовой информации рассказывают о могущественных фирмах и отдельных «олигархах», подкупающих политиков и чиновников, чтобы формировать законодательную, политическую и нормативную среду в собственных интересах. Многочисленные громкие скандалы в связи с коррупцией выявили политиков, злоупотребляющих властью ради перетягивания государственных ресурсов к себе и своим союзникам через хорошо замаскированные доли в сложной цепочке частных и государственных компаний. Во многих странах общественность считает, что коррупция вплетается в систему базовых институтов, подрывая эффективность управления и авторитет государства»[2].

В то же время, разумеется, коррупция — не новое для России явление и явление, свойственное не только России и другим бывшим социалистическим странам. Она давно и широко распространена в самых разных странах мира с развитой или развивающейся рыноч-

---

[1] *Гайдар Е.Г.* Государство и эволюция. М., 1995.

[2] Распространено Офисом международных информационных программ Государственного департамента США// Веб-сайт: http://usinfo.state.gov http://www.worldbank. org/developmentnews/html/feature_stor y.htm).

ной экономикой. Другое дело, что в годы реформ подкуп-продажность приобрели огромный размах и проявляли себя в новых формах. В девяностых годах «теневая экономика», по оценочным данным, ежегодно в России направляла около 7 млрд. долларов на коррумпирование чиновников.

Развивались формы так называемой «официальной» коррупции, существовавшей в системе власти, казалось бы, легалистской части общества, в том числе той, которую назвали «государственным рэкетом». От степени выполнения воли тех или иных представителей власти зависело не просто финансирование какого-то государственного органа или даже региона, но и выделение дополнительных ресурсов, финансовое обеспечение новых льгот. Отмечен фактический подкуп органов государственной власти субъектов Федерации, важных для них федеральных органов на местах, путем дополнительно финансирования из регионального бюджета. Это касается, например, судов[1], прокуратуры, но не только их. Президентские структуры выборочно и по ситуации решали вопросы о предоставлении тех или иных льгот функционерам законодательной, исполнительной и судебной власти. Руководители государственных органов субъективно и на далекой от гласности основы — «поощряли» своих наиболее послушных служащих, предоставляя им не предусмотренные законодательством привилегии и льготы. Сами предоставляли, сами же, по личному усмотрению, могли их отменить. Чиновник в таких условиях служил не налогоплательщику в соответствии с законом, а непосредственному руководителю, аппарату соответствующего должностного лица.

Участие в течение почти десяти лет в процедурах подготовки, обсуждения законопроектов о борьбе с коррупцией со всей очевидностью показывали истоки сопротивления принятию действенного антикоррупционного законодательства, игнорирования многих действенных мер, в том числе рекомендованных Советом Европы, по борьбе с легализацией (отмыванием) преступных доходов. Да и в

---

[1] МК сообщала: «Беспрецедентное событие случилось в стенах Хамовнического суда. Юрист Наталья Болдовская, защищающая права выселенцев, узнав, что дело проиграно, потребовала отвода всего состава московских судов. Она выдвинула железный аргумент: московские суды не могут быть беспристрастными и независимыми в делах о спорах мэрии, так как получают деньги от столичного правительства. Имеются в виду «мэрские» доплаты к заработкам судей и жалованья народным заседателям, а также средства на ремонт и содержание зданий судов. Кроме того, Болдовская потребовала отмены всех судебных решений, которые когда-либо принимались в московских судах,— если суды пристрастны, то и их решения годятся разве что на раступку камина». (*Пичугина Екатерина.* Мантия преследования. МК. 14 янв. 2003). Следует иметь в виду, что в соответствии со ст. 124 Конституции РФ «финансирование судов производится только из федерального бюджета и должно обеспечивать возможность полного и независимого осуществления правосудия в соответствии с федеральным законом».

своих публичных выступлениях многие политики не скрывали мотивов отрицания необходимости эффективной борьбы с коррупцией. По оценке помощника Президента РФ А. Лившица, данной им еще в 1993 г., усиление борьбы с коррупцией способно «привести к потере равновесия в экономике», а потому он «против резких движений в вопросах борьбы с коррупцией»[1].

Криминологические исследования показывали, что в конце XX века в России коррупция, во-первых, продолжала фактически расширяться и становиться все более общественно опасной[2]; во-вторых, с ней, как орудием подчинения государственных и иных органов себе, прежде всего, организованными криминальными формированиями, стал конкурировать иной механизм: лидеры и активные деятели преступного мира сами стремились вершить политику, не полагаясь уже на посредников[3]. И это, сказывалось, на подкупе голосов избирателей и др.

Последнее, однако, не означает, что проблема коррупции утрачивает свое значение: она продолжает быть значимой для криминальных функционеров, хотя и сочетается с новым механизмом использования власти в криминальных интересах.

Если криминальные лидеры занимают официальное положение, они набирают себе команду из высоко дисциплинированных участников организованных преступных формирований и не допускают одновременного их служения кому-либо еще, что происходит в случаях коррумпированности чиновников. Однако в таком случае методы «борьбы с коррупцией» носят криминальный характер, как и более широкие методы управления, используемые преступниками и привычные для них.

В таких условиях недовольство населения приглушалось эпизодическими «громкими» разоблачениями средствами массовой информации каких-то лиц, групп и постоянной критикой судов, правоохранительных органов, спецслужб. Разоблачения, как правило, не имели правовых последствий, а указанная критика еще больше подрывала доверие населения к правоохранительным органам, усили-

---

[1] Вечерняя Москва. 1993, 29 июля.

[2] См.: «Криминальная ситуация на рубеже веков в России», М., 1999, «Организованная преступность-4». М., 1998.

[3] В «Новой газете» (№2 (573) ,17-23 января 2000 г.) после выборов в Государственную думу РФ появилась статья «Чисто конкретные выборы», в которой утверждалось, что «93 новоиспеченных депутата из 450 до своего избрания находились в оперативной разработке отечественных спецслужб»; депутатом Государственной думы РФ стал один из лидеров так называемой «солнцевской» группировки, имеющий, кроме российского, еще и гражданство государства Израиль, а другому лидеру данной группировки этого не удалось сделать только в связи со своевременным выявлением второго (греческого) гражданства.

вала нежелание сотрудничать с ними. Активность реагирования на коррупцию снижалась[1].

Борьба с коррупцией громогласно сводилась только к ее карающей стороне; на деле это оборачивалось некоторой активизацией выявления и наказания лишь тех лиц, которые брали взятки вне соучастия с должностными лицами высокого ранга, крупными предпринимателями, организованными преступными формированиями с широкими коррумпированными связями. Именно за счет последних в 1993-95 гг. несколько возросло число осужденных взяточников[2].

Лукавая политика власть предержащих приводила к драматическим результатам, включая неудачные попытки разоблачения взяточников «со связями» и компрометацию разоблачителей. При этом — что очень опасно и антиконституционно — правоохранительные органы ориентировались многими субъектами (включая средства массовой информации) на «решительные меры», не всегда основанные на законе. Игнорирование закона и не основанное на нем ограничение прав граждан компрометировали борьбу с коррупцией. Такой результат тоже просчитывался как желаемый определенным кругом лиц.

Особого внимания заслуживает то, как законодательство периода реформ отражало коррупционные интересы высоких должностных лиц при изощренных попытках создания иллюзии принципиального реагирования на коррупцию. При отклонении первым Президентом РФ Федеральных законов «О борьбе с коррупцией», «О внесении изменении и дополнений в УК РСФСР и УПК РСФСР в связи с принятием Федерального закона «О борьбе с коррупцией» , «О борьбе с организованной преступностью» ставка делалась на отдельные нормы Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» и указы Президента России.

При сопоставлении данных нормативных актов обнаруживаются те пробелы, которые позволяют именно высшим должностным ли-

---

[1] Так, число осужденных за взяточничество (ст.ст. 173-174-1 УК РСФСР) по сравнению с последним не «активно перестроечным», 1986 годом за 10 лет сократилось в несколько раз. В 1986 г. было осуждено 3 454 человека, в 1990 г. — 649, в 1993 г. — 843,в 1994 г. — 1114, в 1995 г. — 1072. Во всей России в 1995 году было осуждено за взяточничество к лишению свободы 397 лиц. Вообще к лишению свободы приговаривается лишь около трети осужденных взяточников. Каждому четвертому осужденному предоставлялась отсрочка исполнения приговора. Это само по себе еще не свидетельствовало о чрезмерно либеральной судебной практике, ибо, судя по материалам уголовных дел, осуждались «случайные» взяточники невысокого ранга, а не лица, коррумпированные с использованием изощренных форм, на систематической или постоянной основе, имевшие солидных покровителей.

[2] В 1995 году было выявлено всего 255 лиц, которые получили взятку при квалифицирующих обстоятельствах: или занимали ответственное должностное положение, или вымогали взятку, или получили взятку в крупном размере.

цам страны уходить от ответственности, практически подкупаться и выгодно «продавать» свои полномочия, а также основанные на них возможности. Только несколько иллюстраций данного тезиса: первый Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» предусматривал, во-первых, запрещение «служащим государственного аппарата: заниматься предпринимательской деятельностью; оказывать любое не предусмотренное законом содействие физическим и юридическим лицам с использованием своего служебного положения в осуществлении предпринимательской деятельности и получать за это вознаграждение, услуги и льготы; выполнять иную оплачиваемую работу на условиях совместительства (кроме научной, преподавательской и творческой деятельности), а также заниматься предпринимательской деятельностью через посредников, а равно быть поверенным у третьих лиц по делам государственного органа, в котором он состоит на службе; самостоятельно или через представителя принимать участие в управлении акционерными обществами, товариществами с ограниченной ответственностью или иными хозяйствующими субъектами». Отмечалось, что нарушение указанных требований влечет освобождение от занимаемой должности и иную ответственность в соответствии с действующим законодательством. Во-вторых, для государственных служащих было установлено обязательное представление при назначении на руководящую должность декларации о доходах, движимом и недвижимом имуществе, вкладах в банках и ценных бумагах, а также обязательствах финансового характера. В соответствии со ст. 3 Указа непредставление «таких сведений или умышленное представление неполной, недостоверной или искаженной информации является основанием для отказа в назначении на должность.». Казалось бы, в борьбе с коррупцией сделан важный шаг. Не будем останавливаться на том, что шаг этот был в значительной мере декларативным. Важнее другое: кого именно он касался. В Указе используются три формулировки: «государственная служба», «служащие государственного аппарата», «государственные служащие». Однако понятия «служащий государственного аппарата» и «государственный служащий» не идентичны. Является ли, например, депутат служащим государственного аппарата? Скорее всего, нет, ибо сотрудники аппарата как бы обеспечивают работу руководителей ведомств, других должностных лиц высокого ранга. Является ли депутат государственным служащим? В широком смысле можно считать, что да, если полагать, что при выборах население наделяет его определенными государственными полномочиями и

затем это лицо содержится за счет налогоплательщиков. Но можно рассуждать и по-другому. Именно иной взгляд отражен в Федеральном законе «Об основах государственной службы Российской Федерации», принятом 31 июля 1995 года (№ 119-ФЗ) и действующим в режиме Федерального закона от 18.февраля 1999 г. (№ 35-ФЗ).

В статье 2 Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» прямо говорится: «1. Под государственной службой в настоящем Федеральном законе понимается профессиональная деятельность по обеспечению исполнения полномочий государственных органов. К государственной службе относится исполнение должностных обязанностей лицами, замещающими государственные должности категорий «Б» и «В». Лица, замещающие государственные должности категории «А» в число государственных служащих не входят. А это – «должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами (государственные должности Российской Федерации), конституциями, уставами субъектов Российской Федерации (государственные должности субъектов государственных органов (Президент Российской Федерации, Председатель Правительства Российской Федерации, председатели палат Федерального Собрания Российской Федерации, руководители органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, депутаты, министры, судьи и другие»). Итак, строго говоря, на этих лиц не распространяются и Указ 1992 г, и нормы Федерального закона «Об основах государственной службы Российской Федерации» в части прав, обязанностей, ограничений, ответственности. В частности, следующих ограничений, предусмотренных статьей 11 данного закона: 1) заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме педагогической, научной и иной творческой деятельности;... 3) заниматься предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц; 4) состоять членом органа управления коммерческой организацией, если иное не предусмотрено федеральным законом или если в порядке, установленном федеральным законом и законами субъектов Российской Федерации, ему не поручено участвовать в управлении этой организацией; 5) быть поверенным или представителем по делам третьих лиц в государственном органе, в котором он состоит на государственной службе либо который непосредственно подчинен или непосредственно подконтролен ему; 6) использовать в неслужебных целях средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, другое государственное имущество и служебную информацию; 7) получать гонорары за публикации и

выступления в качестве государственного служащего; 8) получать от физических и юридических лиц вознаграждения (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения), связанные с исполнением должностных обязанностей, в том числе и после выхода на пенсию; 9) принимать без разрешения Президента Российской Федерации награды, почетные и специальные звания иностранных государств, международных и иностранных организаций; 10) выезжать в служебные командировки за границу за счет физических и юридических лиц, за исключением служебных командировок, осуществляемых в соответствии с международными договорами Российской Федерации или на взаимной основе по договоренности федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации с государственными органами иностранных государств, международными и иностранными организациями;...12) использовать свое служебное положение в интересах политических партий, общественных, в том числе религиозных, объединений для пропаганды отношения к ним.», а также обязанности « передавать в доверительное управление под гарантию государства на время прохождения государственной службы находящиеся в его собственности доли (пакеты акций) в уставном капитале коммерческих организаций в порядке, установленном федеральным законом.». К лицам, занимающим должности категории «А» не относятся обязанности представления в органы государственной налоговой службы сведения о полученных ими доходах и имуществе, принадлежащем им на праве собственности, являющихся объектами налогообложения, причем как при занятии должности, так и ежегодно.

Итак, до середины 1997г., в период наиболее активного и тотального раздела «пирога» – общенародной собственности высшие должностные лица государства не были обязаны ни перед кем серьезно отчитываться о своем экономическом положении и его изменениях. Позднее наступила эпоха, когда члены Правительства, депутаты и другие должностные лица уже не стеснялись говорить о том, что они – «люди не бедные». Тогда власть сочла возможным несколько приоткрыть завесу и тем самым как бы легализовать нажитую к тому моменту собственность, независимо от ее происхождения. Но и это было сделано крайне осторожно. В Указе Президента РФ от 15 мая 1997 года № 484 «О представлении лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации, и лицами замещающими государственные должности государственной

службы и должности в органах местного самоуправления, сведений о доходах и имуществе» (действует в ред. Указов Президента РФ от 4 марта 1998 г. № 227 и от 31 мая 1999 г. № 680) впервые четко формулируется обязанность ежегодного представления сведений о своих доходах и принадлежащем им имуществе всеми, без исключения лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации (в том числе Президентом Российской Федерации, членами Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, членами Правительства Российской Федерации) и государственные должности субъектов Российской Федерации, а также лицами, замещающими государственные должности федеральной государственной службы, государственные должности государственной службы субъектов Российской Федерации и должности в органах местного самоуправления.

Однако здесь возникает второе «но», как момент лукавства. Куда же высшие должностные лица представляют сведения и кто их контролирует? Декларация подается в органы государственной налоговой службы по месту постоянного жительства. В то же время предписано «Председателю Правительства Российской Федерации, заместителям Председателя Правительства Российской Федерации, федеральным министрам представлять сведения о полученных и являющихся объектами налогообложения доходах, ценных бумагах, а также о являющемся объектом налогообложения имуществе, принадлежащем им на праве собственности, при назначении на соответствующую должность, а впоследствии ежегодно, не позднее 1 апреля года, следующего за отчетным финансовым годом, *в Государственную налоговую службу Российской Федерации* (выделено автором) по форме, установленной Государственной налоговой службой Российской Федерации».

Где же тут равенство граждан перед законом? Невольно вспоминается проект «реформаторов» рубежа девяностых годов создать особое подразделение государственной налоговой службы, «обслуживающее высших должностных лиц и их аппарат» с тем, чтобы не сообщать сведения в налоговые органы по месту жительства на общих основаниях. Можно, конечно, рассуждать и так, что служебная тайна будет сохранена лучше в особом органе. Но можно также полагать, что такое сохранение будет носить выборочно-удобный для элиты характер. Труднее иметь дело с местным налоговым органом на общих основаниях, легче – с подчиненным руководителю федерального органа, который может быть заинтересован и в сохранении должности, и в особой конфиденциальности

личных сведений о доходах и имуществе. Впрочем, такая конфиденциальность практически не гарантируется во взаимоотношениях соответствующего лица с его руководителями по службе.

Организует проверку таких сведений также вовсе не налоговый орган по месту жительства, обязанный соблюдать соответствующую служебную тайну, а *кадровая служба* соответствующего государственного органа. В статье 2 Указа Президента РФ говорится: «...организация проверки сведений, сообщенных гражданином при поступлении на государственную службу в соответствии с Федеральным законом «Об основах государственной службы Российской Федерации», проверки соблюдения установленных законодательством Российской Федерации ограничений лицами, замещающими государственные должности Российской Федерации и государственные должности субъектов Российской Федерации, а также лицами, замещающими государственные должности федеральной государственной службы, государственные должности государственной службы субъектов Российской Федерации, возлагается на кадровую службу соответствующего государственного органа».

Третий момент: Указом Президента РФ от 15 мая 1997 года № 484 утвержден «Порядок предоставления сведений о доходах и имуществе лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации, общероссийским средствам массовой информации», в котором, с одной стороны, предполагается обязательство общероссийского средства массовой информации «опубликовать запрашиваемые сведения в полном объеме в ближайшем номере либо в недельный срок со дня их получения» — иначе обращение органа СМИ не рассматривается и подлежит возврату. С другой стороны, предусматривается передача сведений в ограниченном объеме: «кадровая служба государственного органа..., в недельный срок сообщает об обращении лицу, в отношении которого поступило обращение, и обеспечивает передачу общероссийскому средству массовой информации следующих сведений о доходах и имуществе лица, замещающего государственную должность Российской Федерации: суммарная декларированная стоимость недвижимого имущества, транспортных средств и ценных бумаг, принадлежащих лицу на праве собственности; перечень объектов недвижимости, принадлежащих лицу на праве собственности или находящихся в его пользовании, с указанием вида, площади и страны расположения каждого из них; декларированный годовой доход. Указанные сведения предоставляются на основании данных, имеющихся в кадровой службе государственного органа на дату

получения обращения» (ст. 3). В ст. 4 говорится, что в предоставляемых сведениях запрещается указывать: иные данные о доходах и имуществе лица, замещающего государственную должность Российской Федерации, кроме указанных в пункте 3 настоящего Порядка; данные о супруге, детях и иных членах семьи лица, замещающего государственную должность Российской Федерации;...информацию, отнесенную к государственной тайне или являющуюся конфиденциальной».

То есть, помимо информации, отнесенной к государственной тайне или являющейся конфиденциальной, запрещается сообщать СМИ крайне важную для общественности иную информацию. Например, об общем имуществе супругов. И вновь именно кадровая, а не налоговая служба, стоит между лицом, занимающим государственную должность и СМИ. Кадровая служба всегда может отговориться тем, что представила все сведения на основании, как говорится в Указе, «данных, имеющихся в кадровой службе государственного органа на дату получения обращения».

На этом фоне понятно, что не могла Администрация Президента РФ допустить введения в действие такого закона, в котором не только перечисленные в законопроекте « О борьбе с коррупцией» субъекты, но все лица, получающие содержание (зарплату) из бюджетной системы РФ, обязаны представлять декларации при назначении на должность и ежегодно. Да еще декларацию в налоговый орган по месту жительства по особой, развернутой форме, предусматривающей доходы, расходы, имущество на праве собственности или только владения, распоряжения, а также долги. При этом законопроект предусматривает, что должностные лицаи должностные лица, занимающие особо ответственное положение, ежегодно в период их наделения государственными полномочиями, а затем в течение трех лет после освобождения от их выполнения, в том числе после выхода на пенсию, представляют в налоговую инспекцию по месту жительства декларацию, в которой сообщают исчерпывающе перечисленные сведения[1], в также данные: о совершенных после

---

[1] В проекте Федерального закона «О борьбе с коррупцией» прямо перечислены следующие сведения: «о доходах (личных и супруга), включая оцененные в денежном выражении все материальные и иные услуги, поступления, полученные из всех источников; о личном и об общем совместном с супругом имуществе, являющемся объектом налогообложения, в том числе находящемся за пределами территории Российской Федерации, с указанием оценочной стоимости и места нахождения указанного имущества; о вкладах в банковских учреждениях и о ценных бумагах, в том числе за пределами территории Российской Федерации, с указанием банковского учреждения, номеров банковских счетов, под которыми указанные должностные лица имеют право подписи, а также о финансовых средствах, которыми данные лица вправе распоряжаться лично или совместно с другими лицами; о своем прямом или об опосредованном участии в качестве акционера или совладельца оффшорных, других компаний, фондов с указанием

представления предыдущей декларации имущественных сделках на сумму свыше двухсот минимальных размеров оплаты труда; о принятых в отчетный период подарках, материальных благах и иных услугах общей стоимостью свыше двух минимальных размеров оплаты труда с указанием перечня принятого, оцененного в денежном выражении, а также источников поступления. По месту работы указанные лица представляют справку из налоговой инспекции о получении ею соответствующих сведений.

Кстати, в числе субъектов, перечисленных в проекте Федерального закона «О борьбе с коррупцией», были указаны помощники и другие субъекты, чей правовой статус во многом носит по действующему законодательству неопределенный характер. В обоснование «вето» предлагалось, как раз исключить помощников из числа субъектов правонарушений, связанных с коррупцией.

Разработчиками проекта Федерального закона «О борьбе с коррупцией» предлагалось использовать в борьбе с коррупцией уголовно-правовые, административно-правовые, гражданско-правовые и дисциплинарные меры, соответственно четко отграничить уголовно-правовые проявления коррупции от иных противоправных. При этом вносились предложения о нижнем пороге уголовно-наказуемого взяточничества; о расширении круга субъектов взяточничества и иного подкупа, введении правовой ответственности юридических лиц; о признании деяний «коррупгеров» не менее общественно опасными, чем коррумпируемых субъектов и использовании специального института освобождения от уголовной ответственности применительно не только к взяткодателям, но и взяткополучателям, о сохранении уголовно-правовой фигуры посредника, который часто действует или в виде промысла (при этом характеризуется специфическим криминальным профессионализмом), или является участником организованного преступного формирования и действует

доли собственности и полных банковских, иных реквизитов указанных организаций; о трастах и о государствах, в которых они зарегистрированы, с указанием номеров соответствующих банковских счетов, если должностное лицо или его супруг является бенефициаром этих трастов; о названиях и о реквизитах других организаций, у которых с должностным лицом имеются договорные отношения, соглашения и обязательства (в том числе и устные) по содержанию или временному хранению материальных и финансовых средств, принадлежащих должностному лицу или супругу; о получении в пользование по доверенности имущества стоимостью свыше двухсот минимальных размеров оплаты труда; о задолженности на сумму свыше ста минимальных размеров оплаты труда; об иных обязательствах финансового характера, в том числе за пределами территории Российской Федерации». Должностные лица и должностные лица, занимающие особо ответственное положение, ежегодно в период выполнения предусмотренных статьей 3 настоящего Федерального закона функций, а затем в течение трех лет после освобождения от их выполнения, в том числе после выхода на пенсию, представляют в налоговую инспекцию по месту жительства декларацию, в которой сообщают указанные сведения и целый ряд дополнительных данных.

по приказу, о других аспектах более точного отражения криминологической характеристики современного подкупа–продажности в диспозиции уголовно-правовых норм. Однако, к сожалению, новый Уголовный кодекс РФ отразил явление коррупции во многом фрагментарно и несистемно.

Разработчики нового УК РФ, казалось бы, тоже стремились ограничить масштабы уголовной репрессии, но делали это, прежде всего, за счет характеристики субъекта. Субъект получения взятки, по УК РФ, это – только должностное лицо, коммерческого подкупа – лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации. Кстати, за служебный подлог, предусмотренный статьей 292 УК РФ , следующей за статьей о даче взятки, отвечают наряду с должностными лицами иные государственные служащие и служащие органов местного самоуправления. В других статьях УК РФ выделяются и такие специальные субъекты, как участники и организаторы профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов. А далее идет фактическое расширение круга субъектов продажности, когда говорится о подкупе свидетеля, потерпевшего, переводчика, и вообще отказ от конкретного определения субъекта: в части 2 статьи 141 «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» говорится в том числе о соединенном с *подкупом* воспрепятствовании осуществлению гражданином своих избирательных прав или права участвовать в референдуме, а также воспрепятствовании работе избирательных комиссий или комиссий по проведению референдума. Но подкупом кого и кем? Аналогичный вопрос возникает при анализе статьи 183 «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну».

Фактически вводится неопределенный круг субъектов преступлений, которые можно считать проявлениями коррупции.

Уход от четкого решения вопроса о пороге уголовно-наказуемого взяточничества породил ту опасную неопределенность, о которой говорилось при упоминании действующей ст. 575 ГК РФ «Запрещение дарения». Данная статья разрешила служащим брать подарки, стоимость которых не превышает пяти установленных законом минимальных размеров оплаты труда. Но ведь размер такого подарка практически равен далеко не минимальной пенсии и , кроме того, ГК РФ вроде бы не запрещает брать и от одного человека несколько раз, и от нескольких разных лиц, даже в течение одного дня. Кроме того, наряду с данной статьей ГК РФ действует статья 11 Федерального закона «Об основах государственной службы Рос-

сийской Федерации», которая прямо запрещает государственным служащим « получать от физических и юридических лиц вознаграждения (подарки, денежное вознаграждение, ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов и иные вознаграждения), связанные с исполнением должностных обязанностей». Ситуация выглядит весьма запутанной, но зато такого рода правовое регулирование создает неплохие условия для процветания коррупции и ухода от предусмотренной законом ответственности государственных служащих и других должностных лиц.

В УК РФ используются одновременно понятия «подкуп» и «взятка» (получение взятки, дача взятки). При этом нормы, касающиеся подкупа в разных его формах, находятся в различных главах УК РФ. Подкуп, получение и дача взятки рассматриваются в ряде статей УК РФ как самостоятельное преступление: «Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов», «Коммерческий *подкуп»*, «Получение взятки», «Дача взятки», «Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу». Трактуются они и как только способ совершения другого преступления: «Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну» (ст. 183 УК РФ), «Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий» (ст. 141 УК РФ).

Статья 33 «Виды соучастников преступления» предусматривает, что подкуп может являться средством подстрекательства к преступлению, при этом ни субъекты, ни размеры подкупа не конкретизируются: «Подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, *подкупа,* угрозы или другим способом».

При этом Закон не конкретизирует способы организации преступления и пособничества.: «Пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. Не вполне ясно, можно ли считать подкуп одним из средств устранения препятствий? Это все создает трудности в оценке квалификации деяний и истинном масштабе, характеристиках коррупции.

Кроме того, возникает вопрос о последовательности позиции законодателя: почему избавлены от уголовной ответственности за получение взятки государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, не являющиеся должностными лицами? Их деяния не менее общественно опасны, чем продажность участников профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов. Впрочем для коммерческого, да еще полукриминального и даже криминального интереса, взяточничество помощников, референтов должностных лиц и других государственных служащих может быть даже «полезным», но «убийственным» — подкуп участников профессиональных конкурсов, где на кон ставятся огромные ставки.

Как же быть с общественно одобряемым, законным интересом граждан, общества, государства? Его-то как раз действующий закон защищает слабо, может быть, даже в ряде аспектов во вторую очередь.

Население к концу XX века противоречиво реагировало на развитие коррупции. Это вполне закономерно при отмеченной его криминологической дифференциации — разграничения тех социальных групп, которые относились к легалистскому, криминальному обществам и маргинальной среде.

С одной стороны, создавался все более широкий и внушительный слой граждан, заинтересованных в сохранении основанных на коррупции отношений. Это — организованные преступники; предприниматели, действовавшие в условиях нестабильной и противоречивой правовой базы, разболтанности и продажности чиновничьего аппарата; разные субъекты, убежденные в необходимости и допустимости постановки государственных, муниципальных структур себе на службу путем своеобразной их «перекупки» у государства и местных органов самоуправления.

С другой стороны, пагубные последствия коррупции становились все более очевидными для широких слоев населения. Протестные настроения нарастали и в России, и за рубежом. Однако немало граждан — активных противников коррупции все-таки прибегали к подкупу, видя в этом единственное средство решения своих проблем в конкретных условиях (табл. 125).

При анализе результатов обработки анкет, заполнявшихся в разных регионах страны на рубеже веков, просматривается, что немалая часть опрашиваемых уклонялась от прямого ответа на вопросы о перечисленных в таблице формах поведения. Но все равно видно, какое немалое число людей и берет взятки, и дает их, и совершает иные незаконные действия.

Таблица 125

Ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам в течение последнего года совершать следующие действия?» (% от общего числа опрошенных)*

Опрошенные в регионах:	Москва		Владивосток		Волгоград		Воронеж		В т. ч. Предпринимате-ли из этих регионов	
Характер ответа	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет	да	нет
Уклонение от уплаты налогов со всего фактического дохода	21	50	16	28	9	46	10	32	36	42
Физическая расправа с преступником, посягнувшим на права опрошенного лица	12	55	16	31	9	50	34	27	21	45
Неуплата в полном размере таможенных или иных платежей государству	8	57	4	32	5	48	7	34	22	49
Принятие подарков, материальных знаков благодарности от людей в связи с исполнением служебных обязанностей	12	53	14	28	23	41	17	37	22	43
Дача взятки, выражение «благодарности» нужным государственным служащим	35	53	23	24	43	32	37	29	73	15
Дача взятки, «благодарность» лицам, работающим в негосударственных организациях	17	50	16	27	21	41	27	27	100	0

* Приведенные в таблице цифры нельзя воспринимать что называется буквально. Кто-то не ответил полностью на вопрос, ограничившись ответом «да», кто-то лукавил, кто-то затруднялся в оценке своего поведения. Но данные по разным регионам и социальным группам все-таки дают представление о некоторых закономерностях и, в частности, большем криминальном риске предпринимательской деятельности.

В 2002 году многие газеты и сайты Интернета цитировали следующий вывод Г.А. Сатарова: «55 миллионов россиян дают взятки»[1]. Этот вывод был сделан на основе исследований, проведенных в 2000—2001 годах.

Наши исследования показывали, что не осталось оснований для иллюзии, будто практически почти все население заинтересовано в борьбе с коррупцией. 12-23 % опрошенных в разных городах принимали разного рода подношения, а не только давали их. Нельзя также забывать, что подавляющее большинство взяток — это результат взаимных действий взяткодателя и взяткополучателя.

Занятие предпринимательством в России периода реформ оказалось органически связанным с совершением системы коррупционных и иных уголовно-наказуемых деяний: взяточничеством, уклонением от уплаты налогов и таможенных платежей, физической

[1] http://duhotechestva.narod.ru/news/2002/05/5.html

расправой с лицами, посягающими на права и законные интересы субъектов предпринимательства (табл. 126).

Таблица 126

Ответы на вопрос: « Может ли предприниматель обойтись без того, чтобы никому ничего не платить, кроме как в предусмотренных законом случаях?

(% от общего числа опрошенных сотрудников правоохранительных органов)

Виды выплат	Не платит	Платит в единичных случаях	Платит время от времени	Платит регулярно
За получение лицензии	2	29	17	32
Сотрудникам органов внутренних дел за безопасность	4	29	32	15
Сотрудникам иных правоохранительных органов	7	20	37	10
Представителям преступных формирований за безопасность	2	1	13	67
Разным контролерам и инспекторам	1	20	36	31

В условиях роста преступности и высокой ее организованности от 30 и более процентов расходов предпринимателей были платой за безопасность своего дела и личную, своей семьи. Они вынуждены были прибегать к услугам частных детективов и охранников, создавать собственные службы безопасности, обеспечивать на платной основе дополнительное внимание к себе сотрудников правоохранительных органов, их действенную поддержку. Компенсируются такие затраты в значительной мере уклонением от уплаты налогов таможенных сборов, других платежей, обманом потребителя и т.д.

Предприниматели фактически чаще сами совершают преступления[1] и чаще становятся их жертвами. Тезис о развитии криминального предпринимательства в России верен, даже если отвлечься от прежних судимостей предпринимателей и других их характеристик.

Криминологи наблюдают следующие процессы: прежний криминальный опыт определяет в дальнейшем способы действий тех или иных лиц, характер создаваемой ими среды, а затем эти способы и среда определяют криминальный характер поведения, решения возникающих проблем.

Данный процесс имеет свои закономерности развития. Виноватый со временем становится и жертвой, и участником развивающейся криминализации соответствующих сфер деятельности и отношений. Другими словами, налицо один из механизмов самодетерминации преступности. Это важно учитывать, когда речь пойдет о том, что же делать.

---

[1] Характерно, что многие так не считают, так как уклонение от уплаты налогов, дача взятки и т. п. не охватывается их сознанием как преступление. Под преступлением такие лица понимают только очевидно общеуголовные деяния.

В процессе опросов задавались вопросы о характере и размерах взяток, «благодарностей». На них отвечали крайне неохотно, но все-таки выяснялось, что существуют определенные почти фиксированные ставки за те или иные услуги, в том числе и по избавлению виновных от предусмотренной законом ответственности. Все эти ставки назывались в долларовом измерении. Позднее данные о «ставках» в органах МВД РФ публиковали средства массовой информации[1].

Статистические данные только очень фрагментарно отражали коррупционные реалии. На рубеже веков оставались поистине огромными и скрытая, и скрываемая части латентности коррупции. Хотя бы уже потому, что половина коррупционных преступлений, как уже отмечалось, — это практически двусторонняя взаимовыгодная криминальная сделка, в конфиденциальности и сокрытии которой заинтересована каждая из сторон. Разоблачать многие другие факты взяточничества тоже бывает часто невыгодно, так как это грозит потерей полученного на коррупционного основе.

Весь период перестройки и начала реформ отмечен сведением почти до минимальных значений числа зарегистрированных фактов взяточничества и выявленных преступников. Только затем отмечен рост преимущественно зарегистрированных фактов преступлений, а не выявленных лиц[2].

Рубеж веков ознаменовался явлением, которого ранее не наблюдалось: число выявленных взяткодателей стало превышать число выявленных взяткополучателей при стабилизации числа последних (рис. 1, табл. 121). В этой связи нельзя не вспомнить об уголовно-процессуальных иммунитетах для широкого круга должностных лиц. Именно должностные лица по УК РФ являются субъектами получения взятки.

При сравнительном анализе динамики всех зарегистрированных коррупционных преступлений наиболее значительным было увеличение числа зарегистрированных фактов коммерческого подкупа: в 1997—2001 годах — более чем в 4,5 раза (табл. 127).

---

[1] См.: Московский комсомолец. 2002. 26 дек.

[2] *Ильин О.С.* Коррупционная преступность в России и реагирование на нее // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М., 2002. С. 45-49.

Рис. 7

Динамика числа зарегистрированных фактов взяточничества и выявленных лиц в России в 1986—2001 годах в России

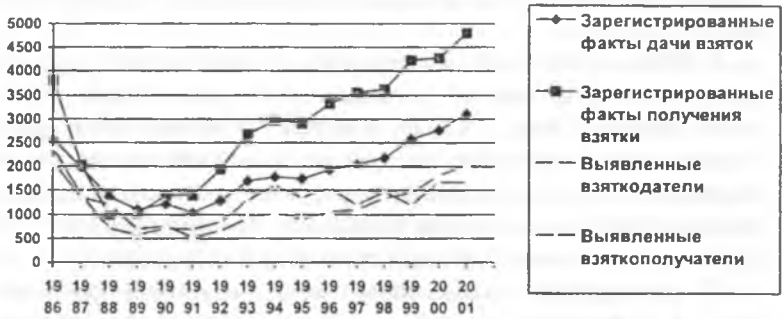


Таблица 127

Динамика числа зарегистрированных преступлений с признаками коррупции в России в 1999-2001 годах

(Звездочкой * обозначены статьи, в которых подкуп упоминается в качестве одного из способов совершения преступления. Соответственно приведенные по этим статьям данные охватывают не только использование подкупа, но и других способов)

Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления[1]				
1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий - ст. 141*									
13	14	47	30	33	9	10	28	26	12
Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну - ст. 183*									
10	17	12	53	84	2	6	0	14	16
Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов - ст. 184									
1	0	1	1	0	0	0	0	0	0
Коммерческий подкуп - ст. 204									
470	974	1236	2146	2542	147	404	505	921	935
Получение взятки - ст. 290									
3 559	3 623	4 241	4 281	4 797	1 207	1 469	1 462	1 666	1 674
Дача взятки - ст. 291									
2 049	2 181	2 582	2 766	3 112	1 113	1 334	1 459	1 815	2 022
Провокация взятки либо коммерческого подкупа - ст. 304									
3	1	5	4	3	1	0	1	4	0
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу - ст. 309*									
329	362	343	282	298	136	139	117	88	103

О.И. Ильин отмечал, что в 1997—2001 годах к уголовной ответственности привлекались единицы должностных лиц, совершивших

[1] Когда речь идет о выявлении лиц, совершивших отдельные преступления, следует иметь в виду, что в уголовной статистике отдельно по конкретным статьям указываются преступления только тех лиц, соответствующее преступление которых или является единственным, или при совокупности— наиболее тяжким из совершенных.

преступления с использованием своего служебного положения в составе организованных групп и преступных сообществ (организаций)[1]. Наряду со взяточничеством эти лица обвинялись в злоупотреблении должностными полномочиями, участии в контрабанде.

В 2000 г. и 2001 г. было зарегистрировано по 160 фактов получения взятки участниками организованных групп. Однако статистические данные в данном случае отражают лишь результаты реагирования на организованную коррупцию и коррупционное поведение должностных лиц. Результаты опросов сотрудников правоохранительных органов и граждан указывают на значительную распространенность соответствующих проявлений коррупции.

С организованной коррупцией связана еще одна проблема: поскольку организованными формирования выделяются коррупгеры — лица, выступающие в роли посредников между заинтересованными лидерами организованных преступных формирований и должностными лицами, иными служащими, особое значение приобретает выделение фигуры такого посредника. Но уголовная ответственность за посредничество, как самостоятельное деяние, ликвидирована с принятием нового УК РФ. В то же время число зарегистрированных фактов посредничества в девяностых годах возрастало в условиях действия прежнего УК РСФСР (табл. 128).

Таблица 128

Число зарегистрированных фактов посредничества во взяточничестве (ст. 174[1] УК РСФСР) в России в 1986-1996 гг.

Показатели	Годы							
	1986	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996
Всего зарегистрировано	179	68	70	88	123	176	207	190
В том числе посредничество при отягчающих обстоятельствах:: совершенное неоднократно или лицом, ранее судившимся за взяточничество, или с использованием своего служебного положения	63	20	19	23	25	44	74	51

§ 3. Детерминация, причинность коррупции и их учет при разработке стратегии борьбы с ней

При объяснении причин коррупции нередко акцент делается на мотивах поведения взяткополучателя и, прежде всего, — на его стремлении компенсировать низкий уровень официального содержания. Отсюда вывод: прежде всего, необходимо повысить служа-

[1] Сотрудники органов представительной власти (1997 г. – 6, 1998 г. – 1, 1999 г. – 1, 2000 г. – 5, 2001 г. – 6). органов государственного управления (соответственно 3, 3, 4, 3 и 2), кредитно-финансовой и банковской систем (0, 5, 11, 10 и 16), правоохранительных органов (163, 55, 32, 46 и 36). Представители судебной власти, как и в прошлом периоде, не привлекались.

щим размер содержания, обеспечивать им приличное существование. С этим трудно спорить. Действительно, если, например, сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, обеспечивающих выполнение сложных боевых операций, получают ничтожное содержание, не позволяющее им даже просто прокормить себя (не говоря уже о членах семьи) и физически восстанавливаться после огромных нагрузок, то такое положение не просто криминогенно, оно еще и небезопасно для здоровья таких сотрудников. И, если сотрудник правоохранительного органа, полученную небольшую сумму взятку, как это усматривалось из материалов уголовного дела, тут же тратит на батон колбасы и приобретение новых туфель, надеваемых сразу взамен прохудившихся, — это позор, прежде всего, для государства, которое доводит служащих ему лиц до почти нищенского существования.

В то же время все-таки изложенные обстоятельства — одни из многих. Важно видеть разнообразие причинных комплексов, порождающих коррупцию.

При исследованиях коррупции просматриваются процессы детерминации и причинности преступности, как общие для разных видов преступности, так и специфические. Последние преимущественно связаны с государственной или иной службой.

В целом существенны процессы взаимодействия криминального и легалистского общества, а также его результаты и поведение в зависимости от них маргинальной среды — решает ли она свои вопросы на основе норм легалистского либо криминального общества.

Эскалация организованной коррупции и поражение ею разных сфер жизнедеятельности связано с экспансией криминального общества, развитием организованной, экономической и в целом беловоротничковой преступности, отсутствием действенных преград на пути перерастания экономического интереса соответствующих преступников в политический и использования криминальных доходов на подкуп.

Применительно к государственной и иной службе существенны три стороны вопроса: 1) характеристики служебной среды; 2) характеристики служащих; 3) условия и процессы их взаимодействия, состояние социального контроля в сфере службы.

1. Если говорить о служебной среде или условиях службы, то прежде всего следует обращать внимание на три обстоятельства, наиболее часто участвующих в продуцировании коррупции.

Во-первых, невыполнение правила о таком размере оплаты труда служащих, который позволил бы достойно жить им и их семьям. Иногда оплата бывает настолько мизерной, что как бы подразуме-

вается, что служащий перейдет на «кормление клиентами». При этом в России периода реформ задержка выплаты многим государственным служащим зарплаты была скорее правилом, чем исключением. Это порождало ситуацию крайней нужды в семьях и под влиянием последней у части служащих формировалась мотивация на совершение коррупционного преступления. Ситуация обострялась в условиях резких контрастов в оплате труда служащих даже одной организации, не обусловленных всскими основаниями.

Во-вторых, имеет значение тип управления. При первом, так называемом ситуативном управлении, разного рода задачи решаются в значительной мере по усмотрению отдельных служащих. Правовое регулирование осуществляется лишь в самом общем порядке. Здесь отмечается простор для личного усмотрения и произвола. В конце концов, значительное число граждан, устающих от многочисленных, заранее точно не определенных требований служащих, бывает готово откупиться от них. Уже само по себе предъявление многозначных и изменяющихся требований по существу может оцениваться как вымогательство взятки или провоцировать ее обещание.

При втором, нормативном управлении, речь преимущественно идет о применении в определенных типах ситуаций подробно их регламентирующих правовых норм, а не просто об учете норм, вводящих те или иные ограничения[1]. В этом случае тоже существует взяточничество, но взятки даются инициативно за то, чтобы чиновник нарушил установленные правила. Вторая ситуация выглядит менее провоцирующей коррупцию.

В литературе вносятся предложения по борьбе с коррупцией иногда по принципу: «нет государственного регулирования — нет коррупции». Такое утверждение аналогично другому: «нет человека – нет проблемы». Нельзя забывать, что масштабы подкупа-продажности растут и в негосударственной сфере. «Перекупаемые» менеджеры разоряют фирмы тех собственников, у которых они состоят на службе.

Однако в соответствии с указанным постулатом, продолжает ставиться вопрос о сокращении «государственного вмешательства» и чуть ли ни о ликвидации правового регулирования разных общественных отношений, а также государственного контроля за многими сферами деятельности. При этом остаются в стороне характеристики служащих, размер их содержания, порядок их деятельности, контроль за ними. Например, резкое, необоснованное сокращение лицензирования определенной деятельности способно влечь не ме-

---

[1] См.: Советское государство и право, 1982, № 8.С. 28-29.

нее тяжкие последствия, чем коррупция при ее лицензировании. Выход можно находить в акценте на заявительный, регистрационный, а не разрешительный порядок, а также в том, чтобы детально регламентировать порядок сдачи - приема документов, сроки принятия решения, перечень представляемых документов, их образцы, порядок и основания отказа. В частности, оправдывает себя требование письменного аргументированного отказа с подробным указанием того, какие нарушения правовых актов надо устранить или дополнительно учесть. При этом существенно сведение к минимуму или вообще запрещение личного общения заявителя и конкретного служащего, проверяющего документы и подготавливающего решение. Соответственно все это даст результаты в условиях строгого контроля, при неотвратимом и ощутимом наказании служащих, допускающих нарушения закона.

В-третьих, существенна социально-психологическая обстановка. Например, высоко криминогенно признание коррупции в среде государственных служащих «нормальным явлением», подобно чаевым в среде швейцаров. Оно служит важным фактором формирования криминальной мотивации. То же самое можно сказать об отношении к даче взятки как к необходимому элементу взаимоотношений со служащими, о чем не зазорно рассказывать.

2. Что касается характеристик самих служащих, совершающих коррупционные преступления, то здесь существенна иерархия их ценностей и, в частности, готовность принести в жертву материальной выгоде закон и нормы морали, профессиональную честь. Сказываются и такие характерологические черты, как жадность, зависть. Моральная неустойчивость учитывается при инициативном подкупе.

Большое значение имеет социальная среда личности:

а) наличие в ней лиц с высоким уровнем материального благосостояния, а тем более достигнутого за счет коррупционной и иной криминальной деятельности;

б) материально обеспеченная среда в условиях развития личности и резкое снижение этой обеспеченности в дальнейшем. Например, когда молодой человек создает семью и начинает жить на свою зарплату. Его привычки к иному уровню жизни в определенных условиях могут провоцировать избрание преступного варианта решения проблемы;

в) характеристики референтной для человека среды. Если он ориентирован на стандарты жизни олигархов и их приближенных, а получает скромную зарплату служащего, то это создает для него проблемную ситуацию. Так называемый «эффект Эллочки-

людоедочки», которая пыталась конкурировать в одежде с дочерью зарубежного миллионера, можно назвать криминогенным, способным в определенных условиях привести к мздоимству и лихоимству;

г) наличие дорогостоящих привычек и интересов: неумеренного употребления спиртных напитков, увлечения азартными играми и т.п.;

д) практическое осуществление на основе дополнительной оплаты, многочисленных взяток необходимых этапов обучения, получения образования, той или иной должности, значимой статусной позиции. Последующее коррупционное поведение лиц, получивших в этом случае образование, должность и т.п., бывает мотивировано стремлением во-первых, возместить понесенные расходы, «отомстить» за свое унижение; во-вторых, включиться в общий процесс коррупции и не оставаться «белой вороной».

С этим бывает связана мотивация выбора учебного заведения, будущей профессии, способной обеспечивать получение не основанных на законе крупных «подарков», подношений. Среди некоторых студентов - медиков используется термин «дорваться до тела».

3. Что касается социального контроля, то он должен носить в первую очередь упреждающий характер. Отсутствие контроля за доходами и расходами служащих, за выполнением ими служебных обязанностей, нереагирование на факты коррупции либо слабое, не основанное на законе реагирование во многих случаях являются условиями, облегчающими совершение коррупционных преступлений. А для части виновных это — составляющие причинного комплекса, порождающие криминальную мотивацию следующего типа: «другие брали и берут взятки, не изобличались, ни в чем не нуждались — почему бы и мне не попробовать». Нередко изобличаются именно отдельные взяточники, ибо организованные, как правило, действуют на продуманной основе.

За распространенностью коррупционной преступности стоят крупные просчеты в управлении делами государства и общества, слабая экономическая и организационная основы функционирования государственной и иной службы, распространение психологии вседозволенности и допустимости использования любых средств обеспечения личного благополучия, правовой нигилизм и правовой цинизм.

Последние значимы, когда речь идет и о взяткодателях. Среди них, как уже отмечалось, много организованных преступников и вообще правонарушителей, обеспечивающих с помощью подкупа про-

тивоправный интерес. В отношении таких субъектов особо значимы вопросы борьбы с финансированием криминальной деятельности, легализацией преступных доходов.

Что же касается других взяткодателей, то нередко они подкупают служащих в условиях, когда отчаялись отстоять свой законный интерес в рамках закона или не умеют этого делать, или даже не пытаются, оценивая ситуацию как период произвола и беззакония.

Кроме того, нельзя забывать, что решение субъектами своих проблем незаконными методами и ориентация на такое решение очень тесно связано с ориентацией на подкуп служащих.

Исключительно криминогенно распространение коррупционной психологии и основанного на них поведения в высших эшелонах государственной власти. Нельзя не вспомнить строку Булата Окуджавы: «О были б небеса чисты, а остальное все приложится». Этому нередко противопоставляется другое суждение: «Народ имеет то правительство, которое оно заслуживает». Но представляется, что такой тезис носит больше яркий, чем справедливый для все случаев характер. Ситуацию в пирамиде государственной службы очень сильно определяет ее вершина, а вовсе не население. Да и выборы в условиях коррупции и определяемой ею социальной ситуации приводят к победе мнения не большинства населения, а более значительного капитала, вложенного в выборы. Слова о демократии и гласности в России почти перестали произноситься к концу реформ и в эпоху расцвета коррупции во всем многообразии ее проявлений.

В детерминационном комплексе коррупционной преступности значимо отсутствие политической воли борьбы с ней, энергичной законотворческой и правоохранительной деятельности.

Коррупция — сложное, многоаспектное социальное явление. Искусство юриста заключается, во-первых, в том, чтобы выделить такие проявления того или иного социального явления, которые поддаются внешнему контролю, и дать их адекватное юридическое описание; во-вторых, учитывать необходимость конструирования такой системы юридических мер воздействия, которая бы включала не только меры наказания, но и меры предупреждения, меры восстановления нарушенных прав и законных интересов, общие организационные меры (информационно-аналитические, направленные на программирование борьбы с коррупцией, создание и совершенствование правовой основы борьбы с ней, подготовку кадров надлежащей квалификации и другие[1]); в-третьих, ввести надежные юридические основания для индивидуализации уголовной ответст-

[1] См. о содержании борьбы с преступностью: Криминология. Под ред. А.И. Долговой. М., 2001.

венности разных субъектов, общественная опасность деяний которых не является тождественной. Наконец, важно разработать такие законные процедуры раскрытия, пресечения и доказывания фактов коррупции, которые были бы адекватны механизмам их совершения и защиты (сокрытие, распределение ролей с выделением фигур организаторов, исполнителей и других, создание систем легализации преступных доходов и т.п.).

Борьба с коррупцией должна отвечать всем требованиям борьбы с преступностью.

Общую организацию борьбы с коррупционной преступностью следует базировать на: а) постоянном анализе изменений коррупции и ее причин; б) определении стратегии и тактики борьбы с ней с учетом реальных социально-экономических, политических условий, состояния общественного сознания, правоохранительной системы; в) основе закона, а не подзаконных актов, так как неизбежные ограничения ряда прав служащих (при представлении декларации о доходах, ограничении совместительства и т.п.) могут в соответствии со ст. 55 Конституции РФ осуществляться только на основе Федерального закона; а доказательствами в уголовном судопроизводстве признаются только данные, полученные в предусмотренном з а к о н о м порядке. При этом следует обеспечивать развитие антикоррупционного законодательства с использованием средств разных отраслей права, комплексного подхода; г) разработке целевых взаимоувязанных программ борьбы с коррупцией в Российской Федерации и ее субъектах, причем реально обеспеченных в материальном, кадровом, правовом отношениях; д) координации деятельности всех органов государственной власти Президентом России (через Совет Безопасности) и координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступными проявлениями коррупции — Генеральным прокурором России; е) специализированной подготовке кадров и выделении в правоохранительных органах специализированных подразделений; ж) использовании помощи разных институтов гражданского общества, населения, юридических лиц (включая сотрудничество банков); з) систематической оценке результатов работы и корректировке мер.

В плане *общего предупреждения* необходимо прежде всего исключать использование коррупции как средства становления и укрепления новых общественных отношений, создания социальной опоры новых отношений, а также пресекать отмывание, приумножение криминальных капиталов.

При специальном предупреждении коррупции важны: а) установление такого содержания служащим, которое способно обеспечить

им и их семьям достойный уровень жизни; б) повышенный контроль за: доходами и расходами государственных и ряда иных категорий служащих; аспектами поведения, наиболее чувствительными к коррупции (выдаче информации, не подлежащей официальному распространению и т.п.); кадровой политикой, использование в том числе ротации кадров; в) режим обеспечения безопасности лиц, осуществляющих борьбу с коррупцией, преступностью, а также их семей; г) устранение фактов расхождения закрепленных законом задач, полномочий разных субъектов и правовых средств их обеспечения (например, когда негосударственным службам безопасности государственные правоохранительные органы не обязаны предоставлять необходимую информацию, а те без такой информации практически не могут функционировать); д) введение режима исключительно служебного использования дорогостоящих государственных квартир, особняков, льгот, предоставляемых в связи с занятием государственной должности, при гарантированности частного жилья на общих, предусмотренных законом условиях; е) производство всех выплат из бюджетной системы Российской Федерации только на основе закона.

Правоохранительная деятельность должна неуклонно осуществляться только в рамках и на основе закона, при соблюдении презумпции невиновности, индивидуализации уголовной ответственности и наказания с использованием всего арсенала правовых средств (дисциплинарных, административных, гражданско-, уголовно-правовых).

Борьба с коррупционной преступностью включает восстановление нарушенных коррупционными правонарушениями законных интересов и прав, возмещение вреда, реформирование общественных отношений на основе закона, а не коррупционных отношений.

Крайне важно обеспечение взаимосвязанной борьбы с организованной преступностью и коррупцией. Иллюзорными и не основанными на мировой практике являются: расчет на самодостаточность рыночных механизмов в борьбе с коррупцией и организованной преступностью; ослабление регулирующей роли государства.

При разработке проектов Федерального закона «О борьбе с коррупцией» учитывались следующие принципиальные положения:

1. Граждане (налогоплательщики) имеют право на честное исполнение своих обязанностей государственными служащими и другими лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, а также приравненными к ним, на неподкупность таких лиц. Одной из важнейших гарантий реализации данного права является соблюдение правила, в соответствии с которым указанные

лица не вправе принимать материальные, любые иные блага и преимущества помимо предусмотренных законом и вне установленного законом порядка. Соответственно, никто не вправе подкупать или оплачивать на незаконной основе услуги таких лиц.

2. Коррупция, как правило, заключается во взаимовыгодной сделке двух сторон и в ее разоблачении не бывает заинтересована ни одна из сторон. Раскрытие соответствующих преступлений представляет существенные трудности и главное в их предупреждении и обнаружении — контроль за доходами и расходами различных категорий лиц, выполняющих государственные функции, и приравненных к ним, недопущение различных злоупотреблений по службе. На этом основании в Федеральный закон «О борьбе с коррупцией» введена гл. II «Предупреждение коррупции», которая в том числе содержит нормы о дисциплинарной и административной ответственности за правонарушения, создающие условия для коррупции.

3. Широкая распространенность коррупции и многообразие ее проявлений являются основанием для использования системы разнообразных правовых средств борьбы с проявлениями коррупции разной степени общественной опасности. Применение мер уголовно-правового характера допустимо по фактам наиболее общественно опасных проявлений коррупции. В иных случаях предусматривается применение дисциплинарных, административных и гражданско-правовых мер.

4. Законодательство о борьбе с коррупцией и о государственной службе рассматриваются не как дублирующие, а как взаимно дополняющие друг друга акты. Во-первых, законодательство о государственной службе регулирует широкий круг вопросов, связанных с государственной службой, в том числе права и обязанности государственных служащих. В Законе о борьбе с коррупцией предусматриваются конкретные нарушения соответствующих обязанностей коррупционного характера и ответственность за указанные правонарушения. Во-вторых, субъектами коррупционных правонарушений могут быть также должностные лица, занимающие особо ответственное положение (категория "А"), присяжные и народные заседатели, ряд других лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций (частные нотариусы, аудиторы и т.п.).

Все изложенное определяет необходимость иметь развернутое и постоянно совершенствуемое законодательство о борьбе с коррупцией. Система антикоррупционного законодательства — это:

- базовый комплексный Федеральный закон «О борьбе с коррупцией», где дается общее определение коррупции, конкретизируется

круг субъектов подкупа-продажности, формулируются основополагающие подходы к борьбе данным явлением и специальные меры предупреждения, социального контроля не охватываемые традиционными отраслями законодательства.

• правовые нормы антикоррупционного характера, предусмотренные в различных законодательных актах.

Речь, как уже отмечалось, должна идти о *федеральном* законодательстве. Коррупция не просто безнравственна и противоправна в аспекте совершения противозаконных сделок. Ее общественная опасность гораздо более масштабна. В Преамбуле Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, принятой Советом Европы, говорится, что «коррупция угрожает верховенству закона, демократии и правам человека, подрывает основы надлежащего государственного управления, нарушает принципы равенства и социальной справедливости, ведет к искажению условий конкуренции, затрудняет экономическое развитие и угрожает стабильности демократических институтов и моральным устоям общества».

Коррупция — прямая угроза безопасности государства, поскольку может служить средством овладения государственным аппаратом, органами местного самоуправления и проведения политики, прямо противоречащей интересам налогоплательщиков, народа, являющегося по Конституции РФ, единственным источником власти в России.

В концепции Национальной безопасности Российской Федерации в редакции Указа Президента России от 10 января 2000 г. коррупция прямо указана в разделе третьем «Угрозы национальной безопасности».

Вопросы обеспечения безопасности в соответствии со ст. 71 Конституции Российской Федерации относятся к ведению Федеральных органов власти.

Федеральные антикоррупционные законы должны быть нормативными правовыми актами прямого действия. Отдельные их положения безусловно могут дополняться и конкретизироваться законодательством субъектов федерации, но в рамках Конституции России.

Важна кодификация антикоррупционного законодательства — как законов, так и иных нормативных правовых актов. Сейчас они многочисленны и противоречивы.

Итак, коррупционная преступность должна рассматриваться как составляющая общей системы преступности — взаимосвязанная с преступностью организованной, должностной, экономической, террористического и иного характера. Для подкупа нужны средства.

При крупномасштабном подкупе — это всегда средства от криминальной деятельности. С другой стороны, «перекупленные» должности и полномочия (здесь не имеются в виду случаи мздоимства) используются в нарушение закона и, как правило, в угоду владельцам криминальных капиталов, лиц, действующих в ущерб интересам государства, общества, законному предпринимательству.

В то же время организованную систему коррупционной и связанной с ней должностной, иных видов преступности можно рассматривать также как одно из средств внешней экспансии, агрессии, ограничения суверенитета одного государства другим или другими[1].

Особого внимания в свете изложенного заслуживает борьба с фактом подкупа должностных лиц государства *иностранными* субъектами. За иностранными юридическими лицами, впрочем как и отечественными, могут стоять спецслужбы других государств.

В последние годы международным сообществом уделяется все большее внимание борьбе с подкупом со стороны иностранных юридических лиц, причем расширяется спектр рекомендуемых мер противодействия. 11 апреля 1996 г. были приняты Рекомендации Совета Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по вычитаемости сумм взяток должностным лицам иностранных государств из суммы налогооблагаемого дохода. 23 мая 1997 г. Советом Организации экономического сотрудничества и развития были приняты пересмотренные Рекомендации Совета по мерам борьбы с коррупцией в международных деловых операциях. Там уже рекомендовалось странам – членам ОЭСР принять конкретные шаги в направлении: уголовного законодательства и его применения, налогового законодательства, системы бухгалтерского учета в компаниях и на предприятиях, внешнего аудита, банковского и финансового законодательства, государственных субсидий, лицензий, контрактов и т.п. 21 ноября 1997 г. Конференцией полномочных представителей стран – членов ОЭСР приняты Конвенция по борьбе с подкупом должностных лиц иностранных государств при проведении международных деловых операций и комментарий к данной Конвенции. Статья 1 Конвенции называется «Подкуп должностных лиц иностранных государств как уголовное преступление»; в статье 2 «Ответственность юридических лиц» говорится о принятии всех необходимых мер для того, «чтобы определить ответственность юридических лиц за подкуп должностного лица иностранного государства в соответствии со своими правовыми принципами». Другими словами, здесь особое внимание уделяется имен-

---

[1]См.: *Стрепецкий Валерий.* Мракобесие. М., 1998.

но подкупающей стороне. И это прослеживается в ряде других документов.

Итак, в борьбе с коррупционной преступностью важно определиться с понятием коррупции и юридически значимыми ее проявлениями, обеспечить системный подход к борьбе с коррупционными преступлениями. При этом существенно наличие уверенности в необходимости такой борьбы и политической воли.

Разумеется, важно укреплять международное сотрудничество в борьбе с коррупцией, которая давно уже приняла транснациональный характер. Одним из реальных шагов в этом направлении является ратификация международно-правовых документов о борьбе с коррупцией ООН и Совета Европы с приведением отечественного законодательства в соответствие с нормами таких документов, а также последовательное обеспечение международной правовой базы экстрадиции, оперативного взаимодействия органов, осуществляющих борьбу с организованной преступностью и коррупцией.

В системе борьбы с коррупцией, как уже отмечалось, значимы многие правовые институты. В частности — институт борьбы с легализацией преступных доходов.

Глава 15. Терроризм, преступность и криминальное общество

§ 1. Определения терроризма и его специфика

Терроризм в начале XXI века в России и в мире продолжал приобретать все больший размах и становился одним из самых волнующих общественность общественно опасных явлений. Проблемы терроризма находились в центре внимания политиков и философов, политологов и социологов, психологов и журналистов, юристов разной специализации. Это понятно, ибо терроризм, как и любое другое социальное явление можно анализировать с многих точек зрения: философской, политологической, социологической, правовой, социально-психологической и даже психиатрической, как это делают некоторые авторы.

Многоаспектный анализ раскрывал сложный характер терроризма, но он же одновременно актуализировал необходимость выделения разных его граней, требующих углубленного профессионального внимания разных специалистов. Общие философские и политологические подходы, определения неизбежно должны дополняться операционализацией понятий с тем, чтобы можно было выделить поддающиеся анализу и социальному контролю признаки, их совокупность, вырабатывать алгоритм их анализа и воздействия на них в конкретных временно-пространственных условиях, а не только ставить вопрос о борьбе с терроризмом вообще либо в неопределенной перспективе. Итак, операционализация понятия терроризма важна, во-первых, для юридически, криминологически, криминалистически точного описания проявлений терроризма с тем, чтобы содержание диспозиции правовой нормы максимально точно отражало реалии и содержало такие существенные признаки, которые бы поддавались внешнему контролю и доказыванию. Во-вторых, такая операционализация значима для точного избрания мер реагирования на разнообразные проявления террористического характера.

Данный вопрос носит отнюдь не абстрактный характер. От его решения зависит результативность борьбы не только с терроризмом в его разнообразных конкретных проявлениях, но и с другими взаимосвязанными с ним явлениями.

Изложенное во многом объясняет необходимость криминологического анализа многообразий толкований терроризма[1] и выработ-

---

[1] Подробный анализ различных подходов дан в книге: *Устинов В.В.* Обвиняется терроризм. М., 2002.

ки такого его операционального определения, ориентируясь на которое можно было бы избирать стратегию и конкретизированные меры борьбы с ним, создавать и совершенствовать криминологически и социально обусловленную правовую базу такой борьбы.

Нельзя не соглашаться с тезисом о несовпадении правового, философского, социально-политического понятия[1]. Однако думается, что дело не столько в степени широты понятия (даже философское понятие не бывает всеобъемлющим), сколько в том, какие грани терроризма оно отражает, что существенное в нем выделяют специалисты, решающие применительно к терроризму разные задачи и углубленно исследующие его под разным углом зрения.

Даже во многих международно-правовых документах и законодательных актах государств, не говоря уже о литературе, терроризм в преобладающем числе случаев определяется пространно и в конечном счете размыто. Это бывает связано с попытками показа его как глобального и общественно опасного явления: «Терроризм по своей сути является сложным социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в России уровня конфликта. Общество подошло в своем развитии к критической черте»[2].

Другой автор пишет: «Терроризм как массовое и политически значимое явление — результат повальной деидеологизации», когда отдельные группы в обществе легко ставят под сомнение законность и права государства, и тем самооправдывают свой переход к террору для достижения собственных целей... Это — мощнейшее оружие, инструмент, технология, используемые не только в борьбе против Власти, но очень часто — и самой Властью для достижения своих целей. Важнейшим фактором является и то, что «сильные мира сего» чем дальше, тем больше норовят подменить Историю человечества — Игрой Без Правил, где спецтерроризм является весьма эффективным инструментом»[3].

В целом можно уверенно говорить о том, что к началу XXI века множество публикаций и политических документов посвящено гло-

---

[1] А.Э. Жалинский высказал мнение, что «правовое понятие терроризма должно быть много уже философского и социально-политического, поэтому главным в его анализе должны быть: оценка насилия, анализ целей, характеристика возможных субъектов и оценка его последствий» См. Терроризм: психологические корни и правовые оценки: Круглый стол// Государство и право. 1995. № 4. С..27-31.

[2] *Ныриков С.А.* Тенденции в проявлениях терроризма в России// 10 лет борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом. М., 2000. С. 57; *Назаркин М.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма. Дис. канд. юрид. наук. М., 1998.

[3] *Марков М.М.* Терроризм как глобальная угроза и как инструмент мировой политики (25.4.96).// Интернет. Терроризм. 01-07-97/ Дуэль № 13 (35). Статья является конспективным изложением Части 2 Доклада Корпорации ЭТЦ.

бальной общественной опасности терроризма как сложнейшего социального и высоко общественно опасного явления. Однако общие оценки данного явления, философско-социолого-политические подходы к его пониманию, хотя и являются важными, но все-таки их нельзя признать достаточными для практической организации борьбы с многообразными проявлениями терроризма, конкретизированными применительно к разным условиям места и времени. В том числе и для создания правовой базы такой борьбы.

Что же считать терроризмом при решении вопросов криминализации его проявлений и борьбы с преступлениями террористического характера: само по себе крупномасштабное социальное явление или какое-то его конкретное проявление, а, может быть, и многообразие таких проявлений? Очевидно все-таки последнее. Здесь приходится решать ту же задачу, что и в случаях с коррупцией, агрессией, другими глобальными общественно опасными явлениями.

Никто никогда не криминализировал насилие вообще — устанавливалась уголовная ответственность за разные проявления насилия: убийство, истязания, причинение вреда здоровью разной степени тяжести и т.п. Такое сложное явление, как коррупция, также в Уголовном кодексе отражается в разных статьях: о подкупе избирателей, взяточничестве, коммерческом подкупе и др.

Представляется, что и терроризм подлежит отражению в законе в многообразии его проявлений. Однако все они должны воспроизводить то общее специфическое, что отличает терроризм от иных социальных явлений.

Прежде чем перейти к вопросу об общей отличительной черте терроризма, стоит затронуть один принципиальный вопрос, остро дебатируемый применительно к практике отражения в законе сложных общественно опасных явлений. Например, таких, как терроризм, коррупция, организованная преступность.

Один из подходов заключается в следующем: в комплексном законе о явлении такого порядка важно дать его специфическую характеристику, а затем в Уголовном кодексе, других нормативных правовых актах предусматривать формулировки преступлений и иных правонарушений как проявлений данного явления. В статье 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» (в ред. Федерального закона от 7 августа 2000 г. № 122-ФЗ) говорится: «терроризм — насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления

иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений»[1].

Наряду с данным определением в указанном Законе перечисляются разные проявления террористического характера как конкретизированные проявления терроризма в указанном выше понимании. В статье 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» говорится о следующих проявлениях терроризма: «преступления террористического характера»[2],«террористическая деятельность[3]»,

---

[1] Практически та же позиция выражена в Договоре о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом (Минск, 4 июня 1999 года). В статье 1 Договора говорится: «Терроризм — противоправное уголовно наказуемое деяние, совершенное в целях нарушения общественной безопасности, оказания воздействия на принятие органами власти решений, устрашения населения, проявляющееся в виде: насилия или угрозы его применения в отношении физических или юридических лиц; уничтожения (повреждения) или угрозы уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающей опасность гибели людей; причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенного для прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность; нападения на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующегося международной защитой, а равно на служебные помещения либо транспортные средства лиц, пользующихся международной защитой; иных деяний, подпадающих под понятие террористических в соответствии с национальным законодательством Сторон, также иными общепризнанными международно-правовыми актами, направленными на борьбу с терроризмом».

[2] Преступления, предусмотренные статьями 205 — 208, 277 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации. К преступлениям террористического характера могут быть отнесены и другие преступления, предусмотренные Уголовным кодексом Российской Федерации, если они совершены в террористических целях. Ответственность за совершение таких преступлений наступает в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации».

[3] «...террористическая деятельность — деятельность, включающая в себя: 1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции; 2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях; 3) организацию незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции; 4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; 5) финансирование заведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им; международная террористическая деятельность — террористическая деятельность, осуществляемая: 1) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб ин-

«терро-ристическая акция[1]», «террорист»[2]; «террористическая группа»[3], «террористическая организация»[4]. Все это, по оценке тех, кто непосредственно участвует в борьбе с терроризмом, помогает обеспечивать результативность и законность антитеррористической деятельности.

Однако существует и другая позиция. Ее авторы критикуют данный подход и предлагают отказаться от определений общего порядка, ограничиваться конкретными статьями Уголовного кодекса РФ. По мнению Л.М. Колодкина, «неясно, зачем нужно через полтора года после введения нового Уголовного кодекса давать в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» иную редакцию понятия «терроризм». Представляется более значительным внесение в нормы УК РФ изменений и дополнений»[5]. Как полагает Л.М. Колодкин, понятия «террористическая деятельность», «террористическая акция», «преступления террористического характера» окончательно сбивают с толку правоприменителей.

Представляется, однако, что вносить путаницу способны неясные и противоречивые определения, но не сам по себе факт их многообразия. Применительно к сложному явлению учет многообразия его проявлений неизбежен. Это позволяет дифференцированно, результативно реагировать в рамках закона на все разнообразие проявлений сложного общественно опасного феномена.

тересам более чем одного государства; 2) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства;) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств».

[1] «...террористическая акция — непосредственное совершение преступления террористического характера в форме взрыва, поджога, применения или угрозы применения ядерных взрывных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих, сильнодействующих, ядовитых веществ; уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захвата заложников, похищения человека; создания опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц путем создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности; распространения угроз в любой форме и любыми средствами; иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий».

[2] «...лицо, участвующее в осуществлении террористической деятельности в любой форме».

[3] «группа лиц, объединившихся в целях осуществления террористической деятельности».

[4] «...организация, созданная в целях осуществления террористической деятельности или признающая возможность использования в своей деятельности терроризма. Организация признается террористической, если хотя бы одно из ее структурных подразделений осуществляет террористическую деятельность с ведома хотя бы одного из руководящих органов данной организации».

[5] Колодкин Л.М. Некоторые подходы к определению понятия «терроризм»// Проблемы борьбы с терроризмом. М., 2000. С. 29.

Другое дело, насколько точным является общее определение и в какой мере оно соотносится с определениями различных конкретизированных проявлений феномена.

В Федеральном законе «О борьбе с терроризмом», если судить по тексту, сделана попытка в общем определении описать суммарно и подробно выделенные проявления терроризма. Представляется, что продуктивнее было бы начать с вычленения общей специфической отличительной черты того, что называют терроризмом.

Итак, что же понимается под терроризмом и только под ним? Пожалуй, общепризнанной является трактовка терроризма как одного из видов насилия[1]. Однако что это за вид насилия, каковы его отличительные признаки? Здесь позиции многообразны и порой неопределенны[2]. Наиболее отчетливо разграничиваются следующие подходы:

1. Терроризм — это обобщенное понятие для опасных форм насилия. По мнению М.В. Назаркина, терроризм, в частности, криминальный, — это условное, несколько отличающееся от чисто уголовно-правового, понятие, под которым следует понимать деятельность организованных криминальных структур, преступную по содержанию, террористическую по форме: взрывы, поджоги, перестрелки с применением автоматического оружия, заказные убийства, захваты заложников с целью получения выкупа и т.п[3].

2. Терроризм — это вид политического насилия, совершаемого с целью изменения политического правопорядка. Такова позиция Г.Й. Шнайдера, А.Э. Жалинского, Б.К. Мартыненко и многих других авторов. В частности, отмечается, что для терроризма «характерны крайне жестокие формы вооруженного насилия — убийства, взрывы в местах массового скопления граждан, на транспорте, в жилых домах, захваты воздушных судов и заложников, жертвами которых становятся ни в чем не повинные люди. Сущность терроризма — устрашение политических или иных противников»[4].

Еще более конкретно формулирует рассматриваемую позицию В.В. Устинов: «Терроризм — это намеренное использование наси-

---

[1] «Насилие по-прежнему остается средством разрешения политических конфликтов, а терроризм — его крайним, но наиболее эффективным с точки зрения влияния на общественное мнение инструментом» (*Задорожная И.В* Криминологический анализ терроризма в системе современного преступного насилия. Автореферат дис. канд. юрид. наук. М., 2001. С. 10).

[2] Наиболее полно такие позиции анализируются в книге Устинова В.В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. М., 2002.

[3] *Назаркин М.В.* Криминологическая характеристика и предупреждение терроризма. М., 1998.

[4] *Зубрин В.В.* Актуальные проблемы правового регулирования борьбы с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на современном этапе// Международный терроризм: истоки и противодействие. Материалы международной научно-практической конференции 18-19 апреля 2001 года. СПб, 2001. С. 26-27.

лия (или угрозы насилия) в отношении преимущественно невоенных целей для психологического воздействия на гражданское население и достижение таким путем политических целей»[1].

3. Основная отличительная черта терроризма — это то, что, по мнению профессора Ю.М. Антоняна, «смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса»[2]. При этом террористами могут преследоваться различные цели.

В ряде сборников статей, изданных за рубежом по проблеме «международный терроризм и всемирная безопасность», под терроризмом понимается «угроза насилия, индивидуальные акты насилия или кампания насилия, ставящие целью в первую очередь внушить постепенно страх — терроризировать»[3]. Здесь важно указание на связь насилия с наведением ужаса, страха.

Вообще слово «терроризм» ассоциируется с распространением страха, ужаса. В Словаре русского языка Ожегова говорится: «Террор — физическое насилие вплоть до физического уничтожения, убийства по отношению к политическим противникам», «Терроризировать — 1. Устрашить террором, насилиями. 2. Запугать чем-н., держа в состоянии постоянного страха», «террори зировать всех своим поведением». В Словаре иностранных слов[4] можно прочитать: « Tettor - лат. — страх, ужас (применение насилия вплоть до физического уничтожения)». «Террористический — свойственный террору, внушающий ужас, страх».

Известно, однако, что совершаются очень тяжкие насильственные преступления, но внезапно для жертвы и тайно для всех: внезапно убивают ничего не подозревающую жертву, причем в условиях конспирации и об убийстве никто не узнает. Зато достигнута желаемая цель — устранен экономический конкурент.

Но, с другой стороны, страх, ужас могут вызывать так называемые серийные насильственные преступления: убийства, изнасилования и другие при всем том, что преступник мстит конкретным потерпевшим (женщинам определенного возраста и т.п.), набрасываясь на них внезапно и умерщвляя немедленно. При этом преступник нередко заботится о сокрытии следов преступления.

---

[1] *Устинов В.В.* Обвиняется терроризм. М., 2002. С. 31.

[2] *Антонян Ю.М.* Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М., 1998. С. 8.

[3] *Rosen S.J., Frank R.* Measures against international terrorizm «International Terrorizm and World Security». L., 1975. P.14; Contemporary Research on Terrorism.-Aberdeen, 1987. P. 4-28; *Crenshaw M.* Terrorism and International Cooperation. NewYork, 1989. P. 5-18; *Schmidt A.*. Political Terrorism. Amsteradam, 1988. P. 89-96; *Waugh W.* International Terrorism: How Nations respond to Terrorists.-Salisburi, 1982. P. 2.

[4] Словарь иностранных слов. М., 1955. С..687.

Анализ Ю.В. Ващенко[1] зарубежных работ, изданных в США, Великобритании и некоторых других странах Запада, обнаружил совпадение мнений в отношении следующих признаков терроризма: 1) терроризм заключается в использовании крайних форм насилия или угрозе таким насилием; 2) цели террористического акта выходят за пределы причиняемого им разрушения, причинения телесных повреждений, смерти; 3) цели террористического акта достигаются путем психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия[2]; 4) жертвы терроризма избираются больше по их символическому, чем действительному значению[3].

Здесь уже различаются непосредственные жертвы насилия и иные лица, на которых оказывается психологическое воздействие таким насилием либо угрозой его применения. Цели террористического акта — это не цель причинения непосредственной жертве насилия смерти, телесного повреждения и т.д.

Несколько иную позицию занимает В.П. Емельянов: терроризм — это деяние, которому свойственны следующие четыре отличительных признака: 1 — порождение общественной опасности вследствие совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми; 2 — публичный характер исполнения деяния[4]; 3 — преднамеренное создание обстановки страха, подавленности, напряжения; 4— применение общеопасного насилия в отношении одних лиц или конкретного имущества при оказании психологического воздействия на других лиц в целях склонения последних к определенному поведению. В.П. Емельянов отмечает такие важные моменты, как то, что, с одной стороны, «страх служит в этом случае своеобразным объективным рычагом целенаправленного воздействия на людей, при котором создание обстановки страха выступает не в качестве цели, а в

---

[1] См. Глава 25. Преступность террористической направленности // Криминология. Второе издание / Под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 644 и др.

[2] По мнению профессора Ю. Динстейна (Израиль), сущность терроризма вообще проявляется в беспорядочном насилии, обычно направленном против людей без разбора (невинные свидетели), в целях распространения в массах идеи, что для достижения цели подходят любые средства, т.е. чем ужаснее по своей сути и масштабам преступление тем лучше.

[3] *Waugh W.* International Terrorism: How nations respond to Terrorists.- Salisburg, 1982. P. 27. Александер В. определяет терроризм «как символ, средство, метод или способ применения силы, имеющей формы беспорядочного и систематичного запугивания, насилия, подавления или уничтожения людей или имущества» (*Александер В.* Международный терроризм. Национальные, региональные и глобальные перспективы. Нью-Йорк, 1976. С.11).

[4] Кудрявцев В.Н. соглашается с мнением Емельянова В.П., что «под терроризмом принято понимать публично совершаемые общественно опасные действия, направленные на устрашение населения либо на оказание того или иного воздействия на органы власти также полагает, что Преступность и нравы переходного общества». (*Кудрявцев В.Н.* Преступность и нравы переходного периода. М., 2002. С.225.

качестве средства достижения цели[1]», с другой, «здесь наличествует страх иного рода, это страх не «парализующий», а, так сказать, «мобилизующий» адресата на выбор такого варианта поведения, который устраивал бы виновных»[2]. Но устрашение при разбое тоже призвано «мобилизовать» жертву на передачу преступнику требуемого им имущества. Здесь все-таки выделяется указание на специфические и неспецифические для терроризма признаки.

Вместе с тем, позиция В.П. Емельянова выглядит более убедительной по сравнению, например, со взглядами Ю.М. Антоняна, утверждающим что «о терроризме можно говорить лишь тогда , когда смыслом поступка является устрашение, наведение ужаса»[3]. Что такое смысл поступка: цель, мотив? Можно сказать, что устрашение, наведение страха на окружающих может быть смыслом поступка группы хулиганов, бесчинствующих в общественных местах. Однако за этим нередко просматривается цель вызвать таким образом к себе внимание, создать впечатление об определенной своей исключительности. В таком случае мотив — самоутверждение, доказывание превосходства над окружающими в силе. Что же касается террористов, то их устрашение, как правильно отмечает сам Ю. М. Антонян, может преследовать самые разные цели.

Вообще сам факт устрашения кого-то, введения в состояние ужаса безусловно может оцениваться как общественно опасное деяние и заслуживает криминализации. Впрочем, законодатель так или иначе следует по этому пути. Но всякое ли устрашение все-таки можно назвать терроризмом?

По мнению В.Е. Петрищева, сущность терроризма «сводится к активному использованию устрашения для принуждения людей к действиям, выгодным террористам. (В частном случае эти действия могут сводиться к бездействию, если достижение цели входит в планы террористов). Нужно подчеркнуть, что конечная цель субъектов террористической деятельности — именно подчинение людей своей воле, а не просто их запугивание...Устрашение — лишь главный инструмент террористов, умело используя который они понуждают представителей органов власти или отдельные социальные

---

[1] Емельянов В.П. Указ. соч. С. 26.

[2] *Емельянов В.П.* Терроризм и преступления с признаками терроризирования. Уголовно-правовое исследование. М., 2000. С. 27. См. также: *Бояр-Сазонович Т.С.* Международный терроризм: политико-правовые аспекты. К.; Одесса, 1991. С. 119-120.

[3] *Антонян Ю.М.* Терроризм: криминологическое и уголовно-правовое исследование, М., 1998. С. 8.

группы и слои населения действовать не в интересах общества или своих собственных, а в целях террористов»[1].

Однако принуждение под давлением угроз, страха действовать в интересах субъектов угроз встречается не только при тех деяниях, которые получили законодательную оценку как террористические. Что такое шантаж, о котором неоднократно упоминается в УК РФ, хотя данное понятие и не расшифровывается (статьи 133, 204, 302, 304, 309) ? Или что такое предусмотренная ст. 119 УК РФ угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если *имелись основания опасаться осуществления этой угрозы*? Или предусмотренные ст. 120 УК РФ принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, совершенное с угрозой его применения, ст. 309 УК РФ — принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, а равно принуждение указанных лиц к уклонению от дачи показаний, соединенное с шантажом, угрозой убийством, причинением вреда здоровью, уничтожением или повреждением имущества этих лиц или их близких, совершенные с применением насилия, опасного для жизни или здоровья указанных лиц ?

В таких случаях лица, на которых так воздействуют, бесспорно находятся в состоянии страха, даже ужаса и бывают принуждены действовать не своей воле.

Обращает на себя внимание также то, что в некоторых пространных определениях основной акцент делается именно на умышленных действиях, вызывающих страх, панику, и только затем коротко упоминается о выдвижении «различных требований». По определению И.В. Задорожной, «терроризм — это относительно массовое, исторически изменчивое, уголовно-правовое и социальное явление, характеризующееся совершением умышленных преступных акций, призванных вызвать страх и панику, направленных на уничтожение, причинение вреда, захват какого-либо объекта или угроза совершения указанных деяний в отношении физических лиц и имущества с выдвижением различных требований»[2]. Но каких именно требований — обращенных к неопределенному кругу субъектов или только тем, которым непосредственно угрожают террористы, или к каким-то иным конкретным лицам?

---

[1] *Петрищев В.Е.* О задачах борьбы с терроризмом в странах СНГ// Международный терроризм: истоки и противодействие. Секретариат Совета Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. 2001 С. 182.

[2] Задорожная И.В. Указ. соч. С. 10.

Анализ приводит к выводу, что ***действительной специфической отличительной характеристикой терроризма служит применение физического либо психического насилия или угрозы его применения в отношении невинных жертв ради принуждения третьей стороны к совершению определенных деяний.*** Такая позиция высказывается наиболее четко сотрудниками правоохранительных органов, спецслужб[1] и, судя по результатам криминологических исследований, выглядит наиболее убедительной.

В.П. Емельянов, и другие авторы, исследовавшие конкретные проявления терроризма, совершенно обоснованно указывают на двоякий механизм воздействия на третью сторону, к которой террористами и предъявляются определенные требования: непосредственный и опосредованный. Непосредственный — это, например, когда захватываются в качестве заложников близкие, дорогие третьей стороне лица. Опосредованное воздействие, например, на органы государственной власти, может осуществляться через создание такой атмосферы в обществе, которая подрывает доверие к этим органам, дестабилизирует политико-правовую ситуацию.

Соответственно Ю.В. Ващенко полагает, что основными объектами защиты от терроризма, согласно ныне действующему законодательству признаются, во-первых, внутренняя безопасность (*или: государственный строй, правопорядок, конституционный строй*) и внешняя безопасность (*или: суверенитет, нормальные отношения с зарубежными странами*); во-вторых, жизнь, здоровье, свобода людей (*личности*). На этом основании выделяются две взаимодополняющие группы объектов терроризма: 1 — объекты подрыва или ослабления, воздействие на которые оказывается опосредованно, через влияние на другие объекты. К ним можно отнести: государственный и конституционный строй, которые охватываются такими более общими понятиями, как внутренняя безопасность, а также суверенитет, территориальная целостность, отношения с зарубежными странами, которые соответствуют такому понятию, как внешняя безопасность. 2 — объекты непосредственного воздействия (*иногда их называют объектами психофизического воздействия*), в отношении которых и осуществляются акции насилия. К ним относятся прежде всего: жизнь, здоровье, свобода личности, вне зависимости от государственно-правового и общественно-политического ее положения, все более увеличивается роль конкретно не определенных лиц и групп; а также материальные предметы (*здания, помещения административных, общественных, хозяйственных организаций,*

---

[1] См.: *Луценко В.В.* Пусть весь мир поставит их вне закона// Бизнес и безопасность в России. № 4—2001. С. 4-5.

личное имущество граждан, предметы, материально воплощающие культурно-исторические и духовные ценности народа и прежде всего общественно опасные или жизненно важные для общества в целом)[1].

Но являются ли обязательными признаками терроризма *публичность* устрашения населения или социальных групп? С этим трудно согласиться. Однако данный подход вытекает из следующего определения В.П. Емельянова: «...терроризм — это публично совершаемые общеопасные действия или угрозы таковыми, направленные на устрашение населения или социальных групп, в целях прямого или косвенного воздействия на принятие какого-либо решения или отказ от него в интересах террористов»[2]. Терроризм может осуществляться в такой форме, а может и в другой — путем устрашения не населения и социальных групп, а конкретных субъектов, от которых требуется совершение определенных деяний, причем устрашения не обязательно публичного, но и вполне «приватного». (Например, при предъявлении не публичного требования к политику принять определенное решение под угрозой убийства членов его семьи). Это — вариант прямого воздействия. При косвенном же воздействии на такого политика могут последовать и публичные действия, способные стимулировать недовольство им населения, отдельных социальных групп, препятствовать дальнейшей политической карьере такого лица.

Другое дело, что террористы нередко используют в сочетании средства непосредственного и опосредованного воздействия, учитывают, что публичность, общественная огласка способны усиливать воздействие на ту сторону, от которой ожидаются определенные действия. Но еще раз заметим, что это, во-первых, бывает далеко не всегда; во-вторых, опосредованное воздействие порой начинает оказываться через некоторое время после того, когда непосредственное устрашение не приносит быстрого и желаемого результата. В этом случае включаются механизмы давления через общественное, групповое, клановое и иное социально-психологическое мнение, общественные настроения.

Действующий в России закон отражает противоречивость разных подходов к пониманию терроризма. Если обратиться к диспозиции статьи 205 УК РФ, то там говорится следующее: «Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, соз-

---

[1] *Ващенко Ю. В.* Глава «Преступность террористической направленности// Криминология. 2-е изд. Под ред. А.И. Долговой. М., 2001.
[2] Емельянов В.П. Указ. соч. С. 27-28.

дающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях».

Но играет ли какую-либо самостоятельную роль в понимании специфики терроризма нарушение общественной безопасности или устрашение населения? И почему эти цели формулируются как однопорядковые с такой, судя по тексту статьи, целью, как оказание воздействия на принятие решений органами власти? Здесь не различаются характерные для терроризма цели и средства их достижения.

Далее возникает вопрос: почему речь идет только о воздействии на органы власти, а не на иных субъектов? Например, лидеров политических партий и движений, общественных деятелей, глав крупных финансовых, промышленных структур и т.д.? Анализ уголовных дел, материалов показывает, что в России в девяностых годах совершались захваты заложников и с целью передачи террористам значительных финансовых средств, и в целях добиться от представителей власти должного исполнения их полномочий, и ради прекращения борьбы с незаконными вооруженными формированиями, и из-за освобождения осужденных преступников, и при подавлении конкурентов.

Именно посредством устрашения каких-то субъектов, у них «вымогается» определенное решение, их заставляют совершать требуемые деяния. Но каковы должны быть масштабы страха, ужаса? Они должны охватывать широкие слои населения, большие социальные группы, государственные органы или для терроризма достаточно введение в состояние страха, ужаса отдельных лиц? Если исходить из статьи 1 Федерального закона «О борьбе с терроризмом», последнее тоже может иметь место в преступлениях террористического характера (террористический акт, например). Таким образом, масштабы распространения страха, ужаса — это тоже не специфический отличительный признак терроризма. Как и сам факт использования фактора страха. Воздействие на жертву страхом отмечается также при разбое, вымогательстве. Однако в этих случаях одно и то же лицо является субъектом, к которому обращены требования, и одновременно субъектом, в отношении которого допускается насилие либо угроза его применения. При терроризме в указанном выше понимании речь все-таки идет о разных субъектах.

Надо признать, что элементы террора отмечаются и в случаях вымогательства, поскольку в статье 163 УК РФ говорится об угрозе распространения сведений не только о самом потерпевшем, но и его близких и о причинении существенного вреда не только самому потерпевшему, но и его близким.

В правовом отношении важно быть очень точным, четко отделять проявления терроризма от других общественно опасных действий, использующих страх, ужас как методы воздействия. В статье 163 УК РФ «Вымогательство» говорится об угрозе применения насилия, но применительно к возможному существенному вреду не упоминается вред жизни и здоровью. В статье 205 УК РФ «Терроризм» смерть человека и иные тяжкие последствия терроризма оцениваются как последствия всего лишь неосторожности субъекта терроризма. В то же время, судя по уголовным делам, лишение жизни охватывается умыслом террористов.

Другие нормативные правовые акты более широко трактуют понятие терроризма и дают еще больше оснований для вывода о недостаточно четком разграничении терроризма в смысле статьи 205 УК РФ «Терроризм» и ряда иных деяний, включая предусмотренных ст. 105 «Убийство» и ст. 163 «Вымогательство».

Если следовать подходу ряда авторов, одно из различий терроризма и других насильственных деяний заключается в том, что описание диспозиции нормы о терроризме начинается с упоминания о общеопасном насилии, а затем уже о целях, других же норм — о целях, достигаемых посредством соответствующего насилия или иных общественно опасных деяний. Но анализ статей Особенной части УК РФ показывает, что первый подход используется в целом ряде норм: в пункте «б» части 2 статьи 105 УК РФ говорится об умышленном убийстве лица *или его близких* (выделено автором —А.Д.) в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга», в п. «а» второй статьи 111 — о причинении тяжкого вреда лицу или его близким в связи с теми же обстоятельствами. Однако данные деяния не относятся к террористическим в соответствии с Федеральным законом «О борьбе с терроризмом». Зато таковым признается «посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности либо из мести за такую деятельность (террористический акт)» (ст. 277 УК РФ). Где же граница различий? Она уже видится в другом: при умышленном убийстве и причинении тяжкого вреда здоровью имеется в виду «служебная деятельность» или выполнение «общественного долга». При террористическом акте —

«государственная или иная политическая деятельность». Однако, если вспомнить Федеральный закон о борьбе с терроризмом, террористы посягают не только на государственную власть, но и общественную безопасность, иные объекты. Терроризм, предусмотренный ст. 205 УК РФ, — это преступление против общественной безопасности.

При этом заметим, что диспозиция нормы о террористическом акте (статья 277 УК РФ) не содержит упоминания о таком специфическом признаке терроризма, как совершение непосредственного насилия в отношении одного субъекта при предъявлении требования к другому. Здесь фактически речь идет об убийстве ради прекращения деятельности именно убитого лица либо во имя мести за его же деятельность. В статьях 105, 111 УК РФ говорится хотя бы о посягательствах на близких лица в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга. Таким образом, в последнем случае упоминаются и непосредственный объект посягательства, и третье лицо.

§ 2. Мотивация и уголовно-правовая оценка преступлений террористического характера

Возникает еще один вопрос: не могут ли служить наиболее существенным отличительным признаком преступлений террористического характера те цели, достижения которых добиваются террористы? Круг таких целей, описываемых в законодательных актах, также не выглядит специфическим, четко отграничивающим преступления террористического характера от не признаваемых таковыми: в ст. 1 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» говорится о «целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их *неправомерных имущественных и (или) иных интересов»* (выделено автором — А.Д.); целях прекращения государственной или иной политической деятельности государственного или общественного деятеля либо из мести за такую деятельность; «целях провокации войны или осложнения международных отношений». Но удовлетворение неправомерных имущественных интересов лицом через воздействие на его близких осуществляется, как уже отмечалось, при вымогательстве, достижение цели принятия определенного общественного или служебного решения лицом через воздействие на его близких — при умышленном убийстве или умышленном причинении тяжкого вреда здоровью.

Есть все основания полагать, что в правовом отношении понимание терроризма выглядит противоречивым и достаточно запутанным. Практика следует закону и порой возникают парадоксальные ситуации признания смерти многих людей как результата одновременно и неосторожности, и умысла. Например, действия по взрыву какого-то объекта, повлекшего смерть многих людей, квалифицируются одновременно по части 3 статьи 205 УК РФ (терроризм, повлекший по неосторожности смерть человека) и пунктам «а», «е» части второй статьи 105 УК РФ (умышленное убийство двух или более лиц, совершенное общеопасным способом). Так что же именно налицо: умысел или неосторожность по отношению к смерти? Могут ли одновременно фиксироваться такие преступления, как терроризм и умышленное убийство? (Разумеется, если речь не идет о террористическом акте, предусмотренном статьей 277 УК РФ: посягательстве на государственного или политического деятеля).

Ничего не бывает случайным. Многие теоретические проблемы, к решению которых порой презрительно относятся политики и сотрудники правоохранительных органов, спецслужб, судов, при пренебрежении к ним порождают юридические казусы. Вот уж действительно «сон разума рождает чудовищ».

Здесь мы имеем дело с очень давним принципиальным спором, суть которого заключается в следующем: что охватывается сознанием лица, совершающим неосторожное преступление? Можно вспомнить, например, что еще в 1962 г. ставший затем известным ученым И.П. Лановенко вступил в дискуссию с уже известным профессором А.Б. Сахаровым. И.П. Лановенко писал: « ...для наличия косвенного умысла вовсе не нужно, чтобы виновное лицо осознавало, что его действия обязательно, неизбежно вызовут смерть или увечье»[1]. Если же следовать логике законодателя (ст. 205 УК РФ), террорист, осуществляющий подрыв жилого дома или машины с людьми, не имеет даже косвенного умысла на причинение смерти, а гибель многих людей — результат его неосторожности.

Терроризм — это способ достижения разных целей и решения различных проблем. Преступления террористического характера могут быть многообразными по целям, мотивам и объектам посягательств, не всегда носить публичный характер, отличаться предъявлением разнообразных требований к различным субъектам. Изложенное важно иметь в виду при разграничении в уголовном законе различных проявлений терроризма, оценке степени их обществен-

---

[1] *Лановенко И.П.* Уголовная ответственность за нарушение правил техники безопасности в промышленности. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Киев. 1962. С. 15-16.

ной опасности и точном формулировании соответствующих диспозиций, введении адекватных санкций.

Например, в процессе выделения деяний, связанных с предъявлением требований к органам власти, международно-правовым организациям и создающих угрозу миру, безопасности, всему населению какого-то региона, страны, это уже можно оценивать как преступления против мира и безопасности человечества, а не против общественной безопасности. В то же время распространены и такие общественно опасные деяния террористического характера, которые посягают на общественную безопасность, на основы конституционного строя, безопасности государства и т.д.

В.В. Устинов отмечает сложности, связанные с использованием термина «общественная безопасность»: «...общественная безопасность — это сложное комплексное общественное отношение. Такое ее содержание создает определенные трудности в разграничении терроризма и преступлений против личности, собственности, порядка управления и др. Террористические акции могут затрагивать политическую и экономическую системы, основы конституционного строя и безопасности государства, нормальное функционирование органов власти, причинить вред жизни и здоровью отдельных лиц либо здоровью населения, общественной нравственности, а в ряде случаев — и отношениям, обеспечивающим международную безопасность»[1].

Мотивация определяет многое в системе террористической деятельности[2], ее направленности. Отсюда многочисленные и многообразные классификации — выделение терроризма общеуголовного, политического, экономического, религиозного и т.п.

Данные классификации значимы для определения в каждом конкретном случае характера мотивации и процессов детерминации конкретной террористической деятельности. Однако надо признать, что ни одна классификация не может быть признана абсолютной, исчерпывающей — жизнь меняется, меняются и те проблемы, которые пытаются решать криминальными средствами, в том числе посредством терроризма.

Кроме того, в масштабной криминальной деятельности просматриваются сложные сочетания разных целей и мотивов.

Современный терроризм проявляет себя преимущественно как элемент сложной преступной высокоорганизованной деятельности,

---

[1] *Устинов В.В.* Особенности социально-правовой характеристики преступлений террористического характера и проблемы их квалификации // Следственная практика. № 3 (157). 2002. С. 21.

[2] В ст. 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» дается понятие террористической деятельности, но и оно не является исчерпывающим.

которая «переплавляет» отдельные деяния общеуголовного, экономического и даже политического характера в целостную сложную систему.

§ 3. Организованный терроризм и криминальное общество

В подавляющем большинстве случаев человечество имеет дело не с отдельными преступными деяниями террористического характера, а с организованным терроризмом.

Когда речь идет об организованном терроризме, очевидно криминальны не только способ, но и сам характер требований, предъявляемых к третьей стороне. Часто при этом встречаются: вымогательство денежных средств не просто в крупных, но в особо крупных размерах; антиконституционные требования политического и иного характера.

Бывают, как эксцессы, террористические акции отдельных отчаявшихся лиц (пенсионеров, которым длительное время не выплачивают пенсию и др.), но ведь и они организованы («заранее устроены»), соединены с незаконным приобретением, ношением оружия.

Кроме того, преступления террористического характера, казалось бы, отдельных небольших групп лиц, бывают результатом многоходовых продуманных криминальных операций, быть звеном в цепи масштабной организованной криминальной деятельности.

В этом аспекте заслуживают внимания обстоятельства захвата в 1994 году в Ставропольском крае автобуса с пассажирами и дополнительно трех малолетних детей с целью обмена заложников на 10 млн. долларов США. Требование фактически было обращено к органам власти. Захват совершил дважды судимый Бициев совместно с членами созданной им организованной группы. Бициев сразу после захвата заложников привязал себе на грудь тротиловые шашки. Он потребовал, кроме долларов, 4 автомата «Калашникова», боеприпасы, 4 бронежилета, наручники, ампулы с наркотиком, шприцы и иглы, а также вертолет для вылета в Чечню. Сначала направились в сторону Хасавюрта, затем приземлились в Чечне около Бага-юрта, где и были задержаны. Судом установлено, что Бициев был членом клана Дудаева, поддерживал отношения со службой безопасности Чечни. План разрабатывался Султаном Э., который, по показаниям Бициева, был связан с фальшивыми авизовками. Во время проведения террористической акции говорили по-русски, так как стремились к тому, чтобы не узнали, что они — из Чечни. Были уверены, что, если уйдут в Чечню, власти их не выдадут. Они должны были половину валюты отдать чеченским властям.

Если говорить о широкомасштабной организованной террористической деятельности, то она всегда бывает результатом объединения усилий большого числа субъектов, создания специальных криминальных структур, разработки систем ее финансового, кадрового и иного ресурсного обеспечения. В таких условиях терроризм нереален без совершения системы разнообразных преступных деяний, а конкретная террористическая акция выступает именно как элемент сложной, многоходовой криминальной деятельности.

Потребность в солидном финансировании организованных преступных формирований объясняет контакты их лидеров с зарубежными «спонсорами», имеющими свои, специфические интересы в России, даже независимо от того, в какой мере сочетаются интересы лидеров таких формирований и указанных «спонсоров». Кроме того, данная потребность определяет органическую связь субъектов террористических акций с экономическими, общеуголовными, должностными и иными преступниками.

Регионы активной террористической деятельности — это, как правило, одновременно регионы активно функционирующего криминального рынка оружия, наркотиков, людей и т.п., хищений и иных преступлений в сфере экономической деятельности, коррупции, контрабанды, преступлений против конституционного строя и безопасности государства[1].

Сотрудникам правоохранительных органов и спецслужб в Чеченской Республике в 2002 году задавался вопрос, какие преступления совершают там организованные преступные формирования и все ли из таких преступлений отражаются в уголовных делах. Ответы сотрудников разных правоохранительных органов и спецслужб отличались незначительно и все они отметили, что, наряду с терроризмом, данные организованные формирования совершают не только другие особо тяжкие и тяжкие преступления, но и высоко общественно опасные деяния, которые пока еще не криминализированы — обращение в рабство, торговля людьми и др. (табл. 129).

Фиксируется высокая латентность таких преступлений. Практически в чрезвычайных условиях небольшому контингенту сил правопорядка крайне трудно обеспечить реагирование в рамках закона на все преступления, да еще при боязни или нежелании большинства населения сотрудничать с правоохранительными органами.

---

[1] См. Воронцов С.А. Общая характеристика преступности в Южном федеральном округе и проблемы борьбы с ней// Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 140-146.

Таблица 129

Ответы на вопрос: « Фактически проявляют ли себя активно организованные преступные формирования в совершении преступлений террористической направленности и ряда других общественно опасных деяний и как это отражается в уголовных делах?»

(% от общего числа каждой категории опрошенных)

Ответы:	Сотрудники прокуратуры	Сотрудники органов МВД	Сотрудники УФСБ	Сотрудники ФСНП	Все сотрудники в ЧР*	Все эксперты ЮФО*
Терроризм						
Только фактически	16	26	20	20	21	13
Отражено в уголовных делах	28	30	32	20	29	14
Захват заложников						
Только фактически	10	11	12	18	12	11
Отражено в уголовных делах	17	21	22	8	18	14
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма						
Только фактически	8	5	5	18	7	8
Отражено в уголовных делах	4	3	17	8	6	6
Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем						
Только фактически	25	17	17	25	20	12
Отражено в уголовных делах	19	28	32	14	24	14
Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля						
Только фактически	13	11	12	16	13	7
Отражено в уголовных делах	13	23	10	10	17	4
Нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой						
Только фактически	6	3	5	6	4	3
Отражено в уголовных делах	9	18	0	4	12	1
Вооруженный мятеж						
Только фактически	5	4	2	2	4	2,4
Отражено в уголовных делах	7	7	0	0	5	1,6
«Заказные» убийства						
Только фактически	29	27	39	20	28	43
Отражено в уголовных делах	24	24	27	6	22	34
Похищение человека						
Только фактически	19	18	12	25	18	27
Отражено в уголовных делах	30	24	22	14	25	25
Торговля людьми						
Только фактически	10	7	7	12	9	6
Отражено в уголовных делах	10	16	0	4	11	2
Обращение в рабство						
Только фактически	11	5	12	10	8	5
Отражено в уголовных делах	4	1	0	0	2	1
Торговля человеческими органами						
Только фактически	8	5	7	10	7	6
Отражено в уголовных делах	3	5	0	2	4	1
Наемничество						
Только фактически	10	5	10	12	8	5
Отражено в уголовных делах	10	2	7	2	5	2
Организованный оборот наркотиков						
Только фактически	22	19	42	18	22	38
Отражено в уголовных делах	18	10	29	10	14	30
Вымогательство						
Только фактически	20	18	12	12	17	-
Отражено в уголовных делах	19	20	22	10	19	-

* ЧР — Чеченская Республика

** ЮФО — Южный федеральный округ.

На отражении в уголовных делах всех фактов преступлений влияют многие обстоятельства: от сложностей раскрытия и расследования преступлений (даже осмотры места происшествия происходят фактически в боевой обстановке) до особенностей поведения маргинальной среды и отсутствия стабильных квалифицированных кадров системы правоохраны в Чеченской Республике.

По данным судебной статистики, немало преступлений террористического характера в приговорах судов были квалифицированы не по основной статье, а в порядке дополнительной квалификации (табл. 130). То есть и здесь фиксируется совокупность разных преступлений.

Таблица 130

Соотношение и динамика числа осужденных за преступления террористического характера по основной статье обвинения и по дополнительной квалификации в 1999—2001 годах в России

Преступления — статьи УК РФ	Число осужденных по:					
	1999 г.		2000 г.		2001 г.	
	основной статье	дополнит. квалификации	основной статье	дополнит. квалификации	основной статье	дополнит. квалификации
Терроризм — ст. 205	13	1	4	0	20	12
Захват заложника —ст. 206	92	9	36	4	60	11
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма-ст.207	205	23	277	21	310	6
Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем — ст. 208	17	4	106	30	71	58
Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля — ст. 277	0	0	8	0	5	15

При активизации терроризма отмечается функционирование не просто организованных формирований, но высокоорганизованных разветвленных преступных организаций (криминальных корпораций, синдикатов), действующих во имя извлечения сверхдоходов и обеспечения власти, в том числе господства на определенных пространствах земного шара.

Террористические подразделения указанных организаций включают только незначительную часть человеческих ресурсов последних, причем лишь непосредственных исполнителей воли организаторов, руководителей организаций. Кроме террористических подразделений в указанных преступных организациях существует немало других, действующих как в легальном, так и противозаконном режиме, выполняющих функции экономического, политического,

идеологического и иного обеспечения достижения отмеченных целей, далеко выходящих за рамки целей конкретных актов терроризма.

Круг участников общественно опасной деятельности подобных преступных организаций значительно шире круга тех, кто причисляет себя к участникам таких организаций. Это — и коррумпированные политики, сотрудники государственных органов, подкармливаемые деятели СМИ, лидеры общественных объединений. Важно, однако, выявлять организаторов, руководителей, ликвидировать такие криминальные корпорации. Их даже неправильно было бы называть террористическими с учетом многоаспектности соответствующей организованной преступной деятельности.

Поскольку, как правило, речь идет о сложной, многоаспектной террористической преступной деятельности, терроризм в основном используется высокоорганизованными криминальными формированиями ради обеспечения чаще всего широкомасштабных экономических и политических интересов в их взаимосвязи[1].

Терроризм — «дорогостоящий» и трудоемкий способ решения проблем — на него работают различные структуры организованных формирований: добывающие материальные средства, боеприпасы, оружие, взрывчатку, готовящие соответствующих «специалистов» по взрывам и поджогам, осуществляющие разведку контрразведку, обеспечивающие идеологическое прикрытие откровенно противоправных требований, ведущие информационную войну и т.п.

При этом отмечается как финансирование террористов субъектами, интересы которых обеспечиваются террористическими формированиями[2], так и самофинансирование: за счет экономической преступной деятельности, общеуголовной, незаконного оборота наркотиков и т.п. По данным исследования, проведенного вместе с органами прокуратуры Чеченской республики, на ее территории совершаются наряду с «традиционными» преступлениями, и такие высокого общественно опасные деяния, как торговля людьми, обращение в рабство, торговля человеческими органами.

Террористическая деятельность, как сложная система многообразных деяний, может быть, в свою очередь, — и, как правило

---

[1] «Абсолютно все НВФ (незаконные вооруженные формирования —прим. автора. А.Д.) на территории Чечни создавались с целью совершения тяжких и особо тяжких преступлений, как для достижения политических целей, так и ради материальных прибылей». (*Устинов В.В.* Особенности социально-правовой характеристики преступлений террористического характера и проблемы их квалификации // Следственная практика. 2002. № 3 (157). С. 42).

[2] Об источниках финансирования см.: *Костюченко Н.П., Паненков А.А.* Пресечение финансирования террористической деятельности как важное направление борьбы с терроризмом// Следственная практика. 2002. № 3 (157). С. 48-56.

бывает, — подсистемой еще более сложной деятельности. И здесь важно понять, какой именно. При решении данной задачи возникает проблема разграничения, в частности, терроризма, агрессии, применения запрещенных средств и методов ведения войны, других преступлений и т.п.

При этом не все проявления терроризма бывают криминализированы. Если методы террора использует агрессор на территории противника или глава государства по отношению к населению, такого рода деяния в соответствующие исторические периоды не рассматриваются в параметрах преступности. Чаще речь идет о том, что они — производное от определенного режима: тоталитарного, фашистского, оккупационного, чрезвычайного и т.п. И бывает так, что организаторам террора грозит лишь суд истории.

На этом основании криминологи не ставят знак равенства между терроризмом и преступностью, полагая, что преступными в конкретных исторических условиях объявляются, а тем более реально преследуются по закону далеко не все проявления терроризма. Хотя, если строго юридически оценивать так называемый «государственный терроризм», то следует признать, что фактически его субъекты преступают не один уголовно-правовой запрет, и их действия вполне укладываются в систему организованной преступной деятельности с использованием терроризма. Но суд истории и суд потомков — это не та реакция, которую можно считать юридической, хотя она реальна и необходима. Здесь речь скорее идет о «божьем суде», который «недоступен звону злата», по выражению М.Ю. Лермонтова.

Если вести речь об организованной преступности и криминальном обществе, то терроризм — эффективное средство решения их проблем.

Террористическая активность бывает направлена не только во вне, но и внутрь — на функционеров криминального общества. Террористические методы сплачивают криминальную среду на основе общего страха перед криминальными лидерами, обеспечивают эффективное подавление сильных конкурентов.

Многочисленность, широкомасштабность и широкий территориальный спектр террористических акций (фактически глобальный) свидетельствуют о функционировании не просто крупных преступных организаций, но организованной преступности с межрегиональными и международными связями.

Из изложенного вытекает четыре основных вывода.

1. Борьба с организованным терроризмом должна осуществляться на основе принципов и приемов борьбы с организованной преступностью.

2. Субъектами борьбы с терроризмом должны быть те подразделения правоохранительных органов и спецслужб, которые способны противостоять организованной преступности. Другое дело, что, во-первых, в рамках этих подразделений выделяются те их структуры, которые специализируются на непосредственном пресечении конкретных террористических акций; во-вторых, осуществляется постоянное взаимодействие с другими подразделениями, ориентированными на борьбу с наркотиками, экономической, общеуголовной и иными видами преступности.

3. Борьбу с высокоорганизованными, крупными преступными формированиями важно вести под руководством единого органа, имеющего универсальный банк необходимых данных, руководствоваться единой стратегией и в конкретных условиях — единой тактикой; располагать полномочиями привлекать для решения конкретных задач разные субъекты и ресурсы; обеспечивать высокую конспиративность соответствующей деятельности.

4. Важно развивать международное сотрудничество на базе точного выбора союзников и высокопрофессионального подхода к направлениям, конкретным способам такого сотрудничества.

Исследования приводят к выводу, что зоны осуществления террористический акций, а не только территории активной террористической деятельности, до завершения контртеррористических операций должны получать более жесткий статус зон особого режима, в которых на основании статьи 55 Конституции РФ безусловно ограничиваются, в целях обеспечения безопасности, права и физических, и юридических лиц, в том числе СМИ[1]. Необходимость по-

---

[1] Часть первая ст. 13 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» устанавливает следующий правовой режим в зоне проведения контртеррористической операции: 1. В зоне проведения контртеррористической операции лица, проводящие указанную операцию, имеют право: 1) принимать при необходимости меры по временному ограничению или запрещению движения транспортных средств и пешеходов на улицах и дорогах, по недопущению транспортных средств, в том числе транспортных средств дипломатических представительств и консульских учреждений, и граждан на отдельные участки местности и объекты либо по удалению граждан с отдельных участков местности и объектов, а также по отбуксировке транспортных средств; 2) проверять у граждан и должностных лиц документы, удостоверяющие их личность, а в случае отсутствия таких документов задерживать указанных лиц для установления личности; 3) задерживать и доставлять в органы внутренних дел Российской Федерации лиц, совершивших или совершающих правонарушения либо иные действия, направленные на воспрепятствование законным требованиям лиц, проводящих контртеррористическую операцию, а также действия, связанные с несанкционированным проникновением или попыткой проникновения в зону проведения контртеррористической операции; 4) беспрепятственно входить (проникать) в жилые и иные принадлежащие гражданам помещения и на принадлежащие им земельные участки, на территории и в помещения организаций независимо от форм собственности, в транспортные

следнего остро проявилась в ходе проведения антитеррористической операции при освобождении заложников, захваченных во время спектакля «Норд-Ост» в Москве в 2002 г. Часть вторая статьи 13 Федерального закона «О борьбе с терррoризмом» весьма обтекаемо в 2002 г. формулировала право на ограничение действий СМИ: «2. В зоне проведения контртеррористической операции деятельность работников средств массовой информации регулируется руководителем оперативного штаба по управлению контртеррористической операцией, если иное не предусмотрено федеральным законом».

§ 4. Развитие терроризма в реформируемой России

Терроризм в России — не новое явление. Его развитием ознаменовались вторая половина XIX — начало XX веков[1]. Годы революции и «культа личности» многими авторами оцениваются как период государственного террора, когда субъектами терроризма стали не оппозиционные власти силы, а сама власть. И в этом усматривается диалектическая связь времен. О.В. Будницкий пишет: «Полагаю, что государственный террор, унесший с 1917 года миллионы жизней, имеет генетическую связь с террором дореволюционным — как лево- и правоэкстремистским, так и правительственным. И если мы хотим понять, каким образом политические убийства (по суду или без оного) государством своих граждан стали нормой на десятилетия, необходимо обратиться к истокам политического экстремизма в истории России. Волна терроризма, захлестнувшая нашу страну в последние годы, заставляет еще раз заглянуть в то универсальное зеркало, каким является история. История, как известно, имеет свойство повторяться. В случае с терроризмом она повторяется чаще как трагедия, а не как фарс. Тем важнее усвоить ее уроки» [2].

средства при пресечении террористической акции, при преследовании лиц, подозреваемых в совершении террористической акции, если промедление может создать реальную угрозу жизни и здоровью людей; 5) производить при проходе (проезде) в зону проведения контртеррористической операции и при выходе (выезде) из указанной зоны личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, досмотр транспортных средств и провозимых на них вещей, в том числе с применением технических средств; 6) использовать в служебных целях средства связи, включая специальные, принадлежащие гражданам и организациям независимо от форм собственности; 7) использовать в служебных целях транспортные средства, принадлежащие организациям независимо от форм собственности, за исключением транспортных средств дипломатических, консульских и иных представительств иностранных государств и международных организаций, а в неотложных случаях и гражданам, для предотвращения террористической акции, для преследования и задержания лиц, совершивших террористическую акцию, или для доставления лиц, нуждающихся в срочной медицинской помощи, в лечебное учреждение, а также для проезда к месту происшествия.

[1] См.: *Дзюба Д.И.* Некоторые аспекты исторического опыта борьбы с терроризмом в России // Организованный терроризм и организованная преступностью М., 2002.

[2] *Будницкий О.В.* История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С.20.

Проблемы Северного Кавказа и использование сепаратистами по существу террористических методов тоже уходят в глубину веков[1].

Шестидесятые — начало восьмидесятых годов XX века в России были относительно спокойными с точки зрения терроризма и остроты кавказской проблемы. Годы перестройки, а особенно реформ ознаменовались обнажением и обострением всех проблем, включая указанные.

В Уголовный кодекс РСФСР, как уже отмечалось, стали вводиться статьи о действиях, которые ранее не обнаруживали себя в России, но были распространены в мире. Это — терроризм, захват заложников, похищение человека, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и др. После начала реформ число таких зарегистрированных преступлений все время нарастало (табл. 131).

Правда, изучение уголовных дел, рассмотренных судами и приостановленных, дает основание полагать, что далеко не в единичных случаях встречалась при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел неточная правовая оценка событий и, в частности, отнесения к терроризму того, что им, строго говоря, не является[2]: умышленного убийства, посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов, вооруженный мятеж и др.

Таблица 131

Динамика зарегистрированного числа преступлений террористической направленности, и выявленных лиц, совершивших эти преступления в 1993 -95 гг. в России

Преступления — ст. ст. УК РСФСР	Зарегистрировано преступлений в течение года				Выявлено лиц, совершивших преступления			
	Годы				Годы			
	1993	1994	1995	1996	1993	1994	1995	1996
Террористический акт - ст. 66	нет данных		1	0	нет данных		0	0
Террористический акт против представителя иностранного государства -ст. 67	нет данных		0	0	нет данных		0	0
Терроризм - ст. 213[3]	Статьи не было	18	46	36	Статьи не было	0	11	4
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма - ст. 213[4]		331	1 035	1 118		26	235	272
Захват заложников - ст. 126[1]	51	118	113	99		93	88	62
Итого	51	467	1 194	1 253		119	334	338

[1] См. : *Казаков Р.Ю.* Организованный терроризм, как средство достижения политических и экономических целей, в ретроспективе // Организованный терроризм и организованная преступностью М., 2002.

[2] См.: *Устинов В.В.* Особенности социально-правовой характеристики преступлений террористического характера и проблемы их квалификации // Следственная практика. № 3 (157). 2002.

Вторая половина девяностых годов XX века и начало XXI века характеризовались более интенсивным возрастанием числа зарегистрированных преступлений террористического характера (табл. 132).

Таблица 132

Динамика числа зарегистрированных преступлений террористического характера и выявленных лиц, совершивших эти преступления в 1997 -2001 годах в России

Преступления — статьи УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	Годы					Годы				
	1997	1998	1999	2000	2001	1997	1998	1999	2000	2001
Терроризм - ст. 205	32	21	20	135	327	10	7	0	24	40
Захват заложника — ст. 206	114	69	64	49	32	112	57	32	29	31
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма — ст. 207	1 386	2 002	3 462	4 035	5 323	288	332	517	608	581
Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем — ст. 208	9	2	9	340	165	9	5	6	189	109
Посягательство на жизнь госуд. или обществен. деятеля - ст. 277	3	3	2	4	2	0	1	0	10	0
Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой - ст. 360	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого	1 544	2 097	3 557	4563	5 849	419	402	555	860	761

Судя по статистическим данным, в начале XXI века существенно снизилось общее число зарегистрированных фактов захвата заложников, организации незаконных вооруженных формирований и участия в них. Это можно оценить как один из результатов активных террористических действий на Северном Кавказе в 1999—2001 годах. В то же время возрастало число фактов терроризма, а также размеры их разрушительных последствий[1].

[1] В Южном федеральном округе в 2001 г. имели место 322 зарегистрированных фактов терроризма из 327 зарегистрированных в России, 163 из 165 фактов организации незаконных вооруженных формирований, все случаи посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (2). За 9 мес. 2002 г. в Южном федеральном округе было зарегистрировано 233 фактов терроризма, в Чеченской республике –134.

В целом тактика преступников в 2001—2002 годах в Чеченской Республике характеризовалась переходом к периодическим обстрелам подразделений, блокпостов и других объектов федеральных сил, а также подготовкой к проведению вооруженных акций в населенных пунктах. Практически ежедневно боевиками минировались дороги, подрывались бронетехника и автотранспорт.

Отдельные преступления террористического характера (преимущественно заведомо ложное сообщение об акте терроризма) совершались и в других федеральных округах .

В то же время при оценке статистических данных следует иметь в виду их неполноту, в том числе за счет того, что сведения о преступлениях, расследованных органами ФСБ, не включались в единые статистические отчеты, формируемые ГИЦ МВД. Изучение аналитических материалов различных правоохранительных органов, спецслужб, конкретных документов показывали, что 2001 — 2002 годы в России характеризовались весьма сложной криминальной обстановкой, высокой степенью вооруженности, организованности и агрессивности преступников, использующих террористические методы.

Криминологическое изучение конкретных материалов и уголовных дел, показывает, что, с одной стороны, регистрируются практически все факты взрывов, поджогов, с другой — сомнительна оценка всех данных фактов как преступлений террористического характера. Значительная часть преступлений остается нераскрытой, а для точной юридической квалификации важна субъективная сторона деяния. Но сомнительна оценка как террористических части даже раскрытых преступлений. Деяния террористического характера, во-первых, по объективной стороне бывают сходны с целом рядом иных запрещенных уголовным законом деяний: диверсией, умышленным убийством, совершенным общеопасным способом, уничтожением имущества, совершенным таким же способом, и иными; во-вторых, они иногда служат способом совершения многих иных преступлений. В соответствии со ст. 63 УК РФ совершения преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств рассматривается как отягчающее наказание обстоятельство при совершении многих преступлений, в том числе и вооруженного мятежа, ведения агрессивной войны.

Констатировалась несомненная активизация борьбы с терроризмом и более успешное расследование уголовных дел, направление большего их количества в суд. В то же время нельзя было уходить от того факта, что в 1997—2001 году в 3,9 раз возрос общий вал

преступлений террористического характера, уголовные дела о которых находились в производстве на начало отчетного периода или зарегистрированы в отчетном периоде. А по терроризму, предусмотренному ст. 205 УК РФ, увеличение произошло в 9 раз.

Одновременно количество всех преступлений террористического характера, дела, материалы, протокольные производства о которых закончены расследованием либо разрешены в отчетном году, в 2001 году почти в пять раз было ниже количества тех, следствие по которым в отчетном году было приостановлено за нерозыском или неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых.

Существенные различия в числе зарегистрированных фактов и выявленных, привлеченных к уголовной ответственности, а также числе осужденных отчасти моли быть связаны не только с тем, что раскрывается в среднем не более 15 % фактов терроризма, но и гибелью исполнителей террористических акций в ходе антитеррористической деятельности. Точное число погибших исполнителей установить не представлялось возможным, но о примерном соотношении числа задержанных и погибших можно судить по следующей выдержке из аналитической записки прокуратуры Чеченской республики: «на территории ЧР проведено 1 115 специальных операций и адресных проверок. В результате их проведения изъято 416 гранатометов, 2 331 единица стрелкового оружия, 1 069 тыс. патронов, 1 246 кг взрывчатых веществ, 1 370 кг наркотиков, более 1000 тонн ГСМ. Уничтожено 508 участников НВФ, 488 схронов, 12 221 минизавод по переработке сырой нефти. Обезврежено 342 СВУ. Задержано 848 участников НВФ». Итак, удалось задержать 848 участников незаконных вооруженных формирований и погибли 508 таких участников, т.е. более чем каждый третий.

Террористы выбирают скрытые способы совершения преступлений, и, как правило, используют взрывные дистанционные устройства. В то же время не все сотрудники правоохранительных органов бывают оснащены необходимыми техническими средствами, в том числе даже средствами автоматического определения номера абонента по каналам "02"[1].

---

[1] Более 70 % заведомо ложных сообщений об акте терроризма поступают в дежурные части органов внутренних дел от анонимов по каналам телефонной связи. Лишь незначительная часть сообщений адресована непосредственно должностным лицам объектов ложного посягательства. В то же время органами прокуратуры вскрывались нарушения учетно-регистрационной дисциплины, факты фальсификации служебной документации, когда вместо анонимного сообщения по телефону «о заминировании объекта» в журнал учёта информации ОВД вносились сообщения о нахождении «подозрительного предмета» и без выезда на место происшествия делалась отметка в журнале: «звонок ложный». Выявлялись факты незаконного отказа в возбуждении уголовных дел данной категории и прекращения уголовных дел. В некоторых случаях действия виновных необоснованно квалифицировались не по ст. 207 УК, а по ч.1 ст. 213 УК РФ (хулиганство).

Террористическая деятельность, носящая высокоорганизованный характер, включает проведение разведывательных и контрразведывательных мероприятий: преступники бывают хорошо осведомлены о методах и тактике работы правоохранительных органов, получают информацию о ходе расследования уголовных дел. Ими оказывается воздействие на свидетелей, уничтожаются вещественные доказательства и т.д.

Терроризм в Чеченской Республике органически связан с наемничеством, незаконным пересечением государственной границы, оборотом наркотиков и другими преступлениями, в том числе против основ конституционного строя и безопасности государства.

Прокуратура Чеченской Республики организовала опрос представителей всех правоохранительных органов, спецслужб[1]. Результаты их опроса поражают практически едиными оценками того, что сейчас там происходит. По данным опроса, в составе незаконных вооруженных формирований воюют на основе наемничества и граждане России, и иностранцы из так называемого «дальнего» зарубежья, и из государств — бывших союзных республик СССР (табл. 133).

Одновременно опрошенные указали на преимущественно молодой состав таких формирований, наличия в них немалого числа ранее судимых лиц или характеризовавшихся криминологическим рецидивом.

В целом создается картина осуществления на территории Чеченской Республики и прилегающих регионах Южного федерального округа организованной преступной деятельности и корыстно ориентированных лиц, и не находящих себе достойного выхода из складывавшихся для них экстремальных условий, и других.

При анализе причин терроризма важен анализ мотивов субъектов террористических деяний, за которыми можно увидеть сформировавшие их обстоятельства и те проблемы, которые решаются указанными субъектами таким специфическим способом. В криминологии установлено, что мотивация и ее формирование — сфера действия причин, принятие решения и его исполнение — в большей мере или преимущественно сфера влияния условий.

Исследования показывают, что мотивация организаторов и рядовых исполнителей террористических актов, их криминологические характеристики, как правило, существенно различаются.

---

[1] Анкеты разрабатывались в отделе проблем борьбы с организованной преступностью и терроризмом НИИ проблем укрепления законности и правопорядка.

Таблица 133

Ответы на вопрос: «Не можете ли Вы охарактеризовать состав террористических формирований?» (в % от каждой категории опрошенных)

Ответы	Сотрудники прокуратуры	Сотрудники органов МВД	Сотрудники УФСБ	Сотрудники ФСНП	Все сотрудники в ЧР	Эксперты ЮФО
По гражданству и месту жительства						
Местные жители коренной национальности того региона, в котором функционируют эти формирования	39	42	49	12	38	23
Местные жители, независимо от национальной принадлежности, того региона, в котором функционируют эти формирования	38	33	34	22	33	26
Приезжие-граждане России, включающиеся в террористические формирования на основе наемничества	30	35	37	31	33	30
Приезжие—граждане России, включающиеся в террористические формирования на вынужденной основе	7	5	0	2	5	5
Приезжие—иностранцы из бывших союзных республик СССР, включающиеся в террористические формирования на основе наемничества	23	25	27	27	25	20
Приезжие—иностранцы из бывших союзных республик СССР, включающиеся в террористические формирования на вынужденной основе	5	8	7	10	7	5
Приезжие—иностранцы из «дальнего» зарубежья, включающиеся в террористические формирования на основе наемничества	23	29	27	27	27	16
Приезжие—иностранцы из «дальнего» зарубежья, включающиеся в террористические формирования на вынужденной основе	4	2	0	2	3	2
Дезертиры из воинских подразделений (вынужденные)	6	19	5	12	13	4
Дезертиры из воинских подразделений (инициативные)	7	19	10	14	14	2
По возрасту						
До 14 лет	4	2	5	0	3	3
14-17 лет	19	35	15	4	25	5
18-24 лет	42	51	66	33	47	30
25-30 лет	50	51	46	39	49	44
30-40 лет	27	19	20	10	20	22
Старше 40 лет	7	12	5	4	9	6
По характеру прежнего поведения						
Ранее судимые за совершение преступлений неоднократно	26	35	32	25	31	20
Ранее совершавшие преступления систематически, но несудимые	44	38	46	33	40	32
Совершавшие разовые преступления и судимые	12	8	10	6	9	14
Совершавшие разовые преступления и несудимые	15	10	32	8	13	14

Рядовые исполнители — это нередко лица, выросшие в отрыве от цивилизации, зависящие от мнения своей контактной среды (тейпа), не имеющие специальности, действующие ради удовлетворения самых примитивных, нередко общественно недопустимых потребностей (в наркотиках и т.п.), часть из них бывает жестко запрограммирована на враждебное отношение к «не своим», часть — глубоко деморализована. Так, при характеристике участников организованных преступных формирований в Чеченской Республике из опрошенных сотрудников разных правоохранительных органов и спецслужб указывали на присутствие там лиц, злоупотребляющих наркотиками от 27 до 43 %, на злоупотребляющих алкоголем — от 10 до 16 %, на увлекающихся азартными играми — от 3 до 9 %.

В среднем более 40 % опрошенных экспертов — сотрудников правоохранительных органов Южного федерального округа и в Чеченской республике, полагало, что в основе мотивации лидеров формирований, совершающих преступления террористической направленности, лежит обеспечение криминального предпринимательства, приносящего доходы и обеспечивающего власть. 26 % сотрудников федеральных правоохранительных органов и спецслужб, несших службу в Чеченской республике, связывали деятельность указанных лидеров со стремлением к созданию самостоятельного государства и самостоятельному решению вопросов государственной и иной политики в рамках национальных традиций и обычаев – уходом от контроля федеральной власти; 23 % — с осознанием лидерами неотвратимости ответственности за содеянное и стремление уйти от нее, сохранив преступные доходы и привычный образ жизни; 21 % опрошенных — со стремлением к сепаратизму и объединению с исламским миром. в среднем; 14 % — с использованием терроризма данными субъектами преимущественно как демонстрации власти и сохранения своего «лица» (табл. 134).

«Террористическая деятельность организованных преступных формирований обеспечивается как внешними, так и внутренними источниками финансирования. Анализ действий организованных формирований в Чеченской Республике свидетельствует о том, что они все в большей степени служат проявлениями «коммерческой войны», а идеологический аспект отходит на второй план», — отмечают сотрудники прокуратуры Чеченской Республики[1]. Речь идет не

---

[1] *Костюченко Н.П., Паненков А.А.* Пресечение финансирования террористической деятельности как важное направление борьбы с терроризмом//Следственная практика. № 3. 2002. Фридинский С.Н. О ситуации в Северокавказском регионе// Закономерности преступности, стратегия борьбы м закон. М., 2001. С. 127-136.

просто о наличии соответствующих мотивов, но и прямом сотрудничестве с гражданами, подданными иностранных государств, получении финансовой поддержки из-за рубежа.

Таблица 134

Ответы на вопрос: «Какие основные обстоятельства лежат в основе организованного терроризма, если судить по той информации, которой Вы располагаете?» (% от общего числа каждой категории опрошенных)

Ответы	Сотрудники, опрошенные в Чеченской Республике:				
	прокуратуры	органов МВД	УФСБ	ФСНП	все в ЧР
Применительно к лидерам организованных формирований					
Стремление лидеров организованных формирований к сепаратизму и объединению с исламским миром	22	23	27	8	21
Стремление лидеров организованных формирований к созданию самостоятельного государства и самостоятельному решению вопросов государственной и иной политики в рамках национальных традиций и обычаев	27	29	22	18	26
Осознание неотвратимости ответственности за содеянное и стремление уйти от нее, сохранив преступные доходы и привычный образ жизни	23	21	27	26	23
Использование терроризма преимущественно как «криминального предпринимательства», приносящего доходы и обеспечивающего власть	36	42	45	49	41
Использование терроризма преимущественно в качестве демонстрации власти и «сохранения лица».	18	10	20	16	14
Применительно к рядовым членам организованных формирований					
Участие в организациях и террористических актах во имя «победы» ислама в разных его вариантах	18	20	27	2	18
Участие в организациях и террористических актах во имя сохранения национальных обычаев, традиций тейпов	10	3	12	10	7
Участие в организациях и террористических актах в силу того, что выросли в военных условиях, ничего больше не умеют делать и считают свои действия единственно для себя возможными, оправданными	27	36	42	35	34
Участие в организациях и террористических акциях в силу семейных, тейповых влияний	15	6	10	0	8
Рассматривают это как единственный источник доходов	49	28	49	37	37
Боятся ответственности за отказ от участия в преступных организациях и террористических акциях	18	15	22	16	16

В связи с изложенным возникает вопросы: укладываются ли все указанные деяния только в рамки терроризма? Как же следует оценивать ситуацию, когда на территории суверенного государства

воюют иностранцы, руководят вооруженными формированиями иностранцы, финансируемые за счет зарубежных средств разного происхождения и ими это делается во имя отторжения территории, нарушения территориальной целостности Российской Федерации?

§ 5. Терроризм и агрессия

Зарубежными авторами была высказана точка зрения, что терроризм — один из «четырех «идеальных» типов стратегий, посредством которых группа, находящаяся не у власти, может вызвать насильственные социальные изменения. Другие три — это государственный переворот, восстание и партизанская война»[1]. Рассуждение ведется в рамках понимания терроризма как способа решения внутренних для государства политических задач. Однако и здесь разграничение стратегий не выглядит корректным. Террористические преступления могут совершаться в рамках и государственного переворота, и восстания, и партизанской войны. Истории такие случаи известны.

Но как быть с тем, что организаторами терроризма выступают иностранные субъекты. В докладе Генерального секретаря ООН на YIII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1990 г. говорилось: «Международный терроризм можно охарактеризовать как террористические акты, при совершении которых исполнители (или исполнитель), планируя свои действия, получают руководящие указания, приезжают из других стран, спасаются бегством или ищут убежища, или получают помощь в любой форме не в той стране или странах, в которых совершаются эти действия»[2].

В статье 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» говорится: «международная террористическая деятельность — террористическая деятельность, осуществляемая: 1) террористом или террористической организацией на территории более чем одного государства или наносящая ущерб интересам более чем одного государства; 2) гражданами одного государства в отношении граждан другого государства или на территории другого государства; 3) в случае, когда как террорист, так и жертва терроризма являются гражданами одного и того же государства или разных государств, но преступление совершено за пределами территорий этих государств».

---

[1] *Thackrah R.* Terrorism: A Definitional Problem// Contemporary Research on Terrorism. Edited by Paul Wilkinson and Alasdair M. Stewabt. Aberdeen University Press. Aberdeen, 1989. P. 31.

[2] См.: *Морозов Г.И.* Терроризм — преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения):2-е изд. М., 2001. С. 48.

В последнее время стал использоваться новый термин: «гипертерроризм».

Существует точка зрения, что «международный терроризм может быть определен как акт насилия или кампания насилия, проводимая за пределами признанных правил и процедур международной дипломатии и войны»[1]. Международный терроризм при таком подходе — нечто среднее между международной дипломатией и войной. Но представляется, что совершенно прав И.И. Карпец: «Мы ныне привыкли к термину «государственный терроризм»... Для юриста же понятнее термин «агрессия», то есть нападение одного государства на другое».[2]

Если обратиться к термину «агрессия», то можно увидеть, что ООН в Резолюции 14 декабря 1974 года отметила следующее: «Агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении». В соответствии со ст. 3 Резолюции «Любое из следующих действий, независимо от объявления войны, с учетом и в соответствии с положениями статьи 2, будет квалифицироваться в качестве акта агрессии:

....f) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

g) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп и регулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них».

Согласно статье 4 «Вышеприведенный перечень актов не является исчерпывающим, и Совет Безопасности может определить, что другие акты представляют собой агрессию согласно положениям Устава». При этом ООН отметила в той же резолюции: «считая также, что, поскольку агрессия является наиболее серьезной и опасной формой незаконного применения силы, таящей в себе в условиях существования различных видов оружия массового уничтожения возможную угрозу мирового конфликта со всеми его катастрофиче-

---

[1] *Brian M. Jenkins.* International Terrorism: A New Mode of Conflict. Research Paper 48. California Seminar on Arm Control and Foreign Policy/Crescent Publications. Los Angeles, California, 1974.P. 1.
[2] *Карпец И.И.* Международная преступность. М.. 1988. С. 65

скими последствиями, на данной стадии следует дать определение агрессии, вновь подтверждая обязанность государств не использовать вооруженную силу в целях лишения народов их права на самоопределение, свободу и независимость или нарушения территориальной неприкосновенности».

Возникает вопрос — и он поднимается на форумах специалистов—почему мы сейчас заговорили о терроризме как угрозе №1. Наиболее опасной формой насилия, по определению ООН, является агрессия — использование вооруженной силы в целях в том числе нарушения территориальной неприкосновенности государств, и именно она остается угрозой №1.

Террористические акции в разных государствах все чаще, во всяком случаев, внешне, выглядят как результат деятельности неких международных и зарубежных преступных организаций. Но так ли это? Что собой представляют сами эти организации: кто из создает, финансирует, чьи замыслы они реализуют. Требуется более глубокий анализ и он может вывести на деятельность спецслужб зарубежных государств. В опубликованном в средствах массовой информации 3 сентября 1996 г. документе говорилось, что в апреле-мае 1996 г. административными структурами ряда стран при объединяющей руководящей роли ЦРУ США была проделана немалая работа в области «реализации интересов Запада в кавказском регионе. Было решено, что дальнейшая координация действий в этой части возлагается на Совет национальной безопасности Турции, к которому прикомандировываются «специалисты по Кавказу» из США, Англии и ФРГ[1].

Как отмечал Президент Российской Федерации В.В. Путин, установлен факт связи между некоторыми международными террористами, которые действуют на территории Чечни, с международными преступными террористическими организациями, и в том числе с

---

[1] *Устинов В.В.* Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. М., 2002. С. 531 . В официальной информации, обнародованной СМИ 25-26 июня 2002 года, отмечается, что захвачены документы Масхадова, из которых ясно видна его связь с международными, зарубежными организациями: «В бандитской бухгалтерской книге отмечено, сколько денег давали на войну различные поддерживающие террористов организации. Так, в разеделе «приход» значатся: «Общество Катар» — 815 518 долларов, «Кавказский чеченский комитет в Стамбуле» — 775 000 долларов, «Кавказский чеченский комитет в Анкаре» — 902 000 долларов, «Чеченский комитет в Иордании»—116000 долларов, «От граждан Турции» — 780 000 долларов...., находящийся в международном розыске Зелимхан Яндарбиев дал на терроризм 50 000 долларов». Он в последнее время часто появлялся в Пакистане. Аслану Масхадову свидетельствовал поддержку председатель германо-кавказского общества Эккерхард Масс. В своем послании от 12 февраля 2002 года он свидетельствовал, что эта организация поддерживает чеченский народ с борьбе за независимость, указывались фамилии известных немецких политиков, к которым можно обращаться. (Масхадову пути нет// Российская газета/ 26 июня 2002).

«Аль-Каидой» бен Ладена. Только наемников из арабских стран в Чечне уничтожено на данный момент около 500 человек. Список достоверно установленных наемников составлял свыше 100 человек, еще 300 с лишним — устанавливаются. В 2001 г. в Чеченской Республике находились от 500 до 700 человек наемников из различных исламских государств. Это люди фактически из одной организации. Они готовились в одних и тех же террористических центрах и считают Бен Ладена своим учителем. Он их готовил на своих базах в Афганистане. Бен Ладен в свое время воевал против советских войск в Афганистане и, по сообщениям СМИ, был связан с разведслужбой США.

В 1996 -1999 гг., когда Россия фактически ушла с территории Чечни, там было подготовлено, по самым скромным подсчетам, свыше двух тысяч бандитов, боевиков, которые позднее принимали участие в боевых действиях в других горячих точках планеты: в Косово, в Кашмире, в Судане и в Афганистане. По сути, это — одна система, одна сеть, это одни и те же люди, прекрасно знающие друг друга, имеющие одни и те же источники финансирования[1].

Определение ООН агрессии предусматривает в качестве субъекта агрессии только государство или группы государств. Если мы выйдем на деятельность иностранных государств, значит речь должна идти об агрессии. Но не исключено другое: меняются формы и механизмы агрессии в современном мире: иностранные государства могут действовать не так открыто, как прежде, а через многочисленные организации, происхождение и финансирование которых бывает строго законспирировано.

В связи с изложенным целесообразно обсудить пути решения проблемы в современных условиях.

Один из них состоит в том, что стоило бы расширить перечень субъектов агрессии за счет крупных организаций, агрессивная по сути деятельность которых распространяется на суверенные государства.

Второй путь: проводить тщательное изучение соответствующих организаций и определять их создателей, субъектов финансирования, тех, чьи интересы они реализуют. Последнее возможно, разумеется, только при условии тесного международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и агрессией.

Говорить о международном сотрудничестве, таким образом, важно и необходимо. Но следует тщательно разбираться в ситуации

---

[1]Стенограмма встречи Президента Российской Федерации В.В. Путина с шеф-корреспондентами московских бюро ведущих американских СМИ 10 ноября 2001 г. Москва, Кремль.// Коммерсантъ. 2001 года. №206. С.7.

и не создавать ситуации псевдосотрудничества с агрессорами, обмена важной информацией с теми, кто организует агрессию, в том числе с использованием терроризма.

Это — те вопросы, которые нуждаются в обстоятельном обсуждении первоначально группой специалистов и в области криминологии, и международного права, и военного права, и политологии, и других.

Изложенное сейчас важно с учетом того, что происходит в Чеченской Республике и даже более широко — на Северном Кавказе.

§ 6. Борьба с терроризмом, права человека и закон

Итак, терроризм, как специфический вид общественно опасных явлений — это совершение общественно опасных деяний в отношении жизни, здоровья людей, прав и законных интересов различных субъектов ради принуждения третьей стороны, у которой такие деяния вызывают страх, ужас, к принятию требуемых террористами решений и действий. Здесь существенно отсутствие конфликта между террористами и их непосредственными жертвами.

Непосредственные жертвы никогда не бывают виноваты в соответствующем поведении террористов, они не характеризуются даже просто виктимным поведением. Акция терроризма при таком понимании последнего не выступает звеном в цепи сложных взаимоотношений между виновными и их непосредственными жертвами. Ни в чем не повинные и не являющиеся участниками отношений террористов и «третьих лиц» граждане и организации, их права и интересы в данном случае выступают в качестве «заложников» принятия нужных террористам решений.

Изложенный подход дает нравственное основание применять самые энергичные средства для пресечения конкретных актов терроризма и освобождения невинных людей, защиты их жизни, здоровья, прав и законных интересов. Использование упомянутых средств в соответствии с общепринятым в праве подходом подлежит рассмотрению в координатах обстоятельств, исключающих преступность деяния, — спасения ни в чем не повинных жертв, избавления мирного населения от страха потери близких или иных потерь.

В то же время всегда необходимо при устранении непосредственной террористической угрозы, анализировать взаимоотношения террористов и третьей стороны, к которой ими предъявляются требования, с тем чтобы выяснить мотивацию террористических акций, понять их причины, условия, выявить субъектов, виновных в создании ситуации терроризма и принять к ним адекватные правовые меры. Без этого не может быть эффективной борьбы с терроризмом.

Во взаимодействии террористов и «третьей стороны» нередко усматриваются порождающие преступное поведение моменты, в создании и обострении которых бывают в различной степени виноваты террористы и «третья сторона», либо даже преимущественно последняя. В частности, она может создавать невыносимые для жизнедеятельности определенных слоев населения условия, в которых такие слои, группы, их представители не видят иного выхода для обозначения и отстаивания своих прав и законных интересов. В том числе права на жизнь, — тем более достойную.

Однако — и это важно признавать — посягательства на жизнь и иные криминальные деяния в отношении людей, не виноватых в поведении третьей стороны, — это всегда преступления, которые нельзя оправдывать. Терроризм — один из самых подлых способов борьбы. Он заключается в использовании в качестве средств достижения цели наиболее опасных форм насилия.

«Третьей стороной» могут быть самые разные субъекты: международные институты, государства, политические партии, иные общественные объединения, население в целом государства или меньшей территории, различные государственные институты, политические или общественные деятели. Например, вполне подпадает под то понимание терроризма, которое изложено ранее, запугивание населения в целях обеспечения определенной модели его поведения путем применения показательного насилия к отдельным лицам.

В то же время от терроризма следует отличать такие факты применения насилия в рамках вооруженного или иного конфликта двух сторон, когда представители одной конфликтующей стороны причиняют вред представителям другой стороны, активно участвующим в конфликте. При терроризме жертвы никогда не участвуют в конфликте террористов и «третьей стороны», как правило, даже не ведают о таком конфликте.

Субъектами выдвижения требования к третьей стороне преимущественно являются вовсе не исполнители конкретных преступлений террористического характера, а их организаторы. Исполнители могут вообще не знать о конкретизированных требованиях и нередко погибают при совершении взрывов или иных террористических акций. В крайнем случае, они лишь озвучивают соответствующие требования. Исключением, разумеются, являются редкие случаи совершения актов терроризма одиночками.

Организаторами террористический акций требования или формулируются при каждом террористическом акте, или выдвигаются в какой-то один момент, а серия террористических актов рассматривается как убедительное подтверждение соответствующих требова-

ний и угроз. В таких случаях просто объявляется, что «ответственность на себя берет» такой-то субъект (коллективный или индивидуальный).

Важно с позиции обозначенного понимания отнести терроризм в законодательстве России к числу преступлений против мира и безопасности человечества[1] со всеми вытекающими из этого правовыми последствиями, включая неприменение сроков давности. Это важно в условиях, когда терроризм принял международный характер и число жертв террористических акций бывает настолько велико, что практически не поддается точному учету.

Изложенное приобретает особенное значение в настоящее время, когда на рубеже веков терроризмом стала прикрываться фактически военная агрессия одних государств в отношении других при вуалировании истинных субъектов такой агрессии. Вина в таких случаях часто возлагается на различные общественные организации религиозного, иного экстремистского толка, хотя лидеры таких организаций готовятся спецслужбами различных государств и ими же контролируются. Важно разграничивать истинный терроризм и квазитерроризм, за которым скрываются другие самые опасные преступления против мира и безопасности человечества.

За терроризмом, как методом решения разных задач, важно видеть мотивацию, анализировать причины и другие обстоятельства его использования.

В ст. 5 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» говорится, что «борьба с терроризмом в Российской Федерации осуществляется в целях: 1) защиты личности, общества и государства от терроризма; 2) предупреждения, выявления, пресечения террористической деятельности и минимизации ее последствий; 3) выявления и устранения причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности». Следовало бы сделать акцент также на выявлении и устранении причин и условий, определяющих мотивацию и принятие решений о террористической деятельности. Пока же в указанном Законе говорится только о причинах и условиях, способствующих ее осуществлению.

---

[1] Если проанализировать выделенный в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» круг преступлений террористического характера, то среди них имеются направленные против: мира и безопасности человечества (нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой — ст. 360 УК РФ); основ конституционного строя и безопасности государства (посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля— ст. 277 УК РФ); общественной безопасности (терроризм — ст. 205 УК РФ, захват заложника — ст. 206 УК РФ, заведомо ложное сообщение об акте терроризма — ст. 207 УК РФ, организация незаконного вооруженного формирования либо участие в нем —ст. 208 УК РФ).

Когда внимание сосредоточивается на борьбе именно с терроризмом, уходят в тень такие обстоятельства, порождающие и стимулирующие его, как безжалостная экономическая эксплуатация одних субъектов другими, «экономические войны», ограбление народов в результате широкомасштабной экономической преступной деятельности и их отчуждение от общечеловеческих ценностей и достижений мировой цивилизации; преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, против правосудия; коррупция; обеспечение преступными средствами мирового или локального господства; разжигание религиозной, национальной и иной вражды, ненависти; игнорирование общечеловеческих ценностей, попрание охраняемых законом прав человека. И создается иллюзия, будто можно покончить с терроризмом в условиях сохранения указанных явлений.

Ситуации, связанные с терроризмом обостряются, при разрушении режима законности; нарушении принципов демократии, когда государственные органы и деятели не считают себя обязанными заботиться о нуждах большинства населения, ориентированы исключительно на обслуживание так называемой «элиты» и ангажированы ею; при «самоизоляции» находящихся в трудных условиях социальных групп, их отчуждении от культурной среды, образования, ценностей цивилизации. Большое значение имеют знание, умение и решимость людей использовать правовые рычаги для изменения своего бедственного положения, уверенность в том, что законные средства будут эффективными и виновные в нарушении закона понесут наказание.

Борьбу с терроризмом, включающую предупреждение в качестве приоритетного ее направления, следует переносить на более ранние рубежи, а значимые в правовом отношении ситуации терроризма рассматривать в значительно более широких пространственно-временных границах, нежели конкретные ситуации закладывания взрывчатки, подрыва зданий, сооружений, захвата заложников и т.п.

С этой точки зрения особенно значима криминологическая экспертиза проектов социально-экономических преобразований, различных нормативно-правовых документов. Она может помочь предотвратить развитие ситуации, способной детерминировать терроризм или иные виды криминальных способов решения проблем.

В современных российских условиях всесторонний, глубокий анализ ситуации каждой террористической акции имеет непосредственное практическое значение.

Между тем, после принятия нового УПК РФ трудно дать однозначный ответ на вопрос, как быть с террористическими акциями, в

ходе которых гибнут «камикадзе»: отказывать в возбуждении уголовного дела на основании пункта 4 части первой статьи 24 УПК РФ или возбуждать дело? Пункт 4 части первой статьи 24 УПК РФ предусматривает, что уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению в случае смерти подозреваемого или обвиняемого, за исключением лишь тех случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего. В соответствии с частью первой статьи 148 УПК РФ отказ в возбуждении уголовного дела допускается в отношении конкретного лица только по основанию, предусмотренному пунктом 2 части первой статьи 24 настоящего Кодекса, то есть за отсутствием в деянии состава преступления. Такого рода нормы могут давать основания для острой дискуссии сторон обвинения и защиты, в том числе по делам о терроризме, когда террорист погибает при взрыве или задержании. Невозбуждение уголовного дела в таких случаях на руку организаторам террористических актов. При наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления террористического характера, крайне важно обязательно возбуждать уголовное дело по признакам такого преступления. Без этого нельзя установить организаторов и других соучастников соответствующего преступления, а также обстоятельства, порождающие акт терроризма.

Большое значение имеют знание, умение и решимость использовать правовые рычаги для изменения бедственного положения, уверенность в том, что законные средства будут эффективными. Важно обеспечивать реагирование в рамках правового поля и не отвечать на терроризм действиями террористического характера, в ходе которых причиняется вред не самим террористам, а невинным людям, в том числе родным и близким террористов.

Разумеется, накал антитеррористических операций бывает таким, что случаются непредвиденные жертвы и вынужденное причинение вреда. Во всех без исключения случаях важно анализировать последствия соответствующих операций, государственным органам оценивать и возмещать вред в соответствии с нормами гражданского законодательства. Для этого в России существует определенная правовая основа.

Вред, причиняемый при проведении контртеррористической операции можно трактовать в рамках указанного в статье 17 данного Федерального закона вреда. Но такой подход может быть и оспорен. Поэтому целесообразно дополнить статью 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» указанием на то, что подлежит возмещению также вред, причиненный в результате контртеррористи-

ческой операции , причем за счет средств бюджета Российской Федерации. Борьбу с терроризмом ведут федеральные органы. В настоящее время такого прямого указания статья 17 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» не содержит. Частично это отражает и ее название: «Возмещение вреда, причиненного в результате террористической акции»[1]. Между тем, понятия «террористическая акция» и «контртеррористическая операция» в Законе четко разграничиваются. В соответствии со ст. 3 указанного Закона «контртеррористическая операция — специальные мероприятия, направленные на пресечение террористической акции, обеспечение безопасности физических лиц, обезвреживание террористов, а также на минимизацию последствий террористической акции».

Без создания эффективной правовой базы борьбы с организованным терроризмом, как и организованной преступностью вообще, не удастся обеспечить устойчивость, необратимость результата, достигнутого при реагирования на отдельные террористические акции.

В этих условиях особое значение приобретает международное сотрудничество. Однако такое сотрудничество важно базировать на разработке конкретных документов и акций высокопрофессиональными специалистами. Принятие политических решений должно основываться на выводах профессионалов. Только это позволяет рассматривать проблему во всей ее полноте и сложности, не уходить от

---

[1] Статья 17 предусматривает: «1. Возмещение вреда, причиненного в результате террористической акции, производится за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, на территории которого совершена эта террористическая акция, с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда в порядке, установленном гражданско-процессуальным законодательством. 2. Возмещение вреда, причиненного в результате террористической акции, совершенной на территориях нескольких субъектов Российской Федерации, а также возмещение ущерба, причиненного одному субъекту Российской Федерации и превышающего возможности компенсации из бюджета данного субъекта Российской Федерации, производится за счет средств федерального бюджета с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда в порядке, установленном гражданско-процессуальным законодательством. 3. Возмещение вреда, причиненного иностранным гражданам в результате террористической акции, совершенной на территории Российской Федерации, производится за счет средств федерального бюджета с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителя вреда. 4. Возмещение вреда, причиненного организации в результате террористической акции, производится в порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации». Статья 18 «Социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате террористической акции» гласит: 1. Социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате террористической акции, проводится в целях их возвращения к нормальной жизни, включает в себя правовую помощь указанным лицам, их психологическую, медицинскую, профессиональную реабилитацию, трудоустройство вплоть до восстановления на работе, предоставление им жилья. 2. Социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате террористической акции, а также лиц, перечисленных в статье 19 настоящего Федерального закона, производится за счет средств федерального бюджета и средств бюджета субъекта Российской Федерации, на территории которого совершена эта террористическая акция. 3. Порядок осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших от террористической акции, определяется Правительством Российской Федерации».

сложных вопросов и оптимально выстраивать иерархию охраняемых правом ценностей в случаях их конфликта.

Одной из проблемных ситуаций является решение вопроса о борьбе с терроризмом в свете обеспечения прав человека, в частности, права на жизнь. В ситуации терроризма право на жизнь имеют все субъекты: и террористы, и их жертвы, и участники контртеррористической операции. Как же решать эту проблему? Недопустимо, как это делают иные участники международных форумов, в общей форме заявлять, что одновременно следует и энергично пресекать террористические акции, и соблюдать права человека, не конкретизируя способы совмещения решения этих проблем.

Если обратиться к законодательству России, то террористические акции — это те ситуация, которые подпадают под действие части третьей статьи 55 Конституции РФ. Соответственно, допустимо ограничение прав и законных интересов террористов во имя обеспечения прав и законных интересов их жертв. Что касается участников антитеррористических операций, то, с одной стороны, защита их прав и законных интересов тоже является приоритетной задачей в ситуации, когда на эти права и интересы посягают террористы. С другой стороны, причинение вреда участниками антитеррористических операций охраняемым законом интересам и правам других субъектов допускаются только в условиях крайней необходимости и при других обстоятельствах, исключающих уголовную и иную правовую ответственность. Статья 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» предусматривает, что контртеррористическая операция направлена на обеспечение безопасности физических лиц, а также на минимизацию последствий террористической акции.

Следует согласиться со следующими словами С.А. Гончарова — Президента ассоциации ветеранов подразделения антитеррора «Альфа»: «... правозащитники существуют и могут бороться за свое дело только потому, что есть государство, которое защищает права человека от озверевших террористов».

Предлагаемые понимание терроризма и модель реагирования связаны с использованием исключительно правоохранительных структур в борьбе с ними, но не армии. В то же время использование армии в Чеченской Республике, Республике Дагестан носило и носит вынужденный и необходимый характер. Это связано с тем, что все происходившее и происходящее там нельзя оценить только как терроризм. Регионы Северного Кавказа и более широко — Россия — стали объектом агрессии.

В течение последних десяти лет XX века высшими органами государственной власти России не давалась точная, в том числе пра-

вовая и криминологическая, оценка событий, происходящих на Северном Кавказе и, в частности, в Чеченской республике. Это было частью лукавой, изменчивой политики, крайне отрицательно повлиявшей на понимание сути происходящих на территории Чеченской Республики событий, диагностику ситуации и избрание адекватных ей мер.

Оценки в правовых актах Президента Российской Федерации, Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ давались в разной терминологии. И криминологической — как борьба с преступностью (массовые беспорядки, противоправные насильственные действия, незаконные вооруженные формирования), и военной (вооруженный конфликт, война на территории Чеченской Республики, военнопленные и т.п.).

Между тем, борьба с преступностью и война, как таковая, ведутся в разных правовых режимах. В борьбе с преступностью не бывает военнопленных.

Если в 1991-1994 гг. в основном события в Чеченской республике оценивались в понятиях криминальной ситуации, деятельности незаконных вооруженных формирований и борьбы с ними, то с декабря 1994 г. и по 1998 г. — исключительно в категориях войны и мира. Основная направленность правовых актов данного периода — это уже не борьба с преступностью, незаконными вооруженными формированиями, а прекращение боевых действий. То есть удалось удачно для чеченских сепаратистов сместить акценты с борьбы против незаконных вооруженных формирований на борьбу с самим фактом использования федеральных вооруженных сил. Такое смещение акцентов помогло сепаратистам заключить соглашения и подписать 12 мая 1997 г. Ельцину и Масхадову договор, которым фактически признается независимость Чеченской Республики, становящейся равноправной с Российской Федерацией Чеченской Республикой Ичкерией. После этого было заключено Соглашение между правительствами РФ и Чеченской Республикой Ичкерией, а также между Генеральными прокуратурами (1998 г.).

Такие договоры и соглашения могли бы служить правовой основой признания в качестве войны, а не борьбы с преступностью, событий, происходящих в сентябре 1999 г. — феврале 2000 г., например, как отражение нападения агрессора — Чеченской Республики Ичкерия на Дагестан и, соответственно, «добивания врага в его логове». Но договор не был ратифицирован — его для Федерального Собрания РФ как бы не существовало.

Заслуживает особого внимания позиция Государственной Думы и Совета Федерации РФ в 1999 г. Если в документах Государствен-

ной Думы последовательно употребляются термины «терроризм, незаконные формирования, террористические акты, похищения людей, бандитизм», то в документах Совета Федерации говорится об «акте агрессии», правда, в отношении другого субъекта Российской Федерации, о необходимости, в связи с обострением обстановки на Северном Кавказе, принятия Федерального конституционного закона, регулирующего вопросы изменения статуса субъекта РФ, о принятии пакета нормативных актов, регулирующих взаимоотношения субъектов Федерации, расположенных на Северном Кавказе. Другими словами, политика Федерального высшего органа законодательной власти была недопустимо противоречивой, удачно использованной лидерами сепаратистов[1].

Было бы необходимо в Российском законодательстве более четко определить терроризм, а наиболее опасные криминализированные проявления терроризма отнести к числу преступлений против мира и безопасности человечества, особенно в условиях, когда терроризм все шире используется как средство агрессии и принял международный характер, а разрушительные последствия террористических акций бывают настолько велики, что практически не поддаются точной оценке.

Признаки терроризма как специфического деяния следовало бы отражать в законе с учетом, во-первых, того, что умыслом террориста охватывается причинение смерти лицам, которые захватываются в качестве заложников, находятся вблизи мест взрывов и т.п., во-вторых, создания некоторыми особо опасными проявлениями терроризма угрозы для мира и безопасности человечества.

В частности, статью «Терроризм» целесообразно в связи с этим изложить в иной редакции и поместить в главу 34 УК РФ как статью 361. Диспозицию части первой ст. 361 УК РФ можно изложить в слудющей редакции: «С т а т ь я 361. Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога, захвата заложников, посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, нападения на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, захват судна, несанкционированное проникновение на объекты использования атомной энергии, использования и хранения радиоактивных веществ или иных источников массового поражения, или совершение иных угрожающих миру или безопасности многих людей действий, если эти действия связаны с устрашением населе-

---

[1] См. подробнее: *Долгова А.И., Евланова О.А., Ильин О.С.* Некоторые правовые проблемы оценок событий в Чеченской Республике// Организованный терроризм и организованная преступностью М., 2002.

ния, оказанием воздействия на принятие решений органами власти либо международными организациями...». В числе специфических для терроризма квалифицирующих обстоятельств, указываемых наряду с некоторыми общими, могут быть следующие: совершены международной преступной организацией, повлекли массовое заболевание людей, иные особо тяжкие последствия, а равно сопряженные с применением оружия массового поражения, запрещенного международным договором Российской Федерации, или совершены в целях провокации войны или осложнения международных отношений.

При этом целесообразно сформулировать Примечание к ст. 361 УК РФ о принципах и порядке освобождения от уголовной ответственности и наказания (либо установления значительно более мягкого наказания) лиц, участвовавших в подготовке акта терроризма, если они своевременным предупреждением органов власти или иным образом способствовали предотвращению осуществления акта терроризма и предоставили известную им информацию, важную для предотвращения совершения преступлений в будущем, либо благодаря своевременному сообщению, позволили прекратить преступные действия, избежать гибели людей и причинения тяжкого вреда их здоровью, а также способствовали освобождению заложника, помогли установить других виновных[1].

Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации С.Н. Фридинский среди требующих неотложного решения в Северокавказском регионе проблем обоснованно выделил: эффективное решение общих социально-экономических вопросов; окончательное восстановление законности и правопорядка на территории Чеченской Республики; усиление борьбы с антиконституционной деятельностью исламских экстремистских организаций[2].

---

[1] Более подробные предложения изложены в книге: Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002. С. 104-107.
[2] *Фридинский С.Н.* Указ. соч. С. 127-128.

Вместо заключения или как реагировать на преступность?

Эскалация преступности и криминального общества закономерны для такого состояния общественных отношений, когда одновременно, в системе отмечаются следующие явления:

во-первых, мерой всего оказываются исключительно деньги, материальные ценности, определяющие самые разные стороны жизни (медицинскую и социальную поддержку, межличностные отношения, брак, образование, социальный статус, карьеру и т.п.);

во-вторых, девальвируются ценности цивилизации; человек уничтожается как самостоятельная личность с ее разнообразными потребностно-мотивационными, ценностно-нормативными характеристиками, знаниями и умениями, а оценка людей определяется, прежде всего, размерами их собственности и причастности к верхним слоям пирамиды власти либо способностью оказаться объектом внимания соответствующих собственников и власть предержащих;

в-третьих, признаются допустимыми любые средства во имя обогащения и «пурпура» (по выражению Ювеналия); практически перестают действовать цивилизованные социальные регуляторы поведения людей: нормы морали, права, религии, общественного мнения и другие;

в-четвертых, в рамках закона не происходит обеспечения даже минимального стандарта жизни, да и просто физического выживания человека (платный характер даже необходимых для сохранения жизни операций, получения достойного образования; безработица, бездомность немалой части населения, обездоленность беженцев и вынужденных переселенцев и т.п.);

в-пятых, закон все в большей мере закрепляет соответствующее положение и не обеспечивает наступательности при реагировании на криминальные явления, а также иные негативные социальные отклонения;

в-шестых, информационная система общества в значительной мере служит силе и собственности, а также уничижению жертв социальной несправедливости и преступлений.

Что же делать? Это — вопрос, требующий системного решения различных специалистов. Криминологическая составляющая ответа на него — предмет специальной работы. Здесь лишь отметим некоторые принципиальные положения.

Реагирование общества на преступность всегда включает разные по характеру и направленности типы поведения различных субъектов: резкое непринятие преступности; частичное непринятие или противоречивое отношение к различным криминальным проявлениям и их субъектам; солидарность с теми, кто совершает преступление, их оправдание и даже стремление к подражанию; стремление к компромиссу и в определенных случаях — вступление в сделки с преступниками и др.

В теоретических исследованиях и на практике в рамках реагирования на преступность обосновываются и пропагандируются как идеи борьбы с преступностью, так и «криминальной дипломатии» — компромиссов с криминальной средой, даже прямого «перехода» на сторону тех, кто совершает преступления. При оценке конкретизированных предложений по изменению криминальной ситуации важно всегда точно оценивать суть инициативы.

Принципиальный момент в реагировании на преступность – осознание момента столкновения цивилизации и антицивилизации.

Необходим диалектический учет следующих важных положений:

• Преступность существует и функционирует в контексте широких социальных отношений и одновременно — как относительно самостоятельное явление, способное оказывать широкое влияние — при просчетах борьбы с ней — на общество в целом и разные стороны его жизни. Поэтому важно сочетание и общего, и специального предупреждения.

• Преступность — целостное явление, в котором отдельные ее виды, при всей их специфике, диалектически взаимосвязаны. Поэтому нельзя, например, обеспечить перелом в борьбе с организованной преступностью без принятия самых эффективных мер по предупреждению правонарушений несовершеннолетних и позитивной ресоциализации тех подростков и молодых людей, которые отбыли наказание. С другой стороны, без результативного воздействия на организованную преступность, не удается избавлять от ее внимания и влияния подрастающее поколение.

• Преступность — системно-структурное явление, системообразующими факторами которого являются организованная преступная деятельность и организованные преступные формирования в их взаимодействии между собой. Без результативного воздействия на эти факторы нельзя добиться устойчивого и реального успеха в борьбе с преступностью в целом. Отсюда важно обеспечивать криминологически грамотное реагирование не все проявления криминальной организованности всеми специальными и иными субъектами реагирования, лишать криминальные формирования финансо-

вой, кадровой, организационной, правовой, политической, информационной и иной базы функционирования.

• Преступность — закономерное, но не «необходимое», а деструктивное явление. Она противостоит цивилизации, всестороннему развитию личности, образованию, культуре, созидательному творчеству в разных сферах жизнедеятельности, идеям и нормам гуманизма, гармоничного сочетания общественных, групповых и индивидуальных интересов.

• В процессе реагирования важно учитывать познанные закономерности и новые данные о преступности, криминологический прогноз; осознавать зависимость преступности от прошлых, настоящих и прогнозируемых социальных условий. Отсюда необходимость более широкого внедрения криминологической экспертизы, принятия о ней Федерального закона. Экспертиза широкомасштабных проектов социальных (в широком смысле слова) преобразований и проектов нормативных правовых актов способна выявлять те противоречия и проблемы, которые будут созданы соответствующими решениями и обострят проблему преступности либо борьбы с ней.

• Государству нельзя в борьбе с преступностью оставлять жертвы преступлений один — на один с преступниками, тем более тех, которые обращаются к нему за помощью. Это относится и к уголовному судопроизводству: оно не должно превращаться в поле торга, рыночных отношений, победы той стороны, которая располагает большими экономическими возможностями и при отстаивании интересов ничем себя не ограничивает, в том числе нормами закона и морали.

Содержание действительно перспективного типа реагирования – это «борьба с преступностью». Термин «борьба» отражает активное столкновение противоположных интересов, групп, мнений. Это всегда такая деятельность, которая преследует определенную цель приобрести господство одних над другими.

Борьба с преступностью призвана уничтожать не преступников, а преступления и преступные формирования. Снисходительное отношение к раскаявшемуся преступнику, индивидуализация уголовной ответственности и наказания — это результат не торга или «компромисса». Данные институты всегда применялись к раскаявшимся лицам, осознавшим пагубность своего поведения.

Борьба с преступностью — целенаправленная системная деятельность общества и государства, представляющая собой единство следующих подсистем: а) общей организации борьбы с преступностью б) предупреждение преступности (общее, специаль-

ное, индивидуальное); в) правоохранительную деятельность (карающую и правовосстановительную).

Приоритетными являются меры воздействия на процессы детерминации и причинности преступности, но в случае нарушения уголовно-правового запрета признавалась необходимость применения к виновным мер государственного принуждения для того, чтобы пресечь их преступное поведение и добиться отказа от него в дальнейшем, возместить причиненный вред.

Термин «война с преступностью», казалось бы, отражает указанное непримиримое противоречие общества, основанного на законе, и преступности. Но если данную войну отождествлять с войной не на жизнь, а на смерть, то она не укладывается в рамки последней. В борьбе с преступностью упор делается на предупреждение, удержание лиц от совершения преступлений, а если выявляется их преступная деятельность, то прежде всего должен решаться вопрос о ее мотивах, причинах, о том, не целесообразно ли к лицу сначала применить заменяющие уголовное наказание меры и во всех случаях подлежит решению вопрос об оказании ему при необходимости социальной поддержки. Раскаявшиеся и загладившие свою вину преступники, несомненно, заслуживают снисхождения, и требуется тщательная разработка уголовно-правового института снисхождения. Нельзя забывать, что преступник— это не внешний агрессор, о котором (и родных которого) ведущее войну государство может не заботиться. В то же время государство, общественность обязаны считаться с тем, что отбывающие наказание лица возвращаются в общество, что их родные нуждаются в поддержке, дети — в живых и достойных родителях.

Основные принципы политики в области борьбы с преступностью:

1. Комплексное осуществление борьбы: недопустимость увлечения в одни периоды мерами предупреждения преступности, в другие — только правоохранительными, преимущественно карающими мерами.
2. Примат предупредительной деятельности над правоохранительной, а в предупредительной деятельности — примат мер по оказанию социальной помощи нуждающимся в ней лицам.
3. Возмещение вреда, обеспечение законных интересов граждан, восстановления нарушенных преступлениями правоотношений.
4. Обеспечение неотвратимости предусмотренной законом ответственности лиц, совершающих преступления и их соучастников, всех участников преступной деятельности.

5. Недопущение легализации и приумножения преступных доходов, конфискация преступных доходов и возвращение преступно добытого имущества законным собственникам.
6. Гарантии безопасности участников уголовного процесса, защита свидетелей, гарантии безопасности и поддержки в рамках закона сотрудничающих свидетелей.
7. Обеспечение равенства всех физических и юридических лиц перед законом.
8. Применение мер, ограничивающих права и свободы граждан, только по фактам нарушения закона и в предусмотренных Конституцией России, Федеральными законами случаях.
9. Осуществление борьбы при руководящей роли государства его специализированными органами, на основе взаимодействие всех ветвей власти.
10.Развитие сотрудничества государственных органов с физическими и юридическими лицами, институтами гражданского общества.
11.Осуществление борьбы в рамках Конституции Российской Федерации, не противоречащих ей других законов и подзаконных актов, с соблюдением общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации..
12. Подконтрольность народу органов, участвующих в борьбе с организованной преступностью. В соответствии со ст. 3 Конституции РФ, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ».В этом аспекте важно постоянное совершенствование механизм контроля народа за всеми ветвями власти
13. Обеспечение усиленного судебного и ведомственного контроля, прокурорского надзора.
14. Эффективное использование привлекаемых для противодействия преступному обществу сил и средств, их соответствие ее характеру и масштабам такой деятельности.
15. Экономия уголовной репрессии, но в тоже время применение строгого наказания в случаях, когда иной подход чреват опасностью появления новых жертв и иного значительного вреда.
16. Криминологически обоснованный подход к борьбе, проведение криминологической экспертизы проектов законов, иных правовых актов, программ.
17. Постоянное совершенствование борьбы с преступностью на основе оценки эффективности сделанного, криминологических и общих социальных прогнозов, рекомендаций специалистов при учете общественного мнения.

18. Использование новейших научных и научно-технических достижений, опережение преступников.

Применительно к «преступному обществу» особенно важно нанесение целенаправленного результативного «удара» по организованной преступности:

• ликвидация организованных преступных формирований;

• предупреждение, выявление и пресечение организованной преступной деятельности во всех ее составляющих;

• выявление, изобличение и наказание лидеров и активных участников организованных преступных формирований, организованной преступной деятельности;

• выявление, изобличение и привлечение к сотрудничеству на основе закона тех участников организованных преступных формирований, организованной преступной деятельности, которые вели себя пассивно, не совершали тяжких и особо тяжких преступлений, были вовлечены в криминальные формирования и деятельность обманом, с использованием физического и психического насилия;

• выявление источников финансирования организованных преступных формирований, пресечение движения и изъятие на основе закона криминальных капиталов;

• декриминализация «освоенных» организованными преступниками государственных структур, общественных институтов, сфер деятельности;

• восполнение на основе закона того необходимого, чего могут лишаться физические и юридические лиц в связи с наступлением на организованную преступность (дешевых услуг, трудовой занятости и т.п.).

• обеспечение безопасности участников уголовно-процессуальной деятельности и иных участников борьбы с организованной преступностью;

• разрушение экономической, политической, социальной и духовной основ организованной преступности путем устранения перечисленных выше обстоятельств, определяющих ее функционирование и укрепление позиций в обществе

• борьба с коррупцией, терроризмом, иными крайними формами насилия, используемыми организованными преступниками;

• эффективное реагирование на дискредитацию не угодных преступной среде сотрудников правоохранительных органов, спецслужб, судей, других субъектов борьбы с преступностью;

• активизацию оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности, использование в уголовном судо-

производстве полученных при их осуществлении, а также в ходе детективной и частной охранной деятельности. Согласно части второй ст. 50 Конституции РФ, при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Указанные же виды деятельности осуществляются на основе Федеральных законов.

• наличие специализированных подразделений борьбы с организованной преступностью и обеспечение их высокопрофессиональными кадрами, надлежащими организационно-финансовыми, техническими и иными ресурсами для успешного противостояния оснащенной последними достижениями науки техники высокоорганизованным криминальным формированиям;

• развитие системы двусторонних и многосторонних договоров между государствами о сотрудничестве в деле борьбы с транснациональной организованной преступностью, организованной преступной деятельностью российских граждан за рубежом, иностранцев - в России.

В борьбе с преступностью законы должны «работать» и работать не против, а в пользу интересов декриминализации общества. Между тем, положения нового УПК РФ[1] практически почти полностью исключают возможность использования в уголовном судопроизводстве результатов разведывательной, контрразведывательной и оперативно-розыскной деятельности. Эти три вида деятельности, очень сходные по формам, имеют различный правовой режим. За рубежом привлечение к уголовной ответственности криминальных «боссов» осуществляется исключительно на базе комплексного использования данных электронного наблюдения, агентурной работы, института уголовно-правового иммунитета для «раскаявшихся свидетелей» — бывших участников организованных преступных формирований, не замешанных в совершении тяжких и особо тяжких преступлений, активных мер по борьбе с легализацией преступных доходов.

Представляется важным особо отметить обеспечение научно-обоснованного подхода к борьбе с преступностью, исключения дилетантизма и высокомерного невежества, пренебрежительного отношения к ученым, способным осуществлять плодотворные исследования и приращивать Научное знание. Это — вопрос о науке вообще и отношении к ней. Данный вопрос заслуживает в современных условиях особого внимания.

---

1 Номоконов В.А. Новый УПК для вчерашней преступности?// Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М., 2002. С. 5-9.

П.Л. Капица, известный физик-экспериментатор и организатор науки, постоянно размышлял о роли науки и организации научных исследований. В 1971 году он сделал доклад на Международном коллоквиуме, посвященном 100-летию со дня рождения физика с мировым именем Резерфорда. Он сказал: «В своем докладе я не буду говорить о Резерфорде ни как об ученом, ни как об учителе, но я хочу на примере деятельности Резерфорда коснуться одного более общего вопроса — роли большого ученого-творца в развитии науки. Этот вопрос... имеет важное значение в развитии науки. В упрощенной форме этот вопрос заключается в следующем: наука — это познание человеком законов природы (можно добавить: и общества А.Д.): эти законы едины, поэтому путь развития науки предопределен , и ни один человек не может его изменить»[1].

Действительно, ни один человек, какую бы должность он ни занимал и какой бы властью не обладал. А все продиктованное сиюминутными соображениями (пусть даже они будут названы политическими), а не идущее от закономерностей явления — не наука.

Научное исследование — это выявление закономерностей изучаемого явления. Не фиксация его проявлений, не песня кочевника по принципу «что вижу—то пою», не фантазии об этом явлении, не «застольное» изобретение тех или иных мысленных конструкций, называемых порой «теориями». Теория — это творческое обобщение различных реальных проявлений, проникновение в их содержание, сущность, их собственную логику развития и взаимодействия с иными явлениями. Что такое статистические данные о преступности? Статистический факт. За ним надо видеть эмпирический факт-факт живой реальности.

Представим себе, что ученому поручено изучить жизнь пчел, но он не желает наблюдать живых пчел, зато приносит свою собственную «застольную» концепцию их жизни и организации. Такая концепция сочиняется умозрительно. Вот так же и с преступностью. Теории о ней порой нередко «изобретаются», если вспомнить терминологию известного кино-персонажа Керосинова., который утверждал, что он музыку «изобретает».

П.Л. Капица говорил далее: «Как известно, развитие науки заключается в нахождении новых явлений природы и в открытии тех законов, которым они подчиняются. Чаще всего это осуществляется благодаря тому, что находят новые методы исследования. Создание чего-либо нового, до этого не существовавшего, мы относим к творческой деятельности человека, и это признается наиболее высокой

---

[1] Капица П.Л. Эксперимент. Теория. Практика. М., 1977. С. 249.

духовной деятельностью людей. Одаренность к творческой деятельности и определяет талантливость человека...»[1]. И далее отмечал, что «успех работы научного института полностью зависит от творческих качеств подобранного коллектива», «появление даже одного крупного ученого сразу будет сильно повышать эффективность деятельности всего коллектива» , «история науки показывает, как хорошо подобранная школа научных работников (обычно она создается крупным ученым) исключительно эффективно двигает науку вперед», «исторический опыт показывает, что число людей, обладающих достаточными творческими способностями, чтобы оказывать заметное влияние на развитие как науки, так и искусства, очень мало»[2].

Соответственно, потеря крупного ученого способна затормозить развитие науки и изменить качество функционирования крупного научного коллектива. Но крупный ученый— это не лицо, занимающее «крупный» пост в научном учреждении, не автор многих сотен работ и носитель высокой ученой степени, а тот, кто вносит крупный содержательный вклад в развитие именно науки, дает приращение знания.

Нельзя забывать о других общепризнанных факторах, определяющих эффективность творческой работы в науке. Это, в том числе, пропаганда науки и результатов научных исследований. Порой даже с высоких трибун не стесняются излагать некомпетентные суждения о таком сложном явлении, как преступность, и системе борьбы с ней. Между тем, на базе таких суждений порой выстраивается государственная политика.

Парсонс отмечал следующий фактор науки как профессии: «высокая автономность в области привлечения новых членов, их подготовки, контроля их профессионального поведения», а также «установление таких внешних отношений, которые гарантировали бы охрану от непрофессионального вмешательства в главные интересы, обеспечивали бы поддержку профессионалов и профессионального подхода».

В последние десятилетия появились уродливые явления: переписывание или создание по заказу курсовых, дипломных работ, диссертаций, их активное «продвижение». Нельзя профессиональные интересы подменять специфическими межличностными, клановыми, административными, карьерными. Иногда говорят: диссертация никуда не годится, но человек хороший. Но что было бы с балетом

1 Там же. С. 249-250.
2 Там же. С. 250-252.

или оперой, если бы по такому принципу подбирали солистов балета, певцов. Возникает вопрос: а науку не жалко?

Здесь дело даже не в заказчиках, а в угодливых или падких на деньги и «царские милости» ученых. Все-таки, если это—ученые, они должны ведать, что творят. Научное невежество не приносит добрых плодов, но способно рождать ситуацию поощрения угодливых льстецов и вытеснения специалистов с принципиальной и высокопрофессиональной позицией.

Наука за это дорого платит, что доказывает история генетики, кибернетики, да и криминологии также. Как отмечает Г.В. Осипов, имея в виду работу некоторых социологических центров, «коммерциализация социологической науки, ее апологетическая роль, как видим, ведет к компрометации, деградации социологии»[1].

Нельзя считать нормальным такое положение, когда в стране при интенсивности преступности, почти в пять раз меньшей, чем на рубеже XX-XXI веков, было создано и функционировало специализированное научное подразделение — Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности со структурами, обеспечивающими фундаментальную теоретическую проработку практически всех наук криминологического цикла, а в настоящее время указанные организационные структуры или свернуты, или малочисленны и занимаются соответствующими исследованиями в свободное от выполнения оперативных поручений время[2].

Всесоюзному институту по изучению причин и разработке мер предупреждению преступности в мае 2003 г. исполнилось бы 40 лет, но в середине девяностых годов он был преобразован в Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка. Идея казалась заманчивой — расширить спектр исследований. Однако реально проблема преступности и борьбы с ней стала растворяться в общих вопросах, касающихся разных правонарушений и различных аспектов обеспечения законности. Вообще развитие в Институте наук не криминологического цикла — теории государства и права, государственного права и других вовсе не плохо. Только указанные процессы должны происходить не за счет наук криминологического цикла, тем более в условиях очень напряженной и неблагоприятно развивающейся криминальной ситуации.

---

[1] Осипов Г.В. Социальное мифотворчество и социальная практика. М., 2000. С. 527.

[2] При этом нельзя отрицать создание теоретически значимых работ в период существования НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, в том числе его руководителями С.И. Герасимовым, А.Я. Сухаревым, А.И. Алексеевым, В.Г. Бессарабовым.

Существование головного института, обеспечивающего исследование и разработку проблем борьбы с преступностью, при Генеральной прокуратуре России закономерно, ибо прокуратура координирует деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью, Генеральный прокурор делает доклады Совету Федерации Федерального Собрания РФ. Важно заметить, что данный Институт (в отличие от ВНИИ МВД) с самого начала имел собственное название и никогда не был отделом либо другим подразделением Генеральной прокуратуры. Соответственно высшие должностные лица государства рассчитывали действительно на научные исследования и объективные выводы, не искажаемые ведомственными амбициями и ложно понимаемыми интересами. Выдающиеся организаторы науки и криминологи профессор И.И.Карпец (первый и последний директор Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности), академик РАН В.Н. Кудрявцев (первый заместитель по науке директора Института, а затем директор данного Института) совместно с плеядой крупных ученых (А.А. Герцензоном, А.С. Шляпочниковым, В.Г. Танасевичем, Г.М. Миньковским, В.К. Звирбулем и другими) смогли обеспечить не только возрождение отечественной криминологии, но и такое ее развитие, которое создало отечественную школу криминологии, получившую признание в мире. Многие работы отечественных криминологов переведены и используются в учебном процессе за рубежом.

Задача современных криминологов — это, во-первых, идти дальше своих учителей, сохраняя лучшие научные традиции, во-вторых, преодолевая порой опасения и даже страх в отношении власть предержащих, объективно отражать в работах результаты исследований; в-третьих, привлекать к сотрудничеству талантливых и самостоятельно мыслящих ученых, не всегда «удобных» в повседневном общении и не слагающих гимны в честь «мэтров». Наконец, постоянно поддерживать связь с практическими сотрудниками, пытаться находиться в «гуще событий», чтобы лучше понимать происходящее и рекомендовать реальные пути решения проблемы преступности.

Приложение 1.

Динамика числа зарегистрированных преступлений по главам УК РСФСР и выявленных лиц, их совершивших, в России в 1986—1996 годах

Показатели	1986 г.	1 987 г.	1 988 г.	1 989 г.	1 990 г.	1991 г.	1992 г.	1 993 г.	1 994 г.	1 995 г.	1 996 г.
Глава 1. Государственные преступления (по данным «открытой» статистики)											
Число преступлений	2 779	2 089	1 734	2 017	2 650	2 939	4 418	15 713	25 350	14 610	12 893
Число лиц*	2 740	2 170	1 703	1 780	2 087	2 527	3 152	7 740	12 127	4 797	4 482
Глава 2. Преступления против социалистической собственности (с 1 июля 1994 г. глава объединена с главой 5).											
Число преступлений	229 945	209 1 38	215 673	294 097	365 924	497 157	686 542	642 597	24 088	Глава исключена	
Число лиц	184 296	168 652	159 651	155 978	166 043	211 176	298 745	321 836	24 268		
Глава 3. Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности											
Число преступлений	111 194	99173	101 383	124 835	135 403	134 750	156 495	197 146	220 885	260 094	257 701
Число лиц	104 001	84 873	83 672	92 119	102 291	101 332	105 501	142 752	171 617	206 925	214 807
Глава 4 . Преступления против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан											
Число преступлений	3 404	2 706	1897	1822	1297	932	995	1 244	1 577	2 058	3 477
Число лиц	3 573	3 034	2 249	1 897	1 264	856	780	899	1 075	1 217	1 799
Глава 5. Преступления против личной собственности (до 1 июля 1994 года), затем все преступления против собственности, ранее предусматривавшиеся главами 2 и 5 (после внесения в них изменений)											
Число преступлений	330 027	322 159	428 611	672 609	779 188	992 116	1 330 681	1 367 417	1 696 163	1 767 627	1 595 373
Число лиц	186 174	162 650	172 064	197 202	211 946	242 588	330 843	401 819	744 443	846 124	828 559
Раздел 6. Хозяйственные преступления (глава существенно изменялась)											
Число преступлений	183 476	135927	69161	64179	70656	59 742	41 421	37 065	57 987	97 442	11 497
Число лиц	178 042	134 921	72 264	63 739	68 010	60 074	42 229	36 534	52 947	91 338	10 235
Глава 7. Должностные преступления											
Число преступлений	27 790	23349	18642	16785	17075	15 448	15 707	16 677	19 021	16 733	17 393
Число лиц	29 325	23 037	17 820	13 163	11 842	10 050	9 825	9 440	18 133	8 588	7 881
Глава 8. Преступления против правосудия											
Число преступлений	13 873	11 465	13 562	16 890	17 791	17 122	19 817	23 514	21 663	19 141	18 467
Число лиц	12 574	10 233	11 558	13 661	14 818	14 394	14 878	16 164	15 303	14 429	13 342

Показатели	1986 г.	1987 г.	1988 г.	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1 993 г.	1 994 г.	1 995 г.	1 996 г.
Глава 9. Преступления против порядка управления											
Число преступлений	70 316	57 249	44 001	43 513	46 920	48 298	54 640	60 914	79 636	78 084	90 108
Число лиц	56 607	44 899	33 757	27 651	28 764	27 863	29 782	36 853	50 367	53 378	61 398
Глава 10. Преступления против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения											
Число преступлений	365 633	326 297	325 649	382 333	402 652	399 831	446 669	436 174	492 211	494 90	512 109
Число лиц	322 780	289 431	279 855	280 295	290 473	285 513	307 786	287 878	358 178	367 231	383 139
Глава 11. Преступления, составляющие пережитки местных обычаев											
Число преступлений	74	59	48	51	35	42	31	24	33	32	33
Число лиц	109	97	78	92	36	50	37	40	55	33	52
Суммарно по всем главам УК РФ											
Число преступлений	1 338 417	1 185 914	1 220 361	1 619 181	1 839 451	2 167 964	2 760 652	2 799 614	2 632 708	2 755 699	2 625 081
Число лиц	1 078 923	923 141	834 673	847 577	847 299	956 373	1 143 160	1 262 556	1 441 568	1 618 394	1 595 501
в том числе тяжких преступлений											
Число преступлений	194 959	160 056	170 294	246 974	282 965	309 446	415 728	513 910	984 078	1 633 367	1 466 388
Число лиц	203 742	158 690	144 980	166 221	193 011	197 175	216 090	298 306	492 650	821 719	839 411
в том числе преступлений, по которым предусмотрено максимальное наказание до 1 года лишения свободы											
Число преступлений	284 638	273 012	213 840	235 518	252 201	248 242	294 123	262 652	319 920	374 307	408 139
Число лиц	234 721	233 085	175 740	168 052	172 339	179 224	198 209	185 176	245 828	323 268	302 717
Данные о числе преступлений, повлекших смерть и количестве погибших											
Количество преступлений, повлекших смерть	38 507	23 890	26 226	34 084	38 299	40 248	51 374	67 053	69 541	66 751	59 069
Число лиц, погибших в результате совершения преступлений	27 482	25 706	30 403	39 102	41 634	44 365	213 590	75 365	75 034	75 510	65 368

* Указаны только те выявленные лица, которые совершили либо только данные преступления, либо такие преступления, как наиболее тяжкие из той совокупности преступлений, которые вменялась данным лицам в вину.

Приложение 2

Зарегистрированные преступления и выявленные лица в 1997—2001 годах в разрезе статей Особенной части УК РФ (Извлечения из формы 1[г])

Раздел 1. Преступления против жизни и здоровья

Преступления —	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления *				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Убийство – ст. 105	28 467	28 794	30 337	31 052	32 792	23 022	24 235	25 687	26 055	27 469
Убийство матерью новорожденного ребенка — ст. 106	220	216	251	231	203	148	136	169	147	130
Убийство, совершенное в состоянии аффекта — ст. 107	598	541	552	546	588	664	675	658	682	713
Убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление — ст. 108	434	462	576	660	644	523	571	642	801	757
в т. ч. Убийство при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, — ст. 108	26	20	31	30	20	56	27	31	38	33
Причинение смерти по неосторожн. - ст. 109	1 370	1 314	1 513	1 674	1 738	1 275	1 330	1 318	1 628	1 533
Доведение до самоубийства — ст. 110	138	128	119	99	90	75	51	46	35	56
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — ст. 111	46 131	45 170	47 669	49 784	55 739	35 286	35 069	35 646	39 227	41 930
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью — ст. 112	24 855	26 995	28 393	29 678	32 953	18 142	19 815	20 631	22 360	22 514
Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта — ст. 113	1 127	901	774	696	546	1 218	1 066	903	844	677
Причинение тяжк. или средней тяж. вреда здоровью при превыш. пределов необход. обороны либо при превыш. мер, необходимых для задерж. лица, соверш. преступл. — ст. 114	1 121	1 244	1 296	1 578	1 353	1 211	1 470	1 528	1 870	1 588
в том числе умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, совершенное при превыш. мер, необходимых для задержания лица, соверш. преступл. — ст. 114	86	52	82	Нет данных	53	88	63	85	Нет данных	67

задержания лица, соверш. преступл. — ст. 114										
Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Умышленное причинение легкого вреда здоровью - ст.115	30 168	26 748	28 733	25 594	19 328	25 776	24 706	25 389	23 742	16 539
Побои - ст.116	62 791	61 736	71 733	63 487	49 363	46 752	48 023	53 652	48 963	35 266
Истязание - ст.117	5 063	5 124	4 794	3 982	3 972	3 754	3 894	3 549	3 033	2 915
Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью по неосторожности - ст.118	3 678	4 385	4 896	4 768	5 467	3 450	4 297	4 716	4 727	5151
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью - ст.119	61 018	69 309	75 258	80 800	94 271	34558	41 299	44 262	50 665	61 816
Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации - ст.120	1	2	1	0	0	2	0	1	0	3
Заражение венерической болезнью - ст.121	167	112	97	48	42	130	104	75	45	26
Заражение ВИЧ-инфекцией - ст.122	12	25	34	33	73	10	15	13	23	35
Незаконное производство аборта - ст.123	126	107	110	87	87	98	93	87	67	71
Неоказание помощи больному - ст.124	69	42	54	63	58	18	33	20	33	16
Оставление в опасности - ст.125	1226	1239	1232	1212	1172	158	208	200	223	214
Итого	268 780	274 594	298 418	296 072	300 479	196 270	207 073	219169	225 170	219 419

Раздел 2. Преступления против свободы, чести и достоинства личности

Похищение человека - ст.126	1 140	1 415	1 554	1 291	1 417	722	938	1 169	950	1 001
Незаконное лишение свободы - ст.127	1 011	1 278	1 417	1 365	1 314	343	454	538	627	475
Незаконное помещение в психиатрический стационар - ст.128	9	4	7	7	11	9	5	13	10	11
Клевета - ст.129	880	632	795	734	609	586	456	522	464	407
Оскорбление - ст.130	5 218	8 701	14 699	15 181	11 672	1 872	2 335	3 678	3 990	2 629
Итого	8 258	12 030	18 472	18 578	15 023	3 532	4 188	5 920	6 035	4 523

Раздел 3. Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Изнасилование - ст.131	9 307	9 014	8 346	7 901	8 196	8 107	7 746	7 185	6 688	6 948
Насильств. действия секс. характера - ст.132	4 478	6 660	6 659	6 301	6 631	1 953	2 496	2542	2 702	2 549
Понуждение к действиям сексуального характера - ст.133	124	133	147	137	85	47	56	57	72	44
Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста - ст.134	542	349	194	160	146	336	274	122	86	109
Развратные действия - ст.135	1 169	1 653	884	697	583	567	445	397	368	315

Раздел 4. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Нарушение равноправия граждан - ст.136	3	4	5	1	3	3	2	3	3	1
Нарушение неприкосновенности частной жизни - ст.137	6	17	17	21	6	5	2	13	8	6
Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений - ст.138	51	52	78	159	138	26	29	54	117	97
Нарушение неприкосновенности жилища - ст.139	2 295	3 202	3 340	3 364	3 760	762	1 161	1 228	1 458	1 691
Отказ в предоставлении гражданину информации - ст.140	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий - ст.141	13	14	47	30	33	9	10	28	26	12
Фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов - ст.142	46	12	12	34	43	54	28	1	14	36
Нарушение правил охраны труда - ст.143	679	815	926	1 270	1 450	622	818	931	119	1 379
Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов - ст.144	23	12	4	4	2	71	23	21	19	7
Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет - ст.145	4	4	10	9	6	7	3	6	7	7
Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий или иных выплат - ст.145[1] Статья введена 15.03.99 (ФЗ №48-ФЗ)	Статьи не было			44	51	Статьи не было			19	28
Нарушение авторских и смежных прав - ст.146	302	607	836	1 117	810	84	210	296	543	398
Нарушение изобретательских и патентных прав - ст.147	43	18	18	46	45	36	31	36	17	12
Воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий - ст.148	4	3	1	5	3	8	1	4	2	5
Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них - ст.149	2	0	1	1	4	8	1	5	1	0
Итого	3 471	4 760	5 307	6 105	6 354	1 695	2 319	2 630	3 433	3 679

Раздел 5. Преступления против семьи и несовершеннолетних

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления - ст.150	20 209	19 586	23 974	20 529	16 570	614	485	500	594	485
Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий - ст.151	551	703	853	482	418	170	173	211	185	173
Торговля несовершеннолетними - ст.152	74	35	28	37	16	45	49	30	31	31
Подмена ребенка - ст.153	4	1	2	1	2	3	2	1	0	1
Незаконное усыновление (удочерение) - ст.154	11	1	8	2	2	3	2	6	0	0
Разглашение тайны усыновления (удочерения) - ст.155	44	42	38	28	26	36	34	25	23	22
Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего - ст.156	1 313	1 969	2 116	2 557	2 973	998	1 366	1 513	1 915	2 109
Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей - ст.157	44 295	44 737	40 295	41 512	44 111	43 756	45 499	40 261	41 064	43 274
Итого	66 501	67 074	67 314	65 150	64 118	45 625	47 610	42 549	43 812	46 095

Раздел 6. Преступления против собственности

Кража - ст.158	1 053 894	1 143 311	1 413 747	1 310 009	1 273 120	521 929	530 799	690 147	654 305	568 560
Мошенничество - ст.159	77 757	76 695	83 624	81 456	79 296	24 988	28 180	27 181	29 663	23 945
Присвоение или растрата - ст.160	43 415	44 379	48 447	53 474	54 283	23 294	26 035	24 014	25 276	24 484
Грабеж - ст.161	112 049	122 361	138 970	132 383	148 812	61 662	65 673	75 367	71 301	71 208
Разбой - ст.162	34 317	38 509	41 135	39 473	44 802	30 567	33 915	38 560	36 686	39 188
Вымогательство - ст.163	14 503	15 991	14 613	12 547	11 772	9 183	9 835	8 602	7 022	6 483
Хищение предметов, имеющих особую ценность - ст.164	91	113	104	128	107	78	84	67	59	60
Причинение имуществ. ущерба путем обмана или злоупотребл. доверием - ст.165	16 811	25 226	29 702	33 076	36 392	12 129	20 776	25 242	28 293	31 246
Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения - ст.166	29 773	31 256	28 231	26 673	31 689	20 193	22 028	21 045	18 899	21 301
Умышленное уничтожение или повреждение имущества - ст.167	39 275	39 674	47 712	42 068	42 043	8 277	8 746	8 976	9 577	10 403
Уничтожение или повреждение имущества по неосторожности - ст.168	2 264	1 842	2 108	2 051	1 830	882	823	875	925	744
Итого	1 424 149	1 539 357	1 848 393	1 733 302	1 724 147	713 182	746 902	920 076	879 306	797 622

Раздел 7. Преступления в сфере экономической деятельности

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Воспрепятствование законной предпринимательской деятельности - ст.169	19	25	13	22	17	13	12	6	6	3
Регистрация незаконных сделок с землей - ст.170	10	21	7	13	36	7	12	7	11	7
Незаконное предпринимательство - ст.171	3 882	5 306	6 415	8 538	7 428	1 925	3 316	4 051	6 034	5 757
Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции –171[1](Введена 9.07. 1999 г. (ФЗ № 158-ФЗ)	Не было статьи		272	1548	724	Не было статьи		74	1125	612
Незаконная банковская деятельность - ст.172	33	79	52	79	81	16	42	32	34	26
Лжепредпринимательство - ст.173	60	86	117	174	176	3	3	26	35	32
Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем - ст.174	241	1 003	965	1 784	1 439	26	86	105	146	176
Приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем - ст.175	12 933	13 052	16 777	16 374	14 188	9 363	8 846	11 039	11 437	9 845
Незаконное получение кредита - ст.176	61	118	142	171	204	8	48	69	79	109
Злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности - ст.177	234	208	240	287	202	73	121	131	178	118
Монополистические действия и ограничение конкуренции - ст.178	13	23	36	42	64	8	15	23	36	31
Принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения - ст.179	31	36	38	69	66	17	25	39	27	27
Незаконное использование товарного знака - ст.180	457	442	526	444	321	114	156	211	106	92
Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм - ст.181	33	25	32	46	47	13	9	10	16	14
Заведомо ложная реклама - ст.182	20	52	49	98	54	0	5	5	7	1
Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну - ст.183	10	17	12	53	84	2	6	0	14	16
Подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов - ст.184	1	0	1	1	0	0	0	0	0	0
Злоупотребления при выпуске ценных бумаг (эмиссии) - ст.185	0	6	3	6	3	1	5	1	2	1

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг - ст.186	7 911	10 644	9 311	14 289	15 755	850	1 638	1 894	1 843	1 369
Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов - ст.187	130	153	309	819	1508	14	29	44	55	104
Контрабанда - ст.188	3 375	3 525	3 982	4 371	3 860	1 778	1 654	1 784	1 662	1 293
Незаконный экспорт технологий, научно- технической информации и услуг, используемых при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники - ст.189	1	0	9	0	0	5	2	2	0	0
Невозвращение на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран - ст.190	4	0	2	1	0	5	3	0	0	3
Незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга - ст.191	1 785	1 645	1 730	2 095	2 284	1 165	1 099	1 351	1 514	1 415
Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней - ст.192	12	30	16	5	8	7	2	5	2	1
Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте - ст.193	28	68	171	232	224	6	4	13	65	40
Уклонение от уплаты таможенных платежей - ст.194	906	799	1 087	1363	1 118	133	159	165	178	180
Неправомерные действия при банкротстве - ст.195	18	71	120	249	301	6	19	38	107	155
Преднамеренное банкротство - ст.196	20	36	91	119	227	6	9	21	27	47
Фиктивное банкротство - ст.197	1	2	4	5	9	0	1	0	1	9
Уклонение гражданина от уплаты налога - ст.198	712	1 440	3 599	6 775	6 789	375	884	2 379	5 475	6 358
Уклонение от уплаты налогов с организаций - ст.199	2 001	2 645	7 899	15 346	16 527	1 185	2 068	5 763	14 294	16 507
Обман потребителей - ст.200	26 747	44 014	63 694	84 971	92 169	24 711	41 071	60 393	80 558	88 345
Итого	61 689	85 571	117 721	160 419	165 909	41 835	61 349	89 678	125 091	132 695

Раздел 8. Преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Злоупотребление полномочиями - ст.201	832	1781	2 362	3 878	4 028	250	579	849	1 866	1 671
Злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами - ст.202	10	34	113	69	148	3	12	39	34	28
Превышение полномочий служащими частных охранных или детективных служб - ст.203	24	37	50	29	48	6	26	31	20	31
Коммерческий подкуп - ст.204	470	974	1 236	2 146	2 542	147	404	505	921	935
Итого	1 336	2 826	3 761	6 122	6 766	406	1 021	1 424	2 842	2 665

Раздел 9. Преступления против общественной безопасности

Терроризм - ст.205	32	21	20	135	327	10	7	0	24	40
Захват заложника - ст.206	114	69	64	49	32	112	57	32	29	31
Заведомо ложное сообщение об акте терроризма - ст.207	1 386	2 002	3 462	4 035	5 323	288	332	517	608	581
Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем - ст.208	9	2	9	340	165	9	5	6	189	109
Бандитизм - ст.209	374	513	523	513	465	896	864	918	884	893
Организация преступного сообщества (преступной организации) ст. 210	48	84	162	170	118	9	80	190	225	241
Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава - ст.211	20	18	10	12	14	38	21	7	18	13
Массовые беспорядки - ст.212	10	14	4	7	8	27	15	18	10	35
Хулиганство - ст.213	129 505	131 082	128 701	125 100	135 183	114 757	116 710	114 262	112 869	113 608
Вандализм - ст.214	354	392	419	572	600	290	336	364	446	445
Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики - ст.215	2	2	3	0	76	10	9	5	6	8
Прекращение подачи электроэнергии, либо отключения от других источников жизнеснабжения – ст. 215[2]. Статья введена 27.05.1997 г. (№83-ФЗ)	Статьи не было	5	6	29	4 866	Статья не действовала		15	5	178
Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ - ст.216	223	214	229	217	240	162	211	218	228	238
Нарушение правил безопасности на взрывоопасных объектах - ст.217	17	18	6	18	20	21	21	7	18	10
Нарушение правил учета, хранения, перевозки и	39	27	23	18	11	26	12	16	12	11

использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий - ст.218										
Нарушение правил пожарной безопасности - ст.219	181	183	135	173	165	131	124	86	100	104
Незаконное обращение с радиоактивными материалами - ст.220	61	39	15	23	15	28	16	22	19	21
Хищение либо вымогательство радиоактивных материалов - ст.221	50	8	33	5	9	56	18	18	21	11
Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств - ст.222	52 914	59 825	66 536	65 197	62 634	30 862	34 696	40 389	40 606	39 839
Незаконное изготовление оружия - ст.223	3 969	4 156	3 891	3 363	3 504	1 202	1 216	978	980	946
Небрежное хранение огнестрельного оружия - ст.224	168	138	124	120	117	173	102	97	91	110
Ненадлежащее исполнение обязанностей по охране оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств - ст.225	15	14	13	24	17	9	11	11	17	8
Хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств - ст.226	1 200	2 008	2 605	2 703	3 095	394	636	711	894	1 043
Пиратство - ст.227	3	4	0	0	1	8	3	4	2	0
Итого	190 690	200 840	206 994	202 822	217 371	149 516	155 503	158 892	158 303	158 522

Раздел 10. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ - ст.228	176 215	181 481	206 874	233 490	231 592	103 873	124 695	139112	158 852	144 543
Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ - ст.229	401	460	468	336	554	172	174	171	533	148
Склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ - ст.230	835	990	854	648	545	59	61	51	61	50
Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества - ст.231	2 443	2 723	3 630	4 421	4 029	1 859	1 998	2 825	3 625	3 325

Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ - ст.232	939	1 032	1 033	992	814	252	356	396	431	330
Незаконная выдача либо подделка рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ - ст.233	31	63	27	35	18	10	16	9	12	8
Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта - ст. 234	4 229	3 535	3 587	3 925	4 886	1 055	1 231	1 326	1 225	1 407
Незаконное занятие частной медицинской практикой или частной фармацевтической деятельностью - ст.235	9	15	39	14	14	4	6	6	11	3
Нарушение санитарно-эпидемиологических правил - ст.236	26	52	40	38	25	41	42	43	44	22
Сокрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей - ст.237	3	5	6	3	1	7	5	4	4	4
Выпуск или продажа товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности - ст.238	100	58	113	714	832	75	32	34	484	656
Организация объединения, посягающего на личность и права граждан - ст.239	2	5	5	8	1	1	2	2	2	2
Вовлечение в занятие проституцией - ст.240	19	52	41	34	46	7	9	13	5	19
Организация или содержание притонов для занятия проституцией - ст.241	109	124	130	145	165	82	88	132	138	145
Незаконное распространение порнографических материалов или предметов - ст.242	413	341	295	361	442	302	293	254	277	329
Уничтожение или повреждение памятников истории и культуры - ст.243	25	59	85	95	58	9	7	29	14	11
Надругательство над телами умерших и местами их захоронения - ст.244	662	710	1 294	1 985	1 477	200	159	203	288	182
Жестокое обращение с животными - ст.245	407	583	631	566	629	240	291	351	281	309
Итого	186 882	192 288	219 152	247 810	246 122	108 243	129 465	144 961	166 287	151 489

Раздел 11. Экологические преступления

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Нарушение правил охраны окружающей среды	6	2	3	5	3	3	1	1	2	4

при производстве работ - ст.246										
Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов - ст.247	20	31	30	26	40	4	17	22	23	26
Нарушение правил безопасности при обращении с микробиологическими либо другими биологическими агентами или токсинами - ст.248	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Нарушение ветеринарных правил и правил, установленных для борьбы с болезнями и вредителями растений - ст.249	12	6	5	1	1	7	6	6	3	2
Загрязнение вод - ст.250	7	7	8	18	16	9	10	0	5	8
Загрязнение атмосферы - ст.251	2	4	7	7	6	0	4	6	3	4
Загрязнение морской среды - ст.252	6	2	1	3	1	1	3	1	0	0
Нарушение законодательства Российской Федерации о континентальном шельфе и об исключительной экономической зоне Российской Федерации - ст.253	0	3	5	11	28	0	1	2	7	5
Порча земли - ст.254	3	6	7	10	4	1	2	2	4	2
Нарушение правил охраны и использования недр - ст.255	3	1	0	0	1	3	1	0	1	0
Незаконная добыча водных животных и растений - ст.256	3 279	4 682	5 489	6 333	7 817	4 262	5 458	7 112	8 006	9 280
Нарушение правил охраны рыбных запасов - ст.257	0	2	3	1	1	1	0	6	2	1
Незаконная охота - ст.258	826	774	972	728	904	885	832	934	734	731
Уничтожение критических местообитаний для организмов, занесенных в Красную книгу Российской Федерации - ст.259	0	0	0	2	0	0	0	0	0	1
Незаконная порубка деревьев и кустарников - ст.260	2 609	2 955	5 672	7 514	8 114	2 081	2 321	3 800	5 240	4 061
Уничтожение или повреждение лесов - ст.261	182	146	190	142	258	114	115	158	117	102
Нарушение режима особо охраняемых природных территорий и природных объектов - ст.262	16	7	21	18	26	3	2	18	14	9
Итого	6 971	8 628	12 413	14 818	17 128	7 374	8 773	12 068	14 161	14 236

Раздел 12. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Нарушение правил безопасности движения и	167	148	111	115	137	133	138	91	103	105

эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта - ст.263										
Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств - ст.264	47 967	52 373	53 735	52 697	54 525	35 611	41 871	43 848	41 546	40 494
Оставление места дорожно-транспортного происшествия - ст.265	2 430	3 518	4 008	4 215	4 262	63	94	77	76	64
Недоброкачественный ремонт транспортных средств и выпуск их в эксплуатацию с техническими неисправностями - ст.266	70	59	60	56	58	57	40	55	39	40
Приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения - ст.267	53	43	51	43	50	64	26	18	6	16
Нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта - ст.268	149	122	149	124	125	153	132	155	125	111
Нарушение правил безопасности при строительстве, эксплуатации или ремонте магистральных трубопроводов - ст.269	9	3	6	3	5	7	6	5	1	0
Неоказание капитаном судна помощи терпящим бедствие - ст.270	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Нарушение правил международных полетов - ст.271	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого	50 845	56 266	58 120	57 253	59 162	36 088	42 307	44 249	41 865	40 830

Раздел 13. Преступления в сфере компьютерной информации

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Неправомерный доступ к компьютерной информации - ст.272	21	54	206	584	1637	1	17	35	130	290
Создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ - ст.273	1	12	79	172	316	1	3	38	85	60
Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети - ст.274	11	1	0	44	119	2	0	0	1	2
Итого	33	67	285	800	2 072	4	20	73	216	352

Раздел 14. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Государственная измена - ст.275	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Шпионаж - ст.276	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Посягательство на жизнь государственного или	3	3	2	4	2	0	1	0	10	0

общественного деятеля - ст.277										
Насильственный захват власти или насильственное удержание власти - ст.278	0	0	3	1	0	0	0	5	4	3
Вооруженный мятеж - ст.279	0	0	3	3	1	0	0	20	17	1
Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации - ст.280	2	0	11	2	5	0	1	1	0	2
Диверсия - ст.281	3	0	1	4	0	0	0	0	1	2
Возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды - ст.282	12	16	25	17	32	1	9	11	8	7
Разглашение государственной тайны - ст.283	2	6	4	6	12	1	3	3	0	8
Утрата документов, содержащих государственную тайну - ст.284	0	0	0	2	1	0	0	0	1	0
Итого	22	25	49	39	53	2	14	40	41	23

Раздел 15. Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Злоупотребление должностными полномочиями - ст.285	2 848	3 157	4 176	4 797	4 133	815	955	1 187	1 366	1 366
Превышение должностных полномочий - ст.286	2 153	2 639	3 001	3 384	3 695	1 437	1 646	1 786	1 766	1 766
Отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации - ст.287	0	2	0	0	0	0	1	0	0	0
Присвоение полномочий должностного лица - ст.288	89	104	30	21	31	14	6	7	17	17
Незаконное участие в предпринимательской деятельности - ст.289	17	25	38	43	351	3	9	10	25	25
Получение взятки - ст.290	3 559	3 623	4 241	4 281	4 797	1 207	1 469	1 462	1 666	1 666
Дача взятки - ст.291	2 049	2 181	2 582	2 766	3 112	1 113	1 334	1 459	1 815	1 815
Служебный подлог - ст.292	5831	6 355	6 701	7 612	8 145	896	1 126	1 057	1 394	1 394
Халатность - ст.293	1522	1 971	2 139	2 368	2 199	925	1 474	1 480	1 575	1 575
Итого	18068	20 057	22 908	25 272	26 463	6 413	8 020	8 448	9 623	9 623

Раздел 16. Преступления против правосудия

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Воспрепятствование осуществлению правосудия	33	34	47	45	30	13	18	14	16	7

и производству предварительного расследования - ст.294										
Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование - ст.295	7	12	5	7	8	2	4	5	3	5
Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования - ст.296	91	94	83	89	80	52	55	58	89	49
Неуважение к суду - ст.297	67	70	62	68	60	41	53	53	44	44
Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя - ст.298	67	81	75	65	66	42	50	48	48	47
Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности - ст.299	7	4	3	6	10	4	1	2	4	5
Незаконное освобождение от уголовной ответственности - ст.300	7	12	18	11	12	5	4	13	4	7
Незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей - ст.301	41	73	53	55	62	10	22	13	19	28
Принуждение к даче показаний - ст.302	40	28	33	12	19	11	4	4	6	3
Фальсификация доказательств - ст.303	46	118	210	251	292	14	48	91	112	108
Провокация взятки либо коммерческого подкупа - ст.304	3	1	5	4	3	1	0	1	4	0
Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта - ст.305	2	1	34	6	9	2	1	2	4	0
Заведомо ложный донос - ст.306	852	953	936	968	951	607	668	648	676	712
Заведомо ложные показание, заключение эксперта или неправильный перевод - ст.307	1 214	1 409	1 448	974	962	1 249	1 321	1 462	1 082	843
Отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний - ст.308	88	111	104	67	83	78	99	78	64	70
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу - ст.309	329	362	343	282	298	136	139	117	88	103
Разглашение данных предварительного расследования - ст.310	3	2	7	3	3	1	1	4	2	0
Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников	1	0	0	0	0	1	1	0	0	1

уголовного процесса - ст.311										
Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации - ст.312	273	293	431	489	489	187	199	326	388	358
Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи - ст.313	1 300	1 060	982	778	785	1 186	1 051	924	808	782
Уклонение от отбывания лишения свободы - ст.314	278	223	184	94	132	384	221	167	103	92
Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта - ст.315	430	441	426	461	291	222	274	239	295	184
Укрывательство преступлений - ст.316	1 387	1 197	1 165	1 059	1 156	1 066	983	965	878	927
Итого	6 566	6 579	6 654	5 794	5 801	5 314	5 217	5 234	4 721	4 375

Раздел 17. Преступления против порядка управления

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа - ст.317	321	267	283	282	379	180	187	173	137	129
Применение насилия в отношении представителя власти - ст.318	3 622	4 434	4 763	4 604	4 797	2 930	3 671	3 986	4 081	4 231
Оскорбление представителя власти - ст.319	4 186	6 049	8 391	10 635	14 025	3 405	4 843	6 653	8 831	11 831
Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа - ст.320	1	0	2	0	0	0	1	1	1	1
Дезорганизация нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества - ст.321	96	115	93	126	122	116	132	146	139	140
Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации - ст.322	28	54	44	44	58	10	13	15	33	23
Противоправное изменение Государственной границы Российской Федерации - ст.323	1	1	2	0	3	0	1	2	0	2
Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград - ст.324	2 136	3 252	3 483	3 182	3 236	632	747	872	967	1 062
Похищение или повреждение документов, штампов, печатей - ст.325	11 436	12 714	13 687	12 854	13 865	688	717	678	763	713
Подделка или уничтожение идентификационного номера транспортного средства - ст.326	571	1 029	1 231	1 722	2 310	297	516	676	1 000	1 081

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков - ст.327	57 335	57 497	58 243	53 405	47 173	29 685	31 827	28 066	24 710	19 266
Изготовление, сбыт поддельных марок акцизного сбора, специальных марок или знаков соответствия либо их использование ст.327[1]. Статья введена 9.07.1999 г. (№ 158-ФЗ)	Статья отсутствовала или не действовала			390	640	Статья отсутствовала или не действовала			220	452
Уклонение от прохождения военной и альтернативной гражданской службы - ст.328	1 162	1 232	1 284	1 853	1 780	973	1 039	944	1 486	1 450
Надругательство над Государственным гербом Российской Федерации или Государственным флагом Российской Федерации - ст.329	15	10	6	197	167	7	10	7	202	402
Самоуправство - ст.330	4 796	6 320	7 910	7 370	6 837	4 924	6 844	8 631	8 009	6 781
Итого	85 706	92 974	99 468	96 664	95 310	43 847	50 546	50 866	50 528	47 564

Раздел 18. Преступления против мира и безопасности человечества

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны - ст.353	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны - ст.354	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Производство или распространение оружия массового поражения - ст.355	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Применение запрещенных средств и методов ведения войны - ст.356	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Геноцид - ст.357	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0
Экоцид - ст.358	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
Наемничество - ст.359	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой - ст.360	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Итого	0	0	0	0	1	0	0	0	2	0

Раздел 19. Итоговый

Преступления — ст. ст. УК РФ	Зарегистрировано преступлений в течение года					Выявлено лиц, совершивших преступления				
	1997	1998	1999	2000	2001	1997	1998	1999	2000	2001
Всего	2 397 311	2 581 940	3 001 748	2 952 367	2 968 255	1 372 161	1 481 503	1 716 679	1 741 439	1 644 242

Приложение 3

Включенные в книгу аналитические таблицы, отражающие статистические данные и результаты опросов

Глава 1

Таблица 1. Динамика числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, совершивших преступления, в России в 1966 -2002 гг. ..... .23
Таблица 2. Динамика числа зарегистрированных преступлений иностранцев и в отношении них в России в 1998—2002 годах (в тыс.)..... 27

Глава 2

Таблица 3. Основные показатели преступности в России в 1991—2002 гг. (по данным статистики)..... ..... .36
Таблица 4. Динамика числа преступлений в состоянии аффекта и при превышении пределов необходимой обороны в России в 1997-2000 гг..... .38
Таблица 5. Динамика числа убийств по найму в 1995 —2000 г..... .39
Таблица 6. Динамика некоторых показателей злоупотреблений в сфере экономики по материалам комитетов народного контроля в 1980—1984 годах..... .41
Таблица 7. Распределение лиц, привлеченных к уголовной ответственности и освобожденных от нее в России в 1999--2000 гг. по отдельным видам преступлений.....42
Таблица 8. Соотношение распространенности преступлений по опросам и данным уголовной статистики в 1997-98 гг).....54-55
Таблица 9. Ответы на вопрос: «Если Вам в течение последнего года приходилось быть потерпевшими от преступлений, то укажите, каких именно и как Вы на это реагировали» (% от числа каждой категории опрошенных).....56
Таблица 10. Динамика численности лиц, считавших себя или членов своей семьи потерпевшими от общеуголовных преступлений в течение последнего года перед опросом (% пострадавших от общего числа опрошенных, в скобках — % обращавшихся в правоохранительные органы от того же числа).....57
Таблица 11. Динамика числа зарегистрированных умышленных тяжких преступлений против жизни и здоровья человека в 1990-1999 гг. в России.....58
Таблица 12. Динамика числа трупов по данным Республиканского центра судебно-медицинской экспертизы в 1994-1997 гг.....58
Таблица 13. Динамика дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам в России в 1997-1999 гг.....59
Таблица 14. Динамика числа находившихся в производстве дел по установлению личности неизвестных граждан по неопознанным трупам в России в 1990-1995 гг.....60
Таблица 15 Динамика числа лиц, пропавших без вести, находившихся в розыске и не обнаруженных в России в 1990-1995 гг..... 60
Таблица 16. Данные о числе лиц, получивших телесные повреждения и погибших насильственной смертью по данным бюро судебно–медицинской экспертизы.....61
Таблица 17. Разрешение заявлений и материалов о преступлениях.....62

Таблица 18. Динамика некоторых показателей злоупотреблений в сфере экономики по материалам комитетов народного контроля.....63
Таблица 19. Данные о размерах материального ущерба по уголовным делам о хищениях государственного и общественного имущества, направленным в суд.....63
Таблица 20. Динамика числа фактов обмана потребителя по данным Госторгинспекции РФ и правоохранительных органов в России в 1998-1999 гг.....64
Таблица 21. Данные о выявленных административных правонарушениях в сфере потребительского рынка в России в 1998-1999 годах.....64
Таблица 22. Коэффициенты преступности в разных группах стран на основе среднеарифметических данных за 1993-1996 гг. по расчетам Д.А. Ли.....70
Таблица 23. Динамика коэффициентов разных видов преступлений в союзных республиках СССР в 1980-1990 гг.....73
Таблица 24. Место регионов по коэффициентам отдельных видов зарегистрированных преступлений в России 1997—1999 г.....74
Таблица 25. Структура расходов федерального бюджета в России в 1994-1997 гг. (% в общей сумме расходов).....75
Таблица 26. Динамика числа зарегистрированных преступлений сопоставимого массива в России в 1980-1995 гг. 78
Таблица 27. Динамика зарегистрированного числа наиболее распространенных сопоставимых общеуголовных преступлений в России в 1980-1995 гг.....79
Таблица 28. Динамика зарегистрированного числа наиболее распространенных сопоставимых хозяйственно-корыстных в России в 1980-1998 годах.....79
Таблица 29. Динамика в 1994-2001 годах числа новых преступлений, ранее не совершавшихся в России.....80
Таблица 30. Коэффициенты «криминальной пораженности» и «социальной запущенности» населения по данным криминологических исследований в 1980-1988 гг. в регионах РСФСР.....87

Глава 3

Таблица 31. Движение числа подсудимых и осужденных (в тыс. человек) в России с 1857 по 1865 г. 92
Таблица 32. Движение числа осужденных в России в общих и мировых судах в 1984-1990 гг.....93
Таблица 33. Число осужденных за все уголовные преступления и проступки в России в 1899-1908 гг.....94
Таблица 34. Число осужденных общими и мировыми судами в России в 1901-1910 гг.....94
Таблица 35. Динамика наиболее опасных уголовных преступлений по окружным судам в России в 1909-1913 гг.....96
Таблица 36. Динамика населения и судимости в СССР (РСФСР) в 1922 -1960 гг.....99-100
Таблица 37. Динамика преступности по данным ЦСУ СССР, ЦСУ РСФСР и Минюста СССР по СССР и РСФСР за 1920-1940 г.г.....100
Таблица 38. Число зарегистрированных преступлений, по данным НКВД РСФСР, в 1922-1925г.(без дальневосточного края и автономных республик) .101
Таблица 39. Структура контингента осужденных в РСФСР в 1922-1925 гг...102

Таблица 40. Численность заключенных в исправительно-трудовых лагерях, колониях НКВД—МВД СССР в 1930—1940 гг. 104
Таблица 41. Численность и состав заключенных в тюрьмах СССР в 1939—1947 гг. 104
Таблица 42. Судимость в СССР во время Великой Отечественной войны.....106
Таблица 43. Общее число осужденных по видам судов в 1937—1956 гг. по СССР (данные Минюста СССР) 107
Таблица 44. Сведения о числе и коэффициентах осужденных по СССР с 1938 по 1958 гг. общими судами - без специальных судов (ф. 10 МЮ СССР).....108
Таблица 45. Динамика числа осужденных в СССР, РСФСР в 1960-1991гг. ...109
Таблица 46. Динамика количества сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, совершивших нарушения законности, в 1993-1999 г.г.....114

Глава 5

Таблица 47. Динамика интенсивности преступности в четырех группах стран мира в 1993—1996 годах по данным Д.А. Ли.....135
Таблица 48. Динамика числа зарегистрированных преступлений в бывших союзных республиках СССР — странах СНГ в 1980—1999 годах.....136
Таблица 49. Динамика общего числа зарегистрированных преступлений в СНГ в 1991—1997 гг.....136
Таблица 50. Динамика коэффициентов преступности по пятилетиям в 1961-2000 годах в России 138
Таблица 51. Прирост числа зарегистрированных преступлений в России в 1997-2000гг. по ряду новых статей УК РФ(вновь криминализированных деяний)..141
Таблица 52. Динамика зарегистрированных преступлений разной степени тяжести в России в 1997-2000 гг.....142

Глава 6

Таблица 53. Характеристика изъятого у преступников в возмещение ущерба в 1989—1992 годах в России.....147
Таблица 54. Динамика зарегистрированной корыстной преступности в России в 1986—1993 годах.....147
Таблица 55. Изменения корыстной преступности в России в 1986—1999гг.. 151
Таблица 56. Динамика числа корыстных и иных сопоставимых преступлений в 1997—1999 гг.....152
Таблица 57. Мотивы расследованных преступлений в России в 1998—2000 гг. по данным уголовной статистики.....152
Таблица 58. Наиболее частые обстоятельства, с которыми связаны преступления, встречавшиеся в личной практике опрошенных сотрудников правоохранительных органов и судей в 1998—1999 гг.....154
Таблица 59. Динамика числа отдельных преступлений, характеризующихся интеллектуальным фактором, в России в 1997-2000 гг.....156
Таблица 60. Динамика числа зарегистрированных преступлений по главам УК РСФСР и выявленных лиц, их совершивших, в России в 1985—1996 годах ..158
Таблица 61. Динамика зарегистрированной преступности против человека, его прав, свобод, законных интересов (ст. ст. 102—151 УК РСФСР) в России в 1986—1993 годах.....161
Таблица 62. Динамика зарегистрированной преступности против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (ст.ст. 102-131 УК РСФСР) в России в 1986—1996 годах.....166

Таблица 63. Динамика числа разных видов зарегистрированных преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства человека в 1986—1993 годах в России.....168
Таблица 64. Динамика числа зарегистрированных преступлений в 1993 - 1994 годах в разрезе глав Особенной части УК РСФСР с учетом изменения УК РФ) 170-171
Таблица 65. Динамика зарегистрированных преступлений в России в 1997-2001 гг. по главам УК РФ.....176-177
Таблица 66. Динамика числа и удельного веса отдельных категорий выявленных преступников в их общем числе в России в 1995- 2001 гг. 182
Таблица 67. Социальная структура контингента выявленных лиц, совершивших преступления в 2000 году в России (абсолютное число и удельный вес в общем числе выявленных преступников по данным уголовной статистики).....184
Таблица 69. Соотношение разных видов преступлений выявленных преступников разного возраста в России в 2000 году.....185
Таблица 70. Динамика преступности лиц разного пола и возраста в России в 1995—2000 годах 186
Таблица 71. Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных иностранными гражданами, лицами без гражданства и в отношении них, а также граждан России в странах СНГ и Прибалтики в 1999—2000 годах.....187

Глава 7

Таблица 72. Динамика коэффициентов преступности в обследованных регионах в 1971—1984 годах.....200
Таблица 73. Динамика зарегистрированного числа преступлений разной тяжести в 1971-1984 годах (% данных 1984 г. к 1971 г.).....202
Таблица 74. Динамика коэффициентов рецидивной преступности в обследованных регионах регионах в 1980-1984 годах.....203
Таблица 75. Данные о соотношений преступлений разной степени тяжести .205
Таблица 76. Динамика числа всех зарегистрированных преступлений и удельного веса в их числе тех преступлений, виновные в совершении которых были установлены.....206
Таблица 77. Динамика показателей, характеризующих насильственную преступность в регионах.....207
Таблица 78. Данные опросов и статистики о распространенности насильственых преступле.....207
Таблица 79. Данные 1984 года об интенсивности общеуголовной корыстной преступности (число зарегистрированных преступлений на 100 тыс. лиц с 14 лет и старше).....208
Таблица 80. Данные опроса населения и результатов разрешения жалоб, заявлений граждан.....209
Таблица 81. Интенсивность преступности в федеральных округах России в 1997—2001 годах 214
Таблица 82. Изменения интенсивности преступности в субъектах Федерации в 1986-1999 годах (Кф на 100 тыс. населения 14 лет и старше).....215-217
Таблица 83. Оценка влияния организованной преступности на криминологическую обстановку в регионах (% от числа опрошенных).....219

Таблица 84. Места регионов в их иерархии по общим показателям Кф, Кф отдельных видов преступности и коэффициенту криминальной пораженности населения в 1997—1999 годах.....220
Таблица 85. Иерархия регионов по коэффициентам отдельных видов преступности на 100 тыс. лиц с 14 лет в 1997—1999 гг. в группах регионов с разным уровнем общих коэффициентов преступности 221
Таблица 86. Регионы с наиболее высокими и низким коэффициентами потерпевших от преступлений (на 100 тыс. лиц 14 лет и старше).....222
Таблица 87. Процент опрошенных сотрудников правоохранительных органов, судей, связывавших распространенность насильственных преступлений с недостатками социального контроля в регионе.....223
Таблица 88. Динамика Кф повторной преступности в 1994—1998 гг. (преступлений лиц, ранее совершавших преступления).....224
Таблица 89. Интенсивность преступлений против человека, хищений, в сфере криминального рынка и функционирования криминальной среды в 1999 г. ...227
Таблица 90. Соотношение удельного веса разных видов преступлений в зарегистрированной преступности регионов разного типа в 1999 г. 230
Таблица 91. Самые высокие показатели Кф отдельных видов преступности в регионах в 1999 — 2000 годах.....232
Таблица 92. Изменения городской и сельской преступности в России в 1986—1999 гг..... 234

Глава 8

Таблица 93. Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных в общественных местах, в том числе в населенных пунктах, а также вне их, в России в 1994—2002 годах (число зарегистрированных преступлений указанного вида и их удельный вес в общем числе зарегистрированных, %).....236
Таблица 94 . Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершаемых в политической сфере жизни общества, и выявленных лиц, их совершавших, в России в 1997—2000 годах.....247
Таблица 95. Изменения преступности против правосудия в России в 1986-1996 гг.....253
Таблица 96. Изменения преступности против правосудия в России в 1997-2001 гг.....1 2
Таблица 97. Динамика числа разных видов нарушений законности и преступлений сотрудников органов МВД РФ в России в 1993—1997 годах.....259
Таблица 98. Незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации (ст. 312 УК РФ, ст. 185 УК РСФСР).....261

Глава 9

Таблица 99. Динамика показателей криминологического рецидива преступлений в России в 1986—2000 годах.....268
Таблица 100 Динамика коэффициентов выявленных лиц, совершивших повторные преступления в России в 1986—2000 годах.....268
Таблица 100. Динамика числа лиц, привлеченных в России в 1997—2000 годах к уголовной ответственности и совершивших повторные преступления в период следствия, нахождения в розыске.....269

Таблица 102. Динамика числа привлекавшихся к уголовной ответственности лиц, ранее совершавших преступления и освобожденных от уголовной ответственности по амнистии, в России в 1997—2000 годах..... 270
Таблица 103. Характеристика криминологического рецидива (повторной преступности) в 1986-2000 гг. в России.....272
Таблица 104. Динамика числа выявленных лиц, совершивших умышленные убийства с покушениями и ранее совершавших преступления, в том числе повторно совершивших преступления однородного состава.....274
Таблица 105 Динамика числа осужденных к смертной казни в России в 1990-1997 г.г.....274
Таблица 106. Динамика поведения разных подтипов криминогенной личности (распределение в % от общего числа представителей соответствующего подтипа)..... 279

Глава 10

Таблица 107. Динамика показателей, характеризующих организованные преступные формирования и совершаемые ими преступления, в России в 1997-1999 гг., по данным МВД РФ.....319
Таблица 108. Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных участниками организованных преступных формирований в 1997—2001 г.....320
Таблица 109. Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершаемых преимущественно на организованной основе, в России в 1997–2000 годах.....321

Глава 11

Таблица 110. Динамика числа «воров в законе», по оценке сотрудников МВД РФ.....326
Таблица 111. Динамика числа зарегистрированных конфликтных ситуаций (встреч, «стрелок», «разборок») между организованными формированиями, для разрешения которых использовалось насилие, по оценкам сотрудников правоохранительных органов.....326
Таблица 112. Динамика числа зафиксированных сотрудниками правоохранительных органов «сходок» («конференций», «съездов», «собраний») организованных преступных формирований.....347
Таблица 113. Динамика «заказных» убийств в России по экспертным оценкам.....347
Таблица 114. Динамика в России числа зарегистрированных преступлений, совершенных с применением оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ.....347
Таблица 115. Динамика числа сотрудников органов внутренних дел, раненых и погибших при исполнении служебных обязанностей в России.....347
Таблица 116. Динамика числа зарегистрированных организованных преступных формирований и числа их участников, по данным МВД РФ.....348
Таблица 117. Число расследованных преступлений в России в 1998—2000 гг., совершенных из-за раздела сфер влияния.....348

Глава 12

Таблица 118. Ответы в 1999 г. сотрудников правоохранительных органов на вопросы о долях населения, включенных в совершение преступлений, и активно стремящихся жить в рамках закона....376

Таблица 120. Ответы граждан в 2002 г. на вопрос: «Вы осуждаете, относитесь терпимо, или оправдываете действия известных Вам преступных группировок?»....381

Таблица 121. Ответы граждан в 2002 году на вопрос: «Как Вы оцениваете деятельность региональных СМИ?» 382

Глава 14

Таблица 122. Ответы на вопрос: «Если Вам приходилось давать взятку, то каким образом?» 442

Таблица 123. Ответы на вопрос: «Если Вы давали взятку, то за какие услуги?»....450

Таблица 124. Ответы на вопрос: «Что принимается в виде вознаграждения» коррумпированными служащими?»....452

Таблица 125. Ответы на вопрос: «Приходилось ли Вам в течение последнего года совершать следующие действия?»....470

Таблица 126. Ответы на вопрос: « Может ли предприниматель обойтись без того, чтобы никому ничего не платить, кроме как в предусмотренных законом случаях?»....471

Таблица 127. Динамика числа зарегистрированных преступлений с признаками коррупции в России в 1999-2001 годах.... 473

Таблица 128. Число зарегистрированных фактов посредничества во взяточничестве (ст. 174[1] УК РСФСР) в России в 1986-1996 гг....474

Глава 15

Таблица 129. Ответы на вопрос: « Фактически проявляют ли себя активно организованные преступные формирования в совершении преступлений террористической направленности и ряда других общественно опасных деяний и как это отражается в уголовных делах?».... 505

Таблица 130. Соотношение и динамика числа осужденных за преступления террористического характера по основной статье обвинения и по дополнительной квалификации в 1999—2001 годах в России....506

Таблица 131. Динамика зарегистрированного числа преступлений террористической направленности, и выявленных лиц, совершивших эти преступления в 1993 -95 гг. в России (статьи УК РСФСР)....511

Таблица 132. Динамика числа зарегистрированных преступлений террористического характера и выявленных лиц, совершивших эти преступления в 1997 -2001 годах в России (статьи УК РФ) 512

Таблица 133. Ответы на вопрос: «Не можете ли Вы охарактеризовать состав террористических формирований?» (в % от каждой категории опрошенных)....516

Таблица 134. Ответы на вопрос: «Какие основные обстоятельства лежат в основе организованного терроризма, если судить по той информации, которой Вы располагаете?» (% от общего числа каждой категории опрошенных) 518

Приложение 4

Выдержки из Программы исследования преступности террористической направленности

Общая характеристика методологии и методики исследования

Методология криминологического исследования, как и любого другого, зависит от предмета и объекта исследования, стоящих перед исследователем задач.

Если говорить в целом о методологии криминологического познания преступности террористической направленности, то оно базируется на использовании диалектико-материалистического учения. При этом принципиально важно следующее:

1. Преступность террористического характера, как и преступность вообще — отнюдь не абстракция, а реальное целостное явление, различные проявления которого системно взаимосвязаны.

Преступность террористического характера в данном исследовании понимается как массовое системное явление, проявляющее себя в виде: преступлений террористического характера (или направленности); террористической преступной деятельности; лиц, совершающих преступления; организованных преступных формирований, занимающихся организованной преступной деятельностью с использованием террора.

Все указанные проявления могут быть связаны между собой не только через общую линию детерминации, но и более непосредственно: субъектами разных террористических преступных деяний могут быть одни и те же лица либо организации; организации объединяют разных лиц и т.д.

Понятие «террористическая преступная деятельность» — это система организованных преступлений террористического характера и иных, органически связанных с ними, обеспечивающих использование терроризма в качестве способа достижения поставленных целей. Организованный характер террористической деятельности означает то, что она — результат заранее обдуманного умысла, планирования, определенной организации такой деятельности, включающей в соответствии с Федеральным законом «О борьбе с терроризмом»: 1) организацию, планирование, подготовку и реализацию террористической акции; 2) подстрекательство к террористической акции, насилию над физическими лицами или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях; 3) организацию незаконного вооруженного формирования, участие в нем, организация преступного сообщества (преступной организации)и участие в нем, организованной группы для совершения террористической акции, а равно участие в такой акции; 4) вербовку, вооружение, обучение и использование террористов; 5) финансирование заведомо террористической организации или террористической группы или иное содействие им.

К преступлениям террористического характера относятся:

- терроризм в диспозиции ст. 205 УК РФ: «1. Терроризм, то есть совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия

совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»(в ред. Федерального закона от 09.02.1999 N 26-ФЗ);

- вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению (Ст. 205[1] УК РФ — введена Федеральным законом от 24.07.2002 N 103-ФЗ);
- захват заложников (ст. 206 УК РФ);
- заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ);
- организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ);
- посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);
- нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ).

2. Преступность террористического характера рассматривается как **социальное** явление и соответственно при ее исследовании используются общенаучные методы, а также конкретно-социологические методы социальных наук. Наряду с разнообразными социальными явлениями, процессами, институтами и во взаимодействии с ними изучается человек — субъект преступления террористического характера либо террористической преступной деятельности. Но изучается не с биологических позиций, а как член общества, продукт общественного развития.

3. Учитывается, что механизм социальной детерминации преступлений террористического характера сложен и может заключаться в следующем:

- формирование под влиянием специфических социальных условий таких личностных особенностей, которые создают высокую вероятность вовлечения человека в совершение преступлений террористического характера;
- постановка людей в определенные социальные позиции и роли, криминогенные с точки зрения преступного поведения террористического характера;
- дачи человеку определенных предписаний, подкрепляемых угрозой применения санкций либо обещанием предоставления значимых для него благ.

4. Преступность террористического характера анализируется во взаимодействии, взаимозависимости с другими явлениями и процессами — в контексте общественных отношений.

Преступление террористического характера рассматривается во взаимосвязи с иными актами поведения человека, в контексте всей его деятельности.

5. Необходимо рассмотрение преступности террористического характера в разных ее проявлениях в движении и изменении, путем изучения прошлого, настоящего и прогнозирования будущего на основе познанных закономерностей.

6. Развитие криминологически значимых явлений рассматривается как процесс, в котором движение носит поступательный характер. Соответственно, не может быть простого воспроизведения того, что уже было. Количественные изменения при их накоплении, развитии переходят в качественные и порождают новые состояния преступности террористического харак-

тера, изменения поведения субъектов террора. Изложенное требует изменения подходов к борьбе с терроризмом, постоянного совершенствования борьбы с преступностью террористического характера.

7. Борьба с преступностью террористического характера, предупреждение соответствующих преступлений — это всегда одновременно устранение негативных сторон (жизни общества, характеристик личности, ее взаимодействия с социальной средой) и опора на положительные, развитие и поощрение их.

8. В криминологии, как и в других науках, важно следование правилу о совпадении начального пункта в теории с начальным пунктом на практике.

Соответственно конкретное криминологическое исследование начинается с познания и оценки преступности террористического характера.

9. Данная преступность рассматривается как продукт общества и одновременно самостоятельное специфическое явление, способное оказывать на него обратное существенное влияние. Поэтому важно выделять социальные явления, участвовавшие в детерминации преступности террористического характера, а также те, которые явились ее следствием. Последние способны определять негативное развитие и общества, и терроризма.

10. Преступность террористического характера, как и преступность вообще, относительно устойчива и не трансформируется одномоментно с изменением общества. При анализе детерминации и причинности преступности террористического характера надо быть готовыми увидеть влияние не только сегодняшних характеристик общественных отношений, но и прошлых, отпечатавшихся в сознании людей, их традициях, интересах, стереотипах поведения.

С этой точки зрения терроризм может служить одним из способов сохранения прежних обычаев, стереотипов поведения в условиях угрозы (мнимой или действительной) их существованию.

11. Признавая базовый характер социально-экономической детерминации преступности, следует одновременно учитывать, что преступности не существует вне поведения людей, наделенных сознанием и волей, их взаимодействия между собой. Поэтому крайне важны как социально-экономические, политические, так и социально-психологические аспекты криминальных явлений террористического характера, касающиеся как характеристик личности, так и общественного сознания[1].

В процессе настоящего исследования предполагается применение в совокупности общенаучных и конкретно-социологических методов познания.

1) Общенаучные методы познания:

- *Восхождение от абстрактного к конкретному*, что предполагает изучение результатов проведенных исследований, опубликованных по проблеме работ.
- *Использование гипотез,* дающих направление исследовательскому поиску и подлежащих проверке на всех этапах исследования. Имеется в виду, что

---

[1]См.: *Яковлев А. М.*. Преступность и социальная психология. М., 1971; *Долгова А. И.* Социально-психологические аспекты преступности несовершеннолетних. М.,1980 и др.

гипотеза – это обоснованное предположение, заслуживающее затраты времени и усилий на его проверку.

• *Системно-структурный анализ* (системный подход) — рассмотрение терроризма, с одной стороны, в рамках более глобальных по отношению к нему систем (преступности, общества), с другой – как сложного системно-структурного явления. Преступность террористического характера предполагается исследовать как явление, производное от характеристик общества, взаимосвязанное с иными криминальными явлениями, а также одновременно как такой феномен, который способен оказывать обратное влияние на разные криминальные явления, социальные сферы и общество в целом.

• *Исторический метод* — анализ особенностей терроризма в России и реагирования на него в XIII—XX веках, более углубленно — в Северо-Кавказском регионе.

• *Сравнение.* При использовании метода сходства устанавливаются повторяющиеся характеристики преступности террористического характера в разных сферах жизни общества, регионах, в разные периоды, а при использовании метода различия — те характеристики, которые специфичны для преступности террористического характера в разных условиях места и времени, при различных состояниях общества. Такого рода материал также служит базой для выдвижения и проверки гипотез о причинной зависимости преступности от конкретных условий среды.

• *Динамические и статистические методы,* позволяющие выявлять закономерности развития (динамические закономерности), а также общие статистические закономерности, основанные на действии закона больших чисел. В частности, должны быть проанализированы данные уголовной и судебной статистики, оперативных учетов различных проявлений преступности террористической направленности за длительный период. Желательно, с 1997 г. – времени вступления в действие нового УК РФ.

2) ***Конкретно-социологические методы:***

• *Изучение документов* (в том числе материалов уголовных дел, приговоров, надзорных производств, аналитических справок, материалов СМИ, нормативно-правовых актов и других документов).

• *Опросы в форме анкетирования и интервью.* Опрос населения, экспертов — сотрудников правоохранительных органов, спецслужб, судей, а также осужденных. Пилотажный этап исследований показал высокую информативность интервьюирования экспертов и части осужденных.

• *Наблюдение.* Оно предполагается как опосредованное, осуществляемое при содействии сотрудников прокуратуры и других правоохранительных органов, спецслужб, сотрудников СМИ, участвовавших в боевых действиях или лично наблюдавших криминальные ситуации и практику контртеррористической деятельности.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....3

Глава 1. Преступность и ее проявления
§ 1. Преступность как криминологическая проблема.....6
§ 2. Преступность — это множество, масса, совокупность преступлений.....13
§ 3. Преступность, преступления, преступники.....18
§ 5. Потерпевшие от преступлений: всегда ли только жертвы?.....25
§ 6. Многообразие проявлений преступности и их отражение в статистике.....30

Глава 2. Преступность статистическая и преступность фактическая
§ 1. Проблема латентности преступности.....35
§ 2. Велики ли размеры латентности преступности?.....54
§ 3. Как относиться к сравнительным криминологическим иследованиям в разных государствах и регионах?.....68
§ 4. Статистические истины или криминологические мифы?.....83

Глава 3. Статистические данные о преступности в России в XIX — XX веках и проблемы их оценки
§ 1. Проблема ретроспективной оценки преступности.....90
§ 2. Преступность в Российской империи по данным статистики..92
§ 3. Отражение в статистике преступности в России двадцатых — пятидесятых годов XX века.....97
§ 4. Общая характеристика динамики преступности в 1961—2000 годах по данным статистики.....109

Глава 4. Характеристики преступности
§ 1. Качественные и количественные характеристики преступности как специфического социального явления.....118
§ 2. Внешние и внутренние характеристики преступности.....130

Глава 5. Общая распространенность и общественная опасность преступности, их характеристики в России
§ 1. Изучение общей распространенности преступностии и ее оценка в России.....134
§ 2. Общественная опасность преступности.....142

Глава 6. Мотивационная характеристика, социальная направленность и социально-групповая распространенность преступности в России
§ 1. Мотивационная характеристика преступности..... 146
§ 2. Социальная направленность преступности.....156
§ 3. Социально-групповая распространенность преступности.....180

Глава 7. Социально-территориальная распространенность преступности в России и проблемы ее изучения
§ 1. Изучение социально-территориальной распространенности преступности.....194
§ 2. Социально-территориальные различия преступности в России в восьмидесятых годах XX века.....195
§ 3. Криминологическая типология регионов.....211
§ 4. Общая характеристика различий преступности и их динамики в субъектах Российской Федерации и федеральных округах в 1997—2000 годах..... ... 213
§ 5. Особенности преступности в регионах, выделяемых по общим социальным характеристикам.....231

Глава 8. Преступность на разных объектах и в различных сферах деятельности
§ 1. Социально- объектная характеристика преступности.....235
§ 2. Проблема выделения преступности в разных сферах жизнедеятельности.....239
§ 3. Преступность в политической сфере жизнедеятельности общества..... 244
§ 4. Преступность в сфере борьбы с преступностью..... ...251

Глава 9. Устойчивость и активность преступности
§ 1. Устойчивость преступности.....266
§ 2. Активность преступности.....281

Глава 10. Организованность преступности и ее проявления
§ 1. Организованность преступности и ее основные проявления...283
§ 2. Организованная преступная деятельность.....285
§ 3. Организованные преступные формирования, их виды и типы.....297
§ 4. Организованные преступные формирования и их преступления в России.....315

. .Глава 11. Организованная преступность
§ 1. Подходы отечественных и зарубежных авторов к пониманию организованной преступности.....324
§ 2. Международно-правовые определения и политический аспект организованной преступности,.....334
§ 3. Организованная преступность как специфический криминальный феномен и его проявления.....343
§ 4. Виды взаимосвязей организованных преступных формирований и преступное сообщество «воры в законе».....351

Глава 12. Криминальное общество
§ 1. «Криминальное общество» и его структуризация организованной преступностью.....370
§ 2. Криминализация реформируемого российского общества....384
§ 3. Идеология реформ как отражение криминализации общества и ее катализатор..... 395

Глава 13. Генезис эскалации криминального общества и проблемы глобализации
§ 1. Генезис эскалации криминального общества в России..... .407
§ 2. Проблемы глобализации криминального общества..... 427

Глава 14. Коррупция, преступность и криминальное общество
§ 1. Понятие коррупции и организованная коррупция 439
§ 2. Развитие коррупции в реформируемой России..... 455
§ 3. Детерминация, причинность коррупции и их учет при разработке стратегии борьбы с ней..... ..474

Глава 15. Терроризм, преступность и криминальное общество
§ 1. Определения терроризма и его специфика 486
§ 2. Мотивация и уголовно-правовая оценка преступлений террористического характера..... 500
§ 3. Организованный терроризм и криминальное общество..... 503
§ 4. Развитие терроризма в реформируемой России..... 510
§ 5. Терроризм и агрессия..... 519
§ 6. Борьба с терроризмом, права человека и закон..... 523

Вместо заключения или как реагировать на преступность?.....533

Приложение 1. Динамика общего числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц в России в 1986—1996 годах в разрезе всех глав Особенной части УК РСФСР..... 544

Приложение 2. Динамика числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц в России в 1997—2001 годах в разрезе всех статей Особенной части УК РФ.....546

Приложение 3. Включенные в книгу аналитические таблицы, отражающие статистические данные и результаты опросов.....561

Приложение 4. Выдержки из Программы исследования преступности террористической направленности.....568

РОССИЙСКАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
реализует литературу по актуальным проблемам борьбы с преступностью:

Организованный терроризм и организованная преступность. М., 2002.
Проблемы правовой и криминологической культуры борьбы с преступностью. М., 2002.
Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М., 2002
Организованная преступность, миграция, политика. М., 2002.
А.Н. Сухаренко «Российская»организованная преступность в США». М. 2002.
Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001.
Организованная преступность - 4. М., 1998;
Организованная преступность - 2. М., 1993;
Преступность, статистика, закон. М., 1997.

Обращаться по адресу: Адрес: 123022 Москва, 2-я Звенигородская, д. 15.
Тел. (095) 256-61-21. Факс (095) 497-30-03, 256-54-63.
E-mail: crim.dol@ mtu-net.ru

Сведения об авторе:

Долгова Азалия Ивановна — доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РСФСР, Президент Российской криминологической ассоциации. Работала в органах прокуратуры следователем, помощником прокурора района, города, области, затем перешла на научную работу. Длительное время возглавляла отдел общих проблем криминологии и борьбы с преступностью Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, позднее переименованного в Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка. В настоящее время руководит отделом проблем борьбы с организованной преступностью и терроризмом данного института. А.И. Долгова — автор более двухсот работ, в том числе учебников по криминологии, монографий, ответственный редактор и один из авторов Российской криминологической энциклопедии. В 1993—2002 годах возглавляла межведомственные рабочие группы по разработке Федеральных законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», является автором опубликованного законопроекта «О криминологической экспертизе».

Преступность, ее организованность и криминальное общество

Редактор: В.М. Рыбкин

Лицензия -- серия ИД № 00624 от 22 декабря 1999 г. (код 222).

Сдано в набор 5 декабря 2002 г. Подписано в печать 26 января 2003 г. Формат 60x90 1/16, объем 36 п.л. Тираж 1000 экз.

Заказ 3144—03

Отпечатано с оригинал-макета в 12 ЦТ МО
119019, г. Москва, Староваганьковский пер., д. 17